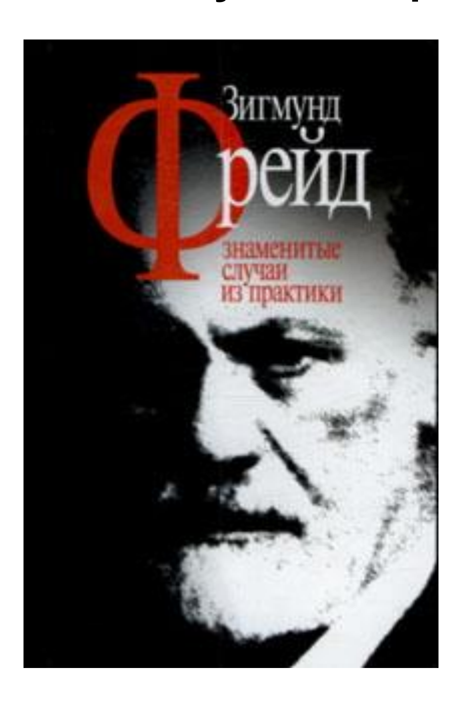
Зигмунд Фрейд
Знаменитые случаи из практики

«Зигмунд Фрейд: Знаменитые случаи из практики»: Когито-Центр; 2007
ISBN 5-89353-219-8

Аннотация

В книге собраны описания шести самых известных терапевтических случаев, к которым имел отношение З. Фрейд. Изложение драматических обстоятельств жизни и хода лечения пациентов, прокомментированное творцом новой науки, и по сей день служит незаменимым пособием по изучению основ психоанализа. Книга будет интересна как специалистам-психологам, так и широкому кругу читателей.

Предисловие

В настоящее время ученые, изучающие научное и творческое наследие Фрейда, располагают непосредственной информацией о 43 пациентах, которые проходили анализ у Фрейда. Вклад, который внесло описание этих случаев в развитие психоаналитической теории, разумеется, неравноценен. Благодаря одним из них были открыты такие феномены терапевтического процесса, как перенос и контрперенос, негативная терапевтическая реакция и др., легшие в основу важнейших теоретических постулатов Фрейда; другие скорее представляют собой наглядные иллюстрации к его теоретическим положениям. Как бы то ни было, все эти случаи служили фактическим материалом, позволявшим Фрейду со всей убежденностью отстаивать свою теорию и не пребывать в состоянии неуверенности и неопределенности от умозрительных рассуждений.

Среди случаев, к которым в той или иной степени имел отношение Фрейд, особняком стоят шесть, включенных в этот том. Собственно говоря, только три из них касаются непосредственной терапевтической работы самого Фрейда — случаи Доры, Вольфсманна и Раттенманна ("человека-волка" и "человека-крысы", как называют этих пациентов иные авторы, не особо задумываясь над тем, насколько некорректно, оскорбительно и даже абсурдно звучат эти имена). К трем другим случаям — Анны О., "маленького Ганса" и

Шребера — Фрейд имел косвенное отношение: лечением Анны О. занимался старший коллега Фрейда Й. Брейер, лечением "маленького Ганса" — отец мальчика, ученик Фрейда, а анализ случая Шребера был проведен на основе мемуаров больного.

Случай Анны О., который справедливо признан первым шагом, сделанным на пути развития психоанализа, и по сей день продолжает привлекать внимание разных авторов — как ортодоксальных психоаналитиков, так и представителей современных направлений в психоанализе. Новые и неожиданные подходы к толкованию этого случая читатель сможет найти у Саммерса (1999), Толпина (1993), Хиршмюллера (1989) и др.

Наверное, нет надобности подробно останавливаться на случаях, описание которых включено в эту книгу. Всю необходимую информацию читатель найдет в предварительных замечаниях к каждой главе, а также в статье Мартина Гротьяна, в которой рассказывается о дальнейшей судьбе пациентов.

Рассматривая эти работы с современных позиций, мы видим, что далеко не все в подходе Фрейда к анализу является верным. Мы замечаем, что наряду с совершенно удивительными озарениями присутствует тенденция втискивать полученный материал в заготовленные схемы. Мы отдаем себе отчет в том, что многочисленные трактовки, которые для Фрейда не подлежат сомнению, сейчас устарели и едва ли отвечают действительности. Все это так. Но не будем забывать, что в то время это был неизведанный путь, по которому нередко приходилось пробираться на ощупь. И мы можем быть лишь благодарны основателю психоанализа за то, что он отважился пойти этим путем и обогатил нас множеством знаний о движущих силах и внутренних конфликтах человеческой психики.

Самый известный среди психоаналитиков случай — случай Анны О. Псевдоним Анна О. был дан Берте Паппенгейм (1859-1936), заболевшей во время ухода за больным кавернозным туберкулезом отцом. "Разоблачил" пациентку Э. Джонс, автор знаменитой трехтомной биографии Фрейда (1953). О лечении пациентки Фрейд узнал от Брейера через несколько месяцев после его завершения (1882, ноябрь). Фрейда настолько увлекла история ее болезни, что он не мог понять, почему Брейер не желает ее опубликовать, как и рассказать о созданном новом методе лечения — "катартической психотерапии". И только спустя год Брейер откровенно признался молодому коллеге, что он столь сильно был вовлечен в лечение Анны О., что вызвал ревность жены. Ему пришлось сказать пациентке, что навсегда прерывает лечение. Вечером этого же дня его срочно вызвали к пациентке, лежавшей в "родовых схватках" от ложной беременности и выкрикивающей: "На свет появится ребенок доктора Брейера!" Брейер погрузил пациентку в гипнотическое состояние и попытался успокоить, а на следующий день вместе с женой уехал в Венецию. В том же самом году, через месяц после завершения лечения Брейером состояние пациентки ухудшилось настолько, что ее вынуждены были поместить для стационарного лечения в знаменитый нервный санаторий "Бельвью" в Кройцлингене на Боденском озере, где она находилась с середины июля до конца октября 1882 года. Там Анну О. лечили от различных соматических симптомов (в том числе и от невралгии тройничного нерва), причем для этого использовали большие дозы морфия. По вечерам она теряла способность говорить по-немецки и переходила на английский или французский язык. В письме Стефану Цвейгу Фрейд писал: "Что на самом деле произошло с пациенткой Брейера, мне удалось разгадать только много лет спустя после нашего с ним разрыва... При последней встрече с пациенткой у него в руках был ключ, которым он мог открыть дверь к тайнам жизни, но он позволил ему выпасть. При всей духовной одаренности у Брейера не оказалось в характере ничего от Фауста. Ужаснувшись содеянному, он спасся бегством, предоставив попечение за больной одному из своих коллег" (Freud S. Briefe 1873-1939. Frankfurt a. M., 1968, S. 427). И этим еще дело не закончилось, как пишет Джонс в первом томе биографии Фрейда: "Спустя примерно десять лет уже в то время, когда Фрейд лечил пациентов в сотрудничестве с Брейером, последний пригласил Фрейда посмотреть его другую истерическую пациентку. Перед тем как отправиться к ней, Брейер подробно описал ее симптомы, после чего Фрейд сказал, что это очень типично для воображаемой (ложной) беременности. Такое повторение прежней

ситуации Брейеру было трудно перенести. Не сказав ни слова, он взял свою шляпу с тростью и быстро покинул Фрейда" (Jones E. Das Leben und Werk von Sigmund Freud. Bern, 1960. S. 269). Какое-то время Анна О. злоупотребляла морфием. Позже, обходясь без какой-либо врачебной помощи, полностью посвятила себя общественной деятельности. Она была довольно известна как борец за эмансипацию женщин, прежде всего евреек. Знаменитый еврейский философ Мартин Бубер (1878-1965) как-то сказал: "Есть люди духа, есть люди страсти, и тех, и других не так-то уж часто можно встретить, но еще большей редкостью являются люди, объединяющие в себе дух и страсть. Вот таким человеком страстного духа и была Берта Паппенгейм" (1939). На свои личные сбережения она основывает "Приют для девушек, подвергшихся насилию, и для внебрачных детей". Попечение за несчастными детьми сполна замещает ей отсутствие своих собственных детей. Но воспоминания о проведенном катартическом лечении продолжают преследовать ее и позднее, она строго-настрого запрещает любой вид психоаналитического лечения людей, находящихся в основываемых ею заведениях. О том, что Берта Паппенгейм в течение всей своей жизни относилась с "враждебностью к анализу", вспоминает и Анна Фрейд (см. статью "Эпизоды из жизни Берты Паппенгейм (Анны О.)", опубликованную Берндом Ницшке в ведущем немецком психоаналитическом журнале "Psyche" [1990]. S. 819). Сама же Берта Паппенгейм говорит о психоанализе следующее: "Психоанализ в руках врача — то же самое, что исповедь в руках католического священника; только от их личности и искусства владения своим методом будет зависеть то, окажется ли их инструмент добром или обоюдоострым мечом" (см. сборник под редакцией D. Edinger, Bertha Pappenheim. Leben u. Schriften. Frankfurt a. M., 1963. S. 12-13). А свою общую жизненную позицию Анна О. описывала следующим образом: "Каждый, независимо от того, мужчина он или женщина, должен делать то, что он должен делать, используя то свою силу, то свою слабость". Для Фрейда понимание мощи переноса и контрпереноса, обнаруживающихся в этой истории болезни, стало отправным пунктом на пути перехода от катартической терапии к психоанализу. В некрологе на смерть Брейера (1925) Фрейд писал: "Брейер столкнулся с неизбежно существующим переносом пациентки на врача и не смог понять внеличностную природу этого феномена". Приняв чувства переноса за реальные чувства пациентки Брейер ответил на них массивной реакцией бессознательного контрпереноса, которая и спустя годы не позволяла ему признать сексуальную природу симптомов Анны О., Брейер в письме, датированном 21 ноября 1907 года, пишет знаменитому психиатру Августу Форелю: "Должен тебе признаться, мой вкус претит мне погружаться в область сексуальности как в теории, так и на практике. Но при чем тут мой вкус и мои ощущения, если дело касается истины, обнаружения того, с чем на самом деле мы встречаемся. Случай Анны О. доказывает, что достаточно тяжелый случай истерии может возникнуть, сохраняться и устраняться без того, чтобы какую-либо роль в нем играли сексуальные элементы. Моя заслуга состоит в основном в том, что я догадался понять, что судьба послала мне в руки необычайно поучительный, важный для науки случай, который мне удалось внимательно и в течение довольно продолжительного времени наблюдать, причем не нарушая его простого и естественного течения каким-либо предвзятым подходом. Тогда я очень многому научился, я узнал много удивительно ценного для науки. Но я узнал и то, на что необходимо обращать первоочередное внимание в практической деятельности. Для частнопрактикующего врача-терапевта невозможно заниматься лечением подобных случаев без того, чтобы полностью не разрушить свою деятельность и жизненный уклад. Я хвалю себя за принятое мною тогда решение не допускать больше подобных нечеловеческих испытаний. Если у меня появлялись пациенты, у которых были прекрасные показания для аналитического лечения, которых я сам лечить не мог, то я направлял их к доктору Фрейду, который приобрел богатый практический опыт в Париже и Сальпетриере, к доктору, с которым я находился в самых дружеских отношениях, а также в плодотворных научных контактах" (1907).

А.Боковиков

Фройляйн Анна О.   Д. Брейер

Анна О., которой к началу заболевания (1880) был 21 год, была по-видимому наследственно отягощена невропатологическими заболеваниями, теми психозами, которые иногда появляются в больших семьях; хотя родители её в этом отношении здоровы. Раньше больная всегда была здоровой, без каких-либо признаков нервности за весь период развития; с очень высоким интеллектом, поразительным даром на разного рода выдумки и глубокой интуицией; её удивительные логические способности могли перерабатывать солидную духовную пищу, они попросту говоря нуждались в таковой, но после окончания школы она перестала её получать. Богатая поэтическая одарённость и склонность фантазировать находились под контролем присущего ей очень острого и критичного рассудка. Именно он-то и делал Анну О. совершенно недоступной к внушениям; только логические аргументы могли оказывать на неё влияние, а любые убеждения были бесполезны. Воля её была крепкой, Анна О. отличалась большой выдержкой и выносливостью, по временам даже доходящим до упрямства. От своей цели она отказывалась только из желания получить одобрение других.

В характере её обращали на себя внимание доброта и милосердие. Постоянно проявляемая ею забота и уход за бедными и больными послужили на пользу и ей самой во время её болезни. Состраданием к бедам других Анна О. удовлетворяла одну из своих самых больших потребностей. - Её настроениям всегда была присуща некоторая склонность к чрезмерности, веселье и грусть соединялись вместе. А отсюда и присущая ей небольшая капризность. Поражало полное отсутствие каких-либо сексуальных интересов; больная, в жизни которой я был настолько хорошо осведомлён, как вряд ли это было доступно кому другому, никогда не испытывала в жизни любви; в громадном количестве её галлюцинаций так ни разу и не всплыл сексуальный элемент душевной жизни.

Фройляйн Анна О., несмотря на переполнявшую её духовную жажду, вела в пуританской семье родителей необычайно монотонную жизнь, которую девушка умудрялась скрасить особым образом, по-видимому, вообще, характерным для её болезни. Анна О. систематически отдавалась сновидениям наяву, которые она называла личным «частным театром». В то время как окружающие люди считали, что она участвует в разговоре, она на самом деле жила духом своей сказочной мечты. Правда, когда бы только её не окликали, Анна О. всегда легко отзывалась, так что никто не подозревал о том, что с нею происходило. Наряду с занятием домашним бытом, что она делала всегда безупречно, незаметно и почти непрерывно протекала её духовная деятельность в виде неустанного фантазирования. Немного позже я сообщу о том, каким образом её привычные здоровые грёзы перешли в патологические.

Течение болезни распадается на несколько легко выделяемых фаз; таковыми будут следующие:

А) Латентный инкубационный период, время зарождения болезни; он занял примерно полгода, с середины 1880 до приблизительно 10 декабря. Своеобразие излагаемого клинического случая предоставило возможность такого глубокого рассмотрения этой фазы, обычно лишённой нашего понимания, что уже только из-за одного этого случай Анны О. заслуживает нашего пристального внимания. Чуть позже я подробно изложу эту часть истории болезни.

В) Проявившееся (манифестное) заболевание выдало себя особого рода психозом, парафазией (паралалией), конвергентным страбизмом (косоглазием), тяжёлыми расстройствами зрения, контрактурами-параличами, полностью захватившими правую верхнюю и обе нижние конечности, а частично ещё и левую верхнюю, парезом (ослаблением двигательных функций) затылочных мышц. Постепенное уменьшение контрактуры правосторонних конечностей. Некоторое улучшение, прерванное пережитой в апреле

тяжёлой психической травмой в результате смерти отца. За этой фазой следует

C) Период продолжительного сомнамбулизма, позднее начавшего чередоваться с нормальным состоянием сознания. Сохранение симптомов до декабря 1881 года.

D) Постепенное исчезновение указанных патологических состояний и феноменов (период длившийся до июня 1882 года).

В июне 1880 года заболевает отец пациентки, которого она страстно любила. Его не смогли вылечить от периплевритного абсцесса и в апреле 1881 года он умер. В течении первых месяцев болезни отца Анна О. со всей энергией своего молодого организма отдалась уходу за больным. Никого не удивляло, что с каждым днём девушка всё больше и больше измучивала себя. Никто, да возможно и сама больная, не догадывался о том, что происходило в ней. Но постепенно её состояние слабости, анемии, отвращения к пище стали настолько болезненными и заметными, что пациентку были вынуждены удалить от ухода за отцом. Непосредственным поводом обращения ко мне был очень сильный кашель, в результате жалоб на который я и исследовал её впервые. Это был типичный нервный тусис. Вскоре у больной появилась выраженная потребность отдыхать в послеобеденное время, а по вечерам её стало одолевать схожее со сном состояние, к которому чуть позже присоединилось сильное беспокойство.

Вначале декабря возник конвергентный страбизм. Врач-окулист объяснил это (по ошибке) парезом отводящей мышцы. 11 декабря пациентка слегла в постель и оставалась там до 1 апреля.

Быстро сменяя друг друга появлялось и исчезало, причём по-видимому впервые в жизни больной, множество тяжёлых расстройств.

Левосторонняя боль в затылке; из-за беспокойства стал гораздо более выраженным конвергентный страбизм (диплопия - двоение изображения); жалобы на то, что на неё могут обрушиться стены (страх наклонённых пространств). Трудно диагностируемые расстройства зрения; парез передних шейных мышц, так что под конец голову можно было двигать лишь посредством того, что пациентка сдавливала её между приподнятыми плечами и уже тогда передвигала голову вместе со всем туловищем. Контрактура (ограничение подвижности) и анестезия верхней правой конечности, а спустя некоторое время и левой; возникает ощущение, что правая конечность вытягивается, становясь прямой и словно бы приковывается к телу, несколько выворачиваясь вовнутрь; позднее подобное происходит с левой нижней конечностью, а затем с левой рукой, правда, пальцы её всё ещё до некоторой степени продолжают сохранять подвижность. Да и плечевые суставы не были полностью обездвижены. Максимально выраженная контрактура была в мышцах предплечья, а когда позднее мы смогли поточнее выявить зоны нечувствительности, наиболее нечувствительным оказался у пациентки район локтя. Вначале болезни нам не удавалось достаточно точно выявить участки, лишённые кожной чувствительности. Это было связано с сопротивлением больной, вызванным имевшимися у неё страхами.

Вот в таком состоянии больной я принялся за лечение. Вскоре мне пришлось убедиться в наличии у неё явно выраженных изменённых психических состояний. У пациентки существовало два совершенно разных состояния сознания, довольно часто и совершенно непредсказуемо сменявших друг друга; в ходе болезни эти состояния всё больше расходились друг от друга. В одном из них пациентка могла довольно хорошо ориентироваться в своём окружении, была печальна и боязлива, короче говоря, оставалась относительно нормальной; а в другом состоянии она испытывала галлюцинации, была «невоспитанна», т. е. ругалась, бросалась подушками в людей, поскольку и когда бы ни позволяли ей это сделать контрактуры, ещё способными двигаться пальцами отрывала кнопки с белья и покрывал, и делала много чего подобного. Если во время этой фазы в комнате происходили какие-либо изменения, кто-нибудь входил или выходил, то она жаловалась на то, что у неё нет времени, тогда в её сознательных представлениях обнаруживались провалы памяти. Так как на все её жалобы окружающие пытались отвечать успокаивающим обманом, говоря, что у неё всё в полном порядке, то за каждым метанием

подушек и прочими подобными действиями следовали новые жалобы, что ей умышленно наносят вред, оставляя её в таком смятенном состоянии и т. д.

Эти абсансы (периоды кратковременного отсутствия сознания) наблюдались ещё до того, как она слегла в постель; в такие моменты речь её прерывалась на середине фразы, она повторяла последнее сказанное ею слово, чтобы спустя короткое время опять продолжать прерванную ею речь . Постепенно состояние больной больше и больше начинало походить на описанную нами картину её состояния. Во времена обострения болезни, когда контрактура захватывала и левую сторону, в течении всего дня она лишь на короткое время в какой-то мере становилась нормальной. Но и в эти моменты относительно ясного сознания она не была полностью избавлена от расстройств; молниеносные смены настроения из одной крайности в другую, мимолётная весёлость, обычно нелегко переносимые состояния сильной тревоги, упорное сопротивление по отношению к любым терапевтическим мероприятиям, видение страшных галлюцинаций, в которых царили чёрные змеи, их она видела в своих волосах, на шнурках и т. п. И при этом она ещё умудрялась успокаивать себя, что нельзя же быть до такой степени глупой, что это всего-навсего её волосы и т. д. В периоды совершенно ясного сознания она жаловалась на полный мрак в голове, на то, что она не способна думать, что вскоре станет слепой и глухой, что в её душе присутствуют два Я, Я истинное и Я другое, плохое, принуждающее её совершать что-то злое и т. д.

После обеда она находилась в сомноленции (патологическом состоянии сонливости), обычно заканчивавшейся только спустя примерно час после захода солнца, тогда пациентка просыпалась, жаловалась на то, что её что-то мучает, но чаще всего она просто монотонно повторяла один и тот же глагол: мучить, мучить...

Одновременно с появлением контрактур наступила глубокая, функциональная дезорганизация речи. Вначале было заметно, что больной явно не хватает запаса слов, постепенно это становилось всё более очевидным. Её речь начинала терять грамматическую стройность, искажались синтаксические конструкции, появлялись ошибки, связанные со спряжением глаголов, а под конец Анна О. вообще перешла к использованию одной-единственной формы - неопределённой формы глагола (инфинитива), причём, естественно, делала она это с ошибками, а уж об артиклях* [*в немецком языке все имена существительные обычно употребляются вместе с дополнительным служебным словом - артиклем, обозначающим их род (мужской, средний, женский) [дэр, ди, дас]] так и говорить не стоит. В ходе дальнейшего развития заболевания пациентка стала почти целиком забывать слова. Она с огромными усилиями пыталась сконструировать предложение, привлекая на помощь четыре-пять разных языков, так что теперь её вряд ли можно было понять. И даже когда она пыталась передать свои мысли письменно (если этому не мешала контрактура), она использовала тот же самый не перевариваемый жаргон. Две недели подряд у неё сохранялся мутизм* [*от латинского mutismus, обозначающего немоту, онемение. В психиатрии под мутизмом принято понимать отказ говорить при определённых психических заболеваниях. По-видимому, Брейер вкладывает в это понятие особый смысл], и как не пыталась она произнести хотя бы одно слово, из уст её не раздавалось ни единого звука. Именно тогда и стал мне впервые понятен психический механизм её расстройства. Насколько я смог выяснить, она была чем-то обижена и в отместку решила молчать. Когда я это разгадал и мне удалось разговорить пациентку, то сразу была устранена помеха, которая прежде делала невозможной для неё речь.

По времени это совпало с возвратившейся подвижностью в левосторонних конечностях (март 1881 года). Парафазия отступила, но теперь она говорила только по-английски, по-видимому и сама не догадываясь о том, что говорит на иностранном языке; она бранилась с сиделкой, которая, конечно же, не понимала ни слова из того что произносила больная; лишь спустя несколько месяцев мне удалось донести до неё то, что она говорит по-английски. Хотя сама Анна О. каким-то образом умудрялась понимать своё окружение, говорящее на родном языке. И только в моменты испытываемого ею сильного страха, речь полностью пропадала или же становилась совершенно непонятной из-за смешения совершенно разных

идиом. В наиболее приятные для себя часы Анна О. говорила по-французски или по-итальянски. Но находясь в одном из этих состояний (когда она говорила на этих языках или на английском), она ничего не могла вспомнить из родного языка, о котором у неё была полная амнезия. Постепенно уменьшился страбизм, ставший появляться лишь в минуты особенно большого волнения, мышцы вновь стали послушны пациентке. 1 апреля Анна О. впервые за долгое время оставила постель.

И тут 5 апреля умирает обожаемый ею отец, которого за всё время своей болезни она могла видеть только изредка, да и то на короткие мгновенья. Из всех существующих на свете потрясений, смерть отца была для Анны О. самой ужасной. Первоначально неистовое возбуждение сменилось глубоким ступором (состояние психической и двигательной заторможенности), который длился около двух дней; из него она вышла совершенно другим существом. Анна О. выглядела намного более спокойной чем обычно, её тревожность заметно ослабла. Контрактура правой руки и ноги не исчезла, также как и не пропала незначительно выраженная потеря чувствительности в этих членах. Поле зрения было значительно сужено. Из всего спектра цветов, которые приводили её в удивительно радостное настроение, она способна была одновременно воспринимать только по одному цвету. Пациентка жаловалась, что не узнаёт людей. Обычно же она легко запоминала лица, для чего ей не требовалось никаких усилий. Сейчас ей приходилось прибегать к очень хлопотливой «recognising work» (в переводе с английского «работа по узнаванию»), говоря самой себе примерно следующее, да, нос у него такой, волосы такие, следовательно это должен быть господин такой-то. Все люди превратились для неё в какое-то подобие восковых фигур, не имеющих к ней никакого отношения. Присутствие некоторых близких родственников стало для неё необычайно мучительным, к тому же этот «негативный инстинкт» разрастался всё больше и больше. Если в комнате появлялся кто-то из тех людей, кого Анна О. раньше встречала с огромной радостью, то теперь она разделяла с ним общество лишь на короткое время, чтобы затем опять погрузиться в свои раздумья, а присутствующий человек для неё исчезал. И только меня она никогда не теряла из своего поля зрения. Когда бы я ни появился, она неизменно проявляла ко мне участие, сразу становясь оживлённой при моём обращении. Правда, при совершенно неожиданно появлявшихся галлюцинаторных абсансах этот контакт прерывался.

Теперь Анна О. говорила только по-английски и уже ничего не понимала из того, что ей говорили на родном (немецком) языке. Всё её окружение должно было изъясняться на английском и даже сиделки в какой -то мере научились с этим справляться. Но читала пациентка только французские и итальянские книги, а когда какое-либо место ей нужно было прочитать вслух, то делала она это с вызывающей восхищение лёгкостью и свободой, это был удивительно точный перевод прочитанного с листа на английский язык.

Она опять начала писать, но делала это на особый манер. Она писала сохранявшей подвижность левой рукой, выискивая в имеющемся у неё издании Шекспира антикварные типографские буквы.

Если ранее Анна О. ещё принимала хотя бы минимальное количество пищи, то теперь она полностью отвергала любую пищу, позволяя мне кормить себя, так что не смотря ни на что она быстро набирала вес. И лишь хлеб она категорически отказывалась есть. После кормления Анна О. никогда не забывала умыть рот, причём делала она это даже тогда, когда по какой-либо причине ничего не ела; это было знаком того, насколько безразличен для неё был сам процесс еды.

Сомноленция после обеда и глубокий ступор после заката солнца продолжали сохраняться и далее. А когда пациентка была способна высказываться (я ещё буду говорить подробнее об этом), то её сознание становилось ясным, сама она - спокойной и весёлой.

Но это относительно сносное состояние продолжалось не особенно долго. Спустя примерно 10 дней после смерти отца к пациентке был приглашён врач-консультант. Во время моего рассказа об особенностях её состояния она полностью игнорировала присутствие консультанта, поступая с ним так, как это делала со всеми незнакомыми ей

людьми. «That's like an examination» (это словно зкзамен), сказала она смеясь, после того как я попросил её прочесть нам французский текст на английском языке. Попытался вмешаться и приглашённый врач, желая обратить на себя её внимание, чтобы она наконец-то заметила его, но все наши усилия были напрасны. Это (не замечание присутствия другого человека) была поистине «негативная галлюцинация», которую можно было легко воспроизводить в любое время. Наконец врачу удалось сломить ход событий, пустив пациентке в лицо целый столб дыма от сигары. Внезапно Анна О. увидела перед собой чужого человека, она ринулась к двери, чтобы вытащить ключ и без чувств упала на пол; а далее последовал небольшой гневный взрыв, который сменил приступ страха и лишь с большим трудом мне удалось устранить у пациентки её тревогу. К несчастью, я должен был уезжать в тот же самый вечер, а когда вернулся через несколько дней, то состояние больной стало намного хуже. Всё это время она соблюдала пост, испытывая постоянную тревогу. У неё было множество галлюцинаторных асбансов с ужасающими образами в виде голов мертвецов и пугающими скелетами. Так как переживая это, пациентка чаще всего драматически воссоздавала виденное ею и даже вступала с виденными ею образами в разговор, то окружающие люди были хорошо осведомлены о содержании её галлюцинаций. После обеда, на закате солнца она погружалась в особое состояние, напоминающее глубокий гипноз. Для этого состояния Анна О. даже придумала особый технический термин «clouds» (витание в облаках). Если ей удавалось рассказать о виденных ею в течении дня галлюцинациях, то после этого она становилась удивительно спокойной и весёлой, принималась за работу, рисовала и писала в течение всей ночи, причём делала она всё это совершенно разумно; а около 4 часов утра шла в постель, чтобы утром старая сцена продолжалась заново. Обращала на себя внимание удивительная противоположность между двумя её состояниями: невменяемой больной, охваченной днём устрашающими галлюцинациями, и девушкой, пребывающей по ночам в ясном сознании.

Однако несмотря на всю эйфорию Анны О., испытываемую ею по ночам, психическое состояние ухудшалось с каждым днём. Появилась большая готовность к самоубийству, что сделало нецелесообразным нахождение больной на четвёртом этаже. Поэтому больная несмотря на её нежелание была переведена в загородный дом в пригороде Вены (7 июня 1881 года). Я никогда не угрожал пациентке удалением из домашней обстановки, удалением, которому она отчаянно сопротивлялась, тихо этого ожидая и тревожась. В этой ситуации удаления из привычной ситуации стало хорошо заметно, насколько же сильно была выражена у Анны О. тревога. Точно также как спустя какое-то время после смерти отца у больной наступило успокоение, после того как произошло то, чего больная опасалась - её удаление из родительского дома, Анна О. успокоилась. Конечно, это не обошлось без того, чтобы переезд на новое место не отнял у неё три дня и три ночи, в течении которых она пыталась прийти в себя, полностью обходясь без сна и без пищи, бесконечно пытаясь покончить с собой (конечно, в условиях дачи такое было совершенно невозможно), разбивая стёкла на окнах и т. п., испытывая галлюцинации без абсанса, эти галлюцинации нисколечко не были похожи на прежние. Спустя 3 дня она успокоилась, позволила сиделке накормить себя, а вечером даже приняла хлорал (снотворное).

До того как я начну описывать дальнейшее течение болезни, я должен возвратиться назад и показать своеобразие этого клинического случая, о чём до сих пор поведал только мимолётно.

Я уже говорил, что в весь описанный период болезни каждый раз после обеда Анна О. впадала в сомноленцию, переходившую на закате солнца в глубокий сон (clouds). (Эта периодичность по-видимому лучше всего объясняется обстоятельствами ухода за больным отцом, чему она месяцами отдавалась с огромным усердием. Тогда ночами пациентка бодрствовала, внимательно прислушиваясь к каждому движению отца, и полная тревоги за его здоровье лежала без сна в своей постели; после обеда больная ложилась на некоторое время отдохнуть, как это обычно и принято среди сиделок; этот ритм ночного бодрствования и дневного сна, вероятно, незаметным образом сказался и на её собственной болезни,

продолжая существовать даже тогда, когда сон давным-давно сменился гипнотическим состоянием). Если сопор (глубокое помрачнение сознания) продолжался чуть ли не час, то пациентка становилась беспокойной, переворачивалась с боку на бок, постоянно выкрикивала :»Мучить, мучить», всегда делая это с закрытыми глазами. С другой стороны было хорошо заметно, что в своих дневных абсансах, Анна О. всегда пыталась изобразить какую-либо ситуацию или историю, о содержании которых можно было догадываться по отдельным словам, которые бормотала пациентка. Происходило и такое. Кто-то из близких людей намеренно (в первый раз это произошло совершенно случайно) выкрикивал одно из таких ключевых словечек в те периоды, когда пациентка начинала заговаривать о «мучениях» - и Анна О. тотчас включала подброшенное слово в существовавшею в её воображении ситуацию, вначале запинаясь на своём парафазном жаргоне, но чем дальше, тем всё ровнее и свободнее лилась речь больной, пока наконец пациентка не начинала говорить на абсолютно корректном немецком языке (в первое время болезни, ещё до того как она оказалась полностью в плену английского языка). Истории, создаваемые находящейся в глубоком трансе пациенткой, всегда были прекрасны, иногда даже поражая слышавших их людей, чем-то напоминая сказки Андерсена, а вероятно и создавались они по образу и подобию книг знаменитого сказочника; чаще всего исходным и центральным пунктом всей истории была девушка, в тревоге пребывающая у постели больного; но появлялись и совершенно противоположные мотивы, которые искусно вуалировались. - Вскоре после рассказанной ею истории Анна О. просыпалась, по-видимому, успокоенная ходом выдуманной ею истории - сама пациентка называла такое свое состояние «приятием» (приятностью). Позже, ночью, пациентка опять становилась беспокойной, а утром, после двухчасового сна, было ясно как божий день, что она находится в совершенно другом круге представлений. - Если Анне О. не удавалось в вечернем гипнозе рассказать до конца всю создаваемую ею историю, то вечернее умиротворённое настроение не возникало, и на следующий день, чтобы улучшить своё состояние, ей приходилось рассказывать уже две истории.

В течении всего полуторалетнего периода наблюдения за пациенткой основные проявления её болезни оставались теми же самыми: частые и тяжёлые абсансы в вечерних аутогипнотических состояниях, действенные продукты фантазии в качестве психических стимулов для активности, смягчение, а то и временное устранение симптомов после использования возможности выговориться в гипнозе.

Естественно, что после смерти отца, рассказываемые Анной О. истории стали ещё более трагичными, резко бросалось в глаза ухудшением психического состояния пациентки, последовавшее за мощным вторжением в её жизнь сомнамбулизма, о котором я только что рассказывал, отчёты пациентки перестали иметь более (или) менее свободный поэтический характер, превратившись в ряд ужасных, пугающих галлюцинаций, о содержании которых можно было догадываться ещё днём по поведению больной. Я уже успел рассказать о том, насколько искусно освобождалась её душа от потрясений, вызванных галлюцинациями, страхом и ужасом, после того как Анне О. удавалось воспроизвести все виденные ею ужасные образы и выговориться до конца.

На даче, на которую у меня не было возможности ездить каждый день, чтобы посещать больную, события развивались следующим образом: я приезжал по вечерам в те периоды, когда, как я знал, она находилась в аутогипнотическом состоянии, и выслушивал новый ряд химер (фантазмов), накопившихся у неё со дня моего последнего посещения. Для достижения хорошего эффекта, пациентка должна была выговориться до конца: тогда она успокаивалась, на следующий день была любезной, послушной, прилежной - ну, просто само веселье. Но на второй день всё изменялось: Анна О. становилась более капризной, упрямой и неуправляемой, что ещё больше усиливалось в третий день. Когда она находилась в таком состоянии, то её, даже в гипнозе, не всегда удавалось побудить выговориться до конца. Для последней процедуры пациентка придумала хорошо подходящее, толковое название «talking cure» (лечение посредством разрешением выговориться), шутливо называя это «chimney-

sweeping» (прочистка труб). Анна О. хорошо знала, что после того, как сможет выговориться, она потеряет всю свою строптивость и «энергию». Когда пациентка после долгого отсутствия таких спонтанных «процедур» исцеления пребывала в дурном настроении и отказывалась от речи, тогда мне приходилось добиваться откровений Анны О. при помощи принуждений и просьб, а также некоторых искусственных приёмов, наподобие проговаривания в её присутствии каких-либо стандартных начальных фраз из уже рассказанных ею историй. Но никогда пациентка не начинала говорить, хорошенько не убедившись в моём присутствии путём тщательного ощупывания моих рук. В ночи, в которые успокоения у пациентки так и не наступало, после предоставления ей возможности выговориться приходилось ещё прибегать к назначению хлоралгидрата (снотворного средства, оказывающего своё влияние в течении 6-8 часов; разовая доза 0,5-1 грамма, а максимальный суточный приём - 6 грамм); но постепенно необходимость в этом стала меньше.

Исчез сомнамбулизм, продолжавшийся в течении долгого времени, хотя чередование двух состояний сознания сохранялось. В середине разговора у Анны О. могли возникнуть галлюцинации, тогда она начинала убегать, пыталась вскарабкаться на дерево и т. п. Если её удавалось задержать, то спустя короткое время она продолжала оборванное на полуслове предложение, как бы не замечая того, что произошло в промежутке. Ко всем этим галлюцинациям она возвращалась позже, в гипнозе.

В общем, можно было сказать, что в состоянии Анны О. наметились улучшения. Она могла хорошо есть, без всякого сопротивления позволяя сиделке вводить пищу в рот, и только хлеб, несмотря на желание есть, пациентка отталкивала всякий раз, как только он соприкасался с её губами; существенно уменьшились контрактуры-парезы ноги; пациентка наконец-то смогла по достоинству оценить и крепко привязаться к ещё одному врачу, посещавшему её- моему другу доктору Б. Немалую помощь в выздоровлении оказывал и ньюфаундленд, которого Анна О. получила в подарок и страстно полюбила. Действительно, надо было видеть, как эта слабая девушка храбро брала в левую руку кнут и отстегивала им огромного зверя - своего любимца ради того, чтобы спасти его жертву, кошку, на которую он набросился. Несколько позже пациентка стала уделять много внимания бедным и больным людям, что было несомненно полезно для неё.

Наиболее явное доказательство патогенного, возбуждающего влияния на абсансы с их особым миром представлений, созданным альтернативным сознанием, а также устранения патологического состояния после предоставления пациентке возможности выговориться в гипнозе, я получил после моего возвращения из отпуска, когда я не видел Анну О. в течении нескольких недель. Никакого «talking cure» за это время не было, так как больную невозможно было побудить рассказывать истории кому-либо кроме меня, не удалось это и доктору Б., которому во всём другом девушка охотно подчинялась. Я нашёл Анну О. в печальном и подавленном состоянии, она стала ленивой, строптивой, капризной и даже озлобленной. В её вечернем рассказе было заметно, что фантазийно-поэтическая жилка, столь сильно присущая ей, по-видимому, начала иссякать. То, что поведала пациентка, больше напоминало отчёт о имеющихся у неё галлюцинациях и о том, что злило её в течении прошедших дней; элементы фантазии, которые встречались в её рассказе, больше напоминали прочно занявшие своё место клише, чем что-то, имеющее какое либо отношение к поэзии. Более сносное состояние наступило у пациентки лишь после того, как я позволил ей съездить на неделю в город и в течении нескольких вечеров принуждал её рассказывать мне истории (их набралось 3-5). Когда это было уже позади, то оказалось, что мы обсудили с Анной О. всё, что накопилось за недели моего отсутствия. Появился прежний ритм в настроении пациентки. На следующий день после использованной возможности выговориться Анна О. была любезной и весёлой, на второй - более раздражённой и неприступной, а уж на третий день ну просто «отвратительной». Её эмоциональное состояние находилось во власти времени, которое вело свой отсчёт с момента предоставленной возможности выговориться. Любое патологическое образование, созданное

фантазией пациентки, и любой факт, выхваченный болезненной частью её души, продолжали оказывать своё действие до тех пор, пока Анна О. не рассказывала о них в гипнозе, после чего она полностью избавлялась от их мучительного влияния.

Когда осенью пациентка снова вернулась в город (но уже в другую квартиру, не в ту, в которой она заболела), то состояние её было вполне сносным, причём как физически, так и душевно; и лишь только некоторые, с особой силой захватывающие её переживания, могли превратиться в патологические психические раздражители. У меня были большие надежды на постепенное улучшение состояния Анны О. в результате предоставляемой ей возможности выговориться до конца, что должно было защитить её психику от тяжёлых перегрузок новыми раздражителями. Но в самом начале меня постигло разочарование. В декабре психическое состояние Анны О. резко ухудшилось, она была сильно возбуждена, ею завладел пессимизм, она вряд ли бы смогла отыскать в своей жизни хоть один сносный день, хотя внешне пыталась ничем не выдать своё состояние. В конце декабря, в рождественские праздники, она испытывала особенно сильное беспокойство, во всю неделю ничего нового от неё я не услышал, разве что только рассказ о химерах, которые она тщательно создавала в праздничные дни 1880 года под воздействием испытываемых ею сильных аффектов страха. После того, как пациентка смогла рассказать о целой серии подобных образов, у неё наступило огромное облегчение.

Прошёл год с тех пор, как её удалили от ухода за отцом и она вынуждена была сама слечь в постель. Вот в это время и прояснилось, упорядочилось состояние Анны О. Оба чередующихся друг с другом состояния сознания ранее существовали так, что утром, с началом дня, учащались абсансы, т. е. доминировало альтернативное сознание, а по вечерам так, вообще, только оно одно и существовало. Теперь же всё было иначе, если раньше в одном из состояний сознания она была нормальной, а в другом имела психопатологические синдромы, то теперь различия приобрели совершенно иной характер. В первом из состояний она жила как и все мы в зиму 1881-1882 года, а во втором - как бы заново проживала зиму 1880-81 года, причём складывалось впечатление, что она полностью позабыла всё, что произошло потом в течении целого года, когда присутствовало сознание того, что отец умер. Это перемещение по времени в прошедший год происходило настолько интенсивно, что находясь в новой квартире она посредством галлюцинаций воссоздавала свою прежнюю комнату; когда хотела подойти к двери, то натыкалась на печь, которая точно также располагалась по отношению к окну, как в прежней квартире дверь. Переход из одного психического состояния в другое происходил спонтанно и с необычайной лёгкостью, достаточно было одного мимолётного впечатления, напоминающего о живых событиях прошедшего года. Можно было просто подержать перед ней апельсин (основная её пища в течении начального периода заболевания) и она полностью переносилась из года 1882 в год 1881. Это перемещение в прошедший год происходило вовсе не случайным образом, день за днём пациентка последовательно проживала прошлую зиму. Я мог бы считать это всего-навсего гипотезой, если бы Анна О. сама на ежевечерних гипнозах не перебирала всего того, что взволновало её именно в этот день ровно год назад, и если бы не было личного дневника матери за 1881 год, по которому легко убедиться в точности упоминаемых пациенткой событий и времени их наступления. Возобновление переживаний прошедшего года продолжалось вплоть до полного исцеления от болезни (июнь 1882 год).

Интересно было замечать, как заново переживаемые в альтернативном сознании психические события не упускали возможности оказать влияние на её нормальное сознание.

Однажды утром больная смеясь сказала мне, что не знает почему, но злится на меня; зная содержание дневника матери, я хорошо понимал, что она имеет ввиду. Позже в вечернем гипнозе моё предположение действительно подтвердилось. В такой же точно календарный день вечером в 1881 году я чем-то очень сильно рассердил пациентку. В другой же раз она сказала, что с её глазами происходит что-то необычное, что она неправильно воспринимает цвета. Но оказалось, что в тесте на различение цветов она всё видит чётко и правильно, расстройство зрения относилось только к материалу её одежды. Причиной же

было то, что в те дни в 1881 году (год назад) пациентка много времени отдавала работе с шлафроком (домашним халатом) отца, который был из такого же материала, только другого, синего цвета. Было также хорошо заметно, что эти всплывавшие воспоминания прежде всего мешали работе нормального сознания, и лишь постепенно их влияние стало сказываться и на альтернативном сознании.

Вечерние гипнозы довольно сильно обременяли пациентку уже тем, что ей приходилось вести рассказ не только о новоиспечённых химерах, но и о переживаниях и «мистике», относящихся к 1881 году (к счастью, в то время уже были устранены химеры 1881 года). Эта проводимая пациенткой и врачом работа была необычайно большой из-за наличия особого рода расстройств, которые также приходилось устранять, я имею тут ввиду психопатологические проявления самого начального периода болезни с июля по декабрь 1880 года, те явления, которые привели к появлению истерических феноменов. После того как пациентке была дана возможность выговориться симптомы исчезали.

Я был просто поражён, когда после ненамеренного рассказа пациентки, находившейся в вечернем гипнозе, о мучающем её симптоме, он внезапно исчез, несмотря на то, что существовал довольно длительное время. Она рассказывала о лете, стояла необычайная жара, пациентка ужасно страдала от жажды, и всё из-за того, что безо всякого видимого повода вдруг возникли проблемы с утолением жажды. Как только её губы соприкасались со столь желанным для неё стаканом воды, она резко отталкивала его от себя, словно бы страдала гидрофобией. Очевидно в эти секунды она находилась в абсансе. Утолить мучившую её жажду в какой-то степени удавалось только фруктами, арбузами и т. п. Такое продолжалось около 6 недель. Как-то в гипнозе она стала говорить о своей англичанке-компаньонке, которую явно недолюбливала. С явным выражением отвращения пациентка рассказывала как вошла к ней в комнату и увидела как маленькая собачка компаньонки, отвратительнейшая собачка, пила из стакана. Тогда она ничего не сказала, так как не хотела показаться невежливой. Какое-то время после рассказанной ею истории пациентка ещё предавалась проявлению бушевавшей в ней злобе, затем попросила попить, без всяких препятствий выпила несколько стаканов воды и вышла из гипноза, держа стакан возле губ. Вот так навсегда исчез её симптом. Таким же образом исчезали и другие её закоренелые причуды, было достаточно всего-навсего рассказать о том событии, которое действительно послужило для них поводом. Но самым большим достижением было исчезновение под воздействием такой процедуры первого устойчивого симптома - контрактуры правой ноги, хотя она ещё до того значительно уменьшилась. Истерические симптомы пациентки сразу же исчезали, стоило только в гипнозе воспроизвести событие, спровоцировавшее появление симптома в первый раз. Вот из таких-то наблюдений и была создана терапевтическая техника, безупречная в отношении логичности, последовательности и систематичности. Внимание уделялось каждому отдельному симптому этой порядочно запутанной болезни, всем поводам, которые могли спровоцировать их появление. Рассказ о них начинался в обратном по времени порядке, начиная с тех дней, когда пациентка слегла в постель и обратно до тех событий, которые послужили поводом для их первого возникновения. Если Анне О. удавалось о них рассказать, то симптом исчезал бесследно и навсегда.

Так были «отговорены» (wegerzahlt) контрактуры-парезы и восстановлена кожная чувствительность, устранены разнообразнейшие расстройства зрения и слуха, невралгии, нервные кашель и дрожь и т. п., а под конец расстройства речи. Например, последовательно исчезали следующие расстройства зрения: конвергентный страбизм с двоением предметов; кошение обоих глаз вправо, так что хватающая рука всегда оказывалась левее предмета; сужение поля зрения; центральная амблиопия (понижение остроты зрения без обнаруживаемых объективных изменений в зрительном аппарате); макропсия ; видение вместо отца головы мертвеца; невозможность читать. И только к некоторым феноменам, появившимся уже в постельный период, не удалось применить такой подход, например, к распространению контрактуры-пареза на левую сторону; по-видимому, он не имел под собой никаких прямых психических поводов.

Совершенно безуспешными оказались все попытки ускорить дело посредством попыток напрямую пробудить в воспоминаниях пациентки первый повод для появления симптома. Она не могла его отыскать, впадала в замешательство, и лечение шло даже медленнее, чем в том случае, когда больной позволяли спокойно и безопасно размотать до конца подхваченную ею нить воспоминаний. Лечение посредством вечерних гипнозов происходило слишком уж медленно из-за того, что пациентка во время процесса «выговаривания» была вынуждена отвлекаться на две другие серии тревожащих её психических феноменов. Да и сами воспоминания по-видимому нуждались в определённом количестве времени, чтобы успевать появляться в первоначальной яркости. Поэтому сформировалась следующая процедура лечения. Я заходил к пациентке утром, гипнотизировал её (опытным путём были найдены очень простые гипнотические техники), а когда она успевала достаточно сконцентрироваться на мыслях об очередном симптоме, то спрашивал её о жизненных обстоятельствах, в которых он появился впервые. При быстром предъявлении последовательности небольших ключевых фраз пациентка перечисляла внешние поводы, которые я тут же записывал. А на вечернем гипнозе при поддержке сделанных мною записей, больная довольно подробно описывала конкретные обстоятельства появления симптома. О том насколько сильно пациентка погружалась в себя, можно судить хотя бы по следующему примеру. Частенько бывало так, что пациентка не слышала, когда к ней обращались. Эту временную «глухоту» можно разделить на следующие группы:

A) не замечание того, что кто-то вошёл в комнату; здесь мною подробно зарегистрировано 108 случаев; Анна О. называла обстоятельства, лица, а часто и даты; первым в списке упоминается отец;

B) не умение разобрать слова, когда несколько человек говорят одновременно; 27 случаев; первым в списке опять стоит отец и один человек из знакомых пациентки;

C) Анна О. настолько сильно уходила в себя, что не замечала того, что обращаются непосредственно к ней; 50 раз; самое первое воспоминание, относящееся сюда - отец просит её принести вина;

D) наступающая из-за тряски (в вагоне и т. п.) глухота; 15 раз; первый случай в списке - выследив пациентку,

когда та ночью подслушивала у двери в комнату больного, младший брат в негодовании её трясёт;

E) временная глухота, наступающая в качестве реакции на сильный испуг при внезапном шорохе; 37 раз; первый случай - приступ удушья отца, когда он подавился

F) глухота, наступающая в состоянии глубокого абсанса; 12 раз;

G) глухота из-за столь упорного и усиленного прислушивания к тому, что говорят, что под конец, когда к ней кто-то обращался, она уже ничего не слышала; 54 раза.

Конечно, все эти феномены большей частью схожи между собой. Их, например, можно свести к проявлению рассеянности в состоянии абсанса или аффектам испуга (ужаса). Но в воспоминаниях больной эти явления были столь чётко разделены на отдельные категории, что стоило ей здесь где-нибудь сбиться, как у неё возникала потребность заново восстановить нарушенный порядок, иначе дело так и застревало. Многочисленные подробности ввиду их незначительности, а также удивительная точность при их рассказывании наводили на подозрение о надуманности. Многое из рассказанного невозможно было проверить, так как оно относилось к субъективным, внутренним переживаниям. А некоторые обстоятельства, с которыми было связано появление симптомов, удалось припомнить окружающим пациентку людям.

Здесь не происходило ничего нового по сравнению с «отговариванием» симптомов. Упоминаемое пациенткой психопатологическое явление само начинало ярко выступать на передний план. Например, во время анализа эпизодов глухоты, пациентка в столь большой степени переставала меня слышать, что по временам для продолжения общения с нею мне приходилось прибегать к запискам. И всегда поводом для появления таких эпизодов был какой-либо сильный ужас, пережитый ею во время ухода за отцом, или непростительное

упущение, проявленное с её стороны и т. п.

Припоминание прежних событий не всегда шло гладко, иногда больной приходилось делать для этого огромные усилия. А однажды так вообще дело застопорилось на большой период. Никак не желало появляться одно из воспоминаний; оно относилось к пугающей пациентку галлюцинации: вместо привычного образа отца, за которым ухаживала пациентка, она видела голову трупа. Анна О. и окружающие её люди вспомнили как однажды, когда она ещё была совершенно здоровой, пациентка пошла навестить одну из родственниц, открыла двери её квартиры и тотчас упала в обморок. Чтобы справиться с этим Анна О. поехала теперь туда, но как и прежде рухнула там без сознания на пол, только успев переступить порог комнаты. В вечернем гипнозе было обнаружено и устранено препятствие: входя в комнату родственницы, в стоящем напротив зеркале пациентка увидела своё бледное лицо, и даже не своё, а отца - голову трупа. - В работе с Анной О. часто оказывалось так, что страх перед тем, что воспоминания могут выдать что -то очень тайное, сдерживал их появление, так что пациентке или врачу приходилось прибегать к дополнительным усилиям.

Насколько сильна была логика её внутренней психической жизни может убеждать среди всего прочего следующее событие. Как уже было замечено, по ночам пациентка неизменно пребывала в «альтернативном сознании» - то есть переносилась в 1881 год. Как-то ночью она проснулась, утверждая, что её увезли из дома, пришла в неописуемое возбуждение, переполошившее всю семью. А причина её возбуждения была весьма проста. В предыдущий вечер посредством «talking cure» у пациентки удалось устранить зрительные расстройства (это относилось и к альтернативному сознанию). Проснувшись в середине ночи, пациентка обнаружила себя в незнакомой для неё комнате, так как весной 1881 года семья сменила квартиру. Подобные неприятные переживания устранялись посредством того, что по вечерам (по её просьбе) я закрывал ей глаза, внушая, что она не сможет их открыть, пока я сам не сделаю этого утром. Подобный переполох в доме повторился ещё только один раз, когда пациентка сильно разрыдалась во сне и проснувшись, открыла глаза.

Так как хлопотливый анализ симптомов приводил к событиям, относящимся к лету 1880 года, когда только-только зарождалось заболевание пациентки, я смог получить довольно полное представление о инкубационном периоде и патогенезе описываемого случая истерии, что и хочу здесь вкратце изложить.

В июне 1880 года, находясь на даче, отец тяжело заболел первичным гнойным плевритом; ухаживали за ним мать и Анна. Однажды ночью пациентка проснулась в большой тревоге и нетерпении из-за ожидавшегося прибытия из Вены хирурга, который должен был оперировать отца. Мать вышла на некоторое время и Анна О. осталась одна у постели больного. Пациентка сидела, опираясь правой рукой о подлокотник стула. Анна О. находилась в состоянии грёз наяву, она видела как черная змея со стены приблизилась к больному, чтобы его укусить (Вполне возможно, что на лугу за домом действительно обитало несколько змей, которые ещё раньше пугали девушку, а теперь стали материалом для переживаемых ею галлюцинаций). Она хотела защитить отца от опасности, но была словно парализована; правая рука, свисавшая через подлокотник, «застыла» и онемела, присмотревшись же попристальней, девушка с ужасом увидела как её пальцы превращаются в маленьких змей с головами мертвецов (на месте её ногтей). Скорее всего, девушка попыталась прогнать змей парализованной правой рукой, потому и совпадает в ассоциациях онемение и паралич руки с галлюцинациями о змеях. - Когда змеи исчезли, пациентка, продолжая находиться в состояния испытываемого ею ужаса, захотела помолиться, но язык не слушал её, она не могла вымолвить ни одного слова ни на каком языке, пока наконец ей не удалось продекламировать английский детский стишок. С тех пор она могла думать и молиться только на этом языке.

Гудок локомотива, привезшего долгожданного врача, прервал суматоху в доме. Когда на следующий день пациентка потянулась, чтобы достать из кустов обруч, случайно попавший туда во время игры, то наклонившаяся ветка опять спровоцировала у пациентки галлюцинацию змей, и тотчас правая рука вытянулась и одеревенела. Такое стало теперь

повторяться постоянно как только находился более или менее подходящий объект для провоцирования появляющихся галлюцинаций - достаточно было лишь отдалённого сходства со змеёй. Но подобно контрактуре, возникали они лишь в короткие периоды абсансов, которые становились всё более частыми после той злополучной ночи. (Постоянной эта контрактура стала только в декабре, когда полностью обессилевшая пациентка не могла больше покидать постель) По какой-то причине к контрактуре руки присоединилась контрактура правой ноги. Упоминания о причине я не нахожу в своих записях, а все события, относящееся к новому симптому, я запамятовал.

Теперь у пациентки появилась склонность аутогипнотически впадать в абсансы. На следующий (после ночи ожидания хирурга) день пациентка настолько погрузилась в себя, что уже не слышала того, как в комнате появился врач. Неослабевающее тревожное состояние пациентки создавало помехи для приёма пищи, а дополнительно у Анны О. постепенно начало формироваться чувство отвращения. Все конкретные истерические симптомы обычно возникали у неё на фоне переживания сильных эмоций. Так и осталось не прояснённым до конца, появлялись ли они только в состоянии коротких абсансов. Скорее всего так оно и было, так как в своём нормальном состоянии пациентка ничего не знала о существовании у себя столь сильных аффектов.

И лишь небольшое количество симптомов, по-видимому, возникло не в момент абсанса, а в бодрствующем состояние, на пике переживаемого ею аффекта, чтобы позже начать появляться в схожих ситуациях. Так большинство зрительных расстройств объяснялось отдельными более (или) менее ясно понятными причинами, например, когда пациентка сидела у постели больного с глазами полными слёз, тот попросил её сказать который час; из-за слёз девушка видела всё расплывчато, она предпринимала отчаянные попытки получше рассмотреть циферблат, подносила часы вплотную к своим глазам, вот именно тогда и показался ей циферблат ужасно огромным (макропсия и конвергентный страбизм); девушка делала просто неимоверные усилия, чтобы скрыть от больного слёзы.

Одна из ссор, когда пациентке удалось сдержаться, чтобы не ответить обидным словом, вызвала у неё голосовые судороги, которые стали повторяться в любой схожей ситуации.

Речь у неё могла пропадать:

a) из-за страха (такое стало появляться после пережитой ночной галлюцинации)

b) после упомянутой ссоры, когда она удержалась, чтобы не ответить на оскорбление (активное подавление)

c) после того, как она была однажды несправедливо обругана

d) во всех аналогичных ситуациях (обида).

Нервный кашель появился в первый раз тогда, когда во время дежурства у постели больного отца из соседнего дома доносилась танцевальная музыка и естественное желание оказаться там, вызвало у пациентки сильные самообвинения. С тех пор во всё время своей болезни пациентка реагировала на любую по-настоящему ритмичную музыку нервным туссисом.

Я не слишком расстроен тем, что некоторые из моих записей из-за недостаточной полноты сведений не позволяют прийти к выводу о том, что весь этот случай заболевания истерии можно полностью свести к реакциям на обстоятельства, в которых впервые возникал каждый из симптомов. Почти везде пациентке удавалось обнаружить первичный повод, приводивший к появлению симптома, за исключением того эпизода, о котором уже упомянуто выше. И каждый симптом после рассказа об обстоятельствах его возникновения бесследно исчезал.

Вот таким образом и было покончено с заболеванием пациентки. Больная сама решила, что в годовщину вынужденного переезда на дачу она должна полностью справиться со своим недугом. Поэтому начиная с самого начала июня Анна О. предавалась «talking cure» с огромной, всепоглощающей энергией. В последний день лечения с моей помощью пациентка вспомнила о том, что свою комнату она обустроила так, как выглядела комната, где лежал больной отец. Пациентка заново со всей яркостью пережила описанную выше

галлюцинацию, столь сильно ужасавшую её и бывшую корнем всего заболевания, под её воздействием Анна О. могла думать и молиться только по-английски. И сразу же после припоминания прежнего ужаса Анна О. заговорила на немецком языке, став полностью свободной от бесчисленных конкретных симптомов, в таком обилии демонстрируемых ею ранее. На какое-то время Анна О. оставила Вену ради путешествий, но прошло довольно много времени пока ей удалось полностью восстановить психическое равновесие. И с тех пор она наслаждается абсолютным здоровьем.

Несмотря на то, что я опустил многие не лишённые интереса подробности, история болезни Анны О. оказалась намного обширнее, чем казалось бы может заслуживать столь необычный случай истерии. Не было иного способа ясно изложить этот клинический случай как войти в детали истории болезни, без которых теряется всё своеобразие описываемого заболевания, именно это и может извинить меня в глазах читателей за то, что я так долго злоупотреблял их вниманием. Ведь и яйца иглокожих не потому имеют столь большое значение для эмбриологических исследований, что морской ёж является на редкость интересным животным, а потому, что его протоплазма достаточно прозрачна для того, чтобы обнаружить в ней многие физиологические процессы и перенести потом соответствующие выводы на яйца с мутной плазмой.

Интерес представленного здесь случая истерии лежит прежде всего в его понятности и в объяснимости патогенеза заболевания.

В качестве предрасполагающих к истерии факторов мы можем отметить два психических качества, обнаруживающихся у Анны О.:

- монотонную жизнь в семье родителей, когда у пациентки отсутствовала возможность заняться активной духовной деятельностью, оставался нерастраченным огромный избыток психической энергии, которой только что и оставалось как уйти в непрерывное фантазирование и

- склонность к снам наяву («частный театр»), приводящая к необходимым предпосылкам для формирования диссоциированных (множественных) личностей. Однако и это ещё может оставаться в границах нормы; спонтанно проявляющиеся мечтания или медитация сами по себе ни коим образом не приводят к патологическому расщеплению сознания, так как подобные расстройства можно легко устранить например призывом собраться, восстанавливая этим единство сознания, да и амнезии здесь практически никогда не бывает.

Но в описываемом клиническом случае у Анны О. была подготовлена почва, на которой получил прописку аффект страха и боязливое ожидание, после того как однажды обычные мечтания приняли форму галлюцинаторного абсанса. Обращает на себя внимание то, насколько совершенными в этом первом проявлении зарождающегося заболевания выступают его главные черты, остающиеся затем в течении почти двух лет константными: существование альтернативного состояния сознания, вначале проявлявшегося в виде преходящего абсанса, а позднее формирующегося в double conscience, исчезновение речи под влиянием переживаемой тревоги, с некоторым послаблением ограничений после того, как на помощь ей пришёл английской детский стишок; последующее появление парафазии и потеря способности владеть немецкой речью, полностью замещённой английским языком; наконец, случайно возникший паралич правой руки, приводящий впоследствии к правосторонней контрактуре - парезу и потере чувствительности. Механизм возникновения последнего расстройства полностью соответствует теории Шарко о травматической истерии, а именно: травматическая истерия является ничем иным как гипнотическим состоянием, в котором будущий невротик заново воссоздаёт в облегчённой форме пережитую им психическую травму.

Но если при экспериментальном вызывании у больных истерического паралича, профессор Шарко тотчас восстанавливал у них прежнее состояние, да и у носителей травматического невроза, до глубины души потрясённых ужасной травмой, последний спустя небольшое время спонтанно исчезал, то нервная система нашей юной пациентки ещё

целых четыре месяца оказывала успешное сопротивление исцелению. Контрактура как и другие постепенно добавляющиеся расстройства появлялись только в короткие промежутки абсансов альтернативного сознания, в нормальном же состоянии пациентка обладала полной властью над своими телом и чувствами, так что ни она сама, ни окружающие её люди не замечали и не догадывались о происходящих в ней метаморфозах. Всеобщее внимание полностью сконцентрировалось на заболевшем мужчине (отце), а потому ничего другого замечено и не могло быть.

Но абсансы, сопровождающиеся полной амнезией и истерическими феноменами, стали становиться всё более частыми после того первого галлюцинаторного аутогипноза, увеличивалась их длительность и возможность формирования новых симптомов, а те, что уже были сформированы, приобретали большую прочность в результате учащающихся повторений. А ещё оказалось, что со временем каждый из мучающих пациентку аффектов начал оказывать действие подобное абсансу (если последний не возникал одновременно вместе с мучительной эмоцией), случайные совпадения могли приводить к новым патологическим связям, расстройству органов чувств или движений, которые появлялись теперь синхронно с аффектом. Но до того как пациентка полностью слегла в постель всё это продолжалось только какие-то мгновенья, исчезая затем бесследно; несмотря на то, что в то время у Анны О. существовал целый букет истерических феноменов, никто об их существовании не догадывался. Только когда больная оказалась полностью сломленной физическим истощением, бессонницей и непрекращающейся ни на миг тревогой, большую часть времени пребывая в состоянии альтернативного сознания, тогда только и удалось истерическим феноменам вторгнуться в нормальное психическое состояние пациентки, превращаясь из временных, проявляющихся в форме припадков, расстройств в хронические симптомы.

Нам нужно ещё прояснить, насколько можно доверять тому, что рассказывала пациентка, действительно ли существовавшие у неё патологические феномены возникали именно в результате тех событий, о которых поведала Анна О. Надёжность сообщаемого ею относительно наиболее значительных и фундаментальных феноменов не вызывала у меня никаких сомнений. И здесь я опираюсь не только на то, что после того, как пациентке удавалось выговориться до конца, симптомы исчезали; такое очень легко можно было объяснить действием внушения со стороны врача. Больной девушке всегда была присуща искренность, рассказываемые ею вещи были напрочь связаны с тем, что было для неё самым святым; все факты, доступные проверке, полностью подтверждались в разговоре с окружающими пациентку лицами. Да и, вообще, даже самой одарённой девушке наверняка не удалось бы выстроить систему данных, которой была бы присуща столь мощная логика, как это проявлялось в исповедях Анны О. Несмотря на это и даже как раз именно в результате существования такой сильной логики были искажены поводы, приводящие к возникновению некоторых симптомов (причём с самыми благими намерениями) - это явно не соответствовало действительности. Но и такой ход вещей я считаю вполне закономерным. Как раз незначительность подобных поводов, их иррациональность оправдывает их существование. Больной было непонятно, почему в ответ на доносящиеся звуки танцевальной музыки она вынуждена была кашлять. Какая-либо вымышленная произвольно конструкция была бы здесь просто бессмысленной. Конечно же мне было легко представить, что укоры совести вызывали у пациентки судороги голосовых связок, а импульсы совершить движения превращали судороги в нервный туссис; так могла реагировать почти всякая девушка, страстно любящая танцы. Так что, как видит читатель, я считаю рассказы больной совершенно надёжными и правдоподобными.

Насколько справедливо предполагать, что и у других больных развитие истерии пойдёт аналогичным образом, что подобное будет происходить и там, где нет столь явно выраженной организации «condition seconde»? Я хотел бы обратить внимание читателей на то, что вся история развития событий в изложенном заболевании могла бы остаться неизвестной как самой пациентке, так и врачу, если бы не присущая Анне О. описанная нами

ранее способность вспоминать в гипнозе и рассказывать об этом. Причём в обычном нормальном состоянии она ничего подобного припомнить не могла. Так что и у других больных ничего существенного не удастся обнаружить в результате расспроса, предпринимаемого с личностями, находящимися в бодрствующем сознании, даже при наличии у них на то доброй воли, они не смогут предоставить нам каких-либо ценных сведений. А насколько слепы в этом отношении окружающие невротиков люди я уже упоминал выше. - Что на самом деле происходит с больными людьми можно, следовательно, узнать только применив метод, схожий с приёмами, имеющими свои истоки в автогипнозе Анны О. Конечно, справедливо было бы предположить, что подобное спонтанное самораскрытие происходит чаще, чем допускает наше слабое знание патогенных механизмов.

Когда больная слегла в постель, а её сознание попеременно выбирало между нормальным и альтернативным состоянием, к орде постоянно поочерёдно возникавших истерических симптомов добавилась ещё одна группа патологических феноменов, имеющих на первый взгляд другое происхождение: контрактуры - параличи левосторонних конечностей и парезы мышц шеи, управляющих движениями головы. Я выделяю их из всей массы истерических симптомов, так как если от них удавалось избавиться хотя бы один раз, то они уже больше ни разу не появлялись, даже в форме кратковременного припадка или в какой-либо завуалированной форме, это относится и к заключительной фазе лечения, когда многие другие симптомы вновь ожили после долгой дремоты. Потому-то и рассказы о них ни разу не появились в гипнотических анализах, им трудно приписать появление в результате воздействия аффектов или фантазийной активности пациентки. Я склонен считать, что упомянутая группа двигательных расстройств обязана своим появлением не психическому процессу, вызвавшему остальные психопатологические симптомы, а является расширением неизвестного ещё нам состояния, служащего соматическим фундаментом истерических феноменов.

*** Под псевдонимом Анны О. скрывалась Берта Паппенхайм (1859-1936), ставшая больной во время ухода за болевшим кавернозным туберкулёзом отцом. «Разоблачил» пациентку автор знаменитой трёхтомной биографии Фрейда Э. Джонс (1953). О лечении пациентки Фрейд узнал от Брейера через несколько месяцев после завершения лечения (ноябрь 1882). Фрейда настолько сильно восхитила история болезни, что он не мог понять, почему Брейер не желает её опубликовать, как и рассказать о созданном новом методе лечения - «катартической психотерапии». И только спустя год Брейер откровенно признался молодому коллеге, что он столь сильно был вовлечён в лечение Анны О., что в конце концов вызвал ревность жены. Ему пришлось сказать пациентке, что он навсегда прерывает лечение. И вечером этого же дня его срочно вызвали к этой пациентке, лежавшей в «родовых схватках» от ложной беременности и выкрикивающей: «На свет появится ребёнок доктора Брейера!» Брейер погрузил пациентку в гипнотическое состояние и попытался успокоить, а на следующий день вместе с женой уехал в Венецию. В том же самом году, через месяц после завершения лечения Брейером пациентке стало настолько плохо, что её вынуждены были поместить для стационарного лечения в знаменитый нервный санаторий Bellevue (“прекрасный вид» - название часто даваемое местности, на которой расположен прекрасный дворец) в Кройцлинге на Боденском озере, где она находилась с середины июля до конца октября 1882 года. Там Анну О. лечили от различных соматических симптомов (в том числе и от тригеминальной [тройничного нерва] невралгии), при чём для этого использовали большие дозы морфия. По вечерам она опять теряла способность говорить по-немецки и переходила на английский или французский язык. В письме Стефану Цвайгу (Цвейгу) Фрейд писал: «Что на самом деле произошло с пациенткой Брейера, мне удалось разгадать только много лет спустя после нашего с ним разрыва... При последней встрече с пациенткой у него в руках был ключ, которым он мог открыть дверь к тайнам жизни, но он позволил ему упасть. При всей своей духовной одарённости у него не оказалось в характере ничего фаустовского. Ужаснувшись содеянному он спасся бегством, предоставив попечение за судьбой больной

одному из своих коллег» (Freud S. Briefe 1873-1939. Frankfurt a. M. 1968, стр. 427). И этим ещё дело не закончилось, как пишет Джонс в первом томе знаменитой биографии Фрейда: «Спустя примерно десять лет, уже в то время, когда Фрейд лечил пациентов в сотрудничестве с Брейером, последний пригласил Фрейда посмотреть его истеричную пациентку. Перед тем как отправиться к ней, Брейер подробно описал её симптомы, после чего Фрейд сказал, что это очень типично для фантазируемой (ложной) беременности. Такого повторения прежней ситуации Брейеру было трудно перенести. Не сказав ни слова, он взял свою шляпу с тростью и быстро покинул Фрейда» (Jones E. Das Leben und Werk von Sigmund Freud. Bern, 1960, стр. 269). Какое-то время Анна О. злоупотребляла морфием. Позже, обходясь без какой-либо врачебной помощи, полностью занялась общественной деятельностью, правда в жизни она игнорировала секс. Была довольно известной как яркий борец за эмансипацию женщин, прежде всего евреек. Знаменитый еврейский философ Мартин Бубер (1878-1965) как-то сказал: «Есть люди духа, есть люди страсти, и тех, и других не так то уж часто можно встретить, но ещё большей редкостью являются люди, объединяющие в себе дух и страсть. Вот таким человеком страстного духа и была Берта Паппенхайм» (1939). На свои личные сбережения она основывает «Хайм (приют) для девушек, подвергающихся насилию, и для внебрачных детей». Попечение за несчастными детьми сполна замещает ей отсутствие своих собственных детей. Но воспоминания о проведённом катартическом лечении продолжают преследовать её и дальше, она строго-настрого запрещает любой вид психоаналитического лечения находящихся в основываемых ею заведениях людей. О том, что Берта Паппенхайм в течение всей своей жизни относилась с «враждебностью к анализу», вспоминает и Анна Фрейд (см. статью «Эпизоды из жизни Берты Паппенхайм (Анны О.)» Берндa Ницшке в ведущем немецком психоаналитическом журнале “Psyche” [1990], стр. 819). Сама же Берта Паппенхайм говорит о психоанализе следующее: «Психоанализ в руках врача то же самое, что исповедь в руках католического священника; только от их личности и владения своим методом будет зависеть то, окажется ли их инструмент добром или обоюдоострым мечом» (см. сборник под редакцией D. Edinger “ Bertha Pappenheim. Leben u. Schriften. Frankfurt a. M. 1963, стр. 12-13). А свою общую жизненную позицию Анна О. описывала следующим образом: «Каждый, независимо от того, мужчина он или женщина, должен делать то, что он и должен делать, используя то свою силу, то свою слабость». Для Фрейда понимание мощи переноса и контрпереноса в этой истории болезни стало отправным пунктом на пути перехода от катартической терапии к психоанализу. В некрологе на смерть Брейера (1925) Фрейд писал: «Брейер столкнулся с неизбежно существующим переносом пациентки на врача и не смог понять безличностную природу этого явления». Приняв чувства переноса за реальные чувства пациентки Брейер ответил на них массивной реакцией бессознательного контрпереноса, которая и спустя годы не позволяла ему признать сексуальную природу симптомов Анны О, так в письме Брейера, датированного 21 ноября 1907 года знаменитому психиатру Августу Форелю стоит: «Должен тебе признаться, мой вкус претит мне погружаться в область сексуального как в теории, так и на практике. Но при чём тут мой вкус и мои ощущения, если дело касается истины, обнаружения того, что же на самом деле находится перед нами. Случай Анны О. доказывает, что достаточно тяжёлый случай истерии может возникнуть, сохраняться и устраняться без того чтобы какую-либо роль в нём играли сексуальные элементы. Моя заслуга состояла в основном в том, что я догадался понять, что судьба послала мне в руки необычайно поучительный, важный для науки случай, который мне удалось внимательно и в течении довольно продолжительного времени наблюдать, причём не нарушая его простого и естественного течения каким-либо предвзятым мнением. Тогда я очень многому научился, я узнал много удивительно ценного для науки.. Но я узнал и то, что на что необходимо обращать первоочередное внимание в практической деятельности. Для частнопрактикующего врача-терапевта невозможно заниматься лечением подобных случаев без того, чтобы посредством такого лечения полностью не разрушить свою деятельность и жизненный уклад. Я хвалю себя за принятое мною тогда решение, не допускать больше

подобных нечеловеческих испытаний. Когда у меня появлялись пациенты, для которых я ожидал многого от аналитического лечения, но которых я сам не мог лечить, то направлял их к доктору Фрейду, возвратившемуся из Парижа и Сальпетриера, к доктору, с которым я находился в самых дружеских отношениях, а также в плодотворных научных контактах» (1907).

P.S. *** Случай Анны О.

Фрейд подружился с врачом Джозефом Брейером (1842-1925), который получил известность благодаря своим работам по исследованию процесса дыхания, а также изучению функций полукружного канала в человеческом ухе. Неплохо устроенный в жизни и уже ею умудренный, Брейер часто давал молодому Фрейду разнообразные советы и даже одалживал деньги. Для Фрейда он был чем-то вроде отца, символической фигурой. Брейер же, по-видимому, относился к Фрейду как к не по годам развитому младшему брату. "Интеллект Фрейда парит в заоблачных высотах, - писал Брейер одному из своих друзей. - Я иногда смотрю на него, как курица на ястреба" (цит. по: Hirschmu lier. 1989. P. 315). Они часто обсуждали вместе трудные случаи из практики Брейера, в том числе и случай Анны О. Именно этим событиям было суждено сыграть решающую роль в становлении психоанализа.

Интеллигентная и привлекательная женщина 21 года, Анна О. страдала от целого ряда тяжелых истерических симптомов. Она жаловалась на паралич, потерю памяти, умственные расстройства, тошноту, нарушения зрения и речи. Эти симптомы впервые появились тогда, когда она ухаживала за умирающим отцом. Брейер лечил ее при помощи гипноза. Он обнаружил, что под гипнозом пациентка могла вспомнить те переживания, которые, возможно, и являлись причиной названных симптомов. Последующее обсуждение ее переживаний в состоянии гипноза, казалось, способствовало улучшению состояния.

Брейер виделся с Анной О. ежедневно в течение года. Во время этих встреч Анна О. вспоминала те травмирующие переживания, которые ей доводилось пережить в течение дня. И каждый раз после подобных обсуждений она сообщала об улучшении самочувствия. Она относилась к своим встречам с Брейером как к "очищению", или "целительным беседам". По мере того как лечение продолжалось, Брейер понял (и рассказал об этом Фрейду), что те переживания, о которых Анна вспоминала под гипнозом, часто включали в себя мысли и события, которые она расценивала как отвратительные. Освобождение под гипнозом от травмирующих переживаний снижало или совсем устраняло болезненные симптомы.

Со временем жена Брейера стала проявлять все больше и больше беспокойства и ревности по поводу излишне тесной эмоциональной близости между своим мужем и Анной. С Анной же происходило то, что впоследствии получило название позитивного переноса(Позитивный перенос - процесс, в котором пациент общается с терапевтом так, как если бы тот был его родителем.).

Иными словами, она переносила свои чувства по отношению к отцу на врача, тем более, что они были несколько похожи внешне. Брейер же, возможно, также испытывал эмоциональную привязанность к своей пациентке. "Ее обаяние юности, очаровательная беспомощность, даже самое ее имя... пробудили в Брейере дремлющее эдипово влечение к собственной матери" (Gay. 1988. P. 68).

Но, в конце концов, Брейер оценил сложившуюся ситуацию как опасную и вынужден был объявить Анне, что прекращает лечение. Несколько часов спустя у Анны начались истерические родовые схватки. Брейеру удалось снять симптомы под гипнозом. Согласно легенде, после этого он устроил своей жене второй медовый месяц в Венеции, где она благополучно забеременела.

Но на самом деле это не более чем миф. Миф, который разделяли несколько поколений психоаналитиков и историков науки. Миф, который просуществовал более ста лет. Вполне возможно, что Брейер и его жена действительно отправились в Венецию, но даты рождения его детей убедительно показывают, что ни один из них не мог быть зачат в то время

(Ellenberger. 1972).

Кроме того, последующие исследования показали, что в действительности Брейеру не удалось окончательно вылечить Анну О. (ее настоящее имя Берта Паппенхайм) при помощи своего катартического метода. После того, как Брейер прекратил свое лечение, она была помещена в стационарную лечебницу. Там она часами могла сидеть возле портрета отца, рассказывая о том, как ходила на его могилу. Брейер говорил о ней Фрейду как о безнадежно сумасшедшей и высказывал надежду, что только скорая смерть сможет избавить бедняжку от страданий. Неизвестно, как именно ей удалось вылечиться, но впоследствии Анна О. стала заметным деятелем социального движения, феминисткой, ратующей за образование женщин. Она писала короткие рассказы о "мудрости, страсти и неунывающем характере", а также опубликовала пьесу в защиту прав женщин (Shepherd. 1993. P. 210).

Случай Анны О. чрезвычайно важен для становления психоанализа, поскольку именно здесь Фрейд впервые соприкоснулся с методом катарсиса, лечебной беседы, который впоследствии сыграл столь значительную роль в его собственных исследованиях.

К своим открытиям Фрейд неизбежно должен был пройти через гипноз, так как это был один из ведущих методов психотерапии истерии, очень интересовавшей 3. Фрейда. "Личная вовлеченность врача стала краеугольным камнем психоанализа".

Отправным пунктом в его медицинской карьере стало знакомство с историей Анны О. (Берты Паппенгайм), пациентки его друга и духовного учителя Брейера.

Это событие поставило перед Фрейдом две важнейшие, связанные друг с другом, проблемы - истерии и гипноза. Именно при исследовании истерии интерес ученого сместился от физиологии к психологии. Чем же заинтересовала в 1882 году история Анны О. Фрейда? В ряде источников самого основателя психоанализа, его последователей и критиков мы находим признания того, что Фрейда всегда привлекали занятия философией, но он никогда не любил медицину. Не исключено, что пациентки, больные истерией, интересовали ученого вследствие специфики его личности. Не осталось без внимания и то, что случай с Анной О. демонстрировал возможность успешного лечения истерии нетрадиционным способом, от разработки которого Брейер отказался и долгие годы не публиковал историю случая. Более того, при публикации Брейер опустил существенное событие, положившее конец лечению Анны О.: неожиданное для врача проявление пациенткой мощного не проанализированного положительного переноса неопровержимо сексуальной природы.

Но главное, на наш взгляд, заключается в том, что история заинтересовала Фрейда в силу уникального сочетания в этой болезни проблем души и тела, психического и соматического, интуитивного понимания возможности потрясающего по своим последствиям сдвига в ее лечении от медицины к загадочной психологии.

Фрагмент анализа истерии. (История болезни Доры). 1905 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

После длительных колебаний я все же пошел на то, чтобы выдвинутые мною в 1895 и 1896 годах утверждения о патогенезе истерических симптомов и о психических процессах при истерии подтвердить подробным сообщением истории болезни и лечения. Тут я не могу обойтись без предисловия, которое, с одной стороны, оправдывает мои действия в разных направлениях, а с другой стороны, оно должно удовлетворить ожидания публики.

Конечно, рискованно то, что я публикую результаты исследования, и именно настолько сильно поражающие и неприятные, что проверка со стороны коллег окажется просто невозможной. Но не менее опасно и то, что сейчас я начинаю делать доступным для всеобщего разумения особый материал, из которого мною получены те результаты. Я никак не смогу обойти упреки. Если ранее этот упрек проявлялся в том, что я совершенно ничего не сообщаю о моих больных, то теперь он будет гласить, что я сообщаю о моих пациентах

то, чего нельзя сообщать. Я надеюсь, что и в том, и в другом случае недовольными окажутся те же самые лица, которые, используя новый предлог, только поменяют содержание своего упрека, и заранее отказываюсь когда-либо в будущем лишать этих критиков слова.

Публикация моих историй болезни все еще остается для меня трудно решаемой задачей, хотя я уже и не огорчаюсь более из-за этих неразумных недоброжелателей. Эти трудности частично вызваны технической стороной лечения, частично же они исходят из сущности самого заболевания. Если верно то, что причина истерических заболеваний лежит в интимной психосексуальной жизни больного и что истерические симптомы являются проявлением самых тайных, вытесненных желаний этих пациентов, то объяснение какого-либо клинического случая истерии не может быть ничем другим, как только открытием этих интимных переживаний и разгадкой этих тайн. Конечно же, эти больные никогда бы не заговорили, если бы им пришло в голову, что существует возможность научной оценки их признаний. Так же верно и то, что совершенно тщетно испрашивать у них самих позволения на публикацию. Обычно деликатные и робкие лица ставили бы в таких условиях на передний план обязанность врача сохранять тайну и высказывали бы сожаление из-за того, что при этом ученые вынуждены лишиться своей разведывательной функции. Но я полагаю, что врач берет на себя не только обязанности по отношению к отдельному больному, но и к науке. И к науке это, по своей сути, ничего другого не означает — как отношение ко многим другим больным, которые уже страдают от того же или еще будут страдать. Публичное сообщение того, что знают о причине и структуре истерии, становится обязанностью, а упущение — позорной трусостью, если при этом, конечно, можно избежать нанесения прямого вреда конкретному больному. Я считаю, что сделал все, чтобы исключить такой ущерб по отношению к моей пациентке. Я нашел человека, чья драма разыгрывалась не в Вене, а в расположенном в стороне небольшом городе. Таким образом, личность моей пациентки должна быть полностью не известна для Вены. С самого начала я настолько тщательно сохранял тайну лечения, что только один единственный, совершенно достойный доверия коллега мог знать о том, что девушка была моей пациенткой. После завершения лечения я выжидал еще четыре года возможности публикации, пока я не услышал об изменении в жизни пациентки, которое позволило мне считать, что ее собственный интерес к рассказываемым здесь событиям и душевным процессам мог бы теперь поблекнуть. Само собой понятно, что здесь не встретится ни одного имени, которое бы могло кого-либо из читателей, не принадлежащих к медицинскому кругу, навести на следы реальных людей. Впрочем, публикация в строго научном профессиональном журнале должна быть защитой от такого некомпетентного читателя. Естественно, я не могу воспрепятствовать тому, чтобы сама пациентка не ощутила мучительное чувство неловкости, если по какому-то случаю в руки ей попадет ее собственная история болезни. Но она не узнает из нее ничего более того, что она уже знает. Но можно поставить и вопрос, кто другой по этой истории болезни может догадаться, что речь идет о ее личности.

Я знаю, что имеется (по крайней мере, в этом городе) много врачей, которые — с достаточным отвращением — хотят прочесть одну из таких историй болезни не в качестве вклада в исследование психопатологии неврозов, а как один из предназначенных для их увеселения романов, в котором разоблачаются реальные люди. Этот род читателей я могу заверить, что все мои несколько позднее написанные истории болезни будут защищены от их проницательности подобными же гарантиями тайны. Но из-за таких устремлений я вынужден необычайно сильно ограничивать материал, находящийся в моем распоряжении.

В этой истории болезни, в которую я вынужден внести ограничения в связи с врачебной обязанностью сохранять тайну и из-за неблагоприятного стечения обстоятельств, со всей откровенностью будут обсуждаться сексуальные отношения, своими действительными именами будут называться органы и функции половой жизни. Целомудренный читатель на основе моего повествования может легко прийти к убеждению, что я не постыдился беседовать с юной персоной женского пола об этой тематике на таком языке. Вероятно, я должен теперь защищаться и от такого упрека. Но я просто прибегаю к

праву гинекологов (или, скорее, намного скромнее, чем это) и объясняю как проявление одного из признаков перверзной и странной похотливости то, что кто-то должен предположить, что такие разговоры являются хорошим средством для возбуждения или удовлетворения сексуальных вожделений. В остальном я склоняюсь к желанию передать мое мнение об этом несколькими словами Рихарда Шмидта («Вклад в исследование индийской эротики», предисловие, 1902 г.): «Конечно, плачевно, что такие протесты и заверения должны занять место в научном труде, но не упрекайте меня за это, а обвините дух времени, в котором мы счастливо дошли до того, что теперь больше нет ни одной серьезной книги, которая была бы тесно связана с нашей жизнью».

Теперь я сообщу, каким образом в этой истории болезни я преодолел технические трудности, связанные с представлением сообщения. Такие трудности являются очень большими для врача, который должен проводить ежедневно шесть или восемь таких психотерапевтических лечений и не может даже делать заметки во время сеанса с больным, чтобы не пробудить этим недоверие больного и не помешать себе полностью охватить поступающий материал. Для меня все еще нерешенной проблемой является и то, каким образом мог бы я подготовить для сообщения историю лечения, продолжавшегося достаточно долго. В предъявляемом здесь клиническом случае на помощь мне пришли два обстоятельства: первое, то, что длительность лечения не превышала трёх месяцев, второе, что все объяснения группируются вокруг двух рассказанных в середине и в конце курса лечения снов, дословный сюжет которых записывался непосредственно после сеанса, и которые оказались надежной опорой для последующего переплетения толкований и воспоминаний. Саму же историю болезни я записал по памяти только после завершения курса лечения, поскольку мое воспоминание оставалось еще свежим, а в связи с интересом к публикации, — обостренным. Поэтому эта запись не абсолютно — фонографически — верна, но все же может притязать на высокую степень достоверности. В этой истории болезни ничего другого, что было бы существенно, не изменено, разве только то, что в некоторых местах поменялась последовательность объяснений, что я сделал из любви к логичности изложения. Сейчас я хочу подчеркнуть то, что можно найти в этом сообщении и что в нем опущено. Вначале эта работа носила название «Сновидение и истерия», так как она казалась мне особенно подходящей для того, чтобы показать, каким образом толкование сновидений включается в историю лечения и каким образом от такой помощи выигрывает работа по восстановлению забытого и объяснению симптомов. Не без основательных причин в 1900 г. я заранее предпослал кропотливое и глубокое исследование сновидений в задуманных мною публикациях по психологии неврозов («Толкование сновидений»). Конечно, и по тому, как ее приняли, можно увидеть, с каким недостаточным еще пониманием относятся коллеги к таким усилиям. При этом не обоснован упрек, что мои позиции из-за скудности материала не позволяют прийти к убеждению, опирающемуся на дополнительную проверку. Ведь каждый может для аналитического исследования привлечь свои собственные сны, а технику толкования снов легко изучить на основе данных мною указаний и примеров. Я должен сегодня, как и прежде, утверждать, что неизбежным условием для понимания психических процессов при истерии и других психоневрозах является углубление в проблемы сновидения, и что никто не имеет возможности продвинуться в этой области даже лишь на несколько шагов, если он хочет избежать такой подготовительной работы. Таким образом, в связи с тем, что чтение этой истории болезни предполагает знание толкования снов, оно окажется чрезвычайно неудовлетворительным для каждого, кто не владеет этим знанием. Он будет только неприятно ошеломлен, вместо того, чтобы найти в ней изыскиваемое объяснение и, конечно же, будет склонен проецировать причины этого неприятного изумления на автора, принимаемого за фантазера. В действительности такое неприятное изумление связано с проявлениями самого невроза; понимание скрыто от нас только из-за нашей врачебной привычки и вновь появляется при попытке объяснения. Полное устранение недоразумений было бы, конечно, возможно только тогда, когда бы нам удалось всецело объяснить невроз факторами, которые нам уже

известны. Но все говорит в пользу того, что мы, наоборот, при изучении невроза получаем стимул для принятия и понимания многого нового, что позднее постепенно может стать предметом надежных знаний. Новое всегда пробуждает неприятное изумление и сопротивление.

Было бы ошибочно думать, что сновидения и их толкование во всех психоанализах занимают такое же большое место, как в этом примере.

Если предлагаемая история болезни и предпочитает уделять большое внимание сновидениям, то в других пунктах она является более скудной, чем мне бы этого хотелось. Но как раз эти ее недостатки связаны с теми условиями, благодаря которым появилась возможность ее публикации. Я уже сказал, что я не смог бы справиться с материалом какой-либо истории лечения, которая простирается более чем на один год. Эту же всего лишь трехмесячную историю можно узреть сразу всю целиком и заново вспомнить; но ее результаты остались неполноценными в нескольких пунктах. До поставленной цели лечение не было доведено, а было прервано по желанию пациентки, когда был достигнут определенный промежуточный результат. К этому времени мы еще совершенно не приступили к некоторым загадкам клинического случая, а другие прояснили не полностью. Продолжая же работу, мы, наверняка бы, проникли во все пункты, вплоть до последнего возможного объяснения. Таким образом, я могу предложить здесь только фрагмент анализа.

Возможно, что читатель, который знаком с представленными в «Этюдах об истерии» техниками анализа, удивится тому, что за три месяца не нашлось возможности довести до полного исчезновения хотя бы те симптомы, за которые уже энергично взялись. Но это станет понятно, если я сообщу, что со времен «Этюдов» психоаналитическая техника испытала фундаментальный переворот. Прежде наша работа исходила из симптомов и ставила своей целью их последовательное устранение. В последнее время я полностью отказался от этой техники, так как нашел ее совершенно не соответствующей тончайшей структуре неврозов. Теперь я позволяю самому больному определять тему ежедневной работы и, следовательно, отталкиваюсь от той плоскости, на которой бессознательное открывается его вниманию. Но тогда я получаю то, что неразрывно связано с самим симптомом, в виде отдельных разорванных кусочков, вплетенных в различные комбинации и распределенных на широко расходящемся отрезке времени. Несмотря на этот кажущийся недостаток, новая техника во многом превосходит старую и, несомненно, является единственно возможной.

Ввиду незавершенности моих аналитических результатов мне не остается ничего другого, как следовать примеру тех исследователей, которым повезло настолько, что им удалось из вековой забытости извлечь бесценные, хотя и исковерканные, остатки древности. Я дополнил это незавершенное по лучшим образцам, известным мне по у другим анализам, но, как и совестливый археолог, не упускал возможности в каждом случае показать, где мои конструкции аутентичны.

Другой вид незавершенности я намеренно создаю сам. В общем-то, я не показал работу по истолкованию, которая совершается относительно ассоциаций и сообщений больного, а привел только ее результаты. Таким образом, техника аналитической работы, не касающаяся сновидений, приоткрывается только в некоторых местах. В этой истории болезни я старался показать лишь детерминацию симптомов и внутреннее строение невротического заболевания. Если бы одновременно я попытался выполнить и другие задачи, то это вызвало бы только неустранимую путаницу. Для обоснования же технических, чаще всего эмпирическим путем найденных правил необходимо было бы, наверное, собрать материал из многих историй лечения. Между тем, можно считать сокращение, вызванное сокрытием техники, не особенно большим. Даже о труднейшей части техники не могло быть речи при работе с этой больной, так как фактор «переноса», о котором будет речь в конце истории болезни, во время этого короткого лечения не затрагивается.

За третий вид незавершенности этого сообщения не несут вины ни больная, ни автор. Напротив, само собой понятно, что одна единственная история болезни, даже если она

завершена и никаких сомнений не вызывает, не может дать ответ на все вопросы, которые встают в проблеме истерии. Одна история болезни не может выявить все типы заболевания, все формы внутренней структуры невроза, все возможные при истерии виды связей психического и соматического, а по справедливости, так от одного клинического случая и нельзя требовать большего, чем он может дать. Также и убеждение в общей и исключительной практичности психосексуальной этиологии истерии тот, кто все еще не смог в это поверить, вряд ли сможет получить его посредством ознакомления с одной историей болезни. В лучшем случае он отсрочит свое мнение до тех пор, пока сам своей собственной работой не приобретет право на убеждение.

Дополнение (1923 г.)

Описываемое здесь лечение было прервано 31 декабря 1899 г., сообщение о нем написано в течение 2 последующих недель, но опубликовано лишь в 1905 году. Не стоит ожидать, что более чем за два десятилетия продолжающейся интенсивной работы не должно было ничего измениться в понимании и способах представления такого клинического случая, но очевидно, что было бы абсолютно бессмысленно доводить эту историю болезни корректурами и расширениями « up to date » (Соответствующий духу времени.), приспосабливая ее к сегодняшнему состоянию нашего знания. Итак, основной текст я оставил без изменений, а только исправил в тексте небрежности и неточности, на которые обратили мое внимание мои великолепные английские переводчики мистер и миссис Strachey . То , что мне показалось допустимым критически дополнить, я привел в дополнениях к истории болезни, так что читатель вправе считать, что и сегодня я прочно придерживаюсь представленных в тексте взглядов, если в добавлениях он не найдет никакого возражения. Проблема сохранения врачебной тайны, которая занимала меня в этом предисловии, не рассматривается в других историях болезни, находящихся в томах VII, VIII и XII моего «Общего собрания трудов» (Gesammelte Werke), так как три истории болезни опубликованы после получения согласия самих лечащихся, а у маленького Ханса — с согласия отца, в одном же случае (Шребер) объектом анализа являлся вообще не человек, а выпущенная им книга. В случае же Доры тайна сохранялась вплоть до этого года. Недавно я услышал, что уже давно исчезнувшая из моего поля зрения девушка заболела вновь, но уже по другим причинам. Она открыла своему врачу, что девушкой была объектом моего анализа, и такое признание позволило сведущему врачу легко узнать в ней Дору 1899 года. То, что три месяца прежнего лечения не достигли ничего большего, как только устранения тогдашнего конфликта, что лечение не смогло добиться также и иммунитета по отношению к последующим заболеваниям, ни один справедливый человек не бросит в упрек аналитической терапии.

I . СОСТОЯНИЕ БОЛЕЗНИ

В опубликованной в 1900 году моей книге «Толкование сновидений» я доказал, что сновидения обычно можно истолковать, что они могут замещаться образцово оформленными мыслями, легко вводимыми в известных местах в душевную связь. На последующих страницах моей новой книги я хочу привести пример того единственного практического применения, которое, по-видимому, допускает искусство толкования снов. Я уже упоминал в моей книге («Толкование сновидений», 1900 г.), каким образом я вышел на проблему сновидений. Я обнаружил ее на моем пути, когда старался лечить психоневрозы при помощи особого метода психотерапии, в котором больные наряду с другими событиями из их душевной жизни сообщали мне сновидения, которые, по-видимому, стремились вплетать в уже сотканные взаимосвязи между симптомом заболевания и патологической идеей. Тогда я и научился тому, как нужно без всякой на то посторонней помощи переводить язык

сновидения на понятные нам способы работы языка нашего мышления. Я решительно утверждаю, что это познание абсолютно необходимо для психоаналитика, так как сновидение представляет собой один из путей, по которым может осознаваться тот психический материал, который, в силу противодействия вызываемого содержанием сновидения, оттесняется от сознания, вытесняется и становится поэтому патогенным. Короче говоря, сновидения являются одним из окольных путей для обхода вытеснения, одним из основных средств так называемых косвенных способов проявления в психическом. То, каким образом способствует толкование сновидений психоаналитической работе, должен показать теперь предлагаемый нами фрагмент из истории лечения истерической девушки. Одновременно он должен дать мне впервые повод в уже не вызывающей недоразумений широте публично представить часть моих взглядов на психические процессы и органические условия истерии. За такую широту подхода, мне, пожалуй, не нужно больше извиняться, с тех пор как повсеместно признается, что за громадными претензиями, которые истерия предъявляет врачу и исследователю, можно поспевать лишь с заинтересованным углублением в проблемы, а не с надменной недооценкой таковой. Конечно,

«Искусность и наука здесь важны,
Но и терпение
Живет в творении!»

Предлагать читателю не знающую пробелов и гладко завершенную историю болезни, значило бы помещать его с самого начала в совершенно другие условия, чем те, которые имел наблюдающий врач. То, что обычно сообщают родственники больного (в данном случае отец 18-летней девушки), часто представляет очень смутный образ течения болезни. Хотя затем я начинаю лечение с просьбы к самому пациенту рассказать мне всю историю жизни и болезни, и то, что я слышу в ответ, еще не достаточно для полной ориентации. Этот первый рассказ можно сравнить с непроходимым для судов потоком, где дно — то выложено грудами из скал, то разделено песчаными отмелями. Я могу лишь удивляться тому, что у некоторых авторов возникли лощеные и точные истории болезней истериков. В действительности же больные просто не способны давать о себе сведения такого свойства. Хотя пациенты могут достаточно хорошо и связно информировать врача о том или другом периоде их жизни, несколько позднее все равно наступает момент, когда их сведения становятся поверхностными, оставляя по себе пробелы и загадки, а в другой раз вообще стоишь перед совершенно темным периодом времени, в котором все полностью непонятно, несмотря на любые пояснения пациента. Взаимосвязи, даже самые очевидные, чаще всего разорваны, последовательность различных событий ненадежна, во время самого рассказа больной, повторяясь, изменяет какой-либо факт или дату, а затем после долгих колебаний, например, опять возвращается к тому, что сказал уже ранее. Неспособность больных к связному изложению своих историй жизни, поскольку те совпадают с историями болезни, является не только характерной для неврозов, но не лишенной и большого теоретического значения. [Однажды один из моих коллег передал мне для психотерапевтического лечения свою сестру, которая, как он сказал, годами безуспешно лечилась из-за истерии (боли и нарушения ходьбы). Эта краткая информация казалась полностью соответствующей диагнозу: на первых сеансах я позволил самой пациентке рассказать ее историю. Так как ее рассказ, несмотря на намечаемые в нем занимательные факты, оказался совершенно ясным и логичным, то я сказал себе, что этот случай не может быть истерией. Непосредственно после этого я провел тщательное соматическое исследование. Результатом было диагностирование умеренно прогрессирующего табеса (Сухотка спинного мозга (лат.)), существенное улучшение в картине которого произошло затем после ртутных инъекций (Ol . cinereum , проведенных профессором Lang)]. Отсутствие у больных связности в изображении личной жизни имеет следующее обоснование. Во-первых, больные сознательно и намеренно скрывают часть того, что им хорошо известно и что они должны были рассказать, из-за еще не преодоленных до конца робости и стыда (сдержанности, если в истории появляются и другие значимые лица); это — часть сознательной неоткровенности. Во-вторых, во время

этого рассказа безо всякого сознательного умысла скрывается часть анамнестических сведений, которыми больные обычно свободно располагают: это — часть бессознательной неоткровенности. В-третьих, можно всегда обнаружить действительные амнезии, провалы в памяти, причем, стираются не только старые, но даже совершенно новые впечатления; можно выявить ложные воспоминания, которые вторично образуются для затушевывания таких провалов. [Амнезии и ложные воспоминания стоят во взаимодополняющих друг друга отношениях. Там, где выявляются большие пробелы памяти, всегда натыкаешься на какие-нибудь ложные воспоминания. Как и наоборот, последние могут на первый взгляд полностью скрыть наличие амнезии.] Где все же само событие удалось сохранить в памяти, там то же самое намерение, которое вызывает амнезию, проявляется посредством устранения связи. А связь эта наиболее уверенно разрывается, если меняется временная последовательность событий. Последняя постоянно оказывается и наиболее уязвимой, наиболее часто подвергаемой вытеснению, составной частью в кладовой памяти. Некоторые воспоминания находятся, так сказать, еще в первой стадии вытеснения, на них лежит налет сомнения. А какое-то время спустя сомнение это заместилось бы забыванием или ложным воспоминанием. [При предъявлении чего-то с налетом сильного сомнения, как нас учит полученное на опыте правило, можно полностью пропустить мимо ушей высказанное мнение рассказчика. Если же повествование колеблется между двумя высказываниями, то считают верным скорее первое, а второе — продуктом вытеснения.]

Одним из таких состояний воспоминаний, относящихся к истории болезни, является необходимый, теоретически требуемый коррелянт в симптомах болезни. Позже в ходе лечения больной привносит то, что он утаивал или что ранее ему просто не приходило в голову, хотя он и знал это всегда. Ложные воспоминания оказываются непрочными, пробелы в воспоминании заполняются. Только лишь в конце лечения может появиться сама по себе последовательная, понятная и совершенная история болезни. Если практическая часть лечения нацелена на устранение всех возможных симптомов и замещение их осознанными мыслями, то другой, теоретической целью работы можно поставить излечение больного от всех ущербностей памяти. Обе цели совпадают: если достигается одна, то выиграна будет и другая; один и тот же путь ведет к обеим.

Из природы вещей, образующих материал психоанализа, следует, что в наших историях болезней мы должны в такой же степени уделять внимание чисто человеческим и социальным отношениям больных, как и соматическим данным и симптомам болезни» Прежде всего, наш интерес обращается к семейным отношениям больного, а к другим отношениям, как это будет далее видно, только в том случае, если они как-то связаны с выявляемой наследственностью.

Семейный круг 18-летней пациентки охватывал ее родителей и брата, который старше неё на полтора года. Доминирующей персоной был отец, вследствие его ума и качеств характера, а также его жизненных обстоятельств, которые образовали как бы помост для истории детства и болезни нашей пациентки. В то время, когда я взялся лечить девушку, это был мужчина во второй половине пятого десятка лет, с совершенно необычайной живостью и одаренностью, очень состоятельный фабрикант. Дочь была привязана к нему с особой нежностью, и ее преждевременно пробудившаяся критичность пробудила тем более сильный негативный импульс к некоторым его действиям и качествам.

Эта ее нежность была, кроме того, усилена из-за многих тяжелых заболеваний, которым был подвержен отец, начиная с шестого года её жизни. В то время его заболевание туберкулезом послужило поводом к переезду семьи в один из небольших, климатически более благоприятных, городов наших южных провинций. Легочное заболевание сразу пошло на убыль. Но и в последующие приблизительно десять лет из-за необходимой предосторожности этот городок, который далее я буду обозначать Б., оставался основным местом проживания родителей и детей. По временам, когда ему бывало хорошо, отец отсутствовал, посещая свои фабрики. Для середины лета всегда подыскивался какой-либо высокогорный курорт.

Когда девочке было примерно 10 лет, из-за отслоения сетчатки отцу стало необходимо лечение темнотой. Последствием этого заболевания стало так и оставшееся у отца плохое зрение. Самое же серьезное заболевание произошло примерно два года спустя. Оно состояло в припадке помешательства, к которому затем присоединились проявления паралича и легкие психические нарушения. Один из его друзей, чья роль позднее еще будет нас занимать, побудил тогда же лишь немного поправившегося больного поехать вместе со своим врачом в Вену, чтобы проконсультироваться у меня. Некоторое время я колебался в том, не следует ли мне допустить существование у него паралича, вызванного сухоткой, но затем я все же решился на диагноз диффузного сосудистого поражения, а после признания больным наличия у него специфической инфекции до брака, предпринял сильное противосифилитическое лечение, в результате которого еще остававшиеся нарушения были полностью устранены. Вероятно, такому счастливому вмешательству я должен быть благодарен за то, что четырьмя годами позднее отец представил мне свою ставшую явно невротичной дочь, а через два последующих года передал ее для психотерапевтического лечения.

Тем временем в Вене я познакомился и с несколько более старшей сестрой пациента, у которой я вынужден был признать одну из тяжелых форм психоневроза без характерных истерических симптомов. Эта женщина умерла после переполненной несчастьями брачной жизни при не до конца проясненных обстоятельствах от быстро прогрессирующего маразма.

Старший брат пациента был холостяком-ипохондриком; иногда я встречал его.

Девушка, которая стала моей пациенткой в 18 лет, с незапамятных времен отдавала свои симпатии отцовскому семейству, а после того, как она сама заболела, видела свой идеал в упомянутой тете. У меня также не вызывало никакого сомнения и то, что она, как по своей природной одаренности и раннему интеллектуальному развитию, так и по болезненным предрасположенностям, принадлежала этому семейству. Мать я так никогда и не увидел. По информации, полученной от отца и девушки, я мог создать себе представление, что она мало образованная, но, прежде всего, неумная женщина, которая, особенно после заболевания мужа и последовавшего затем отчуждения к нему сконцентрировала все свои интересы на домашнем хозяйстве и, таким образом, представляла собой образ того, что можно бы было назвать «психозом домохозяйки». Без малейшего понимания живых интересов своих детей, она целый день занималась наведением порядка и поддержанием чистоты в квартире, на мебели и приборах в такой сильной степени, что это делало почти невозможным их использование или получение от них удовольствия. Здесь никак нельзя обойти молчанием то, что такое состояние, намеки на которое можно достаточно часто найти у всех домохозяек, чем-то напоминает формы навязчивости, связанные с мытьем или другими мероприятиями чистоплотности; но все же у таких женщин, как и у матери нашей пациентки, полностью отсутствует осознание болезни, а в этом, как раз, и существенная примета «невроза навязчивости». Отношения между матерью и дочерью уже годами были очень недружелюбными. Дочь не замечала матери, жестко критиковала ее и практически полностью уклонялась от какого-либо влияния с ее стороны.

[Я не стою на той простой точке зрения, что единственной причиной в этиологии истерии является наследственность. Но я хотел бы как раз в связи с более ранней публикацией в « Revue neurologiue » (1896),в которой я преодолел такую однозначность, не пробуждать видимости того, что я недооцениваю фактор наследственности в этиологии истерии или даже вообще считаю его излишним. В случае с нашей пациенткой имеется вполне очевидная болезненная отягощенность, исходя уже из того, что сообщено об отце и его сестре. Конечно тот, кто считает, что болезненные состояния, подобные тому, которые имеет мать, невозможны без наследственной предрасположенности, посчитал бы наследственность в этом случае конвергентной. Мне кажется более значительным для наследственной или лучше сказать конституциональной предрасположенности девушки другой момент. Я уже упомянул, что до брака отец перенес сифилис. А поразительно большой процент моих психоаналитически подопечных происходит от отцов, которые

страдали табесом, или параличом. Вследствие новизны моего терапевтического метода на мою долю выпадали только тяжелейшие случаи, когда больные в течение ряда лет лечились безо всякого успеха. Табес, или паралич, родителя любой приверженец наследственного учения может принять за указание на имевшую место сифилисную инфекцию, которая в некотором числе случаев была установлена мной у таких отцов. В последней дискуссии о потомстве сифилитиков (XIII Интернац. Медицинский конгресс в Париже 2-9 августа 1900 года, доклады Finger , Tamowsky , Jullien и др.) я не заметил упоминания того факта, признать который заставляет меня мой опыт невропатолога. А именно: что сифилис родителей может с большой вероятностью приниматься во внимание как этиологический фактор для невропатической конституции детей.]

Единственный, на полтора года старший брат девушки ранее был для нее идеалом, а многие из его амбиций она просто переняла. В последние годы отношения брата и сестры ослабели. Молодой человек, насколько только можно, пытался уклониться от семейной смуты. Там, где он все же должен был принять чью-либо позицию, он стоял на стороне матери. Таким образом, обычная сексуальная притягательность отца и дочери, с одной стороны, матери и сына — с другой, сблизили их еще теснее.

Наша пациентка, которой отныне я буду давать имя Дора, уже в возрасте восьми лет проявляла нервные симптомы. Тогда ее болезнь проявлялась непрерывным припадкообразно нарастающим удушьем, которое появилось впервые после небольшой горной прогулки и потому объяснялось переутомлением. Это состояние в течение полугода постепенно исчезло в результате навязанных ей покоя и мер предосторожности. Домашний врач, по-видимому, ни одной минуты не колебался в диагнозе чисто нервного расстройства и исключения органических причин, но очевидно и то, что он считал установленный им диагноз не противоречащим этиологии, объясняющей все переутомлением [О возможном поводе для этого первого заболевания смотри ниже].

Малышка перенесла обычные детские инфекционные болезни без всяких осложнений. Как она (многозначительно намекая) рассказала, начинал обычно болеть брат, причем у него болезнь имела легкий характер, а после этого уже следовало ее заболевание с тяжелыми проявлениями. В двенадцать лет у нее возникли мигренеобразные, односторонние головные боли и припадки нервного кашля, вначале всегда возникавшие совместно, а затем постепенно оба симптома разделились, и каждый получил свое собственное развитие. Мигрени стали реже и в шестнадцать лет полностью исчезли. Припадки же нервного кашля, которым вероятно дал повод обычный катар, сохранялись все время. Когда она в восемнадцать лет пришла ко мне на лечение, то в последнее время она кашляла особым характерным образом. Число таких припадков невозможно было установить, длительность же их составляла от трех до пяти недель, однажды даже несколько месяцев. В первой половине такого припадка, по меньшей мере, в последние годы, наиболее тягостным симптомом было полное отсутствие голоса. Диагноз, касающийся невротической природы этих симптомов, был уже давно установлен. Разнообразные общепринятые виды лечения, даже гидротерапия и локальная электризация, не имели никакого успеха. Ребенок, выросший в таких условиях, незаметно превратился в зрелую, очень самостоятельную в суждениях девушку, привыкшую к тому, чтобы высмеивать усилия врачей, и, в конце концов, вовсе отказавшуюся от любой медицинской помощи. Впрочем, она уже с незапамятных времен сопротивлялась любым попыткам проконсультироваться у врача, хотя и не питала никакого отвращения к личности их домашнего доктора. Любое предложение, связанное с возможностью проконсультироваться у нового врача, вызывало ее сопротивление, и прийти ко мне ее заставило только властное слово отца.

Впервые я увидел ее шестнадцатилетней в начале лета, обремененной кашлем и хрипотой. Уже тогда я предложил психическое лечение, от которого потом отказались, так как и этот несколько дольше затянувшийся припадок прошел спонтанно. Зимой следующего года она после смерти любимой тети находилась в доме дяди и его дочери и заболела здесь лихорадкой. Это болезненное состояние было тогда диагностировано как аппендицит. А в

ближайшую затем осень семья окончательно оставила курорт Б., так как, по всей видимости, здоровье отца позволяло это. В начале переселились в местечко, где находилась фабрика отца, а годом позднее прочно осели в Вене.

Тем временем Дора превратилась в цветущую девушку с интеллигентными приятными чертами лица, но для родителей она все же создавала кучу проблем. Главным признаком ее болезни были дурное настроение и изменения в характере. Очевидно, что она была недовольна собой, близкими. Своего отца она встречала недружелюбно и вообще больше не переносила присутствия матери, которая хотела каким-нибудь образом привлечь ее к домашним делам. Она пыталась избегать общения. Насколько усталость и рассеянность, на которые она жаловалась, могли позволить, она занималась слушанием докладов для дам и серьезной учебой. В один из дней родители испугались до ужаса, обнаружив на письменном столе (или внутри него) письмо девушки, в котором она прощалась с ними, так как не могла больше выносить такую жизнь. [Это лечение, а также и мое видение Взаимосвязи событий в истории болезни, как я уже сообщал, осталось лишь фрагментарным. Поэтому в некоторых пунктах я вообще не могу дать никаких сведений, а высказываюсь лишь намеками или предположениями. Когда на одном из сеансов речь зашла об этом письме, девушка удивленно спросила: «Как же они нашли письмо? Оно ведь было заперто на ключ в моем письменном столе». Но так как она знала, что родители прочитали этот набросок прощального письма, я посчитал, что она сама его подсунула им в руки.]

Немалая осведомленность отца позволила ему догадаться, что у девушки вовсе не было серьезного намерения совершить самоубийство, но эта история настолько потрясла его, что однажды после незначительной перепалки между отцом и дочерью, когда у последней возник первый припадок с потерей сознания, а затем и амнезия, было принято решение несмотря на ее сопротивление, что она пойдет ко мне на лечение. [Я считаю, что в этом припадке наблюдались также и судороги, и делирий, но так как анализ не дошел до этого события, я не располагаю каким-либо надежным воспоминанием пациентки на этот счет.]

История болезни, которую я сейчас набросал, вероятно, в целом покажется не заслуживающей внимания. «Неполноценная истерия» вместе с самыми обыденнейшими соматическими и психическими симптомами: диспноэ (одышка), нервный кашель, афония, ну еще мигрени, к тому же дурное настроение, истерическая неуживчивость. Конечно, опубликованы и более интересные истории болезни истериков и даже очень часто тщательно исследованные. Но даже то, что касается стигм кожной чувствительности, ограничений поля зрения и тому подобного, не может продвинуть нас далеко. Я позволю себе только одно замечание, что все эти находки редких и удивительных проявлений истерии не смогли нам донести чего-то существенного в познании этой все еще загадочной болезни. Чего мы не делали, так это как раз объяснения ее наиболее привычнейших и наиболее частых типичных симптомов. Я был бы удовлетворен, если бы обстоятельства позволили мне на этом примере малой истерии дать полное объяснение. На основании моего опыта с другими больными я не сомневаюсь в том, что моих аналитических средств достаточно для этого.

В январе 1896 года, вскоре после публикации моих с доктором И. Бройером «Этюдов об истерии» я спросил одного выдающегося коллегу его мнение о представленной в них психологической теории истерии. Он ответил напрямик, что считает ее необоснованным обобщением выводов, которые могут быть справедливы только для немногих определенных случаев. С того времени я во множестве наблюдал разные случаи истерии. С каждым из них я занимался днями, неделями или годами и ни в одном из этих случаев не отсутствовали те психические условия, которые постулировали «Этюды», а именно, психическая травма, конфликт аффектов и, что я добавил в позднейшей публикации, затронутость сексуальной сферы. Нельзя, конечно, в этих вещах, ставших из-за их стремления скрываться патогенными, ожидать, что больные смогут их открыть врачу или довольствоваться первым «Нет», когда пациент, таким образом, противится серьезному исследованию. [Здесь один пример к последнему высказыванию. Один из моих венских коллег, чье убеждение в незначительности сексуальных факторов для истерии было, вероятно, очень прочно,

решился в работе с четырнадцатилетней девочкой с постоянной истерической рвотой на мучительный вопрос, не имела ли она любовную связь. Ребенок ответил «Нет», вероятно, еще и с хорошо разыгранным удивлением и возмущением рассказал об этом в своей привычной манере матери: «Подумай только, этот дурак меня даже спросил, не влюблена ли я». Затем она пришла ко мне на лечение и оказалась — конечно же, не сразу в первой беседе — многолетней мастурбаторшей с сильным Fluor albus (Обильные белые выделения из влагалища (бели), без примесей крови (лат.)) (которые имели много схожего с рвотой). Со временем это прошло само собой, но в абстиненции она мучилась от сильнейшего чувства вины, так что все несчастья, выпадавшие на долю семьи, она расценивала как божественное наказание за свои прегрешения. Кроме того, она находилась под впечатлением от романа ее тетки, внебрачную беременность (вторая причина для рвоты) которой, по-видимому, удалось счастливо утаить. Хотя она и считалась «абсолютным ребенком», все же выяснилось, что она посвящена во все существенные детали сексуальных отношений.]

В работе с моей пациенткой Дорой я, благодаря (уже несколько раз упомянутому) пониманию отца, не вынужден был самостоятельно искать привязку симптомов к жизненным событиям, по меньшей мере, того, что касалось последнего формирования болезни. Отец сообщил мне, что он, как и вся его семья, во время проживания в Б. находился в тесной дружбе с одной супружеской парой, которая поселилась там несколькими годами ранее. Госпожа К. заботилась об отце во время его тяжелой болезни и посредством этого приобрела непреходящее притязание на его благодарность.

Господин К. был постоянно очень любезен по отношению к его дочери Доре, совершал с ней прогулки, когда бывал в Б., дарил ей маленькие подарки. Отец все же никогда не находил в этом чего-то худого. За двумя маленькими детьми супружеской пары К. Дора ухаживала самым тщательнейшим образом, одновременно, как бы замещая им мать. Когда два года назад летом отец и дочь посетили меня, они как раз собирались в гости к господину и госпоже К., которые проводили летний отпуск на одном из наших альпийских озер. Дора должна была несколько недель погостить в доме К., а отец хотел через несколько дней возвратиться назад. Господин К. тоже был в эти дни дома. Но когда отец собирался к отъезду, девушка неожиданно с необычайно сильной решимостью заявила, что она тоже уезжает с ним, и она действительно этого добилась. Только несколько дней спустя она дала объяснение своему странному поведению. Она многое рассказала матери для того, чтобы посредством нее получить дальнейшее покровительство отца, а именно, что господин К. на одной из прогулок по озеру отважился сделать ей любовное предложение. Обвиняемый, у которого при первой возможности потребовали объяснений, самым упорным образом отрицал свою вину и сам начал подозревать девушку, которая, по рассказам госпожи К., проявляла интерес лишь к сексуальным вещам и даже читала в их доме на озере «Физиологию любви» Мантегацци и тому подобные книги. Вероятно, она просто перегрелась от такого чтения и «вообразила» себе всю ту сцену, о которой она рассказывает.

«Я не сомневаюсь, — сказал отец, — что это событие вызвано дурным настроением Доры, ее раздраженностью и мыслями о самоубийстве. Она добивается от меня того, чтобы я прекратил общение с господином и, особенно, с госпожой К., которых ранее она почти обожествляла. Но я не могу разорвать эти отношения, так как, во-первых, считаю сам рассказ Доры о безнравственном предложении этого мужчины простой фантазией, которую она выдумала, а во-вторых, я связан с госпожой К. честной дружбой и не хочу причинять ей боль. Эта бедная женщина очень несчастлива со своим мужем, о котором я вообще не лучшего мнения. Она очень измучена и видит во мне единственную опору. При моем состоянии здоровья я, наверное, не нуждаюсь в том, чтобы уверять Вас, что за таким поведением не прячется ничего недозволенного. Мы лишь два бедных человека, которые поддерживают друг друга участием, насколько это возможно. Что я ничего не испытываю в присутствии своей собственной жены, Вам уже известно. Но Дору, которая имеет такую же упрямую голову, как я, невозможно отвести от ее ненависти к К. Последний ее припадок был после одного из разговоров, в котором она опять выдвинула мне то же самое требование.

Попытайтесь теперь. Вы, вразумить ее».

Не совсем полностью в согласии с таким признанием стояло то, что в других своих речах отец пытался сместить главную вину с невыносимой сущности своей дочери на мать, чьи именно качества портили весь дом. Но я уже давно привык к тому, что необходимо отсрочить мое мнение о действительном положении вещей до тех пор, пока я не услышу и другую сторону.

Таким образом, в переживании, связанном с господином К., — в любовном предложении и последующем затем оскорблении чести— заключалась для нашей пациентки Доры психическая травма, которую в свое время Бройер и я выдвинули в качестве неизбежного предварительного условия для возникновения истерического болезненного состояния. Но этот новый случай показал мне и все оставшиеся трудности, которые с тех пор постоянно побуждали меня выйти за пределы прежней теории, особенно, ввиду трудностей нового рода. [Я действительно осуществил это, не отказываясь от старых взглядов, то есть я считаю их сегодня не ложными, а просто неполными. Отказался же я лишь от выделения так называемого гипноидного состояния, наступающего у больного вследствие травмы и берущего на себя обоснование всех других патопсихологических явлений. Если в совместной работе позволительно предпринять уже задним числом раздел собственности, то я хотел бы здесь сказать, что понятие «гипноидное состояние», в котором некоторые специалисты хотели бы видеть ядро нашей работы, появилось исключительно по инициативе Бройера. Я считаю чрезмерным и ошибочным разрушение ясности проблемы, касающейся психических процессов при образовании истерических симптомов, посредством употребления такого термина.] Но известная нам психическая травма в истории жизни никогда, что так часто видно в историях болезни истериков, не достаточна для объяснения своеобразия симптомов, для их детерминации. Много ли мы узнали бы об имеющейся психической определенной закономерности, если бы следствием травмы были какие-то другие симптомы, а не нервный кашель, афония, дурное настроение. Позже выясняется, что часть этих симптомов — кашель и безголосие — существовали у больной уже годами до травмы. А первые их проявления, вообще, относятся к детству, так как они появились на восьмом году жизни. Итак, если мы не хотим отказаться от травматической теории, то мы должны дойти в нашей работе до детства, чтобы отыскать там те влияния и впечатления, которые могут действовать аналогично травме. И тогда по праву достойно внимания то, что и исследование случаев, где нервные симптомы появились гораздо позже детства, побуждали меня исследовать историю жизни вплоть до первых детских лет [См. мою работу «К этиологии истерии», Wiener klinische Rundschau 1896, Nr . 22—26].

После того как были преодолены первые трудности в курсе лечения, Дора рассказала мне о более раннем переживании, связанном с господином К., которое даже лучше подходит для того, чтобы проявиться в качестве сексуальной травмы. Тогда пациентке исполнилось 14 лет. Господин К. договорился с нею и своей женой, что дамы после обеда должны прийти в его магазин на центральной площади Б., чтобы оттуда наблюдать церковное торжество.

Однако он побудил свою жену остаться дома, отпустил приказчиков и, когда девушка вошла в магазин, был там один. Когда подошло время церковной процессии, он попросил девушку подождать его у дверей, пока он опустит роликовые жалюзи. Затем он возвратился и вместо того, чтобы выйти в открытую дверь, неожиданно прижал ее к себе и запечатлел поцелуй на ее губах. Вероятно, этой ситуации было достаточно, чтобы у 14-летней целомудренной девочки вызвать яркое ощущение сексуального возбуждения. Но в этот момент Дора ощутила сильную тошноту, вырвалась и, минуя этого мужчину, помчалась к лестнице и далее по ней к выходу из дома. Тем не менее, общение с господином К. продолжалось; никто из них ни разу не упомянул эту маленькую сценку, и она даже намеревалась сохранить ее в тайне вплоть до исповеди на лечении. Впрочем, в последующее время она избегала любой возможности оставаться с господином К. наедине. Супружеская пара К. договорилась тогда совершить многодневную поездку, в которой должна была участвовать и Дора, но после поцелуя в лавке она отказалась, не приводя никаких доводов.

В этой, по счету второй, а по времени более ранней сцене, поведение четырнадцатилетнего ребенка уже в общем и целом истерично. Любую личность, у которой какой-либо повод к сексуальному возбуждению вызывает в основном (или даже исключительно) чувство неудовольствия, я, не раздумывая, рассматривал бы как истеричную, никак не учитывая того, способна ли она образовывать соматические симптомы или нет. Объяснение механизма такого извращения аффекта все еще остается наиболее значительной, как и труднейшей задачей психологии неврозов. По моему собственному мнению, я еще нахожусь в самом начале пути к этой цели. А в рамках этого сообщения я даже из того, что знаю, могу представить лишь часть.

Случай нашей пациентки Доры еще не полностью характеризуется исходя из извращения аффекта, здесь произошло смещение ощущения. Вместо генитальных ощущений, которые у здоровой девушки при этих обстоятельствах [признание таковых обстоятельств будет облегчено последующим объяснением], конечно же, не могут отсутствовать, у нее появляются ощущения неудовольствия, которые принадлежат слизистой оболочке входа в пищеварительный канал

— тошнота. Конечно, на эту локализацию повлияло раздражение губ поцелуем; но я думаю, что здесь можно признать действие и другого фактора. [Других случайных причин тошноты Доры из-за этого поцелуя, конечно, не было. Они бы, несомненно, были упомянуты. К счастью, я знаю господина К.. Это то самое лицо, которое привело отца пациентки ко мне, еще моложавый мужчина приятной наружности.]

Ощущавшаяся тогда тошнота не стала у Доры хроническим симптомом. Даже во время лечения тошнота проявлялась лишь в виде легких намеков, пациентка плохо ела и призналась в легком отвращении к пище. А та сцена оставила по себе другую реакцию, галлюцинацию-ощущение, которая время от времени повторялась вновь во время ее рассказа. Она говорила, что и сейчас еще ощущает давление в верхней части туловища от того объятия. По определенным правилам формирования симптомов, которые мне были известны в связи с другими, иначе не объяснимыми качествами больной, когда, например, она не могла пройти мимо ни одного мужчины, если видела его стоящим во время бурного или нежного разговора с дамой, я создал для себя следующую реконструкцию развития событий в той сцене. Я считаю, что в том бурном объятии она ощутила не только поцелуй на своих губах, но и давление эрегированного члена на своем теле. Это непристойное для нее восприятие было устранено из памяти, вытеснено и замещено безобидным ощущением давления на грудную клетку, которое приобрело свою чрезмерную интенсивность за счет вытесненных источников. То есть новое смещение с нижней части тела на верхнюю. [Такие смещения предпринимаются не только, например, с целью этого единственного объяснения, но они оказываются неизбежным условием для целого ряда симптомов. С тех пор тот же самый ужасающий результат объятия (без поцелуя) я нашел у одной ранее нежно влюбленной невесты, которая обратилась ко мне из-за внезапного охлаждения к ее суженому, наступившего на фоне тяжелого дурного настроения. Здесь без особых трудностей удалось объяснить испуг посредством воспринятой, но устраненной из сознания, эрекции у мужчины.] Эта навязчивость в ее поведении была сформирована таким образом, словно исходила из какого-то неизвестного воспоминания. Она не может пройти мимо ни одного мужчины, у которого замечает сексуальное возбуждение, так как она боится вновь увидеть его соматические проявления.

Здесь заслуживает внимания то, что три симптома (тошнота, ощущение давления на верхнюю часть тела и боязнь увидеть мужчину при нежном разговоре) происходят из одного и того же переживания. И только при тщательном сопоставлении всех этих трех признаков возможно понимание процесса формирования симптомов. Тошнота соответствует симптому вытеснения эрогенной (избалованной посредством инфантильного сосания, как мы еще услышим) зоны губ. Давление эрегированного члена, вероятно, имело своим последствием аналогичное изменение на соответствующем женском органе, клиторе, а возбуждение этой второй эрогенной зоны посредством смещения было зафиксировано на одновременном

ощущении давления на грудную клетку. Боязнь мужчин, находящихся в сексуально возбужденном состоянии, вероятнее всего появляется в соответствии с механизмом образования фобии, чтобы предохранить себя от нового появления вытеснение переживания.

Чтобы доказать возможность именно такого взгляда, я осторожнейшим образом расспрашивал пациентку о том, не известно ли ей что-нибудь из телесных признаков возбуждения на теле мужчины. Ответ гласил: на сегодня да тогда же как она считает, нет. В работе с этой пациенткой я с самого начала наиболее тщательным образом старался не навязывать ей каких-нибудь новых знаний в области половой жизни. И все это вовсе не по этическим соображениям, а потому что я хотел на примере случая с этой пациенткой подвергнуть тщательной проверке выдвинутые мною гипотезы. Таким образом, какую-нибудь вещь я лишь тогда называл ее собственным именем, если наличие слишком явных намеков с ее стороны позволяло мне считать мое объяснение очень рискованным предприятием. Ее быстрые и правдивые ответы постоянно заканчивались тем, что ей это все давно известно, но загадка, откуда же она все знает, не могла быть решена посредством ее воспоминаний. Она забыла появление всех этих знаний (см. второй сон).

Если я попытаюсь представить себе ту сцену с. поцелуем в лавке, то я прихожу к следующей причине тошноты. [Здесь, как и во всех подобных ситуациях, нужно опираться не на одно, простое, а на множественное обоснование, на сверхдетерминацию]. Реакция в виде тошноты вначале, конечно, является лишь реакцией на запах (а позднее и на вид) экскрементов. Но как раз эти экскрементные функции могут напомнить гениталии и, особенно, мужской член. Так, в нашем контексте этот орган служит не только сексуальной функции, но и функции опорожнения мочевого пузыря. Конечно же, такое физиологическое отправление известно уже давно, а в досексуальный период оно считалось вообще единственно возможным. Таким образом, тошнота достигает-таки определенного положения среди аффектных проявлений сексуальной жизни. Это именно то, находящееся в фазе зарождения между уриной и фекалиями, постоянно упоминаемое отцами церкви, что присуще сексуальной жизни и назло всем идеализирующим попыткам неотделимо он нее. Но я бы хотел с особенной силой подчеркнуть, что вот таким доказательством посредством этого ассоциативного пути я вовсе не считаю саму проблему разрешенной. Хотя и можно пробудить такие ассоциации, этим еще не объясняется, что именно они и будут вызывать определенные явления. В нормальных условиях этого не бывает. Познание путей появления вовсе не делает излишним познание сил, которые бродят по этим путям, вызывают само явление. Во всех этих пояснениях много типичного, а для истерии и, вообще характерного. Тема эрекции позволяет разгадать некоторые интереснейшие истерические симптомы. Женское внимание к воспринимаемым через одежду очертаниям мужских гениталий становится в результате его вытеснения мотивом очень многих случаев боязни людей и страха нахождения в обществе. Широко простирающаяся связь сексуального и экскрементного, патогенное значение которых не может вероятно калькулироваться с достаточно большой степенью точности, служит вообще основой огромного числа истерических фобий.

В общем, мне оказалось нелегко направить внимание моей пациентки на ее общение с господином К. Она утверждала, что с этим типом уже все покончено. Наиболее поверхностный слой ее ассоциаций на сеансах, все то, что она легко осознавала и что она вообще вспоминала в качестве прошедших событий дня, все это всегда относилось к отцу. Совершенно верно, что она не смогла простить отцу продолжения общения с господином и особенно с госпожой К. Конечно же, понимание ею этого общения было явно иным, чем то, которое лелеял отец. Для нее здесь не было никакого сомнения в том, что речь просто идет об обычной любовной связи, что ее отец просто привязался к молодой и красивой женщине. Ничто из того, что могло бы каким-нибудь образом подтвердить это, не ускользало от ее острого взгляда, совершенно непримиримого в этом деле, здесь вообще невозможно было найти какой-либо пробел в ее памяти. Знакомство с семейством К. началось еще до тяжелого заболевания отца. Но теснее оно стало лишь во время болезни, когда молодая женщина

формально приняла на себя роль сиделки, в то время как мать держалась подальше от кровати больного. Во время первого летнего отдыха за городом, вскоре после выздоровления отца, произошли такие вещи, которые должны бы любому раскрыть глаза на истинную природу этой «дружбы». Обе семьи вместе арендовали часть отеля, и однажды госпожа К. заявила, что она не может больше оставаться в спальне, которую она до сих пор разделяла со своими детьми, а несколькими днями позже и отец Доры отказался от своей спальни. Оба заняли новые комнаты в самом конце коридора, напротив друг друга, а помещения, от которых они отказались, не гарантировали от помех. Когда позднее она делала отцу упреки относительно госпожи К., то он, пытаясь оправдаться, говорил, что не понимает такой вражды, дети же, скорее всего, имели все причины для того, чтобы быть благодарными госпоже К. Мать, к которой она обратилась затем за разъяснениями этой темной речи, сообщила ей, что папа был тогда так несчастлив, что даже хотел покончить с собой в лесу. Но госпожа К., подозревавшая это, последовала за ним и своими просьбами помогла ему сохранить себя для близких. Естественно, что девочка не поверила в это. Наверное, их обоих вместе увидели в лесу, и тогда папа придумал эту сказку о самоубийстве, чтобы оправдать рандеву. [Это привязка к ее собственной комедии самоубийства, которая, таким образом, выражает пристрастие к подобного рода любви.] Когда после этого они возвратились в Б., то папа стал ежедневно в определенные часы бывать у госпожи К., пока ее муж находился в магазине. Все люди говорили об этом и с особым пристрастием расспрашивали ее о подробностях. Сам господин К. часто горько жаловался Доре на ее мать, саму же ее щадил, ограничиваясь намеками на сей деликатный предмет, что, по-видимому, она засчитывала ему в качестве проявления нежного чувства. В совместных прогулках папа и госпожа К. почти в любое время могли устроить события так, чтобы остаться наедине. Не было никакого сомнения тому, что она брала от него деньги, так как она позволяла себе такие расходы, которые не смогла бы оплатить из средств мужа или своих собственных. Папа начал также делать ей дорогие подарки, чтобы это как-то скрыть, одновременно, он стал особенно щедр к матери и к ней, Доре. Вплоть до последнего времени это болезненная женщина, которая месяцами должна была находиться в больнице для нервнобольных, так как не могла ходить, стала с тех пор здоровой и жизнерадостной.

И после того, как семья покинула Б., эта многолетняя связь продолжалась. Отец время от времени заявлял, что он не переносит суровый климат, что-то он должен для себя сделать, начинал кашлять и жаловаться, пока вдруг неожиданно не уезжал в Б. Оттуда он писал самые беззаботные письма. Все эти болезни были только поводом, чтобы навестить свою подругу. А потом однажды прозвучало, что они переселяются в Вену. Девочка начала догадываться о причине. И, действительно, не прошло и трех недель их пребывания в Вене, как она узнала, что К. тоже переселяются в Вену. Теперь она часто встречала на улице папу с госпожой К. Чаще стала встречать она и господина К., он всегда провожал ее взглядом. Однажды он встретил ее одну и долго шел следом, чтобы узнать, куда она идет, а, возможно, и просто прогуливается.

Ее критика папы касалась того, что папа не откровенен, врет, думает только о своем собственном удовольствии и нечестно использует свой дар излагать любые вещи в таком свете, в каком они ему лучше всего подходят. Такую критику я слышал особенно в те дни, когда отец опять чувствовал ухудшение здоровья и уезжал на несколько недель в Б., после чего зоркая Дора вскоре выведывала, что и госпожа К. также путешествовала в ту же самую сторону к родственникам.

В общем-то, я не мог оспаривать такую характеристику отца. Легко было видеть и то, в чем Дора была права. Когда она была в раздраженном состоянии, она не могла отделаться от впечатления, что она была одолжена господину К. в качестве платы за допущение отношений между отцом Доры и его женой. Можно было легко догадаться, что за ее нежностью к отцу на самом деле прячется ярость за такой маневр. В другие же времена она хорошо понимала, что, говоря об этом, она явно утрирует события. Формального пакта, в котором бы она фигурировала в качестве предмета обмена, естественно, мужчины никогда

не заключали, отец пришел бы в ужас от такого предположения. Но он принадлежал к тем мужчинам, которые могут легко погасить обостряющийся конфликт посредством того, что в своем восприятии раздираемой на части реальности они никогда до конца не искренни. При обращении его внимания на возможность того, что взрослеющая девушка может подвергнуться опасности в результате постоянного и безнадзорного общения с мужчиной, не получающим удовлетворения от своей жены, он, наверняка бы, ответил: за свою дочь я могу ручаться. Мужчина, подобный К., никогда не может быть ей опасен, да и сам его друг просто не способен на такую подлость. Или: Дора еще ребенок и К. общается с ней как с ребенком. Но в действительности же происходило то, что каждый из обоих мужчин избегал делать из поведения другого те выводы, которые были неудобны для его собственных желаний. Господин К. мог в течение года каждый раз в свой приход присылать цветы, использовать любую возможность для дорогих подарков и проводить все свое свободное время в ее обществе. И это без всякого намека на то, что ее родители в таком поведении обнаружат характер любовного предложения.

Когда в психоаналитическом лечении появляется конкретно обоснованный и безупречный ряд мыслей, то на какой-то момент врач, наверняка, окажется в замешательстве. Когда больной задает вопрос: «А что, если все это так и было? Что Вы можете здесь изменить, после того, как я рассказал Вам это?» Вскоре тогда замечаешь, что такие недоступные для анализа мысли используются больным для того, чтобы скрыть другие, которые они желают не подвергать критике и осознанию. Так ряд упреков, адресованных другим лицам, позволяет предположить наличие ряда самоупреков такого же содержания. Нужно только упреки, относящиеся к другим лицам, переадресовать назад к самой личности оратора. Такой способ защиты от какого-либо самоупрека, когда этот же упрек направляется на другое лицо, имеет в себе что-то неоспоримо автоматическое. Прообраз его находится в «ответных маневрах» детей, когда они не задумываясь отвечают: «Ты сам врешь», — если их обвиняют во лжи. Взрослые, стремясь в свою очередь оскорбить, выискивали бы какую-нибудь реальную слабую сторону противника, а не стремились бы повторить ответ противника. Такая проекция упрека на другого без изменения его содержания и, таким образом, без привязанности к реальности, проявляется в паранойе, как бредовый процесс.

Вот так и упреки Доры, относящиеся к ее отцу, были «подпитаны», продублированы самоупреками того же содержания. Сейчас мы покажем это подробнее. Она была права в том, что отец не хотел прояснить для себя поведение господина К. по отношению к своей дочери, чтобы не нарушать свои отношения с госпожой К. Но и дочь делала то же самое. Она сделала себя со-виновницей этих отношений, а на все знаки, которые бы могли показать их действительную природу, просто не обращала внимания. Только после приключения на озере у нее открылись глаза, и тогда начались ее строгие придирки к отцу. А до того все эти годы она, как только могла, содействовала любой возможности для общения отца с госпожой К. Она не шла к госпоже К., если ожидала там увидеть отца. Она знала, что в таком случае дети будут выставлены из дома, и выбирала такой маршрут, чтобы встретить на пути детей и погулять с ними. В доме находилось еще одно лицо, которое хотело заблаговременно открыть ей глаза на отношения отца с госпожой К. и побудить ее на борьбу с этой женщиной. Это была их последняя гувернантка, очень начитанная старая дева свободных взглядов. [Эта гувернантка, которая прочитала все книги о половой жизни и тому подобные, и рассказывала о них девочке. Она же прямодушно попросила Дору о том, чтобы та держала все, относящееся к этому, втайне от родителей, так как, конечно, невозможно узнать, как бы те отнеслись к этому. — Вот именно в этой-то деве я и искал какое-то время источник всех тайных познаний Доры, и возможно, я не совсем здесь ошибался.] Учительница и ученица одно время находились друг с другом в действительно хороших отношениях, потом вдруг совсем неожиданно девочка поссорилась с ней и настояла на ее увольнении. Все то время, пока старая дева еще обладала влиянием, она использовала его для того, чтобы натравить всех на госпожу К. Она растолковывала маме, что никак не соответствует ее достоинству то,

что она терпит такую близость своего мужа с чужой женщиной. Она обратила внимание Доры на все то, что могло показаться странным в таком общении. Но все ее старания оказались напрасными. Дора оставалась нежно преданной госпоже К. и не хотела и слышать о чем-либо, что могло бы выставить общение отца с госпожой К. в непристойном виде. С другой стороны, Дора очень хорошо могла разобраться в мотивах, которые побуждали ее гувернантку. Слепая, с одной стороны, она была достаточно проницательна, с другой. Дора заметила, что дева влюблена в папу. Когда отец находился вместе с ними, старая дева казалась совершенно другим лицом. Тогда она могла быть забавной и услужливой. В то время, когда семья уже пребывала в фабричном городке, и госпожа К. была вне уровня досягаемости, гувернантка натравливала отца на маму как на оставшуюся соперницу. Все это Дора еще не засчитывала старой деве во зло. По-настоящему разозлилась она лишь тогда, когда заметила, что она сама совершенно безразлична для гувернантки и что оказываемая ей любовь фактически предназначена отцу. Во время отсутствия отца в фабричном городке у этой девы никогда не оказывалось времени для нее, она не хотела гулять с Дорой, не интересовалась ее работами. Но не успевал отец еще появиться дома, как та вновь проявляла себя готовой ко всем служебным обязанностям и к любой помощи. Тогда старая дева просто поражала ее.

Эта бедняжка с невольной ясностью осветила Доре часть ее собственного поведения. Как эта дева по временам была настроена против Доры, точно так же бывала настроена и сама Дора по отношению к детям господина К. Она замещала им мать, учила их, ходила с ними гулять, полностью возмещала им тот незначительный интерес, который проявляла по отношению к ним настоящая мать. Между господином и госпожой К. часто говорилось о разводе. Но развод не осуществился из-за того, что господин К., который был любящим отцом, не захотел отказаться ни от одного из своих детей. Общий интерес к этим детям с самого начала был «связующим звеном в отношениях господина К. и Доры. Но очевидно, что занятия с детьми были для Доры лишь предлогом, который должен был ей самой и всем посторонним помочь скрыть нечто другое.

Из ее поведения по отношению к этим детям, как это хорошо было видно на примере поведения гувернантки, по отношению к ней самой, вытекает то же самое следствие, что и из ее молчаливого одобрения общения отца с госпожой К. А именно, что она все эти годы была влюблена в господина К. Когда я высказал это предположение, я не нашел у нее никакого отклика, хотя она сразу же сообщила, что и другие лица обращали на это ее внимание. Одна из кузин одно время, часто навещавшая их в Б., сказала ей: «Да ты же просто по уши влюблена в этого господина». Сама она не хотела вспоминать о таких чувствах. Когда же избыток всплывшего материала сделал невозможным отрицание, она созналась, что могла быть влюблена в господина К. в Б., но после сцены на озере все это уже далеко позади. [Здесь возникает вопрос: если Дора любила господина К., то как можно тогда объяснить ее отказ в сцене на озере или, по меньшей мере, грубую форму этого отказа, говорящую о горькой обиде? Как могла влюбленная девушка в этом предложении, которое ни в коем случае не было сделано грубо или непристойно, увидеть какое-либо оскорбление?] [См. второй сон. В любом случае было установлено, что тот упрек в игнорировании неотвратимых семейных обязанностей и рассмотрении любых ситуаций по собственному произволу, как это удобно лишь для себя, этот упрек, адресованный ею отцу, можно отнести и к ней самой.]

Другой упрек, адресованный отцу в связи с тем, что он придумал себе болезнь в качестве предлога и использовал её как средство, опять же совпадает с частью ее собственной тайной истории. Однажды Дора пожаловалась на якобы новый симптом режущей боли в животе, и когда я спросил: «Кого же Вы этим копируете?», — то я угадал. За день до того она навестила своих кузин, дочерей умершей тети. Младшая стала невестой, а у старшей из-за этого появились сильные боли в животе и она должна была уйти на Земмеринг (Перевал в Альпах). Она полагала, что у старшей была только зависть, она всегда сказывалась больной, когда хотела чего-то достичь, и как раз сейчас она хочет уйти из дома,

чтобы не присутствовать при счастье сестры. [Обычное явление среди сестер.] А боли в животе у самой Доры ясно говорили, что она идентифицировалась с принимаемой за симулянтку кузиной. Это могло быть так, потому что она также завидовала более счастливой сестре из-за ее любви, или же потому что она в судьбе старшей сестры, которая недавно пережила несчастную любовь, увидела свою собственную трагедию. [Какие другие выводы я сделал из болей в животе, я расскажу позднее.] Насколько же умело могут применяться болезни, она узнала и в наблюдениях за госпожой К. Часть года господин К. был в поездках. Когда бы он ни возвращался, он находил госпожу К. больной. Хотя еще вчера, как знала Дора, она была совершенно здорова. Дора понимала, что присутствие мужа воздействовало на его жену болезнетворно, и что тот приветствовал такое болезненное состояние, чтобы уклониться от ненавистных ему супружеских обязанностей. Одно из замечаний о ее собственных сменах недуга и здоровья во время первых проведенных в Б. девических лет, которое она неожиданно вставила в этом месте, навело меня на следующую догадку. Колебания ее собственного состояния необходимо рассматривать в той же зависимости, как и смену состояний госпожи К.. А в технике психоанализа существует даже такое правило, что внутренняя, но все еще скрытая связь вскрывается посредством соприкосновения, временного соседства ассоциаций, точно так же, как в письме поставленные рядом «н» и «а» значат, что из них нужно образовать слог «на». У Доры было несметное количество припадков кашля с полной потерей голоса. Не должно ли на появление и исчезновение этих проявлений болезни оказывать влияние присутствие или отсутствие любимого? И если это так и было, то тогда можно где-то здесь выявить обозначившуюся закономерность. Я спросил, какова в среднем была длительность этих припадков. Примерно от трех до шести недель. А как долго отсутствовал господин К.? Она должна была признаться, что тоже между тремя и шестью неделями. Таким образом, своей болезнью она демонстрировала свою любовь к К., в то время как его жена свое отвращение. Только нужно было принять к сведению, что Дора вела себя совершенно противоположным образом, чем жена. Девушка была больной, когда он отсутствовал и здоровой, когда он возвращался. И, действительно, похоже, все так и было, по меньшей мере, в первый период припадков. В последующее время, вероятно, появилась необходимость скрывать совпадение припадков болезни с отсутствием этого тайно любимого мужчины, чтобы таким постоянством не выдать тайны. И сохранилась лишь продолжительность припадка в качестве индикатора его первоначального значения.

Я вспоминаю, что в свое время в клинике Шарко я видел сам и слышал от других, что у лиц с истерическим мутизмом речь начинала замещаться письмом. Они писали более умело, быстрее и лучше, чем другие и чем они сами делали это раньше. То же самое произошло и с Дорой. В первые дни афонии ей «всегда особенно легко удавалось письмо». Это новое свойство для своего проявления требовало появления физиологической замещающей функции, которую и создавала потребность. Но, конечно, за этим трудно было увидеть какой-либо психологический мотив. Обращало на себя внимание то, что приобрести такое свойство было очень легко. Господин К. много писал ей, будучи в отъезде, посылал ей открытки тех мест, где он был. Оказалось, что только они информировали о сроке его возвращения, что всегда изумляло его жену. То, что переписываются с отсутствующим, с которым не могут в данный момент говорить, впрочем, вряд ли менее убедительно, чем то, что при отказе голоса пытаются объясняться письмом. Таким образом, эта афония Доры допускает следующее символическое толкование: когда любимый был далеко, она отказывалась от устной речи, которая теряла всякую ценность, так как она не могла говорить с ним. Вместо этого единственным средством общения становилось письмо, посредством которого можно вступить в отношения с отсутствующим. Так что же, теперь я стану утверждать, что во всех случаях периодически наступающей афонии такой диагноз опирается на существование отсутствующего по временам любимого? Конечно же, это не является моим намерением. Детерминация этого симптома в случае Доры слишком специфична, чтобы можно было думать о частых повторениях именно такой случайной

этиологии. Но тогда какую ценность имеет это объяснение афонии в нашем случае? Не одурачили ли мы вообще сами себя из-за скверной шутки? Я так не считаю. Здесь необходимо вспомнить очень часто поднимаемый вопрос, являются ли симптомы истерии следствием психических или же соматических причин, и если признаются первые, то действительно ли все они психически обусловлены. Этот вопрос, и многие другие, на которые вновь и вновь безуспешно пытаются ответить исследователи, не является адекватным. Действительное положение дел вообще не учитывается в качестве альтернативы. Насколько я могу видеть, любой истерический симптом нуждается во вкладе с обеих сторон. Он не может появиться без определенной соматической встречности, которая осуществляется каким-либо нормальным или болезненным процессом в (или на) одном из органов тела. Она появляется не чаще одного раза (а к характеру истерического принадлежит способность повторяться), если она не имеет какого-либо психического значения, если она не имеет смысла. Такой смысл истерический симптом не получает автоматически, он присуждается симптому, одновременно, сливаясь с ним, и в каждом случае он может быть другим в зависимости от подавленных мыслей, сражающихся за возможность выразиться. Конечно, целый ряд факторов стремится воздействовать на то, чтобы отношения между бессознательными мыслями и находящимися в их распоряжении в качестве средств проявления соматическими процессами формировались менее произвольно и приблизились к нескольким типичным связям. Важнейшими для терапии являются условия, задаваемые случайным психическим материалом. Симптомы устраняются тем, что исследуется их психическое значение. Если затем устраняется то, что проработано посредством психоанализа, то далее можно сделать всяческие, наверняка, соответствующие истине предположения о соматических, как правило, конституционально-органических, основах симптомов. И для припадков кашля, и для афонии у Доры мы не будем ограничиваться только их психоаналитическим толкованием, а укажем на находящийся за ними органический фактор, от которого исходила «соматическая встречность» для выражения тоски по временно отсутствующему любимому. В этом случае мы связываем симптом с бессознательным содержанием мыслей. Это еще и импонирует нам, так как этот симптом приготовлен умело и очень искусно. Но мы хорошо знаем, что в любом другом случае, в любом другом примере они могут производить такое же впечатление.

Теперь я хорошо подготовлен к тому, чтобы опровергнуть возражение, что якобы, фактически, мы добились немногого, если мы, таким образом, благодаря психоанализу, должны отныне искать отгадку проблемы истерии не в «особой лабильности нервных молекул» или в возможности гипноидного состояния, а в «соматической встречности».

Относительно такого мнения я хочу сказать, что посредством нашего подхода загадка истерии не только частично сдвигается назад, но и частично уменьшается. Теперь уже речь идет не обо всей загадке, но только о той ее части, в которой проявляется особый характер истерии в отличие от других психоневрозов. Психические процессы во всех психоневрозах остаются во многих местах одними и теми же. Речь же о «соматической встречности» может идти лишь тогда, когда для бессознательных психических процессов налицо существует выход в телесное. Где этого фактора нет в наличии, из существующего состояния выйдет нечто другое, чем какой-либо истерический симптом, но опять же нечто родственное, например, фобия или навязчивая идея, короче говоря, психический симптом.

Я возвращаюсь к упреку в «симуляции» болезни, который Дора адресовала своему отцу. Мы вскоре заметили, что этому упреку соответствовали не только самооценки относительно бывших ранее болезненных состояний, но и такие, которые относились к настоящему. В этом месте перед врачом обычно стоит задача разгадать и дополнить то, что в анализе было получено только в наметках. Я должен был обратить внимание пациентки на то, что ее нынешнее болезненное существование как раз в той же самой степени мотивировано и тенденциозно, что и понятное для нее состояние госпожи К. Нет никакого сомнения, что у нее есть определенная цель, которой она надеется достичь посредством своей болезни. И целью этой не может быть ничто другое, как стремление оторвать отца от

госпожи К. Просьбами и уговорами ей этого бы не удалось достичь. Возможно, что она надеется на удачный исход, если повергнет отца в ужас (смотри прощальное письмо), вызовет его сострадание (из-за припадков бессилия), и даже если все это вообще не поможет, то, по меньшей мере, она отомстить ему. Она хорошо знает, как сильно он привязан к ней, и что каждый раз, когда он будет спрашивать о самочувствии своей дочери, в глазах у него будут стоять слезы. Я совершенно убежден, что она будет тотчас здоровой, если отец заявит ей, что он ради ее здоровья приносит в жертву госпожу К. Я надеюсь, что он не позволит побудить себя к этому, так как тогда она узнает, какое мощное средство она имеет в своих руках и, конечно же, не упустит случая, чтобы всякий раз в будущем умело использовать свое болезненное состояние. Если же отец не поддастся ей, то мне совершенно понятно, что она не так легко откажется от своего болезненного существования.

Я опускаю подробности, из которых хорошо видно, насколько абсолютно верным все, это было, и предпочитаю добавить несколько общих замечаний о роли мотивов болезни при истерии. Мотивы болезни необходимо понятийно четко отделять от возможностей болезни, от материала, из которого изготовляются симптомы. Мотивы эти никак не участвуют в образовании симптомов, их нет и в начале болезни они выступают лишь вторично, но только с их появлением болезнь окончательно сформирована. [Дополнение 1923 года: здесь не все верно. Гипотезу, что мотивы болезни не существовали в начале болезни и появились только вторично, невозможно сохранить. Так как уже на следующей странице будут упомянуты мотивы болезни, которые существовали еще до возникновения болезни и со-виновны в ее появлении. Позднее я лучше разобрался в положении дел, введя различие между первичным и вторичным выигрышем от болезни. Мотиву болезни, конечно же, всякий раз присуще намерение выигрыша. Все, о чем будет далее говориться в этом разделе, соответствует вторичному выигрышу от болезни. Но и первичный выигрыш от болезни также присущ любому невротическому заболеванию. Заболевание сберегает вначале психические усилия, оказывается экономически наиболее удобным решением в случае психического конфликта (бегство в болезнь), но в большинстве случаев, позднее, несомненно, выявляется нецелесообразность такого выхода. Эту долю первичного выигрыша от болезни можно обозначить как внутреннюю, психологическую; она, так сказать, постоянна. Кроме этого, и внешние факторы, как приводимое в качестве примера положение угнетаемой своим мужем женщины, могут создать мотивы для заболевания и, таким образом, составит внешнюю долю первичного выигрыша от болезни.] Можно рассчитывать на их наличие в любом случае, являющемся действительным страданием и существующим долго. Вначале симптом является достаточно нежеланным гостем для психической жизни, все будет направлено против него, и поэтому он так легко исчезает сам по себе, как кажется, на первый взгляд, под влиянием времени. Вначале он не имеет никакого применения в психическом хозяйстве, но вторично он добивается такового очень часто. Какое-нибудь психическое движение находит для себя удобным использование этого симптома, а этим он приобретает значение вторичной функции и укореняется в душевной жизни. Тот, кто желает сделать больного здоровым, наталкивается тогда, к своему удивлению, на большое сопротивление. Конечно же, это наводит на мысль, что больной не настолько сильно и не настолько серьезно желает отказаться от страдания. [Один из писателей, который к тому же был и врачом, Артур Шнитцлер, очень верно показал это в своем «Парацельсе».] Представьте себе какого-либо рабочего, например, кровельщика, который, упав с крыши, стал калекой. Теперь он влачит на углах улиц жалкое существование, живя лишь одними подаяниями. А тут приходит какой-нибудь чудотворец и обещает ему сделать искалеченную ногу прямой и здоровой. Я полагаю, что нельзя не обратить внимания на выражение особого блаженства в его виде. Конечно, он почувствовал себя необычайно несчастным, после того, как тяжко пострадал. Он понял, что никогда больше не сможет работать и должен голодать или жить на подаяния. С тех пор то, что вначале сделало его нетрудоспособным, стало источником его доходов. Он живет за счет своей искалеченности. И если ее у него устранить, то, возможно, он станет абсолютно беспомощным, да к тому же он уже и позабыл свое ремесло, потерял

квалификацию, привык к праздности, а возможно, и к пьянству.

Мотивы к «бегству в болезнь» часто начинают пробуждаться уже в детстве. Жадный на ласку ребенок, который не очень то охотно разделяет любовь родителей со своими братьями и сестрами, вскоре замечает, что та достается ему вновь целиком, когда родители становятся по-настоящему озабочены его болезнью. У него в руках оказывается мощное средство вымаливания любви родителей. Он легко прибегает к нему, как только в его распоряжении находится подходящий психический материал для продуцирования недуга. Если такой ребенок превращается затем во взрослую женщину и в полной противоположности условиям своего детства выходит замуж за недостаточно внимательного мужчину, подавляющего ее волю, без всякой пощады использующего всю ее энергию и не уделяющего ей ни своей нежности, ни просто чего-то материального, то тогда ее единственным оружием в отстаивании жизни становится недуг. Болезнь создает для нее столь сильно ожидаемую пощаду, вынуждает мужа пойти на жертвы в деньгах и во внимании, которые он не предоставлял бы здоровой. Недуг же заставляет его осторожно обращаться с ней и после выздоровления, так как в противном случае налицо рецидив. На вид объективно нежелательное состояние болезни, когда должен вмешаться лечащий врач, дает возможность женщине безо всяких упреков совести целесообразно применять это средство, которое она нашла действенным еще в детские годы.

И все же такой недуг — создание намеренья! Как правило, все болезненные состояния предназначены для одной определенной особы, так что с ее удалением исчезает и сама болезнь. Грубейшее и банальнейшее мнение о болезни истериков, которое можно услышать от несведущих родственников и от ухаживающего персонала, в определенном смысле является верным. Это действительно так, что лежащие в постели парализованные больные тотчас бы вскочили, если бы в комнате вспыхнул пожар. А избалованная женщина забыла бы все свои страдания, если бы опасно для жизни был болен ребенок или какая-нибудь катастрофа угрожала судьбе дома. Все, так неодобрительно говорящие об этих больных, совершенно правы вплоть до одного пункта, где они упускают психологическое различие между сознательным и бессознательным, что еще позволительно ребенку, но взрослому уже нет. И потому все их заверения, что это полностью зависит только от воли, и все их попытки подбодрить или отрицать симптомы не могут ни в чем помочь больным. На самом же деле необходимо только попытаться окольными психоаналитическими путями убедить таких пациентов в существовании у них намерения болеть.

В необходимости бороться с мотивом болезни вообще лежит слабость любой терапии истериков, не исключая и психоаналитической. Судьбе здесь гораздо легче, она не считается ни с имеющейся конституцией, ни с наличным патогенным материалом больного. Судьба просто берет и устраняет мотив болезни, и больной на какое-то время, а возможно, даже надолго, освобождается от болезни. Насколько реже находили бы мы, врачи, чудесные излечения и спонтанные исчезновения симптомов при истерии, если бы получили доступ к утаиваемым от нас жизненным интересам больных! Здесь просто истек срок, там внимание полностью перенеслось на другое лицо, какая-либо ситуация фундаментальным образом изменилась посредством внешнего события и прежнее неутихающее страдание исчезло в один миг, по-видимому, спонтанно. В действительности же исчез его сильнейший мотив — использование страдания ради жизни.

Мотивы, которые поддерживают болезненное состояние, вероятно, можно встретить во всех явных случаях. Но имеются случаи и с чисто внутренними мотивами, как, например, самонаказание, то есть раскаяние и наказание. Разрешить терапевтическую задачу тут можно гораздо легче, чем это удалось бы в том случае, когда болезнь пытается добиться внешней цели. Этой целью для Доры, очевидно, являлась попытка уговорить отца отказаться от госпожи К.

Но казалось, что ни одно из его действий не вызывало такую горькую обиду, как его готовность считать сцену на озере просто продуктом ее фантазий. Она была вне себя лишь при одной мысли о том, что она могла здесь что-то выдумать. Долгое время я испытывал

большое затруднение в поисках того самоупрека, который скрывался за бурным отклонением такого предположения. Каждый прав, предполагая за этим что-то скрываемое, так как любой несоответствующий упрек не может надолго оскорблять. С другой стороны, я пришел к выводу, что рассказ Доры, наверное, должен соответствовать истине. После того, как она разгадала намерения господина К., она не стала дожидаться всего того, что он намеревался сказать, сразу ударила его по лицу и убежала. Ее тогдашнее поведение могло показаться оставленному мужчине настолько же непонятным, как и нам. Ведь он на основании бесчисленных маленьких знаков давно уже должен был заключить, что может быть полностью уверен в симпатии со стороны девушки. Потом, в дискуссии о втором сновидении, мы встретим и решение этой загадки, и не найденный нами упрек, адресованный самой себе.

Так как вновь и вновь, с убийственной монотонностью возвращались обвинения в адрес отца и при этом еще продолжал сохраняться кашель, я должен был неизбежно прийти к мысли о том, что этот симптом может иметь какое-то значение, связанное с отцом. Требования, которые я привык выставлять для понимания симптома, без этого не могли быть выполнены. По одному из правил, которое я постоянно находил подтвержденным, мне лишь не хватало мужества заявить об этом публично, любой симптом означает представление (изображение) какой-нибудь фантазии сексуального содержания, то есть сексуальную ситуацию. Но лучше бы сказать, что, по меньшей мере, хотя бы одно из значений симптома соответствует сексуальной фантазии, в то время как для других значений такое ограничение в содержании не существует. То, что симптом имеет более одного значения, служа, одновременно, для изображения нескольких ходов мысли, в действительности познается очень быстро, если начинаешь входить в психоаналитическую работу. Я бы хотел еще добавить, что по моей оценке одного бессознательного хода мысли или одной фантазии вряд ли когда-нибудь будет достаточно, чтобы образовался симптом.

Такая возможность наделения ее нервного кашля толкованием посредством фантазируемой сексуальной ситуации появилась очень скоро. Однажды она опять подчеркнула, что госпожа К. любит папу только потому, что он зажиточный мужчина. Я заметил, на основании определенных побочных признаков в этой повторяющейся сцене обвинения госпожи К., которые я здесь, как и большинство того, что касается лишь техники в аналитической работе, оставляю в стороне, я нашел, что за всем этим скрывается совершенно противоположная мысль. Отец — неимущий мужчина. Такое может подразумеваться только сексуально, то есть отец, как мужчина, неимущий импотент. После того, как она действительно подтвердила это толкование, я упрекнул ее в том, что этим она попадает в большое противоречие. С одной стороны, она уверена, что отношения отца с госпожой К. являются обычной любовной связью, а с другой стороны, утверждает, что отец — импотент и, таким образом, неспособен использовать такую связь. Ее ответ показал, что она совсем не нуждается в признании этого противоречия. Ей хорошо известно, сказала она, что существует гораздо более одного способа сексуального удовлетворения. Источник таких познаний был, конечно же, ей опять неизвестен. Когда далее я спросил, не подразумевает ли она использование для полового акта иных органов, чем гениталии, она подтвердила это. Тогда я смог продолжить: она думает как раз о тех частях тела, которые находятся у нее самой в возбужденном состоянии (шея, полость рта). Поскольку она не желала знать вообще что-нибудь из своих тайных мыслей, то они и не могли стать для нее полностью ясными, так как, прежде всего, нужно было сохранить сам симптом. Нужно добавить, что посредством своего серийно проявляющегося кашля, начинавшегося как обычно с першения в горле, она изображала ситуацию сексуального удовлетворения *per os* (Через рот в пищеварительный канал.(лат.)) между двумя людьми, любовная связь которых ее неизменно занимала.

То, что в ближайшее время после этого молчаливо принятого объяснения сам кашель бесследно исчез, естественно, очень хорошо согласуется с этой интерпретацией. Но мы бы не хотели придавать такому изменению слишком большое значение, так оно, конечно же, очень часто наступает и спонтанно.

Так как эта частица истины у врача-читателя кроме безверья, которое, конечно же, в его полной власти, может вызвать еще и неприятное, странное чувство и ужас, то я вынужден более подробно рассмотреть в этом месте обе эти реакции. Неприятное ощущение, как я думаю, вызывается от моей рискованной затеи говорить о таких щекотливых и таких отвратительных вещах с молодой девушкой — или вообще с женщиной в детородном возрасте. Ужас вероятно вызывается предположением, что девственная девушка могла бы знать о такого рода практике и заниматься ею в своих фантазиях. В обоих пунктах мне бы посоветовали сдержанность и благоразумие. Но ни там, ни тут нет никакой причины для возмущения. С девушками и женщинами можно говорить о любых сексуальных вещах без всякого вреда для них и, не навлекая на себя подозрение. Конечно, если при этом, во-первых, выбрать правильный способ, как это делать, и, во-вторых, если у них можно пробудить сознание того, что это является неизбежным. Вот именно в таких условиях и позволяется, конечно же, гинекологу, подвергать женщин всевозможным обнажениям. Лучший способ говорить о таких вещах — прямой и сухой. Одновременно, он наиболее далеко удален от похотливости, с которой эта тематика чаще всего и обсуждается в «обществе» и к которой как девушки, так и женщины очень быстро привыкают. Я называю все органы и процессы их настоящими именами и их же сообщаю даже там, где эти названия кажутся неизвестными. « *I appelle un chat un chat* » (Называю вещи своими именами). Я часто слышал от медиков и не медиков, что они шокированны какой-либо терапией, связанной с такими обсуждениями, которые, казалось, завидовали мне или пациентам из-за соблазна, возникающего при этом, по их мнению. Но я все же хорошо знаю добропорядочность этих господ, чтобы раздражаться из-за них. Я попытаюсь обойти искушение написать на эту тему какую-нибудь сатиру. Только одно я хочу еще упомянуть. Я часто с большим удовлетворением слышу от какой-либо пациентки, которой открытость в сексуальных вещах давалась нелегко вначале, следующее несколько позднее восклицание: «Нет, Ваше лечение все же намного пристойнее, чем разговоры господина X!»

«В неизбежности соприкосновения с сексуальной тематикой необходимо быть убежденным еще до того, как предпринимаешь лечение истерии, или, во всяком случае, нужно быть готовым позволить себе убедиться в этом на самом опыте. Поэтому говоришь себе: *pour faire une omelette il faut casser des oeufs* (Нельзя сделать яичницу, не разбив яиц.). Самих же пациентов убедить легко, возможностей для этого во время лечения предоставляется слишком много. Не нужно только при этом упрекать себя, что приходится с ними обсуждать явления нормальной и патологической сексуальной жизни. Если хотя бы в малейшей степени соблюдать осторожность, то остается лишь переводить им в сознание то, о чем они уже знают в своем бессознательном. Все воздействие курса лечения основано, конечно же, на понимании того, что аффективное воздействие бессознательной идеи сильнее, а в результате того, что оно неукротимо вреднее, чем воздействие осознанной. Нет никакой опасности в том, что можно развратить неопытную девушку. Там, где в бессознательном отсутствует вообще знание о сексуальных процессах, там и истерический симптом не может появиться. Там, где находишь истерию, уже больше не может быть и речи о «невинности в мыслях», невинности, о которой утверждают родители и воспитатели. Наблюдая 10-, 12- и 14-летних детей, мальчиков и девочек, я убедился в чрезвычайной верности этого высказывания.

Что же касается второй эмоциональной реакции, которая теперь направлена не против меня, как я по справедливости считаю, а против пациентов, то я хотел бы подчеркнуть, что находить ужасным перверзный характер их фантазий, — такая страстность в осуждениях врачу не присуща. Я нахожу, среди всего прочего, излишним и то, что врач, который пишет об извращениях сексуальных влечений, использует любую возможность, чтобы включить в сам текст проявление своего личного отвращения к таким диким вещам. Здесь перед нами находится один из фактов, к которому мы должны постараться привыкнуть по мере подавления нашей личной ориентации вкусов. О том, что мы называем сексуальными перверсиями, выходом за пределы сексуальных функций в области тела и в сексуальных

объектах, нужно говорить безо всякого возмущения. Уже существующая неопределенность границ для так называемой нормальной сексуальной жизни у различных рас и в различные временные эпохи должна была бы охладить пылких ревнителей нравственности. Мы же не должны забывать, что дичайшая для нас среди всех перверзий, телесная любовь мужчины к мужчине, у одного из так сильно превосходящего нас по культуре народа, у греков, не только и не просто допускалась, а и снабжалась еще важными социальными функциями. Каждый из нас в своей собственной сексуальной жизни перешагивает хотя бы на какую-то малость то здесь, то там границы, возведенные для нормальных людей. Перверсии не являются ни зверством, ни вырождением в патетическом смысле слова. Это развитие зародышей, которые все вместе содержатся в недифференцированной сексуальной ориентации ребенка. Их подавление или обращение на более высокие, несексуальные цели — сублимация — способствовало предоставлению энергии большому числу наших культурных достижений. Так что, если кто-то явно и грубо стал перверсным, то здесь правильнее будет сказать, что он остался (на старом месте), что он представляет собой задержку развития. Психоневротики, все вместе, являются лицами с прочно сформировавшимися, но в течение развития вытесненными и ставшими бессознательными, перверсными склонностями. Их бессознательные фантазии показывают поэтому то же самое содержание, что и реально проявляющиеся действия перверсных людей, даже если они и не читали «Сексуальную психопатию» фон Краффт-Эбинга, которой наивные люди приписывают так много совиновности в возникновении перверсных склонностей. Психоневрозы являются, так сказать, негативом перверсий. Сексуальная конституция, в которой содержится проявление наследственности, воздействует на невротиков совместно со случайными событиями жизни и нарушает развитие нормальной сексуальности. Воды, потоки которых встречают какое-либо препятствие на своем пути, наводняют вновь уже оставленное ложе. Энергия влечения для формирования истерических симптомов предоставляется не только вытесненной нормальной сексуальностью, но и бессознательными перверсными побуждениями. [Эти предположения о сексуальных перверсиях находятся в превосходной, выпущенной несколько лет назад книге И.Блоха «Проблема этиологии сексуальной психопатии» (1902 и 1903 г.) См. и мои появившиеся в этом году (1905) «Три очерка по сексуальной теории»]

Большее распространение среди нашего населения имеют «сексуальные нормы», несколько менее отталкивающие среди так называемых сексуальных перверсий, что знает каждый, за исключением авторов-врачей. А возможно, и такой автор все это знает. Он лишь старается забыть это в тот момент, когда берет в руки перо и пишет об этом. Таким образом, ничего удивительного нет в том, что наша в скором времени девятнадцатилетняя истеричка, услышав о существовании такого сексуального контакта (сосание члена), создает себе такую бессознательную фантазию и изображает ее посредством ощущения першения в горле и кашля. Было бы неудивительным даже и то, если бы она безо всякого внешнего просвещения пришла к таким фантазиям, как я установил, такое совершенно возможно у других пациенток. Соматическое предварительное условие для создания этой фантазии, которая совпадает затем с действием перверсного человека, было задано Доре посредством заслуживающего внимание факта. Она очень легко вспомнила, что в детские годы очень долго сосала, была «сосунком». Отец тоже вспомнил, что он специально отучал ее от этого, так как она продолжала это делать до четвертого или пятого года жизни. Сама Дора ясно вспомнила следующую картину из ее младенческих лет. Она сидела в углу на полу, сосала свой левый большой палец, в то же время, теребя при этом своей правой рукой мочку уха, спокойно сидящего рядом брата. Это полноценный способ самоудовлетворения посредством сосания, о котором мне сообщали и другие пациенты, позднее потерявшие чувствительность и ставшие истериками. От одной из этих пациенток я получил некоторые сведения, проливающие яркий свет на происхождение этой особой привычки. Молодая женщина, которая так и не смогла отвыкнуть от привычки сосать, увидела себя в одном из детских воспоминаний, по-видимому, в первой половине второго года жизни, сосущей грудь

кормилицы и одновременно при этом ритмически тянущей мочку уха кормилицы. Я думаю, что никто не захочет оспаривать, что слизистую оболочку губ и рта нужно считать первичной эрогенной зоной, так как часть этого значения она сохраняет еще и для поцелуя, который считается нормальным проявлением сексуальности. Преждевременная активная деятельность этой эрогенной зоны является, таким образом, условием для последующей соматической встречности со стороны начинающегося губами пищеварительного тракта со слизистой оболочкой. Если в то время, когда настоящий сексуальный объект, мужской член, уже стал известен, имеются налицо условия, которые заново повышают возбуждение оставшейся сохранной эрогенной зоны рта, то не нужно никаких больших затрат творческой энергии для того, чтобы в ситуации удовлетворения вместо первоначального соска груди и замещающего его пальца вообразить актуальный сексуальный объект, пенис. Таким образом, эта в высшей степени непристойная перверсная фантазия сосания пениса имеет безвиннейшее происхождение. Это переработка, называемого доисторическим, впечатления от сосания груди матери или кормилицы, которое обычно вновь оживляется при общении с сосущими детьми. Чаще всего большую службу при этом оказывает и вымя коровы как хорошо опосредованное переходное представление между соском груди и пенисом.

Обсуждаемое сейчас значение симптома горла для Доры может дать повод еще и для другого замечания. Можно спросить, как эта фантазируемая Сексуальная ситуация уживается с другим объяснением, что появление и исчезновение болезненных проявлений откликается на присутствие и отсутствие любимого мужчины. То есть, с учетом поведения женщины выражает следующие мысли: если бы я была его жена, я бы любила его совершенно по-другому, болела (из-за тоски, например), когда он уезжает и была бы здоровой (от наивысшего счастья), когда он опять дома. На это я, исходя из моего опыта в устранении истерических симптомов, должен ответить: нет необходимости, чтобы различные значения какого-либо симптома уживались друг с другом, то есть взаимодополнялись к единому целому. Достаточно и того, что такая взаимосвязь уже задана темой, которая всем различным фантазиям дает единое происхождение. В нашем же случае такая уживаемость, впрочем, не исключается. Одно значение больше привязано к кашлю, другое к афонии и к течению процесса. Более тонкий анализ позволил бы, вероятно, познать идущее намного далее одушевление деталей болезни. Мы уже узнали, что один симптом практически постоянно одновременно соответствует нескольким значениям. Теперь мы еще добавим, что могут проявиться и несколько следующих друг за другом, значений. Одно из своих значений или даже главное значение симптом может изменить в течение ряда лет, или же ведущая роль может от одного значения перейти к другому. Можно бы было назвать консервативной чертой в характере невроза то, что однажды сформировавшийся симптом по возможности сохраняется, даже если бессознательная мысль, которая в нем проявилась, уже лишилась своей значимости. Конечно же, эту тенденцию к сохранению симптома легко объяснить и чисто механически. Формирование одного из таких симптомов является настолько трудным, перенос чисто психического возбуждения в телесное, то что я назвал конверсией, связан со столь большим числом благоприятствующих обстоятельств, соматическую встречность, в которой нуждаются для конверсии, настолько трудно получить, что стремление к разрядке возбуждения, накопившегося в бессознательном, ведет к тому, чтобы по возможности удовлетвориться уже имеющимся путем разрядки. Намного более легким, чем создание новой конверсии, по-видимому, является образование ассоциативных отношений между какой-либо новой, нуждающейся в разрядке бессознательной мыслью, и старой, которая уже потеряла свою актуальность. На проложенном таким способом пути возбуждение из нового источника стремится к прежним местам разрядки, а симптом подобен, как говорится в Евангелии, старому бурдюку, наполненному молодым вином. Если и кажется после такого объяснения соматическая составляющая истерического симптома более постоянной, труднее замещаемой, а психическая доля изменчивым, более легко замещаемым элементом, то в таких отношениях все же нельзя провести ранжирование обоих. Но в любом случае для психической терапии более значимой является психическая

составляющая.

Обращая внимание на непрерывное повторение одних и тех же мыслей об отношении ее отца к госпоже К., анализ Доры дает возможность еще и для другой важной разработки.

Такой повторяющийся ход мыслей можно назвать сверхсильным, а лучше усиленным, сверхценным в смысле Wernicke . Несмотря на свое с виду корректное содержание он оказывается болезненным из-за одного своего свойства, из-за которого он несмотря на все сознательные и волевые усилия не может быть больным произвольно ни разрушен, ни побежден. С нормальным, далее очень интенсивным ходом мыслей в конце концов можно справиться. Дора совершенно правильно чувствовала, что ее мысли о папе вызывали особую оценку. «Я. не могу ни о чем другом думать, — жаловалась она опять и опять, — мой брат справедливо говорит мне, что мы, дети, не имеем права критиковать эти действия папы. Мы не должны этим интересоваться, а возможно даже должны просто радоваться, что он нашел женщину, к которой у него может лежать сердце, так как мама очень мало его понимает. Я вижу это и хотела бы тоже думать так, как мой брат, но я не могу. Я не могу простить отца за происходящее». [Такая сверхценная мысль наряду с мрачным настроением часто является единственным симптомом одного из тяжелейших болезненных состояний, называемых обычно «меланхолией», но она так же излечивается посредством психоанализа, как и истерия.]

Что же теперь делать с такой сверхценной мыслью, после того, как выслушали ее сознательное обоснование и узнали о безуспешной борьбе с нею? Надо сказать себе, что эта сверхстойкая мысль обязана своим усилением бессознательному. Она неустранима в мыслительной работе, или потому что сама своими корнями простирается вплоть до бессознательного вытесненного материала, или потому что за нею скрывается другая бессознательная мысль. Последняя оказывается тогда чаще всего ее прямой противоположностью. Противоположности всегда тесно связаны друг с другом и часто так спарены, что одна мысль чрезмерно сознательна, а ее контрастирующая партнерша вытеснена и бессознательна. Такое отношение является результатом процесса вытеснения. Именно вытеснение часто осуществляется таким образом, что противоположность слишком сильно вытесненных мыслей чрезмерно усиливается. Я называю это реактивным усилением, а мысль, которая чрезмерно утверждается в сознании и показывает себя наподобие предрассудков неразрушимой, реактивной мыслью. Вытесненная и реактивная мысли относятся тогда друг к другу приблизительно как две противоположные магнитные стрелки из одной астатической пары стрелок. С определенным избытком интенсивности реактивная мысль удерживает осуждаемую в вытеснении. Но из-за этого она сама уменьшается и становится невосприимчивой к осознанной мыслительной работе. Осознание вытесненной противоположности является тогда тем путем, на котором сверхсильные мысли могут быть лишены их усиления.

Нельзя из своих ожиданий исключить и случай, когда налицо не одно из двух обоснований сверхценности, а их конкуренция. Могут появиться еще и другие усложнения, которые все же легко потом добавить.

Мы проверим это на примере, который предлагает нам Дора. Прежде всего, первое положение, что корень ее навязчивых тревог из-за отношений отца к госпоже К. ей самой неизвестен, так как он находится в бессознательном. Совершенно не трудно найти этот корень на основе отношений и проявлений. Ее поведение, очевидно, заходит гораздо дальше сферы дочерней участи, она чувствовала и действовала намного чаще как ревнивая женщина, что могло бы быть понятным, будучи обнаруженным у ее матери. В ее требованиях: «Она или я», в сценах, которые она разыгрывала, и угрозах самоубийства, которые она явно позволяла обнаружить, было очевидно, что она ставила себя на место матери. Если мы правильно разгадали лежащую в основе ее кашля фантазию сексуальной ситуации, то она в ней становилась на место госпожи К. Таким образом, она идентифицировалась с обеими женщинами, любимыми отцом сейчас и прежде. И напрашивается вывод, что ее склонность к отцу была выражена в большей степени, чем она знала или охотно бы признала, что она

была влюблена в отца.

Такие бессознательные, обнаруживаемые лишь в результате их патологических последствий отношения любви между отцом и дочерью, матерью и сыном я научился понимать как обновление ядра инфантильных чувств. В другом месте [В «Толковании сновидений» и в третьем из «Очерков в сексуальной теории»] я уже доказал, насколько рано становится действенным сексуальное притяжение между родителями и детьми, и показал, что Эдиповский сюжет, скорее всего, надо рассматривать как поэтическую обработку типичного в этих отношениях. Такое раннее предпочтение (дочерью отца, сыном матери), вероятно, у большинства людей оставляет явные следы, а у детей, конституционально предрасположенных к неврозу, не по возрасту развитых и жадных на ласку, должно уже с самого начала быть особенно интенсивным. Затем сказываются и определенные, здесь не обсуждаемые, влияния, которые эти рудиментарные любовные побуждения фиксируют или настолько усиливают, что уже в детские годы или в пубертатный период из них образуется что-то, что можно приравнять к сексуальной склонности и что притязает на либидо. [Решающим моментом для этого является, по-видимому, преждевременное появление подлинных генитальных ощущений, будь они спонтанными или вызванными посредством соблазнения и мастурбации (См. ниже.)] Внешние условия нашей пациентки вовсе не являлись неблагоприятными. Ее задатки всегда притягивали ее к отцу, а многочисленные его болезни должны были усилить ее нежность к нему. При некоторых заболеваниях не кто иной, как именно она была допускаема к мелким обязанностям по уходу за больным. Гордый за ее рано развитый интеллект отец еще ребенком сделал ее своим доверенным лицом. Появлением госпожи К. в действительности была вытеснена не мать, а она, причем, сразу из нескольких положений.

Когда я сообщил Доре, что должен полагать, что ее склонность к отцу уже очень рано приняла характер подлинной влюбленности, она хотя и дала свой обычный уклончивый ответ: «Я не могу этого припомнить», — однако тотчас сообщила нечто аналогичное о своей семилетней кузине (с материнской стороны), в которой она часто видела как бы отражение своего собственного детства. Однажды малышка была свидетельницей раздраженного спора между родителями и прошептала на ухо Доре, навестившей их вскоре после этого: «Ты не можешь себе представить, насколько я ненавижу эту личность (намекая на мать)! И если она умрет, то я сразу женюсь на папе». Я привык, в таких ассоциациях, которые в чем-то согласуются с содержанием моего утверждения, видеть подтверждение со стороны бессознательного. Другого «да» невозможно услышать от бессознательного; а бессознательного «нет» вообще не существует.

[Дополнение 1923 года. Другая, очень примечательная и вообще допускаемая форма подтверждения со стороны бессознательного, которую я тогда еще не знал, проявляется возгласом пациента: «Об этом я не думал» или «я этого не подразумевал». Эти выражения можно просто перевести как: «Да, это было для меня бессознательным».]

Эта влюбленность в отца не проявлялась годами. Более того, с той самой женщиной, которая оттеснила ее от отца, она долгое время сердечнейшим образом была заодно и даже способствовала ее связи с отцом, как мы знаем по ее самоупрекам. Таким образом, эта любовь была заново оживлена, и если это действительно так, мы можем спросить, для какой же цели. Очевидно, в качестве реактивного симптома, чтобы подавить что-то другое, что, следовательно, еще было властным в бессознательном. Как подсказывала сама ситуация, я должен был думать в первую очередь о том, что таким подавленным другим, являлась любовь к господину К. Я должен был предположить, что ее влюбленность еще продолжалась, хотя после сцены на озере — по неизвестным мотивам — любовь эта вызывала мощное сопротивление, и девушка извлекла из прошлого и усилила прежнюю склонность к отцу, чтобы уж больше ничего не замечать в своем сознании от ставшей для нее мучительной любви ее первых девичьих лет. Затем я достиг понимания конфликта, достаточного, чтобы пошатнуть душевную жизнь девушки. Вероятнее всего, она, с одной стороны, была полна раскаяния из-за того, что отказала предложению мужчины, полна

страсти к нему и маленьким проявлениям его нежности; с другой стороны, мощные мотивы, среди которых легко было разгадать ее гордость, противились этим нежным и страстным побуждениям. В конце концов она пришла к тому, чтобы убедить себя, что с господином К. уже все покончено, — таков был выигрыш от этого типичного процесса вытеснения. И все же для защиты от постоянно пробивающейся к сознанию влюбленности она должна была дополнительно вызывать и утрировать инфантильную склонность к отцу. То, что потом она почти непрерывно находилась в состоянии ревнивой озлобленности, нуждается, вероятно, в объяснении еще и другими мотивами (которые мы действительно встретим позднее).

Все это ни в коем случае не противоречит моему ожиданию, что изложением этого я бы вызвал у Доры решительное возражение. «Нет», которое слышишь от пациента, после того как его вниманию предлагаешь вытесненные им ранее мысли, оно констатирует лишь это вытеснение, а его решительность в этом, одновременно, измеряет его силу. Если только такое «нет» не принимается в качестве проявления беспристрастного мнения, на которое больной действительно не способен, а внимание обращено и на что-то другое, и сама работа продолжается, то вскоре появляются первые доказательства того, что «нет» в таком случае означает желаемое «да». Она согласилась, что не может быть злой на господина К. в той степени, которую он заслуживает. Она рассказала, как однажды она встретила на улице господина К. В то время она была в сопровождении кузины, не знавшей его. Неожиданно кузина вскрикнула: «Дора, что случилось с тобой? Ты же побледнела как смерть!» Она ничего не почувствовала в этот момент, но, наверняка, слышала от меня, что игра мимики и проявление чувств скорее послушны бессознательному, чем сознанию, и что бессознательное часто выдается мимикой и чувствами. [Ср.: «Я могу показаться Вам спокойным (видите спокойно идущим)».] В другой раз после нескольких дней постоянно веселого настроения, она пришла ко мне в скверненшем настроении, которое ничем не могла объяснить. Ей сегодня так противно, объявила она. Сегодня день рождения дяди, а она не может себя заставить поздравить его; она не знает, почему. Мое искусство толкования было притуплено в этот день. Я попросил ее говорить дальше и неожиданно она вспомнила, что сегодня же день рождения и господина К., что я не упустил использовать против нее. Далее нетрудно было объяснить и то, почему богатые подарки на ее собственный день рождения за несколько дней до этого не принесли ей никакой радости. Там отсутствовал один подарок, подарок господина К., который ранее для нее, очевидно, был самым ценным.

Между тем, долгое время она решительно возражала против моего утверждения, вплоть до того момента, пока в конце анализа не было получено доказательство его верности.

Теперь я должен перейти к еще одному осложнению, которому я, конечно же, не предоставил бы места, если бы я задумывал, будучи писателем подобное душевное состояние для одной из новелл, вместо того, чтобы расчленять его как врач. Этот элемент, на который я сейчас укажу, может только замутнить и стереть прекрасный, достойный поэтического пера конфликт, который мы можем предположить у Доры. Он справедливо становится жертвой цензуры писателя, который, конечно же, упрощает и абстрагирует там, где он, писатель, выступает как психолог. В действительности же, как я стараюсь это здесь преподнести, усложнение мотивов, накопление и соединение душевных побуждений, короче говоря, сверхдетерминация является правилом. За сверхценным ходом мыслей, который занимается связью отца с госпожой К.» скрывается также и ревность, чьим объектом была эта женщина — то есть побуждение, которое может основываться только на склонности к представителям своего пола. Уже давно известно и с разных сторон подчеркивалось, что у мальчиков и девочек в пубертатные годы даже в норме легко наблюдать явные признаки существования однополых склонностей. Мечтательная дружба с одной из школьных подруг с клятвами, поцелуями, обещаниями вечной переписки и со всей той чувствительностью, которая присуща ревности, является обычной предшественницей первой более интенсивной влюбленности в мужчину. А в особых благоприятствующих обстоятельствах гомосексуальные стремления часто даже полностью побеждают. Там, где не наступает счастья в любви к мужчине, такое стремление либидо часто пробуждается вновь и в более

позднем возрасте и усиливается до той или иной степени. Если так много можно безо всякого труда обнаружить у здоровых, то мы можем ожидать, опираясь на недавнее замечание о более сильной сформированности у невротиков обычного зародыша перверсий, найти в невротической конституции и более сильно выраженную гомосексуальную предрасположенность. Наверное, так и должно быть. Так, ни в одном психоанализе мужчины или женщины я еще не обошелся без того, чтобы не учитывать такую действительно значительную гомосексуальную направленность. Там, где у истерических женщин и девушек предназначенное для мужчин сексуальное либидо познает энергичное подавление, там всегда найдется либидо, предназначенное женщине, усиленное посредством замещения и даже частично осознанное.

Я не буду обсуждать здесь дальше эту важную и, особенно для понимания истерии мужчин, неизбежную тему, так как анализ Доры завершился еще до того, как смог бы пролить свет и на эти отношения. Но я вспоминаю ту гувернантку, которой вначале она полностью доверяла сокровенные мысли, пока не заметила, что ее ценят и хорошо обращаются не из-за ее собственных достоинств, а из-за отца. Тогда она принудила гувернантку оставить дом. Она также поразительно часто и с особым удовольствием останавливалась на рассказе о другом отчуждении, которое ей самой казалось загадочным. Со своей второй кузиной, той самой, что позднее стала невестой, она чувствовала себя всегда особенно хорошо понятой и разделяла с ней всяческие тайны. Когда отец впервые после внезапно прерванной поездки на озеро опять решил поехать в Б. и, естественно, Дора отказалась его сопровождать, эта кузина напросилась на путешествие с отцом. С тех пор Дора почувствовала охлаждение к ней. И Дора даже сама поражалась, насколько безразличной она ей стала, хотя, конечно же, она призналась, что не могла бы ее в чем-то сильно упрекнуть. Такие щепетильности побудили меня спросить о том, какими были ее отношения с госпожой К. до размолвки. Тогда я узнал, что молодая женщина и только начинающая взрослеть девушка годами жили в величайшей доверительности. Когда Дора проживала у К., она разделяла спальню с этой женщиной. Муж просто выдворялся. Она была поверенной и консультантом жены во всех трудностях ее брачной жизни. Не было ничего такого, о чем бы они не говорили. Медея была совершенно довольна тем, что Креуса (Креуза (Креуса) в греческой мифологии дочь царя Креонта из Коринфа. Когда Ясон, уже женатый на Медее, захотел жениться на Креузе, покинутая жена прислала сопернице пропитанное ядом платье. Креуза погибла в муках от загоревшихся на ней одежд) взяла обоих детей к себе. Она, конечно же, не делала ничего такого, что могло бы помешать общению отца этих детей с девушкой. То, как у Доры могла появиться любовь к мужчине, о котором ее любимая подруга должна была сказать очень много плохого, является интересной психологической проблемой. Наверное, ее можно разрешить при учете того, что в бессознательном все мысли живут в особенной близости друг с другом, даже резкие противоположности переносятся без всякого трения, что, конечно, довольно часто в том же самом виде проявляется и в сознании.

Когда Дора рассказывала о госпоже К., то она хвалила ее «восхитительно белое тело» таким тоном, что он скорее соответствовал речи любовницы, чем поверженной соперницы. Скорее грустно, чем горько она сообщила мне в другой раз, что убеждена, что подарки, которые ей приносил папа, куплены госпожой К. Та хорошо знает ее вкус. В одно из посещений она особо подчеркнула, что, очевидно, при посредничестве г-жи К. ей были подарены драгоценные украшения, совершенно похожие на те, которые она видела у госпожи К., и была тогда в большом восторге от них. Конечно, я вообще должен сказать, что ни разу не слышал от нее какого-нибудь резкого или озлобленного слова об этой женщине, в которой она с точки зрения ее сверхценных мыслей должна бы все же видеть виновницу своего несчастья. Она вела себя непоследовательно, но кажущаяся непоследовательность как раз и была проявлением противоречивой направленности чувств. Так как же должна была вести себя по отношению к сопернице мечтательно любящая подруга? После того как Дора возвела на господина К. обвинение, и отец письменно потребовал его к ответу, тот ответил вначале с заверениями своего глубокого уважения и выпросил позволения приехать в

фабричный городок, чтобы прояснить все недоразумения. Несколькими неделями позднее, когда отец заговорил с ним в Б., уже речи не могло быть о глубоком уважении. Он унизил девушку и разыграл свою козырную карту. Девушка, которая читает такие книги и интересуется такими вещами вообще не имеет никакого права притязать на внимание мужчины. Таким образом, госпожа К. предала и оклеветала ее, ведь только с нею беседовала девушка о Мантегацца и других каверзных темах. Это опять был такой же случай, как и с гувернанткой. И госпожа К. любила ее не из-за ее собственной личности, а из-за отца. Госпожа К. не задумываясь пожертвовала ею, лишь бы не нарушилась ее связь с отцом. Возможно, что эта обида задела ее особенно сильно, действовала более патогенно, чем другая, скрываемая ею, относящаяся к тому, что отец пожертвовал ею. Не указывает ли столь упрямо удерживаемая амнезия относительно источников ее каверзных познаний прямо на эмоциональную значимость обвинения и потому на предательство со стороны подруги?

Итак, я верю, что иду не заблуждаясь, когда принимаю за истину то, что сверхценный ход мыслей Доры, который занимался отношением отца с госпожой К., был предопределен не только для подавления однажды ставшей осознанной любви к господину К., но и в более глубоком смысле для того, чтобы скрыть бессознательную любовь к госпоже К. К последнему направлению чувств этот ход мыслей стоял даже в обратной зависимости. Она беспрестанно проговаривала про себя, что отец пожертвовал ею ради этой женщины, шумно демонстрировала, что она завидует ей из-за обладания папой, и таким образом скрывала противоположные чувства, что она могла бы завидовать папе из-за любви этой женщины, а любимой женщине не могла простить разочарования из-за ее предательства. Ревнивое чувство по отношению к женщине было сцеплено в ее бессознательном с ревностью, адресованной мужчине. Такую мужскую, или лучше сказать, гинекофилическую направленность чувств необходимо рассматривать как типическую для бессознательной любовной жизни истерических девушек.

II . ПЕРВОЕ СНОВИДЕНИЕ

Когда у нас уже была прекрасная перспектива, чтобы посредством материала, который пробивался в анализе, прояснить одно темное место в детской жизни Доры, она сообщила, что в одну из последних ночей снова видела сон, который уже не один раз ей снился. Причем, все было в нем точно так же, как и раньше. Периодически возвращающееся сновидение уже из-за этого своего характера особенно подходит к тому, чтобы пробудить мое любопытство. В интересах лечения было, конечно же, необходимо учитывать вплетение этого сновидения в контекст анализа. Итак, я решил особенно тщательно исследовать этот сон.

1 сновидение. «В каком-то доме пожар [«У нас никогда не было настоящего пожара», — ответила она на мой вопрос.], — рассказывала Дора, — Отец стоит возле моей кровати и будит меня, Я быстро одеваюсь. Мама еще хочет попытаться спасти свою шкатулку с драгоценностями. Но папа говорит: «Я не хочу, чтобы я и оба моих ребенка сгорели из-за твоей шкатулки с драгоценностями». Мы спешим вниз, и как только я оказываюсь во дворе, я просыпаюсь».

Так как рассказано возвращающееся сновидение, то совершенно естественно, что я спрашиваю, когда она его впервые увидела. Этого она не знает. Но она вспоминает, что видела этот сон в Л. (местечко на озере, где произошла сцена с господином К.) три ночи подряд, а несколько дней назад он опять приснился. [Да и по самому содержанию можно легко догадаться, что этот сон вначале приснился в Л.] Восстановленная таким образом привязанность сновидения к событиям в Л. естественно повышает мои ожидания скорой разгадки сновидения. Но вначале я хотел бы узнать повод для его последнего появления. Поэтому я прошу Дору, которая посредством некоторых небольших, анализированных ранее примеров, была уже обучена толкованию снов, разложить это сновидение и сообщить мне,

какие ассоциации возникли у нее.

Она говорит: «Что-то, что все же не может относиться сюда, так как это было совсем недавно, а сон я видела уже давно».

Сразу очень трудно сказать, что это ничего не значит. Как раз оно и может очень легко сюда подойти.

«Итак, в эти дни папа ругался с мамой, так как она заперла на ночь столовую. А комната моего брата не имеет своего собственного выхода и доступна лишь через столовую. Папа не хотел, чтобы брат по ночам был взаперти. Он сказал, что так не пойдет. Ночью же может что-нибудь произойти и брату нужно будет выйти».

И теперь Вы связали это с опасностью пожара?

«Да».

Я прошу Вас, хорошо запоминайте Ваши собственные выражения. Возможно, они нам еще пригодятся. Вы сказали: ночью может что-то случиться и необходимо будет выйти. [Я выхватываю эти слова, так как они меня полностью ошеломили. Для меня они звучат двусмысленно. Не теми ли самыми словами говорят об определенных телесных потребностях? Двусмысленные слова являются как бы пунктом «смены» в потоке ассоциаций. Если же такая смена сильно отличается от того, что проявилось в содержании сновидения, то, вероятно, мы попали в колею, по которой искомые и еще скрытые мысли движутся за пределами сновидения.]

Дора находит связь между недавним и тогдашним поводами для сновидения, так как она продолжает:

«Когда мы тогда прибыли в Л., папа и я, он прямо сказал о своем страхе перед пожаром. Мы приехали в страшную грозу, увидели маленький деревянный домик, который не имел громоотвода. Здесь этот страх был совершенно оправдан».

Теперь мне предстоит обоснование связи между событиями в Л. и тогдашними идентичными сновидениями. Итак, я спрашиваю: Вы видели это сновидение в первые ночи в Л. или в последующие, перед Вашим отъездом, то есть перед или после известных событий в лесу? (А я знаю, что эта сцена произошла сразу же в первый день и что она после нее еще несколько дней оставалась в Л., не давая каких-либо поводов для подозрений).

Вначале она отвечала: «Я не знаю». Через какое-то время: «Я все же думаю, что после».

Итак, теперь я знал, что это сновидение было одной из реакций на то переживание. Но почему оно появилось там три раза? Я спрашиваю дальше: Как долго после той сцены Вы еще оставались в Л.?

«Еще четыре дня, на пятый я с папой уехала».

Теперь я уверен, что сновидение было непосредственным воздействием переживаний из-за господина К. Вы увидели его (сновидение) первый раз там, не ранее. Вы только добавили неуверенность при воспоминании, чтобы стереть эту связь. [См. уже сказанное в начале работы о сомнениях при воспоминании.]. Но не все еще, на мой взгляд, согласуется с цифрами. Если Вы оставались еще четыре ночи в Л., то Вы можете увидеть этот сон четыре раза. Возможно, это так и было?

Она более не отрицает моего утверждения, но вместо того, чтобы ответить на мой вопрос, продолжает [а именно вначале должен появиться новый материал из воспоминаний, прежде чем можно будет ответить на поставленный мною вопрос]: «Во второй половине дня после нашей поездки на озеро, с которой мы, господин К. и я, возвратились днем, я, как обычно, легла в спальне на софу, чтобы немножко вздремнуть. Неожиданно я проснулась и увидела господина К. перед собой..».

То есть, подобно тому, как в сновидении Вы увидели папу стоящим перед Вашей кроватью?

«Да. Я потребовала его к ответу, что ему здесь нужно. Он сказал в ответ, что он не может себе запретить входить в свою собственную спальню, когда захочет. Впрочем, он хотел что-то забрать. Став из-за пережитого более осторожной, я спросила у госпожи К., нет ли какого-нибудь ключа от спальни, и следующим утром (во второй день) закрыла за собой

на ключ туалет. Когда же я потом после обеда захотела запереться, чтобы опять прилечь, ключа уже не было. Я убеждена, что его забрал господин К».

Таким образом, все это касается темы замыкания или не замыкания комнаты, которая появилась в первой ассоциации со сновидением и которая случайно к тому же сыграла свою роль и в новом поводе к сновидению. [Я предположил, не говоря еще этого Доре, что этот элемент был выбран ею из-за его символического значения. «Комнаты» в сновидении довольно часто представляют собой просто женщину, и «открыта» или «закрыта» она, может быть, естественно, не совсем безразличным. Хорошо известно и то, каким «ключом» в этом случае открывают.] Должна ли фраза из сновидения «я быстро одеваюсь» также принадлежать этому контексту?

«Тогда я решила не оставаться без папы у К. На следующее утро я жутко боялась, что господин К. может захватить меня во время туалета врасплох, и потому я всегда одевалась очень быстро. Папа, конечно же, жил в отеле, а госпожа К. уходила всегда очень рано, чтобы совершить с отцом экскурсию. Но господин К. с тех пор больше меня не беспокоил».

Я понимаю, что во второй половине второго дня Вы приняли решение не подвергаться таким преследованиям, а затем во время второй, третьей и четвертой ночи после сцены в лесу у Вас нашлось время, чтобы повторить себе это намерение во сне. То, что в ближайшее — третье утро, у Вас не будет ключа, чтобы закрыться при одевании, Вы, конечно же, знали уже во время второго послеобеденного времени, то есть до Вашего сновидения, и могли запланировать для себя, насколько только возможно быстрое завершение туалета. Но Ваше сновидение повторялось каждую ночь, так как оно как раз соответствовало одному из намерений. Любое намерение сохраняется до тех пор, пока оно не осуществляется. Одновременно Вы сказали: у меня не было покоя, я не могла спокойно спать, пока я не оказалась вне этого дома. В сновидении же Вы говорите наоборот: как только я оказываюсь во дворе, я просыпаюсь.

На этом месте я прерываю сообщение анализа, чтобы сравнить эту частичку толкования сновидения с моими общими высказываниями о механизме образования сновидения. Я уже показал в моей книге («Толкование сновидений», 1900 г.), что любое сновидение является как бы изображением уже реализованного желания. Само же изображение должно что-то скрывать, если желание вытеснено и принадлежит бессознательному. Не беря во внимание детские сновидения, только бессознательное желание или же желание, простирающееся вплоть до бессознательного, имеет возможность сформировать сновидение. Я полагаю, что, наверняка, снискал бы общее одобрение, если бы я удовлетворился лишь утверждением, что у любого сновидения существует смысл, который открывается посредством определенной работы толкования. После осуществленного толкования сновидение можно заместить мыслями, которые в легко опознаваемых местах чутко откликаются на события душевной жизни бодрствования. Тогда я мог бы продолжить и далее, что этот смысл сновидения оказывается столь же разнообразным, как и ход мыслей бодрствования. Один раз это реализованное желание, другой раз осуществленное опасение, далее, например, продолжающееся во сне размышление, какое-либо намерение (как в сновидении Доры), часть духовного творчества во сне и тому подобное. Конечно же, такое объяснение подкупало бы своей доходчивостью и могло бы опираться на громадное число хорошо истолкованных примеров, как, например, на проанализированный здесь сон.

Но вместо этого я выставил только одно общее утверждение, которое ограничивает смысл сновидения всего одной единственной формой мысли, изображением желаний, и вызвал чрезвычайно распространенную реакцию протеста. Но я должен сказать, что не считаю себя обладающим правом или обязанностью на упрощение какого-либо психологического процесса для большего удобства читателей, если мое исследование выявляет осложнение, преодоление которого в чем-то едином могло было быть найдено только другим способом. Поэтому особой ценностью для меня будет возможность показать, что кажущиеся исключения, подобные приведенному здесь сновидению Доры, которое вначале видится как продолжающееся во сне намерение дня, на самом деле заново

подтверждают оспариваемое правило.

***

Конечно же, нам еще осталось истолковать большую часть сновидения. Я спрашивал дальше: А что же со шкатулкой с драгоценностями, которые мама хотела спасти?

«Мама очень сильно любит украшения и много их получила от папы».

А Вы?

«Раньше я тоже очень любила украшения. Но после болезни я больше не выношу ни одного из них. Тогда, четыре года назад (за год до нашего сновидения), была большая ссора между папой и мамой из-за какого-то украшения. Мама хотела носить в ушах каплевидные жемчужины, но папа это не любил и вместо этих жемчужин принес ей браслет. Она была в ярости и сказала ему, что если он уже растратил столь много денег, чтобы подарить то, что она не любит, то ему остается только подарить это другой».

И тогда Вы подумали, что охотно бы это приняли?

«Я не знаю [обычный тогда для нее способ выражения, чтобы признать нечто вытесненное.], и вообще не догадываюсь, каким образом мама появилась в сновидении. Она же не была тогда в Л». [Это замечание, свидетельствующее о полном непонимании обычно хорошо ей известных правил толкования сна, так же, как и,нерешительный способ и скудность ее ассоциаций в случае со шкатулкой с драгоценностями, доказывали мне, что речь здесь шла о материале, который был очень сильно вытеснен.]

Я объясню Вам это позднее. Вам не приходит в голову больше ничего другого о шкатулке с драгоценностями? До сих пор Вы говорили только об украшениях и совсем ничего о шкатулке.

«Да, некоторое время назад господин К. подарил мне драгоценную шкатулку для украшений».

Итак, этот ответный подарок здесь был как раз к месту. Возможно, Вы не знаете, что «шкатулка с драгоценностями» является излюбленным обозначением того, на что Вы недавно намекнули по поводу подвешенной сумочки [об этой сумочке смотри ниже], обозначением женских гениталий.

«Я знала, что Вы скажете это». [Очень распространенный способ устранения всплывающих из вытесненного знаний].

Это значит. Вы знали это. Теперь смысл сновидения становится еще яснее. Вы подумали про себя:этот мужчина подстерегает меня, он хочет проникнуть в мою комнату, моей «шкатулке с драгоценностями» угрожает опасность, и если тут случится беда, то виной этого будет папа. Поэтому в сновидении Вы создаете ситуацию, которая выражает нечто совсем противоположное, опасность, от которой вас спасает папа. В этой области сновидений вообще все превращается в свою противоположность. Вскоре Вы услышите, почему. Конечно, что-то таинственное связано с мамой. Как здесь появилась мама? Она, как Вы знаете, была ранее Вашей конкуренткой в борьбе за благосклонность папы. В том событии с браслетом Вы хотели бы с радостью принять то, что отвергла мать. А теперь позвольте себе заместить «принять» на «давать», «отвергать» на «отказывать». Тогда все это означает, что Вы были готовы дать папе то, в чем ему. отказала мама, и это имеет что-то общее с украшением. [И для упомянутых жемчужин мы сможем позднее привести требуемое контекстом толкование]. Теперь припомните шкатулку с украшениями, которую подарил Вам господин К. Здесь у Вас начало параллельного ассоциативного потока мыслей, в котором у Вас постоянно появляются вещи подобные тому, что в ситуации возле Вашей кровати вместо стоящего отца на самом деле появился господин К. Он подарил Вам шкатулку с драгоценностями. Таким образом, в ответ Вы тоже должны ему подарить Вашу шкатулку с украшениями, поэтому несколько ранее я говорил об «ответном подарке». В этом ассоциативном потоке мыслей Ваша мама замещается госпожой К., которая, наверняка, тогда тоже присутствовала. Итак, Вы полностью готовы подарить господину К. то, в чем ему отказывает его жена. Здесь у Вас такая мысль, которая с очень большими усилиями должна вытесняться, которая с необходимостью требует превращения всех элементов в их полную

противоположность. Как я уже говорил об этом сне ранее, это сновидение вновь подтверждает, что Вы воскресили прежнюю любовь к папе, чтобы защититься от любви к господину К. Но что же доказывают все Ваши усилия? Не только то, что Вы боитесь господина К., но и то, что еще больше Вы боитесь саму себя, Вашего искушения отдаться ему. Тот есть, всем этим Вы лишь подтверждаете, насколько интенсивной была любовь к нему. [К этому я еще добавлю: из-за повторных появлений этого сновидения в те последние дни я должен прийти к выводу, что Вы рассматриваете ту же самую ситуацию как повторяющуюся, что Вы решили прекратить курс лечения, к которому, конечно. Вас принуждает только папа. Последствия показали, насколько верно я все это разгадал. Мое толкование соприкасается здесь как практически, так и теоретически с необычайно важной темой «переноса», для подробного рассмотрения которой в этом сочинении будет просто мало возможностей.]

Естественно, что в этой части толкования она не хотела участвовать.

Но я считал оправданным продолжение толкования сновидения, которое казалось незаменимым в той же самой степени как для анамнеза самого случая, так и для теории сновидений. Я обещал Доре сообщить все это на последующем сеансе.

Именно потому, что я не мог забыть впечатления, которое, как мне казалось, создавалось примечательными двусмысленными словами (что нужно выйти, что ночью может случиться беда), сюда же добавилось и то, что мне казалось неполным объяснение этого сновидения, поскольку не было выполнено определенное требование, которое хотя я и не желаю еще выставить публично, но реализации которого я с пристрастием добиваюсь. Образцовое сновидение стоит одновременно на двух ногах, из которых одна опирается на существенный актуальный повод, а другая — на чреватые тяжелыми последствиями события детских лет. Между ними, т.е. детскими переживаниями и современными, сновидение протягивает цепочку, оно пытается переформировать настоящее по прообразу более раннего переживания. Желание, которым вызывается сновидение, конечно же, приходит из детства. Оно постоянно пытается заново пробудить детство в реальности, исправить настоящее на основе детства. Части, которые бы можно было составить с намеком на одно из детских событий, как я полагал, должны быть ясно видны в содержании сновидения.

Я начал обсуждение этого с одного небольшого эксперимента, который как обычно удался. Случайно на столе стоял коробок для спичек. Я попросил Дору посмотреть вокруг, не сможет ли она увидеть на столе нечто особое, что обычно не стояло на нем. Она ничего не заметила. Тогда я спросил, не знает ли она, почему детям запрещают играть со спичками.

«Да, из-за опасности пожара. Дети моего дяди очень любят играть со спичками».

Не только из-за этого. Их предостерегают: «Не зажигать», — и связывают с этим определенную веру.

Она ничего не знала об этом.

Итак, боятся, что они написают в постель. В основе этого, наверное, лежит противоположность воды и огня. Это может быть вызвано, например, тем, что им будет сниться пожар и тогда они попытаются потушить его водой. Более точно об этом я не могу сказать. Но я вижу, что эта противоположность воды и огня оказала Вам большую услугу в сновидении. Мама хочет спасти шкатулку с драгоценностями, чтобы она не сгорела, а в мыслях сновидения все сводится к тому, чтобы эта «шкатулка с драгоценностями» не стала мокрой. Но огонь появляется не только как противоположность воды, он служит и для прямой символизации любви, влюбленности, сгораемости от страсти. От огня, таким образом, одна колея посредством символического значения ведет к любовным мыслям, другая идет посредством своей противоположности к воде, из которой ответвляется еще одно новое отношение к любви, когда что-то делается мокрым, где-то уже в другом месте... где же? Подумайте о Ваших выражениях; ночью произойдет беда, нужно выйти. Не означает ли это какую-либо телесную потребность, и если Вы переместите такую беду в детство, возможно ли, что она будет чем-то иным, чем той, при которой постель становится мокрой? Но что делают, чтобы предотвратить писание детей в постель? Не правда ли, что их

пробуждают ночью ото сна, совершенно так же, как в сновидении делает с Вами папа? Итак, это было реальным событием, от которого Вы берете себе право на замещение папой господина К., который разбудил Вас ото сна. Итак, я должен заключить, что Вы дольше страдали от недержания мочи, чем обычно бывает у детей. Такой же самый случай должен быть у Вашего брата. Ведь папа говорит: »Я не хочу, чтобы оба моих ребенка... погибли». Ничего другого общего с актуальной ситуацией, связанной с отношениями к господину К., у брата нет, он и не приехал в Л. Что скажут сейчас на это Ваши воспоминания?

«О себе я ничего не знаю, — отвечала она, — но брат до шестого или седьмого года писался в постель. Иногда такое случалось с ним и днем».

Я как раз хотел обратить ее внимание на то, насколько легче в подобной ситуации вспоминаешь о брате, чем о себе, как вдруг она продолжила остановившееся воспоминание: «Да, у меня это тоже случалось, но только недолго, на седьмом или восьмом году. Должно быть, это зашло далеко, так как сейчас я вспоминаю, что спрашивали совета у доктора. Это было незадолго до нервной астмы».

Что сказал доктор?

«Он объяснил это нервной слабостью; все быстро исчезнет, сказал он, и прописал укрепляющее средство» [этот врач был единственным, которому она полностью доверяла, так как на этом событии она заметила, что он не собирается ворошить ее тайну. Перед любым другим врачом, которого она еще не могла до конца оценить, она ощущала страх, который, как сейчас стало видно, мотивировался тем, что тот мог бы разгадать ее тайну.]

Толкование сновидения казалось мне теперь полностью завершенным. [Ядро этого сновидения в переводе звучало бы примерно так: искушение сильно. Дорогой папа, защити меня вновь, как в детские времена, чтобы моя постель не стала мокрой!] Еще одно дополнение к сновидению она привела на следующий день. Она забыла рассказать, что каждый раз после пробуждения чувствовала запах дыма. Конечно же, дым хорошо подходил к пожару, дым указывал и на то, что это сновидение имеет особое отношение и к моей персоне, так как я часто, когда она утверждала, что тут или там за этим ничего не скрывается, говорил ей:»Нет дыма без огня». Но на это исключительно личное толкование она возразила тем, что господин К. и папа являются заядлыми курильщиками, как, впрочем, и я. Она сама курила на озере, а господин К., еще до того, как он начал свое несчастливое ухаживание, скрутил ей сигаретку. Она была так же твердо уверена в том, что помнит, что запах дыма был не только в последнем, но уже и в трех первых сновидениях в Л. Так как она отказалась дать другие сведения, то мне самому было предоставлено выбирать, каким образом я внесу это добавление в общую канву мыслей сновидения. В качестве точки опоры мне могло бы служить то, что ощущение курения появилось на сеансе как дополнение, то есть должно было особым усилием преодолеть вытеснение. Поэтому оно, вероятно, принадлежит к наиболее тускло представленным и наиболее вытесненным мыслям, то есть относящимся к искушению отдаться мужчине. Тогда оно вряд ли могло значить что-то иное, чем страсть к поцелую, который у курильщика явно имеет вкус дыма. Один поцелуй между ними был, однако, около двух лет назад. Он, конечно же, повторился бы еще, если бы девушка ответила на ухаживания. Таким образом, мысли об искушении возвращают к этой более ранней сцене и пробуждают воспоминания о поцелуе, против соблазна которым эта «сосательница» защищалась в свое время тошнотой. Когда я, наконец, собираю в единое целое все те признаки, которыми проявляется перенос на меня, так как я тоже курильщик, то прихожу к мнению, что, вероятно, в один из дней во время сеанса ей пришло в голову пожелать от меня поцелуй. Это было для нее поводом к повторению сна-предостережения и принятию решения о прекращении курса лечения. Хотя все это очень хорошо согласуется, но в силу качеств «переноса» лишается доказательств.

Я мог бы теперь колебаться в том, должен ли я вначале приняться за выяснение ценности этого сновидения для истории болезни в данном клиническом случае, или же я скорее должен довести до конца полученные в нем возражения против теории сновидений. Я выбираю первое.

Полностью оправдываются усилия, затрачиваемые нами на подробное исследование значения недержания мочи в предыстории невротиков. Из-за любви к наглядности я ограничусь лишь тем, что подчеркну, что случай недержания мочи Дорой был необычен. Это нарушение не просто продолжалось долее допустимого для нормальных детей времени, но на основании ее определенных данных вначале исчезло и затем относительно поздно, после шестого года жизни, наступило вновь. Такое недержание мочи, по моему мнению, вряд ли имеет более вероятную причину, чем мастурбация, которая в этиологии недержания мочи вообще еще играет слишком недооцененную роль. Самим же детям, по моему опыту, очень хорошо известна эта связь, и все психические последствия выводятся из этого таким способом, словно они никогда эту связь и не забывали. В то время, когда было рассказано сновидение, одно из направлений расследований, признавало за детской мастурбацией такое большое значение. Некоторое время до этого пациентка затронула следующую проблему: почему же именно она стала больной, и прежде чем я дал ответ, свалила всю вину на отца. Это были не бессознательные мысли, а осознанное знание, которое и могло легко обосновать это мнение. К моему удивлению девушка знала о том, каковой природы была болезнь отца. После возвращения отца из моего врачебного кабинета она подслушала какой-то разговор, где была названа сама болезнь. А еще гораздо раньше, во время отделения сетчатки, вызванный для консультации окулист указал на сифилитическую этиологию, так что любопытная и озабоченная девочка слышала, как одна из старых теток сказала тогда маме: «Конечно же, он был болен еще до брака», — и добавила еще что-то для нее совсем непонятное, что позднее она связала с какими-то непристойными вещами.

Итак, из-за своего легкомысленного образа жизни отец стал больным, и она решила, что он передал ей эту болезнь по наследству. Я остерегался говорить ей, что я, как было упомянуто вначале, так же разделяю подобное мнение, что потомки сифилитиков особенно явно предрасположены к тяжелым невропсихозам. Продолжение этого, обвиняющего отца, ассоциативного потока мыслей шло посредством бессознательного материала. В течение нескольких дней она идентифицировалась с незначительными симптомами и качествами матери, что дало ей возможность добиться выдающегося уживания с невыносимым. А затем это позволило мне догадаться, что она думала о пребывании во Францэнсбаде, который она посетила, — я уж и не помню больше, в каком году — в сопровождении матери. Мать страдала от болей в животе и от одного особого рода выделения — катара, который сделал необходимым францэнсбадский курс лечения. Она считала — по-видимому, опять справедливо — что эта болезнь идет от папы, который таким образом заразил своим половым недугом мать. Было совершенно понятно, что при таком выводе она, как и вообще большая часть дилетантов, смешала в одну кучу гонорею и сифилис, наследственное и инфицированное половым путем. Ее упрямость в этой идентификации, практически навязала мне вопрос, нет ли у нее самой венерической болезни? Тогда я узнал, что и она страдает катаром (Fluor albus), о начале которого она не может ничего вспомнить.

Теперь я понял, что за ассоциативным потоком мыслей, открыто обвинявших отца, скрывается как обычно самообвинение, и потому вслед за этим я стал уверять ее, что бели у юных девушек, по моим взглядам, в основном, намекают на мастурбацию, и что все остальные причины, которые обычно приводятся в связи с таким страданием, я оставляю безо всякого внимания. [Дополнение 1923 года. Одно из экстремальных суждений, которое сегодня я не смог бы уже представлять.] Итак, в поисках ответа на свой вопрос, почему же заболела именно она, Дора была вынуждена признаться в мастурбации, вероятнее, в детские годы. Но она самым решительным образом отрицала любую возможность вспомнить о чем либо подобном. Но несколькими днями позже она кое-что продемонстрировала, что я вынужден рассматривать как еще одно приближение к этому признанию. В этот день, чего, конечно же, не было ни ранее, ни позднее, она повесила на руку сумочку-кошелек самой модной формы и играла им, рассказывая что-то, лежа на кушетке. Она делала это посредством того, что открывала его, засовывала туда палец, опять его закрывала и тому подобное. Некоторое время я просто смотрел на это, а затем объяснил ей, что такое

симптоматическое действие [См. мою работу «О психопатологии обыденной жизни» в Ежемесячнике по психиатрии и неврологии за 1901 год, как книга она появилась в 1904 году.] Симптоматическими я называю те действия, которые человек осуществляет, как говорят, автоматически, бессознательно, не обращая на них никакого внимания, как бы просто играючи. Любое иное их значение он бы полностью отрицал и назвал бы их безразличными и случайными, если бы его о них спросили. Более тщательное наблюдение показывает, что такие действия, о которых сознание ничего не знает или ничего не желает знать, дают возможность проявиться бессознательным мыслям и импульсам. И таким образом в качестве допущенных проявлений бессознательного они становятся ценными и поучительными. Существует два способа бессознательного поведения по отношению к симптоматическим действиям. Если можно найти им пустячное обоснование, то легко устраняется и их познание. Если же отсутствует такой разумный предлог со стороны сознания, то, как правило, люди вообще не замечают того, что их осуществляют. В случае Доры такое обоснование было легким: «Почему я не должна носить такую сумочку, которая сейчас очень модна?» Но наличие такого оправдания не устраняет возможности бессознательного происхождения соответствующего действия. С другой стороны, происхождение и смысл, придаваемые такому действию, могут оказаться неубедительными. Нужно удовлетвориться констатацией того, что таковой смысл очень хорошо подходит контексту существующей ситуации, с повесткой дня «бессознательное».

В другой раз я предложу целую коллекцию таких симптоматических действий в том виде, в каком их можно обнаружить у здоровых и у нервных. Сами же толкования иногда очень легки. Двухслойная сумочка Доры является не чем другим, как изображением гениталий, а ее игра с нею, ее открывание и засовывание туда пальца действительно развязное, но очевидное пантомимическое сообщение о том, что она хотела бы делать, а именно, мастурбировать. Не так давно я столкнулся с подобным же случаем, который может значительно поднять настроение. Одна пожилая дама вытаскивает в середине сеанса небольшую костяную коробочку, по-видимому, чтобы посредством конфеты увлажнить пересохшее горло. Она старается открыть ее, а затем после ряда неудачных попыток протягивает ее мне, чтобы я мог убедиться, насколько трудно она этому поддается. Я выражаю мое недоверие этой просьбе. Эта коробочка могла бы значить и что-то особенное, я же вижу ее только в первый раз, хотя ее обладательница посещает меня уже более года. На это дама с пылом возражает: «Эту коробочку я всегда ношу с собой. Куда бы я ни пошла, я всегда беру ее с собой!» Она успокоилась лишь после того, как я смеясь обратил ее внимание на то, насколько хорошо ее слова подходят и к другому значению. Коробка — box — так же, как и сумочка, как шкатулочка с драгоценностями, вновь является лишь заместительницей раковины Венеры, женских гениталий!

Вообще в жизни имеется много такой символики, мимо которой мы по привычке проходим безо всякого внимания. Когда я поставил своей задачей пролить свет на то, что люди скрывают, не посредством гипнотического принуждения, а лишь внимательно наблюдая за тем, что они сами говорят и показывают, я считал эту задачу более трудной, чем она оказалась в действительности. Тот, чьи губы молчат, выдает себя кончиками пальцев. Из всех пор просачивается предательство. И потому эта задача по осознанию наиболее скрытого в душе очень хорошо разрешима.

Симптоматическое действие Доры с сумочкой не было ближайшим предшественником нашего сновидения. Сеанс, принесший нам рассказ о сновидении, был начат ею посредством другого симптоматического действия. Когда я вошел в комнату, где она ожидала, то она быстро спрятала какое-то письмо, которое читала. Естественно, что я спросил, от кого письмо, и вначале она отказалась отвечать. А затем выявилось что-то, что было в высшей степени незначительным и вообще не имело никакого отношения к нашему курсу лечения. Это было письмо от бабушки, в котором та просила ее почаще писать. Я думаю, что она хотела лишь продемонстрировать мне наличие «тайны» и намекнуть, что сейчас она позволяет врачу вырвать эту тайну. Теперь я объяснил себе ее нерасположенность к любому

новому врачу тем страхом, который бы она ощутила, если бы врач при исследовании (из-за катара) или опросе (посредством выяснения сведений о недержании мочи) пришел к главной причине ее страдания, разгадав ее мастурбацию. Потом она всегда очень пренебрежительно говорила о врачах, которых до знакомства, очевидно, переоценивала.

Обвинение отца в том, что он сделал ее больной, за которым стоит обвинение себя — Fluor albus — игра с сумочкой — недержание мочи на шестом году — тайна, которую она не хочет, чтобы врачи разгадали. Я считаю, что привел практически все признаки, доказывающие наличие мастурбации в детстве. В этом случае я начал догадываться о мастурбации, еще когда она рассказала мне о приступах болей в животе у кузины (смотри выше), а затем позже идентифицировалась с нею. Целыми днями она жаловалась на те же самые болезненные ощущения. Хорошо известно, насколько часто такие колики наступают у мастурбантов. На основе сообщения, полученного мною от В. Флисса, это как раз такие гастралгии, которые прерываются какоинизацией найденных им «мест желудка» в носу и могут излечиваться посредством их прижигания. Дора подтвердила идею мастурбации как тем, что она сама часто страдала от колик в животе, так и тем, что она кузину с такими болями с полным основанием считала мастурбанткой. Для всех больных является обыденным, что они легко познают взаимосвязи у других, а познание этого же в отношении собственной личности для них невозможно из-за чувств сопротивления. И хотя они уже не отрицают догадок аналитика, однако ничего еще не вспоминают. Также и определение времени недержания мочи — «почти перед самым наступлением нервной астмы» — я считаю клинически очень ценным. Истерические симптомы почти никогда не появляются, пока дети занимаются мастурбацией, а только лишь в периоды воздержания. [То же самое в принципе присуще и взрослым, хотя здесь достаточно и относительного воздержания, ограничения мастурбации, так что при мощном либидо истерия и мастурбация могут появиться вместе.] Болезнь как бы замещает собой удовлетворение, получаемое посредством мастурбации, так как желание остается сохранным в бессознательном, поскольку не наступает какого-либо другого более приемлемого удовлетворения. Последнее условие является поворотом в возможном лечении истерии посредством брака и нормального полового сношения. Если такое удовлетворение в браке опять прекращается, например, из-за прерванного акта, психического отчуждения и тому подобного, то либидо опять отыскивает свое старое русло и опять же заново выражается в истерических симптомах.

Я охотно хотел бы еще добавить надежные сведения, касающиеся того, когда и в результате какого особого влияния у Доры была подавлена мастурбация. Но незавершенность анализа вынуждает меня представить здесь лишь фрагментарный материал. Мы уже слышали, что ее недержание мочи продержалось почти вплоть до первого заболевания диспноэ. Единственное, что она смогла сказать для прояснения этого, было то, что тогда папа в первый раз после своего выздоровления был в отъезде. В этом сохранившемся кусочке воспоминания должны быть намеки на отношение к этиологии диспноэ. Теперь в проявлении симптоматических действий и ввиду еще некоторых других признаков у меня были хорошие основания подозревать, что ребенок, чья спальня находилась рядом с родительской, подслушал одно из ночных посещений отцом своей жены и слышал пыхтение при коитусе и без того страдающего одышкой мужчины. В таких случаях дети, хотя и смутно, рассматривают сексуальное как какие-то жуткие шорохи. Движения для проявления сексуального возбуждения, конечно же, находятся у них наготове в качестве прирожденного механизма. То, что диспноэ и сердцебиение при истерии и неврозе страха являются лишь выхваченными частями из процесса коитуса, я пояснил еще годы назад. Во многих же случаях, подобных Дориному, я смог объяснить симптом диспноэ, нервную астму, наличием одной и той же причины, подслушиванием сексуального сношения взрослых. Под влиянием появившегося тогда совозбуждения вполне вероятно мог наступить перелом в сексуальности малышки, который заместил мастурбационную склонность склонностью к страху. Некоторое время спустя, когда отец отсутствовал и влюбленный ребенок выдумывал себе самые разные страсти, то старое впечатление повторилось заново в

виде астматического припадка. Из сохранившихся в памяти поводов к этому заболеванию еще можно обнаружить наполненный страхом ассоциативный поток мыслей, сопровождавших этот припадок. Впервые припадок появился после того, как она переутомилась после хождения по горам, вероятно, даже ощутив реальную небольшую одышку. К нему позднее добавилась еще и идея, что отцу запрещен подъем в горы, что он не должен переутомляться, так как его надолго не хватит, затем то воспоминание, когда он в одну из ночей у мамы затратил такие чрезмерные усилия, не повредили ли они ему, затем забота о том, не переусердствовала ли она с мастурбацией, ведущей одновременно к сексуальному оргазму и к незначительному вначале диспноэ, а позднее усиливающемуся нарастанию диспноэ вплоть до закрепления в виде симптома. Часть этого материала я смог получить в самом анализе, другую же часть я должен был дополнить. При установлении факта наличия мастурбации мы обнаружили, что какой-либо материал для определенной темы появляется лишь по кусочкам в различное время и в различных отношениях. [Точно таким же способом осуществляется доказательство инфантильной мастурбации и в других случаях. Материал для этого чаще всего имеет сходную природу: намеки на Flour albus , недержание мочи, церемониал рук (навязчивое мытье) и тому подобное. Была ли или нет эта привычка разоблачена кем-то из заботящихся о ребенке, завершилась ли такая сексуальная практика в результате борьбы с нею или посредством неожиданной смены курса, можно достаточно надежно определить по соответствующей симптоматике случая. У Доры мастурбация осталась неразоблаченной, а исчезла в одно мгновение (тайна, страх перед врачами — замещение посредством диспноэ). Больные все же постоянно оспаривают убеждающую силу этих примет, даже и тогда, когда в сознательном воспоминании осталось воспоминание о катаре или о предостережении матери («Это делает глупым, это просто скверно»), Но можно с уверенностью сказать, что некоторое время спустя появится столь долго вытесняемое воспоминание об этой части детской сексуальной жизни, и именно при всех случаях. У одной из пациенток с навязчивыми представлениями, бывшими прямым последствием инфантильной мастурбации, имели место черты запрета и наказания себя, если она только осмеливалась это делать, и полное отсутствие беспокойства, когда она занималась своими навязчивыми мыслями; включение пауз между каким-то одним мероприятием (с руками) и последующим, мытье рук и так далее — оказались сохранившимися в неизменном виде частями кампании ее воспитателей по борьбе с дурной привычкой. Единственным, что еще сохранилось в ее памяти было предостережение: «Фу, это же скверно!» Об этом смотри также мои «Три очерка по теории сексуальности», 1905 г.].

Теперь возникает целый ряд важнейших вопросов по этиологии истерии. Можно ли рассматривать случай Доры как типичный для этиологии, выявляет ли он единственную возможность причинной связи и т.д. Но я думаю, что я совершенно прав в том, что оставляю все эти вопросы без ответа до сообщения большего числа подобно проанализированных случаев. Кроме того, я вообще должен исправить такую постановку вопроса. Вместо того, чтобы ответить здесь просто «да» или «нет» на вопрос, искать ли этиологию нашего клинического случая в детской мастурбации, я вначале проясню понятие этиологии для психоневрозов. Точка зрения, исходя из которой я мог бы отвечать, оказалась бы существенно отличной от точки зрения, исходя из которой ставится мне такой вопрос. Для нашего случая будет достаточно уже того, если мы просто убедимся, что здесь явно присутствует и доказуема детская мастурбация, что она не может быть чем-то случайным и безразличным для появления этой болезни. [При разучивании и привыкании к мастурбации нельзя не упускать и какое-то влияние брата, так как в связи с этим она рассказала с особой энергией, выдающей наличие «ложного воспоминания», что брат постоянно заражал ее всеми инфекциями, которые сам он переносил легко, она же тяжело. И в сновидении брат оберегается от «гибели». Он тоже страдал от недержания мочи, но прекратил это делать еще до того, как это перестала делать сестра. В определенном смысле «ложным воспоминанием» было и то, что она высказывалась, что могла поспевать в обучении за братом до своего первого заболевания, после которого она стала отставать от него. Словно она была до того

мальчиком и только потом стала девочкой. Она действительно была ранее диким существом, а начиная с «астмы» стала тихой и скромной. Это заболевание образовало у нее границу между двумя фазами половой жизни, из которых первая имела мужской характер, а вторая — женский.] Еще лучшее понимание симптомов Доры сулит нам возможность кропотливого выяснения значения Fluor albus , в заболевании которым она призналась. Слово «катар», которым мы научились называть ее недуг, после того как подобное страдание матери сделало необходимым Францэнсбад, является опять же еще одной «сменой». Посредством нее целому ряду мыслей, связанных с обвинением отца в заражении болезнью, открывается доступ к новому проявлению посредством симптома кашля. Этот кашель, который, конечно, изначально произошел от незначительного реального катара был помимо того, подражанием обремененному таким же легочным недугом отцу, а, кроме того, давал этим еще и возможность проявиться ее состраданию и заботе. Одновременно кашель выкрикивал в мир то, что, возможно, тогда она еще не осознавала: «Я папина дочка. У меня такой же катар, как у него. Он сделал меня больной тем же самым способом, что и маму. От него у меня нехорошие страсти, которые наказываются посредством болезни.» [Ту же самую роль играло слово для 14-летней девочки, историю болезни которой я изложил вначале всего в нескольких строчках. Я направил этого ребенка в сопровождении интеллигентной дамы, работавшей у меня санитаркой, в один из пансионатов. Эта дама сообщила мне, что маленькая пациентка не терпела ее присутствия при отходе ко сну. Обращал на себя внимание и ее необычный кашель в постели, которого, ранее вообще не было слышно целыми днями. Когда малышку спросили об этом симптоме, ей пришло в голову только то, что так кашляла ее бабушка, о которой говорили, что у нее катар. Тогда стало ясно, что и у нее катар, который она не хочет замечать на предпринимаемых по вечерам очистительных процедурах. Катар, который при помощи этого слова был смещен снизу вверх, проявил необычайную интенсивность.]

Теперь мы можем попытаться собрать воедино различные детерминации, которые найдены нами для припадков кашля и хрипоты. За наиболее нижний слой этой системы следует принять реальное, органически обусловленное появление кашля, то есть песчинку, вокруг которой образуется перламутровая раковина. Такое раздражение всегда фиксируется, так как оно соответствует той области тела у девочки, которая в высокой степени соответствует значению эрогенной зоны. То есть оно хорошо подходит для того, чтобы создать условия для проявления возбужденного либидо. Оно вероятнее всего фиксируется посредством первого психического «переодевания», имитации сострадания к больному отцу, а затем посредством укоров самой себе из-за «катара». Та же самая группа симптомов оказывается далее способной изобразить отношения к господину К., сожаление из-за его отсутствия и желание быть для него лучшей женой. После того, как часть либидо опять возвращается к отцу, этот симптом, возможно, получает свое последнее значение для изображения сексуального сношения с отцом в идентификации с госпожой К. Я мог бы ручаться за то, что этот ряд ни в коем случае не является полным. К сожалению, этот неполный анализ не позволяет проследить смену значений по времени, прояснить последовательность и совместное существование различных значений. Такие требования можно выставить для более полного анализа.

Я не могу здесь упустить разбор дальнейших отношений генитального катара и истерических симптомов Доры. В те времена, когда психическое объяснение истерии находилось еще в неопределимой дали, я слышал как более старшие и опытные коллеги утверждали, что у истерических пациенток с Fluor любое ухудшение катара постоянно вызывает обострение истерических страданий, особенно отсутствие аппетита и рвоту. Эта связь не была никому достаточно ясна, но я думаю, что многие склонялись к мнению тех гинекологов, которые в широчайших масштабах держатся за прямое и органически вмешивающееся влияние гинекологических заболеваний на нервные функции. Наш же терапевтический опыт оставляет нас в этом отношении на полный произвол судьбы. При сегодняшнем состоянии наших знаний нельзя считать такое прямое и органическое влияние

единственно возможным. Во всяком случае, гораздо легче доказуемо его психическое влияние — «переодеванием». Гордость из-за формы гениталий является у наших женщин совершенно особой частью их тщеславия. Половые же заболевания, которые считаются достаточными, чтобы вызвать антипатию или даже отвращение, оскорбляюще воздействуют на женщину в совершенно немыслимых размерах, унижая ее чувство собственного достоинства, делая раздражительной, повышенно ранимой и недоверчивой. Патологическая секреция слизистой влагалища рассматривается как омерзительная.

Вспомним, что после поцелуя господина К. у Доры появилось сильное чувство отвращения, и что мы нашли достаточно оснований, чтобы дополнить ее рассказ об этой сцене с поцелуем тем, что во время объятия она ощутила давление эрегированного члена на свое тело. Далее мы узнаем также, что та же самая гувернантка, которую она из-за неверности оттолкнула от себя, смогла все-таки донести до нее свой собственный жизненный опыт, а именно, что все мужчины легкомысленны и ненадежны. Для Доры это должно было означать, что все мужчины такие же, как папа. А своего отца она считала венериком, у него же была эта самая болезнь и он заразил ею мать. Таким образом, она могла бы себе вообразить, что все мужчины венерики, а ее понимание венерической болезни, естественно, было сформировано в результате единичного и к тому же личного опыта. Венерический больной в ее понимании должен быть обременен отвратительными выделениями — не было ли это еще одним мотивом для появления тошноты, которую она ощутила в момент объятий? Такая перенесенная на прикосновение мужчины тошнота была бы тогда на основе упомянутого вначале этой работы примитивного механизма спроецированной, и относилась бы, изначально, к ее собственному Fluor.

Я полагаю, что речь здесь идет о бессознательном ассоциативном потоке мыслей, которые протекают над ранее сформированными органическими связями, подобно тому, как венок из цветов располагается на проволочном каркасе, так что иной раз можно найти проложенными и другие пути мысли между теми же самыми пунктами начала и конца. Познание этих действительных мыслительных связей является неизбежным для устранения симптомов. То, что мы в случае Доры должны прибегнуть к предположениям и дополнениям, вызвано лишь преждевременным прекращением анализа. То, что я привожу для заполнения брешей, повсюду опирается на материал, полученный в других, более основательно проанализированных случаях.

***

Это сновидение, посредством анализа которого мы получили вышеуказанные разъяснения, соответствует, как мы выяснили, тому намерению, которое Дора взяла вместе с собой в сон. Поэтому сновидение и повторялось каждую ночь, вплоть до того момента, пока это намерение не было реализовано. И то же сновидение появляется позднее вновь, как только выявился повод для того, чтобы прибегнуть к аналогичному намерению. Это намерение можно представить примерно в следующем виде: «Прочь из этого дома, в котором, как я увидела, моей девственности угрожает опасность. Я уезжаю с папой, а утром при туалете приму все меры предосторожности, чтобы не быть застигнутой врасплох. « Эти мысли находят свое явное осуществление в сновидении. Они принадлежат тому потоку, который добивается осознания и господства уже в бодрствующей жизни. Но за ним можно обнаружить и смутно представленный ассоциативный поток мыслей, который соответствует противоположному течению и потому подвергается подавлению. Он достигает своего апогея в искушении отдаться этому мужчине в знак благодарности за оказанную в последние годы любовь и нежность. Этот поток ассоциаций, вероятно, воскрешает в памяти воспоминание о единственном поцелуе, который до сих пор она позволила ему. Но по разработанной в моем «Толковании сновидений» теории сновидений таких элементов недостаточно, чтобы сформировать сновидение. Сновидение является не намерением, которое представляется как осуществленное, а исполненным бессознательным желанием. И именно, где только возможно, желанием из нашего детства. Теперь мы обязаны проверить, не противоречит ли последнее предложение нашему» сновидению.

Оно, это сновидение, фактически, содержит инфантильный материал, который, на первый взгляд, не находится ни в какой обоснованной связи с намерением сбежать из дома господина К., и с искушением по отношению к нему. К чему всплывают воспоминания о недержании мочи в детском возрасте и об усилиях отца, чтобы приучить ребенка оставаться сухим и чистым? На это можно дать определенный ответ. Лишь с помощью такого ассоциативного потока мысли появляется возможность подавить интенсивные искушающие мысли и привести к господству направленное против них намерение. Ребенок решает бежать вместе со своим отцом. А в действительности он сбегает к своему отцу от страха перед подстерегающим его мужчиной. Это пробуждает заново инфантильную склонность к отцу, которая должна защитить ребенка от недавней склонности к чужому. В теперешней опасности отец сам виновен, так как он из-за собственных любовных интересов предоставил дочь чужому мужчине. Но насколько бы все прекраснее выглядело, если бы отец вообще никого не любил сильнее, чем ее, и старался бы спасти ее от опасностей, которые ей тогда угрожали. Это инфантильное и на сегодня еще бессознательное желание ставить отца на место чужого мужчины является силой, образующей сновидение. Если в прошлом имелась одна из ситуаций, которая несмотря на схожесть с теперешней все же отличается от нее вот таким замещением действующего лица, то она становится тогда главной ситуацией во всем содержании сновидения. Как раз таковая и имеется. Так же, как незадолго до сновидения и отец однажды стоял перед ее кроватью и будил посредством чего-то подобного поцелую, так же возможно намеревался сделать и господин К. Таким образом, одно намерение сбежать из дома не может само по себе породить сновидение. Таковым оно становится посредством того, что к нему присоединяется еще и другое, опирающееся на инфантильные желания. Желание заместить господина К. отцом наделяет сновидение движущей силой. Я вспоминаю толкование, на которое меня вынудил хорошо обоснованный, относящийся к связи отца с госпожой К. ассоциативный поток мыслей, что инфантильная склонность к отцу пробудилась заново лишь для того, чтобы вытесненную любовь к господину К. суметь удержать в вытеснении. Этот поворот в душевной жизни пациентки и отражает сновидение.

В «Толковании сновидений» я привел несколько замечаний о взаимоотношении между продолжающимися в сновидении мыслями бодрствования — дневными остатками — и бессознательным, образующим сновидение, желанием, которые я приведу здесь в неизмененном виде, так как не могу к ним ничего добавить. А анализ этого сновидения Доры еще раз заново доказывает, справедливость этих замечаний.

«Я хочу добавить, что имеется целый класс сновидений, толчок к которым происходит в основном или даже исключительно под влиянием моментов дневной жизни, и я полагаю, что даже мое желание когда-нибудь стать наконец экстраординарным профессором [это относится к анализу сновидения, взятого там в качестве образца] могло бы позволить спать эту ночь спокойно, если бы дневные заботы о здоровье моего друга не были столь живыми. Но такие заботы еще не делают никакого сновидения. Движущая сила, в которой нуждается сновидение, должна вноситься каким-либо бессознательным желанием. Озабоченность здоровьем друга и была тем, что превратило такое желание в движущую силу сновидения. Это можно выразить метафорически следующим образом: вполне возможно, что какая-либо дневная мысль играет для сновидения роль предпринимателя. Но предпринимателя, который, имея определенную идею и стремление воплотить ее в действительность, все же остается вне дела, не имея капитала. Он нуждается в капиталисте, покрывающем все затраты. Вот именно таким капиталистом, всегда и бескорыстно покрывающим все психические расходы сновидения, какими бы ни были дневные мысли, и является одно из желаний в бессознательном».

Тот, кто знаком с тонкостью структур таких образований как сновидение, не будет поражен, если обнаружит, что желание — отец мог бы занять место искушающего мужчины — приводит к воспоминанию не любого материала из детства, а как раз такого, что даже интимнейшие факты служат подавлению этого искушения. Если Дора чувствует себя неспособной отдаться любви к этому мужчине, если вместо этого наступает вытеснение этой

любви, то такое решение вряд ли теснее всего связано с каким иным фактором, чем с ее преждевременным удовлетворением и его последствиями — недержанием мочи, катаром и тошнотой. Такая предыстория в зависимости от соответствующего сочетания конституциональных условий может двояко мотивировать поведение в зрелые годы по отношению к любовным запросам. Это или полная, безо всякого сопротивления, доходящая до перверсий, поглощенность сексуальностью или реакция ее отклонения посредством невротического заболевания. Решающее значение для такого исхода у нашей пациентки имели конституция и высота ее интеллектуального и нравственного воспитания.

Я хочу еще обратить особое внимание на то, что мы при анализе этого сновидения нашли доступ к забытым частям патогенно действующих переживаний, которые иным способом не были бы доступны воспоминанию или, по меньшей мере» репродукции. Воспоминание о недержании мочи в детстве было, как оказалось, уже вытеснено. Подробности подстерегания со стороны господина К. Дора никогда не упоминала, они просто ни приходили ей в голову.

Еще некоторые замечания по синтезу этого сновидения. Работа сновидения берет свое начало от послеобеденного времени второго дня, после сцены в лесу, после того, как она заметила, что не может уже закрывать свою комнату. Тут она говорит себе: здесь мне угрожает серьезная опасность, и отныне решает не оставаться одной в доме, а уехать с папой. Это намерение способно сформировать сновидение, так как оно (намерение) продолжает существовать в бессознательном. Там ему соответствует то, что, откликаясь на него в качестве защиты от актуального искушения, пробуждается инфантильная любовь к отцу. Поворот, который при этом в ней осуществляется, фиксируется и приводит ее к той точке зрения, которая представлена ее сверхценным ассоциативным потоком мыслей (ревность к госпоже К. из-за отца, словно бы она была в него влюблена). В ней борются между собой искушение отдаться ухаживающему мужчине и смешанное сопротивление к этому. Последнее составлено из мотивов благопристойности и рассудительности, из враждебных побуждений, вызванных сообщением гувернантки (ревность, оскорбленная гордость — см. ниже) и из невротического элемента существовавшей в ней части сексуального отвращения, опирающегося на ее детские переживания. Воскрешенная любовь к отцу для защиты от искушения происходит из этих переживаний детства.

Сновидение превращает укорененное в бессознательном намерение сбежать к отцу в одну из ситуаций, которая показывает уже реализованным желание того, чтобы отец спас ее от опасности. При этом одна из стоящих на пути мыслей смещается в сторону, а именно, что, конечно же, отец привел ее к этой опасности. Подавленное здесь враждебное побуждение (склонность отомстить) к отцу мы увидим немного позднее в качестве одного из мотивов второго сновидения.

По условиям формирования сновидения фантазируемая ситуация выбирается так, что она повторяет одну из инфантильных ситуаций. Особенным же триумфом будет то, что если недавнюю, как раз и послужившую поводом для сновидения, ситуацию удастся превратить в инфантильную. Здесь это удается по чистой случайности материала. Так же, как господин К. стоял перед ее ложем и ее будил, делал часто в детстве и отец. Весь поворот ситуации довольно точно символизируется посредством того, что в ней Дора замещает господина К. отцом.

Но отец будил ее в свое время для того, чтобы она не сделала постель мокрой.

Это «мокрое» становится определяющим для дальнейшего содержания сна, в котором оно все же представлено лишь посредством отдаленного намека и его противоположностью.

Противоположностью «мокрого», «воды» может запросто стать «огонь», «горение». Та чистая случайность, что отец при прибытии на то место дал возможность проявиться своему страху перед опасностью появления огня, помогает мне сделать вывод, что та опасность, от которой спасает ее отец, является опасностью пожара. На эту случайность и на эту противоположность к «мокрому» опирается выбранная ситуация образа сновидения: горит, отец стоит перед ее кроватью, чтобы будить ее. Это неожиданное действие отца, вероятно,

не получило бы такое значение для содержания сновидения, если бы оно так превосходно не согласовывалось с течением ее чувств, видящих в отце помощника и спасителя. Он догадывался об опасности уже в самом начале прибытия и имел на это полное право! (В действительности же он сам подтолкнул девушку к этой опасности).

В мыслях сновидения на долю «мокрого» вследствие легко выявляемых отношений выпадает роль узлового пункта для нескольких кругов представлений. «Мокрое» принадлежит не только недержанию мочи, но и кругу мыслей, касающемуся сексуального искушения, оказавшегося подавленным содержанием сновидения. Она знает, что и при сексуальном сношении имеется что-то мокрое, что при совокуплении мужчина дарит женщине что-то жидкое в форме капель. Она знает, что как раз в этом и состоит опасность, что ей поставлена задача охранять гениталии от орошения.

«Мокрым» и «каплями», одновременно, открывается другой круг ассоциаций, касающихся тошнотворного катара, который вероятней всего имел в ее более зрелые годы то же самое постыдное значение, как и недержание мочи в детстве. «Мокрое» здесь равнозначно «загрязненному». Гениталии, которые должны держаться в чистоте, конечно, загрязняются таким катаром, впрочем, в такой же степени у мамы, что и у нее (смотрите выше). Кажется, она понимает, что чрезмерное пристрастие мамы к чистоте является реакцией на эту загрязненность.

Оба этих круга встречаются вместе в одном: мама получила и то, и другое от папы, и сексуальную влагу, и загрязняющий Fluor . Ревность к маме является неотделимой от круга мыслей, относящихся к инфантильной любви к отцу, вызванной здесь в защиту от другого мужчины. Способности к проявлению такой материал еще не имеет. Но если можно найти какое-либо воспоминание, которое с обоими кругами «мокрого» состоит в подобных тесных отношениях, не соприкасаясь с непристойным, то тогда оно может взять на себя представительство в содержании сновидения.

Одно из таковых находится в, данности «капель», которые мама желает себе к качестве украшений. По-видимому, связь этой реминисценции с обоими кругами, представленными сексуальной влагой и загрязненностью, является внешней, поверхностной, опосредованной словами, так как слово «капли» применяется как «смена», как двусмысленное слово, а «украшение» во многом как «чистое», несколько навязанная противоположность «загрязненному». В действительности доказуемы прочнейшие содержательные связи. Это воспоминание происходит от материала, касающегося инфантильно укорененной, но продолжающейся и далее ревности к маме. Посредством обоих этих словесных мостов все значения, наслоившиеся на представления о сексуальном сношении между родителями, о заболевании Fluor и о мучительном наведении чистоты мамой, переводятся на реминисценцию о «драгоценных каплях».

Все же в содержании сновидения должен осуществиться и еще один сдвиг. Не «капли», близкие первоначальному «мокрое», а отдаленная «драгоценность» добивается появления в сновидении. Таким образом, включение этого элемента в уже зафиксированную ситуацию сновидения могло бы обозначать следующее: мама еще хочет спасти свою драгоценность. В новом контексте со «шкатулкой для драгоценностей» теперь заявляют о своем влиянии элементы, подлежащие кругу искушения господином К. Господин К. подарил не драгоценности, а лишь «шкатулку» для них, представительство всех наград и нежностей, за которые она должна быть сейчас благодарна. А возникшая сейчас комбинация слов «шкатулка для драгоценностей» имеет еще и особую замещающую ценность. Не является ли «шкатулка для драгоценностей» распространенным образом для незапятнанных, девственных женских гениталий? И что же, с другой стороны, может ли иное какое-нибудь безобидное слово таким же образом превосходно подходить для того, чтобы в равной Степени удачно как обозначать, так и скрывать сексуальные мысли сновидения?

Так, в самом сновидении в двух местах появляется мамина «шкатулка для украшений», и элемент этот замещает упоминание инфантильной ревности, капель, то есть сексуальной влаги, загрязненности из-за Fluor и, с другой стороны, актуальных сейчас искушающих

мыслей, стремящихся к взаимной любви и представляющих собой предстоящую — желаемую и угрожающую — сексуальную ситуацию. Элемент «шкатулка для драгоценностей» как никакой иной является результатом процессов сгущения и смещения, а кроме того, компромиссом противоположных душевных течений. На его множественное происхождение — как из инфантильных, так и из актуальных источников — хорошо намекает его двойное появление в содержании сновидения.

Это сновидение является реакцией на свежее, возбуждающе подействовавшее переживание, которое неизбежно должно было пробудить воспоминание об особом аналогичном переживании в более ранние годы. Это сцена с поцелуем в лавке, после которого появилась тошнота. Но та же самая сцена можете стать доступной и из другого пункта, исходя из круга мыслей, относящихся к катару (см. выше), и из актуального искушения! Таким образом, она поставляет для содержания сновидения собственный вклад, напоминая о существовавшей ранее ситуации. Горит... поцелуй, наверное, пахнет дымом, то есть она чувствует дым в содержании сновидения, что продолжается затем и после пробуждения.

К сожалению, по невнимательности я упустил в анализе этого сновидения одну деталь. Отцу была вложена в уста фраза: «Я не хочу, чтобы оба моих ребенка (здесь неплохо еще добавить подсказку со сторону мыслей сновидения: из-за последствий мастурбации) погибли». Таковые фразы постоянно составляемы из частей реальной, произнесенной или услышанной, речи. Здесь я должен бы был выявить реальное происхождение этой фразы. Хотя в результате такой работы строение сновидения и стало бы запутаннее, но в то же время, конечно же, это позволило бы увидеть его яснее.

Нужно ли считать, что это сновидение тогда в Л. имело точно то самое содержание, как и при его повторении во время лечения? Это совершенно не обязательно. Опыт показывает, что люди часто утверждают, что у них был тот же самый сон, в то время как на самом деле отдельные явления возвратившегося сна отличаются многочисленными деталями, и, вообще, появляются значительные изменения. Так одна из моих пациенток сообщает, что сегодня опять ей приснился постоянно в одной и той же манере возвращающийся любимый сон, что она плавает в синем море, с удовольствием отдаваясь волнам, и так далее. Ближайшее его исследование показывает, что на этот общий фундамент один раз та, другой раз эта деталь накладывают свой неизгладимый отпечаток. Так, один раз она плыла в замерзшем море между айсбергами. Другие же сновидения, которые она сама больше уже не пыталась выдать за те же самые, оказываются тесно связанными с этими, возвращающимися. Например, она видит на одной из фотографий в реальных размерах одновременно нижний и верхний Гельголанд (Германский остров в Северном море.), на море корабль, на котором находятся два ее знакомых юноши, и так далее.

Конечно же, это появившееся во время лечения сновидение Доры — возможно даже без изменения своего явного содержания — приобрело новое актуальное значение. Среди своих сновидческих мыслей оно включало и отношение к моему лечению, и соответствовало появлению тогдашнего намерения избежать опасности. Если действительно отсутствовало какое-либо искажение воспоминания с ее стороны, когда она утверждала, что ощущала дым после пробуждения уже в Л., то нужно признать, что мое высказывание «Нет дыма без огня» она очень ловко привнесла в уже готовую форму сновидения. Здесь оно (высказывание), по-видимому, применяется для сверхдетерминации последнего элемента. Было явно чистой случайностью, что последний актуальный повод — закрытие матерью столовой, из-за чего брат оказался запертым в своей спальне — позволил создать привязку к преследованию господина К. во время пребывания в Л., где созрело ее решение после того, как она не смогла закрыть свою спальню. Возможно, что в тогдашних сновидениях еще не было брата, так что высказывание «оба моих ребенка» добилось места в содержании сновидения лишь после последнего повода.]

III. ВТОРОЕ СНОВИДЕНИЕ

Спустя несколько недель после первого появилось второе сновидение, по завершении работы с которым лечение было прервано. Второе сновидение не удалось сделать таким же всесторонне ясным как первое, но и оно привело к желательному подтверждению ставшей необходимой гипотезы о душевном состоянии пациентки, заполнило один из пробелов в памяти и позволило глубоко понять возникновение одного из ее симптомов.

Дора рассказала: Я иду гулять в какой-то город, который я совсем не знаю, вижу улицы, и площади, которые мне совсем незнакомы. [К этому позже важное дополнение; На одной из площадей я вижу монумент.] Затем я захожу в дом в котором живу, иду в мою комнату и нахожу там письмо мамы. Она пишет: Так как я, не предупредив родителей, исчезла из дома, она не захотела мне писать, что папа заболел. Сейчас он умер, и если ты хочешь [к этому дополнение; при этом слове стоял вопрос: хочешь?], то можешь вернуться. Теперь я иду на вокзал и спрашиваю, наверное, раз сто, где находится вокзал? И всегда получаю один и тот же ответ: в пяти минутах. Затем я вижу перед собой густой лес, в который вхожу и задаю тот же вопрос встреченному мною мужчине. Он говорит мне: Еще два с половиной часа. [в о второй раз она повторяет; два часа.] Он предлагает мне свое сопровождение. Я не соглашаюсь и иду одна. Перед собой я вижу вокзал, но не могу туда попасть. При этом появляется привычное чувство страха, характерное для сновидений, где невозможно продвинуться дальше. Затем я дома, в промежутке я должна была ехать, но об этом я ничего не помню. Вхожу в швейцарскую и спрашиваю у него о нашей квартире. Служанка открывает мне и говорит: «Мама и все остальные уже на кладбище». [К этому два дополнения на следующем сеансе: Я особенно отчетливо вижу себя поднимающейся по лестнице; после ее ответа я иду, но совершенно без тени печали, в мою комнату и читаю большую книгу, лежащую на моем письменном столе.]

Толкование этого сновидения не обошлось без трудностей. Вследствие своеобразных, связанных с его содержанием обстоятельств, в которых мы прекратили анализ, не все стало ясным, и с этим опять же связано то, что моя память последовательности событий оказалась не везде в равной степени надежной. Предварительно я еще скажу, какая тема выявилась на продвигавшемся вперед анализе, когда появилось это сновидение. Начиная с определенного времени, Дора сама ставила вопросы о связи ее действий с предполагаемыми мотивами. Один из этих вопросов был таков: «Почему после сцены на озере я молчала об этом в первые дни?» Второй: «Почему затем я неожиданно рассказала об этом родителям?» Я вообще посчитал что, то что она из-за ухаживаний К. почувствовала себя настолько сильно.оскорбленной, нуждается еще в своем объяснении, к тому же здесь я наконец-то начал догадываться, что ухаживания за Дорой и для господина К. вовсе не означали какую-нибудь легкомысленную попытку соблазнения. То, что об этом происшествии она поставила в известность родителей, я истолковал как действие, уже находящееся под влиянием болезненной мстительности. Нормальная девушка, по моему мнению, сама бы справилась с таким положением дел.

Итак, я приведу материал, который появился в анализе этого сновидения, в довольно пестром порядке, так как он появился в моей памяти.

Она блуждает одна в каком-то чуждом городе, видит улицы и площади. Она уверяет, что это определенно не Б., что я вначале предполагал, а город, в котором она никогда не была. Были все основания продолжать дальше: Вы могли, конечно же, уже где-то видеть образы или фотографии, которые появились у Вас в сновидении. После этого замечания Дора сделала дополнение о монументе и тотчас вслед за этим догадалась и о его источнике. К рождественским праздникам она в подарок получила альбом с городскими достопримечательностями одного из немецких курортов и как раз его искала вчера, чтобы показать родственнику, гостившему у нее. Альбом лежал в одной из коробок с картинами, которая не сразу нашлась. Она спросила у мамы: «Где находится эта коробка?» [В сновидении она спрашивает: Где находится вокзал? Из такого сближения я пришел к выводу,

о котором расскажу несколько позже.] Одна из картинок показывает площадь с монументом. Подарившим был молодой инженер, мимолетное знакомство с которым она однажды завязала в фабричном городке. Молодой мужчина устроился на работу в Германию, чтобы быстрее добиться самостоятельности, использовал любую возможность, чтобы напомнить о себе, и легко было разгадать, что он намеревался в свое время, когда улучшится его положение, сделать Доре серьезное предложение. Но для этого еще нужно время, необходимо было ждать.

Прогуливание по чужому городу было сверхдетерминировано. Оно напомнило об одном из дневных событий. На праздничные дни в гости приехал подросток-кузен, которому она должна была тогда показать Вену. Конечно, этот дневной повод был абсолютно незначительным. Но кузен напомнил ей о коротком первом пребывании в Дрездене. Тогда в качестве иностранки она бродила везде, естественно, не упустила случая посетить знаменитую галерею. Другой кузен, который был с ними и хорошо знал Дрезден, хотел быть экскурсоводом по галерее, но она отказала ему и, пошла одна, останавливаясь перед картинами, которые ей понравились. Возле «Сикстинской Мадонны» она в тихо грезящем восхищении провела целых два часа. На вопрос, что ей так сильно понравилось в этой картине, она не могла сказать ничего ясного. Наконец, она выговорила: «Мадонна».

Конечно же, эти ассоциации действительно принадлежат к материалу, образующему сновидение. Они включают и такие части, которые мы в неизменном виде находим в содержании сновидения (она отказала ему и пошла одна — два часа). Я уже заметил, что «картины» являются узловым пунктом в ткани мыслей этого сновидения (картины в альбоме — картины в Дрездене). И тему мадонны, девственной матери, я хотел бы исследовать более основательно. Но я, прежде всего, вижу, что в этой первой части сновидения она идентифицируется с молодым мужчиной. Он блуждает на чужбине, он стремится достичь определенной цели, но вынужден пока откладывать свое решение, он нуждается в терпении, он должен ждать. Если при этом она думала о том инженере, то, конечно же, этой целью должно быть обладание женщиной, ее собственной персоной. Но вместо этого этой целью был вокзал, который мы, конечно же, можем заменить на коробку (соответственно, вопрос в сновидении — на действительно сделанный вопрос). Коробка и женщина — это совпадает уже лучше.

Она спрашивает, наверное, сотню раз... Это приводит к другому, менее безразличному поводу сновидения. Вчера после званого вечера отец попросил ее принести коньяк. Он не может заснуть, если не выпьет коньяка. Она попросила ключ от шкафа в столовой у матери, но та была увлечена каким-то разговором и ничего ей не ответила, пока она не выкрикнула в нетерпении: «Я уже сто раз у тебя спросила, где ключ». В действительности, естественно, она повторила этот вопрос только около пяти раз. [В сновидении это число стоит при указании времени: пять минут. В моей книге о толковании сновидений я на нескольких примерах показал, каким образом применяет сновидение появляющиеся числа в мыслях сновидения; часто их находишь вырванными из явных отношений в сновидении и включенными в новые связи.]

Где ключ? является для меня как бы мужским противовесом к вопросу: где та коробка? (см. первый сон.) Итак, это вопросы — о гениталиях.

На том же самом собрании родственников кто-то произнес тост за папу и выразил надежду, что он еще долго будет в лучшем здравии и т.д. При этом все измученное тело отца так своеобразно вздрогнуло, что она поняла, какие мысли он подавлял. Бедный больной мужчина! Кто мог знать, как долго еще ему предназначено судьбой жить.

Тем самым мы пришли к содержанию письма в сновидении. Отец умер, она самовластно удалилась от дома. При разговоре о письме в сновидении я тотчас напомнил ей о прощальном письме, которое она написала родителям или, по меньшей мере, им предназначала. Это письмо предназначалось для того, чтобы привести отца в ужас, чтобы он отказался от госпожи К., или, по меньшей мере, для того, чтобы отомстить ему, если он не пойдет на это. Здесь мы находимся у темы ее смерти и смерти ее отца (позднее — кладбище

в сновидении). Ошибемся ли мы, если посчитаем, что ситуация, которая образует фасад сновидения, соответствует фантазии о мести отцу? Сострадающие мысли за день до этого хорошо бы согласовались с этим. Но фантазия гласит: «Она уходит из дома на чужбину, а отец должен умереть из-за такого горя, разбив свое сердце от тоски по ней». Тогда она была бы отмщена. Конечно же, она очень хорошо понимала, чего не хватает отцу, который не может сейчас заснуть без коньяка. [Несомненно, сексуальное удовлетворение является лучшим снотворным, как и бессонница почти всегда возникает как следствие неудовлетворенности. Отец не спит, так как у него нет полового сношения с любимой женщиной. Сравним с этим следующее далее: я ничего не испытываю от моей жены.]

Мы хотим отметить мстительность как новый элемент для последующего синтеза мыслей сновидения.

Но содержание письма должно допускать в другие мотивы. Откуда произошло добавление: если ты хочешь?

Здесь ей пришло в голову, что за словом «хочешь» стоял вопросительный знак, и тут она узнала, откуда эти слова. Это была как бы цитата из письма госпожи К., содержавшего приглашение в Л. (на озеро). В этом письме вопросом: если ты хочешь поехать? Вопросительный знак совершенно поражающим образом стоял в середине конструкции предложения.

Здесь мы, следовательно, вновь оказались у сцены на озере и при загадках, связанных с нею. Я попросил пациентку рассказать мне еще раз подробно эту сцену. Вначале она привела не слишком-то много нового. Господин К. намеревался сказать что-то очень серьезное. Но она не позволила ему высказаться до конца. Как только она поняла, о чем идет речь, она ударила его по лицу и поспешила прочь. Я хотел знать, какие слова он использовал. Она помнила только его мотивы: «Вы же знаете, что я ничего не испытываю от моей жены». [Эти слова приведут к решению одной из наших загадок.] Затем, чтобы не встречаться больше с ним, она захотела вернуться в Л. пешком вокруг озера и спросила одного из встреченных ею мужчин, как далеко ей туда идти. После его ответа: «Два с половиной часа», — она отказалась от этого намерения и вновь подыскала судно, которое вскоре после этого отчалило. Господин К. опять же был здесь, приблизился к ней, попросил извинить его и ничего не рассказывать об этом происшествии. Но она не дала ему никакого ответа. Конечно, лес в сновидении очень схож с лесом на берегу озера, рядом с которым как раз и разыгралась эта по-новому описанная сцена. Но точно такой же густой лес она видела вчера на одной из картин на выставке общества австрийских художников. На заднем фоне этой картины видны были нимфы. [Здесь в третий раз: картина (картины городских достопримечательностей, галерея в Дрездене), но в гораздо более значительной связи. Посредством того, что в ней видят, она становится простой бабой (лес, нимфы).]

Сейчас у меня появилось подозрение. Хотя вокзала [Впрочем,, «вокзал» служит предвидением «сношения». Психологическая маскировка в виде страхов перед железной дорогой] и кладбища на месте женских гениталий было вполне достаточно, мое обостренное внимание было направлено на подобно образованное «преддверие» (Все эти слова-символы имеют в качестве главного корня одно и то же немецкое слово Hof (двор): Bahnhof (вокзал), Friedhof (кладбище), Vorhof (преддверие).), анатомический термин для определенной части женских гениталий. Но это могло бы быть и остроумным заблуждением. Теперь, когда сюда добавились еще и нимфы, которые виднеются на заднем фоне «густого леса», больше уже не может быть сомнения. Это была символическая сексуальная география! Нимфами называют, как известно врачам, но не дилетантам, а, впрочем, и среди первых не очень-то широко, малые губы на заднем фоне «густого леса» из волос срамных губ. Но тот, кто использовал такие технические названия как «преддверие» и «нимфы», тот должен был черпать свои знания из книг, и именно не из популярных, а из анатомических учебников или из какого-нибудь энциклопедического словаря, обычного прибежища снедаемых сексуальным любопытством подростков. Таким образом, за первой ситуацией сновидения скрывалась, если это толкование было верным, фантазия о дефлорации, как какой-то мужчина старается

проникнуть в женские гениталии. [Эта фантазия о дефлорации является второй составной частью этой ситуации. Подчеркивание трудности в продвижении вперед и ощущаемый в сновидении страх указывают на охотно выделяемую девственность, намек на которую мы находим в другом месте посредством «Сикстинской Мадонны». Эти сексуальные мысли выдают бессознательный фон для удерживаемых, вероятно, в тайне желаний, которые связаны с далеким женихом в Германии. В качестве первой составной части той же самой ситуации сновидения мы познакомились с фантазией мести, обе фантазии не полностью совпадают друг с другом, а лишь частично. Следы еще более значительного третьего ассоциативного потока мыслей мы отыщем позднее.]

Я сообщил ей мои выводы. Впечатления от них должны были быть очень значительными, так как тотчас вслед за этим у нее появляется забытый кусочек этого сновидения: что она спокойно [В другой раз она вместо «спокойно» сказала «совершенно без тени печали» (см. выше). Я могу рассматривать этот сон как новое доказательство правильности одного из содержащихся в «Толковании сновидений» утверждений, что забываемые вначале и вспоминаемые лишь позднее части сновидения, всегда являются наиболее важными для понимания сновидения. Там же я делаю вывод, что и забывание сновидений нуждается в объяснении посредством внутрипсихического сопротивления.] Идет в свою комнату и читает большую книгу, которая лежит на ее письменном столе. Здесь выделяются обе детали: спокойно и большая, когда говорится о книге. Я спросил: та книга была величиной с энциклопедию? Она подтвердила. Только дети все же никогда не читают в энциклопедиях запрещенный материал спокойно. Они дрожат и опасаются при этом, и боязливо осматриваются, не пришел ли кто. При таковом чтении родители серьезно стоят на пути. Но реализующая желания сила сновидения основательно улучшила неприятную ситуацию. Отец был мертв, да и остальные уже уехали на кладбище. Она могла спокойно читать все, что ей хотелось. Не должно ли это означать, что одним из мотивов ее мести было возмущение диктатом родителей? Если отец был мертв, тогда она могла читать или любить так, как она хотела. Вначале она вообще не могла припомнить, что когда-либо читала энциклопедический словарь, затем она призналась, что одно из таких воспоминаний у нее появилось, конечно же, относясь к безобидному содержанию. Ко времени, когда любимая тетка была тяжело больна и уже решилась на поездку в Вену, от другого дяди пришло письмо, что они не могут ехать в Вену, так как один из детей, то есть кузен Доры, опасно болен аппендицитом. Тогда она отыскала в словаре, каковы симптомы аппендицита. Из того, что она прочитала, она еще может вспомнить особое расположение боли в теле.

Теперь я вспоминаю, что вскоре после смерти тети она перенесла в Вене мнимый аппендицит. До сих пор я не мог и представить, что это заболевание нужно причислить к ее истерическим достижениям. Она рассказала, что в первые дни у нее была очень высокая температура (жар) и она ощущала в животе те же самые боли, о которых прочитала в словаре. Ей прописали холодные обертывания, но она не могла их переносить. На второй день на фоне сильных болей начался период, для которого вообще с начала ее заболевания было характерно полное отсутствие стабильности. Тогда же она хронически страдала от запоров.

Но было бы несправедливо рассматривать это состояние как чисто истерическое. Хотя, несомненно, может появиться и истерический жар, все же кажется необоснованным отнесение жара, этого спорного заболевания, к истерии, а не к какой-либо органической, действовавшей тогда причине. Я хотел уже отказаться от этого неопределенного признака, как вдруг дальше она помогла себе сама, внеся последнее дополнение к сновидению. Она видит себя особенно отчетливо поднимающейся по лестнице.

Естественно, что для этого я нуждаюсь в особой детерминации. Ее, конечно, не принимаемое серьезно в расчет возражение, что она же должна подняться по лестнице, если она хочет оказаться в своей, расположенной выше квартире, я смог легко опровергнуть замечанием. Если она в сновидении приезжает из чужого города в Вену и при этом может обойтись без поездки по железной дороге, то она так же легко может опустить в сновидении

и ступени лестницы. Затем она рассказывала дальше: после аппендицита она не могла хорошо ходить, так как она волочила за собой правую ногу. Так продолжалось довольно долго, и потому она старалась избегать лестниц. И сейчас еще иногда ее походка оставляет желать лучшего. Врачи, консультировавшие ее по настоянию отца, были очень удивлены этим совершенно необычайным последствием аппендицита, тем более, что боль в теле уже больше не появлялась и ни в коем случае не сопровождала волочение ноги. [Болезненность живота, получившая название «яичник», и нарушение походки из-за ноги, расположенной на той же стороне тела, заставляют признать их соматическую этиологию. Но у Доры нужно допустить еще особое специализированное толкование, то есть психическое наслоение и использование. См. аналогичное замечание при анализе симптомов кашля и связи катара и потери аппетита.]

Таким образом, это действительно был истерический симптом. Даже если жар и был органически обусловлен — например, из-за очень частых заболеваний гриппом без особой локализации — то можно было бы быть уверенным, что невроз воспользовался этим случаем, чтобы использовать его для своих целей. Таким образом, Дора создала себе одну из болезней, о которой прочитала в словаре, наказала себя за это чтение и должна была затем увериться, что это наказание не могло быть за чтение безобидной статьи, заболевание появилось посредством смещения, после того как к этому чтению присоединилось что-то другое, более наполненное виной, что скрывается сегодня от воспоминания за одновременно произошедшим безобидным событием. [Совершенно типичный пример возникновения симптомов из поводов, с виду как бы ничего общего с сексуальным не имеющих.] Вероятно, еще возможно исследовать, какие темы заинтересовали её больше всего.

Но что же означало состояние, пытавшееся скопировать аппендицит? Последствие этого заболевания, говорящее скорее против него, а именно, волочение одной из ног, должно лучше объясняться тайным, например, сексуальным значением болезни и могло бы со своей стороны; если его достаточно прояснить, пролить свет на это искомое значение.

Я пытался найти доступ к этой загадке. В сновидении несколько раз упоминался фактор времени. Действительно, время не является безразличным для любого биологического процесса. Итак, я спросил, когда случился этот аппендицит, ранее или позднее сцены на озере. Быстрым, одним ударом разрешающим все трудности, ответом было: девять месяцев спустя. Этот срок хорошо известен. Таким образом, мнимый аппендицит реализовал фантазию родов посредством своих скромных средств, находящихся в распоряжении пациентки, болей и кровотечения из-за месячных. [Я уже дал понять, что большая часть истерических симптомов, если они добились своей полной завершенности, изображают фантазируемую ситуацию сексуальной жизни, то есть сцену полового акта, беременности, родов, послеродового периода и тому подобное.] Естественно, что она знала о значении этого срока, и не могла отрицать возможность того, что тогда же она читала в словаре о беременности и родах. Но что же было с волочащейся ногой? Сейчас я попытаюсь отгадать. Так ходят, если оступились. То есть, она сделала «неправильный шаг», и это совершенно верно, так как девять месяцев спустя после сцены на озере она смогла разрешиться. Здесь я должен выставить и другое требование. Такие симптомы — по моему убеждению — можно получить лишь тогда, когда есть для них инфантильный прообраз. Воспоминания впечатлений более позднего времени, как я твердо установил на основании моего предыдущего опыта, не обладают силой, достаточной для формирования в симптом. Я вряд ли мог надеяться, что она вспомнит желательный для меня материал из детских лет, так как в действительности я еще не мог публично выставить вышеприведенную фразу, в которую я серьезно верил. Но подтверждение здесь пришло тотчас. Конечно же, однажды она оступилась именно на эту ногу. Во время проживания в Б. при опускании по лестнице она подскользнулась на ступеньке. Нога, а это была именно та же нога, которую она позже волочила, напухла, должна была быть бандажирована. Несколько недель ребенок вынужден был лежать. Это было незадолго до нервной астмы на восьмом году жизни.

Теперь важно обнаружить следствия этой фантазии: если Вы через девять месяцев

после сцены на озере разрешились родами и затем несете на себе до сегодняшнего дня последствия этого ошибочного шага, то это доказывает, что в бессознательном Вы глубоко раскаиваетесь в исходе сцены. Вы, следовательно, исправляете его в Вашем бессознательном мышлении. Предпосылкой для Вашей фантазии о родах, конечно же, является то, что тогда что-то произошло [фантазия о дефлорации находит, следовательно, свое применение к господину К., и становится ясно, почему та же самая часть в содержании сновидения содержит материал из сцены на озере (отклонение, два с половиной часа, лес, приглашение в Л.)], что Вы тогда пережили и познали все то, что позднее Вы нашли в словаре. Вы видите, что Ваша любовь к господину К. не заканчивается той сценой, что она, как я утверждал ранее, продолжается и по сегодняшний день, конечно, для Вас бессознательно. Этому она уже больше не возражала. [Некоторые дополнения к предыдущим толкованиям: «мадонной» очевидно является она сама, во-первых, из-за «поклонника», который прислал ей книгу с картинками, затем, потому, что любовь господина К. она, получила, главным образом, из-за материнской позиции по отношению к его детям и, наконец, потому, что она еще девушкой уже имела ребенка в своих фантазиях о родах. Впрочем, «мадонна» является и излюбленным спасительным образом, если девушка находится под прессом обвинения в сексуальной испорченности, что, конечно же, соответствует и Доре. Первое представление о таковой связи я получил, работая врачом психиатрической клиники, в одном из случаев галлюцинаторной спутанности с быстрым течением, которая появилась как реакция на упрек со стороны жениха. При продолжении анализа, вероятно, была бы в качестве неясного, но мощного мотива ее действий открыта сильная материнская тоска по ребенку. — Многие вопросы, которые она подняла в последнее время, являются как бы поздними отголосками вопросов, связанных с сексуальным любопытством, которое она пыталась удовлетворить посредством словаря. Нужно признать, что ей удалось раскопать сведения о беременности, родах, девственности и тому подобном. — Один из таковых вопросов, который нужно включить в контекст второй ситуации сновидения, она забыла, рассказывая сон. Это могло быть только вопросом: Здесь ли живет господин...? или Где живет господин...? То, что она забыла этот, по-видимому, безвинный вопрос, после того, как он вообще появился в ее сновидении, должно иметь свою причину. Я нахожу мотив для этого в фамилии господина К., которая одновременно обозначает и предмет, а именно, с несколькими значениями, то есть может приравниваться к «двусмысленному» слову. К сожалению, я не могу тут привести эту фамилию для того, чтобы показать, насколько умело она была использована для обозначения «двусмысленного» и «непристойного». Такое толкование легко подтвердить, так как и в другой части сновидения, там, где появляется материал, касающийся» воспоминаний о смерти тети в предложении «Они уже уехали на кладбище» мы также находим в словах намек на фамилию тети. В этих непристойных словах, наверняка, лежит указание на другой устный источник, так как здесь уже недостаточно словаря. Я бы не удивился, если бы услышал, что таковым источником была сама госпожа К., клеветница. Тогда Дора великодушно пощадила именно ее, в то время как других лиц она преследовала, доходя почти до коварной мести. За почти необозримым рядом сдвигов, которые проявлялись таким образом, можно было бы предполагать простой мотив, а именно глубоко укорененную любовь к госпоже К.]

Эта работа, направленная на понимание сновидения, продолжалась два сеанса. Когда я после окончания второго сеанса выразил мою удовлетворенность достигнутым, она пренебрежительно ответила: «Здесь что же, многого достигли?», — и этим приблизила меня к последующим открытиям.

Третий сеанс она начала словами: «Господин доктор, знаете ли Вы, что сегодня я здесь в последний раз». Я не мог этого знать, так как об этом Вы ничего мне ранее не говорили. «Да, я решила, что до Нового года [это было 31 декабря] я еще выдержу это. А дольше я не желаю ждать излечения». Вы знаете, что в любое время вольны прервать лечение. Но сегодня мы еще хотим поработать. Когда Вы приняли такое решение? «Я думаю, Дней 14 назад». Это звучит, конечно, точно так же, как предупреждение какой-либо служанке, какой-

нибудь гувернантке об увольнении за 14 дней. «Когда я тогда посетила К. на озере в Л., у них была уволена одна из гувернанток». Вот как? О ней Вы ни разу не упомянули. Пожалуйста, расскажите.

«Итак, в доме в качестве гувернантки детей жила молодая девушка, которая проявляла совершенно особое отношение к господину К. Она не приветствовала его, не отвечала ему, ничего ему не подавала за столом, когда он о чем-нибудь просил. Короче говоря, относилась к нему как к пустому месту. Впрочем, и он был не более вежлив по отношению к ней. За день или два до сцены на озере эта девушка отозвала меня в сторону, сказав, что она должна мне кое-что сообщить. Затем она рассказала мне следующее. Господин К. на какое-то время, когда госпожа как раз отсутствовала несколько недель, приблизился к ней, очень настойчиво ухаживал за нею и попросил ее услужить ему; он ничего не испытывает от своей жены и так далее»... Это ведь те же самые слова, которые затем он использовал ухаживая за Вами, когда Вы ударили его по лицу? «Да. Она отдалась ему, но спустя короткое время он вообще перестал интересоваться ею, и с того времени она возненавидела его». И эта гувернантка была уволена? Нет. Она сказала мне, что тотчас, как почувствовала себя оставленной, она рассказала об этом событии своим родителям, которые являются порядочными людьми и живут где-то в Германии. Родители потребовали, чтобы она мгновенно оставила этот дом, а когда она не сделала этого, то написали ей, что они не хотят ее больше знать, она не может после этого вернуться домой». И почему она не уехала сразу? «Она сказала, что хочет еще немного подождать, возможно, что-нибудь изменится у господина К. Так жить она долго не сможет». А что потом стало с этой девушкой? «Я знаю лишь, что она ушла». Не забеременела ли она от такого приключения? «Нет».

Здесь, таким образом, — что, впрочем, является совершенно закономерным — в середине анализа выявляется часть фактического материала, которая помогла разрешить ранее поднятые проблемы. Я мог теперь сказать Доре: «Сейчас я знаю мотив той причины, которой Вы ответили на ухаживания. Это не было обидой из-за предъявленного Вам невыполнимого требования, а ревнивая месть. В то время, когда та девушка рассказала Вам свою историю, Вы еще хорошо могли использовать Ваше искусство устранять все, что не соответствовало Вашим чувствам. В тот же момент, когда господин К. использовал слова: «Я ничего не испытываю от моей жены», сказанные им ранее девушке, в Вас были разбужены другие чувства, и чаши весов вышли из равновесия. Вы сказали себе: он умудряется обращаться со мной, как с какой-то гувернанткой, прислуживающим лицом? Эта задетая гордость добавилась к ревности и к хорошо осознаваемым мотивам: ну, это уж слишком. [Возможно, не является безразличным и то, что ту же самую жалобу, значение которой она хорошо понимала, жалобу на жену, она могла слышать и от отца, как слышал я сам из его уст.] В качестве доказательства того, что Вы находились под очень сильным впечатлением от истории девушки, я представлю Вам повторяющиеся идентификации с нею в сновидении и в Вашем поведении. Вы сказали родителям то, что мы до сих пор не понимали, так же, как девушка написала об этом своим родителям. Вы уволили меня с 14-дневным извещением как какую-то гувернантку. Письмо в сновидении, позволяющее Вам приехать домой, является противовесом к письму от родителей девушки, которые той запретили это.

«Почему тогда я не сразу рассказала об этом родителям?»

Сколько же времени прошло?

«В последний день июня произошла эта сцена; 14 июля я рассказала об этом матери».

Итак, опять 14 дней, характерный для обслуживающего персонала срок! Сейчас я могу ответить на Ваш вопрос. Конечно, Вы очень хорошо поняли бедную девушку. Она не хотела уйти сразу, так как еще надеялась, так как еще ожидала, что господин К. опять обратит на нее всю свою нежность. Это должно было быть и Вашим мотивом. Вы выждали определенный срок, чтобы посмотреть, будет ли он заново приступать к своим ухаживаниям. Из этого Вы могли бы заключить, что для него это было чем-то серьезным, и что он не хотел с Вами так же играть, как с гувернанткой.

«В первые дни после отъезда он прислал еще открытку с каким-то видом». [Это

привязка к инженеру, который спрятан за образом самой сновидицы в первой ситуации сновидения.]

Да, но как только далее этого ничего не пошло, Вы сразу же дали Вашей мести полный ход. Я даже могу себе представить, что тогда еще было место для тайно лелеемой мысли, а именно, побудить его посредством обвинения к приезду в Ваш дом.

«...Как он вначале нам и предлагал», — заметила она.

Тогда бы исчезла Ваша тоска по нему, — тут она кивнула, подтверждая, чего я никак не ожидал, — и он мог бы предоставить Вам удовлетворение, которого Вы хотели.

«Какое удовлетворение?»

Сейчас я действительно начинаю предполагать, что Вы гораздо серьезнее рассматривали отношения с господином К., чем пытались до сих пор представить. Не часто ли между господином и госпожой К. была речь о разводе?

«Конечно, но вначале из-за детей этого не хотела она, а сейчас желает, но теперь уже он больше не хочет этого».

Не должны ли Вы были думать, что он хочет развестись со своей женой для того, чтобы жениться на Вас? И что он теперь больше не хочет этого, так как у него отсутствует какая-либо замена? Два года назад, конечно. Вы были очень юной, но Вы сами рассказывали мне о маме, что она в 17 лет была обручена и затем два года ждала своего мужа. История любви матери обычно становится образцом для дочери. То есть. Вы тоже хотели ждать его и даже посчитали, что он только ожидает того, чтобы Вы стали достаточно зрелой для его будущей жены. [Ожидание вплоть до того момента, пока не достигается цель, находится в содержании первой ситуации из сновидения. В этой фантазии ожидания увидеть себя невестой я вижу часть третьего, уже заявившего о себе компонента этого сновидения.] Я могу даже представить себе, что это было Вашим серьезным жизненным планом. У Вас вообще нет права утверждать, что таковое намерение было исключено у господина К. Вы даже предостаточно рассказали мне о нем такого, что прямо намекает на такое намерение. [Особенно речь, которою он сопровождал рождественский подарок в виде ящичка для писем во время последних лет совместного пребывания в Б.] Да и его поведение в Л. не противоречит этому. Вы же не позволили ему высказаться до конца и не знаете, что он хотел Вам сказать. При этом сам план вовсе не кажется совершенно не осуществимым. Отношения папы с госпожой К., которые Вы, вероятно, только потому так долго и поддерживали, дают Вам уверенность, что согласие жены на развод было бы достигнуто, а у папы Вы легко добиваетесь всего того, чего Вы хотите. Конечно, если бы искушение в Л. имело другой исход, то это было бы для всех единственно возможным решением. Я считаю также, что именно из-за этого Вы так сожалели о получившемся плохом исходе и исправили его в фантазии, проявившейся аппендицитом. Таким образом, то, что вместо возобновления ухаживаний результатом Вашей жалобы были отрицание и оскорбление со стороны господина К., должно было стать для Вас тяжелым разочарованием. Вы признаетесь, что ничто другое не может Вас так сильно привести в ярость, как то, что можно поверить, что Вы будто бы придумали сцену на озере. Теперь я знаю, о чем Вы не хотите вспомнить. Вы вообразили себе: это ухаживание всерьез и господин К. не успокоится до тех пор, пока не женится на Вас.

Она слушала, не пытаясь, как обычно, возражать. Она казалась потрясенной, любезно простилась с самыми наилучшими пожеланиями к Новому году и — больше не появилась. Отец, который посетил меня еще несколько раз, уверял, что она еще придет, у нее есть сильное желание продолжать лечение. Но, наверное, он был не до конца искренен. Он поддерживал курс лечения лишь постольку, поскольку у него была надежда на то, что мне удастся «уговорить» Дору, что между ним и госпожой К. нет ничего другого кроме чистой дружбы. Этот его интерес пропал, как только он заметил, что такой результат не входит в мои намерения. Я знал, что она уже больше не появится. Несомненно, актом мести было то, что она так неожиданно, когда мои ожидания на удачное окончание лечения дошли до наивысшей точки, прервала лечение и этим уничтожила мои надежды. Ее тенденция к

нанесению себе вреда нашла здесь свое законное место. Тот, кто, подобно мне, пробуждает злейших демонов, которые не до конца усмиренными живут в человеческой груди, и желает их победить, должен знать, что в такой борьбе он сам не останется полностью в стороне. Сохранил ли бы я эту девушку в лечении, если бы я сам принял на себя одну из ролей, которая бы подчеркнула ценность ее присутствия для меня, и проявил бы по отношению к ней живой интерес, который, несмотря на все то смягчение из-за моей врачебной позиции оказался бы чем-то вроде эрзаца для страстно желаемой ею нежности? Я не знаю этого. Так как часть факторов, встречающихся на пути в виде сопротивления, в любом случае остается неизвестной, то я всегда избегал играть роли и ограничивался менее притязательным психологическим искусством. При всем теоретическом интересе и всем врачебном стремлении помочь я все же сдерживаю эмоциональные проявления, чтобы поставить по необходимости границы для психического внушения, и уважаю как таковые желания и взгляды пациента.

Но я не знаю, достиг ли бы господин К. большего, если бы им было разгадано, что тот удар по лицу ни в коем случае не означал окончательного «нет» Доры, а лишь соответствовал пробужденной под конец ревности, в то время как еще более сильные побуждения ее душевной жизни стояли на его стороне. Если бы он не обратил внимания на это первое «нет» и продолжил бы свои ухаживания с убеждающей страстностью, то результатом легко могло стать то, что увлеченность девушки не посчиталась бы тогда ни с какими внутренними трудностями. Но я думаю, что, возможно, так же легко она была бы доведена до того, чтобы удовлетворить еще сильнее свою месть по отношению к нему. На чью сторону склонится решение в этом споре мотивов, к устранению или к усилению вытеснения, этого никогда нельзя точно подсчитать. Неспособность осуществить реальные требования любви является одной из наиболее существенных черт невроза. Жизнь больных затруднена из-за противоречий между реальностью и фантазией. Они бегут от того, чего наиболее страстно желают в своих фантазиях, когда оно в действительности встречается им. А больше всего они любят отдаваться своим фантазиям там, где им уже не нужно больше опасаться за их реализацию. Барьеры, которые сооружены вытеснением, конечно могут пасть под натиском мощных, вызываемых реальностью переживаний, невроз еще можно преодолеть посредством действительности. Но мы не можем, в общем-то, рассчитать, у кого и посредством чего такое «излечение» было бы возможно. [Еще некоторые замечания о строении этого сновидения, которое не позволяет понять его настолько основательно, чтобы можно было осуществить его синтез. В качестве фасада, выставленного вперед, можно выделить фантазию о мести отцу: она самовольно ушла из дома; отец заболел, потом умер... Она теперь возвращается домой, все остальные уже на кладбище. Она без всякой тени печали идет в свою комнату и спокойно читает словарь. В этом два намека на другой акт мести, который она действительно осуществила, позволив родителям найти прощальное письмо: Письмо (в сновидении от мамы) и упоминание похорон бывшей для нее идеалом тети. — За этой фантазией скрывается акт мести господину К., выход для которой она создала своим поведением по отношению ко мне. «Служанка — приглашение — лес — два с половиной часа», — всё идёт от материала события в Л. Воспоминание о гувернантке и ее переписке со своими родителями с элементом прощального письма Доры сходится с находящимся в содержании сновидения письмом, которое позволяет ей вернуться домой. Отказ от сопровождения себя, решение идти одной, наверное, можно перевести следующим образом: так как ты обошелся со мной как со служанкой, я оставляю тебя, иду одна моим путем и не выхожу замуж. Скрываемый вот такими мыслями о мести, в других местах все же просвечивает материал с нежными фантазиями, вызываемыми бессознательно продолжающейся любовью к господину К.: я ждала бы тебя, чтобы стать твоей женой — дефлорация — роды. Наконец, уже четвертому, наиболее глубоко запрятанному кругу мыслей, а именно любви к госпоже К., принадлежит то, что фантазии о дефлорации изображаются с позиции мужчины (идентификация с почитателем, пребывающим сейчас на чужбине), и то, что в двух местах содержатся абсолютно явные намеки на двусмысленные

речи (здесь ли живет господин Х.) и на письменный источник ее сексуальных познаний (словарь). Жестокие и садистические побуждения находят в этом сновидении свое полное осуществление.]

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Хотя этому сообщению я дал название «Фрагмент анализа», очевидно, что оно неполно в более значительной степени, чем можно было бы ожидать, исходя из его названия. Поэтому было бы неплохо, если бы я попытался объяснить эти пробелы, ни в коем случае не являющиеся случайными.

Целый ряд результатов анализа остался в стороне, так как он из-за внезапного прекращения лечения был или недостаточно хорошо известен, или нуждался в продолжении исследования до какого-то общего вывода. Несколько раз, когда мне это казалось допустимым, я указывал на вероятное продолжение отдельных завязок. Ни в коем случае не являющаяся само собой понятной техника, посредством которой только и можно из сырого материала ассоциаций выявить его чистое содержание в виде ценных бессознательных мыслей, мною вообще здесь полностью обойдена. Остается и тот недостаток, что читатель не сможет убедиться в корректности моего подхода при таком способе изложения. Но я пришел к выводу, что абсолютно невозможно обсуждать заодно и технику анализа, и внутренний контекст какого-либо случая истерии. Для меня это было бы почти невозможным достижением, а для читателя стало бы неусваиваемым. Да и вообще эта техника требует отдельного особого представления, где она должна объясняться посредством многочисленных примеров, взятых из самых разных случаев, а кроме того, она может там совершенно не учитывать полученный результат. Точно так же я не пытался здесь обосновать психологические предпосылки, о которых можно догадаться по моим описаниям психических феноменов. Какое-либо мимолетное обоснование ничего бы не дало; подробное же было бы само по себе уже отдельной работой. Я могу только заверить, что, не будучи обязанным ни одной из известных психологических теорий, я непредвзято подошел к изучению феноменов, которое открывает наблюдение психоневротиков, и что потом я так долго не высказывал своего мнения, пока оно не показалось мне созревшим для того, чтобы можно было дать отчет о наблюдаемых мной закономерностях. Я вовсе не горжусь тем, что избегаю умозрительных взглядов, хотя материал для наших гипотез приобретен в результате самого широчайшего и кропотливейшего наблюдения. Особенно же решительность моей точки зрения на проблему бессознательного может вызвать недовольство, так как бессознательными представлениями, мыслями и побуждениями я оперирую так, словно бы они были такими же хорошо известными и несомненными объектами психологии, как и все сознательное. Но я уверен в том, что тот, кто решится исследовать ту же самую область явлений именно нашим методом, не сможет обойтись без того, чтобы стать на ту же самую точку зрения, несмотря на все протесты философов.

Те коллеги, которые считают мою теорию истерии чисто психологической и потому неспособной разрешить какую-либо патологическую проблему, наверняка, заметят, читая эту работу, что их упрек, относящийся к особенностям техники, несправедливым образом переносится и на нашу теорию. Чисто психологической является лишь терапевтическая техника. Моя теория ни в коем случае не упускает возможности указать на органический фундамент невроза, хотя она и ищет таковые не в патолого-анатомических изменениях, а пытается ожидаемые химические изменения, не обнаруживаемые пока, временно заместить органическими функциями. По-видимому, никто не может отказать в таковом характере одному из органических факторов — сексуальной функции, в которой я вижу фундамент истерии, как и вообще всех неврозов. Теория сексуальной жизни, как я полагаю, не может быть лишена гипотезы об особых, возбуждающе действующих сексуальных материалах. Интоксикации и абстиненции при использовании определенных хронических ядов, конечно

же, находятся в основе всех болезней, с которыми нас знакомит клиника, и, прежде всего, в основе врожденных психоневрозов.

То, что уже сегодня можно сказать о «соматической встречности», об инфантильном ядре перверсий, об эрогенных зонах и бисексуальной предрасположенности, я также не изложил в этой работе подробно, я только выделил места, в которых анализ наталкивался на этот органический фундамент симптомов. Большего и нельзя сделать на отдельно взятом случае. Те же упомянутые выше причины вынудили меня отказаться даже от беглого объяснения этих моментов. Отсюда проистекает мощный довод в пользу новых работ, опирающихся на большое число анализов.

Этой столь несовершенной публикацией я хотел все же достичь двух целей. Во-первых, в качестве дополнения к моей книге о толковании сновидений показать, как это обычно бесполезное искусство может применяться для открытия утаиваемого и вытесненного в душевной жизни. Потому в анализе обоих сообщаемых здесь сновидений учитывается и техника толкования сновидений, которая во многом подобна психоаналитической. Во-вторых, я хотел пробудить интерес к целому ряду отношений, являющихся для науки на сегодня совершенно неизвестными, так как их можно открыть только применяя этот определенный метод. Об усложненности психических процессов при истерии, одновременности сосуществования различнейших побуждений, взаимосвязи противоположностей, вытеснениях и смещениях и о многом другом, наверное, до конца никто так и не смог догадаться. Подчеркивание Жане идеи фикс, которая перемещается в симптом, ничего другого не означает, как только действительно жалкую схематизацию. Невозможно будет устранить и мысль-догадку, что побуждения, представления, которым не хватает силы дойти до сознания, иначе воздействуют друг на друга, по-другому развиваются и ведут к другим проявлениям, чем те, которые называются нами «нормальными», так как они осознаются. Если все это настолько ясно, то ничто больше не стоит на пути понимания терапии, которая устраняет невротические симптомы посредством того, что она представления первого ряда превращает в нормальные.

Мне надо было также показать, что сексуальность вмешивается не только в качестве лишь один раз появившейся *deus ex machina* (Неожиданно и немотивированно наступившая помощь (лат.)) в каком-нибудь месте в ходе характерных для истерии процессов, но и является движущей силой любых единичных симптомов и каждого отдельного проявления какого-либо симптома. Проявления болезни, говоря прямо, являются сексуальной деятельностью больных. Отдельно взятый случай никогда не сможет доказать такой обобщенный, тезис, но я могу лишь опять повторить заново, что я нигде не нашел ничего другого. Сексуальность действительно является ключом к проблеме психоневроза, как и вообще всех неврозов. Тот, кто пренебрегает им, никогда не будет в состоянии открывать. Я ожидаю новых исследований, которые могли бы устранить или ограничить это правило. То, что я до сих пор услышал против, было выражением личного неодобрения или неверия, на что достаточно возражения словами Шарко: «*Ca n ' empeche pas d ' exister* » (Это не мешает существовать (фр.)).

Этот случай из истории болезни и лечения, фрагмент которой я опубликовал здесь, не подходит и для того, чтобы показать ценность психоаналитической терапии в правильном свете. Не только краткость периода лечения, едва ли составившая три месяца, но и другой присущий этому случаю момент помешали тому, чтобы курс лечения закончился обычно достигаемым, признаваемым больным и его родственниками улучшением, приводящим к более или менее полному излечению. Такие радующие результаты достигаются там, где болезненные проявления поддерживаются лишь внутренним конфликтом между относящимися к сексуальности побуждениями. В таких случаях видишь состояние больного улучшенным в такой степени, в какой удалось перевести патогенный материал в нормальный для разрешения психических проблем больного. По-другому протекает все там, где симптомы ставятся на службу внешних мотивов жизни, как это и было с Дорой в последние два года. Вы будете поражены и даже можете легко быть сбиты с толку, когда узнаете, что

состояние больной не стало заметно лучшим, несмотря на нашу далеко продвинувшуюся работу. В действительности же не все так плохо. Да, симптомы не исчезли во время работы, а лишь спустя некоторое время после нее, когда уже были прерваны отношения с врачом. В действительности же такая отсрочка излечения или улучшения по времени вызывается только личностью врача.

Чтобы сделать понятным такое положение дел, я должен начать несколько издалека. Во время психоаналитического курса лечения задерживается образование новых симптомов, можно даже сказать, что это закономерно. Но продуктивность невроза ни в коем случае не затухает, а начинает создавать особый род чаще всего бессознательных мыслительных образований, которые можно оделить названием «переносы».

Но чем же являются переносы? Это новые издания, копирование побуждений и фантазий, которые должны пробуждаться и осознаваться во время проникновения анализа вглубь с характерным для этого сплава замещением прежнего значимого лица личностью врача. Другими словами: целый ряд более ранних психических переживаний оживает вновь, но не в виде воспоминаний, а как актуальное отношение к личности врача. Имеются такие переносы, которые по содержанию совершенно ничем не отличаются от своего прототипа. Таким образом, это, в контексте нашего сравнения, просто перепечатка, неизмененное переиздание. Другие же осуществляются более искусно, они испытали смягчение своего содержания, сублимацию, как я говорю, и могут осознаваться, когда они откликаются на какую-либо ловко использованную особенность в личности или в отношениях с врачом. Таким образом, это уже не перепечатки, а скорее переработки.

Когда занимаешься теорией аналитической техники, то начинаешь понимать, что перенос является чем -то появляющимся неизбежно. По меньшей мере, в практической работе получаешь убеждение в том, что нет никаких средств для того, чтобы можно было от него уклониться, и что с этим последним творением болезни нужно так же бороться, как и со всеми прежними. Только эта часть работы является во многом гораздо трудней. Толкованию сновидений, извлечению бессознательных мыслей и воспоминаний из ассоциаций больного и другим подобным искусствам переводчика легко научиться, здесь текст поставляет сам больной. И лишь перенос необходимо разгадывать практически самостоятельно, опираясь на незначительные детали и не обвиняя себя за произвол. Но нельзя обходить работу с переносом, так как он применяется для построения всех препятствий, делающих недоступным материал, получаемый в курсе лечения, и потому что ощущение убеждения в верности конструируемых связей вызывается у больного только после устранения переноса.

Врачи были бы склонны считать большим недостатком и без того неудобного метода то, что перенос еще дополнительно увеличивает работу врача посредством создания какого-то нового рода болезненных психических продуктов. Возможно, они даже захотели бы вывести из существования переносов нанесение вреда больному в ходе аналитического курса лечения. И оба раза впали бы в заблуждение. Работы для врача из-за переноса не становится больше; ему может быть совершенно безразлично, будет ли преодолено соответствующее побуждение больного в связи с его (врача) личностью или с личностью кого-то другого. Наш курс лечения не навязывает больному посредством переноса никаких новых усилий, которых бы он не осуществлял также и обычно. Если излечение неврозов появляется и в лечебных учреждениях, где психоаналитическое лечение исключалось, если можно говорить, что истерик излечивается не посредством метода, а посредством личности врача, если обнаруживается определенный вид слепой зависимости и длительной прикованности больного к врачу, освободившему его гипнотическим внушением от его симптомов, то научное объяснение всего этого нужно искать в «переносах», постоянно осуществляемых больными по отношению к врачу. Психоаналитическое лечение не создает переноса, оно лишь открывает его, как и все остальное, скрытое в душевной жизни. Различие проявляется только в том, что в других видах терапии больной спонтанно воскрешает в результате своего лечения лишь нежные и дружеские переносы. Там, где они не могут выявиться, больной уходит, насколько можно быстро, не испытав никакого воздействия от врача, который не

стал для него «симпатичным». В психоанализе же, напротив, в соответствии с изменяющейся структурой мотивов, пробуждаются все побуждения, даже враждебные. Посредством осознания они используются для анализа, и этим перенос вновь и вновь уничтожается. Перенос, который рассматривался ранее в качестве наибольшего препятствования для психоаналитического лечения, становится и его самым мощным вспомогательным средством, если всякий раз его удается разгадать и перевести больному. [Дополнение 1923 года. То, что говорится здесь о переносе, находит затем свое продолжение в технической работе о «любви в переносе»; см. статью «Замечания о любви в переносе», 1915 г.]

Я вынужден был сказать о переносе, так как особенности анализа Доры я могу объяснить только этим моментом. То, что составляет его достоинство и позволяет считать его подходящим для первой, вводной публикации, а именно, его особенная очевидность, это же самое прочно связано и с его большим недостатком, приведшим к преждевременному окончанию. Мне не удалось стать вовремя хозяином переноса. Из-за услужливости, с которой Дора во время лечения предоставляла в мое распоряжение часть патогенного материала, я забыл о необходимой предосторожности, «о тщательном поиске первых признаков переноса, каковой она уже подготавливала посредством другой, оставшейся для меня неизвестной частью того же самого материала. Вначале было совершенно ясно, что в ее фантазиях я замещал отца, несмотря даже на различие в возрасте. И наяву она постоянно сравнивала меня с ним, даже пыталась боязливо выяснить, совершенно ли честен я по отношению к ней, так как отец «всегда предпочитал скрытность и нечистые дела». Когда попозже появилось первое сновидение, в котором она предупреждала о том, что оставит этот курс лечения, как в свое время дом господина К., я должен был стать осторожнее, а ее внимание привлечь к тому, что «сейчас Вы сделали перенос с господина К. на меня. Вы что-то заметили, что позволяет Вам сделать вывод о недобрых намерениях, которые подобны намерениям господина К. (прямо или в какой-нибудь измененной форме), или же Вам что-то пришло в голову относительно меня или стало конкретно известно обо мне, что в такой же степени вызывает у Вас антипатию, как это было ранее в отношениях с господином К.?» Тогда бы ее внимание было направлено на какую-нибудь деталь в нашем общении, в моей личности или в моих отношениях, за которым нечто аналогичное, но несравнимо более важное, касающееся господина К., сохранялось в тайне. А посредством устранения этого переноса анализ получил бы доступ к этому новому, вероятно, подлинному материалу воспоминаний. Но я упустил это первое предостережение, полагая, что еще достаточно времени, так как еще не выявились другие грани переноса и материал этот еще не прочного места в анализе. Так я оказался пораженным переносом. Из-за Х., которым я напоминал ей господина К., она отомстила мне так, как хотела бы отомстить господину К., и оставила меня, веря в то, что обманута и оставлена мною точно так же, как им. Таким образом, одну из существенных частей своих воспоминаний и фантазий она просто отреагировала, вместо того, чтобы репродуцировать их в курсе лечения. Естественно, что я не могу знать, чем было это для Х. Я предполагаю, что оно относилось к деньгам или было ревностью к одной из других пациенток, которая после своего излечения продолжала общаться с моей семьей. Если переносы рано включаются в анализ, то его течение становится неясным и замедленным, однако его прочность тогда лучше предохраняет от неожиданных, непреодолимых сопротивлений.

Во втором сновидении Доры перенос представлен в нескольких явных намеках. Когда она его рассказала, я еще не знал, а узнал лишь спустя два дня, что у нас осталось лишь два часа работы (два сеанса) — то же самое время, которое она провела перед картиной Сикстинской Мадонны, и которое вместе с небольшой корректурой (два часа вместо двух с половиной) она сделала масштабом не пройденного ею пути вокруг озера. Стремление и ожидание в сновидении, относящееся к молодому мужчине в Германии, и ожидания, что господин К. женится на ней, она выразила в переносе еще несколько дней назад. Курс лечения слишком долго длится, у нее не хватит терпения так долго ждать. В то же время в первые недели она показала достаточное понимание относительно моего заявления, что

полное восстановление ее психического здоровья займет примерно один год, и все это без всяких возражений. Отклонение сопровождения в сновидении — ей лучше идти одной, которое также происходит при посещении Дрезденской Галереи, я должен был, конечно, узнать в определенный для этого день. Оно, вероятно, имело такой смысл: так как все мужчины уж слишком гнусны, то лучше для меня вообще не выходить замуж. Это подразумевает месть. [Чем дальше по времени я удаляюсь от окончания этого анализа, тем все более убеждаюсь, что моя техническая ошибка состояла в том, что я упустил время разгадать и сообщить больной, что гомосексуальное (гинекофилическое) любовное влечение к госпоже К. было самым сильным среди всех бессознательных влечений ее душевной жизни. Я должен был разгадать, что не кто иной, как только эта женщина могла быть главным источником ее познаний в сексуальных вещах, та самая личность, которая потом ее обвинила в интересе к таким предметам. Действительно, ведь было слишком странно, что Дора знала все связанное с непристойным и никогда не хотела знать, каким источником она пользовалась. Я должен был исследовать эту загадку, я должен был найти мотив такого особого вытеснения. Тогда второе сновидение выдало бы его мне. Беспощадная мстительность, которой это сновидение дало возможность проявиться, подходила как не что другое для того, чтобы скрыть противоположное устремление, благородство, с которым она прощает предательство любимой подруги и от всех скрывает, что та сама посвятила ее в сексуальные открытия, на знание которых позднее донесла. До признания значимости гомосексуальных устремлений у психоневротиков я часто приходил в тупик при лечении пациентов или попадал в сплошное замешательство.]

Там, где побуждения к жестокости и мотивы мести, уже в самой жизни используемые для сохранения симптомов, переносятся во время лечения на врача, причем, у того не хватает времени, на соотнесение их со своими истинными источниками для отделения от своей личности; там нет никакого чуда в том, что состояние больного не поддается терапевтическим воздействиям. Посредством чего же еще мог бы больной так эффектно мстить, как не показом того, насколько бессильным и неспособным является врач? Все же я не склонен недооценивать терапевтическую ценность даже такого фрагментарного лечения, каковым был случай Доры.

Лишь через 15 месяцев после окончания лечения и этой записи я получил сообщение о состоянии моей пациентки, а с ним и об исходе всего курса лечения. Совершенно неслучайно, 1 апреля (мы знаем, что числа для нее никогда не были безразличными), она появилась у меня, чтобы завершить свою историю и заново попросить помощи. Но одного взгляда на то, как она выглядела, было достаточно, чтобы догадаться, что ничего серьезного за ее просьбой не стояло. Примерно через пять недель после того, как она прекратила лечение, она еще была в «неразберихе», как она сказала. Затем наступило почти полное выздоровление, припадки стали реже, настроение улучшилось. В мае прошедшего года у супругов К. умер один ребенок, который постоянно прихварывал. Этот печальный случай послужил ей поводом для визита к К. с выражением соболезнования. Она была принята ими так, словно в течение этих последних трех лет ничего не произошло. Она примирилась с ними, осознала свою месть и, к своему удовлетворению, завершила все это дело. Госпоже она сказала: «Я знаю, что у тебя связь с папой», и та ничего не отрицала. Господина она принудила признать оспариваемую им ранее сцену на озере и рассказала об этом оправдывающем ее признании своему отцу. Больше с тех пор она не общалась с той семьей.

Дела ее шли потом очень хорошо вплоть до середины октября, когда вновь появился приступ безголосия, продолжавшийся шесть недель. Пораженный этим сообщением я спрашиваю, был ли для этого повод, и слышу, что этот припадок возник после сильного испуга. Она увидела, как повозка кого-то переехала. В конце концов, оказалось, что несчастье коснулось не кого другого, как господина К. В один из дней она увидала его на улице. Он встретился ей в оживленном месте, остановился перед ней в смущении и вот в такой самозабвенности был сбит на землю повозкой. [Интересное дополнение к обсуждавшимся в моей «Психопатологии повседневной жизни» косвенным попыткам

самоубийства.] Впрочем, она убедилась, что он отделался лишь незначительным испугом. В ней до сих пор что-то тихо шевелится, когда она слышит разговоры о связи папы с госпожой К., в отношения которых обычно она больше не вмешивается. Она живет своей учебой, не собираясь выходить замуж.

Мою помощь она искала из-за правосторонней невралгии лица, сохранявшейся сейчас и днем, и ночью. С какого времени? «Ровно четырнадцать дней назад». [См. значение этого срока и его отношение к теме мести в анализе второго сновидения.] Я должен был улыбнуться, так как мог показать ей, что ровно четырнадцать дней назад она прочитала в газете упоминавшее меня сообщение, что она и подтвердила (1902 год). Итак, то, что выдавалось за невралгию лица, соответствовало самонаказанию, раскаянию из-за пощечины, которую она когда-то дала господину К., и из-за мести мне в переносе, тянущемся еще оттуда. Какого вида помощи она хотела добиться от меня, я не знаю, но я обещал простить ей то, что она лишила меня удовлетворения, касающегося более основательного освобождения ее от страданий.

Впрочем, прошли уже годы после этого посещения. С тех пор эта девушка вышла замуж, и именно за того молодого мужчину, если меня не обманывают все те знаки, которые обнаруживаются в ассоциациях в начале анализа второго сновидения. Если первое сновидение обозначает поворот от любимого мужчины назад к отцу, то есть бегство из жизни в болезнь, то второе сновидение, конечно, оповещало, что она отрывается от отца и возвращается к жизни.

Анализ фобии пятилетнего мальчика (Маленький Ганс). 1909 год

Введение

Болезнь и излечение весьма юного пациента , о которых я буду говорить ниже, строго говоря, наблюдались не мной. Хотя в общем я и руководил лечением и даже раз лично принимал участие в разговоре с мальчиком, но само лечение проводилось отцом ребенка, которому я и приношу свою благодарность за заметки, переданные им мне для опубликования. Заслуга отца идет еще дальше; я думаю, что другому лицу вообще не удалось бы побудить ребенка к таким признаниям; без знаний, благодаря которым отец мог истолковывать показания своего пятилетнего сына, нельзя было бы никак обойтись, и технические трудности психоанализа в столь юном возрасте остались бы непреодолимыми. Только совмещение в одном лице родительского и врачебного авторитета, совпадение нежных чувств с научным интересом сделало здесь возможным использовать метод, который в подобных случаях вообще вряд ли мог бы быть применим. Но особенное значение этого наблюдения заключается в следующем. Врач, занимающийся психоанализом взрослого невротика, раскрывающий слой за слоем психические образования, приходит, наконец, к известным предположениям о детской сексуальности, в компонентах которой он видит движущую силу для всех невротических симптомов последующей жизни. Я изложил эти предположения в опубликованных мною в 1905 году «Трех очерках по теории сексуальности». И я знаю, что для незнакомого с психоанализом они покажутся настолько же чуждыми, насколько для психоаналитика неопровержимыми. Но и психоаналитик должен сознаться в своем желании получить более прямым и коротким путем доказательства этих основных положений. Разве невозможно изучить у ребенка, во всей свежести, те его сексуальные побуждения и желания, которые мы у взрослого с таким трудом должны извлекать из-под многочисленных наслоений? Тем более что по нашему убеждению, они составляют конституциональное достояние всех людей и только у невротика оказываются усиленными или искаженными.

С этой целью я уже давно побуждаю своих друзей и учеников собирать наблюдения

над половой жизнью детей, которая обыкновенно по тем или другим причинам остается незамеченной или скрытой. Среди материала, который, благодаря моему предложению, попадал в мои руки, сведения о маленьком Гансе заняли выдающееся место. Его родители, оба мои ближайшие приверженцы, решили воспитать своего первенца с минимальным принуждением, какое безусловно требуется для сохранения добрых нравов. И так как дитя развилось в веселого, славного и бойкого мальчишку, попытки воспитать его без строгостей, дать ему возможность свободно расти и проявлять себя привели к хорошим результатам. Я здесь воспроизвожу записки отца о маленьком Гансе, и, конечно, я всячески воздержусь от искажения наивности и искренности, столь обычных для детской, не соблюдая ненужные условности.

Первые сведения о Гансе относятся ко времени, когда ему еще не было полных трех лет. Уже тогда его различные разговоры и вопросы обнаруживали особенно живой интерес к той части своего тела, которую он на своем языке обычно называл Wiwimacher . Так, однажды он задал своей матери вопрос:

Ганс: «Мама, у тебя есть Wiwimacher ?»

Мать: «Само собой разумеется. Почему ты спрашиваешь?»

Ганс: «Я только подумал».

В этом же возрасте он входит в коровник и видит, как доят корову. «Смотри,— говорит он,— из Wiwimacher'а течет молоко».

Уже эти первые наблюдения позволяют ожидать, что многое, если не большая часть из того, что проявляет маленький Ганс, окажется типичным для сексуального развития ребенка. Я уже однажды указывал, что не нужно приходить в ужас, когда находишь у женщины представление о сосании полового члена. Это непристойное побуждение довольно безобидно по своему происхождению, так как представление о сосании связано в нем с материнской грудью, причем вымя коровы выступает здесь опосредствующим звеном, ибо по природе это — грудная железа, а по виду и положению своему — пенис. Открытие маленького Ганса подтверждает последнюю часть моего предположения.

В то же время его интерес к Wiwimacher'у не исключительно теоретический. Как можно предполагать, у него также имеется стремление прикасаться к своему половому органу. В возрасте 31/2 года мать застала его держащим руку на пенисе. Мать грозит ему: «Если ты это будешь делать, я позову д-ра А., и он отрежет тебе твой Wiwimacher . Чем же ты тогда будешь делать wiwi ?»

Ганс: «Моим роро». Тут он отвечает еще без сознания вины, не приобретает ори этом «кастрационный комплекс», который так часто можно найти при анализе невротиков, в то время как они все протестуют против этого. О значении этого элемента в истории развития ребенка можно было бы сказать много весьма существенного. Кастрационный комплекс оставил заметные следы в мифологии (и не только в греческой).

Я уже говорил о роли его в «Толковании сновидений» и в других работах.

Почти в том же возрасте (31/2 года) он возбужденно и с радостью кричит: «Я видел у льва Wiwimacher ».

Большую часть значения, которое имеют животные в мифах и сказках, нужно, вероятно, приписать той откровенности, с которой они показывают любознательному младенцу свои половые органы и их сексуальные функции. Сексуальное любопытство нашего Ганса не знает сомнений, но оно делает его исследователем и дает ему возможность правильного познания.

В 33/4 года он видит на вокзале, как из локомотива выпускается вода. «Локомотив делает wiwi . А где его Wiwimacher ?»

Через минутку он глубокомысленно прибавляет: «У собаки, у лошади есть Wiwimacher , а у стола и стула — нет». Таким образом, он установил существенный признак для различия одушевленного и неодушевленного.

Любознательность и сексуальное любопытство, по-видимому, тесно связаны между собой. Любопытство Ганса направлено преимущественно на родителей.

Ганс, 33/4 года: «Папа, и у тебя есть Wiwimacher ?»

Отец: «Да, конечно».

Ганс: «Но я его никогда не видел, когда ты раздевался».

В другой раз он напряженно смотрит на мать, когда та раздевается на ночь. Она спрашивает: «Чего ты так смотришь?»

Ганс: «Я смотрю только, есть ли у тебя Wiwimacher ?»

Мать: «Конечно. Разве ты этого не знал?»

Ганс: «Нет, я думал, что так как ты большая, то и Wiwimacher у тебя как у лошади».

Заметим себе это ожидание маленького Ганса. Позже оно получит свое значение.

Большое событие в жизни Ганса — рождение его маленькой сестры Анны — имело место, когда Гансу было как раз 31/2 года (апрель 1903 — октябрь 1906 г.). Его поведение при этом непосредственно отмечено отцом: «В 5 ч утра, при начале родовых болей, постель Ганса переносят в соседнюю комнату. Здесь он в 7 ч просыпается, слышит стоны жены и спрашивает: «Чего это мама кашляет?» — И после паузы: «Сегодня, наверно, придет аист».

Конечно же, ему в последние дни часто говорили, что аист принесет мальчика или девочку, и он совершенно правильно ассоциирует необычные стоны с приходом аиста.

Позже его приводят на кухню. В передней он видит сумку врача и спрашивает: «Что это такое?» Ему отвечают: «Сумка». Тогда он убежденно заявляет: «Сегодня придет аист». После родов акушерка входит на кухню и заказывает чай. Ганс обращает на это внимание и говорит: «Ага, когда мамочка кашляет, она получает чай». Затем его зовут в комнату, но он смотрит не на мать, а на сосуды с окрашенной кровью водой и с некоторым смущением говорит: «А у меня из Wiwimacher'а никогда кровь не течет».

Все его замечания показывают, что он приводит в связь необычное в окружающей обстановке с приходом аиста. На все он смотрит с усиленным вниманием и с гримасой недоверия. Без сомнения, в нем прочно засело первое недоверие по отношению к аисту.

Ганс относится весьма ревниво к новому пришельцу, и, когда последнего хвалят, находят красивым и т. д., он тут же презрительно замечает: «А у нее зато нет зубов» (Опять типичное поведение. Другой брат, старше всего на 2 года, при аналогичных обстоятельствах выкрикивал со слезами: «Слишком мала, слишком мала»).

Дело в том, что, когда он ее в первый раз увидел, он был поражен, что она не говорит, и объяснил это тем, что у нее нет зубов. Само собой разумеется, что в первые дни на него меньше обращали внимания, и он заболел ангиной. В лихорадочном бреду он говорил: «А я не хочу никакой сестрички!»

Приблизительно через полгода ревность его прошла и он стал нежным, но уверенным в своем превосходстве братом (Другой мальчик, постарше, при появлении на свет братца говорит: «Пусть его аист назад заберет». Сравним это с тем, что я говорил в «Толковании сновидений» о являющейся в сновидениях смерти дорогих родных.)

«Несколько позже (через неделю) Ганс смотрит, как купают его сестрицу, и замечает: « А Wiwimacher у нее еще мал»,— и как бы утешительно прибавляет: «Ну, когда она вырастет — он станет больше» (К подобному же умозаключению в тех же выражениях пришли другие два мальчика, когда с любопытством в первый раз разглядывали живот своей маленькой сестрички. Можно было бы прийти в ужас по поводу этой ранней испорченности детского интеллекта. Почему эти юные исследователи не констатируют того, что видят, а именно: никакого Wiwimacher'а нет? Для нашего маленького Ганса это понятно. Мы знаем, как при помощи тщательной индукции он установил для себя общее положение, что живое отличается от неживого наличностью Wiwimacher'а; мать поддержала его в этом убеждении, давая ему утвердительные ответы относительно лиц, уклонившихся от его наблюдения. И теперь он совершенно неспособен отказаться от своего приобретения после наблюдения над маленькой сестрой. Он приходит к заключению, что Wiwimacher имеется и здесь и он слишком мал, но он будет расти, пока не станет столь же большим, как у лошади.)

Для реабилитации нашего маленького Ганса мы сделаем еще больше. Собственно говоря, он поступает не хуже философа Вундтовской школы, который считает сознание

никогда не отсутствующим признаком психической жизни, как

Ганс считает Wiwimacher неотъемлемым признаком всего живого. Когда философ наталкивается на психические явления, в которых сознание совершенно не участвует, он называет их не бессознательными, а смутно сознаваемыми. Wiwimacher еще очень мал! И при этом сравнении преимущество все-таки на стороне нашего маленького Ганса, потому что, как это часто бывает при сексуальных исследованиях детей, за их заблуждениями всегда кроется частица правды. Ведь у маленькой девочки все-таки есть маленький Wiwimacher , который мы называем клитором, но который не растет, а остается недоразвитым. Ср. мою небольшую работу: U ber infantile Sexualtheorien // Sexualprobleme , 1903.

В этом же возрасте (33/4 года) Ганс в первый раз рассказывает свой сон: «Сегодня, когда я спал, я думал, что я в Гмундене с Марикой».

Марика — это 13-летняя дочь домохозяина, которая часто играла с ним».

Когда отец в его присутствии рассказывает про этот сон матери, Ганс поправляет его: «Не с Марикой, а совсем один с Марикой».

Здесь нужно отметить следующее: «Летом 1906 г. Ганс находился в Гмундене, где он целые дни возился с детьми домохозяина. Когда мы уехали из Гмундена, мы думали, что для Ганса прощанье и переезд в город окажутся тяжелыми. К удивлению, ничего подобного не было. Он, по-видимому, радовался перемене и несколько недель о Гмундене говорил очень мало. Только через несколько недель у него начали появляться довольно живые воспоминания о времени, проведенном в Гмундене. Уже 4 недели как он эти воспоминания перерабатывает в фантазии. В своих фантазиях он играет с детьми Олей, Бертой и Фрицем, разговаривает с ними, как будто они тут же находятся, и способен развлекаться таким образом целые часы. Теперь, когда у него появилась сестра, его, по-видимому, занимает проблема появления на свет детей; он называет Берту и Ольгу «своими детьми» и один раз заявляет: «И моих детей Берту и Олю принес аист». Теперешний сон его после 6-месячного отсутствия из Гмундена нужно, по-видимому, понимать как выражение желания поехать в Гмунден».

Так пишет отец; я тут же отмечу, что Ганс своим последним заявлением о «своих детях», которых ему как будто бы принес аист, громко противоречит скрытому в нем сомнению.

К счастью, отец отметил здесь кое-что, оказавшееся в будущем необыкновенно значимым.

«Я рисую Гансу, который в последнее время часто бывал в Шёнбрунне, жирафа. Он говорит мне: «Нарисуй же и Wiwimacher ». Я: «Пририсуй его сам». Тогда он пририсовывает посредине живота маленькую палочку, которую сейчас же удлиняет, замечая: « Wiwimacher длиннее».

Я прохожу с Гансом мимо лошади, которая уринирует. Он замечает: «У лошади Wiwimacher внизу, как и у меня».

Он смотрит, как купается его 3-месячная сестра, и сожалеюще говорит: «У нее совсем, совсем маленький Wiwimacher ».

Он раздевает куклу, которую ему подарили, внимательно осматривает ее и говорит: «А у этой совсем маленький Wiwimacher ».

Мы уже знаем, что благодаря этой формуле ему удается поддержать правильность своего открытия.

Всякий исследователь рискует иной раз впасть в ошибку. Утешением ему послужит то обстоятельство, что в ее основе может лежать смешение понятий, имеющееся в разговорном языке. Такого же оправдания заслуживает и Ганс. Так, он видит в своей книжке обезьяну, показывает на ее закрученный кверху хвост и говорит: «Смотри, папа, Wiwimacher»(На немецком (нелитературном) языке хвост и пенис носят одно название.)

Из-за своего интереса к Wiwimacher'у он выдумал себе совершенно своеобразную игру. В передней помещается клозет и кладовая. С некоторого времени Ганс ходит в эту кладовую и говорит: «Я иду в мой клозет». Однажды я заглядываю туда, чтобы посмотреть, что он там

делает. Оказывается, он обнажает свой пенис и говорит: «Я делаю wiwi »,— это означает, что он играет в клозет. Характер игры виден не только в том, что он на самом деле не уринирует, но и в том, что вместо того, чтобы идти в клозет, он предпочитает кладовую, которую он называет «своим клозетом».

Мы будем несправедливы к Гансу, если проследим только аутоэротические черты его сексуальной жизни. Его отец может нам сообщить свои подробные наблюдения над его любовными отношениями с другими детьми, в которых можно констатировать «выбор объекта», как у взрослого. И здесь мы имеем дело с весьма замечательной подвижностью и полигамическими склонностями.

«Зимой (33/4 года) я беру с собой Ганса на каток и знакомлю его там с двумя дочурками моего коллеги в возрасте приблизительно около 10 лет. Ганс присаживается к ним. Они, в сознании своего зрелого возраста, смотрят с презрением на малыша. А он глядит на них с обожанием во взгляде, и, хотя это не производит на них никакого впечатления, он называет их уже «своими девочками»: «Где же мои девочки? Когда же придут мои девочки?» А дома несколько недель он пристает ко мне с вопросом: «А когда я опять пойду на каток к моим девочкам?»

5-летний кузен находится в гостях у Ганса (которому теперь 4 года). Ганс много раз обнимает его и однажды при таком нежном объятии говорит: «Как я тебя люблю».

Это первая, но не последняя черта гомосексуальности, с которой мы встретимся у Ганса. Наш маленький Ганс начинает казаться образцом испорченности.

«Мы переехали на новую квартиру (Гансу 4 года). Из кухни дверь ведет на балкончик, с которого видна находящаяся напротив во дворе квартира. Здесь Ганс открыл девочку 7—8 лет. Теперь он, чтобы глядеть на нее, садится на ступеньку, ведущую к балкончику, и остается там часами. Особенно в 4 часа пополудни, когда девочка приходит из школы, его нельзя удержать в комнатах или увести с его наблюдательного поста. Однажды, когда девочка в обычное время не показывается у окна, Ганс начинает волноваться и приставать ко всем с вопросами: «Когда придет девочка? Где девочка?» и т.д., а затем, когда она появляется, Ганс счастлив и уже не отводит глаз от ее квартиры. Сила, с которой проявляется эта «любовь на расстоянии», объясняется тем, что у Ганса нет товарищей и подруг. Для нормального развития ребенка, по-видимому, необходимо постоянное общение с другими детьми.

Такое общение выпало на долю Ганса, когда мы на лето (41/2 года) переехали в Гмунден. В нашем доме с ним играют дети домохозяина: Франц (12 лет), Фриц (8 лет), Ольга (7 лет) и Берта (5 лет) и, кроме того, дети соседей: Анна (10 лет) и еще две девочки 9 и 7 лет, имен которых я не знаю. Его любимец — Фриц, которого он часто обнимает и уверяет в своей любви. Однажды на вопрос, какая из девочек ему больше всего нравится, он отвечает: «Фриц». В то же время он по отношению к девочкам очень агрессивен, держится мужчиной, завоевателем, обнимает и целует их, что Берте, например, очень нравится. Вечером, когда Берта выходит из комнаты, Ганс обнимает ее и самым нежным тоном говорит: «Берта, и милая же ты!» Но это ему не мешает целовать и других девочек и уверять в своей любви. Ему нравится и Марика — 14-летняя дочь домохозяина, которая с ним играет. Вечером, когда его укладывают в постель, он говорит: «Пусть Марика спит со мной». Когда ему указывают, что это невозможно, он говорит: «Тогда пусть она спит с папой или с мамой». Когда ему возражают, что и это невозможно, так как она должна спать у своих родителей, завязывается следующий диалог:

Ганс: «Тогда я пойду вниз спать к Марике».

Мама: «Ты действительно хочешь уйти от мамы и спать внизу?»

Ганс: «Но я ведь утром к кофе опять приду наверх».

Мама: «Если ты действительно хочешь уйти от папы и мамы, забери свою куртку, штанишки и — с богом!»

Ганс забирает свои вещи и идет спать к Марике, но его, конечно, возвращают обратно».

(За желанием «пусть Марика спит у нас» скрыто иное: пусть Марика, в обществе

которой он так охотно бывает, войдет в наш дом. Но несомненно и другое. Так как отец и мать Ганса, хотя и не часто, брали его к себе в кровать и при лежании с ними у него пробуждались эротические ощущения, то, вероятно, и желание спать с Марикой имеет свой эротический смысл. Для Ганса, как и для всех детей, лежать в постели с отцом или матерью есть источник эротических возбуждений.)

Наш Ганс, несмотря на его гомосексуальные склонности, при расспросах матери ведет себя как настоящий мужчина.

И в нижеследующем случае Ганс говорит матери: «Слушай, я ужасно хотел бы один раз поспать с этой девочкой». Этот случай весьма забавляет нас, так как Ганс держится как взрослый влюбленный. В ресторан, где мы обедаем уже несколько дней, приходит хорошенькая 8-летняя девочка, в которую Ганс, конечно, сейчас же влюбляется. Он все время вертится на своем стуле, чтобы одним глазком поглядеть на нее; после обеда он становится около нее, чтобы пококетничать с ней, но жестоко краснеет, если замечает, что за ним наблюдают. Когда взгляд его встречается со взглядом девочки, он стыдливо отворачивается в противоположную сторону. Его поведение, конечно, развлекает всех посетителей ресторана. Каждый день, когда его ведут в ресторан, он спрашивает:

«Как ты думаешь, девочка будет там сегодня?» Когда она, наконец приходит, он краснеет, как взрослый в той же ситуации. Однажды он приходит ко мне сияющий и шепчет мне на ухо: «Слушай, я уже знаю, где живет девочка. Я видел, где она подымалась по лестнице». В то время как у себя он агрессивен по отношению к девочкам, здесь он держится как платонически вздыхающий поклонник. Быть может, это связано и с тем, что девочки в доме — деревенские дети, а это — культурная дама. Выше уже было упомянуто что он высказывал желание спать с этой девочкой.

Так как я не хочу оставить Ганса в том состоянии душевного напряжения, в котором он находится из-за любви к девочке, я знакомлю его с ней и приглашаю ее прийти к нам в сад к тому времени, когда он выспится после обеда. Ганс так возбуждается ожиданием прихода девочки, что он в первый раз не может после обеда заснуть и беспокойно вертится в постели. Мать его спрашивает: «Почему ты не спишь? Быть может, ты думаешь о девочке?» На что Ганс, счастливый, отвечает: «Да». Кроме этого, когда он пришел домой, он всем рассказал: «Сегодня ко мне придет девочка»,— и все время приставал к Марике: «Послушай, как ты думаешь, будет она со мной мила, поцелует она меня, когда я ее поцелую», и т. п.

После обеда шел дождь, и посещение не состоялось, а Ганс утешился с Бертой и Ольгой».

Дальнейшие наблюдения все еще из периода пребывания в деревне заставляют думать, что у мальчика появляется и кое-что новое.

«Ганс (41/4 года). Сегодня утром мать, как каждый день, купает Ганса и после купанья вытирает его и припудривает. Когда мать очень осторожно припудривает пенис, чтобы его не коснуться, Ганс говорит: «Почему ты здесь

не трогаешь пальцем?»

Мать: «Потому что это свинство».

Ганс: «Что это значит — свинство? Почему?»

Мать: «Потому что это неприлично».

Ганс (смеясь): «Но приятно» (Про подобную же попытку совращения рассказывала мне одна страдающая неврозом мать, которая не хотела верить в возможность детской мастурбации. Ей пришлось сшить ее маленькой девочке 31/2 года панталоны; когда она примеряла их, то, чтобы узнать, не будут ли они ее беспокоить при ходьбе, она провела рукой о внутренней поверхности бедер. Тут девочка вдруг сразу прижала ногами руку попросила: «Мама, оставь там руку — это так хорошо»).

Почти в то же время сновидение Ганса по содержанию своему резко отличается от той смелости, которую он проявил по отношению к матери. Это первый искаженный до неузнаваемости сон мальчика. Только благодаря проницаемости отца удается истолковать его.

«Гансу 41/4 года. Сон. Сегодня утром Ганс просыпается и рассказывает: «Слушай, сегодня ночью я думал: «Один говорит : кто хочет ко мне прийти? Тогда кто-то говорит: «Я». Тогда он должен его заставить сделать wiwi ».

Из дальнейших вопросов становится ясно, что в этом сне зрительные впечатления отсутствуют и он принадлежит к чисто слуховому типу. Несколько дней назад Ганс играл с детьми домохозяина, своими приятельницами Бертой (7 лет) и Ольгой (5 лет), в разные игры и между прочим в фанты (А: «Чей фант в моей руке?» В: «Мой». Тогда В назначают, что он должен сделать). Сон Ганса есть подражание игре в фанты, только Ганс хочет, чтобы тот, кому принадлежит фант, был присужден не к обычным поцелуям или пощечинам, а к уринированию, или, точнее говоря, кто-то должен его (Ганса) заставить делать wiwi .

Я прошу его еще раз рассказать свой сон; он рассказывает его теми же словами, но вместо «тогда кто-то говорит» произносит: «тогда она говорит». Эта «она», вероятно, Берта или Ольга, с которыми он играл. Следовательно, в переводе сон означает следующее: я играю с девочками в фанты и спрашиваю, кто хочет ко мне прийти? Она (Берта или Ольга) отвечает: «Я». Тогда она должна меня заставить делать wiwi (т. е. помочь при этом, что, по-видимому, для Ганса приятно).

Ясно, что этот процесс, когда Гансу расстегивают штанишки и вынимают его пенис, окрашен для него приятным чувством. Во время прогулок эту помощь Гансу оказывает отец, что и дает повод фиксировать гомосексуальную склонность к отцу.

Два дня назад он, как я уже сообщал, спрашивал мать, почему она не прикасается к его пенису пальцами. Вчера, когда я его отвел в сторонку для уринирования, он впервые попросил меня отвести к задней стороне дома, чтобы никто не мог видеть, и заметил: «В прошлом году, когда я делал wiwi, Берта и Ольга смотрели на меня». Это, по моему мнению, должно означать, что в прошлом году это любопытство девиц было для него приятно, а теперь — нет. Эксгибиционистское удовольствие (от обнажения половых органов) теперь подвергается вытеснению. Вытеснение желания, чтобы Берта или Ольга смотрели, как он делает wiwi (или заставляли его делать wiwi), объясняет появление этого желания во сне, которому он придал красивую форму игры в фанты. С этого времени я несколько раз наблюдал, что он хочет делать wiwi незаметно для всех».

Я тут же отмечу, что и этот сон подчиняется закону, который я привел в своем «Толковании сновидений». Разговоры, которые имеют место во сне, происходят от собственных или слышанных разговоров в течение ближайших ко сну дней.

Вскоре после переезда в Вену отец фиксирует еще одно наблюдение: «Ганс, 41/2 года, еще раз смотрит, как купают его маленькую сестру, и начинает смеяться. Его спрашивают, почему он смеется.

Ганс: «Я смеюсь над Wiwimacher'ом у Анны».— «Почему?» — «Потому что Wiwimacher у нее такой красивый». .

Ответ, конечно, ложный. Wiwimacher ему показался комичным. Но, между прочим, теперь он впервые в такой форме признает разницу между мужским и женским половым органом вместо того, чтобы отрицать ее.

История болезни и анализ

«Уважаемый г-н профессор! Я посылаю вам опять частицу Ганса, да этот раз, к сожалению, материал к истории болезни. Как вы увидите из прочитанного, у Ганса в последние дни развилось нервное расстройство, которое меня с женой беспокоит, так как мы не можем найти средства устранить его. Прошу разрешить мне прийти к вам завтра, а пока посылаю вам имеющийся у меня материал в записях.

Сексуальное возбуждение, вызванное нежностью матери, вероятно, является причиной нервного расстройства, но вызывающего повода я указать не в состоянии. Боязнь, что его на улице укусит лошадь, быть может, связана с тем, что он был где-нибудь испуган видом большого пениса. Как вы знаете, он уже раньше заметил большой пенис лошади, и тогда он

пришел к заключению, что у матери, так как она большая, Wiwimacher должен быть как у лошади.

Как взяться за то, чтобы извлечь полезное из этих предположений, я не знаю. Быть может, он где-нибудь видел эксгибициониста? Или все это имеет отношение только к матери? Нам весьма неприятно, что он уже теперь начинает нам задавать загадки.

Если не считать страха выйти на улицу и дурного настроения по вечерам, то Ганс и теперь все такой же бойкий и веселый мальчик».

Оставим пока в стороне и вполне понятное беспокойство отца, и его первые попытки объяснения и попробуем раньше разобраться в материале. В нашу задачу вовсе не входит сразу «понять» болезнь. Это может удаться только позже, когда мы получим достаточно впечатлений о ней. Пока мы оставим в стороне и наше мнение и с одинаковым вниманием отнесемся ко всем данным наблюдения.

Первые сведения, которые относятся к первым числам января 1908 г., гласят: «Ганс (43/4 года) утром входит к матери с плачем и на вопрос, почему он плачет, говорит: «Когда я спал, я думал, что ты ушла и у меня нет мамы, чтобы ласкаться к ней».

Итак — страшное сновидение. Нечто подобное я уже заметил летом в Гмундене. Вечером в постели он большею частью бывал нежно настроен, и однажды он выразился приблизительно так: «А если у меня не будет мамы, если ты уйдешь», или что-то в этом роде, я не могу вспомнить слов. Когда он приходил в такое элегическое настроение, мать брала его к себе в постель.

Примерно 5-го января Ганс пришел к матери в кровать и по этому поводу рассказал ей следующее: «Ты знаешь, что тетя М сказала: «А у него славная птичечка» (Птичка — пенис. Нежность по отношению к половым органам детей, выражающаяся в словах и поступках ее стороны нежных родственников, а иногда и самих родителей, представляет собой самое обычное явление, отмечаемое психоанализами.). (Тетка М. 4 недели тому назад жила у нас; однажды при купании мальчика она, действительно, сказала тихо вышеприведенные слова моей жене. Ганс слышал это и постарался это использовать.)

7 января он идет, как обычно, с няней в городской парк; на улице он начинает плакать и требует, чтобы его вели домой, так как он хочет приласкаться к матери. Дома на вопрос, почему он не хотел идти дальше и плакал, он ответа дать не хочет. Вплоть до вечера он, как обыкновенно, весел, вечером становится, по-видимому, тревожен, плачет, и его никак нельзя увести от матери, он опять хочет «ласкаться». Потом он становится весел и ночь спит хорошо.

8 января жена хочет сама с ним пойти гулять, чтобы видеть, что с ним происходит, и именно в Шёнбрунн, куда он обыкновенно охотно ходит. Он опять начинает плакать, не хочет отойти от матери, боится. Наконец он все-таки идет, но на улице на него находит, по-видимому, страх. По возвращении из Шёнбрунна Ганс после долгого запирательства заявляет матери: «Я боялся, что меня укусит лошадь». (Действительно, в Шёнбрунне он волновался, когда видел лошадь.) Вечером у него опять был припадок вроде вчерашнего с требованием материнских ласк. Его успокаивают. Он со слезами говорит: «Я знаю, завтра я должен опять пойти гулять»,— и позже: «Лошадь придет в комнату».

В тот же день его спрашивает мать: «Ты, может, трогаешь рукой Wiwimacher ?» На это он отвечает: «Да, каждый вечер, когда я в кровати». В следующий день, 9 января, его перед послеобеденным сном предупреждают не трогать рукой Wiwimacher'a . После пробуждения он на соответствующий вопрос отвечает, что он все-таки на короткое время клал туда руку».

Все это могло быть началом и страха и фобии. Мы видим, что у нас есть достаточное основание отделить их друг от друга. В общем материала кажется нам вполне достаточно для ориентировки, и никакой другой момент не является столь благоприятным для понимания, как эта, к сожалению, обычно пропускаемая или замалчиваемая начальная стадия. Расстройство начинается с тревожно-нежных мыслей, а затем со страшного сновидения. Содержание последнего: потерять мать, так что к ней нельзя будет приласкаться. Итак, нежность к матери должна быть ненормально повышена. Это — основной феномен

болезненного состояния. Вспомним еще обе попытки совращения, которые Ганс предпринимал по отношению к матери. Первая из них имела место летом, вторая непосредственно перед появлением боязни улицы и представляла собой просто рекомендацию своего полового органа. Эта повышенная нежность к матери превращается в страх, или, как мы говорим, она подвергается вытеснению. Мы не знаем еще, откуда идет толчок к вытеснению; быть может, здесь играет роль интенсивность возбуждения, которая не по силам ребенку, быть может, здесь принимают участие другие силы, которых мы еще не знаем.

Мы узнаем все это позже. Этот страх, соответствующий вытесненному эротическому влечению, как и всякий детский страх, не имеет объекта; это еще страх (Angst), а не боязнь (Furcht). Дитя не может знать, чего оно боится, и когда Ганс на прогулке с няней не хочет сказать, чего он боится, то это потому, что он этого еще не знает. Он говорит то, что знает: ему на улице не хватает мамы, с которой он мог бы понежничать и от которой он не хочет уйти. Тут он со всей своей искренностью выдает первый смысл своего отвращения к улице.

Кроме этого, его тревожные состояния перед сном, отчетливо окрашенные нежностью, следовавшие одно за другим два вечера подряд, доказывают, что в начале болезни у него еще не было фобии улиц, прогулок или даже лошадей, в противном случае его вечернее состояние было бы необъяснимо: кто перед тем, как идти спать, думает об улице или прогулке? Напротив, весьма легко себе представить, что на него вечером нападает страх потому, что его перед тем, как лечь в постель, с особенной силой охватывает либидо, объектом которого является мать, а цель которого

— спать у матери. Он уже из опыта знает, что при подобных настроениях в Гмундене мать брала его к себе в постель, и ему хотелось бы добиться этого и в Вене. При этом не надо забывать, что в Гмундене он одно время был с матерью один, так как отец не мог там находиться в продолжение всего каникулярного времени, а кроме того, там нежность Ганса была распределена между рядом товарищей, друзей и приятельниц, которых здесь не было, и либидо могло нераздельно направляться на мать.

Итак, страх соответствует вытесненному желанию (Sehnsucht). Но он далеко не эквивалентен этому желанию, и вытеснение кое в чем оказывает свое влияние. Желание может целиком вылиться в удовлетворение, когда к нему допускают желаемый объект. При страхе это лечение уже бесполезно. Страх остается даже тогда, когда желание могло бы быть удовлетворенным. Страх уже больше нельзя обратно превратить в либидо, которое чем-то удерживается в состоянии вытеснения. Это обнаруживается на первой же прогулке с матерью. Ганс теперь с матерью и все-таки одержим страхом, иначе говоря, неудовлетворенным стремлением к ней. Конечно, страх слабее,— он все-таки гуляет, в то время как няню он заставил вернуться; к тому же улица не совсем подходящее место Для ласк и для всего того, чего хочется маленькому влюбленному. Но страх уже выдержал испытание, и теперь он должен найти объект. На этой прогулке он в первый раз высказывает опасение, что его укусит лошадь. Откуда взялся материал для этой фобии? Вероятно, из тех еще неизвестных комплексов, которые повели к вытеснению и удержали в вытесненном состоянии либидо к матери. Некоторые опорные пункты для понимания дал нам уже отец, а именно — что Ганс с интересом наблюдал лошадей из-за их большого Wiwimacher'a , что, по его мнению, у матери должен быть такой же Wiwimacher , как у лошадей, и т. п. На основании этого можно было бы думать, что лошадь — это только заместительница матери. Но почему Ганс выказывает вечером страх, что лошадь придет в комнату? Скажут, что это глупая тревожная мысль маленького ребенка. Но невроз, как и сон, не говорит ничего глупого. Мы всегда бранимся тогда, когда ничего не понимаем. Это значит облегчить себе задачу.

От этого искушения мы должны удержаться еще и в другом отношении. Ганс сознавался, что для удовольствия перед засыпанием возится со своим пенисом. Ну, скажет практический врач, теперь все ясно. Ребенок мастурбирует, и отсюда страх. Пусть так! То, что дитя вызывало у себя мастурбацией ощущения удовольствия, никак не объясняет нам его

страха, а, наоборот, делает его загадочным. Состояния страха не вызываются ни мастурбацией, ни удовлетворением. При этом мы должны иметь в виду, что наш Ганс, которому теперь 43/4 года, доставляет себе ежевечерне это удовольствие уже примерно с год, и мы позже узнаем, что он как раз теперь борется с этой привычкой, что уже скорее вяжется с вытеснением и образованием страха.

Мы должны стать и на сторону доброй и, конечно, весьма заботливой матери. Отец обвиняет ее, и не совсем без основания, что она своей преувеличенной нежностью и слишком частой готовностью взять мальчика к себе в кровать вызвала появление невроза; мы могли бы также сделать ей упрек в том, что она ускорила наступление вытеснения своим энергичным отказом в ответ на его домогательства («это — свинство»).

Но ее положение затруднительно, и она только исполняет веление судьбы.

Я условливаюсь с отцом, чтобы тот сказал мальчику, что история с лошадьми — это глупость и больше ничего. На самом деле он болен оттого, что слишком нежен с матерью и хочет, чтобы она брала его к себе в кровать. Он теперь боится лошадей потому, что его так заинтересовал Wiwimacher у лошадей. Он сам заметил, что неправильно так сильно интересоваться Wiwimacher'ом, даже своим собственным, и это совершенно верно. Далее я предложил отцу взяться за сексуальное просвещение Ганса. Так как мы из записей отца знаем, что либидо Ганса связана с желанием видеть Wiwimacher матери, то нужна отвлечь его от этой цели, сообщив ему, что у матери и у всех других женщин, как это он уже видел у Анны, Wiwimacher'а вообще не имеется. Последнее объяснение следует дать при удобном случае, после какого-нибудь вопроса со стороны Ганса.

Следующие известия, касающиеся нашего маленького Ганса, обнимают период с 1 до 17 марта. Месячная пауза вскоре получит свое объяснение.

«После разъяснения (Что означает его страх, но еще ничего — о Wiwimacher'е женщин.) следует более спокойный период, когда Ганса можно ежедневно без особенного труда вести гулять в городской парк. Его страх перед лошадьми все больше превращается в навязчивое стремление смотреть на лошадей. Он говорит: «Я должен смотреть на лошадей, и тогда я их боюсь».

После инфлюэнцы, которая его на 2 недели приковала к постели, фобия его опять настолько усилилась, что его никак нельзя было заставить выйти на улицу; в крайнем случае он выходит на балкон. Еженедельно он ездит со мной в Лайнц (Предместье Вены, где живут его дедушка и бабушка.) по воскресеньям, так как в эти дни на улицах мало экипажей и ему нужно пройти очень короткое расстояние до станции. В Лайнце он однажды отказывается выйти из сада на улицу гулять, так как перед садом стоит экипаж. Еще через неделю, которую ему пришлось оставаться дома, так как у него вырезали миндалины, фобия опять усилилась. Он хотя все еще выходит на балкон, но не идет гулять; он быстро возвращается, когда подходит к воротам.

В воскресенье 1 марта по дороге на вокзал у меня завязывается с ним следующий разговор. Я опять стараюсь ему объяснить, что лошади не кусаются. Он: «Но белые лошади кусаются. В Гмундене есть белая лошадь, которая кусается. Когда перед ней держат палец, она кусает». (Меня удивляет, что он говорит «палец» вместо «руку».) Затем он рассказывает следующую историю, которую я здесь передаю более связно.

Когда Лицци должна была уезжать, перед ее домом стоял экипаж с белой лошадью, чтобы отвезти вещи на вокзал. (Лицци, как он мне рассказывает, это девочка, жившая в соседнем доме.) Ее отец стоял близко около лошади; лошадь повернула голову (чтобы его тронуть), а он и говорит Лицци: «Не давай пальцев белой лошади, а то она тебя укусит». Я говорю на это: «Слушай, мне кажется, что то, что ты думаешь, вовсе не лошадь, а Wiwimacher , которого нельзя трогать руками».

Он: «Но ведь Wiwimacher не кусается?»

Я: «Все может быть!» На что он мне весьма оживленно старается доказать, что там действительно была белая лошадь (У отца нет основания сомневаться, что Ганс рассказывает здесь действительное происшествие. Впрочем, при ощущениях зуда в головке члена,

которые заставляют прикасаться к нему, дети говорят обыкновенно: «Меня кусает».)

2-го марта, когда он опять выказывает страх, я говорю ему: «Знаешь что? Глупость (так называет он свою фобию) пропадет, если ты будешь чаще ходить гулять. Теперь она так сильна, потому что ты из-за болезни не выходил из дому».

Он: «О нет, она сильна потому, что я начал каждую ночь трогать рукой свой Wiwimacher ».

Врач и пациент, отец и сын сходятся на том, что приписывают отвыканию от онанизма главную роль в патогенезе нынешнего состояния. Но имеются указания и на значение других моментов.

«3 марта к нам поступила новая прислуга, которая возбудила в Гансе особую симпатию. Так как она при уборке комнат сажает его на себя, он называет ее «моя лошадь» и всегда держит ее за юбку, понукая ее. 10 марта он говорит ей: «Когда вы сделаете то-то и то-то, вы должны будете совершенно раздеться, даже снять рубашку. (Он думает — в наказание, но за этими словами легко видеть и желание.)

Она: «Ну что же из этого: я себе подумаю, что у меня нет денег на платье».

Он: «Но это же стыд, ведь все увидят Wiwimacher ». Старое любопытство направлено на новый объект, и, как это бывает в периоды вытеснения, оно прикрывается морализирующей тенденцией!

Утром 13 марта я говорю Гансу: «Знаешь, когда ты перестанешь трогать свой Wiwimacher , твоя глупость начнет проходить».

Ганс: «Я ведь теперь больше не трогаю Wiwimacher ».

Я: «Но ты этого всегда хотел бы».

Ганс: «Да, это так, но «хотеть» не значит делать, а «делать» — это не «хотеть»(!!).

Я: «Для того чтобы ты не хотел, на тебя сегодня на ночь наденут мешок».

После этого мы выходим за ворота. Он хотя еще и испытывает страх, но благодаря надежде на облегчение своей борьбы говорит заметно храбрее: «Ну, завтра, когда я получу мешок, глупости больше не будет». В самом деле, он пугается лошадей значительно меньше и довольно спокойно пропускает мимо себя проезжающие кареты.

В следующее воскресенье, 15 марта, Ганс обещал поехать со мной в Лайнц. Сначала он капризничает, наконец он все-таки идет со мной. На улице, где мало экипажей, он чувствует себя заметно лучше и говорит: «Это умно, что боженька уже выпустил лошадь». По дороге я объясняю ему, что у его сестры нет такого же Wiwimacher ' a , как у него. Девочки и женщины не имеют совсем Wiwmiacher'a . У мамы нет, у Анны нет и т. д.

Ганс: «У тебя есть Wiwimacher ?»

Я: «Конечно, а ты что думал?»

Ганс (после паузы): «Как же девочки делают wiwi , когда у них нет Wiwimacher'a ?»

Я: «У них нет такого Wiwimacher'a , как у тебя, разве ты не видел, когда Анну купали?»

В продолжение всего дня он весел, катается на санях и т. д. Только к вечеру он становится печальным и, по-видимому, опять боится лошадей.

Вечером нервный припадок и нужда в нежничании выражены слабее, чем в прежние дни. На следующий день мать берет его с собой в город, и на улице он испытывает большой страх. На другой день он остается дома — и очень весел. На следующее утро около 6 ч он входит к нам с выражением страха на лице. На вопрос что с ним, он рассказывает: «Я чуть-чуть трогал пальцем Wiwimacher . Потом я видел маму совсем голой в сорочке, и она показала мне свой Wiwimacher . Я показал Грете (Грета — одна из девочек в Гмундене. о которой Ганс теперь как раз фантазирует; он разговаривает и играет с ней), моей Грете, что мама делает, и показал ей мой Wiwimacher . Тут я скоро и отнял руку от Wiwimacher'a ». На мое замечание, что может быть только одно из двух: или в сорочке, или совершенно голая, Ганс говорит: «Она была в сорочке, но сорочка была такая короткая, что я видел Wiwimacher ».

Все это в целом — не сон, но эквивалентная сну онанистическая фантазия. То, что он заставляет делать мать,

служит, по-видимому, для его собственного оправдания: раз мама показывает Wiwimacher , можно и мне».

Из этой фантазии мы можем отметить следующее: во-первых, что замечание матери в свое время имело на него сильное влияние, и, во-вторых, что разъяснение об отсутствии у женщин Wiwimacher ' а еще не было им принято. Он сожалеет, что на самом деле это так, и в своей фантазии прочно держится за свою точку зрения. Быть может, у него есть свои основания отказывать отцу в доверии.

Недельный отчет отца: «Уважаемый г-н профессор! Ниже следует продолжение истории нашего Ганса, интереснейший отрывок. Быть может, я позволю себе посетить вас в понедельник, в приемные часы и, если удастся, приведу с собой Ганса, конечно, если он пойдет. Сегодня я его спросил: «Хочешь пойти со мной в понедельник к профессору, который у тебя отнимет глупость?»

Он: «Нет».

Я: «Но у него есть очень хорошенькая девочка». После этого он охотно и с удовольствием дает свое согласие.

Воскресенье, 22 марта. Чтобы несколько расширить воскресную программу дня, я предлагаю Гансу поехать сначала в Шёнбрунн и только оттуда к обеду — в Лайнц. Таким образом, ему приходится не только пройти пешком от квартиры до станции у таможни, но еще от станции Гитцинг в, Шёнбрунн, а оттуда к станции парового трамвая Гитцинг. Все это он и проделывает, причем он, когда видит лошадей, быстро отворачивается, так как ему делается, по-видимому, страшно. Отворачивается он по совету матери.

В Шёнбрунне он проявляет страх перед животными. Так, он ни за что не хочет войти в помещение, в котором находится жираф, не хочет войти к слону, который обыкновенно его весьма развлекает. Он боится всех крупных животных, а у маленьких чувствует себя хорошо. Среди птиц на этот раз он боится пеликана чего раньше никогда не было, вероятно, из-за его величины.

Я ему на это говорю: «Знаешь, почему ты боишься больших животных? У больших животных большой Wiwimacher , а ты на самом деле испытываешь страх перед большим Wiwimacher'ом».

Ганс: «Но я ведь никогда не видел Wiwimacher у больших животных»(Это неверно. Ср. его восклицание перед клеткой льва; здесь, вероятно, начинающееся забывание вследствие вытеснения.)

Я: «У лошади ты видел, а ведь лошадь тоже большое животное».

Ганс: «Да, у лошади — часто. Один раз в Г мундене, когда перед домом стоял экипаж, один раз перед таможней».

Я: «Когда ты был маленьким, ты, вероятно, в Гмундене пошел в конюшню...»

Ганс (прерывая): «Да каждый день в Гмундене, когда лошади приходили домой, я заходил в конюшню».

Я: «...и ты, вероятно, начал бояться, когда однажды увидел у лошади большой Wiwimacher . Но тебе этого нечего пугаться. У больших животных большой Wiwimacher , у маленьких — маленький».

Ганс: «И у всех людей есть Wiwimacher , и Wiwimacher вырастет вместе со мной, когда я стану больше; ведь он уже вырос».

На этом разговор прекращается; в следующие дни страх как будто опять увеличился. Он не решается выйти за ворота, куда его обыкновенно водят после обеда».

Последняя утешительная речь Ганса проливает свет на положение вещей и дает нам возможность внести некоторую поправку в утверждения отца. Верно, что он боится больших животных, потому что он должен думать об их большом Wiwimacher'е , но, собственно, нельзя еще говорить, что он испытывает перед самим большим Wiwimacher'о м. Представление о таковом было у него раньше безусловно окрашено чувством удовольствия, и он всячески старался как-нибудь увидеть этот Wiwimacher . С того времени это удовольствие было испорчено превращением его в неудовольствие, которое, непонятным

еще для нас образом, охватило все его сексуальное исследование и, что для нас более ясно, после известного опыта и размышлений привело его к мучительным выводам. Из его самоутешения: Wiwimacher вырастет вместе со мною — можно заключить, что он при своих наблюдениях всегда занимался сравнениями и остался весьма неудовлетворенным величиной своего собственного Wiwimacher'a . Об этом дефекте напоминают ему большие животные, которые для него по этой причине неприятны. Но так как весь ход мыслей, вероятно, никак не может стать ясно сознаваемым, то это тягостное ощущение превращается в страх; таким образом, страх его построен как на прежнем удовольствии, так и на теперешнем неудовольствии. После того как состояние страха уже установилось, страх поглощает все остальные ощущения. Когда процесс вытеснения прогрессирует, когда представления, связанные с аффектом и уже бывшие осознанными все больше отодвигаются в бессознательное,— все аффекты могут превратиться в страх.

Курьезное замечание Ганса «он ведь уже вырос» дает дам возможность в связи с его самоутешением угадать многое, что он не может высказать и чего он не высказал при настоящем анализе.

Я заполняю этот пробел моими предположениями, составленными на основании опыта с анализами взрослых. Но я надеюсь, что мои дополнения не покажутся включенными насильственно и произвольно. «Ведь он уже вырос». Об этом Ганс думает назло и для самоутешения; но это напоминает нам и старую угрозу матери: что ему отрежут Wiwimacher , если он будет продолжать возиться с ним. Эта угроза тогда, когда ему было 31/2 года, не произвела впечатления. Он с невозмутимостью ответил, что он тогда будет делать wiwi своим роро. Можно считать вполне типичным, что угроза кастрацией оказала свое влияние только через большой промежуток времени, и он теперь — через 11/4 года — находится в страхе лишиться дорогой частички своего Я. Подобные проявляющиеся лишь впоследствии влияния приказаний и угроз, сделанных в детстве, можно наблюдать и в других случаях болезни, где интервал охватывает десятилетия и больше. Я даже знаю случаи, когда «запоздалое послушание» вытеснения оказывало существенное влияние на детерминирование болезненных симптомов.

Разъяснение, которое Ганс недавно получил об отсутствии Wiwimacher'a у женщин, могло только поколебать его доверие к себе и пробудить кастрационный комплекс. Поэтому он и протестовал против него, и поэтому не получилось лечебного эффекта от этого сообщения: раз действительно имеются живые существа, у которых нет никакого Wiwimacher'a , тогда уже нет ничего невероятного в том, что у него могут отнять Wiwimacher и таким образом сделают его женщиной (Я не могу настолько прерывать изложение, чтобы указать, как много типичного в этом бессознательном ходе мыслей, который я приписываю маленькому Гансу. Кастрационный комплекс — это самый глубокий бессознательный корень антисемитизма, потому что еще в детской мальчик часто слышит, что у евреев отрезают что-то, — он думает, кусочек пениса, и это дает ему право относиться с презрением к евреям. И сознание превосходства над женщиной имеет тот же бессознательный корень. Вайнингер, этот талантливый и сексуально больной молодой философ, который после своей удивительной книги «Пол и характер» покончил жизнь самоубийством, в одной обратившей на себя внимание многих главе осыпал евреев и женщин с одинаковой злобой одинаковыми ругательствами. Вайнингер, как невротик, находился всецело под влиянием инфантильных комплексов; отношение к кастрационному комплексу — это общее для женщины и еврея.).

«Ночью с 27-го на 28-е Ганс неожиданно для нас в темноте встает со своей кровати и влезает в нашу кровать. Его комната отделена от нашей спальни кабинетом. Мы спрашиваем его, зачем он пришел, не боялся ли он чего-нибудь. Он говорит: «Нет, я это скажу завтра», засыпает в нашей кровати, и затем уже его относят в его кровать.

На следующее утро я начинаю его усовещивать, чтобы узнать, зачем он ночью пришел к нам. После некоторого сопротивления развивается следующий диалог, который я сейчас же стенографически записываю.

Он: «Ночью в комнате был один большой и другой измятый жираф, и большой поднял

крик, потому что я отнял у него измятого. Потом он перестал кричать, а потом я сел на измятого жирафа».

Я, с удивлением: «Что? Измятый жираф? Как это было?»

Он: «Да». Быстро приносит бумагу, быстро мнет и говорит мне: «Вот так был он измят».

Я: «И ты сел на измятого жирафа? Как?» Он это мне опять показывает и садится на пол.

Я: «Зачем же ты пришел в комнату?»

Он: «Этого я сам не знаю».

Я: «Ты боялся?»

Он: «Нет, как будто нет».

Я: «Тебе снились жирафы?»

Он: «Нет, не снились; я себе это думал, все это я себе думал, проснулся я уже раньше».

Я: «Что это должно значить: измятый жираф? Ведь ты знаешь, что жирафа нельзя смять, как кусок бумаги».

Он: «Это я знаю. Я себе так думал. Этого даже не бывает на свете (Ганс на своем языке определенно заявляет, что это была фантазия.) Измятый жираф совсем лежал на полу, а я его взял себе, взял руками».

Я: «Что, разве можно такого большого жирафа взять руками?»

Он: «Я взял руками измятого».

Я: «А где в это время был большой?»

Он: «Большой-то стоял дальше, в сторонке».

Я: «А что ты сделал с измятым?»

Он: «Я его немножко подержал в руках, пока большой перестал кричать, а потом сел на него».

Я: «А зачем большой кричал?»

Он: «Потому что я у него отнял маленького». Замечает, что я все записываю, и спрашивает: «Зачем ты все записываешь?»

Я: «Потому что я это пошлю одному профессору, который у тебя отнимет глупость».

Он: «Ага, а ты ведь написал и то, что мама сняла рубашку, ты это тоже дашь профессору?»

Я: «Да, и ты можешь поверить, что он не поймет, как можно измять жирафа».

Он: «А ты ему скажи, что я сам этого не знаю, и тогда он не будет спрашивать, а когда он спросит, что такое измятый жираф, пусть он нам напишет, и мы ему ответим или сейчас напишем, что я сам этого не знаю».

Я: «Почему же ты пришел ночью?»

Он: «Я этого не знаю».

Я: «Скажи-ка мне быстро, о чем ты теперь думаешь?»

Он (с юмором): «О малиновом соке».

Я: «О чем еще?»

Его желания:

Он: «О настоящем ружье для убивания насмерть» (Отец, чувствуя свою беспомощность, пробует применить классический прием психоавализа. Это не много ему помогает, но полученные данные могут все-таки иметь глубокий смысл в свете дальнейших открытий.)

Я: «Тебе ведь это не снилось?»

Он: «Наверно, нет; нет — я знаю совершенно определенно».

Он продолжает рассказывать: «Мама меня так долго просила, чтобы я ей сказал, зачем я приходил ночью. А я этого не хотел сказать, потому что мне было стыдно перед мамой».

Я: «Почему?»

Он: «Я этого не знаю».

В действительности жена моя расспрашивала его все утро, пока он не рассказал ей историю с жирафами.

В тот же день находит разгадку фантазия с жирафами.

Большой жираф — это я (большой пенис — длинная шея), измятый жираф — моя жена (ее половые органы), и все это — результат моего разъяснения.

Жираф: см. поездку в Шёнбрунн.

Кроме того, изображения жирафа и слона висят над его кроватью.

Все вместе есть репродукция сцены, повторяющейся в последнее время почти каждое утро. Ганс приходит утром к нам, и моя жена не может удержаться, чтобы не взять его на несколько минут к себе в кровать. Тут я обыкновенно начинаю ее убеждать не делать этого («большой жираф кричал, потому что я отнял у него измятого»), а она с раздражением мне отвечает, что это бессмысленно, что одна минута не может иметь последствий и т. д. После этого Ганс остается у нее на короткое время (тогда большой жираф перестал кричать и тогда я сел на измятого жирафа).

Разрешение этой семейной сцены, транспонированной на жизнь жирафов, сводится к следующему: ночью у него появилось сильное стремление к матери, к ее ласкам, ее половому органу, и поэтому он Пришел в спальню. Все это — продолжение его боязни лошадей».

Я мог бы к остроумному толкованию отца прибавить только следующее: «сесть (Das Draufsetzen) на что-нибудь» у Ганса, вероятно, соответствует представлению об обладании ^esitzergreifen). Все вместе — это фантазия упрямства, которая с чувством удовлетворения связана с победой над сопротивлением отца: «Кричи сколько хочешь, а мама все-таки возьмет меня в кровать и мама принадлежит мне». Таким образом, за этой фантазией скрывается все то, что предполагает отец: страх, что его не любит мать потому что его Wiwimacher несравненно меньше, чем у отца.

На следующее утро отец находит подтверждение своего толкования.

«В воскресенье, 28 марта, я еду с Гансом в Лайнц. В дверях прощаясь, я шутя говорю жене: «Прощай, большой жираф». Ганс спрашивает: «Почему жираф?» Я: «Большой жираф — это мама». Ганс: «Неправда, а разве Анна — это измятый жираф?»

В вагоне я разъясняю ему фантазию с жирафами. Он сначала говорит: «Да, это верно», а затем, когда я ему указал, что большой жираф — это я, так как длинная шея напомнила ему Wiwimacher , он говорит: «У мамы тоже шея как у жирафа — я это видел, когда мама мыла свою белую шею» (Ганс подтверждает теперь толкование в той части, что оба жирафа соответствуют отцу и матери, но он не соглашается с сексуальной символикой, по которой жираф должен соответствовать пенису. Возможно, что эта символика верна, но от Ганса, по-видимому, пока большего нельзя и требовать.)

В понедельник 30 марта утром Ганс приходит ко мне и говорит: «Слушай, сегодня я себе подумал две вещи. Первая? Я был с тобой в Шёнбрунне у овец, и там мы пролезли под веревки, потом мы это сказали сторожу у входа, а он нас и сцапал». Вторую он забыл.

По поводу этого я могу заметить следующее: когда мы в воскресенье в зоологическом саду хотели подойти к овцам, оказалось, что это место было огорожено веревкой, так что мы не могли попасть туда. Ганс был весьма удивлен, что ограждение сделано только веревкой, под которую легко пролезть. Я сказал ему, что приличные люди не пролезают под веревку. Ганс заметил, что ведь это так легко сделать. На это я ему сказал, что тогда придет сторож, который такого человека и уведет. У входа в Шёнбрунн стоит гвардеец, о котором я говорил Гансу, что он арестовывает дурных детей.

В этот же день, по возвращении от вас, Ганс сознался еще в нескольких желаниях сделать что-нибудь запрещенное. «Слушай, сегодня рано утром я опять о чем-то думал».— «О чем?» — «Я ехал с тобой в вагоне, мы разбили стекло, и полицейский нас забрал».

Правильное продолжение фантазии с жирафами. Он чувствует, что нельзя стремиться к обладанию матерью; он натолкнулся на границу, за которой следует кровосмешение. Но он считает это запретным только для себя. При всех запретных шалостях, которые он воспроизводит в своей фантазии, всегда присутствует отец, который вместе с ним подвергается аресту. Отец, как он думает, ведь тоже проделывает с матерью загадочное и

запретное, как он себе представляет, что-то насильственное вроде разбивания стекла или проникания в загражденное пространство.

В этот же день в мои приемные часы меня посетили отец с сыном. Я уже раньше знал этого забавного малыша, милого в своей самоуверенности, которого мне всегда приятно было видеть. Не знаю, вспомнил ли он меня, но он вел себя безупречно, как вполне разумный член человеческого общества. Консультация была коротка. Отец начал с того, что страх Ганса перед лошадьми, несмотря на все разъяснения, не уменьшился. Мы должны были сознаться и в том, что связь между лошадьми, перед которыми он чувствовал страх, и между вскрытыми нежными влечениями к матери довольно слабая. Детали, которые я теперь узнал (Ганса больше всего смущает то, что лошади имеют над глазами и нечто черное у их рта), никак нельзя было объяснить теми данными, которые у нас имелись. Но когда я смотрел на них обоих и выслушивал рассказ о страхе, у меня блеснула мысль о следующей части толкования, которая, как я мог понять, должна была ускользнуть от отца. Я шутя спросил Ганса: не носят ли его лошади очков? Он отрицает это. Носит ли его отец очки? Это он опять отрицает, даже вопреки очевидности. Не называет ли он «черным у рта» усы? Затем я объясняю ему, что он чувствует страх перед отцом, потому что он так любит мать. Он мог бы думать, что отец за это на него зол. Но это неправда. Отец его все-таки сильно любит, и он может без страха во всем ему сознаваться. Уже давно, когда Ганса не было на свете, я уже знал, что появится маленький Ганс, который будет так любить свою маму и поэтому будет чувствовать страх перед отцом. И я об этом даже рассказывал его отцу. Тут отец прерывает меня. «Почему ты думаешь, что я сержусь на тебя? Разве я тебя ругал или бил?» — «Да, ты меня бил»,— заявляет Ганс. «Это неправда. Когда?» — «Сегодня перед обедом». И отец вспоминает, что Ганс его совершенно неожиданно толкнул в живот, после чего он его рефлекторно шлепнул рукой. Замечательно, что эту деталь отец не привел в связь с неврозом, и только теперь он усмотрел в этом поступке выражение враждебного отношения мальчика, а также, быть может, проявление стремления получить за это наказание (Эту реакцию мальчик повторил позже более отчетливым и полным образом. Он сначала ударил отца по руке, а затем начал эту же руку нежно целовать.)

На обратном пути Ганс спрашивает у отца: «Разве профессор разговаривает с богом, что он все может знать раньше?» Я мог бы очень гордиться этим признанием из детских уст, если бы я сам не вызвал его своим шутливым хвастовством. После этой консультации я почти ежедневно получал сведения об изменениях в состоянии маленького пациента. Нельзя было, конечно, ожидать, что он после моего сообщения сразу освободится от страхов, но оказалось, что ему теперь дана уже была возможность обнаружить свою бессознательную продукцию и расплести свою фобию. С этого времени он проделал программу, которую я уже заранее мог бы изложить его отцу.

«2 апреля можно констатировать первое существенное улучшение. В то время как до сих пор его никак нельзя было заставить выйти за ворота на сколько-нибудь продолжительное время и он со всеми признаками ужаса мчался домой, когда появлялись лошади, теперь он остается перед воротами целый час и даже тогда, когда проезжают мимо экипажи, что у нас случается довольно часто. Время от времени он бежит в дом, когда видит вдали лошадей, но сейчас же, как бы передумав, возвращается обратно. Но от страха осталась уже только частица, и нельзя не констатировать улучшения с момента разъяснения.

Вечером он говорит: «Раз мы уже идем за ворота, мы поедем и в парк».

3 апреля он рано утром приходит ко мне в кровать, в то время как за последние дни он больше не приходил ко мне и как бы гордился своим воздержанием. Я спрашиваю: «Почему же ты сегодня пришел?»

Ганс: «Пока я не перестану бояться, я больше не приду».

Я: «Значит, ты приходишь ко мне потому, что ты боишься?»

Ганс: «Когда я не у тебя — я боюсь; когда я не у тебя в кровати — я боюсь. Когда я больше не буду бояться, я больше не приду».

Я: «Значит, ты меня любишь, и на тебя находит страх, когда ты утром находишься в

своей постели; поэтому ты приходишь ко мне?»

Ганс: «Да. А почему ты сказал мне, что я люблю маму и на меня находит страх, потому что я люблю тебя?»

Мальчик теперь в своих выражениях достигает необыкновенной ясности. Он дает понять, что в нем борется любовь к отцу с враждебностью к нему же из-за соперничества у матери, и он делает отцу упрек за то, что тот до сих пор не обратил его внимания на эту игру сил, которая превращалась в страх. Отец еще его не вполне понимает, потому что он только после этого разговора убеждается во враждебности мальчика, на которой я настаивал уже при нашей консультации. Нижеследующее, которое я привожу в неизмененном виде, собственно говоря, более важно в смысле разъяснения для отца, чем для маленького пациента.

«Это возражение я, к сожалению, не сразу понял во всем его значении. Так как Ганс любит мать, он, очевидно, хочет, чтобы меня не было, и он был бы тогда на месте отца. Это подавленное враждебное желание становится страхом за отца, и он приходит рано утром ко мне, чтобы видеть, не ушел ли я. К сожалению, я в этот момент всего этого не понимал и говорю ему:

«Когда ты один, тебе жутко, что меня нет, и ты приходишь сюда».

Ганс: «Когда тебя нет, я боюсь, что ты не придешь домой».

Я: «Разве я когда-нибудь грозил тебе тем, что не приду домой?»

Ганс: «Ты — нет, но мама — да. Мама говорила мне, что она больше не приедет». (Вероятно, он дурно вел себя, и она пригрозила ему своим уходом.)

Я: «Она это сказала тебе, потому что ты себя дурно вел».

Ганс: «Да».

Я: «Значит, ты боишься, что я уйду, потому что ты себя дурно вел, и из-за этого ты приходишь ко мне?»

За завтраком я встаю из-за стола, и Ганс говорит мне: «Папа, не убегай отсюда!» Я обращаю внимание на то, что он говорит «убегай» вместо «уходи», и отвечаю ему: «Ага, ты боишься, что лошадь убежит отсюда?» Он смеется».

Мы знаем, что эта часть страха Ганса носит двойственный характер: страх перед отцом и страх за отца. Первое происходит от враждебности по отношению к отцу, второе — от конфликта между нежностью, которая здесь реактивно увеличена, и враждебностью.

Отец продолжает: «Это, несомненно, начало важной части анализа. То, что он решается в крайнем случае только выйти за ворота, но от ворот не отходит, что он при первом приступе страха возвращается с половины пути,— мотивировано страхом не застать родителей дома, потому что они ушли. Он не отходит от дома из любви к матери, и он боится, что я уйду вследствие его враждебных желаний (по отношению ко мне) занять место отца.

Летом я несколько раз по своим делам ездил из Гмундена в Вену; тогда отцом был он. Напоминаю, что страх перед лошадьми связан с переживанием в Гмундене, когда лошадь должна была отвезти багаж Лицци на вокзал. Вытесненное желание, чтобы я поехал на вокзал и он остался один с матерью («чтобы лошадь уехала»), превращается в страх перед отъездом лошадей. И действительно, ничто не наводит на него большего страха, как отъезд экипажей со двора таможни, находящейся против нас.

Эта новая часть (враждебные помыслы против отца) обнаруживается только после того, как он узнает, что я не сержусь на него за то, что он так любит маму.

После обеда я опять выхожу с ним за ворота, он опять ходит перед домом и остается там даже тогда, когда проезжают экипажи. Только при проезде некоторых экипажей он испытывает страх и бежит во двор. Он даже мне объясняет: «Не все белые лошади кусаются». Это значит: после анализа в некоторых белых лошадях он узнал отца, и они больше не кусаются, но остаются еще другие лошади, которые кусаются.

План улицы перед нашими воротами следующий: напротив находится склад таможни с платформой, к которой в течение всего Дня подъезжают возы, чтобы забрать ящики и т. п.

От улицы этот двор отделяется решеткой. Как раз против нашей квартиры находятся ворота этого двора. Я уже несколько дней замечаю, что Ганс испытывает особенно сильный страх, когда розы въезжают и выезжают из этих ворот и при этом должны поворачивать. В свое время я его спросил, чего он так боится, на что он сказал мне: «Я боюсь, Что лошади упадут во время поворота» (А). Так же сильно волнуется он, когда возы, стоящие перед платформой для выгрузки, неожиданно приходят в движение, чтобы отъехать (В). Далее (С) он больше боится больших ломовых лошадей, чем маленьких, крестьянских лошадей — больше, чем элегантных (как например, в экипажах). Он также испытывает больший страх, когда воз проезжает мимо очень быстро (D), чем когда лошади плетутся медленно. Все эти различия выступили отчетливо только в последние дни».

Я позволил бы себе сказать, что благодаря анализу стал смелее не только пациент, но и его фобия, которая решается выступать с большей ясностью.

«5 апреля Ганс опять приходит в спальню и направляется нами обратно в свою кровать. Я говорю ему: «До тех пор, пока ты будешь рано утром приходить в спальню, страх перед лошадьми не исчезнет». Но он упорствует и отвечает: «Я все-таки буду приходить, когда у меня страх». Итак, он не хочет, чтобы ему запретили визиты к маме.

После завтрака мы должны сойти вниз. Ганс очень радуется этому и собирается вместо того, чтобы остаться, как обыкновенно, у ворот, перейти через улицу во двор, где, как он часто наблюдал, играет много мальчиков. Я говорю ему, что мне доставит удовольствие, когда он перейдет улицу, и, пользуясь случаем, спрашиваю его, почему он испытывает страх, когда нагруженные возы отъезжают от платформы (В).

Ганс: «Я боюсь, когда я стою у воза, а воз быстро отъезжает, и я стою на нем, хочу оттуда влезть на доски (платформу), и я отъезжаю вместе с возом».

Я: «А когда воз стоит, тогда ты не боишься? Почему?»

Ганс: «Когда воз стоит, я быстро вхожу на него и перехожу на доски».

(Ганс, таким образом, собирается перелезть через воз на платформу и боится, что воз тронется, когда он будет стоять на нем.)

Я: «Может быть, ты боишься, что, когда ты уедешь с возом, ты не придешь больше домой?»

Ганс: «О, нет, я всегда могу еще прийти к маме на возу или на извозчике; я ему даже могу сказать номер дома».

Я: «Чего же ты тогда боишься?»

Ганс: «Я этого не знаю, но профессор это будет знать».

Я: «Так ты думаешь, что он узнает? Почему тебе хочется перебраться через воз на доски?»

Ганс: «Потому, что я еще никогда там наверху не был, а мне так хотелось бы быть там, и знаешь почему? Потому, что я хотел бы нагружать и разгружать тюки и лазать по ним. Мне ужасно хотелось бы лазать по тюкам. А знаешь, от кого я научился лазать? Я видел, что мальчишки лазают по тюкам, и мне тоже хотелось бы это делать».

Его желание не осуществилось потому, что когда Ганс решился выйти за ворота, несколько шагов по улице вызвали в нем слишком большое сопротивление, так как во дворе все время проезжали возы».

Профессор знает также только то, что эта предполагаемая игра Ганса с нагруженными возами должна иметь символическое, замещающее отношение к другому желанию, которое еще не высказано. Но это желание можно было бы сконструировать и теперь, как бы это ни показалось смелым.

«После обеда мы опять идем за ворота, и по возвращении я спрашиваю Ганса:

«Каких лошадей ты, собственно, больше всего боишься?»

Ганс: «Всех».

Я: «Это неверно».

Ганс: «Больше всего я боюсь лошадей, которые имеют что-то у рта».

Я: «О чем ты говоришь? О железе, которое они носят во рту?»

Ганс: «Нет, у них есть что-то черное у рта» (прикрывает свой рот рукой).

Я: «Может быть, усы?»

Ганс (смеется): «О, нет!»

Я: «Это имеется у всех лошадей?»

Ганс: «Нет, только у некоторых».

Я: «Что же это у них у рта?»

Ганс: «Что-то черное». (Я думаю, что на самом деле это — ремень, который ломовые лошади носят поперек головы.) «Я боюсь тоже больше всего мебельных фургонов».

Я: «Почему?»

Ганс: «Я думаю, что когда ломовые лошади тянут тяжелый фургон, они могут упасть».

Я: «Значит, маленьких возов ты не боишься?»

Ганс: «Нет, маленьких и почтовых я не боюсь. Я еще больше всего боюсь, когда проезжает омнибус».

Я: «Почему? Потому что он такой большой?»

Ганс: «Нет, потому что однажды в таком омнибусе упала лошадь».

Я: «Когда?»

Ганс: «Однажды, когда я шел с мамой, несмотря на глупость, когда я купил жилетку».

(Это потом подтверждается матерью.)

Я: «Что ты себе думал, когда упала лошадь?»

Ганс: «Что теперь всегда будет так — все лошади в омнибусах будут падать».

Я: «В каждом омнибусе?»

Ганс: «Да, и в мебельных фургонах. В мебельных не так часто».

Я: «Тогда уже у тебя была твоя глупость?»

Ганс: «Нет, я получил ее позже. Когда лошадь в мебельном фургоне опрокинулась, я так сильно испугался! Потом уже, когда я пошел, я получил свою глупость».

Я: «Ведь глупость была в том, что ты себе думал, что тебя укусит лошадь. А теперь, как оказывается, ты боялся, что упадет лошадь?»

Ганс: «Опрокинется и укусит» (Ганс прав, как бы невероятно ни звучала эта комбинация. Как окажется впоследствии, связь заключалась в том, что лошадь (отец) укусит его за его желание, чтобы она (отец) опрокинулась.)

Я: «Почему же ты так испугался?»

Ганс: «Потому что лошадь делала ногами так (ложится на землю и начинает барахтаться). Я испугался, потому что она ногами производила шум».

Я: «Где ты тогда был с мамой?»

Ганс: «Сначала на катке, потом в кафе, потом покупали жилетку, потом в кондитерской, а потом вечером домой мы проходили через парк».

(Моя жена подтверждает все это, а также и те, что непосредственно за этим появился страх.)

Я: «Лошадь умерла после того, как упала?»

Ганс: «Да».

Я: «Откуда ты это знаешь?»

Ганс: «Потому что я это видел (смеется). Нет, она совсем не умерла».

Я: «Быть может, ты себе думал, что она умерла?»

Ганс: «Нет, наверное, нет. Я это сказал только в шутку». (Выражение лица его тогда было серьезным.)

Так как он уже устал, я оставляю его в покое. Он успевает еще мне рассказать, что он сначала боялся лошадей, впряженных в омнибус, а позже всяких других и только недавно — лошадей, впряженных в мебельные фургоны.

На обратном пути из Лайнца еще несколько вопросов:

Я: «Когда лошадь в омнибусе упала, какого цвета она была? Белого, красного, коричневого, серого?»

Ганс: «Черного, обе лошади были черные».

Я: «Была она велика или мала?»
Ганс: «Велика».
Я: «Толстая или худая?»
Ганс: «Толстая, очень большая и толстая».
Я: «Когда лошадь упала, ты думал о папе?»
Ганс: «Может быть. Да, это возможно».

Отец, быть может, во многих пунктах производит свои исследования без успеха; но во всяком случае нисколько не вредно ближе познакомиться с подобной фобией, которой мы охотно давали бы названия по ее новым объектам. Мы таким образом узнаем, насколько, собственно говоря, эта фобия универсальна. Она направлена на лошадей и на экипажи, на то, что лошади падают и кусаются, на лошадей с особенными признаками, на возы, которые сильно нагружены. Как нам удается узнать, все эти особенности происходят оттого, что страх первоначально относился не к лошадям и только вторично был перенесен (транспонирован) на них и фиксировался в тех местах комплекса лошадей, которые оказывались подходящими для известного переноса. Мы должны особенно высоко оценить один существенный факт, добытый исследованием отца. Мы узнали действительный повод, вызвавший появление фобии. Это — момент, когда мальчик видел, как упала большая ломовая лошадь, и во всяком случае одно из толкований этого впечатления, подчеркнутое отцом, указывает на то, что Ганс тогда ощущал желание, чтобы его отец также упал — умер. Серьезное выражение во время рассказа как бы соответствует этой бессознательной идее. Не скрывается ли за этим и другая мысль? И что же означает этот шум, производимый ногами?

«С некоторого времени Ганс играет в комнате в лошадки, бегает, падает, топает ногами, ржет. Один раз он подвязывает себе мешочек, как бы мешок для корма. Несколько раз он подбегает ко мне и кусает».

Таким образом, он принимает последние толкования более решительно, чем он может сделать это на словах. Но при этом меняются роли, так как эта игра служит фантазии, основанной на желании. Следовательно, он — лошадь, он кусает отца, а в остальном он отождествляет себя с отцом.

«В последние два дня я замечаю, что Ганс самым решительным образом выступает против меня, хотя без дерзости, а скорее шаловливо. Не оттого ли это, что он больше не боится меня — лошади?

6 апреля. После обеда я и Ганс находимся перед домом. При появлении лошадей я каждый раз спрашиваю, не видит ли он у них «черного у рта». Он каждый раз отвечает на это отрицательно. Я спрашиваю, как именно выглядит это черное; он говорит, что это черное железо. Таким образом, мое первое предположение, что это толстый ремень в упряжи ломовых лошадей, не подтверждается. Я спрашиваю, не напоминает ли это «черное» усы; он говорит: только цветом. Итак, я до сих пор не знаю, что это на самом деле.

Страх становится меньше. Он решается на этот раз подойти к соседнему дому, но он быстро возвращается, когда слышит издали приближение лошадей. Если воз проезжает и останавливается у нашего дома, он в страхе бежит домой, так как лошадь топает ногой. Я спрашиваю его, почему он боится, быть может, его пугает то, что лошадь так делает (при этом я топаю ногой). Он говорит:

«Не делай же такого шума ногами!» Сравни с его словами по поводу падения лошади в омнибусе.

Особенно пугается он, когда проезжает мебельный фургон. Он тогда вбегает в комнаты. Я равнодушно спрашиваю его: «Разве мебельный фургон не выглядит точно так же, как омнибус?»

Он ничего не отвечает. Я повторяю вопрос. Тогда он говорит: «Ну конечно, иначе я не боялся бы мебельного фургона».

7 апреля. Сегодня я опять спрашиваю, как выглядит «черное у рта» лошади. Ганс говорит: «Как намордник». Удивительно то, что за последние три дня ни разу не проезжала лошадь, у которой имелся бы подобный «намордник». Я сам ни разу не видел подобной

лошади во время прогулок, хотя Ганс настаивал на том, что такие лошади существуют. Я подозреваю, что ему действительно толстый ремень у рта напомнил усы и что после моего толкования и этот страх исчез.

Улучшение состояния Ганса становится более прочным, радиус круга его деятельности, считая наши ворота центром, становится все больше. Он решается даже на то, что до сих пор было невозможно,— перебежать на противоположный тротуар. Весь страх, который остался, связан только с омнибусом, и смысл этого страха мне во всяком случае еще не ясен.

9 апреля. Сегодня утром Ганс входит, когда я, обнаженный до пояса, умываюсь.

Ганс: «Папа, ведь ты красивый, такой белый!»

Я: «Не правда ли, как белая лошадь?»

Ганс: «Только усы черные. Или, может быть, это черный намордник?»

Я рассказываю ему, что я вчера вечером был у профессора, и говорю: «Он хотел бы еще кое-что узнать»,— на что Ганс замечает: «Это мне ужасно любопытно».

Я говорю ему, что знаю, при каких обстоятельствах он подымает шум ногами. Он прерывает меня: «Не правда ли, когда я сержусь или когда мне нужно делать Lumpf , а хочется лучше играть». (Когда он злится, он обыкновенно топает ногами. Делать Lumpf означает акт дефекации. Когда Ганс был маленьким, он однажды, вставая с горшочка, сказал: «Смотри — Lumpf». Он хотел сказать Strumpf (чулок), имея в виду сходство по форме и по цвету. Это обозначение осталось и до сих пор. Раньше, когда его нужно было сажать на горшок, а ему не хотелось прекратить игру, он обыкновенно топал ногами, начинал дрожать и иногда бросался на землю.)

«Ты подергиваешь ногами и тогда, когда тебе нужно сделать wiwi , а ты удерживаешься, потому что предпочитаешь играть».

Он: «Слушай, мне нужно сделать wiwi »,— и он как бы для подтверждения выходит».

Отец во время его визита ко мне спрашивал меня, что должно было напоминать Гансу подергивание ногами лошади. Я указал ему на то, что это может напоминать Гансу его собственную реакцию задерживаемого позыва к мочеиспусканию. Ганс подтверждает это тем, что у него во время разговора появляется позыв, и он указывает еще и другие значения «шума, производимого ногами».

«Затем мы идем за ворота. Когда проезжает воз с углем, он говорит мне: «Слушай, угольный воз тоже наводит на меня страх».

Я: «Быть может, потому, что он такой же большой, как омнибус?»

Ганс: «Да, и потому, что он сильно нагружен, и лошадям приходится так много тянуть, и они легко могут упасть. Когда воз пустой, я не боюсь». Все это соответствует действительности».

И все же ситуация довольно неясна. Анализ мало подвигается вперед, и я боюсь, что изложение его скоро может показаться скучным для читателя. Но такие темные периоды бывают в каждом психоанализе. Вскоре Ганс, совершенно неожиданно для нас, переходит в другую область.

«Я прихожу домой и беседую с женой, которая сделала разные покупки и показывает их мне. Между ними — желтые дамские панталоны. Ганс много раз говорит «пфуй», бросается на землю и отплевывается. Жена говорит, что он так делал уже несколько раз, когда видел панталоны.

Я спрашиваю: «Почему ты говоришь «пфуй»?»

Ганс: «Из-за панталон».

Я: «Почему? Из-за цвета, потому что они желтые и напоминают тебе wiwi или Lumpf?»

Ганс: «Lumpf ведь не желтый, он белый или черный». Непосредственно за этим: «Слушай, легко делать Lumpf, когда ешь сыр?» (Это я ему раз сказал, когда он меня спросил, почему я ем сыр.)

Я: «Да».

Ганс: «Поэтому ты всегда рано утром уже идешь делать Lumpf. Мне хотелось бы съесть бутерброд с сыром».

Уже вчера, когда он играл на улице, он спрашивал меня: «Слушай, не правда ли, после того как много прыгаешь, легко делаешь Lumpf?» Уже давно действие его кишечника связано с некоторыми затруднениями, часто приходится прибегать к детскому меду и к клистирам. Один раз его привычные запоры настолько усилились, что жена обращалась за советом к доктору Л. Доктор высказал мнение, что Ганса перекармливают, что соответствует действительности, и посоветовал сократить количество принимаемой им пищи, что сейчас же вызвало заметное улучшение. В последние дни запоры опять стали чаще.

После обеда я говорю ему: «Будем опять писать профессору»,— и он мне диктует: «Когда я видел желтые панталоны, я сказал «пфуй», плюнул, бросился на пол, зажмурил глаза и не смотрел».

Я: «Почему?»

Ганс: «Потому что я увидел желтые панталоны, и когда я увидел черные (У моей жены имеются уже несколько недель панталоны «реформ» для велосипедной езды.) панталоны, я тоже сделал что-то в этом роде. Черные это тоже панталоны, только они черные (прерывает себя). Слушай, я очень рад; когда я могу писать профессору, я всегда очень рад».

Я: «Почему ты сказал «пфуй»? Тебе было противно?»

Ганс: «Да, потому что я их увидел. Я подумал, что мне нужно делать Lumpf».

Я: «Почему?»

Ганс: «Я не знаю».

Я: «Когда ты видел черные панталоны?»

Ганс: «Однажды давно, когда у нас была Анна (прислуга), у мамы, она только что принесла их после покупки домой».

(Это подтверждается моей женой.)

Я: «И тебе было противно?»

Ганс: «Да».

Я: «Ты маму видел в таких панталонах?»

Ганс: «Нет».

Я: «А когда она раздевалась?»

Ганс: «Желтые я уже раз видел, когда она их купила» (противоречие! — желтые он увидел впервые, когда она их купила). «В черных она ходит сегодня (верно!), потому что я видел, как она их утром снимала».

Я: «Как? Утром она снимала черные панталоны?»

Ганс: «Утром, когда она уходила, она сняла черные панталоны, а когда вернулась, она еще раз одела себе черные панталоны».

Мне это кажется бессмыслицей, и я расспрашиваю жену. И она говорит, что все это неверно. Она, конечно, не переодевала панталон перед уходом.

Я тут же спрашиваю Ганса: «Ведь мама говорит, что все это неверно».

Ганс: «Мне так кажется. Быть может, я забыл, что она не сняла панталон. (С неудовольствием.) Оставь меня, наконец, в покое».

К разъяснению этой истории с панталонами я тут же должен заметить следующее: Ганс, очевидно, лицемерит, когда притворяется довольным, собираясь говорить на эти темы. К концу он отбрасывает свою маску и становится дерзким по отношению к отцу. Разговор идет о вещах, которые раньше доставляли ему много удовольствия и которые теперь, после наступившего вытеснения, вызывают в нем стыд и даже отвращение. Он даже в этом случае лжет, придумывая для наблюдавшейся им перемены панталон у матери другие поводы. На самом деле снимание и одевание панталон находится в связи с комплексом дефекации. Отец в точности знает, в чем здесь дело и что Ганс старается скрыть.

«Я спрашиваю свою жену, часто ли Ганс присутствовал, когда она отправлялась в клозет. Она говорит: «Да, часто он хнычет до тех пор, пока ему это не разрешат; это делали все дети».

Запомним себе хорошо это вытесненное уже теперь удовольствие видеть мать при акте дефекации.

«Мы идем за ворота. Ганс очень весел, и когда он бегает, изображая лошадь, я спрашиваю: «Послушай, кто, собственно говоря, вьючная лошадь? Я, ты или мама?»

Ганс (сразу): «Я, я — молодая лошадь».

В период сильнейшего страха, когда страх находил на него при виде скачущих лошадей, я, чтобы успокоить его, сказал: «Знаешь, это молодые лошади — они скачут, как мальчишки.— Ведь ты тоже скачешь, а ты мальчик». С того времени он при виде скачущих лошадей говорит: «Это верно — это молодые лошади!»

Когда мы возвращаемся домой, я на лестнице, почти ничего до думая, спрашиваю: «В Гмундене ты играл с детьми в лошадки?»

Он: «Да! (Задумывается.) Мне кажется, что я там приобрел мою глупость».

Я: «Кто был лошадкой?»

Он: «Я, а Берта была кучером».

Я: «Не упал ли ты, когда был лошадкой?»

Ганс: «Нет! Когда Берта погоняла меня — но! — я быстро бегал, почти вскачь» (Он играл также в лошадки с колокольчиками.)

Я: «А в омнибус вы никогда не играли?»

Ганс: «Нет — в обыкновенные возы и в лошадки без воза. Ведь когда у лошадки есть воз, он может оставаться дома, а лошадь бегает без воза».

Я: «Вы часто играли в лошадки?»

Ганс: «Очень часто. Фриц (тоже сын домохозяина) был тоже однажды лошадью, а Франц кучером, и Фриц так скоро бежал, что вдруг наступил на камень, и у него пошла кровь».

Я: «Может быть, он упал?»

Ганс: «Нет, он опустил ногу в воду и потом обернул ее платком» (См. дальше — отец вполне справедливо полагает, что Фриц тогда упал.)

Я: «Ты часто был лошадью?»

Ганс: «О, да».

Я: «И ты там приобрел глупость?»

Ганс: «Потому что они там всегда говорили «из-за лошади» и «из-за лошади» (он подчеркивает это «из-за»— wegen); поэтому я и заполучил свою глупость» (По моему мнению, Ганс не хочет утверждать, что он тогда заполучил глупость, а только в связи с теми событиями. Обыкновенно так и бывает, как в теории, что тот же предмет, который раньше вызывал высокое наслаждение, сегодня делается объектом фобии. И я могу дополнить за ребенка, который этого не умеет сказать, что словечко «из-за» (wegen) открыло путь распространению фобии с лошади на воз. (Ганс на своем детском языке называет воз Wagen вм. Wagen .) Не нужно забывать, насколько конкретнее, чем взрослые, относятся к словам дети и сколь значительны должны быть для них ассоциации по сходству слов.)

Некоторое время отец бесплодно производит исследования по другим путям.

Я: «Дети тогда рассказывали что-нибудь о лошади?»

Ганс: «Да!»

Я: «А что?»

Ганс: «Я это забыл».

Я: «Может быть, они что-нибудь рассказывали о ее Wiwimacher'е ?»

Ганс: «О, нет!»

Я: «Там ты уже боялся лошадей?»

Ганс: «О, нет, я совсем не боялся».

Я: «Может быть, Берта говорила о том, что лошадь...»

Ганс (прерывая): «Делает wiwi ? Нет!»

10 апреля я стараюсь продолжить вчерашний разговор и хочу узнать, что означает «из-за лошади». Ганс не может этого вспомнить; он знает только, что утром несколько детей стояли перед воротами и выкрикивали: «из-за лошади», «из-за лошади». Он сам тоже стоял там. Когда я становлюсь настойчивее, он заявляет, что дети вовсе не говорили «из-за

лошади» и что он неправильно вспомнил.

Я: «Ведь вы часто бывали также в конюшне и, наверное, говорили о лошади?» — «Мы ничего не говорили».— «А о чем же вы разговаривали?» — «Ни о чем».— «Вас было столько детей, и вы ни о чем не говорили?» — «Кое о чем мы уже говорили, но не о лошади».— «А о чем?» — «Я теперь уже этого не знаю».

Я оставляю эту тему, так как очевидно, что сопротивление слишком велико (Здесь, собственно, ничего другого нельзя было извлечь, кроме словесной ассоциации, ускользнувшей от отца. Хороший образчик условий, при которых психоаналитические попытки оканчиваются неудачей.), и спрашиваю: «С Бертой ты охотно играл?»

Он: «Да, очень охотно, а с Ольгой — нет; знаешь, что сделала Ольга? Грета наверху подарила мне раз бумажный мяч, а Ольга его разорвала на куски. Берта бы мне никогда его не разорвала. С Бертой я очень охотно играл».

Я: «Ты видел, как выглядит Wiwimacher Берты?»

Он: «Нет, я видел Wiwimacher лошади, потому что я всегда бывал в стойле».

Я: «И тут тебе стало интересно знать, как выглядит Wiwimacher у Берты и у мамы?»

Он: «Да».

Я напоминаю ему его жалобы на то, что девочка всегда хотела смотреть, как он делает wiwi .

Он: «Берта тоже всегда смотрела (без обиды, с большим удовольствием), очень часто. В маленьком саду, там, где посажена редиска, я делал wiwi, а она стояла у ворот и смотрела».

Я: «А когда она делала wiwi, смотрел ты?»

Он: «Она ходила в клозет».

Я: «А тебе становилось интересно?»

Он: «Ведь я был внутри, в клозете, когда она там была».

(Это соответствует действительности: хозяева нам это раз рассказали, и я припоминаю, что мы запретили Гансу делать это.)

Я: «Ты ей говорил, что хочешь пойти?»

Он: «Я входил сам и потому, что Берта мне это разрешила. Это ведь не стыдно».

Я: «И тебе было бы приятно увидеть Wiwimacher ?»

Он: «Да, но я его не видел».

Я напоминаю ему сон в Гмундене относительно фантов и спрашиваю: «Тебе в Гмундене хотелось, чтобы Берта помогла тебе сделать wiwi?»

Он: «Я ей никогда этого не говорил».

Я: «А почему ты этого ей не говорил?»

Он: «Потому что я об этом никогда не думал (прерывает себя). Когда я обо всем этом напишу профессору, глупость скоро пройдет, не правда ли?»

Я: «Почему тебе хотелось, чтобы Берта помогла тебе делать wiwi?»

Он: «Я не знаю. Потому что она смотрела».

Я: «Ты думал о том, что она положит руку на Wiwimacher ?» Он: «Да. (Отклоняется.) В Гмундене было очень весело. В маленьком саду, где растет редиска, есть маленькая куча песку, там я играл с лопаткой». (Это сад, где он делал wiwi.)

Я: «А когда ты в Гмундене ложился в постель, ты трогал рукой Wiwimacher ?»

Он: «Нет, еще нет. В Гмундене я так хорошо спал, что об этом еще не думал. Только на прежней квартире и теперь я это делал».

Я: «А Берта никогда не трогала руками твоего Wiwimacher'a ?»

Он: «Она этого никогда не делала, потому что я ей об этом никогда не говорил».

Я: «А когда тебе этого хотелось?»

Он: «Кажется, однажды в Гмундене».

Я: «Только один раз?»

Он: «Да, чаще».

Я: «Всегда, когда ты делал wiwi, она подглядывала,— может, ей было любопытно видеть, как ты делаешь wiwi?» Он: «Может быть, ей было любопытно видеть, как выглядит

мой Wiwimacher ?»

Я: «Но и тебе это было любопытно, только по отношению к Берте?»

Он: «К Берте и к Ольге».

Я: «К кому еще?»

Он: «Больше ни к кому».

Я: «Ведь это неправда. Ведь и по отношению к маме?»

Он: «Ну, к маме, конечно».

Я: «Но теперь тебе больше уже не любопытно. Ведь ты знаешь, как выглядит Wiwimacher Анны?»

Он: «Но он ведь будет расти, не правда ли?» (Он хочет быть уверенным, что его собственный Wiwimacher будет расти.)

Я: «Да, конечно... Но когда он вырастет, он все-таки не будет походить на твой».

Он: «Это я знаю. Он будет такой, как теперь, только больше».

Я: «В Гмундене тебе было любопытно видеть, как мама раздевается?»

Он: «Да, и у Анны, когда ее купали, я видел маленький Wiwiniacher ».

Я:«И у мамы?»

Он: «Нет!»

Я: «Тебе было противно видеть мамины панталоны?»

Он: «Только черные, когда она их купила, и я их увидел и плюнул. А когда она их надевала и снимала, я тогда не плевал. Я плевал тогда потому, что черные панталоны черны, как Lumpf , а желтые — как wiwi , и когда я смотрю на них, мне кажется, что нужно делать wiwi. Когда мама носит панталоны, я их не вижу, потому что сверху она носит платье».

Я: «А когда она раздевается?»

Он: «Тогда я не плюю. Но когда панталоны новые, они выглядят как Lumpf. А когда они старые, краска сходит с них, и они становятся грязными. Когда их покупают, они новые, а когда их не покупают, они старые».

Я: «Значит, старые панталоны не вызывают в тебе отвращение?»

Он: «Когда они старые, они ведь немного чернее, чем Lumpf, не правда ли? Немножечко чернее» (Наш Ганс не может справиться с темой, которую он не знает как изложить. И нам трудно понять его. Быть может, он думает, что панталоны вызывают в нем отвращение только после их покупки; на теле матери они больше не вызывают у него ассоциации с Lumpf 'ом или с wiwi; тогда уже они интересуют его в другом направлении.).

Я: «Ты часто бывал с мамой в клозете?»

Он: «Очень часто».

Я: «Тебе там было противно?»

Он: «Да... Нет!»

Я: «Ты охотно присутствуешь при том, когда мама делает wiwij или Lumpf?»

Он: «Очень охотно».

Я: «Почему так охотно?»

Он: «Я этого не знаю».

Я: «Потому что ты думаешь, что увидишь Wiwimacher ?»

Он: «Да, я тоже так думаю».

Я: «Почему ты в Лайнце никогда не хочешь идти в клозет?» (В Лайнце он всегда просит, чтобы я его не водил в клозет. Он один раз испугался шума воды, спущенной для промывания клозета.)

Он: «Потому что там, когда тянут ручку вниз, получается большой шум».

Я: «Этого ты боишься?»

Он: «Да!»

Я: «А здесь, в нашем клозете?»

Он: «Здесь—нет. В Лайнце я пугаюсь, когда ты спускаешь воду. И когда я нахожусь в клозете и вода стекает вниз, я тоже пугаюсь».

Чтобы показать мне, что в нашей квартире он не боится, он заставляет меня пойти в

клозет и спустить воду. Затем он мне объясняет: «Сначала делается большой шум, а потом поменьше. Когда большой шум, я лучше остаюсь внутри клозета, а когда слабый шум, я предпочитаю выйти из клозета».

Я: «Потому что ты боишься?»

Он: «Потому что мне всегда ужасно хочется видеть большой шум (он поправляет себя), слышать, и я предпочитаю оставаться внутри, чтобы хорошо слышать его».

Я: «Что же напоминает тебе большой шум?»

Он: «Что мне в клозете нужно делать Lumpf» (то же самое, что при виде черных панталон).

Я: «Почему?»

Он: «Не знаю. Нет, я знаю, что большой шум напоминает мне шум, который слышен, когда делаешь Lumpf. Большой шум напоминает Lumpf, маленький—wiwi» (ср. черные и желтые панталоны).

Я: «Слушай, а не был ли омнибус такого же цвета, как Lumpf?» (По его словам — черного цвета.)

Он (пораженный): «Да!»

Я должен здесь вставить несколько слов. Отец расспрашивает слишком много и исследует по готовому плану вместо того, чтобы дать мальчику высказаться. Вследствие этого анализ становится неясным и сомнительным. Ганс идет по своему пути, и когда его хотят свести с него, он умолкает. Очевидно, его интерес, неизвестно почему, направлен теперь на Lumpf и на wiwi. История с шумом выяснена так же мало, как и история с черными и желтыми панталонами. Я готов думать, что его тонкий слух отметил разницу в шуме, который производят при мочеиспускании мужчины и женщины. Анализ искусственно сжал материал и свел его к разнице между мочеиспусканием и дефекацией. Читателю, который сам еще не производил психоанализа, я могу посоветовать не стремиться понимать все сразу. Необходимо ко всему отнестись с беспристрастным вниманием и ждать дальнейшего.

«11 апреля. Сегодня утром Ганс опять приходит в спальню и, как всегда в последние дни, его сейчас же выводят вон.

После он рассказывает: «Слушай, я кое о чем подумал. Я сижу в ванне (Ганса купает мать.), тут приходит слесарь и отвинчивает ее (Чтобы взять ее в починку.) Затем берет большой бурав и ударяет меня в живот».

Отец переводит для себя эту фантазию: «Я — в кровати у мамы. Приходит папа и выгоняет меня. Своим большим пенисом он отталкивает меня от мамы».

Оставим пока наше заключение невысказанным.

«Далее он рассказывает еще нечто другое, что он себе придумал: «Мы едем в поезде, идущем в Гмунден. На станции мы начинаем надевать верхнее платье, но не успеваем этого сделать, и поезд уходит вместе с нами».

Позже я спрашиваю: «Видел ли ты, как лошадь делает Lumpf?»

Ганс: «Да, очень часто».

Я: «Что же, она при этом производит сильный шум?»

Ганс: «Да!»

Я: «Что же напоминает тебе этот шум?»

Ганс: «Такой же шум бывает, когда Lumpf падает в горшочек».

Вьючная лошадь, которая падает и производит шум ногами, вероятно, и есть Lumpf, который при падении производит шум. Страх перед дефекацией, страх перед перегруженным возом главным образом соответствует страху перед перегруженным животом».

По этим окольным путям начинает для отца выясняться истинное положение вещей.

«11 апреля за обедом Ганс говорит: «Хорошо, если бы мы в Гмундене имели ванну, чтобы мне не нужно было ходить в баню». Дело в том, что в Гмундене его, чтобы вымыть, водили всегда в соседнюю баню, против чего он обыкновенно с плачем протестовал. И в Вене он всегда подымает крик, когда его, чтобы выкупать, сажают или кладут в большую ванну. Он должен купаться стоя или на коленях».

Эти слова Ганса, который теперь начинает своими самостоятельными показаниями давать пищу для психоанализа, устанавливают связь между обеими последними фантазиями (о слесаре, отвинчивающем ванну, и о неудавшейся поездке в Гмунден). Из последней фантазии отец совершенно справедливо сделал вывод об отвращении к Гмундену. Кроме того, мы имеем здесь опять хороший пример того, как выплывающее из области бессознательного становится понятным не при помощи предыдущего, а при помощи последующего.

«Я спрашиваю его, чего и почему он боится в большой ванне.

Ганс: «Потому, что я упаду туда».

Я: «Почему же ты раньше никогда не боялся, когда тебя купали в маленькой ванне?»

Ганс: «Ведь я в ней сидел, ведь я в ней не мог лечь, потому что она была слишком мала».

Я: «А когда ты в Гмундене катался на лодке, ты не боялся, что упадешь в воду?»

Ганс: «Нет, потому что я удерживался руками, и тогда я не мог упасть. Я боюсь, что упаду, только тогда, когда купаюсь в большой ванне».

Я: «Тебя ведь купает мама. Разве ты боишься, что мама тебя бросит в ванну?»

Ганс: «Что она отнимет свои руки и я упаду в воду с головой».

Я: «Ты же знаешь, что мама любит тебя, ведь она не отнимет рук».

Ганс: «Я так подумал».

Я: «Почему?»

Ганс: «Этого я точно не знаю»

Я: «Быть может, потому, что ты шалил и поэтому думал, что она тебя больше не любит?»

Ганс: «Да».

Я: «А когда ты присутствовал при купании Анны, тебе не хотелось, чтобы мама отняла руки и уронила Анну в
воду?»

Ганс: «Да».

Мы думаем, что отец угадал это совершенно верно. «12 апреля. На обратном пути из Лайнца в вагоне 2-го класса Ганс при виде черной кожаной обивки говорит: «Пфуй, я плюю, когда я вижу черные панталоны и черных лошадей, я тоже плюю, потому что я должен делать Lumpf».

Я: «Быть может, ты у мамы видел что-нибудь черное, что тебя испугало?»

Ганс: «Да».

Я: «А что?»

Ганс: «Я не знаю, черную блузку или черные чулки».

Я: «Быть может, ты увидел черные волосы на Wiwimacher'е , когда ты был любопытным и подглядывал?»

Ганс (оправдываясь): «Но Wiwimacher'а я не видел».

Когда он однажды снова обнаружил страх при виде воза, выезжавшего из противоположных ворот, я спросил его: «Не похожи ли эти ворота на роро?»

Он: «А лошади на Lumpf?» После этого каждый раз при виде выезжающего из ворот воза он говорит: «Смотри, идет Lumpfi ». Выражение Lumpfi он употребляет в первый раз; оно звучит как ласкательное имя. Моя свояченица называет своего ребенка Wumpfi .

13 апреля при виде куска печенки в супе он говорит: «Пфуй, Lumpf». Он ест, по-видимому, неохотно и рубленое мясо, которое ему по форме и цвету напоминает Lumpf.

Вечером моя жена рассказывает, что Ганс был на балконе и сказал ей: «Я думал, что Анна была на балконе и упала вниз». Я ему часто говорил, что когда Анна на балконе, он должен следить за ней, чтобы она не подошла к барьеру, который слесарь-сецессионист (Сецессион — название ряда объединений немецких и австрийских художников конца XIX — начала XX в.) сконструировал весьма нелепо, с большими отверстиями. Здесь вытесненное желание Ганса весьма прозрачно. Мать спросила его, не было ли бы ему

приятнее, если бы Анна совсем не существовала. На это он ответил утвердительно.

14 апреля. Тема, касающаяся Анны, все еще на первом плане. Мы можем вспомнить из прежних записей, что он почувствовал антипатию к новорожденной, отнявшей у него часть родительской любви; эта антипатия и теперь еще не исчезла и только отчасти компенсируется преувеличенной нежностью. Он уже часто поговаривал, чтобы аист больше не приносил детей, чтобы мы дали аисту денег, чтобы тот больше не приносил детей из большого ящик а , в котором находятся дети. (Ср. страх перед мебельным фургоном. Не выглядит ли омнибус как большой ящик?) Анна так кричит, это ему тяжело.

Однажды он неожиданно заявляет: «Ты можешь вспомнить, как пришла Анна? Она лежала на кровати у мамы такая милая и славная (эта похвала звучит подозрительно фальшиво).

Затем мы внизу перед домом. Можно опять отметить большое улучшение. Даже ломовики вызывают в нем более слабый страх. Один раз он с радостью кричит: «Вот едет лошадь с черным у рта» — и я, наконец, могу констатировать, что это лошадь с кожаным намордником. Но Ганс не испытывает никакого страха перед этой лошадью.

Однажды он стучит своей палочкой о мостовую и спрашивает: «Слушай, тут лежит человек... который похоронен... или это бывает только на кладбище?» Таким образом, его занимает теперь не только загадка жизни, но и смерти.

По возвращении я вижу в передней ящик, и Ганс говорит (Для нас ясно, почему тема «Анна» идет непосредственно за темой ”Lumpf ”': Анна — сама Lumpf , все новорожденные дети — Lumpf 'ы.) : «Анна ехала с нами в Гмунден в таком ящике. Каждый раз, когда мы ехали в Гмунден, она ехала с нами в ящике. Ты мне уже опять не веришь? Это, папа, уже на самом деле. Поверь мне, мы достали большой ящик, полный детей, и они сидели там, в ванне. (В этот ящик упаковывалась ванна.) Я их посадил туда, верно. Я хорошо припоминаю это» (Тут он начинает фантазировать. Мы узнаем, что для него ящик и ванна обозначают одно и то же — это пространство, в котором находятся дети. Обратим внимание на его повторные уверения.)

Я: «Что ты можешь припомнить?»

Ганс: «Что Анна ездила в ящике, потому что я этого не забыл. Честное слово!»

Я: «Но ведь в прошлом году Анна ехала с нами в купе».

Ганс: «Но раньше она всегда ездила с нами в ящике».

Я: «Не маме ли принадлежал ящик?»

Ганс: «Да, он был у мамы».

Я: «Где же?»

Ганс: «Дома на полу».

Я: «Может быть, она его носила с собой?» (Ящик — конечно, живот матери. Отец хочет указать Гансу, что он это понял.)

Ганс: «Нет! Когда мы теперь поедем в Гмунден, Анна опять поедет в ящике».

Я: «Как же она вылезла из ящика?»

Ганс: «Ее вытащили».

Я: «Мама?»

Ганс: «Я и мама. Потом мы сел и в экипаж. Анна ехала верхом на лошади, а кучер погонял. Кучер сидел на козлах. Ты был с нами. Даже мама это знает. Мама этого не знает, потому что она опять это забыла, но не нужно ей ничего говорить».

Я заставляю его все повторить.

Ганс: «Потом Анна вылезла».

Я: «Она ведь еще и ходить не могла!»

Ганс: «Мы ее тогда снесли на руках».

Я: «Как же она могла сидеть на лошади, ведь в прошлом году
она еще совсем не умела сидеть».

Ганс: «О, да, она уже сидела и кричала: но! но! И щелкала кнутом который раньше был у меня. Стремян у лошади не было, а Анна ехала верхом; папа, а может быть, это не шутка».

Что должна означать эта настойчиво повторяемая и удерживаемая бессмыслица? О, это ничуть не бессмыслица; это пародия — месть Ганса отцу. Она должна означать приблизительно следующее: если ты в состоянии думать, что я могу поверить в аиста, который в октябре будто бы принес Анн у, тогда как я уже летом, когда мы ехали в Гмунден, заметил у матери большой живот, то я могу требовать, чтобы и ты верил моим вымыслам. Что другое может означать его утверждение, что Анна уже в прошлое лето ездила в ящике в Гмунден, как не его осведомленность о беременности матери? То, что он и для следующего года предполагает эту поездку в ящике, соответствует обычному появлению из прошлого бессознательных мыслей. Или у него есть особые основания для страха, что к ближайшей летней поездке мать опять будет беременна. Тут уже мы узнали, что именно испортило ему поездку в Гмунден,— это видно из его второй фантазии. «Позже я спрашиваю его, как, собственно говоря, Анна после рождения пришла к маме, в постель».

Тут он уже имеет возможность развернуться и подразнить отца. Ганс: «Пришла Анна. Госпожа Краус (акушерка) уложила ее в кровать. Ведь она еще не умела ходить. А аист нес ее в своем клюве. Ведь ходить она еще не могла (не останавливаясь, продолжает). Аист подошел к дверям и постучал; здесь все спали, а у него был подходящий ключ; он отпер двери и уложил Анну в твою (Конечно, ирония, как и последующая просьба не выдать этой тайны матери.) кровать, а мама спала; нет, аист уложил Анну в мамину кровать. Уже была ночь, и аист совершенно спокойно уложил ее в кровать и совсем без шума, а потом взял себе шляпу и ушел обратно. Нет, шляпы у него не было».

Я: «Кто взял себе шляпу? Может быть, доктор?»

Ганс: «А потом аист ушел к себе домой и потом позвонил, и все в доме уже больше не спали. Но ты этого не рассказывай ни маме, ни Тине (кухарка). Это тайна!»

Я: «Ты любишь Анну?»

Ганс: «Да, очень».

Я: «Было бы тебе приятнее, если бы Анны не было, или ты рад, что она есть?»

Ганс: «Мне было бы приятнее, если бы она не появилась на свет».

Я: «Почему?»

Ганс: «По крайней мере она не кричала бы так, а я не могу переносить крика».

Я: Ведь ты и сам кричишь?»

Ганс: «А ведь Анна тоже кричит».

Я: «Почему ты этого не переносишь?»

Ганс: «Потому что она так сильно кричит».

Я: «Но ведь она совсем не кричит».

Ганс: «Когда ее шлепают по голому роро, она кричит».

Я: «Ты уже ее когда-нибудь шлепал?»

Ганс: «Когда мама шлепает ее, она кричит».

Я: «Ты этого не любишь?»

Ганс: «Нет... Почему? Потому что она своим криком производит такой шум».

Я: «Если тебе было бы приятнее, чтобы ее не было на свете, значит, ты ее не любишь?»

Ганс: «Гм, гм... » (утвердительно).

Я: «Поэтому ты думаешь, что мама отнимет руки во время купания и Анна упадет в воду... »

Ганс (дополняет): «... и умрет».

Я: «И ты остался бы тогда один с мамой. А хороший мальчик этого все-таки не желает».

Ганс: «Но думать ему можно».

Я: «А ведь это нехорошо».

Ганс: «Когда об этом он думает, это все-таки хорошо, потому что тогда можно написать об этом профессору» (Славный маленький Ганс! Я даже у взрослых не желал бы для себя лучшего понимания психоанализа.)

Позже я говорю ему: «Знаешь, когда Анна станет больше и научится говорить, ты

будешь ее уже больше любить».

Ганс: «О, нет. Ведь я ее люблю. Когда она осенью уже будет большая, я пойду с ней один в парк и буду все ей объяснять».

Когда я хочу заняться дальнейшими разъяснениями, он прерывает меня, вероятно, чтобы объяснить мне, что это не так плохо, когда он желает Анне смерти.

Ганс: «Послушай, ведь она уже давно была на свете, даже когда ее еще не было. Ведь у аиста она уже тоже была на свете»

Я: «Нет, у аиста она, пожалуй, и не была».

Ганс: «Кто же ее принес? У аиста она была».

Я: «Откуда же он ее принес?»

Ганс: «Ну, от себя».

Я: «Где она у него там находилась?»

Ганс: «В ящике, в аистином ящике».

Я: «А как выглядит этот ящик?»

Ганс: «Он красный. Выкрашен в красный цвет (кровь?)».

Я: «А кто тебе это сказал?»

Ганс: «Мама; я себе так думал; так в книжке нарисовано».

Я: «В какой книжке?»

Ганс: «В книжке с картинками». (Я велю ему принести его первую книжку с картинками. Там изображено гнездо аиста с аистами на красной трубе. Это и есть тот ящик. Интересно, что на той же странице изображена лошадь, которую подковывают. Ганс помещает детей в ящик, так как он их не находит в гнезде.)

Я: «Что же аист с ней сделал?»

Ганс: «Тогда он принес Анну сюда. В клюве. Знаешь, это тот аист из Шёнбрунна, который укусил зонтик». (Воспоминание о маленьком происшествии в Шёнбрунне.)

Я: «Ты видел, как аист принес Анну?»

Ганс: «Послушай, ведь я тогда еще спал. А утром уже никакой аист не может принести девочку или мальчика».

Я: «Почему?»

Ганс: «Он не может этого. Аист этого не может. Знаешь, почему? Чтобы люди этого сначала не видели и чтобы сразу, когда наступит утро, девочка уже была тут» (Непоследовательность Ганса не должна нас останавливать. В предыдущем разговоре из его сферы бессознательного выявилось его недоверие к басне об аисте, связанное с чувством горечи по отношению к делающему из этого тайну отцу. Теперь он спокойнее и отвечает официальными соображениями, при помощи которых он которых он кое-как мог себе разъяснить столь трудную гипотезу об аисте.)

Я: «Но тогда тебе было очень интересно знать, как аист это сделал?»

Ганс: «О, да!»

Я: «А как выглядела Анна, когда она пришла?»

Ганс (неискренно): «Совсем белая и миленькая, как золотая».

Я: «Но когда ты увидел ее в первый раз, она тебе не понравилась?»

Ганс: «О, очень!»

Я: «Ведь ты был поражен, что она такая маленькая?»

Ганс: «Да».

Я: «Как велика была она?»

Ганс: «Как молодой аист».

Я: «А еще как что? Может быть, как Lumpf ?»

Ганс: «О, нет, Lumpf много больше — капельку меньше, чем Анна теперь».

Я уже раньше говорил отцу, что фобия Ганса может быть сведена к мыслям и желаниям, связанным с рождением сестренки. Но я упустил обратить его внимание на то, что по инфантильной сексуальной теории ребенок — это Lumpf, так что Ганс должен пройти и через экскрементальный комплекс. Вследствие этого моего упущения и произошло

временное затемнение лечения. Теперь после сделанного разъяснения отец пытается выслушать вторично Ганса по поводу этого важного пункта.

«На следующий день я велю ему рассказать еще раз вчерашнюю историю. Ганс рассказывает: «Анна поехала в Гмунден в большом ящике, мама в купе, а Анна в товарном поезде с ящиком, и тогда, когда мы приехали в Гмунден, я и мама вынули Анну и посадили на лошадь. Кучер сидел на козлах, а у Анны был прошлый (прошлогодний) кнут; она стегала лошадь и все кричала — но-но, и это было ужасно весело, а кучер тоже стегал лошадь. (Кучер вовсе не стегал, потому что кнут был у Анны.) Кучер держал вожжи, и Анна держала вожжи, мы каждый раз с вокзала ездили домой в экипаже (Ганс старается здесь согласовать действительность с фантазией.) В Гмундене мы сняли Анну с лошади, и она сама пошла по лестнице».

Когда Анна в прошлом году жила в Гмундене, ей было всего 8 месяцев. Годом раньше, в период, на который, по-видимому направлена фантазия Ганса, ко времени приезда в Гмунден жена находилась в конце 5-го месяца беременности.

Я: «Ведь в прошлом году Анна была уже на свете?»

Ганс: «В прошлом году она ездила в коляске, но годом раньше, когда уже она у нас была на свете... »

Я: «Анна уже была у нас?»

Ганс: «Да, ведь ты же всегда ездил со мной в лодке, и Анна помогала тебе».

Я: «Но ведь это происходило не в прошлом году. Анны тогда еще не было вовсе на свете».

Ганс: «Да, тогда уже она была на свете. Когда она ехала в ящике, она уже могла ходить и говорить: «Анна». (Она научилась этому только 4 месяца назад.)

Я: «Но она тогда ведь не была еще у нас».

Ганс: «О, да, тогда она все-таки была у аиста».

Я: «А сколько лет Анне?»

Ганс: «Осенью ей будет два года; Анна была тогда, ведь ты это знаешь?»

Я: «А когда же она была у аиста в аистином ящике?»

Ганс: «Уже давно, еще до того, как она ехала в ящике. Уже очень давно».

Я: «А когда Анна научилась ходить? Когда она была в Гмундене, она ведь еще не умела ходить».

Ганс: «В прошлом году — нет, а то умела».

Я: «Но Анна только раз была в Гмундене».

Ганс: «Нет! Она была два раза; да, это верно. Я это очень хорошо помню. Спроси только маму, она тебе это уже скажет».

Я: «Ведь это уже неверно».

Ганс: «Да, это верно. Когда она в первый раз была в Гмундене, она могла уже ходить и ездить верхом, а уже позже нужно было ее нести... Нет, она только позже ездила верхом, а в прошлом году ее нужно было нести».

Я: «Но она ведь только недавно начала ходить. В Гмундене она еще не умела ходить».

Ганс: «Да, запиши себе только. Я могу очень хорошо вспомнить. Почему ты смеешься?»

Я: «Потому, что ты плут, ты очень хорошо знаешь, что Анна была только раз в Гмундене».

Ганс: «Нет, это неверно. В первый раз она ехала верхом на лошади... а во второй раз» (по-видимому, начинает терять уверенность).

Я: «Быть может, мама была лошадью?»

Ганс: «Нет, на настоящей лошади в одноконном экипаже».

Я: «Но мы ведь всегда ездили на паре».

Ганс: «Тогда это был извозчичий экипаж».

Я: «Что Анна ела в ящике?»

Ганс: «Ей дали туда бутерброд, селедку и редиску (гмунденовский ужин), и так как

Анна ехала, она намазала себе бутерброд и 50 раз ела».

Я: «И она не кричала?»

Ганс: «Нет».

Я: «Что же она делала?»

Ганс: «Сидела там совершенно спокойно».

Я: «И не стучала?»

Ганс: «Нет, она все время ела и ни разу даже не пошевелилась. Она выпила два больших горшка кофе — до утра ничего не осталось, а весь сор она оставила в ящике, и листья от редиски, и ножик, она все это прибрала, как заяц, и в одну минуту была уже готова. Вот была спешка! Я даже сам с Анной ехал в ящике, и я в ящике спал всю ночь (мы на самом деле года два назад ночью ездили в Гмунден), а мама ехала в купе; мы все время ели и в вагоне, это было очень весело... Она вовсе не ехала верхом на лошади (он теперь уже колеблется, так как знает, что мы ехали в парном экипаже)... она сидела в экипаже. Это уже верно, но я ехал совсем один с Анной... мама ехала верхом на лошади, а Каролина (прошлогодняя прислуга) ехала на другой... Слушай, все, что я тебе тут рассказываю, все неверно».

Я: «Что неверно?»

Ганс: «Все не так. Послушай. Мы посадим ее и меня в ящик (Ящик для гмунденовского багажа, который стоит в передней.), а я в ящике сделаю wiwi . И я сделаю wiwi в панталоны, мне это все равно, это совсем не стыдно. Слушай, это серьезно, а все-таки очень весело!»

Затем он рассказывает историю, как вчера, о приходе аиста, но не говорит, что аист при уходе взял шляпу.

Я: «Где же у аиста был ключ от дверей?»

Ганс: «В кармане».

Я: «А где у аиста карман?»

Ганс: «В клюве».

Я: «В клюве? Я еще не видел ни одного аиста с ключом в клюве».

Ганс: «А как же он мог войти? Как входит аист в двери? Это неверно, я ошибся, аист позвонил, и кто-то ему открыл дверь».

Я: «Как же он звонит?»

Ганс: «В звонок».

Я: «Как он это делает?»

Ганс: «Он берет клюв и нажимает им звонок».

Я: «И он опять запер дверь?»

Ганс: «Нет, прислуга ее заперла. Она уже проснулась. Она отперла ему дверь и заперла».

Я: «Где живет аист?»

Ганс: «Где? В ящике, где он держит девочек. Может быть, в Шёнбрунне».

Я: «Я в Шёнбрунне не видел никакого ящика».

Ганс: «Он, вероятно, находится где-то подальше. Знаешь, как аист открывает ящик? Он берет клюв — в ящике есть замок — и одной половинкой его так открывает (демонстрирует это мне на замке письменного стола). Тут есть и ручка».

Я: «Разве такая девочка не слишком тяжела для аиста?»

Ганс: «О, нет!»

Я: «Послушай, не похож ли омнибус на ящик аиста?»

Ганс: «Да!»

Я: «И мебельный фургон?»

Ганс: «Гадкий фургон — тоже».

17 апреля. Вчера Ганс вспомнил свое давнишнее намерение и пошел во двор, находящийся напротив нашего дома. Сегодня он этого уже не хотел сделать, потому что как раз против ворот у платформы стоял воз. Он сказал мне: «Когда там стоит воз, я боюсь, что я стану дразнить лошадей, они упадут и произведут ногами шум».

Я: «А как дразнят лошадей?»

Ганс: «Когда их ругают, тогда дразнят их, и когда им кричат но-но» (Часто, когда кучера били и понукали лошадей, на него находил большой страх.).

Я: «Ты дразнил уже лошадей?»

Ганс: «Да, уже часто. Я боюсь, что я это сделаю, но это не так».

Я: «В Гмундене ты уже дразнил лошадей?»

Ганс: «Нет».

Я: «Но ты охотно дразнишь лошадей?»

Ганс: «Да, очень охотно».

Я: «Тебе хотелось и стегнуть их кнутом?»

Ганс: «Да».

Я: «Тебе хотелось бы так бить лошадей, как мама бьет Анну. Ведь тебе это тоже приятно?»

Ганс: «Лошадям это не вредно, когда их бьют. (Я так ему говорил в свое время, чтобы умерить его страх перед битьем лошадей.) Я это однажды на самом деле сделал. У меня однажды был кнут, и я ударил лошадь, она упала и произвела ногами шум».

Я: «Когда?»

Ганс: «В Гмундене».

Я: «Настоящую лошадь? Запряженную в экипаж?»

Ганс: «Она была без экипажа».

Я: «Где же она была?»

Ганс: «Я ее держал, чтобы она не убежала». (Все это, конечно, весьма невероятно.)

Я: «Где это было?»

Ганс: «У источника».

Я: «Кто же тебе это позволил? Разве кучер ее там оставил?»

Ганс: «Ну, лошадь из конюшни».

Я: «Как же она пришла к источнику?»

Ганс: «Я ее привел».

Я: «Откуда? Из конюшни?»

Ганс: «Я ее вывел потому, что я хотел ее побить».

Я: «Разве в конюшне никого не было?»

Ганс: «О, да, Людвиг (кучер в Гмундене)».

Я: «Он тебе это позволил?»

Ганс: «Я с ним ласково поговорил, и он сказал, что я могу это сделать».

Я: «А что ты ему сказал?»

Ганс: «Можно ли мне взять лошадь, бить ее и кричать. А он сказал — да».

Я: «А ты ее много бил?»

Ганс: «Все, что я тебе тут рассказываю, совсем неверно».

Я: «А что же из этого верно?»

Ганс: «Ничего не верно. Я тебе все это рассказал только в шутку».

Я: «Ты ни разу не уводил лошадь из конюшни?»

Ганс: «О, нет!»

Я: «Но тебе этого хотелось?»

Ганс: «Конечно, хотелось. Я себе об этом думал».

Я: «В Гмундене?»

Ганс: «Нет, только здесь. Я себе уже об этом думал рано утром, когда я только что оделся; нет, еще в постели».

Я: «Почему же ты об этом мне никогда не рассказывал?»

Ганс: «Я об этом не подумал».

Я: «Ты думал об этом, потому что видел это на улицах».

Ганс: «Да!»

Я: «Кого, собственно, тебе хотелось бы ударить — маму, Анну или меня?»

Ганс: «Маму».

Я: «Почему?»

Ганс: «Вот ее я хотел бы побить».

Я: «Когда же ты видел, что кто-нибудь бьет маму?»

Ганс: «Я этого еще никогда не видел, во всей моей жизни».

Я: «И ты все-таки хотел бы это сделать? Как бы ты это хотел сделать?»

Ганс: «Выбивалкой». (Мама часто грозит ему побить его выбивалкой.)

На сегодня я должен был прекратить разговор.

На улице Ганс разъясняет мне: омнибусы, мебельные, угольные возы — все это аистиные ящики».

Это должно означать — беременные женщины. Садистский порыв непосредственно перед разговором имеет, вероятно, отношение к нашей теме.

«21 апреля. Сегодня утром Ганс рассказывает, что он себе подумал: «Поезд был в Лайнце, и я поехал с лайнцской бабушкой в таможню. Ты еще не сошел с моста, а второй поезд был уже в Сан-Байт. Когда ты сошел, поезд

уже пришел, и тут мы вошли в вагон».

(Вчера Ганс был в Лайнце. Чтобы войти на перрон, нужно пройти через мост. С перрона вдоль рельсов видна дорога до самой станции Сан-Байт. Здесь дело не совсем ясно. Вероятно, вначале Ганс представлял себе, что он уехал с первым поездом, на который я опоздал. Потом пришел с полустанка Сан-Байт другой поезд, на котором я и поехал. Он изменил часть этой фантазии о бегстве, и у него вышло, что мы оба уехали со вторым поездом.

Эта фантазия имеет отношение к последней неистолкованной, по которой мы в Гмундене потратили слишком много времени на переодевание в вагоне, пока поезд не ушел оттуда.)

После обеда мы перед домом. Ганс вбегает внезапно в дом, когда проезжает парный экипаж, в котором я не могу заметить ничего необыкновенного. Я спрашиваю его, что с ним. Он говорит: «Я боюсь, потому что лошади так горды, что они упадут». (Лошади были сдерживаемы на вожжах кучером и шли мелким шагом с поднятой головой,— они, действительно, шли «гордо».)

Я спрашиваю его, кто, собственно, так горд?

Он: «Ты, когда я иду к маме в кровать».

Я: «Ты, значит, хотел бы, чтобы я упал?»

Он: «Да, чтобы ты голый (он думает: босой, как в свое время Фриц) ушибся о камень, чтобы потекла кровь; по крайней мере я смогу хоть немножко побыть с мамой наедине. Когда ты войдешь в квартиру, я смогу скоро убежать, чтобы ты этого не видел».

Я: «Ты можешь вспомнить, кто ушибся о камень?»

Он: «Да, Фриц».

Я: «Что ты себе думал, когда упал Фриц?»

Он: «Чтобы ты споткнулся о камень и упал».

Я: «Тебе, значит, сильно хотелось к маме?»

Он: «Да!»

Я: «А почему я, собственно, ругаюсь?»

Он: «Этого я не знаю (!!)».

Я: «Почему?»

Он: «Потому что ты ревнуешь».

Я: «Ведь это неправда».

Он: «Да, это правда, ты ревнуешь, я это знаю. Это, должно быть, верно».

По-видимому, мое объяснение, что маленькие мальчики приходят к маме в кровать, а большие спят в собственной кровати, мало импонировало ему.

Я подозреваю, что желание дразнить лошадь, бить и кричать на нее относится не к маме, как он говорил, а ко мне. Он тогда указал на мать, потому что не решился мне

сознаться в другом. В последние дни он особенно нежен по отношению ко мне».

С чувством превосходства, которое так легко приобретается «потом», мы можем внести поправку в предположения отца, что желание Ганса дразнить лошадь двойное и составилось из темного садистского чувства по отношению к матери и ясного желания мести по отношению к отцу. Последнее не могло быть репродуцировано раньше, чем в связи с комплексом беременности не наступила очередь первого. При образовании фобии из бессознательных мыслей происходит процесс сгущения; поэтому пути психоанализа никогда не могут повторить пути развития невроза.

«22 апреля. Сегодня утром Ганс опять «что-то подумал». «Один уличный мальчишка ехал в вагончике; пришел кондуктор, раздел мальчишку донага и оставил его там до утра, а утром мальчик заплатил кондуктору 50 000 гульденов, чтобы тот позволил ему ехать в этом вагончике».

(Против нас проходит Северная железная дорога. На запасном пути стоит дрезина. На ней Ганс видел мальчишку, и ему самому хотелось прокатиться на ней. Я ему сказал, что этого нельзя делать, а то придет кондуктор. Второй элемент фантазии — вытеснение желания обнажаться.)»

Мы замечаем уже некоторое время, что фантазия Ганса работает «под знаком способов передвижения» и с известной последовательностью идет от лошади, которая тащит воз, к железной дороге. Так ко всякой боязни улиц со временем присоединяется страх перед железной дорогой.

«Днем я узнаю, что Ганс все утро играл с резиновой куклой, которую он называл Гретой. Через отверстие, в которое раньше был вделан свисток, он воткнул в середину маленький перочинный ножик, а затем для того, чтобы ножик выпал из куклы, оторвал ей ноги. Няне он сказал, указывая на соответствующее место: «Смотри, здесь Wiwimacher».

Я: «Во что ты сегодня играл с куклой?»

Он: «Я оторвал ей ноги, знаешь, почему? Потому что внутри был ножичек, который принадлежал маме. Я всунул его туда, где пуговка пищит, а потом я вырвал ноги, и оттуда ножик и выпал».

Я: «Зачем же ты оторвал ноги? Чтобы ты мог видеть Wiwimacher ?»

Он: «Он и раньше там был, так что я его мог видеть».

Я: «А зачем же ты всунул нож?»

Он: «Не знаю».

Я: «А как выглядит ножичек?»

Он приносит мне его.

Я: «Ты думаешь, что это, быть может, маленький ребенок?»

Он: «Нет, я себе ничего не думал, но мне кажется, что аист или кто другой однажды получил маленького ребенка».

Я: «Когда?»

Он: «Однажды. Я об этом слышал, или я вовсе не слышал, или заговорился».

Я: «Что значит заговорился?»

Он: «Это неверно».

Я: «Все, что ни говорят, немножко верно».

Он: «Ну да, немножко».

Я (сменяя тему): «Как, по-твоему, появляются на свет цыплята?»

Он: «Аист выращивает их, нет, боженька».

Я объясняю ему, что курицы несут яйца, а из яиц выходят цыплята. Ганс смеется.

Я: «Почему ты смеешься?»

Ганс: «Потому что мне нравится то, что ты рассказываешь».

Он говорит, что он это уже видел.

Я: «Где же?»

Он: «У тебя».

Я: «Где же я нес яйца?»

Ганс: «В Гмундене ты положил яйцо в траву, и тут вдруг выскочил цыпленок. Ты однажды положил яйцо — это я знаю, я знаю это совершенно точно, потому что мне это мама рассказывала».

Я: «Я спрошу маму, правда ли это».

Ганс: «Это совсем неверно, но я уже раз положил яйцо, и оттуда выскочила курочка».

Я: «Где?»

Ганс: «В Гмундене; я лег в траву, нет, стал на колени, и дети тут совсем не смотрели, а наутро я и сказал им: «Ищите, дети, я вчера положил яйцо». И тут они вдруг посмотрели и вдруг нашли яйцо, и тут из него вышел маленький Ганс. Чего же ты смеешься? Мама этого не знает, и Каролина этого не знает, потому что никто не смотрел, а я вдруг положил яйцо, и вдруг оно там оказалось. Верно. Папа, когда вырастает курочка из яйца? Когда его оставляют в покое? Можно его есть?»

Я объясняю ему это.

Ганс: «Ну да, оставим его у курицы, тогда вырастет цыпленок. Упакуем его в ящик и отправим в Гмунден».

Ганс смелым приемом захватил в свои руки ведение анализа, так как родители медлили с давно необходимыми разъяснениями, и в блестящей форме симптоматического действия показал: «Видите, я так представляю себе рождение».

То, что он рассказывал няне о смысле его игры с куклой, было неискренне, а перед отцом он это прямо отрицает и говорит, что он только хотел видеть Wiwimacher . После того как отец в виде уступки рассказывает о происхождении цыплят из яиц, его неудовлетворенность, недоверие и имеющиеся знания соединяются для великолепной насмешки, которая в последних словах содержит уже определенный намек на рождение сестры.

«Я: «Во что ты играл с куклой?»

Ганс: «Я говорил ей: Грета».

Я: «Почему?»

Ганс: «Потому что я говорил — Грета».

Я: «Кого же ты изображал?»

Ганс: «Я ее нянчил как настоящего ребенка».

Я: «Хотелось бы тебе иметь маленькую девочку?»

Ганс: «О, да. Почему нет? Я бы хотел иметь, но маме не надо иметь, я этого не хочу».

(Так он уже часто говорил. Он боится, что третий ребенок еще больше сократит его права.)

Я: «Ведь только у женщины бывают дети».

Ганс: «У меня будет девочка».

Я: «Откуда же ты ее получишь?»

Ганс: «Ну, от аиста. Он вынет девочку, положит девочку в яйцо, и из яйца тогда выйдет еще одна Анна, еще одна

Анна. А из Анны будет еще одна Анна. Нет, выйдет только одна Анна».

Я: «Тебе бы очень хотелось иметь девочку?»

Ганс: «Да, в будущем году у меня появится одна, которая тоже будет называться Анна».

Я: «Почему же мама не должна иметь девочки?»

Ганс: «Потому что я хочу иметь девочку».

Я: «Но у тебя же не может быть девочки».

Ганс: «О, да, мальчик получает девочку, а девочка получает мальчика» (Опять отрывок из детской сексуальной теории с неожиданным смыслом.).

Я: «У мальчика не бывает детей. Дети бывают только у женщин, у мам».

Ганс: «Почему не у меня?»

Я: «Потому что так это устроил господь бог».

Ганс: «Почему у тебя не может быть ребенка? О, да, у тебя уже будет, подожди

только».
Я: «Долго мне придется ждать?»
Ганс: «Ведь я принадлежу тебе?»
Я: «Но на свет принесла тебя мама. Значит, ты принадлежишь маме и мне».
Ганс: «А Анна принадлежит мне или маме?»
Я: «Маме».
Ганс: «Нет, мне. А почему не мне и маме?»
Я: «Анна принадлежит мне, маме и тебе».
Ганс: «Разве вот так!»
Естественно, что ребенку недостает существенной части в понимании сексуальных отношений до тех пор, пока для него остаются неоткрытыми женские гениталии.
«24 апреля мне и моей жене удается разъяснить Гансу, что дети вырастают в самой маме и потом они при сильных болях, с помощью напряжения, как Lumpf , выходят на свет.
После обеда мы сидим перед домом. У него наступило уже заметное улучшение — он бежит за экипажами, и только то обстоятельство, что он не решается отойти далеко от ворот, указывает на остатки страха.
25 апреля Ганс налетает на меня и ударяет головой в живот, что случилось уже однажды. Я спрашиваю его, не коза ли он. Он говорит: «Нет, баран».— «Где ты видел барана?»
Он: «В Гмундене. У Фрица был баран» (у Фрица была для игры маленькая живая овца).
Я: «Расскажи мне об овечке — что она делала?»
Ганс: «Знаешь, фрейлейн Мицци (учительница, которая жила в доме) сажала всегда Анну на овечку, так что овечка не могла встать и не могла бодаться. А когда от нее отходят, она бодается, потому что у нее есть рожки. Вот Фриц водит ее на веревочке и привязывает к дереву. Он всегда привязывает ее к дереву».
Я: «А тебя овечка боднула?»
Ганс: «Она вскочила на меня; Фриц меня однажды подвел. Я раз подошел к ней и не знал, а она вдруг на меня вскочила. Это было очень весело — я не испугался».
Это, конечно, неправда.
Я: «Ты папу любишь?»
Ганс: «О, да!»
Я: «А может быть, и нет».
Ганс играет маленькой лошадкой. В этот момент лошадка падает. Он кричит: «Упала лошадка! Смотри, какой шум она делает!»
Я: «Ты немного злишься на папу за то, что мама его любит».
Ганс: «Нет».
Я: «Почему же ты так всегда плачешь, когда мама целует меня? Потому что ты ревнив?»
Ганс: «Да, пожалуй».
Я: «Тебе бы, небось, хотелось быть папой?»
Ганс: «О, да».
Я: «А что бы ты захотел сделать, если бы ты был папой?»
Ганс: «А ты Гансом? Я бы тогда возил тебя каждое воскресенье в Лайнц, нет, каждый будний день. Если бы я был папой, я был бы совсем хорошим».
Я: «А что бы ты делал с мамой?»
Ганс: «Я брал бы ее тоже в Лайнц».
Я: «А что еще?»
Ганс: «Ничего».
Я: «А почему же ты ревнуешь?»
Ганс: «Я этого не знаю».
Я: «А в Гмундене ты тоже ревновал?»
Ганс: «В Гмундене — нет (это неправда). В Гмундене я имел свои вещи, сад и детей».

Я: «Ты можешь вспомнить, как у коровы родился теленок?»

Ганс: «О, да. Он приехал туда в тележке. (Это, наверно, ему рассказали в Гмундене. И здесь — удар по теории об аисте.) А другая корова выжала его из своего зада». (Это уже результат разъяснения которое он хочет привести в соответствие с «теорией о тележке».)

Я: «Ведь это неправда, что он приехал в тележке, ведь он вышел из коровы, которая была в стойле».

Ганс, оспаривая это, говорит, что он видел утром тележку. Я обращаю его внимание на то, что ему, вероятно, рассказали про то, что теленок прибыл в тележке. В конце концов он допускает это: «Мне, вероятно, это рассказывала Берта, или нет, или, может быть, хозяин. Он был при этом, и это ведь было ночью,— значит, это все так, как я тебе говорю; или, кажется, мне про это никто не говорил, а я думал об этом ночью».

Если я не ошибаюсь, теленка увезли в тележке; отсюда и путаница.

Я: «Почему ты не думал, что аист принес его?»

Ганс: «Я этого не хотел думать».

Я: «Но ведь ты думал, что аист принес Анну?»

Ганс: «В то утро (родов) я так и думал. Папа, а г-н Райзенбихлер (хозяин) был при том, как теленок вышел из коровы?» (Ганс, имеющий основание относиться недоверчиво к показаниям взрослых, теперь соображает, не заслуживает ли хозяин большего доверия, чем отец.)

Я: «Не знаю. А ты как думаешь?»

Ганс: «Я уже верю... Папа, ты часто видел у лошади что-то черное вокруг рта?»

Я: «Я это уже много раз видел на улице в Гмундене» (Связь здесь следующая: по поводу черного у рта лошади отец долго не хотел ему верить, пока, наконец, истина не выяснилась.).

Я: «В Гмундене ты часто бывал в кровати у матери?»

Ганс: «Да!»

Я: «И ты себе вообразил, что ты папа!»

Ганс: «Да!»

Я: «И тогда у тебя был страх перед папой?»

Ганс: «Ведь ты все знаешь, я ничего не знал».

Я: «Когда Фриц упал, ты думал: «если бы так папа упал», и когда овечка тебя боднула, ты думал: «если бы она папу боднула». Ты можешь вспомнить о похоронах в Гмундене?» (Первые похороны, которые видел Ганс. Он часто вспоминает о них — несомненное покрывающее воспоминание.)

Ганс: «Да, а что там было?»

Я: «Ты думал тогда, что если бы умер папа, ты был бы на его месте?»

Ганс: «Да!»

Я: «Перед какими возами ты, собственно, еще испытываешь страх?»

Ганс: «Перед всеми».

Я: «Ведь это неправда?»

Ганс: «Перед пролетками и одноконными экипажами я страха не испытываю. Перед омнибусами и вьючными возами только тогда когда они нагружены, а когда они пусты, не боюсь. Когда воз нагружен доверху и при нем одна лошадь, я боюсь, а когда он нагружен и впряжены две лошади, я не боюсь».

Я: «Ты испытываешь страх перед омнибусами потому, что на них много людей?»

Ганс: «Потому, что на крыше так много поклажи».

Я: «А мама, когда она получила Анну, не была тоже нагружена?»

Ганс: «Мама будет опять нагружена, когда она опять получит ребенка, пока опять один вырастет и пока опять один будет там внутри».

Я: «А тебе бы этого хотелось?»

Ганс: «Да!»

Я: «Ты говорил, что не хочешь, чтобы мама получила еще одного младенца».

Ганс: «Тогда она больше не будет нагружена. Мама говорит, что когда она больше не захочет, то и бог этого не захочет». (Понятно, что Ганс вчера уже спрашивал, нет ли в маме еще детей. Я ему сказал, что нет и что если господь не захочет, в ней не будут расти дети.)

Ганс: «Но мне мама говорила, что когда она не захочет, больше у нее не вырастет детей, а ты говоришь, когда бог не захочет».

Я ему сказал, что это именно так, как я говорю, на что он заметил: «Ведь ты был при этом и знаешь это, наверно, лучше». Он вызвал на разговор и мать, и та примирила оба показания, сказав, что когда она не захочет, то и бог не захочет (Ce que femme veut, dieu le veut. Умный Ганс и здесь додумался до очень серьезной проблемы.).

Я: «Мне кажется, что ты все-таки хотел бы, чтобы у мамы был ребенок?»

Ганс: «А иметь его я не хочу».

Я: «Но ты этого желаешь?»

Ганс: «Пожалуй, желаю».

Я: «Знаешь, почему? Потому что тебе хотелось бы быть папой».

Ганс: «Да... Как эта история?»

Я: «Какая история?»

Ганс: «У папы не бывает детей, а как потом говорится в истории, когда я хотел бы быть папой?»

Я: «Ты хотел бы быть папой и женатым на маме, хотел бы быть таким большим, как я, иметь такие же усы, как у меня, и ты хотел бы, чтобы у мамы был ребенок».

Ганс: «Папа, когда я буду женатым, у меня будет ребенок только тогда, когда я захочу, а когда я не захочу, то и бог не захочет».

Я: «А тебе хотелось бы быть женатым на маме?»

Ганс: «О, да».

Здесь ясно видно, как в фантазии радость еще омрачается из-за неуверенности относительно роли отца и вследствие сомнений в том, от кого зависит деторождение.

«Вечером в тот же день Ганс, когда его укладывают в постель, говорит мне: «Послушай, знаешь, что я теперь делаю? Я теперь до 10 часов еще буду разговаривать с Гретой, она у меня в кровати. Мои дети всегда у меня в кровати. Ты мне можешь сказать, что это означает». Так как он уже совсем сонный, я обещаю ему записать это завтра, и он засыпает».

Из прежних записей видно, что Ганс со времени возвращения из Гмундена всегда фантазирует о своих «детях», ведет с ними разговоры и т. д. (Нет необходимости видеть здесь в этой страсти к обладанию детьми женскую черту. Так как он самые счастливые переживания испытывал рядом с матерью как ребенок, он теперь воспроизводит их в активной роли, причем он сам изображает мать.).

«26 апреля я его спрашиваю: почему он всегда говорит о своих детях?

Ганс: «Почему? Потому что мне так хочется иметь детей, но я этого не хочу, мне не хотелось бы их иметь» (Это столь удивительное противоречие — то же, что и между фантазией и действительностью, «желать» и «иметь». Он знает, что в действительности он ребенок и другие дети мешали бы ему, а в своей фантазии он — мать и хочет иметь детей, чтобы иметь возможность повторить на них пережитые им ласки.)

Я: «Ты себе всегда так представлял, что Берта, Ольга и т. д. твои дети?»

Ганс: «Да, Франц, Фриц, Поль (его товарищ в Лайнце) и Лоди». (Вымышленное имя, его любимица, о которой он чаще всего говорит. Я отмечаю здесь, что эта Лоди появилась не только в последние дни, но существует со дня последнего разъяснения (24 апреля).)

Я: «Кто эта Лоди? Она живет в Гмундене?»

Ганс: «Нет».

Я: «А существует на самом деле эта Лоди?»

Ганс: «Да, я знаю ее».

Я: «Которую?»

Ганс: «Ту, которая у меня есть».

Я: «Как она выглядит?»

Ганс: «Как? Черные глаза, черные волосы; я ее однажды встретил с Марикой (в Гмундене), когда я шел в город».

Когда я хочу узнать подробности, оказывается, что все это выдумано (Возможно, что Ганс случайно встреченную девочку возвел в идеал, который, впрочем, по цвету глаз и волос уподобил матери.)

Я: «Значит, ты думал, что ты мама?»

Ганс: «Я действительно и был мамой».

Я: «Что же ты, собственно, делал с детьми?»

Ганс: «Я их клал к себе спать, мальчиков и девочек».

Я: «Каждый день?»

Ганс: «Ну, конечно».

Я: «Ты разговаривал с ними?»

Ганс: «Когда не все дети влезали в постель, я некоторых клал на диван, а некоторых в детскую коляску, а когда еще оставались дети, я их нес на чердак и клал в ящик; там еще были дети, и я их уложил в другой ящик».

Я: «Значит, аистиные ящики стояли на чердаке?»

Ганс: «Да».

Я: «Когда у тебя появились дети, Анна была уже на свете?»?

Ганс: «Да, уже давно».

Я: «А как ты думал, от кого ты получил этих детей?»

Ганс: «Ну, от меня» (Иначе, как с точки зрения аутоэротизма, Ганс и не может ответить.)

Я: «Ведь тогда ты еще не знал, что дети рождаются кем-нибудь?»

Ганс: «Я себе думал, что их принес аист». (Очевидно, ложь и увертка (Это — дети фантазии, онанизма.))

Я: «Вчера у тебя была Грета, но ты ведь знаешь, что мальчик не может иметь детей».

Ганс: «Ну да, но я все-таки в это верю».

Я: «Как тебе пришло в голову имя Лоди? Ведь так ни одну девочку не зовут. Может быть, Лотти?»

Ганс: «О нет, Лоди. Я не знаю, но ведь это все-таки красивое имя».

Я (шутя): «Может быть, ты думаешь, Шоколоди?»

Ганс (сейчас же): « Saffalodi (Saffaladi — сервелатная колбаса. Моя жена иногда рассказывает, что ее тетка говорила всегда Soffilodi . Ганс, быть может, слышал это.)... потому что я так люблю есть колбасу и салями».

Я: «Послушай, не выглядит ли Saffalodi как Lumpf ?»

Ганс: «Да!»

Я: «А как выглядит Lumpf?»

Ганс: «Черным. Как это и это» (показывает на мои брови и усы).

Я: «А как еще — круглый, как Saffalodi ?»

Ганс: «Да».

Я: «Когда ты сидел на горшке и когда выходил Lumpf, ты думал себе, что у тебя появляется ребенок?»

Ганс (смеясь): «Да, на улице и здесь».

Я: «Ты знаешь, как падали лошади в омнибусе. Ведь воз выглядит как детский ящик, и когда черная лошадь падала, то это было так... »

Ганс (дополняет): «Как когда имеют детей».

Я: «А что ты себе думал, когда она начала топать ногами?»

Ганс: «Ну, когда я не хочу сесть на горшочек, а лучше хочу играть, я так топаю ногами». (Тут же он топает ногой.)

При этом он интересуется тем, охотно или неохотно имеют детей.

Ганс сегодня все время играет в багажные ящики, нагружает их и разгружает, хочет

иметь игрушечный воз с такими ящиками. Во дворе таможни его больше всего интересовали погрузка и разгрузка возов. Он и пугался больше всего в тот момент, когда нагруженный воз должен был отъехать. «Лошади упадут (fallen)» (Не означает ли это "niederkommen" [разрешиться .от бремени, букв. «опадать»], когда женщина родит?). Двери таможни он называл «дырами» (Loch) (первая, вторая, третья... дыра). Теперь он говорит Podlloch (anus).

Страх почти совершенно прошел. Ганс старается только оставаться вблизи дома, чтобы иметь возможность вернуться в случае испуга. Но он больше не вбегает в дом, и все время остается на улице. Его болезнь, как известно, началась с того, что он плача вернулся с прогулки, и когда его второй раз заставили идти гулять, он дошел только до городской станции «Таможня», с которой виден еще наш дом. Во время родов жены он, конечно, был удален от нее, и теперешний страх, мешающий ему удалиться от дома, соответствует тогдашней тоске по матери».

«30 апреля. Так как Ганс опять играет со своими воображаемыми детьми, я говорю ему: «Как, дети твои все еще живут? Ведь ты знаешь, что у мальчика не бывает детей».

Ганс: «Я знаю это. Прежде я был мамой, а теперь я папа».

Я: «А кто мать этих детей?»

Ганс: «Ну, мама, а ты дедушка».

Я: «Значит, ты хотел бы быть взрослым, как я, женатым на маме, и чтобы у нее были дети?»

Ганс: «Да, мне хотелось бы, а та из Лайнца (моя мать) тогда будет бабушкой».

Все выходит хорошо. Маленький Эдип нашел более счастливое разрешение, чем это предписано судьбой. Он желает отцу вместо того, чтобы устранить его, того же счастья, какое он требует и для себя; он производит отца в дедушки и женит на его собственной матери.

«1 мая. Ганс днем приходит ко мне и говорит: «Знаешь, что? Напишем кое-что для профессора».

Я: «А что?»

Ганс: «Перед обедом я со всеми своими детьми был в клозете. Сначала я делал Lumpf и wiwi , а они смотрели. Потом я их посадил, они делали Lumpf и wiwi, а я их вытер бумажкой. Знаешь, почему? Потому что мне очень хотелось бы иметь детей; я бы делал с ними все, что делают с маленькими детьми, водил бы их в клозет, обмывал и подтирал бы их, все, что делают с детьми».

После признания в этой фантазии вряд ли можно еще сомневаться в удовольствии, которое связано у Ганса с экскрементальными функциями.

«После обеда он в первый раз решается пойти в городской парк. По случаю 1 мая на улице меньше, чем обычно, но все же достаточно экипажей, которые на него до сих пор наводили страх. Он гордится своим достижением, и я должен с ним вечером еще раз пойти в городской парк. На пути мы встречаем омнибус, который он мне указывает: смотри, вот воз, воз для аистиного ящика! Когда он утром идет со мной опять в парк, он ведет себя так, что его болезнь можно считать излеченной.

2 мая Ганс рано утром приходит ко мне: «Слушай, я сегодня себе что-то думал». Сначала он это забыл, а потом рассказывает мне со значительными сопротивлениями: «Пришел водопроводчик и сначала клещами отнял у меня мой зад и дал мне другой, а потом и другой Wiwimacher. Он сказал мне: «Покажи мне зад», и я должен был повернуться, а потом он мне сказал: «Покажи мне Wiwimacher ».

Отец улавливает смысл этой фантазии-желания и ни минуты не сомневается в единственно допустимом толковании.

«Я: «Он дал тебе больший Wiwimacher и больший зад».

Ганс: «Да!»

Я: «Как у папы, потому что ты очень хотел бы быть папой».

Ганс: «Да, и мне хотелось бы иметь такие же усы, как у тебя, и такие же волосы

(показывает волосы на моей
груди)».

Толкование недавно рассказанной фантазии — водопроводчик пришел и отвинтил ванну, а потом воткнул мне бурав в живот — сводится теперь к следующему. Большая ванна обозначает зад. Бурав или отвертка, как это и тогда указывалось,— Wiwimacher (Может быть, следует прибавить, что слово «бурав» имеет отношение к слову «родить» (Bohrer — geboren , Geburt). Ребенок не отличает gebohrt от geboren . Я принимаю это предположение, высказанное опытным коллегой, но сомневаюсь, имеем ли мы здесь дело с глубокой общей связью или только с использованием случайного созвучия в немецком языке. И Прометей (Праманта) — создатель людей — этимологически соответствует бураву.). Эти фантазии идентичны. Тут открывается также новый подход к страху Ганса перед большой ванной. Ему неприятно, что его зад слишком мал для большой ванны».

В следующие дни мать несколько раз обращается ко мне с выражением своей радости по поводу выздоровления мальчика.

Дополнение, сделанное отцом спустя неделю.

«Уважаемый профессор! Я хотел бы дополнить историю болезни Ганса еще нижеследующим.

1. Ремиссия после первого разъяснения не была настолько совершенна, насколько я ее, быть может, изобразил. Ганс во всяком случае шел гулять, но под принуждением и большим страхом.

Один раз он дошел со мной до станции «Таможня», откуда виден наш дом, а дальше ни за что не хотел идти.

2. К словам «малиновый сок» и «ружье». Малиновый сок Ганс получает при запоре. Ружье — Schie?gewehr . Ганс часто смешивает слова schie?en и schei?en — стрелять и испражняться.

3. Когда Ганса перевели из нашей спальни в отдельную комнату, ему было приблизительно четыре года.

4. Следы остались еще теперь и выражаются не в страхе, а во вполне нормальной страсти к вопросам. Вопросы относятся преимущественно к тому, из чего делаются различные предметы (трамваи, машины и т. д.), кто их делает и т. д. Характерно для большинства вопросов, что Ганс задает их несмотря на то, что у него для себя ответ уже готов. Он хочет только удостовериться. Когда он меня однажды своими вопросами довел до утомления и я сказал ему: «Разве ты думаешь, что я могу ответить на все твои вопросы?»— он ответил мне: «Я думал, что ты и это знаешь, раз ты знал о лошади».

5. О своей болезни Ганс говорит как о чем-то давно прошедшем: «тогда, когда у меня была глупость».

6. Неразрешенный остаток, над которым Ганс ломает себе голову, это: что делает с ребенком отец, раз мать производит его на свет. Это можно заключить из его вопросов. Не правда ли, я принадлежу также тебе (он думает), не только матери. Ему не ясно, почему он принадлежит мне. С другой стороны, у меня нет прямых доказательств, чтобы предполагать, как говорили вы, что он подглядел коитус родителей.

7. При изложении, быть может, следовало больше подчеркнуть силу страха. Иначе могут сказать: нужно было бы его основательно поколотить, и он бы тогда пошел гулять».

Я здесь же могу прибавить: с последней фантазией Ганса был побежден страх, исходящий из кастрационного комплекса, причем томительное ожидание превратилось в надежду на лучшее. Да, приходит врач, водопроводчик и т. п., отнимает пенис, но только для того, чтобы дать ему больший. Что касается остального, пусть наш маленький исследователь преждевременно приобретает опыт, что всякое знание есть только частица и что на каждой ступени знания всегда остается неразрешенный остаток.

Эпикриз

Это наблюдение над развитием и изменением фобии у 5-летнего мальчика я намерен исследовать с трех точек зрения: во-первых, насколько оно подтверждает положения, предложенные мною в 1905 г. в «Трех очерках по теории сексуальности»; во-вторых, что дает это Наблюдение к пониманию этой столь частой формы болезни; в-третьих , что можно извлечь из него для выяснения душевной жизни ребенка и для критики наших обычных программ воспитания.

I.

У меня складывается впечатление, что картина сексуальной жизни ребенка, представляющаяся из наблюдений над маленьким Гансом, хорошо согласуется с изображением, которое я дал в моей теории полового влечения на основании психоаналитических исследований над взрослыми. Но прежде чем я приступлю к исследованию деталей этого согласования, я должен ответить на два возражения которые могут возникнуть при оценке этого анализа. Первое возражение: быть может, Ганс ненормальный ребенок и, как видно из его болезни, он предрасположен к неврозу, т. е. маленький дегенерат, а поэтому, быть может, неуместно переносить наши заключения с больного на здоровых детей. На это возражение, которое не уничтожает, а только ограничивает ценность наблюдения, я отвечу позже. Второе и более строгое возражение — это то, что анализ ребенка его отцом, находящимся под влиянием моих теоретически взглядов, захваченным моими предвзятостями, вряд ли может иметь какую-нибудь объективную цену. Само собой понятно, что ребенок в высокой степени внушаем и, быть может, особенно по отношению к отцу. Чтобы угодить отцу, он даст взвалить на себя все что угодно, в благодарность за то, что тот с ним так много занимается; естественно, что все его продукции в идеях, фантазиях и снах идут в желательном для отца направлении. Короче, это опять все «внушение», которое у ребенка по сравнению со взрослым удается легче раскрыть.

Удивительно, я припоминаю время, когда я, 22 года назад, начал вмешиваться в научные споры, С какой насмешкой тогда старшее поколение невропогов и психиатров относилось к «внушению» и его влияниям. С того времени положение вещей совершенно изменилось: противодействие быстро перешло в готовность идти навстречу. И это произошло не только благодаря влиянию, которое в эти десятилетия приобрели работы Льебо, Бернгейма и их учеников, но еще вероятнее благодаря сделанному открытию, что использование этого модного термина «внушение» дает большую экономию в процессе мышления. Ведь никто не знает и не старается узнать, что такое внушение, откуда оно идет и когда оно имеет место. Достаточно, что все неудобное в психической жизни можно называть «внушением».

Я не разделяю излюбленного теперь взгляда, что детские показания все без исключения произвольны и не заслуживают доверия. В психическом вообще нет произвола. Недостоверность показаний у детей основана на преобладании фантазии, у взрослых — на преобладании предвзятых мнений. Вообще говоря, и ребенок не лжет без основания, и у него имеется даже большая любовь к правде, чем у взрослого. Было бы слишком несправедливо по отношению к Гансу отбросить все его показания. Можно вполне отчетливо исследовать, где он под давлением сопротивления лукавит или старается скрыть что-нибудь, где он во всем соглашается с отцом (и эти места совсем недоказательны) и, наконец, где он, освобожденный от давления, стремительно сообщает все, что является его внутренней правдой и что он до сих пор знал только один. Большей достоверности не дают и показания взрослых. Но остается все-таки сожалеть, что никакое изложение психоанализа не передает впечатлений, которые выносишь от него, и что окончательная убежденность никогда не наступает после чтения, а только после личного переживания. Но этот недостаток в одинаковой степени присущ и анализам взрослых.

Родители изображают Ганса веселым, откровенным, сердечным ребенком; таким он и должен быть, судя по воспитанию, которое дают ему родители, из которого исключены наши

обычные грехи воспитания. До тех пор, пока Ганс в веселой наивности производил свои исследования, не подозревая возможного появления конфликтов, он сообщал их без задержки, и наблюдения из периода до фобии можно принимать тут же без всякого сомнения. В период болезни и во время психоанализа у него возникает несоответствие между тем, что он говорит, и тем, что он думает. Причина этому отчасти та, что у него набирается слишком много бессознательного материала, чтобы он мог им сразу овладеть, а отчасти это внутренние задержки, происходящие от его отношений к родителям. Я утверждаю совершенно беспристрастно, что и эти последние затруднения оказались ничуть не больше, чем при анализах взрослых.

Конечно, при анализе приходилось говорить Гансу много такого, что он сам не умел сказать; внушать ему мысли, которые у него еще не успели появиться; приходилось направлять его внимание в сторону, желательную для отца. Все это ослабляет доказательную, силу анализа; но так поступают при всех психоанализах. Психоанализ не есть научное, свободное от тенденциозности исследование, а терапевтический прием, он сам по себе ничего не хочет доказать, а только кое-что изменить. Каждый раз в психоанализе врач дает пациенту ожидаемые сознательные представления, с помощью которых он был бы в состоянии познать бессознательное и воспринять его один раз в большем, другой раз в более скромном размере. И есть случаи, где требуется большая поддержка, а другие — где меньшая. Без подобной поддержки никто не обходится. То, с чем пациент может справиться сам, есть только легкое расстройство, а ничуть не невроз, который является совершенно чуждым для нашего Я. Чтобы осилить такой невроз, нужна помощь другого, и только если этот другой может помочь, тогда невроз излечим. Если же в самом существе психоза лежит отворачивание от «другого», как это, по-видимому, характерно для состояний dementia praecox (Раннего слабоумия. Одно из названий шизофрении), то такие психозы, несмотря на все наши усилия, окажутся неизлечимыми. Можно допустить, что ребенок, вследствие слабого развития его интеллектуальной системы, нуждается в особенно интенсивной помощи. Но все то, что врач сообщает больному, вытекает из аналитического опыта, и если врачебное вмешательство связывает и устраняет патогенный материал, то этот факт можно считать достаточно убедительным.

И все-таки наш маленький пациент во время анализа проявил достаточно самостоятельности, чтобы его можно было оправдать по обвинению во «внушаемости». Он, как все дети, без всякого внешнего побуждения применяет свои детские сексуальные теории к своему материалу. Эти теории слишком далеки от взрослого; в этом случае я даже сделал упущение, не подготовив отца к тому, что путь к теме о разрешении от беременности идет через экскрементальный комплекс. И то, что вследствие моей поспешности привело к затемнению части анализа, дало по крайней мере хорошее свидетельство в неподдельности и самостоятельности мыслительной работы у Ганса. Он вдруг заинтересовался экскрементами, в то время как отец, подозреваемый во внушении, еще не знал, что из этого выйдет. Столь же мало зависело от отца развитие обеих фантазий о водопроводчике, которые исходили из давно приобретенного «кастрационного комплекса». Я должен здесь сознаться в том, что я совершенно скрыл от отца ожидание этой связи из теоретического интереса, чтобы не ослабить силы столь трудно достигаемого доказательства.

При дальнейшем углублении в детали анализа мы встретим еще много новых доказательств в независимости нашего Ганса от «внушения», но здесь я прекращаю обсуждение первого возражения. Я знаю, что и этот анализ не убедит тех, кто не дает себя убедить, и продолжаю обработку этих наблюдений для тех читателей, которые уже имели случаи убедиться в объективности бессознательного патогенного материала. Я не могу не высказать приятной уверенности, что число последних все растет.

Первая черта, которую можно отнести к сексуальной жизни маленького Ганса, это необыкновенно живой интерес к своему Wiwimacher ' у , как он называет этот орган по одной из двух важных его функций, не оставленной без внимания в детской. Интерес этот делает его исследователем; таким образом он открывает, что на основании присутствия или

отсутствия этого органа можно отличать живое от неживого. Существование этой столь значительной части тела он предполагает у всех живых существ, которых он считает подобными себе; он изучает его на больших животных, делает предположения о существовании его у родителей, и даже сама очевидность не мешает ему констатировать наличность этого органа у новорожденной сестры. Можно сказать, что если бы ему пришлось признать отсутствие этого органа у подобного себе живого существа, это было бы слишком большим потрясением основ его «миросозерцания»—все равно, что этот орган отняли бы и у него. Поэтому, вероятно, угроза, содержащая в себе возможность потери Wiwimacher ' a , самым поспешным образом подвергается вытеснению, и ей придется обнаружить свое действие только впоследствии. В этом комплексе принимает участие мать, потому что прикосновение к этому органу доставляло ему ощущение удовольствия. Наш мальчик начал свою аутоэротическую сексуальную деятельность обычным и самым нормальным образом.

Удовольствие, испытываемое на собственном половом органе, переходит в удовольствие при разглядывании в его активной и пассивной форме; это то, что А. Адлер весьма удачно назвал скрещением влечения (Triebverschrankung). Мальчик ищет случая видеть Wiwimacher других лиц; у него развивается сексуальное любопытство, и ему нравится показывать свои половые органы. Один из его снов из начального периода вытеснения содержит желание, чтобы одна из его маленьких приятельниц помогала ему при мочеиспускании и таким образом могла видеть его половой орган. Сон этот доказывает, что его желание оставалось невытесненным. Более поздние сообщения подтверждают, что ему удавалось находить себе такого рода удовлетворение. Активные формы сексуального удовольствия от рассматривания вскоре связываются у него с определенным мотивом. Когда он повторно высказывает отцу и матери сожаление, что он никогда не видел их половых органов, то причиной этого является, вероятно, его желание сравнивать. Я всегда остается масштабом, которым оценивается мир; путем постоянного сравнения с собой научаешься понимать его. Ганс заметил, что большие животные имеют половой орган, намного больший, чем у него; поэтому он предполагает подобное же соотношение и для своих родителей и ему хотелось бы убедиться в этом. У мамы, думает он, наверное, такой же Wiwimacher , «как у лошади». Таким образом, у него уже готово утешение, что Wiwimacher будет расти вместе с ним; возникает впечатление, что желание ребенка быть большим он проецирует только на половые органы.

Итак, в сексуальной конституции маленького Ганса уже с самого начала зона половых органов оказывается более других эрогенных зон окрашенной чувством удовольствия.

Когда он в своей последней «фантазии о счастье», с которой кончилась его болезнь, имеет детей, водит их в клозет, заставляет их делать wiwi , подтирает их и делает с ними все то, что делают с детьми, то из этого можно, несомненно, сделать вывод, что все эти процедуры в его детские годы были для него источником наслаждения. Это наслаждение, которое он получал во время ухода со стороны матери, ведет его к выбору объекта, но все-таки нужно считать возможным, что он уже и раньше привык доставлять себе это наслаждение аутоэротическим путем, что он принадлежит к числу тех детей, которые любят задерживать экскременты до тех пор, пока выделение их не доставит им наслаждение. Я говорю лишь, что это возможно, потому что в анализе это не выяснено; «делание шума ногами», перед которым он позже испытывает страх, дает некоторые указания в этом направлении. В общем эти источники наслаждения не выделены у него так резко, как у других детей. Он вскоре стал опрятным; недержание мочи в постели и в течение дня не играло никакой роли в его первые годы; у него не было даже следа отвратительной для взрослых привычки играть своими экскрементами (эта привычка вновь часто появляется на исходе психической инволюции).

Отметим здесь же, что мы, несомненно, наблюдали у него в период фобии вытеснение этих обоих хорошо развитых у него компонентов. Он стыдится мочиться перед посторонними, он жалуется на себя за то, что кладет руку на свой Wiwimacher , старается

избавиться от онанизма и чувствует отвращение перед Lumpf , wiwi и всем, что это напоминает. В своей фантазии об уходе за детьми он опять оставляет это вытеснение.

Сексуальная конституция нашего Ганса, по-видимому, не содержит в себе предрасположения к развитию перверзий и их негатива (здесь мы можем ограничиться истерией). Насколько мне пришлось узнать (а здесь, действительно, надо быть осторожным), прирожденная конституция истериков (при перверзиях это понятно само собой) отличается тем, что зона половых органов отступает на второй план перед другими эрогенными зонами. Из этого правила имеется одно определенное исключение. У лиц, ставших впоследствии гомосексуалистами и которые, по моим ожиданиям и по наблюдениям Задгера, проделывают в детстве амфигенную фазу, мы встречаем инфантильное преобладание зоны половых органов и особенно мужского органа. И это превознесение мужского полового органа становится роковым для гомосексуалистов. Они в детстве избирают женщину своим сексуальным объектом до тех пор, пока подозревают у нее обязательное существование такого же органа, как у мужчин; как только они убеждаются, что женщина обманула их в этом пункте, она становится для них неприемлемой в качестве сексуального объекта. Они не могут себе представить без пениса лицо, которое должно их привлекать в сексуальном отношении, и при благоприятном случае они фиксируют свое либидо на «женщине с пенисом», на юноше с женоподобной внешностью. Итак, гомосексуалисты — это лица, которые вследствие эрогенного значения собственных половых органов лишены возможности принять сексуальный объект без половых органов, подобных своим. На пути развития от аутоэротизма до любви к объектам они застряли на участке, находящемся ближе к аутоэротизму.

Нет никакого основания допускать существование особого гомосексуального влечения. Гомосексуализм вырабатывается не вследствие особенности во влечении, но в выборе объекта. Я могу сослаться на указание, которое я сделал в «Трех очерках по теории сексуальности», что мы ошибочно принимаем сосуществование влечения и объекта за глубокую связь между ними. Гомосексуалист со своими, быть может, нормальными влечениями не может развязаться со своим объектом, выбранным им благодаря известному условию. В своем детстве, когда это условие обычно имеет место, он может вести себя как наш маленький Ганс, который без различия нежен как с мальчиками, так и с девочками и который при случае называет своего друга Фрица «своей милейшей девочкой». Ганс гомосексуален, как все дети, соответственно тому, что он знает только один вид половых органов, такой, какой у него.

Дальнейшее развитие нашего маленького эротика идет не к гомосексуальности, но к энергичной полигамически проявляющейся мужественности, в которой он в зависимости от меняющихся женских объектов знает, как действовать: в одном случае он решительно наступает, в других он страстно и стыдливо тоскует. В период, когда других объектов в любви нет, его склонность возвращается к матери (от которой он уходит к другим), чтобы здесь потерпеть крушение в форме невроза. Тут только мы узнаем, до какой интенсивности развивается любовь к матери и какая судьба ее постигает. Сексуальная цель, которую он преследовал у своих приятельниц, «спать у них», исходила от матери. Цель эта определена словами, которыми пользуются и в зрелом возрасте, хотя с другим, более богатым содержанием. Мальчик наш обычным путем, в годы раннего детства, нашел путь к любви к объекту и новый источник наслаждения: сон рядом с матерью стал для него определяющим. В этом сложном чувстве мы могли бы на первое место поставить удовольствие при прикосновении к коже, которое лежит в нашей конституции и которое по кажущейся искусственной номенклатуре Молля можно было бы назвать удовлетворением стремления к контректации (к соприкосновению).

В своих отношениях к отцу и матери Ганс самым ярким образом подтверждает все то, что я в своих работах «Толкование сновидений» и «Три очерка по теории сексуальности» говорил о сексуальных отношениях детей к родителям. Он действительно маленький Эдип, который хотел бы «устранить» отца, чтобы остаться самому с красивой матерью, спать с ней.

Это желание появилось во время летнего пребывания в деревне, когда перемены, связанные с присутствием или отсутствием отца, указали ему на условия, от которых зависела желаемая интимность с матерью. Тогда, летом, он удовольствовался желанием, чтобы отец уехал. К этому желанию позже присоединился страх быть укушенным белой лошадью,— благодаря случайному впечатлению, полученному при отъезде другого отца. Позже, вероятно в Вене, где на отъезд отца больше нельзя было рассчитывать, уже появилось другое содержание: чтобы отец подолгу был в отсутствии, был мертв.

Исходящий из этого желания смерти отца и, следовательно, нормально мотивированный страх перед ним образовал самое большое препятствие для анализа, пока оно не было устранено во время разговора у меня на дому (Обе случайные мысли Ганса: малиновый сок и ружье для убивания, наверное, детерминированы не с одной только стороны. Вероятно, они столько же связаны с ненавистью к отцу, сколько с комплексом запора. Отец, который сам угадал последнюю связь, думает еще при «малиновом соке» и о «крови»).

На самом деле наш Ганс вовсе не злодей и даже не такой ребенок, у которого жестокие и насильственные склонности человеческой природы развиваются без задержек в этот период его жизни. Напротив, он необыкновенно добродушен и нежен; отец отметил, что превращение агрессивной склонности в сострадание произошло довольно рано. Еще задолго до фобии он начинал беспокоиться, когда при нем в детской игре били «лошадку», и он никогда не оставался равнодушным, когда в его присутствии кто-нибудь плакал. В одном месте анализа у него в известной связи обнаруживается подавленная частица садизма (Желание бить и дразнить лошадей.), но она подавлена, и мы позже из этой связи сможем догадаться, зачем эта частица появилась и что она должна заместить. Ганс сердечно любит отца, которому он желает смерти, и в то время, когда его ум не признает этого противоречия, он оказывается вынужденным демонстрировать его тем, что ударяет отца и сейчас же целует то место, которое ударил. И нам следует остеречься признать это противоречие предосудительным; из таких противоположностей преимущественно и складывается жизнь чувств у людей (Не книга — человек я во плоти. И мне в себе согласья не найти (Мейер К. Ф. Последние дни Гуттена.)); быть может, если бы это было иначе, дело не доходило бы до вытеснения и до неврозов. Эти контрастные пары в сфере чувств у взрослых доходят одновременно до сознания только на высоте любовной страсти; обыкновенно один член такой пары подавляет другой до тех пор, пока удается держать его скрытым. В душе детей такие пары могут довольно долго мирно рядом сосуществовать, несмотря на их внутреннее противоречие.

Наибольшее значение для психосексуального развития нашего мальчика имело рождение сестры, когда ему было 3'/ 2 года. Это событие обострило его отношения к родителям, поставило для его мышления неразрешенные задачи, а присутствие при ее туалете оживило в нем следы воспоминания из его собственных прежних переживаний, связанных с наслаждением. И это влияние вполне типично. В неожиданно большом количестве историй жизни и болезни нужно взять за исходный пункт эту вспышку сексуального наслаждения и сексуального любопытства, связанных с рождением следующего ребенка. Поведение Ганса по отношению к пришельцу то же самое, что я описал в «Толковании сновидений». Во время лихорадки, через несколько дней после рождения сестры, он обнаруживает, насколько мало он соглашается с этим увеличением семьи. Здесь всегда раньше всего появляется враждебность, а затем уже может последовать и нежность (Ср. его намерения по отношению к тому периоду, когда маленькая девочка сможет говорить (см. выше)). Страх, что может появиться еще новый ребенок, с этого момента занимает определенное место в его сознательном мышлении. В неврозе эта подавленная враждебность замещается особым страхом перед ванной. В анализе он откровенно обнаруживает свое желание смерти сестре, и не только в тех намеках, которые отец должен дополнить. Его самокритика указывает ему, что это желание не столь скверно, как аналогичное желание по отношению к отцу. Но бессознательно он, очевидно, к обоим относился одинаково, потому

что и отец и сестра отнимают у него его маму,мешают ему быть с ней одному.

Это событие и связанные с ним вновь ожившие переживания дали еще и другое направление его желаниям. В победной заключительной фантазии он подводит итог всем своим эротическим побуждениям, происходящим из аутоэротической фазы и связанным с любовью объекта. Он женится на своей прекрасной матери, имеет несчетное число детей, за которыми он по-своему может ухаживать.

II.

В один прекрасный день Ганс заболевает на улице страхом. Он не может еще сказать, чего он боится, но уже в начале своего тревожного состояния он выдает отцу мотив его заболевания, выгоды от болезни. Он хочет остаться у матери, ласкаться к ней; некоторую роль, как думает отец, здесь сыграло воспоминание, что он был удален от нее, когда появилась новорожденная. Вскоре выясняется, что этот страх уже больше не может быть обратно замещен желанием, так как он испытывает страх даже тогда, когда и мать идет с ним. А между тем мы получаем указание, на чем фиксируется его либидо, превратившееся в страх. Он обнаруживает весьма специфический страх, что его укусит белая лошадь.

Такое болезненное состояние мы называем «фобией», и мы могли бы причислить ее к боязни площадей, но последняя отличается тем, что неспособность ходить по улице легко исправима, когда больного сопровождает известное выбранное для этого лицо и в крайнем случае врач. Фобия Ганса не исчезает и при этом условии, она перестает быть связанной с пространством и все отчетливее избирает своим объектом лошадь; в первые же дни на высоте своего тревожного состояния он высказывает опасение, которое мне так облегчило понимание его страха, что «лошадь войдет в комнату».

Положение фобий в системе неврозов до сих пор было неопределенным. По-видимому, можно с уверенностью сказать, что в фобиях нужно видеть только синдромы, принадлежащие к различным неврозам, и им не следует придавать значение особых болезненных процессов. Для фобий наиболее частых, как у нашего пациента, мне кажется целесообразным название истерии страха (Angsthysterie); я предложил его д-ру Штеккелю, когда он взялся за описание нервных состояний страха, и я надеюсь, что это название получит права гражданства. Оправданием ему служит полное соответствие между психическим механизмом этих фобий и истерией, за исключением одного пункта, очень важного для различения этих форм. А именно: либидо, освобожденное из патогенного материала путем вытеснения, не конвертируется, т. е. не переходит из сферы психики на телесную иннервацию, а остается свободным в виде страха. Во всех случаях болезни эта истерия страха может в каких угодно размерах комбинироваться с «конверсионной истерией». Но существуют как чистые случаи конверсионной истерии без всякого страха, так и случаи чистой истерии страха, выражающиеся в ощущениях страха и фобиях без примеси конверсии; случай нашего Ганса принадлежит к числу последних.

Истерия страха принадлежит к числу наиболее частых психоневротических заболеваний, появляющихся ранее всех в жизни; это, можно сказать, неврозы периода детства. Когда мать рассказывает про своего ребенка, что он «нервен», то можно в 9 случаях из 10 рассчитывать, что ребенок имеет какой-нибудь страх или много страхов сразу. К сожалению, более тонкий механизм этих столь важных заболеваний еще недостаточно изучен. Еще не установлено, являются ли единственным условием происхождения истерии страха (в отличие от конверсионной истерии и других неврозов) конституциональные факторы или случайные переживания, или же какая комбинация тех и других условий дает эту болезнь. Мне кажется, что это невротическое заболевание меньше всего зависит от особенностей конституции и вследствие этого легче всего может быть приобретено во всякий период жизни.

Довольно легко выделить один существенный признак истерии страха. Эта болезнь

всегда развивается преимущественно в фобию; в конце концов больной может освободиться от страхов, но только за счет задержек и ограничений, которым он должен себя подвергнуть. При истерии страха уже начинается психическая работа, имеющая целью психически связать ставший свободным страх. Но эта работа не может ни превратить страх обратно в либидо, ни связать его с теми комплексами, из которых это либидо происходит. Не остается ничего другого, как предупреждать всякий повод к развитию страха путем психических надстроек в форме осторожности, задержки, запрещения. Эти психические прикрытия проявляются наружу в форме фобии и кажутся нам сущностью болезни.

Нужно сказать, что лечение истерии страха было до сих пор чисто отрицательным. Опыт показал, что невозможно, а при некоторых обстоятельствах даже опасно достигать излечения болезни насильственным образом. Так, например, несомненно вредно приводить больного в положение, в котором у него должен развиться страх, после чего его лишают прикрытия. Таким образом его заставляют искать себе защиты и выказывают по отношению к нему не имеющее на него влияния презрение к его «непонятной трусости».

Для родителей нашего маленького пациента с самого начала уже было ясно, что здесь ни насмешкой, ни строгостью ничего сделать нельзя и что нужно искать доступа к его вытесненным желаниям психоаналитическим путем. Успех вознаградил необычные труды отца, и его сообщения дают нам возможность проникнуть в самую структуру подобной фобии и проследить путь предпринятого анализа.

Мне не кажется невероятным, что для читателя этот анализ вследствие его обширности и обстоятельности потерял в некоторой мере свою ясность. Поэтому я хочу сначала вкратце повторить его, оставляя ненужные подробности и отмечая те факты, которые шаг за шагом можно будет констатировать.

Прежде всего мы узнаем, что вспышка припадка страха была не столь внезапна, как это может показаться с первого взгляда. За несколько дней до этого ребенок проснулся от страшного сновидения, содержание которого было, что мать ушла и теперь у него «нет мамы, чтобы ласкаться к ней». Уже этот сон указывает на процесс вытеснения значительной интенсивности. Его нельзя истолковать так, как большинство страшных сновидений, что мальчик испытывал во сне страх соматического происхождения и затем уже использовал его для исполнения интенсивно вытесненного желания (ср. «Толкование сновидений»). Сновидение Ганса — это настоящее сновидение наказания и вытеснения, при котором остается неисполненной самая функция сновидения, так как Ганс со страхом пробуждается. Можно легко восстановить самый процесс, имевший место в бессознательном. Мальчику снилось, что его ласкает мать, что он спит у нее: все наслаждение претворилось в страх и все содержание представления стало прямо противоположным. Вытеснение одержало победу над механизмом сновидения.

Но начало этой психологической ситуации можно отнести еще к более раннему периоду. Уже летом у него появились подобные тоскливо-тревожные настроения, во время которых он высказывал приблизительно то же, что и теперь, и которые давали ему то преимущество, что мать брала его к себе в постель. С этого периода мы могли бы уже признать существование у Ганса повышенного сексуального возбуждения, объектом которого оказалась мать, а интенсивность которого выразилась в двух попытках совращения матери (последняя незадолго до появления страха). Это возбуждение привело Ганса к ежевечернему мастурбационному удовлетворению. Произошло ли превращение возбуждения спонтанно, вследствие отказа матери или вследствие случайного пробуждения прежних впечатлений при случае, послуживших «поводом» для заболевания, этого решить нельзя, но это и безразлично, так как все три возможности не противоречат друг другу. Но несомненен факт превращения сексуального возбуждения в страх.

Мы уже слышали о поведении мальчика в период возникновения его страха и о первом содержании страха, которое он давал, а именно — что его укусит лошадь. Тут происходит первое вмешательство терапии. Родители указывают на то, что страх является результатом мастурбации, и стараются его отучить от нее. Я принимаю меры к тому, чтобы ему

основательно подчеркнули его нежность к матери, которую ему хотелось бы выменять на страх перед лошадьми. Маленькое улучшение, наступившее после этой меры, вскоре во время соматической болезни исчезает. Состояние остается неизменным. Вскоре Ганс находит источник боязни, что его укусит лошадь, в воспоминании о впечатлении в Гмундене. Уезжающий отец предупреждал тогда сына: «Не подноси пальца к лошади, иначе она тебя укусит». Словесная форма, в которую Ганс облек предостережение отца, напоминает форму, в которой сделано было предупреждение против онанизма. Возникает впечатление, что родители правы, полагая, что Ганс испытывает страх перед своим онанистическим удовлетворением. Но связь получается все еще непрочная, и лошадь кажется попавшей в свою устрашающую роль совершенно случайно.

Я высказал предположение, что вытесненное желание Ганса могло означать, что он во что бы то ни стало хочет видеть Wiwimacher матери. Воспользовавшись отношением Ганса к новопоступившей прислуге, отец делает ему первое разъяснение: «У женщин нет Wiwimacher'a ». На эту первую помощь Ганс реагирует сообщением своей фантазии, в которой он видел мать прикасающейся к его Wiwimacher'y . Эта фантазия и высказанное в разговоре замечание, что его Wiwimacher все-таки вырос, дают возможность в первый раз заглянуть в течение мыслей пациента. Он действительно находился под впечатлением угрозы матери кастрацией, которая имела место 1 1 / 4 года назад, так как фантазия, что мать делает то же самое (обыкновенный прием обвиняемых детей), должна освободить его от страха перед угрозой, это — защитная фантазия. В то же время мы должны себе сказать, что родители извлекли у Ганса из его патогенно действующего материала тему интереса к Wiwimacher'y . Он за ними в этом направлении последовал, но самостоятельно в анализ еще не вступил. Терапевтического успеха еще не было заметно. Анализ далеко ушел от лошадей, и сообщение, что у женщин нет Wiwimacher'a , по своему содержанию скорее способно было усилить его заботы о сохранении собственного Wiwimacher'a .

Но мы в первую очередь стремимся не к терапевтическому успеху; мы желаем привести пациента к тому, чтобы он мог сознательно воспринять свои бессознательные побуждения. Этого мы достигаем, когда на основании указаний, которые он нам делает, при помощи нашего искусства толкования своими словами вводим в его сознание бессознательный комплекс. Следы сходства между тем, что он услышал, и тем, что он ищет, что само, несмотря на все сопротивления, стремится дойти до сознания, помогают ему найти бессознательное. Врач идет немного впереди; пациент идет за ним своими путями до тех пор, пока у определенного пункта они не встретятся. Новички в психоанализе обыкновенно сливают в одно эти два момента и считают, что момент, в котором им стал известен бессознательный комплекс больного, в то же время есть момент, когда этот комплекс стал и больному понятен. Они ожидают слишком многого, когда хотят вылечить больного сообщением ему факта, который может только помочь больному найти бессознательный комплекс в сфере бессознательного там, где он застрял. Первого успеха подобного рода мы достигаем теперь у Ганса. После частичной победы над его кастрационным комплексом он теперь в состоянии сообщить свои желания по отношению к матери, и он делает это в еще искаженной форме в виде фантазии о двух жирафах, из которых один безуспешно кричит в то время, как сам Ганс овладевает другим. Овладение он изображает тем, что он садится на него. В этой фантазии отец узнает воспроизведение сцены, которая утром разыгралась в спальне между родителями и мальчиком, и он тут же спешит освободить желание от всего, что его искажает. Оба жирафа — это отец и мать. Форма фантазии с жирафами в достаточной мере детерминирована посещением этих больших животных в Шёнбрунне, которое имело место несколько дней назад, рисунком жирафа, который отец сохранил из прежнего времени, и, быть может, вследствие бессознательного сравнения, связанного с высокой и неподвижной шеей жирафа (С этим находится в соответствии высказанное позже удивление Ганса по поводу шеи его отца.)

Мы замечаем, что жираф, как большое и по своему Wiwimacher'y интересное животное, мог бы сделаться конкурентом лошади в ее устрашающей роли; а то, что отец и мать

выведены в виде жирафов, дает нам пока еще не использованное указание на значение вызывающих страх лошадей.

Две меньшие фантазии, которые Ганс рассказывает непосредственно после истории с жирафами, ускользают от истолкования со стороны отца, а их сообщение не приносит Гансу никакой пользы. Содержание этих фантазий состоит в том, что он в Шёнбрунне стремится проникнуть в огороженное пространство и что он в вагоне разбивает стекло; в обоих случаях подчеркивается преступное в поступках и соучастие отца. Но все, что оставалось непонятным, приходит опять; как рвущийся на свободу дух, оно не находит себе покоя до тех пор, пока дело не доходит до освобождения и разрешения.

Понимание обеих фантазий о преступлении не представляет для нас никаких затруднений. Они принадлежат комплексу овладения матерью. В мальчике как будто пробивает себе дорогу неясное представление о том, что следовало бы сделать с матерью, чтобы можно было достичь обладания. И для того, что он не может понять, он находит известные образные подстановки, общим для которых является насильственное, запретное, а содержание которых так удивительно хорошо соответствует скрытой действительности. Мы можем теперь сказать, что это — символические фантазии о коитусе, и ни в коем случае нельзя считать второстепенным то, что отец в них принимает участие: «Я бы хотел делать с мамой что-то запретное, не знаю, что именно, но знаю, что ты это тоже делаешь».

Фантазия о жирафах усилила во мне убеждение, которое возникло при словах маленького Ганса «лошадь придет в комнату», и я нашел этот момент подходящим, чтобы сообщить ему существенно важную предпосылку в его бессознательных побуждениях; его страх перед отцом вследствие ревнивых и враждебных желаний по отношению к нему. Этим я отчасти истолковал ему страх перед лошадьми, а именно, что лошадь — это отец, перед которым он испытывает страх с достаточным основанием. Известные подробности, как страх перед чем-то черным у рта и у глаз (усы и очки как преимущества взрослого), казались мне перенесенными на лошадей с отца.

Подобным разъяснением я устранил у Ганса самое существенное сопротивление по отношению к обнаружению бессознательных мыслей, так как отец сам исполнял роль врача. С этого времени мы перешагнули через высшую точку болезни, материал начал притекать в изобилии, маленький пациент обнаруживал мужество сообщать отдельные подробности своей фобии и вскоре самостоятельно принял участие в ходе анализа (Страх перед отцом, даже в тех анализах, которые врач предпринимает с посторонними, играет весьма значительную роль как сопротивление против репродукции бессознательного патогенного материала. Эти сопротивления отчасти принадлежат к «мотивам», с другой стороны, как в настоящем случае, они составляют частицу бессознательного материала, по содержанию способного служить задержкой для репродукции другой части анализа.)

Теперь только можно понять, перед какими объектами и впечатлениями Ганс испытывает страх. Не только перед лошадьми и перед тем, что его укусит лошадь (этот страх скоро утихает), а перед экипажами, мебельными фургонами и омнибусами, общим для которых оказывается их тяжелый груз, перед лошадьми, которые приходят в движение, которые выглядят большими и тяжелыми, которые быстро бегут. Смысл этих определений указывает сам Ганс: он испытывает страх, что лошади упадут, и содержанием его фобии он делает все то, что может облегчить лошади это падение.

Весьма нередко приходится услышать настоящее содержание фобии, правильное словесное определение навязчивого импульса и т. п. только после ряда психоаналитических усилий. Вытеснение касается не только бессознательных комплексов, оно направлено также на непрерывно образующиеся дериваты их и мешает самим больным заметить продукты их болезни. Тут часто оказываешься в необыкновенном положении, когда в качестве врача приходится прийти на помощь болезни, чтобы вызвать к ней внимание. Но только тот, кто совершенно не разбирается в сущности психоанализа, будет выставлять на первый план эту фазу усилий и ждать из-за этого от анализа вреда. Истина в том, что нюрнбержцы никого не вешают раньше, чем не заполучат его в свои руки, и что требуется известная работа, чтобы

овладеть теми болезненными образованиями, которые хочешь разрушить.

В своих замечаниях, сопровождающих историю болезни, я упомянул уже о том, что весьма поучительно настолько углубиться в детали фобии, чтобы можно было вынести верное впечатление о вторично появившемся соотношении между страхом и его объектами. Отсюда происходит своеобразная расплывчатость и в то же время строгая обусловленность сущности фобии. Материал для этих вторичных образований наш маленький пациент, очевидно, получил из впечатлений, связанных с расположением жилья напротив таможни. По этой причине он высказывает заторможенное страхом побуждение играть, подобно мальчикам на улице, вокруг нагруженных возов, багажа, бочек и ящиков.

В этой стадии анализа он сталкивается опять с довольно безобидным переживанием, которое непосредственно предшествовало началу заболевания и которое можно считать поводом для него. Во время прогулки с матерью он видел, как впряженная в омнибус лошадь упала и задергала ногами. Это произвело на него большое впечатление. Он сильно испугался и думал, что лошадь скончалась; с этого времени все лошади могут упасть. Отец указывает Гансу на то, что, когда лошадь упала, тот думал об отце и, вероятно, чтобы отец также упал и умер. Ганс не протестует против этого толкования; несколько позже он принимает его, изображая в игре, что он кусает отца. При этом он идентифицирует отца с лошадью и теперь уже держится по отношению к отцу свободно, без страха и даже несколько дерзко. Но страх перед лошадьми не исчез, и еще не ясно, вследствие каких ассоциаций падающая лошадь пробудила бессознательные желания.

Резюмируем все, что получили до сих пор: за высказанным страхом, что лошадь укусит его, открывается более глубоко лежащий страх, что лошади упадут; и обе лошади, кусающая и падающая,— это отец, который его накажет за его дурные желания. Матери в этом анализе мы пока не касались.

Совершенно неожиданно и уже, наверно, без участия отца Ганса начинает занимать «комплекс Lumpf'a », и он обнаруживает отвращение к предметам, которые напоминают ему действие кишечника. Отец, который здесь идет за Гансом довольно неохотно, проводит, между прочим, свой анализ в желательном для него направлении и напоминает

Гансу одно переживание в Гмундене, впечатление от которого скрывается за падающей лошадью. Его любимый приятель и, быть может, конкурент у его приятельниц Фриц во время игры в лошадки споткнулся о камень, упал, а из раненой ноги у него пошла кровь. Переживание с упавшей лошадью в омнибусе вызвало воспоминание об этом несчастном случае. Любопытно, что Ганс, который в это время был занят другими вещами, сначала отрицает падение Фрица (которое устанавливает связь) и признает его только в более поздней стадии анализа. Но для нас очень интересно отметить, каким образом превращение либидо в страх проецируется на главный объект фобии — лошадь. Лошади были для Ганса самыми интересными большими животными, игра в лошадки — самой любимой игрой с его товарищами-детьми. Предположение, что сначала отец изображал для него лошадь, подтверждается отцом, и, таким образом, при несчастном случае в Гмундене Фриц мог быть замещен отцом. После наступившей волны вытеснения он должен был уже испытывать страх перед лошадьми, с которыми до этого у него было связано столько удовольствий.

Но мы уже сказали, что этим последним важным разъяснением о действительности повода болезни мы обязаны вмешательству отца. Ганс остается при своих фекальных интересах, и мы в конце концов должны за ним следовать. Мы узнаем, что он уже обыкновенно навязывался матери с просьбой сопровождать ее в клозет и что он то же предлагал заместительнице матери — своей приятельнице Берте, пока это не стало известным и не было запрещено. Удовольствие, испытываемое при наблюдении за известными операциями у любимого лица, соответствует также «скрещению влечения», пример которого мы уже заметили у Ганса. Наконец, и отец идет на эту фекальную символику и признает аналогию между тяжело нагруженным возом и обремененным каловыми массами животом, между тем, как выезжает из ворот воз, и тем, как выделяется кал из живота и т. п.

Но позиция Ганса в анализе сравнительно с прежними стадиями существенно изменилась. В то время как раньше отец мог всегда сказать ему наперед, что будет потом, и Ганс, следуя указаниям, плелся за ним, теперь, наоборот, Ганс уверенно спешит вперед, и отец должен прилагать усилия, чтобы поспевать за ним. Ганс, как бы самостоятельно, приводит новую фантазию: слесарь или водопроводчик отвинтил ванну, в которой находился Ганс, и своим большим буравом толкнул его в живот. С этого момента уже наше понимание с трудом поспевает за материалом. Только позже нам удается догадаться, что это есть искаженная страхом переработка фантазии оплодотворения. Большая ванна, в которой Ганс сидит в воде, это живот матери; «бурав», который уже отцу напомнил большой пенис, упоминается как способ оплодотворения. Конечно, это звучит довольно курьезно, если мы истолкуем фантазию так: «Твоим большим пенисом ты меня «пробуравил»? (gebohrt) (привел к появлению на свет — zur Geburt gebracht) и всадил меня в чрево матери». Но пока фантазия остается неистолкованной и служит Гансу только связью для продолжения его сообщений.

Перед купанием в большой ванне Ганс выказывает страх, который тоже оказывается сложным. Одна часть его пока еще ускользает от нас, другая вскоре выясняется отношением его к купанию маленькой сестры. Ганс соглашается с тем, что у него есть желание, чтобы мать во время купания сестренки уронила ее и чтобы та умерла; его собственный страх при купании был страхом перед возмездием за это злое желание, перед наказанием, которое будет состоять в том, что так и с ним поступят. Тут он оставляет тему экскрементов и непосредственно переходит к теме сестренки. Но мы можем подозревать, что означает этот переход: ничего другого, как то, что маленькая Анна сама Lumpf , что все дети Lumpf'u и рождаются наподобие дефекации. Теперь мы понимаем, что все виды возов суть только возы для аистиных ящиков и представляют для него интерес только как символическое замещение беременности и что падение ломовой или тяжело нагруженной лошади может означать только разрешение от беременности. Таким образом, падающая лошадь означала не только умирающего отца, но также и рожающую мать.

И тут Ганс преподносит сюрприз, к которому мы на самом деле не были подготовлены. Уже когда ему было 3 1/2 года, он обратил внимание на беременность матери, закончившуюся рождением сестренки, и он сконструировал для себя — во всяком случае после родов — истинное положение вещей, никому не открывая этого и, быть может, не будучи в состоянии сделать это. Тогда можно было только наблюдать, что непосредственно после родов он скептически относился ко всем признакам, которые должны были указывать на присутствие аиста. Но то, что он в бессознательном и в противоположность своим официальным заявлениям знал, откуда пришло дитя и где оно раньше находилось, подтверждается этим анализом вне всякого сомнения; быть может, это даже самая неопровержимая часть анализа.

Доказательством этому служит упорно держащаяся и украшенная столькими деталями фантазия, из которой видно, что Анна уже летом, до ее рождения, находилась с ними в Гмундене, в которой излагается, как она туда переезжала и что она тогда была способна к большему, чем через год после ее рождения. Дерзость, с которой Ганс преподносит эту фантазию, бесчисленные лживые вымыслы, которые он в нее вплетает, не совсем лишены смысла; все это должно служить местью отцу, на которого он сердится за то, что тот вводил его в заблуждение сказкой об аисте. Как будто он хотел сказать: если ты мог меня считать столь глупым, чтобы я поверил в аиста, который принес Анну, тогда я могу и от тебя требовать, чтобы ты мои выдумки принял за истину. В довольно прозрачном соотношении с этим актом мести маленького исследователя находится фантазия о том, как он дразнит и бьет лошадей. И эта фантазия тоже связана с двух сторон: с одной — она опирается на дерзости, которые он только что говорил отцу, а с другой стороны — она вновь обнаруживает неясные садистские желания по отношению к матери, которые вначале, когда мы еще их не понимали, проявлялись в фантазиях о преступных поступках. Он и сознательно признает весьма приятным бить маму.

Теперь нам уже нечего ожидать многих загадок. Неясная фантазия об опоздании поезда кажется предшественницей последующего помещения отца у бабушки в Лайнце, так как в этой фантазии дело идет о путешествии в Лайнц и бабушка участвует в ней. Другая фантазия, в которой мальчик дает кондуктору 50000 гульд., чтобы тот позволил ему ехать на дрезине, звучит почти как план откупить мать у отца, сила которого отчасти в его богатстве. Затем он признается в желании устранить отца и соглашается с обоснованием этого желания (потому что отец мешает его интимности к матери) с такой откровенностью, до какой он до сих пор еще не доходил. Мы не должны удивляться, что одни и те же побуждения во время анализа всплывают по нескольку раз; дело в том .что монотонность вытекает только из приемов толкования; для Ганса это не простые повторения, а прогрессирующее развитие от скромного намека до сознательной ясности, свободной от всяких искажений.

Все, что последует теперь, это только исходящие от Ганса подтверждения фактов, несомненных благодаря анализу для нашего толкования. В довольно недвусмысленных симптоматических поступках, которые он слегка прикрывает перед прислугой, а не перед - отцом, он показывает, как он себе представляет деторождение; но при более внимательном наблюдении мы можем отметить еще .кое-что, в анализе больше не появившееся. Он втыкает в круглое отверстие резиновой куклы маленький ножичек, принадлежащий матери, и затем дает ему выпасть оттуда, причем он отрывает ноги кукле, раздвигая их в стороны. Последовавшее за этим разъяснение родителей, что дети действительно вырастают в чреве матери и выходят оттуда, как каловые массы при испражнении, оказывается запоздавшим; оно ему уже ничего нового сказать не может. При помощи другого как бы случайно последовавшего симптоматического поступка он допускает, что желал смерти отца: он опрокидывает лошадь, с которой играл, в тот момент, когда отец говорит об этом желании смерти. На словах он подтверждает, что тяжело нагруженные возы представляют для него беременность матери, а падение лошади — процесс родов.

Великолепное подтверждение того, что дети — Lumpf'ы, мы видим в придуманном им для его любимого ребенка имени Lodi . Но оно становится нам известным несколько позже, так как мы узнаем, что он давно играет с этим «колбасным» ребенком (Кажущаяся сначала странной мысль гениального рисовальщика Т Т. Хейне, изображающего на страницах «Симплициссимуса», как ребенок мясника попадает в колбасную машину, как родители оплакивают его в виде сосиски, как его отпевают и как он возносится на небо, благодаря эпизоду о Лоди находит свое объяснение в инфантильных фантазиях.)

Обе заключительные фантазии Ганса, с которыми закончилось его излечение, мы отметили уже раньше. Одна о водопроводчике, который ему приделывает новый и, как угадывает отец, больший Wiwimacher , является не только повторением прежней фантазии, в которой фигурировали водопроводчик и ванна. Это — победная фантазия, содержащая желание и победу над страхом перед кастрацией.

Вторая фантазия, подтверждающая желание быть женатым на матери и иметь с ней много детей, не исчерпывает одного только содержания тех бессознательных комплексов, которые пробудились при виде падающей лошади и вызвали вспышку страха. Цель ее в коррекции всего того, что было совершенно неприемлемо в тех мыслях; вместо того, чтобы умертвить отца, он делает его безвредным женитьбой на бабушке. С этой фантазией вполне справедливо заканчиваются болезнь и анализ.

Во время анализа определенного случая болезни нельзя получить наглядного впечатления о структуре и развитии невроза. Это дело синтетической работы, которую нужно предпринимать потом. Если мы произведем этот синтез для фобии нашего маленького Ганса, то мы начнем с его конституции, с его направляющих сексуальных желаний и его переживаний до рождения сестры, о чем мы говорили на первых страницах этой статьи.

Появление на свет этой сестры принесло для него много такого, что с этого момента больше не оставляло его в покое. Прежде всего некоторая доля лишения: вначале временная разлука с матерью, а позже длительное уменьшение ее заботливости и внимания, которые он должен был делить с сестрой. Во-вторых, все то, что на его глазах мать проделывала с его

сестричкой, пробудило в нем вновь его переживания, связанные с чувством наслаждения, из того периода, когда он был грудным младенцем. Оба эти влияния усилили в нем его эротические потребности, вследствие чего он начал чувствовать необходимость удовлетворения. Ущерб, который ему принесла сестра, он компенсировал себе фантазией, что у него самого есть дети. Пока он в Гмундене на самом деле мог играть с этими детьми, его нежность находила себе достаточное отвлечение. Но по возвращении в Вену, опять одинокий, он направил все свои требования на мать и претерпел опять лишение, когда его в возрасте 4 лет удалили из спальни родителей. Его повышенная эротическая возбудимость обнаружилась в фантазиях, в которых вызывались, чтобы разделить его одиночество, его летние товарищи, и в регулярных аутоэротических удовлетворениях при помощи мастурбационного раздражения полового органа.

В-третьих, рождение его сестры дало толчок для мыслительной работы, которой, с одной стороны, нельзя было разрушить, и которая, с другой стороны, впутывала его в конфликты чувств.

Перед ним предстала большая загадка, откуда появляются дети,— быть может, первая проблема, разрешение которой начинает пробуждать духовные силы ребенка и которая в измененном виде воспроизведена, вероятно, в загадке фиванского сфинкса. Предложенное Гансу объяснение, что аист принес Анну, он отклонил. Все-таки он заметил, что у матери за несколько месяцев до рождения девочки сделался большой живот, что она потом лежала в постели, во время рождения девочки стонала и затем встала похудевшей. Таким образом, он пришел к заключению, что Анна находилась в животе матери и затем вылезла из него, как Lumpf . Этот процесс в его представлении был связан с удовольствием, так как он опирался на прежние собственные ощущения удовольствия при акте дефекации, и поэтому с удвоенной мотивировкой мог желать иметь детей, чтобы их с удовольствием рожать, а потом (наряду с удовольствием от компенсации) ухаживать за ними. Во всем этом не было ничего, что могло его привести к сомнению или к конфликту.

Но тут было еще кое-что, нарушавшее его покой. Что-то должен был делать и отец при рождении маленькой Анны, так как тот утверждал, что как Анна, так и он — его дети. Но ведь это не отец принес их на свет, а мама. Этот отец стоял у него поперек дороги к маме. В присутствии отца он не мог спать у матери, а когда мать хотела брать Ганса в постель, отец подымал крик. Гансу пришлось испытать, как это хорошо, когда отец находится в отсутствии, и желание устранить отца было у него вполне оправдываемым. Затем эта враждебность получила подкрепление. Отец сказал ему неправду про аиста и этим сделал для него невозможным просить разъяснения по поводу этих вещей. Он не только мешал ему лежать у мамы в постели, а скрывал от него знание, к которому Ганс стремился. Отец наносил ему ущерб в обоих направлениях, и все это, очевидно, к своей выгоде.

Первый, сначала неразрешимый душевный конфликт создало то обстоятельство, что того же самого отца, которого он должен был ненавидеть как конкурента, он раньше любил и должен был любить дальше, потому что тот для него был первым образом, товарищем, а в первые годы и нянькой. С развитием Ганса любовь должна была одержать верх и подавить ненависть в то самое время, когда эта ненависть поддерживалась любовью к матери.

Но отец не только знал, откуда приходят дети, он сам в этом принимал участие, что Ганс не совсем ясно мог предполагать. Что-то здесь должен был делать Wiwimacher , возбуждение которого сопровождало все эти мысли, и, вероятно, большой Wiwimacher , больший, чем Ганс находил у себя. Если следовать ощущениям, которые тут появлялись, то здесь должно было иметь место насилие над мамой, разбивание, открывание, внедрение в закрытое пространство, импульсы, которые Ганс чувствовал и в себе. Но хотя он находился уже на пути, чтобы на основании своих ощущений в пенисе постулировать влагалище, он все-таки не мог разрешить этой загадки, так как у него не было соответствующих знаний. И наоборот, разрешению препятствовала уверенность в том, что у мамы такой же Wiwimacher , как и у него. Попытка решения вопроса о том, что нужно было предпринять с матерью, чтобы у нее появились дети, затерялась в области бессознательного. И без применения

остались оба активных импульса — враждебный против отца и садистско-любовный по отношению к матери: первый вследствие существующей наряду с ненавистью любви, второй — вследствие беспомощности, вытекающей из инфантильности сексуальных теорий.

Только в таком виде, опираясь на результаты анализа, я мог сконструировать бессознательные комплексы и стремления, вытеснение и новое пробуждение которых вызвало у маленького Ганса фобию. Я знаю, что тут возлагаются слишком большие надежды на мыслительные способности мальчика в возрасте 4—5 лет, но я руководствуюсь только тем, что мы узнали, и не поддаюсь влиянию предвзятостей, вытекающих из нашего познания. Быть может, можно было использовать страх перед топанием ногами лошади, чтобы восполнить несколько пробелов в нашем процессе толкования. Даже сам Ганс говорил, что это напоминает ему его топание ногами, когда его заставляют прервать игру, чтобы пойти в клозет; таким образом, этот элемент невроза становится в связь с проблемой, охотно или с принуждением получает мама детей. Но у меня не складывается впечатления, что этим вполне разъясняется значение комплекса «шума от топания ногами». Моего предположения, что у Ганса пробудилось воспоминание о половом сношении родителей, замеченном им в спальне, отец подтвердить не мог. Итак, удовлетворимся тем, что мы узнали.

Благодаря какому влиянию в описанной ситуации появилось у Ганса превращение либидозного желания в страх, с какого конца имело место вытеснение — сказать трудно, и это можно решить только после сравнения со многими подобными анализами. Вызвала ли вспышку интеллектуальная неспособность ребенка разрешить трудную загадку деторождения и использовать развившиеся при приближении к разрешению агрессивные импульсы, или же соматическая недостаточность, невыносливость его конституции к регулярному мастурбационному удовлетворению, или самая продолжительность сексуального возбуждения в столь высокой интенсивности должна была повести к перевороту,— все это я оставляю под вопросом, пока дальнейший опыт не придет нам на помощь.

Приписать случайному поводу слишком большое влияние на появление заболевания запрещают временные условия, так как намеки на страх наблюдались у Ганса задолго до того, как он присутствовал на улице при падении лошади.

Но во всяком случае невроз непосредственно опирается на это случайное переживание и сохраняет следы его, возводя лошадь в объект страха. Само по себе это впечатление не имеет «травматической силы»; только прежнее значение лошади, как предмета особой любви и интереса, и ассоциация с более подходящим для травматической роли переживанием в Гмундене, когда во время игры в лошадки упал Фриц, а затем уже легкий путь ассоциации от Фрица к отцу придали этому случайно наблюдавшемуся несчастному случаю столь большую действенную силу. Да, вероятно, и этих отношений оказалось бы мало, если бы, благодаря гибкости и многосторонности ассоциативных связей, то же впечатление не оказалось способным затронуть другой комплекс, затаившийся у Ганса в сфере бессознательного,— роды беременной матери. С этого времени был открыт путь к возвращению вытесненного, и по этому пути патогенный материал был переработан (транспонирован) в комплекс лошади и всесопутствующие аффекты оказались превращенными в страх.

Весьма интересно, что идейному содержанию фобии пришлось еще подвергнуться искажению и замещению прежде, чем оно дошло до сознания. Первая формулировка страха, высказанная Гансом: «Лошадь укусит меня»; она обусловлена другой сценой в Гмундене, которая, с одной стороны, имеет отношение к враждебным желаниям, направленным на отца, с другой — напоминает предостережение по поводу онанизма. Здесь проявилось также отвлекающее влияние, которое, вероятно, исходило от родителей; я не уверен, что сообщения о Гансе тогда записывались достаточно тщательно, чтобы решиться сказать, дал ли он эту формулировку для своего страха до или только после предупреждения матери по поводу мастурбации. В противоположность приведенной истории болезни я склонен предположить последнее. В остальном довольно ясно, что враждебный комплекс по

отношению к отцу повсюду скрывает похотливый комплекс по отношению к матери; точно так же, как и в анализе, он первым открывается и разрешается.

В других случаях болезни нашлось бы больше данных, чтобы говорить о структуре невроза, его развитии и распространении, но история болезни нашего маленького Ганса слишком коротка: она вскоре же после начала сменяется историей лечения. Когда фобия в продолжение лечения казалась дальше развивающейся, привлекала к себе новые объекты и новые условия, то лечивший Ганса отец оказывался, конечно, достаточно благоразумным, чтобы видеть в этом только проявление уже готовой, а не новой продукции, появление которой могло бы затормозить лечение. На такое благоразумное лечение в других случаях не всегда можно рассчитывать.

Прежде чем я объявлю этот синтез законченным, я должен принять в расчет еще другую точку зрения, встав на которую, мы окажемся перед определенными затруднениями в понимании невротических состояний. Мы видим, как нашего маленького пациента охватывает волна вытеснения, которое касается преимущественно его преобладающих сексуальных компонентов (Отец наблюдал даже, что одновременно с этим вытеснением у ребенка наступает в известной мере сублимация. Вместе с наступлением боязливости он проявляет повышенный интерес к музыке и развивает унаследованное дарование.). Он признается в онанизме, с отвращеним отвергает от себя все то, что напоминает экскременты и операции, связанные с действием кишечника. Но это не те компоненты, которые затронуты поводом к заболеванию (падение лошади) и которые продуцируют материал для симптомов, содержания фобии.

Таким образом, здесь есть повод установить принципиальное различие. Вероятно, можно достигнуть более глубокого понимания случая болезни, если обратиться к тем другим компонентам, которые удовлетворяют обоим вышеприведенным условиям. У Ганса это — стремления, которые уже раньше были подавлены и которые, насколько мы знаем, никогда не могли проявиться свободно: враждебно-ревнивые чувства к отцу и садистские, соответствующие предчувствию коитуса, влечения к матери. В этих ранних торможениях лежит, быть может, предрасположение для появившейся позднее болезни. Эти агрессивные склонности не нашли у Ганса никакого выхода, и как только они в период лишения и повышенного сексуального возбуждения, получив поддержку, собирались проявиться наружу, вспыхнула борьба, которую мы называем «фобией». В период ее развития проникает в сознание, как содержание фобии, часть вытесненных представлений, искаженных и перенесенных на другой комплекс; но несомненно, что это жалкий успех. Победа остается за вытеснением, которое в этом случае захватывает и другие компоненты. Но это не меняет того, что сущность болезненного состояния остается безусловно связанной с природой компонентов влечения, подлежащих удалению. Цель и содержание фобии — это далеко идущее ограничение свободы движения и, таким образом, мощная реакция против неясных двигательных импульсов, которые особенно склонны быть направленными на мать. Лошадь для нашего мальчика всегда была образцом для удовольствия от движения («Я молодая лошадь»,— говорит Ганс во время возни), но так как удовольствие от движения заключает в себе импульс коитуса, то это удовольствие невроз ограничивает, а лошадь возводится в символ ужаса. Кажется, что вытесненным влечениям в неврозе ничего больше не остается, кроме чести доставлять в сознание поводы для страха. Но как бы победа сексуального отклонения в фобии ни была отчетливо выраженной, все-таки компромиссная природа болезни не допускает, чтобы вытесненное не могло достичь ничего другого. Фобия лошади — все-таки препятствие выйти на улицу и может служить средством остаться дома у любимой матери. Здесь победила его нежность к матери: любящий цепляется вследствие своей фобии за любимый объект, но он, конечно, заботится и о том, чтобы не оказаться в опасности. В этих обоих влияниях обнаруживается настоящая природа невротического заболевания.

Недавно А. Адлер в богатой идеями работе (См.выше.), из которой я взял термин «скрещение влечения», написал, что страх происходит от подавления «агрессивного

влечения», и в обширном синтезе он приписал этому влечению главную роль «в жизни и в неврозе». Если бы мы в конце концов были склонны признать, что в нашем случае фобии страх объясняется вытеснением тех агрессивных склонностей, то мы имели бы блестящее подтверждение взглядов Адлера. И все-таки я с этим не могу согласиться, так как это ведет к вносящим заблуждение обобщениям. Я не могу решиться признать особое агрессивное влечение наряду и на одинаковых правах с известными нам влечениями самосохранения и сексуальным. Мне кажется, что Адлер неправильно считает за особенное влечение общий и непременный характер всякого влечения и именно то «влекущее», побуждающее, что мы могли бы описать как способность давать толчок двигательной сфере. Из всех влечений не осталось бы ничего, кроме отношения к цели, после того как мы отняли бы от них отношение к средствам для достижения этой цели, «агрессивное влечение». Несмотря на всю сомнительность и неясность нашего учения о влечениях, я все-таки пока держался бы привычных воззрений, которые признают за каждым влечением свою собственную возможность сделаться агрессивным и без того, чтобы быть направленным на объект. И в обоих влечениях, достигших вытеснения у Ганса, я признал бы давно известные компоненты сексуального либидо.

III.

Прежде чем я приступлю к своим кратким замечаниям по поводу того, что можно извлечь ценного из фобии маленького Ганса для жизни и воспитания детей, я должен ответить на возражение, что Ганс — невротик, отягченный наследственностью дегенерат и ненормальный ребенок по сравнению с другими детьми. Мне уже заранее досадно думать, как сторонники существования «нормального человека» будут третировать нашего бедного маленького Ганса после того, как узнают, что у него действительно можно отметить наследственное отягощение.

Я в свое время пришел на помощь его матери, которая в своем конфликте девичьего периода заболела неврозом, и это даже было началом моих отношений с его родителями. Но я позволю себе лишь с большой робостью привести кое-что в его защиту.

Прежде всего Ганс совсем не то, что после строгого наблюдения можно было бы назвать дегенеративным, наследственно обреченным на нервозность ребенком. Наоборот, это скорее физически хорошо развитый, веселый, любезный, с живым умом мальчишка, который может вызвать радость не только у отца. Конечно, не подлежит сомнению его раннее половое развитие, но для правильного суждения у нас нет достаточного сравнительного материала. Так, например, из одного массового исследования, произведенного в Америке, я мог видеть, что подобные же ранний выбор объекта и любовные ощущения у мальчиков вовсе не так редки; а так как то же известно и из истории детства «великих» людей, то я склонен был думать, что раннее сексуальное развитие является редко отсутствующим коррелятом интеллектуального развития, и поэтому оно встречается чаще у одаренных детей, чем это можно было ожидать.

Открыто сознаваясь в моем неравнодушии к маленькому Гансу, я должен заявить, что он не единственный ребенок, который в периоде детства был одержим фобиями. Известно, что эти заболевания необыкновенно часты, и даже у таких детей, воспитание которых по строгости не оставляет желать ничего большего. Такие дети позже или делаются невротиками, или остаются здоровыми. Их фобии заглушаются в детской, потому что для лечения они недоступны и, наверно, весьма неудобны. В течение месяцев или лет эти фобии ослабевают и кажутся излеченными; какие психические изменения обусловливает подобное излечение, какие связаны с ними изменения характера, об этом никто не знает. И когда приступаешь к психоанализу взрослого невротика, у которого болезнь, предположим, обнаружилась только в годы зрелости, то каждый раз узнаешь, что его невроз связан с таким детским страхом и представляет только продолжение его и что непрерывная и в то же время

ничем не стесненная психическая работа, начинаясь с детских конфликтов, продолжается и дальше в жизни независимо от того, отличался ли первый симптом постоянством или под давлением обстоятельств исчезал. Таким образом, я думаю, что наш Ганс был болен не сильнее, чем столь многие другие дети, которые не носят клички дегенератов; но так как его воспитывали возможно бережнее, без строгостей и с возможно малым принуждением, то и его страх проявился более открыто. У этого страха не было мотивов нечистой совести и страха перед наказанием, которые, наверное, обыкновенно оказывают влияние на уменьшение его. Я склонен думать, что мы обращаем слишком много внимания на симптомы и мало заботимся о том, откуда они происходят. Ведь в деле воспитания детей мы ничего больше не желаем, как покоя, не желаем переживать никаких трудностей, короче говоря, мы культивируем послушного ребенка и слишком мало обращаем внимания, полезен ли для него такой ход развития. Итак, я могу предположить, что продуцирование фобии Гансом было для него целительным, потому что: 1) оно направило внимание родителей на неизбежные трудности, которые ребенку при современном культурном воспитании приносит преодоление прирожденных компонентов влечения, 2) потому что его болезнь повлекла за собой помощь со стороны отца. Быть может, у него даже есть то преимущество перед другими детьми, что он больше не носит в себе того ядра вытесненных комплексов, которое для будущей жизни всякий раз должно иметь какое-нибудь значение. Оно (ядро), наверно, приводит в известной мере к неправильностям в развитии характера, если не к предрасположению к будущему неврозу. Я склонен так думать, но я не знаю, разделят ли мое мнение и другие, подтвердит ли все это опыт.

Но должен спросить, чем повредили Гансу выведенные на свет комплексы, которые не только вытесняются детьми, но которых боятся и родители? Разве мальчик начал серьезно относиться к своим претензиям на мать или место дурных намерений по отношению к отцу заняли поступки? Этого, наверно, боялись бы все те, которые не могут оценить сущность психоанализа и думают, что можно усилить дурные побуждения, если сделать их сознательными. Эти мудрецы только тогда поступают последовательно, когда они всячески убеждают не заниматься всеми теми дурными вещами, которые кроются за неврозом. Во всяком случае они при этом забывают, что они врачи, и у них обнаруживается фатальное сходство с шекспировским Кизилом в «Много шуму из ничего», который тоже дает страже совет держаться подальше от всякого общения с попавшимися ворами и разбойниками. Подобный сброд вовсе не компания для честных людей!

Наоборот, единственные последствия анализа — это то, что Ганс выздоравливает, не боится больше лошадей и начинает относиться к отцу непринужденнее, о чем последний сообщает с усмешкой. Но все, что отец теряет в уважении, он выигрывает в доверии. «Я думал, что ты знаешь все, потому что ты знал это о лошади». Благодаря анализу успешность в вытеснении не уменьшается, влечения, которые были в свое время подавлены, остаются подавленными. Но успех приходит другим путем, так как анализ замещает автоматический и экспрессивный процесс вытеснения планомерной и целесообразной переработкой при помощи высших духовных инстанций. Одним словом, он замещает вытеснение осуждением. Нам кажется, что анализ дает давно ожидаемое доказательство того, что сознание носит биологическую функцию, и его участие приносит значительную выгоду.

Если бы я мог сам все устроить по-своему, я решился бы дать мальчику еще одно разъяснение, которого родители не сделали. Я подтвердил бы его настойчивые предчувствия, рассказав ему о существовании влагалища и коитуса, и таким образом еще больше уменьшил бы неразрешенный остаток и положил бы конец его стремлению к задаванию вопросов. Я убежден, что вследствие этих разъяснений не пострадала бы ни его любовь к матери, ни его детский характер, и он понял бы, что с занятиями этими важными, даже импозантными вопросами нужно подождать, пока не исполнится его желание стать большим. Но педагогический эксперимент не зашел так далеко.

Что между «нервными» и «нормальными» детьми и взрослыми нельзя провести резкой границы, что болезнь — это чисто практическое суммарное понятие, что предрасположение

и переживание должны встретиться, чтобы переступить порог достижения этой суммации, что вследствие этого то и дело многие индивидуумы переходят из класса здоровых в разряд нервнобольных,— все это вещи, о которых уже столько людей говорило и столько поддерживало, что я со своими утверждениями, наверное, окажусь не одиноким. Что воспитание ребенка может оказать мощное влияние в пользу или во вред предрасположению к болезни при этом процессе суммации, считается по меньшей мере весьма вероятным. Но чего надо добиваться при воспитании и где надо в него вмешаться, до сих пор остается под вопросом.

До сих пор воспитание всегда ставило себе задачей обуздывание или правильное подавление влечений; успех получался далеко не удовлетворительный, а там, где он имелся, то — к выгоде небольшого числа людей, для которых такого подавления и не требовалось. Никто также не спрашивал себя, каким путем и с какими жертвами достигается подавление неудобных влечений. Но попробуем эту задачу заменить другой, а именно — сделать индивидуума при наименьших потерях в его активности пригодным для культурной социальной жизни. Тогда нужно принять во внимание все разъяснения, полученные от психоанализа, по поводу происхождения патогенных комплексов и ядра всякой нервозности, и воспитатель найдет уже в этом неоценимые указания, как держать себя по отношению к ребенку. Какие практические выводы можно отсюда извлечь и насколько наш опыт может оправдать проведение этих выводов в нашу жизнь при современных социальных отношениях, я предоставляю другим для испытания и разрешения.

Я не могу расстаться с фобией нашего маленького пациента, не высказав предположения, которое делает для меня особенно ценным этот анализ, приведший к излечению. Строго говоря, из этого анализа я не узнал ничего нового, ничего такого, чего я уже раньше, быть может, в менее отчетливой и непосредственной форме не мог угадать у других взрослых. Неврозы этих других больных каждый раз можно бы свести к таким же инфантильным комплексам, которые открывались за фобией Ганса. Поэтому я считал бы возможным считать этот детский невроз типичным и образцовым, как если бы ничто не мешало приписывать разнообразие невротических явлений вытеснения и богатство патогенного материала происхождению от очень немногих процессов с одними и теми же комплексами представлений.

Из истории одного детского невроза. (Случай Человека-Волка).

1914-1915 г.

I. Предварительные замечания

Заболевание, о котором я намерен здесь сообщить, — опять-таки, в виде отрывка — отличается целым рядом особенностей, которые необходимо отдельно подчеркнуть, прежде чем приступить к изложению самого случая. Случай этот касается молодого человека, впавшего на 18-м году жизни, после гонорейной инфекции, в тяжелую болезнь, выражавшуюся в полной его зависимости от окружающих; он совершенно не был способен к существованию к тому времени, когда — спустя несколько лет после заболевания — с ним было предпринято психоаналитическое лечение. Первые десять юношеских лет до момента заболевания он прожил почти в нормальном состоянии здоровья и закончил среднее образование без особых затруднений. Но в предшествующие годы благополучие нарушалось тяжелыми невротическими страданиями, начавшимися как раз перед самым днем его рождения, на пятом году жизни, в форме истерии страха (фобии животных), превратившейся затем в невроз навязчивости с религиозным содержанием, причем некоторые симптомы сохранились до восьмилетнего возраста.

Содержание моего сообщения составит только этот детский невроз. На прямое предложение пациента с просьбой дать ему полное описание его заболевания, лечения и выздоровления я ответил отказом, так как считаю эту задачу технически неосуществимой и социально недопустимой. Благодаря этому пропадает возможность показать связь между его инфантильным заболеванием и более поздним окончательным. Относительно последнего я могу сказать только, что больной провел много времени в немецких санаториях, и тогда его заболевание авторитетным специалистом было классифицировано как маниакально-депрессивное. Этот диагноз был несомненно верен по отношению к отцу пациента, жизнь которого, полная интересов и деятельности, неоднократно нарушалась припадками тяжелой депрессии. У сына, при многолетнем наблюдении, мне не удавалось ни разу наблюдать перемену настроения, которая по своей интенсивности или по условиям своего возникновения превосходила бы то, что было естественно при той или иной создавшейся психической ситуации. Об этом случае у меня сложилось представление, как об одном из тех, в которых клиническая психиатрия ставит разнообразные и различные диагнозы и которые нужно понимать как последствие невроза навязчивости, самопроизвольно закончившегося выздоровлением с дефектом.

В моем описании будет, следовательно, идти речь об инфантильном неврозе, подвергнувшемся анализу не тогда, когда он был, а лишь пятнадцать лет спустя после того, как он прошел. Такое положение имеет свои преимущества, но вместе с тем и свои недостатки по сравнению с другим. К анализу, производимому непосредственно над невротическим ребенком, кажется, можно отнестись с большим доверием, но такой анализ не может быть очень содержателен; приходится подсказывать ребенку очень много слов и мыслей, и все же самые глубокие слои могут оказаться непроницаемыми для сознания. Анализ детского заболевания, проходящий через среду воспоминаний, у взрослых и духовно зрелых свободен от этих ограничений; но необходимо принять во внимание искажения и переработку, которым подвергаются собственные воспоминания, когда рассматриваешь их ретроспективно в более поздний период жизни. В первом случае получаются, пожалуй, более убедительные результаты, второй — гораздо поучительней.

Во всяком случае, можно утверждать, что анализы детских неврозов могут претендовать на особенно повышенный теоретический интерес. Для правильного понимания неврозов взрослых они дают приблизительно столько же, сколько детские сны для снов взрослых. Дело не в том, что их легче разобрать или что они беднее элементами; трудность проникновения в душевную жизнь ребенка делает работу врача при их анализе особенно тяжелой. Но в них отпадает так много из позднейших наслоений, что самое существенное в неврозе выступает особенно ярко. Сопротивление, оказываемое выводам психоанализа, в настоящей фазе борьбы за психоанализ, как известно, приняло новые формы. Прежде довольствовались тем что отрицали действительную реальность утверждаемых анализом фактов, а для этого лучшим техническим методом было — избегать каких-либо проверок личным опытом.

Этот прием как будто постепенно сходит на нет; теперь идут другим путем: факты признают, но выводы, к которым эти факты приводят, стараются истолковать как-нибудь по-иному и таким образом их обезвредить, чтобы снова освободиться от всех неприличных новинок. Изучение детских неврозов убеждает в полной несостоятельности этих нетрудных или насильственных попыток перетолковать все по-иному. Оно доказывает преобладающее участие так охотно отрицаемых либидинозных влечений в формировании невроза и открывает отсутствие отдаленных культурных целей и стремлений, неизвестных ребенку и не имеющих поэтому для него никакого значения.

Другая черта, на которую излагаемый здесь анализ пытается обратить внимание, находится в связи с тяжестью заболевания и длительностью его лечения. Анализы, приводящие в короткий срок к благоприятному исходу, ценны для самочувствия терапевта и служат доказательством врачебного значения психоанализа; для успехов научного познания они, по большей части, ничего не дают. На них ничему новому не научишься. Они только

потому так быстро удаются, что все необходимое известно уже заранее. Новое можно узнать только из анализов, представляющих особые трудности, для преодоления которых требуется, конечно, много времени. Только в таких случаях удается добраться до самых глубоких и примитивных слоев душевного развития и там найти разрешение проблем позднейших душевных формирований. Тогда начинаешь думать, что только тот анализ, который проник так далеко, заслуживает этого названия. Разумеется, один только случай не учит всему, что хотелось бы знать. Вернее говоря, он мог бы научить всему, если только сам в состоянии все понимать и не вынужден довольствоваться немногим благодаря собственной неопытности при восприятии.

В отношении таких плодотворных трудностей описываемый здесь случай болезни не оставляет желать ничего лучшего. Первые годы лечения не дали почти никакой перемены. Счастливое стечение обстоятельств привело к тому, что, несмотря ни на что, внешние условия сделали возможным продолжение терапевтических попыток. Охотно допускаю, что при менее благоприятных условиях лечение через некоторое время было бы прекращено; что касается точки зрения врача, то я могу сказать только, что в таких случаях последний должен вести себя так же «вне времени», как и само бессознательное, если только он хочет что-нибудь узнать и чего-нибудь достичь. Это ему в конце концов удастся, если он в состоянии отказаться от близорукого терапевтического честолюбия. Ту бездну терпения, покорности, понимания и доверия, которые требуются от больного и его родных, можно встретить только в немногих случаях. Но аналитик может себе сказать, что выводы, полученные в одном случае после такой длительной работы, помогут ему значительно сократить срок лечения следующего такого же тяжелого заболевания и таким образом постепенно преодолеть «вневременность» бессознательного, подчинившись ему в первый раз.

Пациент, которым я здесь занят, долгое время оставался недоступным под броней «установки» покорного безучастия. Он внимательно слушал, понимал, но его ничто не трогало. Его безупречная интеллигентность была как бы отрезана от действовавших сил влечений, господствовавших над всем его поведением в немногих оставшихся ему жизненных отношениях. Потребовалось длительное воспитание, чтобы заставить его принять самостоятельное участие в работе; а когда вследствие этих стараний наступило первое облегчение, он немедленно прекратил работу, чтобы не допустить дальнейших изменений и, таким образом, остаться в создавшейся уютной обстановке. Его боязнь перед необходимостью самостоятельного существования была так велика, что превосходила все страдания, вызванные болезнью. Нашелся только один путь, который помог преодолеть ее. Мне пришлось ждать до тех пор, пока привязанность к моей личности настолько окрепла, что составила противовес этой болезни, и тогда я использовал этот фактор против другого. Руководствуясь верными признаками своевременности, я решил, что лечение должно быть закончено к определенному сроку независимо от того, насколько оно пока продвинулось вперед. У меня было твердое решение не нарушать этого срока; пациент, наконец, поверил серьезности моего намерения. Под неумолимым давлением этого определенного срока его сопротивление пошло на уступки, как и его привязанность к болезни, и тогда анализ в относительно очень короткое время вскрыл весь материал, который сделал возможным разрешение его задержек и уничтожение его симптомов. К этому последнему периоду работы, когда сопротивление временно исчезло, и больной производил впечатление просветленности, обычно возможной только в гипнозе, относятся все те объяснения, которые сделали для меня возможным понимание детского невроза.

Таким образом, ход этого лечения иллюстрирует уже давно установленное аналитической техникой положение, что длина пути, который должен пройти анализ, и обилие материала, которое приходится на этом пути одолеть, не имеют значения в сравнении с сопротивлением, оказываемым во время работы самим больным: с ними приходится считаться лишь постольку, поскольку они по необходимости пропорциональны этому сопротивлению. Это тот же процесс, какой имеет место, когда наступающая армия тратит недели и месяцы, чтобы пройти расстояние, которое в мирное время можно проехать за

несколько часов скорым поездом и которое за некоторое время до того было пройдено враждебной ей армией в несколько дней. Третья особенность описанного здесь анализа опять-таки затруднила решение опубликовать его. Результаты его в общем вполне удовлетворительно совпадали с нашими прежними знаниями или составляли хорошее к ним дополнение. Но некоторые детали казались мне такими замечательными и невероятными, что у меня явилось сомнение в возможности завоевать для них доверие других. Я требовал от пациента строжайшей критики по отношению к своим воспоминаниям, но он не находил в своих показаниях ничего невероятного и продолжал на них настаивать. Читатели, по крайней мере, должны быть убеждены в том, что я сам передаю только сообщенное мне как независимое переживание, без всякого влияния со стороны делаемых мною предположений. В таком случае мне ничего другого не оставалось, как вспомнить ту мудрость, которая гласит, что между небом и землей происходят такие вещи, какие и не снились нашим мудрецам. Тому, кто сумел бы еще основательней освободиться от влияния предвзятых убеждений, удалось бы, наверное, открыть еще больше подобного рода вещей.

II. Обзор среды и история болезни

Историю моего больного я не могу писать ни чисто исторически, ни чисто прагматически; не могу дать ни истории лечения, ни истории болезни, а вынужден комбинировать эти оба способа изложения. Как известно, не найдено еще пути передать в изложении то личное убеждение, которое создается в результате проведенного анализа. Исчерпывающими протокольными записями во время аналитического сеанса, наверное, ничего не сделаешь; составление их исключается к тому же и техникой лечения. Поэтому подобные анализы не следует публиковать с целью убедить тех, кто до сих пор относится отрицательно и недоверчиво. Можно надеяться дать что-нибудь новое только таким исследователям, которые составили уже себе определенное убеждение на основании собственного опыта с больными.

Начну с того, что опишу мир, окружавший ребенка, и то, что легко было узнать из истории его детства и что в течение многих лет лечения не дополнялось и не выяснялось.

Рано женившиеся родители жили еще в счастливом браке, на который первую тень бросили их болезни: женская болезнь матери и первые припадки депрессии у отца, имевшие последствием его отсутствие дома. Пациент учится, разумеется, только гораздо позже понимать болезнь отца, но с болезненным состоянием матери он знакомится уже в ранние детские годы. Из-за этой болезни мать сравнительно мало занималась детьми. Однажды, быть может, на шестом году жизни, он слышит, идя рядом с матерью и держа ее за руку, ее жалобы врачу, которого она провожает на станцию; он запоминает ее слова с тем, чтобы использовать их для себя. Он не единственный ребенок, у него есть еще сестра, старше его на два года, живая, одаренная и преждевременно испорченная, которой суждено сыграть большую роль в его жизни.

За ним ухаживает, насколько хватает его воспоминаний, необразованная старая женщина из народа, питающая к нему неисчерпаемую нежность. Он заменил ей рано умершего сына. Семья живет в имении, из которого летом переезжает в другое. Большой город находится недалеко от обоих имений. Целый период его детства составляет продажа родителями имений и переезд в город. Часто в течение долгого времени в том или другом имении проживают близкие родственники, братья отца, сестры матери, их дети и дедушка и бабушка со стороны матери. Летом обыкновенно родители уезжают на несколько недель. Одно «покрывающее воспоминание» рисует ему картину, как он со своей няней смотрит вслед экипажу, увозящему отца, мать и сестру, а затем спокойно возвращается домой, Он был тогда, вероятно, очень маленьким (Два с половиной года. Почти все сроки удалось впоследствии точно установить.) . Следующим летом сестра осталась дома; была приглашена гувернантка-англичанка, которой было поручено наблюдение за детьми.

В более позднем возрасте ему много рассказывали о его детстве (Сообщениями такого рода нельзя обыкновенно пользоваться как материалом, заслуживающим неограниченного доверия. Весьма естественно без особого труда заполнить пробелы воспоминаний пациента расспросами старших членов семьи: однако я не могу с достаточной решительностью предупредить против такого приема. То, что родственники рассказывают при подобных расспросах, подлежит, возможно, критическому отношению. Всегда приходится вести изложение в зависимости от такого рода сообщений; при этом нарушается доверие к анализу, так как над ним наставлена другая инстанция. То, что только удается вспомнить, проявляется в дальнейшем течении анализа.)

Многое он сам знал, но, разумеется, без временной или внутренней связи. Одно из этих преданий,несметное число раз повторяемое впоследствии, по поводу его позднейшего заболевания знакомит нас с проблемой, разрешение которой нас будет занимать. Сначала он был будто бы кротким, послушным и спокойным ребенком, так что обыкновенно говорили, что ему следовало бы быть девочкой, а старшей сестре его — мальчуганом. Но однажды родители, возвратившись из летней поездки, нашли в нем большую перемену. Он стал недовольным, раздражительным, несдержанным, обижался по всякому поводу, бесился и кричал, как дикарь, так что родители, видя, что состояние его не меняется, высказывали опасение, что позже не будет возможности посылать его в школу. Это было в то лето, когда появилась англичанка-гувернантка, которая оказалась глупой, несносной особой, а к тому же еще и пьяницей. Мать поэтому была склонна привести в связь перемену в характере мальчика с влиянием англичанки, предполагая, что последняя привела его в раздражение своим обращением. Проницательная бабушка, проведшая лето с детьми, придерживалась мнения, что раздражительность ребенка вызвана раздорами между англичанкой и няней. Англичанка неоднократно называла ее ведьмой и выгоняла из комнаты. Ребенок открыто принимал сторону любимой няни и проявлял свою ненависть к гувернантке. Как бы то ни было, вскоре после возвращения родителей англичанку отпустили, а в несносном характере ребенка в то же время ничто не переменилось.

У пациента сохранилось воспоминание об этом тяжелом времени. Он рассказывает, что первое бурное проявление его характера имело место на рождество, когда он не получил двойного подарка, как то ему следовало, потому что день рождества был одновременно и днем его рождения. Своими капризами и обидами он не щадил даже любимую няню и, может быть, ее-то мучил самым жестоким образом. Но эта фаза изменения характера неразрывно связана в его воспоминаниях со многими другими странными и болезненными явлениями, которых он не умеет распределить во временной последовательности. Все, что сейчас последует в рассказе, — что не могло иметь место в одно и то же время и что полно внутреннего противоречия, — он приводит к одному и тому же времени, которое определяет как «еще в первом имении». Он полагает, что выехал из этого имения, когда ему было пять лет. Он помнит, что страдал «страхом», чем пользовалась его сестра, чтобы мучить его. У него была книга с картинками, в которой был изображен волк, стоявший на задних лапах и широко шагавший. Когда ему попадалась на глаза эта книга, он начинал исступленно кричать, боясь, что придет волк и сожрет его. Но сестра всегда умела так устраивать, что ему приходилось смотреть на эту картинку, и радовалась его испугу. Однако он боялся и других животных, маленьких и больших. Однажды он гнался за красивой большой бабочкой с крыльями в желтых полосках, заостренных к концу, желая поймать насекомое (это был, вероятно, адмирал). Вдруг его охватил ужасный страх перед этим насекомым, и он с криком прекратил ловлю. Он питал также к жукам и гусеницам страх и отвращение. Но ему удалось вспомнить, что в то же время мучил жуков и разрезал гусениц; и лошади внушали ему жуткое чувство. Когда били лошадь, он не мог сдерживать крика и однажды должен был из-за этого уйти из цирка. В других случаях он сам любил бить лошадей. Но по воспоминаниям своим он не мог решить, проявлялись ли эти противоположные отношения к животным одновременно или же одно отношение сменялось другим, а в последнем случае, в какой последовательности и когда. Он не мог также сказать, сменилось ли у него это тяжелое

время фазой болезни или сохранилось и в течение последней. Во всяком случае, его последующие рассказы оправдывали предположение, будто в те детские годы он перенес вполне явное заболевание неврозом навязчивости. Он рассказал, что долгое время был очень набожен. Перед сном он должен был долго молиться и творить бесконечно длинный ряд крестных знамений. Вечером он обыкновенно со скамейкой, на которую взбирался, обходил все иконы, висевшие в комнате, и проникновенно целовал каждую. С этим благочестивым церемониалом очень плохо,— а может быть, очень хорошо, — вязалось то обстоятельство, что он вспоминал богохульные мысли, возникавшие в уме его, как наваждение дьявола. Он должен был думать: бог — свинья или бог — кал. Однажды во время путешествия на немецкий курорт он страдал от навязчивости, так как должен был думать о святой троице, когда видел на улице три кучки навоза или другого кала. Тогда же он совершал своеобразный церемониал, когда видел людей, внушавших ему жалость: нищих, калек, старцев. Он должен был с шумом выдохнуть воздух, чтобы не стать таким, как они; при определенных других условиях — втягивать также с силой воздух. Мне казалось вполне естественным предположение, что эти явные симптомы невроза навязчивости относятся к несколько более позднему возрасту и к периоду развития, чем явления страха и жестокости по отношению к животным.

Более зрелые годы жизни пациента протекали при очень неблагоприятном отношении к отцу, который тогда после неоднократных припадков депрессии не мог скрывать болезненных сторон своего характера. В течение первых лет детства взаимоотношения между отцом и сыном отличались большой нежностью, воспоминания о которой сохранились в памяти ребенка. Отец очень любил его и охотно с ним играл. Мальчик с малых лет гордился отцом и говорил, что хочет быть таким господином, как тот. Няня сказала ему, что сестра принадлежит матери, а он — отцу, чем он был очень доволен. На исходе детства между ним и отцом произошло охлаждение. Отец явно оказывал предпочтение сестре, что очень огорчало мальчика. Позже в отношениях к отцу доминировал страх.

Около восьмилетнего возраста исчезли все явления, которые пациент относит к периоду жизни, начавшемуся в «испорченности». Они исчезли не сразу, а несколько раз появлялись снова, но в конце концов исчезли, как думает больной, под влиянием учителей и воспитателей, которые к тому времени заняли место воспитательниц-женщин. Таковы в общих контурах загадки, разрешение которых предстояло найти психоанализу: откуда взялась внезапная перемена характера мальчика, что означала его фобия и его перверсии, каким образом нашла на него его навязчивая набожность и какая связь между этими всеми феноменами? Еще раз напоминаю, что наша терапевтическая работа касалась более позднего рецентного невротического заболевания и что объяснение тех более ранних проблем могло получиться только тогда, когда течение анализа на некоторое время отступало от настоящего и вынуждало нас направляться обходным путем через самое раннее детство.

III. Соблазн и его непосредственные последствия

Самое естественное предположение имело, понятно, в виду англичанку-гувернантку, в присутствии которой наступила перемена в мальчике. У него сохранились два непонятных «покрывающих воспоминания» относительно нее. Однажды, идя впереди, она сказала тем, кто за ней шел: посмотрите-ка на мой хвостик! Однажды во время езды, к великой радости детей, у нее улетела шляпа. Это указывало на кастрационный комплекс и вызывало предположение, что ее угроза по адресу мальчика много способствовала тому, что он стал так странно себя вести. Высказывать анализируемому такого рода предположения не представляет никакой опасности; они никогда не вредят анализу, если оказываются ошибочными, и никто не станет их высказывать, не имея надежды приблизиться благодаря этому к действительности. Под непосредственным влиянием этого предположения у

больного появились сновидения, толкование которых не вполне удавалось, но которые, как будто, всегда вращались вокруг одного и того же содержания. Поскольку их можно было понять, дело в них шло об агрессивных действиях мальчика по отношению к сестре или гувернантке и об энергичных выговорах и наказаниях за это. Как будто... после купания... обнажить сестру... покрывала... или одеяла... хотел сорвать или что-то в этом роде. Но из толкования не удавалось получить чего-либо определенного, и когда создалось впечатление, что в этих снах один и тот же материал разрабатывается различным образом, то не могло уже подлежать сомнению, как следует понимать эти мнимые воспоминания. Речь могла быть тут только о фантазиях, относящихся к детству, которые некогда возникли у больного, вероятно, в юношеские годы и которые теперь снова появились в такой трудно узнаваемой форме.

Понимание их далось сразу, когда пациент вдруг вспомнил тот факт, что сестра соблазнила его на сексуальные поступки, «когда он был еще совсем мал, в первом имении». Сперва явилось воспоминание, что в клозете, которым дети часто пользовались вместе, она предложила ему: покажем друг другу роро (задние части), и за словами последовало и дело. Позже припомнилось более существенное в соблазне ее во всех деталях по времени и месту. Дело происходило весной, в такое время, когда отца не было дома; дети играли на полу в комнате, а мать что-то делала в соседней. Сестра схватила его орган, играла с ним и при этом рассказывала как бы в объяснение непонятные вещи про няню. Няня делает то же самое со всеми, например, с садовником, она ставит его половой орган вниз и затем берет его гениталии.

Таким образом, понятны стали предугаданные прежде фантазии. Они должны были уничтожить воспоминания о событии, которое оскорбляло позже мужское самолюбие пациента, и достигли этой цели, заменив историческую истину чем-то желательным. Согласно этим фантазиям, не он играл пассивную роль по отношению к сестре, а наоборот, он был агрессивен, хотел видеть сестру обнаженной, был остановлен и наказан и поэтому впал в гнев, о котором так много рассказывает домашняя традиция. Было также целесообразно вплести в эту выдумку гувернантку, которой мать и бабушка приписывали главную вину в его припадках гнева. Эти фантазии вполне соответствовали сложившимся легендам, которыми со временем великая и гордая нация постарается окутать слабость и неудачи своего появления на арене истории.

В действительности, во всей этой истории соблазна и его последствий гувернантка могла принимать только весьма отдаленное участие. Сцена с сестрой имела место весною того же года, в летние месяцы которого появилась гувернантка для замены отсутствующих родителей. Враждебность мальчика к гувернантке возникла иным образом. Тем, что она ругала няню и назвала ее ведьмой, она пошла в его глазах по стопам сестры, рассказавшей впервые чудовищные вещи про няню, и, таким образом, дала ему возможность проявить по отношению к ней ту же антипатию, которая, как мы услышим, возникла к сестре вследствие соблазна.

Но соблазн, совершенный сестрой, несомненно, не был фантазией. Достоверность его была подтверждена рассказом в более поздние зрелые годы, которого пациент никогда не забывал. Двоюродный брат, старший более чем на десять лет, в беседе о сестре однажды рассказал ему, что он прекрасно помнит, что она была любопытная чувственная девочка. Ребенком четырех или пяти лет она как-то взобралась к нему на колени, расстегнула брюки, чтобы взять в руки его орган.

Я прерываю теперь историю детства моего пациента, чтобы сказать несколько слов о этой сестре, ее развитии, дальнейшей судьбе и о ее влиянии на него. Она была двумя годами старше его и стояла всегда выше его по своему развитию. Ребенком она была мальчишески шаловливым, а затем стала блестяще развиваться интеллектуально, отличалась острым реалистическим умом, в занятиях предпочитала естественные науки, но также писала и стихи, которые отец ценил очень высоко. Она духовно значительно превосходила своих первых многочисленных поклонников и обычно смеялась над ними. Но с началом двадцатых годов своей жизни она стала впадать в удрученное состояние, жаловалась, что недостаточно

красива, и стала избегать общества. Ее отправили путешествовать в сопровождении близкой немолодой дамы; по возвращении она рассказывала совершенно невероятные вещи о том, как ее спутница ее мучила, но сохраняла, однако, сильную привязанность к своей мнимой мучительнице. Во время второго путешествия вскоре после этого она отравилась и умерла вдали от дома. Вероятно, ее заболевание было началом Dementia praecox. Она служила одним из доказательств значительной невропатической наследственности семьи, но никоим образом не единственным доказательством ее. Один дядя, брат отца, после многих лет жизни, полной чудачеств, умер, проявляя симптомы тяжелого невроза навязчивости; значительное число родственников страдало и страдает более легкими нервными болезнями.

Для нашего пациента сестра была в детстве — не считая соблазна — неудобным конкурентом в отношениях к родителям; беспощадно подчеркиваемое превосходство ее было для него очень тягостным. Он особенно завидовал ей за то уважение, которое отец оказывал ее умственным способностям и проявляемой интеллектуальной деятельности, между тем как он, интеллектуально подавленный со времени возникновения его невроза навязчивости, должен был довольствоваться более низкой оценкой. С четырнадцатилетнего возраста отношения между братом и сестрой стали улучшаться; сходный духовный склад и общая оппозиция родителям сблизила их настолько, что между ними установились самые лучшие приятельские отношения. Во время одного бурного сексуального возбуждения при наступлении половой зрелости он решился попытаться завязать с ней интимные физические отношения. Когда же она ему отказала в такой же мере решительно, как и ловко, он немедленно обратился к молоденькой крестьянской девушке, прислуживавшей в доме и носившей то же имя, что и сестра. Этим он совершил шаг, предопределивший гетеросексуальный выбор объекта, потому что все девушки, в которых он впоследствии, при явных признаках навязчивости, влюблялся, были также прислугой, в отношении образования и интеллигентности уступавшими ему. Если все эти лица были заместительницами запретной для него сестры, то нельзя не признать, что решающим моментом при выборе объектов была его тенденция унизить сестру, уничтожить ее интеллектуальное превосходство, которое в былое время так подавляло его.

Мотивам такого рода, продиктованным волей к могуществу, влечением индивида к самоутверждению, Адлер подчинил, наряду со всеми другими проявлениями, также и сексуальное поведение человека. Никогда не отрицая значения таких мотивов могущества, я никогда не был убежден в том, что они действительно могут играть приписываемую им доминирующую и исключительную роль. Если бы я не довел анализа моего пациента до конца, то наблюдения, сделанные мною в этом случае, должны были бы послужить поводом к тому, чтобы исправить мое предвзятое мнение в пользу взглядов Адлера. Неожиданным образом конец этого анализа дал новый материал, из которого стало ясно, что эти мотивы могущества (в нашем случае тенденция унижения) влияли на выбор объекта только как дополнительная тенденция и как рационализация, между тем как настоящая, глубокая, детерминирующая причина дала мне возможность остаться при моих прежних убеждениях (Смотри ниже.) .

Когда получили известие о смерти сестры, рассказывал пациент, он почувствовал еле ощутимый намек на душевную боль. Он заставлял себя проявлять признаки печали и с полным душевным спокойствием мог радоваться тому, что остался теперь единственным наследником. К этому времени он находился уже в течение нескольких лет во власти своей последней болезни. Должен сознаться, что одно только это сообщение лишило меня на некоторое время уверенности в правильности моего диагноза. Можно было допустить, что боль из-за потери самого любимого члена семьи в проявлении своем наткнется на задержку из-за непрекращающейся ревности и вследствие примеси ставшей бессознательной инцестуозной влюбленности, но я все же не мог отказаться от мысли, что непроявленный взрыв душевной боли должен был найти себе какую-нибудь замену. Эта замена в конце концов нашлась в другом, оставшемся ему непонятным проявлении чувств. Несколько месяцев спустя после смерти сестры он сам совершил путешествие в ту местность, где она

умерла, посетил там место дуэли великого поэта, бывшего тогда его идеалом, и проливал горячие слезы на этой могиле. Эта реакция казалась ему самому странной, потому что ему было хорошо известно, что со смерти обожаемого поэта прошло больше, чем два поколения. Он понял ее только тогда, когда вспомнил, что отец часто сравнивал стихотворения покойной сестры с произведениями великого поэта. Другое указание на правильное понимание этого акта почитания, оказанного как будто поэту, он случайно привел в своем рассказе. Прежде он неоднократно повторял, что сестра застрелилась, а теперь он должен внести поправку, что она приняла яд. Но поэт на дуэли был застрелен из пистолета.

Теперь возвращаюсь к истории брата, которую я, однако, с этого момента должен в некоторой части изложить прагматически. Оказалось, что в то время, когда сестра начала свои попытки соблазна, мальчику было 31/4 — 31/2 года. Это произошло, как сказано, весною того же года, в летние месяцы которого появилась гувернантка и когда осенью родители, по своем возвращении домой, нашли в нем такую глубокую перемену. Весьма естественно эту перемену в нем привести в связь с имевшим место в этот период времени пробуждением его сексуальности.

Как реагировал мальчик на соблазн его старшей сестры? Ответ гласит: отказом, но отказ относился к лицу, а не к делу. Сестра, как половой объект, оказалась для него неприемлемой, вероятно потому, что отношение к ней вследствие соревнования из-за любви родителей приняло враждебный характер. Он стал ее избегать, и ее ухаживания скоро кончились. Но он старался вместо нее найти другое любимое лицо, и рассказы самой сестры, ссылавшейся на пример няни, руководили его выбором. Он начал поэтому играть перед няней своим органом, что, как и во многих других случаях, когда дети не скрывают своего онанизма, должно пониматься, как попытка соблазнить. Няня разочаровала его, сделала серьезное лицо и сказала, что нехорошо так делать: у детей, которые этим занимаются, на этом месте делается «рана».

Влияние этих слов, напоминающих угрозу, можно проследить в различных направлениях. Благодаря им ослабла его привязанность к няне. Теперь он мог бы на нее рассердиться; позже, когда наступили его припадки ярости, оказалось также, что он действительно озлоблен против нее. Но для него было характерно, что всякую либидинозную позицию, от которой он должен был отказаться, он сначала упорно защищал против новой. Когда на сцене появилась гувернантка и обругала няню, прогнала из комнаты, пыталась подорвать ее авторитет, он преувеличил свою любовь к няне и проявил неприязнь и упрямство по отношению к нападающей гувернантке. Тем не менее втайне он стал искать другой сексуальный объект. Соблазн указал ему на пассивную сексуальную цель — искание чьих-либо прикосновений к своим гениталиям; мы услышим, от кого он хотел этого добиться и какие пути вели его к этому выбору.

В полном соответствии с нашим ожиданием мы узнаем, что с первыми генитальными возбуждениями начались его сексуальные исследования и что скоро он столкнулся с проблемой кастрации. В это время он имел возможность наблюдать при мочеиспускании двух девочек, свою сестру и ее приятельницу. Благодаря своей проницательности, он мог бы и сам, наблюдая их, понять настоящее положение вещей, но он вел себя при этом так, как нам это известно о других мальчиках. Он отклонил мысль, что видит здесь подтверждение раны, которой угрожала няня, и объяснил себе, что это «переднее роро» девочек. Такое решение не покончило с темой о кастрации; во всем, что он слышал, он находил новые намеки на нее. Когда однажды детям дали окрашенные продолговатые конфеты, то гувернантка, склонная к диким фантазиям, объявила, что это куски разрезанных змей. Это напомнило ему, что отец однажды во время гуляния увидел змею и разрубил ее своей палкой на куски. Он слышал, как читали историю (из «Рейнеке-Лиса»), как волк хотел зимою ловить рыбу и пользовался своим хвостом для приманки, причем хвост примерз и оторвался. Он расспрашивал о различных названиях, которыми обозначают лошадей в зависимости от сохранения ими половых признаков. Он был, следовательно, занят мыслями о кастрации, но не верил в нее еще и не боялся ее. Известные ему в то время сказки навели его на другие

сексуальные проблемы. В «Красной Шапочке» и в «Семерых козлятах» детей вынимают из живота волка. Был ли, следовательно, волк женским существом или, может быть, и мужчины могли иметь в животе детей? В то время это еще не было решено. Впрочем, во время этих исследований он не знал еще страха перед волком.

Один из рассказов пациента откроет нам путь к пониманию перемены в характере, которая наступила у него во время отсутствия родителей в отдаленной связи с соблазном. Он рассказывает, что после отказа няни и ее угроз он скоро перестал онанировать. Начинающаяся сексуальная жизнь под руководством генитальной зоны подверглась, таким образом, внешней задержке и отброшена была под влиянием этой задержки на прежнюю фазу прегенитальной организации. Вследствие подавления онанизма сексуальная жизнь мальчика приняла анально-садистский характер. Он стал раздражительным, проявлял склонность к мучительству и удовлетворял себя таким образом, мучая людей и животных. Главным его объектом была любимая няня, которую он ухитрялся мучить до того, что она заливалась слезами. Таким образом он мстил ей за полученный отказ и одновременно удовлетворял свое половое желание в форме, соответствующей регрессивной фазе. Он начал проявлять жестокость к маленьким животным, ловить мух, чтобы отрывать у них крылья, давить жуков; в фантазии он любил бить также и крупных животных, лошадей. Это все были безусловно активные, садистские проявления; об анальных чувствованиях этого времени речь пойдет в дальнейшем.

Чрезвычайно ценно, что одновременно в воспоминаниях пациента всплывали фантазии совершенно иного рода, содержащие картины того, как бьют и секут мальчиков, особенно бьют по пенису; а каких мальчиков должны были заменить эти анонимные объекты, легко понять из других фантазий, которые рисовали ему картины того, как престолонаследника запирают в карцер и бьют. Престолонаследником был, очевидно, он сам; садизм обратился, следовательно, в фантазии против него самого и превратился в мазохизм. То обстоятельство, что половой орган сам получает наказание, заставляет сделать вывод, что при этом превращении принимало уже участие сознание своей вины, что относилось к онанизму.

В анализе не оставалось сомнения, что эти пассивные стремления появились одновременно или очень скоро после активно-садистских (Под пассивными стремлениями я понимаю стремления с пассивной сексуальной целью, но имею при этом в виду не превращение одного влечения в другое, а только превращение цели в указанном смысле.).

Это соответствует необычайно ясной, интенсивной и длительной амбивалентности больного, которая здесь впервые проявилась в равномерном развитии противоположных частичных влечений. Такое положение вещей осталось и в будущем для него так же характерным, как и другая черта, выражающаяся в том, что, собственно говоря, ни одна из имевшихся у него когда-либо позиций либидо не уничтожалась вполне более поздней. Она сохранялась наряду со всеми другими и давала ему возможность постоянно колебаться, что было несовместимо с образованием установившегося характера.

Мазохистские стремления мальчика приводят к другому пункту, упоминания о котором я избегал, потому что он был окончательно установлен только анализом следующей фазы развития пациента. Я уже упомянул, что после отказа, полученного от няни, он не стал больше связывать с ней свои либидинозные ожидания и направил свои виды на другое лицо как на сексуальный объект. Этим лицом был тогда отсутствовавший отец. К этому выбору его привело совпадение различных моментов, в том числе и случайных, как воспоминание о змее, рассеченной на куски отцом; но главным образом он возобновил этим выбором свой первый и первоначальный выбор объекта, который, в соответствии с нарциссизмом маленького ребенка, совершен был путем отождествления. Мы уже слышали, что отец был для него образцом, вызывающим удивление, что на вопрос о том, кем он хочет быть, он обыкновенно отвечал: «Господином, как отец». Этот объект идентификации его активных стремлений стал теперь сексуальным объектом пассивного психического течения в анально-садистской фазе. Создается впечатление, будто соблазн, совершенный сестрой, втолкнул его в пассивную роль и дал ему пассивную сексуальную цель. Под постоянным влиянием этого

переживания он описал теперь путь от сестры через няню к отцу, от пассивной установки по отношению к женщине к такому же отношению к мужчине и нашел при этом еще связь со своей прежней естественной фазой развития. Отец стал теперь снова объектом; идентификация, в соответствии с высшим развитием, сменилась выбором объекта; превращение активной направленности в пассивную было результатом и признаком случившегося между тем соблазна. Активная установка по отношению к всемогущему отцу в садистской фазе была бы, разумеется, не так легко осуществима. Когда отец вернулся к концу лета или осенью, припадки ярости и сцены буйства ребенка получили новое применение. По отношению к няне они служили активно-садистским целям; по отношению к отцу они преследовали мазохистские намерения. Проявлениями своей испорченности он хотел заставить отца прибегнуть к наказанию и к ударам и получить от него, таким образом, желанное мазохистское сексуальное удовлетворение. Его припадки крика были прямо попытками к соблазну. Соответственно мотивировке мазохизма, он нашел бы при таком наказании также удовлетворение своего чувства вины. У него сохранилось воспоминание о том, как он во время такой сцены «испорченности» начинает громче кричать, как только к нему подходит отец. Но отец его не бьет, а старается успокоить тем, что играет с ним, как мячом, подушками постельки.

Я не знаю, как часто необъяснимая «испорченность» ребенка дает родителям и воспитателям повод вспомнить о такой типичной связи фактов. Ребенок, который ведет себя так несносно, этим самым делает признание и хочет спровоцировать наказание. В наказании он ищет одновременно и успокоения сознания своей вины, и удовлетворения своих мазохистских сексуальных стремлений.

Дальнейшим разъяснением нашего случая мы обязаны появившемуся с большой точностью воспоминанию о том, что все симптомы страха присоединились к признакам перемены в характере только после одного события. До того не было никакого страха, а непосредственно после события страх проявился в мучительной форме. Время этого превращения можно установить с полной точностью; это случилось перед самым днем рождения его на пятом году жизни. Период детства, которым мы займемся, распадается благодаря этому сроку на две фазы: первая — «испорченности» и перверсности, от момента соблазна в 31/4 года до дня рождения, и более длинная последующая, в которой преобладают признаки невроза. Но событие, делающее такое подразделение возможным, было не внешней травмой, а сновидением, после которого он проснулся со страхом.

IV. Сновидение и «первичная сцена»

Этот сон из-за содержащегося в нем сказочного материала я публиковал уже в другом месте (Сказочный материал в сновидениях. Int . Zeitschr . furarzt . Psychoanalyse . Bd . I , 1913.) и сначала повторю уже сообщенное там:

«Мне снилось, что — ночь, и я лежу в моей кровати (моя кровать стояла так, что ноги приходились к окну; перед окном находился ряд старых ореховых деревьев. Знаю, что была зима, когда я видел этот сон, и ночь). Вдруг окно само распахнулось, и в большом испуге я вижу, что на большом ореховом дереве перед окном сидят несколько белых волков. Их было шесть или семь штук. Волки были совершенно белы и скорей похожи на лисиц или овчарок, так как у них были большие хвосты, как у лисиц, и уши их торча ли, как у собак, когда они насторожатся. С большим страхом, очевидно, боясь быть съеденным волками, я вскрикнул и проснулся . Няня поспешила к моей кроватке, чтобы посмотреть, что со мной случилось. Прошло довольно много времени, пока я убедился, что то был только сон — так естественно и ясно рисовалась мне картина, как открывается окно и как волки сидят на дереве. Наконец я успокоился, почувствовал себя так, будто избежал какой-то опасности, и снова заснул.

Единственным действием во сне было то, как распахнулось окно, потому что волки сидели спокойно без всякого движения на ветках дерева, справа и слева от ствола, и глядели

на меня. Как будто все свое внимание они сосредоточили на мне. Думаю, что это был мой первый кошмарный сон. Мне было тогда три, четыре, самое большее — пять лет. До одиннадцати- или двенадцатилетнего возраста я с тех пор всегда боялся увидеть что-нибудь страшное во сне».

При этом он дает еще рисунок, изображающий дерево с волками на нем, подтверждающий его описание. Анализ сновидения вскрывает нижеследующий материал.

Это сновидение он всегда приводил в связь с воспоминанием о том, что в эти годы детства он проявлял всегда совершенно невероятный страх перед картинкой в одной книжке сказок, изображавшей волка. Старшая, значительно превосходившая его по развитию сестра часто дразнила его, показывая ему под каким-нибудь предлогом именно эту картинку, вследствие чего он начинал ужасно кричать. На картинке волк был изображен стоящим на задних лапах, с выставленной вперед одной задней лапой и протянутыми вперед передними лапами и навостренными ушами. Он думает, что картинка была иллюстрацией к сказке о Красной Шапочке.

Почему волки белы? Это напоминает ему овец, большие стада которых разводились недалеко от имения. Отец брал его иногда с собой при посещении этих стад, и он бывал в таких случаях всегда горд и счастлив. Позже — по наведенным справкам весьма возможно, что это было незадолго до сновидения — среди овец появился мор. Отец выписал одного ученика Пастера, который сделал животным прививку, но после прививки они погибали в еще большем количестве, чем до того.

Каким образом волки попали на дерево? По этому поводу ему припоминается история, которую он слышал от дедушки. Он не может вспомнить, слышал ли он это до или после сновидения, но по содержанию рассказа это безусловно должно было предшествовать сновидению. История эта гласит: «Один портной сидел за работой в своей комнате, как вдруг распахнулось окно и на него прыгнул волк. Портной бьет его аршином — нет, поправляется он — портной схватывает его за хвост и отрывает хвост, так что испуганный волк убегает. Несколько времени спустя портной шел лесом и вдруг видит стаю волков, от которых спасается на дереве. Сначала волки растерялись, но находившийся среди них бесхвостый, желавший отомстить портному, предлагает, чтобы один волк влез на другого с тем, чтобы самый верхний добрался до портного. Сам он — матерый старый волк — составит основание этой пирамиды. Волки так и делают, но портной узнал наказанного посетителя и закричал вдруг, как и тогда: ловите серого за хвост. При этом воспоминании бесхвостый волк испугался, убежал, а все прочие свалились вниз».

В этом рассказе имеется дерево, на котором в сновидении сидят волки. Но он имеет также вполне определенную связь с кастрационным комплексом. У старого волка портной оторвал хвост. Лисьи хвосты у волков в сновидении являются, вероятно, компенсацией за эту «бесхвостость».

Почему имеется пять или шесть волков? На этот вопрос не находилось ответа, пока я не выразил сомнения в том, может ли его страшная картинка относиться непременно к сказке о Красной Шапочке. Эта сказка дает повод только к двум иллюстрациям: ко встрече Красной Шапочки с волком в лесу и к сцене, когда волк лежит в чепчике бабушки в ее кровати. За воспоминанием о картинке должна, следовательно, скрываться какая-нибудь другая сказка. Тогда он скоро вспомнил, что такой сказкой может быть только сказка о волке и семерых козлятах . Здесь имеется также число семь, потому что волк пожирает только шестерых козлят, а седьмой прячется в ящике от часов. Также и белое встречается в этой сказке, потому что волк велит пекарю выбелить себе ногу, после того как козлята при первом посещении узнали его по серой лапе. Впрочем, в обеих сказках много общего. В обеих имеет место пожирание, взрезание живота, извлечение съеденных, замена их тяжелыми камнями, и, наконец, в обеих злой волк погибает. В сказке о козлятах встречается также и дерево. После обеда волк ложится под деревом и храпит.

Этим сном я должен буду заняться еще в другом месте, благодаря особому обстоятельству, подробнее истолкую и оценю его. Это первый кошмарный сон,

сохранившийся в воспоминаниях с детства, содержание которого, в связи с другими снами, последовавшими вскоре после этого, и с известными событиями детства сновидца, будят совершенно исключительный интерес. Здесь мы ограничиваемся указанием на отношение сновидения к двум сказкам, имеющим много общего между собой, к «Красной Шапочке» и к «Волку и семерым козлятам». Впечатление от этих сказок выразилось у ребенка в форме настоящей фобии животных, отличающейся от других подобных случаев только тем, что страшное животное было не легко доступным для восприятия объектом (вроде лошади и собаки), а знакомо лишь по рассказам и из книжки с картинками.

В другой раз я подробно изложу, какое объяснение имеют эти фобии животных и какое значение следует им приписывать. Пока замечу только, что это объяснение очень подходит к главному характеру, который носил невроз сновидца в более позднем возрасте. Страх перед отцом был сильнейшим мотивом его заболевания, и амбивалентная установка ко всякому заместителю отца господствовала во всей его жизни, как и в его поведении во время лечения.

Если волк был у моего пациента только первым заместителем отца, то возникает вопрос, имеют ли сказки о волке, который пожирает козлят, и о Красной Шапочке своим тайным содержанием что-либо другое, чем инфантильный страх «перед отцом»? (Сравните подчеркнутое O. Rank сходство этих обеих сказок с мифом о Кроносе (Volkerpsychologische Parallelen zu den infantilen Sexualtheorien ; Zentralblatt fur Psychoanalyse , II , 8))

У отца моего пациента была, кроме того, особенность «ласковой брани», которую проявляют многие в обращении со своими детьми, и угроза в шутку «я тебя съем» в первые годы, вероятно, не раз была произнесена, когда позже строгий отец, играя, ласкал своего маленького сына. Одна моя пациентка рассказала мне, что оба ее ребенка никогда не могли полюбить дедушку, потому что, играя с ними, он их часто пугал тем, что вскроет им живот.

Оставим в стороне все, что в этой статье предвосхищает использование сновидения, и вернемся к его ближайшему толкованию. Хочу заметить, что это толкование составило задачу, разрешение которой тянулось в течение нескольких лет. Пациент сообщил сновидение очень рано и скоро присоединился к моему убеждению, что за этим скрывается причина его инфантильного невроза. В период лечения мы часто возвращались к сновидению, но только в последние месяцы удалось вполне понять его, и только благодаря самостоятельной работе пациента. Он всегда подчеркивал, что два момента сновидения произвели на него самое сильное впечатление, во-первых — полное спокойствие и неподвижность волков и, во-вторых, напряженное внимание, с которым они на него глядели. Также казалось ему замечательным то длительное чувство реальности, которым закончился сон.

С этого последнего мы и начнем. Из нашего опыта с толкованием сновидений нам известно, что этому чувству реальности нужно придавать определенное значение. Оно убеждает нас в том, что нечто в латентном содержании сновидения имеет право считаться воспоминанием действительности, т. е. что сновидение имеет отношение к событиям действительности, которые на самом деле имели место, а не только разыгрались в фантазии. Разумеется, речь может идти только о действительности чего-то, что неизвестно; например, убеждение, что дед действительно рассказал историю про портного и волка или что ему, сновидцу, действительно читали вслух сказки про Красную Шапочку и про семерых козлят, никогда не могло бы быть заменено чувством действительности более длительным, чем сновидение.

Сновидение как будто намекало на какое-то событие, реальность которого подчеркивается особенно в противоположность нереальности сказок.

Если за содержанием сновидения предполагать такую неизвестную, т. е. ко времени, когда приснился сон, уже забытую, сцену, то эта сцена должна была иметь место в очень раннем детстве. Сновидец так и говорит: «Когда я видел этот сон, мне было три, четыре, самое большее пять лет». Мы может прибавить: «И сон этот мне что-то напомнил, что должно быть отнесено к еще более раннему периоду».

К содержанию этой сцены должно привести то, что сновидец подчеркнул из явного

содержания сновидения, — моменты внимательного разглядывания и неподвижности, Мы, разумеется, ждем, что этот материал воспроизводит в каком-нибудь искажении неизвестный материал, может быть, даже искаженный в смысле полной противоположности.

Из сырого материала, который дал первый анализ с пациентом, можно было также сделать несколько выводов, которые удалось вплести в искомую связь. За упоминанием об овцеводстве можно было искать доказательства его сексуальных исследований, интересы которых он мог удовлетворять во время своего посещения стад совместно с отцом, но при этом также должны были иметь место и намеки на страх смерти, потому что овцы погибли, по большей части, от мора. То, что в сновидении было ярче всего — волки на дереве, — прямо вело к рассказу деда, в котором не могло быть ничего другого, захватывающего и возбуждающего сновидение, как только связь с кастрационным комплексом.

Из первого неполного анализа сновидения мы далее заключили, что волк является заместителем отца, так что в этом первом кошмарном сне проявился страх перед отцом — страх, который с того времени преобладал во всей его жизни. Такой вывод сам по себе, правда, не был еще обязателен. Но если в результате предварительного анализа мы сопоставим то, что удается вывести из данного сновидцем материала, то у нас имеются приблизительно следующие отрывки для реконструкции.

Действительное событие — относится к очень раннему возрасту — разглядывание — неподвижность — сексуальные проблемы — кастрация — отец — что-то страшное .

Однажды пациент стал продолжать толкование сновидения. Место сновидения, говорил он, в котором значится «вдруг окно само распахнулось», не совсем выяснено в отношении к окну, у которого сидит портной и через которое в комнату впрыгивает волк. Оно должно означать: вдруг открываются глаза. Следовательно, я сплю и вдруг просыпаюсь, при этом что-то вижу: дерево с волками на нем. Против этого ничего нельзя было возразить, но это можно было использовать дальше. Внимательное разглядывание, приписываемое в сновидении волкам, оказывается, нужно перенести на него самого. Тут в решительном пункте имело место превращение в противоположное, которое, впрочем, проявляется посредством другого превращения в явном содержании сновидения. Превращением было также и то, что волки сидели на дереве, между тем как, по рассказу деда, они находились внизу и не могли влезть на дерево.

Если в таком случае и другой момент, подчеркнутый сновидцем, искажен превращением в противоположное, тогда вместо неподвижности (волки сидят совершенно неподвижно, глядят на него и не трогаются с места) должно наблюдаться большое движение. Он, следовательно, внезапно проснулся и увидел перед собой сцену, заключавшуюся в большом движении, на которую он смотрел с напряженным вниманием. В одном случае искажение состоит в замене субъекта объектом, активности пассивностью, быть рассматриваемым вместо рассматривать; в другом случае — в превращении в противоположное: спокойствие вместо подвижности.

Дальнейший шаг вперед в понимании сновидения составила появившаяся внезапно мысль: дерево это — елка. Теперь он уже знал, что сновидение появилось перед самым рождеством в ожидании сочельника. Так как день рождества был также и днем его рождения, то явилась возможность с точностью установить время сновидения и происшедшего в связи с ним изменения его душевного состояния. Это было накануне дня его рождения на четвертом году жизни. Он заснул в напряженном ожидании того дня, когда должен был получить двойные подарки. Нам известно, что ребенок при таких условиях легко предвосхищает исполнение своих желаний в сновидении. В сновидении, следовательно, было уже рождество, содержание сновидения показывало ему предназначенные для него подарки, которые висели на дереве. Но вместо подарков оказались волки, и сон закончился тем, что им овладел страх быть съеденным волком (вероятно, отцом), и тогда он прибег к помощи няни. Знание его сексуального развития до сновидения дает нам возможность восполнить пробел в сновидении и объяснить превращение удовлетворения в страх. Среди образующих сон желаний сильней всего, вероятно, было желание получить сексуальное

удовлетворение, которого он тогда добивался от отца. Силе этого желания удалось освежить давно забытые следы воспоминаний о сцене, которая могла ему показать, какой вид имело сексуальное удовлетворение, доставляемое отцом, и в результате появился испуг, отчаяние перед исполнением этого желания, вытеснение этого душевного движения, выразившегося в этом желании, и он обратился в бегство от отца к не представляющей опасности няне.

Значение этого срока — рождества — сохранилось в указанном воспоминании о первом припадке ярости, явившейся следствием неудовлетворенности рождественскими подарками. Воспоминание соединило правильное с неправильным; оно не могло быть верным без всяких изменений, потому что, согласно часто повторяемым показаниям родителей, его «испорченность» обратила на себя внимание уже после их возвращения осенью, а не на рождество; но самое существенное во взаимоотношении между недостаточным любовным удовлетворением, яростью и рождеством сохранилось в воспоминании.

Но какой образ мог вызвать действующую в ночном время сексуальную тоску и оказаться в состоянии так интенсивно отпугнуть от желанного удовлетворения? Судя по материалу анализа, этот образ должен был бы выполнить одно условие: он должен был подходить для того, чтобы обосновать убеждение в существовании кастрации. Страх кастрации становился в таком случае двигателем для превращения аффекта.

Тут я подхожу к месту, где мне приходится перестать придерживаться хода анализа. Боюсь, что это будет в то же время и тем местом, где читатель перестанет мне верить.

В ту ночь из хаоса бессознательных следов воспринятых впечатлений оживилась картина коитуса между родителями при не совсем обыкновенных и для наблюдения особенно благоприятных обстоятельствах. Постепенно удалось для всех вопросов, которые могли быть связаны с этой сценой, получить удовлетворительные ответы, благодаря тому, что этот первый сон в течение лечения возвращался с бесконечными изменениями и в повторных изданиях, которым анализ давал желательное объяснение. Так выяснился сперва возраст ребенка во время этого наблюдения, а именно — около 1 1 /2 года (Наряду с этим могла бы быть речь, с гораздо меньшей вероятностью, о едва допустимом в сущности возрасте в 1 /2 года.). Он страдал тогда малярией, припадок которой наступал ежедневно в один и тот же час (Сравни позднейшее превращение этого момента в неврозе навязчивости. В сновидениях во время лечения — замена сильным ветром.).

С десятилетнего возраста он был подвержен временами депрессивным настроениям, начинавшимся после обеда и достигавшим наибольшей высоты к пяти часам. Этот симптом сохранился еще и во время аналитического лечения. Возвращающаяся депрессия заменяла тогдашний припадок лихорадки и слабости; пятый час был временем или наибольшего повышения температуры, или наблюденного коитуса, если оба срока вообще не совпадали (С этим нужно привести в связь и то, что пациент нарисовал для иллюстрации сна только пять волков, хотя в тексте сна говорится о шести или семи.).

Вероятно, именно вследствие этой болезни он находился в комнате родителей. Эта подтвержденная непосредственной традицией болезнь заставляет нас перенести это событие на лето и вместе с тем предположить, что ребенку, родившемуся на рождество, могло быть 1,5 года. Он спал, следовательно, в комнате своих родителей в своей кроватке и проснулся, вследствие повышающейся температуры, после обеда, может быть около пяти часов, отмеченных позже депрессией. Это согласуется с предположением о том, что это происходило в жаркий летний день, если допустить, что родители полураздетые (В белом белье, белые волки.) прилегли отдохнуть после обеда. Когда он проснулся, он стал свидетелем трижды повторенного (Почему три раза? Вдруг он стал утверждать, что эту деталь я узнал путем толкования. Но это было неверно. Эта мысль пришла ему сама в голову без какой бы то ни было критики, и, по обыкновению своему, он ее приписал мне и благодаря такой проекции сделал ее более вероятной.) коитуса a tergo , мог при этом видеть гениталии матери и пенис отца и понял значение происходящего (Хочу сказать, что происходящее он понял в то время, когда ему приснился сон, в 4 года, а не тогда, когда

сделал свое наблюдение. В 1,5 года он получил определенное впечатление, понимание которого стало для него возможным позже, в то время, когда он видел сон благодаря своему развитию, сексуальному возбуждению и сексуальному исследованию.). Наконец, он помешал общению родителей и позже будет сказано, каким именно образом.

В сущности, ничего необыкновенного нет в этом, и не производит впечатления дикой фантазии тот факт, что молодая, несколько лет тому назад поженившаяся супружеская пара после послеобеденного сна в жаркую летнюю пору предается нежному общению и не обращает при этом внимания на присутствие полуторагодовалого спящего в своей кровати ребенка. Я полагаю, что это скорее нечто банальное, повседневное, и предполагаемое положение при коитусе не может повлиять на наше мнение. В особенности, если из имеющегося материала не следует, что коитус всякий раз производился в положении a tergo . Одного раза было бы достаточно, чтобы дать зрителю возможность сделать наблюдения, которые было бы очень трудно сделать или даже совсем невозможно при другом положении любящих. Содержание самой сцены не может, поэтому, быть доказательством того, что она не заслуживает доверия. Сомнение в вероятности направится на три других пункта: на то, что ребенок в раннем возрасте, 11/2 года, окажется в состоянии воспринять такой сложный процесс и с такой точностью сохранить его в бессознательном, во-вторых — против того, что последующая, дошедшая до понимания, обработка воспринятого таким образом впечатления возможна в 4 года и, наконец, что может удасться каким бы то ни было способом довести до сознания подробности такой сцены, пережитой и понятой при таких обстоятельствах в общей связи и убедительным образом (Из первой из этих трудностей нельзя выйти, допустив, что ребенок к тому времени, когда он наблюдал эту сцену, был, вероятно, старше на год, т. е. ему было 21/2 года, когда он, может быть, уже умел вполне хорошо говорить. Для моего пациента, благодаря совокупности привходящих обстоятельств в данном случае, такое отодвигание времени событий почти исключается. Впрочем, необходимо принять во внимание, что подобные сцены наблюдения родительского коитуса вовсе не редко открываются в анализе. Но условием их является именно то, что они случаются в раннем детстве. Чем старше ребенок, тем тщательней, на известном социальном уровне, родители станут оберегать ребенка от возможности делать такого рода наблюдения.).

Позже я более тщательно исследую эти и другие сомнения; уверяю читателя, что я не менее, чем он, критически отношусь к допущению такого наблюдения у ребенка и прошу его вместе со мной решиться пока поверить в реальность этой сцены. Сперва продолжим изучение отношения этой «первичной сцены» («Urszene») к сновидению, к симптомам и к истории жизни пациента. Мы проследим в отдельности, какое действие произвели содержание сцены, по существу, и одно из ее зрительных впечатлений, в частности.

Под последним я понимаю положение родителей, которое он видел, вертикальное — мужчины и звероподобное, согнутое — женщины. Мы уже слышали, что в то время, когда он страдал страхами, сестра пугала его картинкой из сказок, на которой волк был изображен в вертикальном положении, с выдвинутой вперед задней лапой, протянутыми вперед передними и навостренными ушами. Во время лечения он не пожалел трудов на поиски в антикварных магазинах, пока не отыскал книжку сказок из своего детства и узнал пугавшую его картинку в иллюстрации к сказке о «Волке и семерых козлятах». Он полагал, что положение волка могло ему напомнить положение отца во время сконструированной «первичной сцены». Эта картинка, во всяком случае, стала исходным пунктом дальнейшего развития страха. Когда он на седьмом или восьмом году жизни однажды узнал, что завтра к нему придет новый учитель, он в ближайшую ночь видел этого учителя во сне в виде льва, который с громким рыканьем приближался к его кровати в положении волка на той картинке, и опять проснулся со страхом. Фобия волка была тогда уже преодолена, у него была поэтому свободная возможность выбрать себе нового зверя, как предмет страха, и в этом позднем сновидении он узнал в учителе заместителя отца. Каждый учитель его в более поздние годы его детства играл ту же роль отца и приобретал влияние отца как в хорошую, так и в дурную сторону.

Судьба дала ему особенный повод освежить свою фобию волка в гимназическое время и лежавшее в основе ее отношение сделать исходной точкой тяжелых задержек. Учитель, преподававший в его классе латынь, назывался Вольф (волк). С самого начала он стал его бояться; однажды учитель его жестоко выбранил из-за глупой ошибки в латинском переводе, и с тех пор он не мог уже освободиться от чувства парализующего страха перед этим учителем, страха, который скоро перенесся и на других учителей. Но и случай, при котором он ошибся в переводе, не был свободен от внутренних отношений. Он должен был перевести латинское слово «filius» и перевел его, употребив французское слово «fils» вместо соответствующего слова на родном своем языке. Волк все еще оставался отцом (После этой брани со стороны учителя Вольфа ему стало известно общее мнение товарищей, что учитель для примирения ждет от него денег. К этому мы вернемся позже. Могу себе представить, какое большое значение это имело бы для рационалистического взгляда на такую историю болезни, если бы можно было предположить, что весь страх перед волком в действительности исходил от учителя латинского языка с такой фамилией, что он был проецирован обратно в детство и вызвал при посредстве иллюстрации к сказке фантазию о первичной сцене. Но с этим согласиться нельзя; первенство фобии волка во времени и перенесение ее в детские годы в первом имении установлены с несомненностью. А сновидение в 4 года?) .

Первый «преходящий симптом» (Ferenczi . Uber passagere Symptombildung wahrend der Analyse. Zentralblattf. Psychoanalyse, II.Jng.1912.S .588.) , который появился v пациента во время лечения, относился еще к фобии волка и к сказке о семерых козлятах. В комнате, где происходили первые сеансы, находились большие стенные часы против пациента, лежавшего, отвернувшись от меня, на диване. Я обратил внимание на то, что он время от времени поворачивал ко мне лицо, смотрел на меня очень дружелюбно, как будто старался умилостивить меня, и затем переводил взор на часы. Я полагал тогда, что этим он выражает свое сильное желание поскорей закончить сеанс. Долгое время спустя пациент напомнил мне эту игру выражения его лица и жестов и дал мне ее объяснение, напомнив, что самый младший из семерых козлят спрятался в ящике стенных часов, между тем как шесть остальных его братьев были съедены волком. Он хотел тогда сказать: будь добр со мной. Должен ли я тебя бояться? Сожрешь ли ты меня? Должен ли я спрятаться от тебя в ящике от часов, как самый младший из козлят?

Волк, которого он боялся, был, несомненно, его отец, но страх перед волком был связан с условием вертикального положения. На основании своих воспоминаний он с полной определенностью утверждает, что изображения волка, идущего на всех четырех лапах или, как в сказке «Красная Шапочка», лежащего в кровати, не испугали бы его. Не меньшее значение имело положение, в котором он, согласно нашей конструкции «первичной сцены», видел женщину; но это значение осталось ограниченным в сексуальной области. Самым замечательным явлением в его любовной жизни по наступлении зрелости были припадки навязчивой чувственной влюбленности, которые наступали и вновь исчезали в загадочной последовательности, развивали в нем колоссальную энергию даже в периоды заторможенности и овладеть которыми было совершенно не в его власти. Полную оценку этой навязчивой любви я должен отложить до другого места вследствие особенно ценной связи ее с другими моментами, но здесь могу указать, что она была связана с определенным, скрытым для него условием, узнать о котором удалось только во время лечения. Женщина должна была занять положение, какое в «первичной сцене» мы приписываем матери. Крупные, бросающиеся в глаза задние части он с юных лет воспринимал, как самую привлекательную прелесть женщины; коитус не а tergo почти не доставлял ему наслаждения. Критическое соображение вполне оправдывает возможное здесь возражение, что такое сексуальное предпочтение, оказываемое задним частям тела, составляет общий характер лиц, склонных к неврозу навязчивости, и не оправдывает объяснение, приписываемое особенному впечатлению, имевшему место в детские годы. Оно входит в состав анально-эротического предрасположения и относится к тем архаическим чертам, которыми отличается эта

конструкция. Коитус a tergo — того ferrarum можно ведь филогенетически рассматривать, как более старую форму. Мы вернемся к этому пункту в позднейшей дискуссии, когда приведем материал, касающийся бессознательных условий его любовного чувства.

Будем теперь продолжать рассмотрение отношений между сновидением и «первичной сценой». Согласно теперешним нашим ожиданиям, сон должен был представить ребенку, радующемуся исполнению своих желаний к рождеству, картину сексуального удовлетворения отцом в том виде, в каком он это наблюдал в той «первичной сцене», что стало образцом собственного удовлетворения, которое он желал получить от отца. Но вместо этой картины появляется материал истории, незадолго до того рассказанный дедом: дерево, волки, «бесхвостость» в форме сверхкомпенсации в виде пушистых хвостов означенных волков. Здесь у нас не хватает связи, ассоциативного моста, который ведет от содержания «первичной сцены» к истории о волке. Эта связь создается опять-таки только этим положением. Бесхвостый волк предлагает другим в рассказе деда взобраться на него. Эта деталь вызвала в воспоминаниях картину «первичной сцены». Таким путем материал «первичной сцены» мог быть заменен материалом из истории о волке и при этом одновременно двое родителей могли быть заменены по желанию несколькими волками. Ближайшее превращение содержания сновидения состояло в том, что история о волке приспособилась к содержанию сказки о семерых козлятах, позаимствовав у нее число семь (Шесть или семь значится во сне: 6 — число съеденных детей, 7-й спасается в часовом ящике. Строгий закон толкования сновидения сохраняет свою силу, каждая деталь получает свое объяснение.). Превращение материала: «первичная сцена» — история о волке — сказка о семерых козлятах — является отражением развития хода мыслей во время образования сновидения; тоска по сексуальному удовлетворению отцом — понимание связанного с ним условия кастрации — страх перед отцом. Полагаю, что кошмарный сон четырехлетнего ребенка только теперь выяснен вполне (После того, как нам удался синтез этого сна, я хочу попробовать изложить в ясной форме отношение явного содержания сновидения к скрытым его мыслям.

Ночь, я лежу в своей кровати. Последнее является началом репродукции «первичной сцены». «Ночь» — представляет собой искажение вместо — я спал. Замечание: я знаю, что была зима, когда мне это приснилось, и ночь, — относится к воспоминанию о сновидении и не входит в его содержание. Оно вполне верно: это была одна из ночей, ближайших ко дню его рождения, т. е. к рождеству.

Вдруг окно само распахнулось . Это нужно понимать — вдруг я сам просыпаюсь, воспоминание о «первичной сцене». Влияние истории о волке, в которой волк вскакивает через окно, оказывает свое модифицирующее действие и превращает непосредственное выражение в образное. Введение окна служит одновременно для того, чтобы переместить в настоящее время следующее содержание сновидения. В сочельник вдруг открывается дверь и появляется елка с подарками. Здесь сказывается, таким образом, влияние действительного рождественского ожидания, которое включает в себя сексуальное удовлетворение.

Большое ореховое дерево заменяет елку, т. е. относится к действительному; кроме того, еще дерево из истории о волке, на которое взбирается преследуемый портной и под которым стерегут его волки. Высокое дерево является также, как я в этом часто убеждался, символом наблюдения Voyeurtum : если сидишь на дереве, можешь видеть все, что происходит внизу, а сам остаешься невидимым. Сравни известную историю Боккаччо и др.

Волки. Их число: шесть или семь. В истории о волке появляется целая стая без указания числа. Определение числа указывает на влияние сказки о семерых козлятах, из которых съедено шесть. Замена числа два в «первичной сцене» несколькими, что было бы абсурдно в «первичной сцене», желательно сопротивлению, как средство искажения. В сделанном к этому сну рисунке сновидец подчеркнул число 5, исправляющее, вероятно, указание: была ночь.

Они сидят на дереве . Во-первых, они заменяют висящие на дереве рождественские подарки. Но они также помещены на дерево потому, что это может означать: они глядят. В

истории деда они находятся под деревом. Их отношение к дереву превращено, следовательно, во сне в обратное, откуда приходится заключить, что в содержании сновидения имеют место еще и другие превращения латентного материала.

Они глядят на него с напряженным вниманием . Эта черта происходит всецело из первичной сцены, за счет полного превращения в сновидении.

Они совсем белые . Эта несущественная, сама по себе, но резко подчеркнутая в рассказе сновидца черта, своей интенсивностью обязана значительной спайке элементов из всех слоев материала и соединяет второстепенные детали других источников сновидения со значительной частью «первичной сцены». Это последнее детерминирование исходит из белизны постельного и нательного белья родителей; сюда же относится белизна овечьих стад, собак пастухов, как намек на его сексуальное исследование над животными, белизна в сказке о семерых козлятах, в которой мать узнают по белизне ее руки. Ниже мы поймем, что белое белье является также намеком на смерть.

Они сидят неподвижно. Этим высказывается противоречие со странным содержанием виденной сцены, с подвижностью, которая, благодаря связанному с ним положению, соединяет «первичную сцену» с историей о волке.

У них хвосты, как у лисиц. Это должно противоречить результату, который получился от влияния «первичной сцены» на историю о волке, и в этом приходится признать самый важный вывод, к которому привело его сексуальное исследование: значит, действительно существует кастрация. Испуг, с которым встречается этот результат размышления, находит себе, наконец, выход в сновидении и приводит к его концу.

Страх быть съеденным волками. Сновидцу казалось, что этот страх не мотивирован содержанием сновидения. Он говорил: мне не следовало бы бояться, потому что волки были, скорее, похожи на лисиц или на собак, они на меня не бросались для того, чтобы укусить меня, и они были совершенно спокойны и совсем не страшны. Мы узнаем, что работа сновидения некоторое время старалась обезвредить мучительные содержания, превратив их в противоположные (они неподвижны, у них самые прекрасные хвосты), пока, наконец, это средство уже не помогает, и страх берет верх. Он достигает этого при помощи сказки, в которой детки — козлята пожираются волком — отцом. Возможно, что это место сказки само по себе напомнило шутливые угрозы отца, когда он играл с ребенком, так что страх быть съеденным волком так же хорошо мог быть воспоминанием, как и заменой путем сдвига.

Мотивы желаний в этом сновидении совершенно осязательны; к поверхностным желаниям дня, чтобы скорее уже наступило рождество (сны от нетерпения), присоединяется более глубокое непрекращающееся в то же время желание сексуального удовлетворения от отца, которое сначала заменяется желанием снова увидеть то, что тогда произвело такое сильное впечатление. Тогда протекает психический процесс от исполнения этого желания в воспоминаниях о «первичной сцене» до ставшего теперь неизбежным отказа от этого желания и вытеснения.

Обстоятельность и подробность изложения, необходимые благодаря старанию дать читателю какой-нибудь эквивалент взамен убедительности проведенного над самим собой анализа, пусть убедит его не требовать публикации анализов, тянувшихся в течение нескольких лет.) .

После всего вышесказанного я могу лишь вкратце остановиться на патологическом влиянии «первичной сцены» и на тех изменениях, которые пробуждение этой сцены вызвало в его сексуальном развитии. Проследим только то действие, которое нашло себе выражение в сновидении. Позже выяснится, что не одно только сексуальное течение произошло от этой «первичной сцены», а целый ряд течений, прямо расщепление сексуальной жизни. Далее мы должны будем принять во внимание, что оживление этой сцены (я нарочно избегаю слова «воспоминание») имеет то же действие, как если бы это было настоящее переживание. Сцена действует спустя некоторое время, и за это время — в промежутке между полутора и четырьмя годами — она не потеряла своей свежести. Может быть, мы в дальнейшем найдем

признаки того, что определенное действие она оказала уже в то время, когда была воспринята, т. е. начиная с полутора лет.

Когда пациент погружался в ситуацию «первичной сцены», то он высказывал следующее самонаблюдении. Раньше он полагал, что наблюдаемое происшествие представляет собой акт насилия, но этому не соответствовало выражение удовольствия, которое он видел на лице матери; он должен был признать, что дело идет тут об удовлетворении (Правильнее всего, может быть, мы поймем указание пациента, если допустим, что сначала предметом его наблюдения был коитус в нормальном положении, который должен произвести впечатление садистского акта. Только после этого церемонилось положение, так что у него был случай сделать другие наблюдения и рассуждать иначе. Но это предположение не достоверно и не кажется мне необходимым. Сокращенное изложение текста не должно заставить нас забыть настоящее положение вещей, а именно, что анализируемый в возрасте 25 лет выражал словами впечатления и душевные движения, относившиеся к четырехлетнему возрасту, которые тогда он выразить не сумел бы. Если пренебречь этим замечанием, то легко может показаться комичным и невероятным, что четырехлетний ребенок может быть способным высказывать такие специальные суждения и ученые мысли. Это просто второй случай запоздалого действия . В возрасте полутора лет ребенок получает впечатление, на которое он не может достаточно полно реагировать. В четырехлетнем возрасте, когда это впечатление снова оживает, оно производит на него сильное впечатление, и он начинает его понимать. И только 20 лет спустя, во время анализа, ему удается сознательным мышлением понять то, что в нем тогда происходило. Анализируемый вполне правильно не принимает во внимание эти три временные фазы и переносит свое настоящее *Я* в далекую прошлую ситуацию. Мы следуем за ним в этом, потому что при правильном самонаблюдении и толковании эффект должен получиться такой, будто можно было бы пренебречь промежутком между второй и третьей временной фазой. У нас также нет других средств описать процессы во второй фазе.).

Существенно новым, что дало ему наблюдение над общением родителей, было убеждение в действительном существовании кастрации, возможность которой уже раньше занимала его мысли (вид обеих девочек, пускавших мочу, угроза няни, объяснение гувернантки, данные ею конфеты, воспоминание о том, что отец палкой разрубил на куски змею). Ибо теперь он видел собственными глазами рану, о которой говорила няня, и понял, что существование ее является необходимым условием для общения с отцом. Он не мог уже смешивать ее с роро, как при наблюдении над маленькими девочками (Как он справился далее с этой частью проблемы, мы узнаем ниже при исследовании его анальной эротики.) .

Сновидение закончилось страхом, от которого он успокоился не раньше, чем к нему подошла няня. Он, следовательно, бежал от отца к ней. Страх был отказом от желания сексуального удовлетворения отцом, стремление к которому ему было внушено сном. Формулировка страха: быть съеденным отцом, была только, как мы услышим, регрессивным превращением желания иметь общение с отцом, т. е. быть им так удовлетворенным, как мать. Его последняя сексуальная цель, пассивная установка к отцу, подверглась вытеснению, ее место занял страх перед отцом в форме фобии волка.

А каковы двигающие силы этого вытеснения? Судя по всему положению вещей, такой силой могло быть только нарцистическое генитальное либидо, которое из опасения за свой мужской орган воспротивилось удовлетворению; необходимым условием казался отказ от этого органа. В угрожаемом нарциссизме он почерпал то мужество, с которым он противился пассивной установке к отцу.

Теперь мы обращаем внимание на то, что в этом пункте изложения мы должны изменить нашу терминологию. Во время сновидения он достиг новой фазы в своей сексуальной организации. До сих пор сексуальные противоположности выражались для него в активном и пассивном. Со времени соблазна его сексуальная цель была пассивной, выражалась в желании, чтобы дотрагивались до его гениталий; затем, благодаря регрессии на прежнюю ступень садистски-анальной организации, превратилась в мазохистскую, в

желание быть избитым и наказанным. Ему было безразлично, достигнет ли он этой цели у мужчины или у женщины. Не принимая во внимание различие полов, он перешел от няни к отцу, требовал от няни, чтобы она касалась его органа, и желал спровоцировать отца на наказание. При этом гениталии во внимание не принимались; в фантазии о том, чтобы его били но пенису, нашла себе выражение связь, скрытая благодаря регрессии. Активирование «первичной сцены» в сновидении снова привело его обратно к генитальной организации. Он открыл вагину и биологическое значение мужского и женского. Он понял теперь, что активное равнозначно мужскому и пассивное — женскому. Его пассивная сексуальная цель должна бы теперь превратиться в женскую, получить выражение: чтобы отец совершил над ним половой акт , вместо: чтобы отец бил по гениталиям или по роро. Эта женская цель подпала теперь вытеснению, и ее пришлось заменить страхом перед волком.

Здесь мы должны прервать обсуждение его сексуального развития до тех пор, пока на эту раннюю стадию его истории не прольется новый свет из более поздних стадий. Для оценки фобии волка мы еще прибавим, что волками стали и мать, и отец. Мать стала кастрированным волком, который позволил другим взобраться на себя, отец превратился в волка, который взбирался. Но мы слышали, как он уверял, что его страх относился только к стоящему волку, т. е. к отцу. Далее, мы должны обратить внимание на то, что страх, которым закончился сон, имел прообраз в рассказе деда. В этом рассказе кастрированного волка, который позволил другим взобраться на себя, охватывает страх, как только ему напоминают о его «бесхвостости». Похоже на то, как будто в процессе сновидения он отождествил себя с кастрированной матерью и воспротивился этому во вполне правильном убеждении: если ты хочешь получить удовлетворение от отца, то должен, как мать, согласиться на кастрацию; но этого я не хочу. Итак, явный протест мужественности! Однако уясним себе, что сексуальное развитие случая, подлежащее сейчас нашему изучению, страдает для нашего исследования тем недостатком, что протекает с нарушениями. Сначала на него производит решительное влияние соблазн, а затем его нарушает сцена наблюдения коитуса, которая впоследствии действует, как второй соблазн.

V. Несколько принципиальных соображений

Белый медведь и кит, как говорят, не могут вести друг с другом войны, так как каждый ограничен пределами своей стихии, и не могут попасть друг к другу. Так же невозможно и мне вести дискуссии с работниками в области психологии или невротики, не признающими исходных положений психоанализа и считающими его результаты искусственными. Наряду с этим в последние годы развилась оппозиция и других авторов, которые, по их собственному мнению по крайней мере, стоят на почве анализа, не оспаривают его техники и результатов и оставляют за собой только право из того же материала делать иные выводы и по-другому понимать его.

Но теоретические возражения по большей части остаются бесплодными. Как только начинаешь отдаляться от материала, из которого приходится исходить, сейчас же подвергаешься опасности опьянеть от собственных взглядов и даже отстаивать мнения, которым противоречит всякое наблюдение. Поэтому мне кажется несомненно целесообразней бороться с противоположными взглядами тем, что подвергаешь их испытанию на отдельных случаях и проблемах.

Выше я указал, что многие, наверное, будут считать невероятным, «чтобы ребенок в раннем возрасте полутора лет оказался в состоянии получать восприятие такого сложного процесса и с такой точностью сохранить их в своем бессознательном, во-вторых, чтобы позже — в возрасте четырех лет — возможна была дошедшая до сознательного понимания обработка этого материала, и, наконец, чтобы каким-нибудь методом могло удасться довести убедительным и связным образом до сознания и подробности такой сцены, пережитой и понятой при таких обстоятельствах».

Последний вопрос — чисто фактический. Кто берет на себя труд вести анализ в таких глубинах при помощи описанной техники, тот убедится, что это весьма возможно; кто этого не делает и обрывает анализ в каком-нибудь более высоком слое, тот лишается возможности судить об этом. Но этим не разрешается понимание того, что добыто путем глубокого анализа.

Оба других соображения опираются на пренебрежительную оценку ранних детских впечатлений, для которые не допускается такого длительного действия. Причину неврозов желают искать исключительно в серьезных конфликтах более поздней поры жизни и предполагают, что значение детства раздувается в анализе благодаря склонности невротиков выражать свои интересы настоящего времени воспоминаниями и символами далекого прошлого. При такой оценке инфантильного момента отпадает многое, что принадлежит к самым интимным особенностям анализа, разумеется, также многое, что вызывает сопротивление ему и подрывает доверие стоящих в стороне от него. Итак, мы возбуждаем дискуссию по поводу взгляда, что такие сцены раннего детства, какие открывает исчерпывающий анализ невроза, например нашего случая, не представляют собой репродукции настоящих событий, которым можно приписать влияние на дальнейший склад жизни и на образование симптомов; это только образование фантазий, возникающих в период созревания и предназначенных в известной степени для символической замены реальных желаний и интересов и обязанных своим возникновением регрессивной тенденции, отходу от задач настоящей действительности. Если это так, то нет, разумеется, надобности в том, чтобы делать такие странные допущения по поводу душевной жизни и интеллектуальных способностей детей в самом раннем возрасте. Этому взгляду соответствует, помимо общего нам всем желания рационализации и упрощения трудных задач, также и нечто фактическое. Является также возможность устранить наперед сомнения, возникающие именно у практического аналитика. Приходится сознаться, что если верен вышеизложенный взгляд на инфантильные сцены, то в проведении анализа сначала ничего не меняется. Если у невротика имеется дурная особенность отнимать свой интерес от настоящего и направлять его на такие регрессивные замены его фантазии, то ничего другого нельзя сделать, как последовать за ними на этом пути и привести в его сознание эти бессознательные продукции, потому что, независимо от их реальной незначимости, они чрезвычайно ценны для нас, как временные носители и обладатели интереса, который мы хотим освободить и направить на задачи настоящей действительности. Анализ необходимо вести точно так же, как если в наивном доверии принимать за истину такие фантазии. Различие возникает только к концу анализа после вскрытия этих фантазий. Пришлось бы сказать больному: «Ну хорошо, ваш невроз протекал так, как будто бы в детском возрасте у вас такие впечатления были и затем продолжали свое действие. Но вы ведь видите, что это невозможно, это были продукты вашей фантазии, которые должны были отвлечь вас от предстоявших вам реальных задач. Теперь позвольте нам исследовать, каковы были эти задачи и какие соединительные пути существовали между этими задачами и вашими фантазиями». После того, как будет покончено с этими детскими фантазиями, приступим ко второй части лечения, имеющей в виду реальную жизнь.

Сокращение этого пути, т. е. изменение применяемого до сих пор психоаналитического лечения, было бы технически недопустимо. Если не довести до сознания больного эти фантазии в их полном объеме, то нельзя дать ему возможности располагать связанным с ними интересом. Если отвлечь его от них, когда начинаешь догадываться об их существовании и общем объеме, то только поддерживаешь таким образом работу вытеснения, благодаря которой они оказались недосягаемыми для всех усилий больного освободиться от их влияний. Если преждевременно обесценить их в его глазах, открыв ему, что речь идет только о фантазиях, не имеющих никакого реального значения, то никогда не встретишь с его стороны содействия для приведения их в его сознание. Аналитическая техника не должна поэтому при правильном ведении подвергнуться никакому изменению, независимо от оценки этих инфантильных сцен.

Я упомянул, что, понимая эти сцены, как агрессивные фантазии, можно сослаться для подкрепления на некоторые фактические моменты. Прежде всего следующие: эти инфантильные сцены репродуцируются в лечении — поскольку хватает до настоящего времени моего опыта — не как воспоминание, они — результаты конструкции. Понятно, многим благодаря одному этому признанию спор покажется уже разрешенным.

Я не хотел бы быть неправильно понятым. Всякий аналитик знает и много раз убеждался, что при удачном лечении пациент сообщает много воспоминаний из детства, в появлении которых — быть может, первичном появлении — врач не чувствует себя совершенно виновным, так как никакими конструктивными попытками он не навязывал больному воспоминаний подобного содержания. Эти бессознательные раньше воспоминания вовсе не должны всегда быть верными; они могут быть и верными, но часто они представляют собой искаженную правду, перепутаны с созданными фантазией элементами, совершенно так же, как сохранившиеся в памяти так называемые покрывающие воспоминания. Я хочу только сказать: сцены вроде тех, что у моего пациента, из такого раннего периода и такого содержания, которым приходится придавать такое исключительное значение в истории этого случая, воспроизводятся обыкновенно не как воспоминания, но их приходится с трудом и постепенно угадывать — конструировать — из целого ряда намеков. Вполне достаточно для доказательства, если я соглашусь, что такие сцены, в случаях невроза навязчивости, не доходят до сознания, как воспоминания, или если я ограничусь ссылкой на один только этот случай, который мы изучаем.

Я не придерживаюсь мнения, будто эти сцены должны быть обязательно фантазиями, потому что они не возникают вновь в виде воспоминаний. Мне кажется, что они вполне равноценны воспоминанию, если они — как в нашем случае — заменены сновидениями, анализ которых всегда приводит к той же сцене и которые в неутомимой переработке воспроизводят каждую отдельную часть своего содержания. Видеть сны — значит тоже вспоминать, хотя и в условиях ночного времени и образования сновидений. Этим постоянным повторением в сновидениях я объясняю себе, что постепенно у самого пациента создается глубокое убеждение в реальности «первичной сцены», убеждение, ни в чем не уступающее убеждению, основанному на воспоминании (Доказательством тому, как рано я стал заниматься этой проблемой, может послужить место из первого издания моего «Толкования сновидений», 1900. Там, на с. 126, по поводу анализа встречающейся в сновидении речи: этого нельзя уже больше иметь , эта речь принадлежит самому мне; несколько дней тому назад я ей объявил, что «самые ранние детские воспоминания, как воспоминания, больше уже недоступны (нем.: их нельзя уже больше иметь, как воспоминания), но заменяются «перенесением» и сновидениями в течение анализа».).

Противникам незачем, разумеется, отказываться от борьбы против этих доказательств, как от безнадежной. Как известно, снами можно управлять (Механизм сновидения не поддается влиянию, но содержание сновидения частично поддается воздействию.). А убеждение анализируемого может быть результатом внушения, для которого все еще ищут роли в игре психических сил при аналитическом лечении. Психотерапевт старого склада внушил бы своему пациенту, что он здоров, преодолел свои задержки и т. п. А психоаналитик внушает ему, что он ребенком имел то или другое переживание, которое он должен теперь вспомнить, чтобы выздороветь. Вот и все различие между ними.

Уясним себе, что последняя попытка противников дать объяснение этим сценам сводится к гораздо большему уничтожению инфантильных сцен, чем это указывалось раньше. Они представляют собой не действительность, а фантазии. Теперь становится ясно: фантазии принадлежат не больному, а самому аналитику, который навязывает их анализируемому под влиянием каких-то личных комплексов. Правда, аналитик, слушающий этот упрек, припомнит для своего успокоения, как постепенно сложилась конструкция этой будто бы внушенной им фантазии; как образование ее во многих пунктах происходило совершенно независимо от врачебного воздействия; как, начиная с одной определенной фазы лечения, все, казалось, приводит к ней и как в синтезе от нее исходят самые различные и

замечательные успехи; как большие и самые маленькие проблемы и особенности истории болезни находят свое разрешение в этом одном предположении; он укажет еще на то, что не может допустить у себя такой проницательности, чтобы измыслить событие, которое отвечало бы всем этим требованиям. Но и эта защита не повлияет на противную сторону, которая не пережила сама анализа. Утонченный самообман — скажет одна сторона, тупость суждения — другая; и такой спор решить невозможно.

Обратимся к другому моменту, подкрепляющему взгляд противников на сконструированную инфантильную сцену. Он заключается в следующем: все процессы, на которые ссылаются для объяснения спорного образования, как фантазии, действительно существуют, и необходимо признать их большое значение. Потеря интереса к задачам реальной жизни (Исходя из серьезных оснований, я предпочитаю говорить: отход либидо от актуальных конфликтов.) , существование фантазий, как замены несовершенных действий, регрессивная тенденция, проявляющаяся в этих образованиях, — регрессивная больше, чем в одном смысле, поскольку одновременно наступает отход от жизни и возврат к прошлому, — все это вполне правильно, и анализом можно всегда это подтвердить. Можно было бы подумать, что этого вполне достаточно, чтобы объяснить ранние детские воспоминания, о которых идет речь, и это объяснение, согласно экономическим принципам науки, имело бы преимущество перед другим, которое не может обойтись без новых и странных предположений.

Позволю себе в этом месте обратить внимание на то, что возражения в современной психоаналитической литературе обыкновенно изготовляются согласно принципу pars pro toto (часть вместо целого). Из очень сложного ансамбля извлекают часть действующих факторов, объявляют их истиной и во имя этой истины возражают против другой части или против всего. Если присмотреться к тому, какая именно группа пользуется этим преимуществом, то оказывается, что именно та, которая содержит уже известное из других источников или ближе всего к нему подходит. Таковы у Юнга актуальность и регрессия, у Адлера эгоистические мотивы. Оставленным же, отброшенным, как заблуждение, оказывается именно то, что ново в психоанализе и что составляет его особенность. Таким путем удается легче всего отбросить революционные удары неудобного психоанализа.

Нелишне подчеркнуть, что ни один из моментов, приводимых противной точкой зрения для объяснения сцен детства, Юнгу незачем создавать, как новое учение. Актуальный конфликт, отход от реальности, заменяющее удовлетворение в фантазии, регрессия к материалу из прошлого, — все это и в том же сопоставлении, может быть только с незначительными изменениями в терминологии, составляло всегда составную часть моего же учения. Это было не все учение, а только часть, являющаяся причиной и действующая в регрессивном направлении от реальности к образованию невроза. Кроме этого, я оставил еще свободное место для другого прогрессирующего влияния, действующего от детских впечатлений, указывающего путь либидо, которое отступает от жизни, и объясняющего непонятную иначе регрессию к детству. Таким образом, по моему мнению, оба момента действуют при образовании симптомов, но прежнее совместное действие кажется мне также имеющим большое значение. Я утверждаю, что влияние детства чувствуется уже в первоначальной ситуации образования неврозов, так как оно решающим образом содействует определению момента: оказывается ли индивид несостоятельным и в каком именно месте, при одолении реальных проблем жизни .

Спор, следовательно, идет о значении инфантильного момента. Задача состоит в том, чтобы найти такой случай, который может доказать это значение вне всякого сомнения. Но таким именно и является разбираемый нами здесь так подробно случай, который отличается тем, что неврозу в более поздний период жизни предшествовал невроз в раннем периоде детства. Поэтому-то я и остановился на этом случае с целью опубликовать его. Если бы кто-нибудь захотел считать его несоответствующим намеченной цели, потому что фобия животных кажется ему недостаточно важной, чтобы считать ее самостоятельным неврозом, то я хочу ему указать на то, что без всякого интервала к этой фобии присоединился

навязчивый церемониал, навязчивые действия и мысли, о которых будет речь в последующих частях этой статьи.

Прежде всего невротическое заболевание на пятом или четвертом году жизни показывает, что детские переживания сами по себе оказываются в состоянии продуцировать невроз и что для этого не требуется отказа от поставленной в жизни задачи. Мне возразят, что и ребенку беспрерывно предъявляются требования, от которых он желал бы избавиться. Это верно, но жизнь ребенка дошкольного возраста нетрудно видеть насквозь, можно ведь исследовать, имеется ли в ней «задача», являющаяся причиной невроза. Но обычно отмечают только влечений, удовлетворение которых невозможно для ребенка, одоление которых ему не под силу, и источники, из которых эти влечения проистекают.

Громадное сокращение интервала между возникновением невроза и времени, когда разыгрались детские переживания, о которых идет речь, приводит, как и следовало ожидать, к крайнему уменьшению регрессивной части причинных моментов и ведет к открытому проявлению прогрессивной части их, влиянию ранних впечатлений. Эта история болезни, как я надеюсь, даст ясную картину этих обстоятельств. Но еще и по другим основаниям этот детский невроз дает решительный ответ на вопрос о природе «первичных сцен» или самых ранних, открытых анализом, детских переживаний.

Допустим, что никто не возражает против того, что подобная «первичная сцена» технически сконструирована правильно, что она необходима для обобщающего разрешения всех загадок, которые у нас возникают благодаря симптоматике детского заболевания, что из этой сцены исходят все влияния, подобно тому, как к ней привели все нити анализа — тогда, если принять во внимание ее содержание, она не может оказаться чем-нибудь иным, как репродукцией пережитой ребенком реальности. Потому что ребенок может, как и взрослый, продуцировать фантазии только при помощи каким-либо образом приобретенного материала; пути такого приобретения для ребенка частично (как, например, чтение) недоступны, время, которым он располагает для такого приобретения, коротко и его легко изучить для открытия таких источников приобретения.

В нашем случае «первичная сцена» содержит картину полового общения между родителями в положении, особенно благоприятном для некоторых наблюдений. Если бы мы открыли эту сцену у больного, симптомы которого, т. е. влияние сцены, проявились когда-нибудь в более позднем периоде жизни, то это вовсе не доказывало бы еще реальности этой сцены. Такой больной может в самые различные моменты длинного интервала приобрести те впечатления, представления и знания, которые он впоследствии превращает в фантастическую картину, проецирует ее в детство и связывает с родителями. Но если действия такой сцены проявляются на четвертом и пятом году жизни, то ребенок должен был видеть эту сцену еще в более раннем возрасте. Но тогда сохраняют свою силу все те выводы, к которым мы пришли посредством анализа инфантильного невроза. Разве только кто-нибудь стал бы утверждать, что пациент бессознательно вообразил себе не только эту «первичную сцену», но сочинил также и изменение своего характера, свой страх перед волком и свою религиозную навязчивость — но такое мнение прямо противоречило бы его обычному трезвому складу и прямой традиции его семьи. Итак, приходится остаться при том — другой возможности я не вижу, — что анализ, исходящий из его детского невроза, представляет собой бессмысленную шутку или же что все

обстояло именно так, как я изложил это выше.

Выше нам показалась странной двусмысленность того места, где говорится, что особенная любовь пациента к женским nates и к коитусу в таком положении, при котором эти части особенно выдаются, по-видимому, должна происходить от наблюденного коитуса родителей, между тем как такое предпочтение составляет общую черту предраспоженных к неврозу навязчивости архаических конституций. Здесь само напрашивается объяснение, разрешающее противоречие, как сверхдетерминирование. Лицо, у которого он наблюдал это положение при коитусе, был ведь его родной отец, от которого он и мог унаследовать эту конституциональную особенность. Против этого не говорит ни последующая болезнь отца,

ни история семьи; брат отца, как уже сказано, умер в состоянии, которое следует считать тяжелой болезнью навязчивости.

В связи с этим нам вспоминается, что сестра, соблазняя 31/2 -летнего мальчика, высказала о няне странную клевету, что та ставит всех на голову и прикасается к их гениталиям. Тут у нас напрашивается мысль, что, может быть, и сестра в таком же раннем возрасте видела те же сцены, что позже брат, и это навело ее на мысль о том, что при половом акте становятся на голову. Такое предположение содержало бы и указание на источник ее собственного преждевременного сексуального развития.

В мои намерения первоначально не входило продолжать здесь обсуждение вопроса о реальной ценности «первичной сцены», но так как я вынужден был коснуться этой темы в моих «Лекциях по введению в психоанализ» в более широком освещении вопроса и не с полемической целью, то могло бы привести к недоразумению, если бы я не применил решающих там точек зрения к разбираемому здесь случаю. В дополнение и исправление сказанного я продолжаю поэтому: возможно еще одно понимание «первичной сцены», лежащей в основе сновидения, которое значительно меняет принятое раньше решение и избавляет нас от многих затруднений. Учение, желающее свести инфантильные сцены к регрессивным символам, все же ничего не выигрывает и при этой модификации; оно мне кажется вообще окончательно опровергнутым этим — как и всяким другим — анализом детского невроза.

Я полагаю, что можно представить себе положение вещей и следующим образом. Мы не может отказаться от предположения, будто ребенок наблюдал коитус, вид которого привел его к убеждению, что кастрация может быть чем-то большим, чем одна только пустая угроза; также значение, которое приобретает положение мужчины и женщины для развития страха, и условие любви не оставляют нам никакого другого выбора, как только прийти к заключению, что это должен был быть коитус a tergo , more ferrarum . Но другой момент не так незаметен, и от него можно отказаться. Может быть, ребенок наблюдал коитус не родителей, а животных и перенес его на родителей, как бы сделав заключение, что родители поступают точно так же.

В пользу такого взгляда говорит прежде всего то, что волки в сновидении представляют собой, собственно говоря, овчарок и на рисунке кажутся таковыми. Незадолго до сновидения мальчика неоднократно брали на осмотр стад овец, где он мог видеть таких больших белых собак и, вероятно, наблюдать их при коитусе. Я хотел бы также привести в связь с этим число три, которое сновидец выдвинул без всякой дальнейшей мотивировки, и предположить, что у него сохранилось в памяти, что он сделал три таких наблюдения над овчарками. Возбужденный ожиданием в ночь, когда он видел сон, он перенес воспринятую недавно картину, запечатлевшуюся в памяти, со всеми деталями на родителей, вследствие чего только и стали возможны такие могучие действия аффектов. Теперь вдруг явилось понимание этих впечатлений, воспринятых, может быть, несколько недель или месяцев до того, — процесс, который может каждый из нас испытать на самом себе. Перенесение с совокупляющихся собак на родителей совершилось не в виде словесного вывода, а благодаря тому, что в воспоминании всплыла реальная сцена нежности родителей, которая слилась с ситуацией коитуса. Все установленные анализом сновидения детали сцены могут быть воспроизведены вполне правильно. Дело, действительно, происходило летом после обеда, когда ребенок болел малярией, родители были оба в белом и присутствовали при том, когда ребенок проснулся, но сцена была самая невинная. Все остальное прибавило потом желание любопытного ребенка подглядеть любовное общение родителей на основании его опыта с собаками, и тогда вымышленная таким образом сцена привела ко всем тем последствиям, которые мы ей приписываем, таким же, как если бы она была совершенно реальна и не была склеена из двух частей: одной ранней — индифферентной и позднейшей, произведшей очень сильное впечатление.

Совершенно очевидно, насколько меньше предъявляется требований к нашему доверию в последнем случае. Нам незачем больше предполагать, что родители совершали

коитус в присутствии хотя и очень маленького ребенка, — представление, не очень-то для нас приятное. Значительно уменьшается момент запоздалости действия; он относится теперь только к нескольким месяцам четвертого года жизни ребенка и вовсе не доходит до темных первых лет детства. Ничего странного не остается в поведении ребенка, который переносит с собак на родителей и боится волка вместо отца. Ребенок находится в фазе развития своего миросозерцания, которое в «Тотем и табу» называется возвращением тотемизма. Учение, желающее объяснить «первичные сцены» неврозов обратным фантазированием переживаний более поздних лет, приобретает, по-видимому, в нашем наблюдении, несмотря на ранний четырехлетний возраст, в нашем невротике веское подтверждение. Как он ни молод, ему все же удалось заменить впечатление из четвертого года жизни вымышленной травмой в возрасте полутора лет; но регрессия не кажется ни загадочной, ни тенденциозной. Сцена, которую нужно было создать, должна была отвечать известным условиям, которые благодаря обстоятельствам жизни сновидца могли иметь место только в ранние годы, например то обстоятельство, что он находился в кровати в спальне родителей. Но большинство читателей придаст прямо решающее значение тому, что я могу еще прибавить из аналитических результатов других случаев в пользу правильности предложенного последнего взгляда. Сцена наблюдения родительского коитуса в очень раннем детстве — будь то реальное воспоминание или фантазия — вовсе не составляет редкости в анализах невротических людей. Может быть, она так же часто встречается и у не ставших невротиками. Может быть, она составляет постоянную часть их — сознательного или бессознательного — сокровища воспоминаний. Но всякий раз, когда мне удавалось развить подобную сцену благодаря анализу, она имела те же особенности, которые приводят нас в смущение и в данном случае: она относилась к коитусу a tergo, который один только и дает возможность зрителю разглядеть гениталии. Тут уже не приходится более сомневаться, что дело идет только о фантазии, которая, может быть, всегда вызывается наблюдением над сексуальным общением животных. И еще больше, я уже заметил, что мое описание «первичной сцены» осталось несовершенным, так как я отложил до другого раза сообщение о том, каким образом ребенок мешает общению родителей. Должен прибавить, что и способ, каким он это делает, один и тот же во всех случаях.

Могу себе представить, что навлек на себя тяжелые подозрения со стороны читателя этой истории болезни. Если я располагал этими доказательствами в пользу такого понимания «первичной сцены», то как я мог взять на себя защиту другого понимания, кажущегося таким абсурдным? Или, может быть, в промежуток времени между написанием этой истории болезни и этого добавления я приобрел новый опыт, заставивший меня изменить мое первоначальное понимание, и по каким-либо мотивам я не хотел в этом сознаться? Зато я сознаюсь в чем-то другом: на этот раз я собираюсь закончить обсуждение вопроса о реальной ценности «первичной сцены» с non liquet . Эта история болезни еще не закончена; в дальнейшем ее течении всплывет момент, который нарушит уверенность нашу в настоящую минуту. Тогда уже ничего другого не останется, как сослаться на то место в моих «Лекциях», где я обсуждаю проблему первичных фантазий или «первичных сцен».

VI. Невроз навязчивости

В третий раз он подвергся влиянию, изменившему решительным образом его развитие. Когда ему было 41/2 года и его состояние раздраженности и боязливости все еще не улучшилось, мать решила познакомить его с Библией, в надежде отвлечь его и поднять его настроение. Это ей удалось: введение религии в систему воспитания положило конец предшествующей фазе, но повлекло за собой замену симптомов страха симптомами навязчивости. До того он с трудом засыпал, так как боялся, что увидит во сне такие же дурные вещи, как в ночь под рождество; теперь, прежде чем лечь в постель, он должен был целовать все иконы в комнате, читать молитвы и класть бесконечное количество раз

крестное знамение на постель и на самого себя.

Его детство явно расчленилось для нас теперь на следующие эпохи: во-первых, время, предшествующее соблазну (31/4 года), когда имела место «первичная сцена», во-вторых, время изменения характера до страшного сновидения (4 года), в-третьих, фобия животного до знакомства с религией (41/2 года), а с этого момента — период невроза навязчивости до десятилетнего возраста включительно. Внезапной и гладкой замены одной фазы последующей не бывает в силу природы вещей и обстоятельств; не было и у нашего пациента, для которого, наоборот, характерны были сохранение в силе всего прошлого и одновременно существование самых различных течений. «Испорченность» не исчезла, когда наступил страх, и, постепенно уменьшаясь, продолжалась во время набожности. Но о фобии волков в этой последней фазе нет больше речи. Невроз навязчивости протекал с перерывами: первый припадок был самым длинным и интенсивным, следующие наступали в восемь и в десять лет, всякий раз по поводам, которые находились в явной связи с содержанием невроза. Мать сама рассказывала ему священную историю и, кроме того, велела няне читать ему о ней из книги, разукрашенной иллюстрациями. Главное значение при этом придавалось, разумеется, истории страстей господних. Няня, которая была очень набожна и суеверна, давала по этому поводу свои объяснения, но должна была также выслушивать все возражения и сомнения маленького критика. И если колебания и борьба, которые его теперь начали потрясать, в конце концов закончились победой веры, то это произошло не без влияния няни.

То, что он мне рассказал, как воспоминания о своих реакциях на знакомство с религией, встретило с моей стороны сначала решительное недоверие. Это, говорил я, не могло быть мыслями 41/2 — 5-летнего ребенка; вероятно, он перенес в это раннее прошлое то, что явилось плодом размышления 30-летнего взрослого человека (Я делал также неоднократно попытки передвинуть историю больного, по крайней мере, на один год, т. е. отнести соблазн к возрасту 41/4 года, а сновидение на пятую годовщину рождения. В интервалах ничего нельзя было изменить, но пациент оставался и в этом отношении непоколебимым, хотя и не мог совершенно устранить по мне последнюю тень сомнения. Для впечатления, которое получается от его истории и всех связанных с ней выводов и соображений, такая отсрочки на год была бы, очевидно, совершенно безразличной.)

Но пациент ничего и знать не хотел о такой поправке; его не удалось убедить в этом, как и во многих других

различиях во взглядах между нами; связь между припоминаемыми им мыслями и симптомами, о которых он сообщал, как и то, что они вполне подходили к его сексуальному развитию, заставили меня, в конце концов, поверить ему. Я сказал себе тогда также, что критика учений религии, которую я не хотел допустить у ребенка, выполняется только самым минимальным числом взрослых людей.

Я приведу теперь материал его воспоминаний и потом уже поищу путь, который ведет к его пониманию.

Впечатление, произведенное на него рассказами священной истории, было, по его словам, сначала неприятное. Сперва он возмущался страдальческим характером личности Христа, а потом всей совокупностью его истории. Он направил свою недовольную критику против бога-отца. Если он, мол, так всемогущ, то это его вина, что люди так дурны и мучают других, за что попадают потом в ад. Ему следовало бы сделать их хорошими; он сам ответствен за все зло и все мучения. Он возмутился заповедью, требующей подставить другую щеку, если получишь удар по одной, и тем, что Христос на кресте желал, чтобы его миновала сия чаша; но также и тем, что не совершилось чуда, которое доказало бы, что он сын божий. Его острый ум был уже, таким образом, пробужден и с неумолимой строгостью вскрывал все слабые стороны священной легенды.

Но скоро к этой рационалистической критике присоединились мудрствования и сомнения, которые могут обнаружить нам сотрудничество потаенных душевных движений. Один из первых вопросов, поставленных им няне, имел ли Христос заднюю часть. Няня

ответила, что он был богом, но также и человеком. Как человек, он имел и делал все, как другие люди. Это его совершенно не удовлетворило, но он сумел сам себя успокоить, подумав, что задняя часть ведь составляет только продолжение ног. Едва успокоенный страх перед вынужденным унижением священной особы опять разгорелся, когда у него возник новый вопрос: испражнялся ли также Христос? Он не решался поставить этот вопрос благочестивой няне, но сам нашел выход, лучше которого она не могла бы ему указать. Так как Христос сделал из ничего вино, то он мог, вероятно, также превратить пищу в ничего и мог таким образом избавиться от необходимости дефекации.

Мы приблизимся к пониманию этих умствований, если начнем с описанной раньше части его сексуального развития. Нам известно, что его сексуальная жизнь после отпора, данного ему няней, и связанного с ним подавления начинающейся генитальной деятельности развилась в сторону садизма и мазохизма. Он мучил и терзал животных, фантазировал о нанесении ударов лошадям, а с другой стороны, о том, что престолонаследника бьют (Особенно, об ударах по пенису.) . В садизме он сохранял самую старую идентификацию с отцом, в мазохизме он избрал себе отца в сексуальные объекты. Он находился полностью в фазе прегенитальной организации, в которой я вижу предрасположение к неврозу навязчивости. Под впечатлением сновидения, поставившего его под влияние «первичной сцены», он мог бы подвинуться вперед к генитальной организации и превратить свой мазохизм по отношению к отцу в женственную установку к нему же, в гомосексуальность. Но такого успеха это сновидение не имело, оно закончилось страхом. Отношение к отцу, которое от сексуальной цели, состоящей в желании испытать от него телесное наказание, должно было привести к следующей цели — иметь, как женщина, с отцом половое сношение, — было, благодаря противодействию его нарцистической мужественности, отброшено на еще более примитивную ступень; посредством сдвига на замену отца волком оно затем отщепилось, как страх быть съеденным волком, но этим путем никоим образом не исчерпалось. Скорее мы сможем понять кажущееся таким сложным положение вещей, если будем твердо помнить, что у него одновременно существуют три сексуальных стремления, направленных на отца. Со времени сновидения он был гомосексуален в бессознательном, а в неврозе — на уровне каннибализма (Выражающемся в страхе (желании) быть съеденным волком-отцом.); господствующей осталась прежняя мазохистская установка. Все три течения имели пассивные сексуальные цели; объект был тот же, те же сексуальные стремления, но произошло расщепление их на три различных уровня.

Знание священной истории дало ему возможность сублимировать господствующую мазохистскую установку к отцу. Он стал Христом, что ему особенно легко было благодаря одному и тому же дню рождения. Этим он стал чем-то большим, а также — чему пока не придавалось еще большого значения — мужчиной. В сомнении, имел ли Христос заднюю часть, слегка отражается вытесненная гомосексуальная установка, так как все это мудрствование не могло иметь никакого другого значения, кроме вопроса, может ли он быть использован отцом, как женщина, как мать в «первичной сцене». Когда мы придем к разрешению второй навязчивой идеи, мы увидим, что это толкование подтверждается. Вытеснению пассивной гомосексуальности соответствовало соображение, что заслуживает резкого порицания — связывать священную особу с такими предположениями. Заметны его старания освободить свои новые сублимации от придатка, который они получали из источников вытесненного. Но это ему не удалось.

Мы еще не понимаем, почему он восставал также против пассивного характера Христа и против истязаний со стороны отца и этим стал отрицать свой прежний мазохистский идеал даже в его сублимированной форме. Мы можем предположить, что этот второй конфликт особенно благоприятствовал проявлению унижающих навязчивых мыслей из первого конфликта (между господствующим мазохистским и вытесненным гомосексуальным течением), потому что ведь вполне естественно, если в душевном конфликте суммируются друг с другом все противоположные течения, идущие даже из самых различных источников. Мотив его сопротивления и вместе проявляемой критики религии мы узнаем из новых его

сообщений.

Из рассказов священной истории выиграли также его сексуальные исследования. До сих пор у него не было никакого основания думать, что дети происходят только от женщины. Напротив, няня дала ему повод верить, что он ребенок отца, а сестра — матери, и это более близкое отношение к отцу было для него очень ценно. Теперь он услышал, что Марию звали богородицей. Значит, дети происходили от матери, и словам няни не следует больше верить. Далее, благодаря этому рассказу, он не знал больше, кто именно был отцом Христа. Он был склонен считать таковым Иосифа, потому что слышал, что они всегда вместе жили, но няня сказала, что Иосиф был только как отец, а настоящим отцом был бог. Тут он ничего не мог понять. Он понял только то, что если об этом вообще еще можно спорить, то, значит, отношения между сыном и отцом не такие близкие, как он себе всегда представлял.

Ребенок чувствовал в известной мере ту амбивалентность чувств к отцу, которая отразилась во всех религиях, и напал на свою религию вследствие ослабления этих отношений к отцу. Разумеется, его оппозиция скоро перестала быть сомнением в истинах учения и обратилась прямо против особы бога. Бог сурово и жестоко обращался со своим сыном, но не лучше относился он к людям. Он принес своего сына в жертву, и того же он требовал от Авраама. Ребенок начал бояться бога.

Если он был Христом, то отец был богом. Но бог, которого ему навязывала религия, не был настоящей заменой отца, которого он любил и которого он не хотел позволить у себя отнять. Любовь к этому отцу была источником его критического остроумия. Он сопротивлялся богу для тог о , чтобы иметь возможность сохранить отца, и при этом, собственно говоря, защищал старого отца против нового. Ему пришлось тут проделать трудное дело отхода от привязанности к отцу.

Итак, это была старая, проявившаяся в самом раннем детстве любовь к отцу, у которой он черпал энергию для борьбы против бога и остроту ума для критики религии. Но, с другой стороны, эта враждебность к новому богу не была также первоначальным актом, она имела прообраз во враждебных душевных движениях к отцу, появившихся под влиянием страшного сновидения, и, по существу, была только их обновлением. Оба противоположных движения чувства, которым предстояло управлять всей его последующей жизнью, столкнулись здесь для амбивалентной борьбы вокруг темы религии. То, что получилось из этой борьбы, как симптом, — богохульственные мысли, навязчивость, владевшая им и заставлявшая думать: бог — грязь, бог — свинья,— было, поэтому, настоящим компромиссным результатом, как нам покажет анализ этих идей в связи с анальной эротикой.

Некоторые другие симптомы навязчивости менее типичного характера также несомненно ведут к отцу, но дают также возможность открыть связь невроза навязчивости с прежними случаями.

К богобоязненному церемониалу, которым он в конце концов искупал свое богохульство, относилась также заповедь — при известных условиях торжественным образом дышать. При совершении крестного знамения он должен был всякий раз глубоко вдыхать или сильно выдыхать. На его родном языке выдох (Hauch) то же самое, что дух (Geist). Это была, следовательно, роль святого духа. Он должен был вдохнуть святой дух или выдохнуть злых духов, о которых он слышал и читал (Как мы еще услышим, этот симптом развился на шестом году жизни, когда он уже умел читать.) . Этим злым духам он приписал также богохульные мысли, за которые он должен был наложить на себя столько покаяния. Но он должен был выдыхать, когда он видел нищих, калек, старых, внушающих жалость людей, и он не понимал, какая связь между этой навязчивостью и духами. Он отдавал себе отчет только в том, что делает это, чтобы не стать таким, как эти люди.

Тут анализ в связи со сновидением привел к тому объяснению, что выдыхание при виде людей, внушающих сожаление, началось только на седьмом году жизни и имело отношение к отцу. Он несколько месяцев не видел отца, когда мать однажды сказала, что поедет с детьми в город и покажет им что-то такое, что их очень обрадует. Она привела их в

санаторий, в котором они увиделись с отцом; он плохо выглядел, и сыну было его очень жалко. Отец, следовательно, был прообразом всех калек, попрошаек и нищих, в присутствии которых он должен был выдыхать, подобно тому, как он обычно бывает прообразом рож, которые показываются в состояниях страха, и карикатур, которые рисуют в насмешку. В другом месте мы еще узнаем, что эта установка сострадания относится еще к особенной детали «первичной сцены», которая так поздно проявилась в неврозе навязчивости.

Желание не стать таким, как калеки, мотивировавшее выдыхание в присутствии последних, было, следовательно, старой идентификацией с отцом, превращенной в негатив. Все же он копировал отца и в положительном смысле, потому что глубокое вдыхание было подражением шуму, который при коитусе, как он слышал, издавал отец (При допущении реальности «первичной сцены».) . Святой дух обязан был своим происхождением этому признаку чувственного возбуждения у мужчин. Благодаря вытеснению это дыхание стало злым духом, для которого имеется еще и другая генеалогия, а именно малярия, которой он был болен во время «первичной сцены».

Отрицание этих злых духов соответствовало явно аскетической черте, проявлявшейся еще и в других реакциях. Когда он услышал, что Христос вселил однажды злых духов в свиней, упавших затем с кручи, то он подумал о том, что сестра в свои первые детские годы еще до того, как он мог об этом помнить, скатилась со скалистой дорожки на берег. Она, значит, тоже была таким злым духом и свиньей; отсюда короткий путь вел к богу-свинье. Отец сам, как оказалось, также находится во власти чувственности. Когда он узнал историю первых людей, то обратил внимание на сходство своей судьбы с судьбой Адама. В разговоре с няней он лицемерно удивился тому, что Адам позволил женщине навлечь на себя несчастье, и обещал няне, что никогда не женится. В это время резко проявилась враждебность к женщине вследствие соблазна сестрой. В его будущей любовной жизни ему очень часто мешала эта враждебность. Сестра стала для него надолго воплощением искушения и греха. Когда он исповедовался, он казался себе чистым и безгрешным, и затем ему казалось, будто сестра подстерегает его, чтобы снова ввергнуть в грех, и не успевал опомниться, как провоцировал уже какой-нибудь спор с сестрой, из-за которого снова становился грешным. Таким образом, он вынужден был все снова воспроизводить факт соблазна. Кстати, как его ни мучили его богохульственные мысли, он никогда не рассказывал о них на исповеди.

Незаметно мы перешли к симптоматике невроза навязчивости более поздних лет и потому, пропустив многое, что было в это время, расскажем о его конце. Нам уже известно, что невроз этот, никогда не прекращаясь окончательно, усиливался от времени до времени периодически, один раз, — что нам еще не может быть понятным, — когда на той же улице умер мальчик, с которым он себя отождествлял. В десятилетнем возрасте к нему был приглашен гувернер — немец, который вскоре приобрел на него очень большое влияние. Очень поучительно, что вся его тяжелая набожность исчезла и никогда больше не оживала после того, как он заметил и в поучительных беседах с учителем узнал, что этот заместитель отца не придает никакого значения набожности и не верит в истины религии. Набожность исчезла вместе с зависимостью от отца, которого сменил другой, более общительный отец. Это произошло, правда, не без последней вспышки невроза навязчивости, из которой особенно запомнилась ему навязчивость — вспоминать о святой троице всякий раз, когда видишь на улице три кучки навоза, лежащие вместе. Он никогда не поддавался какому-нибудь воздействию, не сделав попытки удержать обесцененное. Когда учитель убедил его не быть жестоким по отношению к мелким животным, он положил конец и этим злым поступкам, но не без того, чтобы основательно удовлетвориться предварительно еще раз разрезыванием гусениц. Так же он вел себя и во время аналитического лечения, проявляя преходящую и «отрицательную» реакцию. После всякого окончательного разрешения симптома он на короткое время пытался отрицать его действие ухудшением разрешенного симптома. Известно, что дети вообще ведут себя подобным образом по отношению к запрещению. Когда на них накричишь за то, что они производят, например, бесконечный

шум, то прежде, чем прекратить его, они его повторяют еще раз после запрещения. Они достигли этим того, что прекратили шум, как будто добровольно, а запрещения не послушались.

Под влиянием немецкого учителя развилась еще новая и лучшая сублимация его садизма, одержавшего в связи с приближавшимся тогда половым созреванием верх над мазохизмом. Он стал мечтать о военщине, о формах, оружии и лошадях и беспрерывно отдавался этим грезам. Таким образом, под влиянием мужчины он освободился от своей пассивной установки и сперва находился на довольно нормальном пути. Отзвуком зависимости от учителя, покинувшего его вскоре после этого, было то, что в последующей жизни он отдавал предпочтение немецкому элементу (врачи, санатории, женщины) перед родным (замещением отца), что создало большие преимущества перенесению в лечении.

Ко времени перед освобождением благодаря учителю относится еще сновидение, о котором я упоминаю, потому что оно было забыто до соответствующего случая в лечении. Он видел себя верхом на лошади, преследуемым огромной гусеницей. Он узнал в этом сне намек на прежнее сновидение из периода жизни, предшествовавшего учителю, которое мы уже давно истолковали. В том прежнем сновидении он видел черта в черном одеянии, в вертикальном положении, которое в свое время так напугало его в волке и во льве. Протянутым пальцем черт указывал на огромную улитку. Он сейчас же понял, что этот черт есть демон из известной поэмы, а само сновидение — переработка очень распространенной картины, изображающей демона в любовной сцене с девушкой. Улитка была вместо женщины, как исключительно женский сексуальный символ. Руководствуясь указывающим жестом демона, мы смогли скоро прийти к заключению, что смысл сна состоит в том, что сновидец тоскует по ком-то, кто дал бы ему последние еще недостающие наставления о загадке полового общения, как в свое время отец в «первичной сцене» дал ему первые.

По поводу более позднего сновидения, в котором женский символ заменен мужским, он вспоминает одно определенное переживание незадолго до сновидения. Однажды он проезжал верхом в имении мимо спящего мужика, возле которого лежал его сын. Мальчик разбудил отца и сказал ему что-то, вслед за чем отец стал ругать и преследовать всадника, так что последний поспешил удалиться на своей лошади. К этому присоединяется второе воспоминание, что в том же имении имелись деревья, совершенно белые от того, что были облеплены гусеницами. Нам понятно, что он бежал также перед реализацией фантазии, что сын спит с отцом и что он примешал сюда белые деревья, чтобы намекнуть на кошмарный сон о белых волках на ореховом дереве. Это был, следовательно, просто взрыв страха перед женственной установкой к мужчине, от которой он сначала защищался посредством религиозной сублимации, а скоро затем посредством воинской, еще более действительной установки.

Но большой ошибкой было бы полагать, что после прекращения симптомов навязчивости невроз навязчивости не оставил у него никакого длительного следа. Процесс привел к победе благочестивой веры над критически-исследовательским протестом, и предпосылкой его было вытеснение гомосексуальной установки. Оба фактора привели к устойчивым дефектам. Интеллектуальная деятельность после этого первого большого поражения тяжело пострадала. Прилежания к учению не развилось, и больше не проявлялся у него тот острый ум, который в свое время, в раннем пятилетнем возрасте, разрушил своей критикой учения религии. Совершившееся во время того кошмарного сновидения вытеснение слишком сильной гомосексуальности сохранило это душевное движение огромной важности за бессознательным, задержало его таким образом при его первоначальной целевой установке и отняло его от всех тех сублимаций, на которые оно обычно направляется. У пациента поэтому не было тех социальных интересов, которые дают содержание жизни. Только тогда, когда в лечении удалось освободить эту скованность гомосексуальности, положение вещей смогло принять лучший оборот, и очень интересно было наблюдать, как — без непосредственного указания врача — всякая освобожденная доля гомосексуального либидо стремилась найти себе применение в жизни и приобщиться к

большой общественной деятельности человечества.

VII. Анальная эротика и кастрационный комплекс

Прошу читателя вспомнить, что эту историю детского невроза я получил, так сказать, как побочный продукт во время анализа заболевания в зрелом возрасте. Я должен был составить ее из еще меньших отрывков, чем те, какими обыкновенно располагаешь для синтеза. Эта, нетрудная обычно работа имеет свою естественную границу там, где дело идет о расположении в плоскости описания образования, имеющего различные протяжения. Я, следовательно, должен удовлетвориться тем, что предлагаю отдельные члены, которые читатель должен сам соединить в одно живое, целое. Как неоднократно подчеркивалось, описанный невроз навязчивости возник на почве садистски-анальной конституции. Но до сих пор речь шла только об одном главном факторе: о садизме и его превращениях. Все, что касается анальной эротики, было преднамеренно оставлено в стороне, теперь же необходимо все вместе дополнить.

Аналитики уже давно пришли к заключению, что многочисленные влечения, объединенные в понятии анальной эротики, имеют необычное, не поддающееся достаточно высокой оценке, значение для всего строя сексуальной жизни и душевной деятельности. А также и то, что одно из самых важных проявлений преобразованной эротики из этого источника проявляется в обращении с деньгами; этот ценный материал в течение жизни привлек к себе психический интерес, направленный первоначально на кал, продукт анальной зоны. Мы привыкли объяснять экскрементальным наслаждением интерес к деньгам, поскольку он, по природе своей, либидинозен и нерационален, и требовать от нормального человека, чтобы он в своих отношениях к деньгам был безусловно свободен от либидинозных влияний и руководствовался реальными соображениями.

У нашего пациента во время его позднейшего заболевания отношение к деньгам было нарушено в особенно жестокой мере, и это имело далеко не малое значение для его несамостоятельности и жизненной непригодности. Благодаря наследству от отца и от дяди он стал очень богат, явно придавал большое значение тому, чтобы слыть богатым, и очень огорчался, когда его в этом отношении недооценивали. Но он не знал, сколько он имел, сколько тратил и сколько у него оставалось, трудно было сказать, считать ли его скупым или расточительным. Он вел себя то так, то иначе, но никогда его поведение не указывало на преднамеренную последовательность. Судя по некоторым странным чертам, которые я ниже упомяну, можно было бы его считать за ненормального скупца, который в богатстве видит самые большие преимущества своей личности и, в сравнении с денежными интересами, не принимает даже во внимание какие бы то ни было интересы чувства. Но других он ценил не по их богатству и во многих случаях проявлял себя, скорее, скромным, сострадательным и готовым оказать помощь другому. Он не умел сознательно распоряжаться деньгами, они имели для него какое-то другое значение.

Я уже упомянул, что мне казалось очень подозрительным то, как он утешил себя в гибели сестры, ставшей за последние годы его лучшим товарищем, соображением: теперь ему незачем делить с ней наследство родителей. Еще более странно, может быть, было то спокойствие, с которым он это рассказывал, как будто бы совсем не понимал бесчувственности, в которой таким образом признавался. Хотя анализ реабилитировал его, показав, что боль за сестру подверглась сдвигу, но тогда ведь только стало совсем непонятно, что в обогащении он хотел найти замену сестры.

В другом случае его поведение казалось ему самому загадочным. После смерти отца оставшееся имущество было разделено между ним и матерью. Мать управляла имуществом и, как он сам признавал, шла навстречу его денежным требованиям щедро и самым безупречным образом. И тем не менее, каждое обсуждение денежных вопросов между ними кончалось жесточайшими упреками с его стороны, что она его не любит, что она думает

только о том, чтобы сэкономить на нем, и что она, вероятно, желала бы лучше всего видеть его мертвым, чтобы одной распоряжаться деньгами. Мать, плача, уверяла в своем бескорыстии, он стыдился и совершенно искренне уверял, что вовсе этого и не думает, но был уверен, что при ближайшем случае повторит ту же сцену.

Что кал задолго до анализа имел для него значение денег, — это явствует из многих случаев, из которых я сообщу только два. В то время, когда кишечник его еще не был захвачен болезнью, он однажды в одном большом городе навестил своего бедного кузена. Когда он ушел, он упрекал себя в том, что не оказал этому родственнику денежной помощи, и непосредственно за этим «у него был, может быть, самый обильный стул в его жизни». Два года спустя он назначил этому кузену ренту. Другой случай: в 18-летнем возрасте, во время подготовки к экзамену зрелости, он посетил товарища и обсуждал с ним, что бы получше предпринять, так как оба боялись провалиться на экзамене (Пациент говорит, что в его родном языке нет употреблении слова «провал» (Durchfall) для обозначения кишечных расстройств.). Решили подкупить служителя гимназии, и его доля в требуемой сумме была, разумеется, самая большая. По дороге домой он думал о том, что готов дать еще больше, если он только выдержит, если на экзамене с ним ничего не случится, и с ним, действительно, случилось другое несчастье еще раньше, чем он успел дойти до дома (Этот оборот речи имеет на родном языке пациента такое же значение, как и по-немецки.) .

Мы готовы услышать, что в своем последующем заболевании он страдал упорными, хотя и колеблющимися по различным поводам, расстройствами функции кишечника. Когда он начал у меня лечиться, он привык к клизмам, которые ему делал сопровождавший его человек; самостоятельного опорожнения кишечника не бывало месяцами, если не случалось внезапного возбуждения определенного характера, вследствие которого несколько дней устанавливалось правильное действие кишечника. Главная его жалоба состояла в том, что мир окутан для него в завесу или что он отделен от мира завесой. Эта завеса разрывалась только в тот момент, когда при вливании опорожнялось содержимое кишечника, и тогда он снова себя чувствовал здоровым и нормальным (Действие было одинаковое независимо от того, делал ли он вливание сам или поручал другому.) .

Коллега, к которому я направил его для освидетельствования кишечника, был достаточно проницателен и диагностировал функциональное и даже психически обусловленное расстройство и воздержался от серьезных назначений. Впрочем, ни эти назначения, ни предписанная диета не оказали никакой пользы. В годы аналитического лечения не было произвольного действия кишечника (но считая указанных внезапных влияний). Больного удалось убедить, что всякая интенсивная обработка упрямого органа еще ухудшила бы его состояние, и он удовлетворился тем, что вызывал действие кишечника один или два раза в неделю посредством вливания или приемом слабительного.

При изложении нарушений кишечника я предоставил позднейшему состоянию болезни пациента больше места, чем это входило в план данной работы, посвященной его детскому неврозу. К этому побудили меня два основания, во-первых, то, что симптоматика кишечника, собственно с малыми изменениями, перешла из детского невроза в позднейший, и, во-вторых, при окончании лечения на ее долю выпала главная роль.

Известно, какое значение имеет для врача, анализирующего невроз навязчивости, сомнение. Оно является самым сильным оружием больного, предпочтительным средством его сопротивления. Благодаря этому сомнению пациенту удавалось, забаррикадировавшись почтительным безразличием, годами противиться всем усилиям лечения. Ничего не менялось и не было никакого средства убедить его в чем-нибудь. Наконец, я понял, какое значение нарушение кишечника могло иметь для моих целей; оно представляло собой ту долю истерии, которая всегда лежит в основе невроза навязчивости. Я обещал пациенту полное восстановление деятельности его кишечника, сделал, благодаря этому обещанию, его недоверие явным и получил затем удовлетворение, видя, как исчезло его сомнение, когда кишечник, как истерически больной орган, начал принимать участие в работе и в течение немногих недель восстановил свою нормальную, так долго нарушенную функцию.

Теперь возвращаюсь к детству пациента, к периоду, когда кал для него не мог иметь значения денег.

Нарушения кишечника у него появились очень рано, прежде всего — самое частое и естественное у ребенка недержание кала. Но мы, безусловно, правы, если не согласны с патологическим объяснением этих ранних случаев и видим в них только доказательство намерения не допустить до помехи или задержки в удовольствии, связанном с функцией опорожнения кишечника. Большое удовольствие от анальных острот и проявлений, которое обычно соответствует естественной грубости некоторых классов общества, сохранилось у него и после начала позднейшего заболевания.

Во время пребывания англичанки-гувернантки неоднократно случалось, что он и няня должны были оставаться в комнате ненавистной воспитательницы. Няня, вполне верно понимая, констатировала тогда, что именно в эти ночи он пачкался в кровати, чего уже давно не было. Он этого вовсе не стыдился, то было выражение упрямства по отношению к гувернантке.

Год спустя (в 41/2 года) в период страхов случилось, что он днем испачкал штаны. Он ужасно стыдился и плакал, когда его мыли: он так не может жить. За это время, значит, что-то изменилось, и на след этого изменения нас навело исследование его жалобы. Оказалось, что слова: так он не может больше жить — он повторял за кем-то другим. Однажды (Точнее не установлено, когда это было, но во всяком случае — перед кошмарным сном в 4 года, вероятно — перед отъездом родителей.) мать взяла его с собой, когда провожала на станцию посетившего ее врача. Дорогой она жаловалась на боли и кровотечения, и у нее вырвались те же слова «так я не могу больше жить»; она не думала, что ребенок, которого она вела за руку, сохранит их в памяти.

Жалоба, которую он, между прочим, бесконечное число раз повторял в своей последующей болезни, означала, следовательно, идентификацию с матерью.

Скоро появилось воспоминание о недостающем по времени и содержанию своему звене между этими двумя событиями. Это случилось однажды в начале периодов его страха, когда озабоченная мать велела принять меры предосторожности, чтобы уберечь детей от дизентерии, вспыхнувшей по соседству с имением. Он осведомился, что такое дизентерия, и когда услышал, что при дизентерии находят кровь в испражнениях, он очень испугался и стал утверждать, что и в его испражнениях имеется кровь; он боялся умереть от дизентерии, но посредством исследования его удалось убедить, что он ошибся и что ему нечего бояться. Мы понимаем, что в этом страхе пыталось проявиться отождествление с матерью, о кровотечениях которой он слышал в ее разговоре с врачом. При его последующей попытке к отождествлению (в 41/2 года) он упустил момент крови; он больше не понимал себя, полагал, что стыдится, и не знал, что дрожит от страха смерти, который вполне определенно проявился в его жалобе.

Страдавшая женской болезнью мать вообще тогда боялась за детей; весьма вероятно, что его боязливость, помимо ее собственных мотивов, упиралась еще на отождествление с матерью.

Что же обозначает это отождествление с матерью?

Между дерзким использованием недержания кала в 31/2 года и ужасом перед этим недержанием в 41/2 года имело место сновидение, с которого начался его период страха и которое объяснило ему пережитую им в 11/2 года сцену (См. предыдущее.) и дало ему понимание роли женщины при половом акте. Весьма естественно перемену по отношению к дефекации привести в связь с этим большим переворотом. Дизентерией, очевидно, называлась, по его мнению, болезнь, на которую, как он слышал, мать жаловалась, что «с такой болезнью нельзя жить»; он считал мать больной не женской, а кишечной болезнью. Под влиянием «первичной сцены» он открыл связь между заболеванием матери и тем, что сделал с ней отец (Причем он, вероятно, не ошибся.) , и его страх перед кровью в испражнениях, т. е. страх быть таким же больным, как мать, был отрицанием отождествления с матерью в той сексуальной сцене, — тем же отрицанием, с которым он

проснулся после сновидения. Но страх был также доказательством того, что в последующей обработке «первичной сцены» он поставил себя на место матери, завидовал ей в ее отношениях к отцу. Орган, в котором могло проявиться это отождествление с женщиной, пассивно гомосексуальная установка к мужчине, был анальной зоной. Нарушения функций этой зоны приобрели значение гомосексуальных нежных душевных движений и сохранили это значение во время последующего заболевания.

В этом месте нам придется услышать возражение, обсуждение которого внесет много ясности в запутанное, по-видимому, положение вещей. Ведь мы уже должны были предположить, что во время процесса сновидения он понял, что женщина кастрирована, что вместо мужского органа у нее рана, которой пользуются для полового общения, что кастрация является необходимым условием женственности, и что под влиянием угрозы такой потерей он вытеснил женскую установку к мужчине и со страхом проснулся от гомосексуальных мечтаний. Как вяжется это понимание полового общения, это признание вагины с избранием кишечника для идентификации с женщиной? Не покоятся ли кишечные симптомы на, вероятно, более старом, находящемся в полном противоречии с кастрационным страхом понимании, что выход из кишечного тракта является местом сексуального общения?

Несомненно, это противоречие существует, и оба понимания вовсе не вяжутся друг с другом. Вопрос только в том, должны ли они вязаться. Наше недоумение происходит от того, что мы всегда склонны относиться к бессознательным душевным процессам, как к сознательным, и забывать о глубоком различии обеих психических систем.

Когда в возбужденном ожидании в рождественском сновидении ему представилась картина когда-то увиденного (или сконструированного) полового общения родителей, то, несомненно, сперва явилось старое понимание его, по которому частью тела женщины, воспринимающей мужской орган, является выход из кишечного канала. Что же другое он мог подумать, когда в 11/2 года был свидетелем этой сцены? (Или пока он не понимал коитус собак.). А теперь присоединилось то, что впервые случилось в 4 года. Его последующий опыт, услышанные намеки на кастрацию проснулись и набросили тень сомнения на «теорию клоаки», дали ему знание полового различия и сексуальной роли женщины. Он вел себя при этом, как вообще себя ведут дети, когда им дают нежелательные для них объяснения — сексуальное или какое-нибудь другое. Он отбросил новое — в данном случае из мотива страха кастрации — и уцепился за старое. Он решил вопрос в пользу кишечника и против вагины таким же образом и из тех же мотивов, как позже он стал на сторону отца против бога. Новое объяснение было отвергнуто, а старая теория сохранена; последняя могла дать материал для отождествления с женщиной, проявившегося потом как страх перед смертью от кишечника и как первое религиозное сомнение, имел ли Христос заднюю часть и т. п. Дело не в том, что новый взгляд остался без всякого влияния, как раз наоборот: он оказал невероятно сильное действие, став мотивом для того, чтобы удержать в вытеснении весь процесс сновидения и исключить его из позднейшей сознательной переработки. Но этим исчерпано было его влияние, на разрешение сексуальной проблемы он не оказал никакого действия. Разумеется, было несомненным противоречием то, что с того времени мог существовать страх кастрации, наряду с отождествлением с женщиной при посредстве кишечника. Но противоречие это было только логическое, что не имеет большого значения.

Весь процесс, скорее, характеризует теперь то, как работает бессознательное. Вытеснение представляет собой нечто другое, чем осуждение.

Когда мы изучали происхождение фобии волка, мы проследили влияние нового взгляда на половой акт. Теперь, исследуя нарушение деятельности кишечника, мы находимся на почве старой теории клоаки. Обе точки зрения остаются отделенными одна от другой вытеснением. Отвергнутая актом вытеснения женская установка к мужчине как бы сконцентрировалась в симптоматике кишечника и проявляется в часто наступающих поносах, запорах и болях в кишечнике в детском возрасте. Более поздние сексуальные

фантазии, создавшиеся на основании правильных сексуальных знаний, могут регрессивным образом проявиться, как нарушение деятельности кишечника. Но мы их не поймем, пока не откроем изменения значения кала со времени первого детского периода (Сравните статью «Превращение влечений и т. д.») .

Раньше я в одном месте намекнул, что часть содержания «первичной сцены» еще осталась, и теперь я могу ее пополнить. Ребенок прервал общение родителей испражнением, которое могло мотивировать его крик. К критике этого добавления относится все то, что я раньше привел при обсуждении остального содержания этой сцены. Пациент принял этот сконструированный заключительный акт и как будто подтвердил его «проходящим симптомообразованием». Дальнейшее добавление, предложенное мной, что отец, недовольный помехой, выразил свое недовольство тем, что выругался, должно было отпасть. Материал анализа на это не реагировал.

Деталь, которую я теперь прибавил, не может, разумеется, быть поставленной в ряд с остальным содержанием сцены. Дело тут идет не о впечатлении извне, возвращения которого можно ждать во многих позднейших признаках, а о реакции самого ребенка. Во всей истории ничего не изменилось бы, если бы этого проявления тогда не было или же если бы оно было вставлено в события сцены из позднейшего. Но не подлежит никакому сомнению то, как его нужно понимать. Оно означает возбужденность анальной зоны (в самом широком смысле). В других случаях такого рода наблюдение сексуального акта закончилось мочеиспусканием; взрослый мужчина при таких же условиях почувствовал бы эрекцию. То обстоятельство, что наш мальчуган продуцирует, как признак своего сексуального возбуждения, опорожнение кишечника, нужно понимать как характерную черту его врожденной сексуальной конституции. Он сейчас же становится пассивным, проявляет больше склонности к отождествлению в последующем с женщиной, чем с мужчиной.

Он, как и всякий другой ребенок, пользуется при этом содержанием кишечника в его первом и первоначальном значении. Как представляет собой первый подарок, первую жертву нежности ребенка, часть собственного тела его, от которой он отказывается, но только в пользу любимого лица (Я думаю, что легко доказать, что младенцы пачкают своими экскрементами только тех лиц, которых они знают и любят. Чужих они не удостаивают таким отличием. В трех статьях о сексуальной теории я упомянул о самом первом применении кала для аутоэротического раздражения слизистой оболочки кишечника; как дальнейшее завоевание к этому присоединяется, что при дефекации большое значение имеет внимание к объекту, которого ребенок слушается и идет навстречу ему. Это же отношение сохраняется и в дальнейшем в том, что более взрослый ребенок позволяет только некоторым предпочитаемым им лицам сажать себя на горшок или помогать при мочеиспускании, причем, однако, принимаются во внимание и другие цели.) . Использование для того, чтобы поступить наперекор, как в нашем случае в 31/2 года по отношению к гувернантке, представляет собой только отрицательное превращение этого подарка. «Grumus те^ае», которое воры оставляют на месте преступления, имеет, по-видимому, оба значения: насмешку и регрессивно выраженное возмещение. Всегда, когда достигнута более высокая ступень, прежнее может найти применение еще в отрицательно униженном смысле. Вытеснение находит себе выражение в противоположном (В бессознательном, как известно, не существует «нет»; противоположности совпадают. Отрицание вводится только процессом вытеснения.) .

На более поздней ступени развития кал получает значение ребенка. Ребенок ведь рождается через задний проход как испражнение. Значение кала, как подарка, легко допускает это превращение. В обычном разговоре ребенок называется «подарком»; часто о женщине говорят, что она «подарила» ребенка мужу, но в бессознательном вполне правильно принимается во внимание и другая сторона отношений, т. е. что женщина «получает» ребенка в подарок от мужчины. Значение кала, как денег, ответвляется в другом направлении от его значения, как подарка.

Раннее покрывающее воспоминание нашего больного о случившемся с ним первом припадке гнева, явившемся результатом того, что он к рождеству получил недостаточно много подарков, разоблачает теперь свой более глубокий смысл. Ему недоставало сексуального удовлетворения, которое он понимал как анальное. Его сексуальное исследование до сновидения уже подготовило его к этому, а во время процесса образования сновидения он понял, что сексуальный акт разрешает загадку происхождения маленьких детей. Еще до сновидения он не переносил маленьких детей. Однажды он нашел маленькую, еще голую птичку, выпавшую из гнезда, принял ее за маленького человечка и испугался его. Анализ доказал, что все те маленькие животные, гусеницы, насекомые, на которых он был так зол, имеют для него значение маленьких детей (Также вши, которые в сновидениях и фобиях часто означают маленьких детей.) . Его отношения к старшей сестре дали ему повод много раздумывать над взаимоотношениями между старшими и младшими детьми. Когда ему однажды няня сказала, что мать его так сильно любит, потому что он младший, то у него явился вполне понятный мотив желать, чтобы за ним не последовал еще младший ребенок. Под влиянием сновидения, воспроизведшего перед ним общение родителей, у него снова ожил страх перед этим младшим.

Нам нужно поэтому к известным уже сексуальным течениям прибавить еще новое, которое, как и другие, происходит из воспроизведенной им в сновидении «первичной сцены». В отождествлении своем с женщиной (с матерью) он готов подарить отцу ребенка и ревнует к матери, которая это уже сделала и, быть может, снова сделает.

Обходным путем через общий результат значения подарка деньги могут приобрести значение ребенка и в таком виде могут стать выражением женского (гомосексуального) удовлетворения. Этот процесс совершился у нашего пациента, когда однажды — в то время брат и сестра находились в немецком санатории — он увидел, как отец дал сестре деньги в виде двух бумажек большого достоинства. В своей фантазии он всегда подозревал отца в близости с сестрой. Тут в нем проснулась ревность, он бросился на сестру, когда они остались одни, и с такой настойчивостью и с такими упреками стал требовать свою долю в деньгах, что сестра, плача, бросила ему все. Его рассердила не только реальная стоимость денег, а еще гораздо больше ребенок, анально-сексуальное удовлетворение от отца. В этом отношении он мог утешиться, когда — при жизни отца — умерла сестра. Его возмутительная мысль при известии о ее смерти означала только: теперь я единственный ребенок, теперь отец должен любить меня одного. Но гомосексуальная подоплека этого безусловно доступного сознанию соображения была так невыносима, что его замаскирование в виде низменной жадности оказалось возможным как большое облегчение.

То же самое было, когда, после смерти отца, он делал матери те несправедливые упреки, что она его хочет обмануть в денежном отношении, что она больше любит деньги, чем его. Старая ревность, что она любила еще другого ребенка кроме него, что после него она желала иметь еще другого ребенка, вырывала у него обвинение, беспочвенность которого он сам сознавал.

Благодаря анализу значения кала нам становится теперь ясным, что навязчивые мысли, которые должны были привести бога в связь с калом, имеют еще другое значение, кроме оскорбления, которое он в них сознавал. Это были настоящие компромиссные образования, в которых нежное преданное течение принимает такое же участие, как враждебное и оскорбительное. «Бог-кал» было, вероятно, сокращением приглашения, которое приходится слышать и в несокращенной форме. «Испражняться на бога», «испражняться богу» — означает также подарить ему ребенка, получить от него в подарок ребенка. Старое отрицательно-унизительное значение подарка в навязчивых словах соединено с более поздним, развившимся из него значением ребенка. В последнем значении находит себе выражение женская нежность, готовность отказаться от мужественности, если за это получаешь любовь от женщины. Таким образом, это — то душевное движение против бога, которое недвусмысленными словами выражено в бредовой системе параноического президента сената Шребера (См. анализ в Samml . Kl. Schriften z. Neurosenlehre, III F.) .

Когда я позже сообщу о последнем разрешении симптома у моего пациента, то можно будет еще раз показать, что нарушение кишечника служило гомосексуальному течению и выражало женскую установку к отцу. Новое значение кала должно открыть нам путь к описанию кастрационного комплекса.

Раздражая эрогенную слизистую оболочку кишечника, твердая каловая масса приобретает для него роль активного органа, действует так, как пенис на слизистую оболочку вагины, и становится как бы предшественником пениса в эпоху клоаки. Отдача кала в пользу (из любви) какого-нибудь другого лица в свое время становится прообразом кастрации; это первый случай отказа от части собственного тела (А именно так ребенок относится к калу.) , чтобы приобрести милость другого любимого человека. Обычно нарцистическая любовь к своему пенису не лишена известного притока и со стороны анальной эротики. Кал, ребенок, пенис образуют, таким образом, нечто единое, бессознательное понятие — sit venia verbo — отделенное от тела «маленького». По этим соединительным путям могут произойти сдвиги и усиления привязанности либидо, имеющие значение для патологии и открытые анализом.

Первоначальное отношение нашего пациента к проблеме кастрации нам уже известно. Он отрицал кастрацию и остался на точке зрения общения через задний проход. Если я сказал, что он отрицал ее, то главное значение этого выражения состоит в том, что он ничего не хотел о ней знать в смысле вытеснения. Таким образом, в существовании ее не имело места, собственно, никакое суждение, но было так, будто бы кастрации вовсе не существовало. Однако эта установка не могла быть окончательной, не оставалась даже в течение всех лет его детского невроза. Позже имеются веские доказательства того, что он признавал кастрацию как факт. Он и в этом пункте ведет себя так, как это было показательно для его существа, что, разумеется, так необыкновенно затрудняет нам описание и понимание его. Он сначала противился, а потом уступил, но одна реакция не прекратила другую. В конце концов, у него одновременно имелись два противоположных течения, из которых одно пугалось кастрации, а другое готово было принять ее и утешиться женственностью, как заменой. Третье, самое старое и глубокое, которое просто отрицало кастрацию, причем вопрос о реальности ее еще не возникал, было, несомненно, еще также жизненно. В другом месте я рассказал галлюцинацию этого же пациента из пятого года жизни, к которой я хочу присоединить небольшой комментарий.

«Когда мне было 5 лет, я играл в саду возле няни и резал перочинным ножом кору одного из тех ореховых деревьев, которые играли роль (См. Marchenstoffe im Taumen . Intern . Zeitschriftf . arzt .PsA .1,2 H.) в моем сновидении (Корректура при последующем рассказе: мне кажется, что я резал не дерево. Это — слияние с другим воспоминанием, которое также извращено галлюцинацией, будто я сделал надрез ножом в дереве и будто при этом из дерева появилась кровь.) . Вдруг я заметил с невыразимым ужасом, что так перерезал себе мизинец (правой или левой руки), что он остался висеть на коже. Я не чувствовал боли, а только сильный страх. Я не решался сказать об этом находящейся в нескольких шагах няне, а опустился на ближайшую скамью и остался сидеть, неспособный бросить еще взгляд на палец. Наконец, я успокоился, посмотрел на палец, и оказалось, что он был совершенно невредим».

Нам известно, что в 41/2 года, после знакомства со священной историей, у него началась интенсивная работа мысли, которая закончилась навязчивой набожностью. Мы можем поэтому предположить, что эта галлюцинация случилась в то время, когда он решился признать реальность кастрации, и что она, может быть, отмечает именно этот шаг. И маленькая корректура пациента тоже представляет некоторый интерес. Если он галлюцинировал то же жуткое переживание, о котором Тассо рассказывает в «Освобожденном Иерусалиме» о своем герое Танкреде, то имеет свое оправдание и толкование, что и для моего маленького пациента дерево означало женщину. Он играл, следовательно, при этом роль отца и привел знакомое ему кровотечение матери в связь с открытой им кастрацией женщины, «раной».

Поводом к галлюцинации про отрезанный палец послужил, как он позже сообщил, рассказ о том, что у одной родственницы, которая родилась с шестью пальцами, этот лишний палец был сейчас же отрублен топором. У женщин, следовательно, не было пениса потому, что при рождении его у них отрезали. Таким путем он принял во время невроза навязчивости то, что знал уже во время процесса образования сновидения и что тогда отверг посредством вытеснения. Также и ритуальное обрезание Христа, как вообще евреев, не могло при чтении священной истории и разговорах о ней остаться ему неизвестным.

Не подлежит никакому сомнению, что к тому времени отец стал для него тем страшилищем, со стороны которого ему угрожает кастрация — от жестокого бога, с которым он тогда боролся, который заставляет людей провиниться, чтобы затем за это их наказывать, который приносит в жертву своего сына и сынов человечества и который отразился на характере отца, которого он, с другой стороны, старался защитить против этого бога. Мальчику предстояло тут выполнить филогенетическую схему, и он осуществил это, хотя его личные переживания этому не соответствовали. Угрозы кастрацией или намеки на нее, с которыми он сталкивался, исходили от женщин (Мы знаем это относительно няни и узнаем то же относительно другой женщины.), но это не могло надолго задержать конечный результат. В конце концов, все же отец стал тем лицом, со стороны которого он боялся кастрации. В этом пункте наследственность одержала победу над случайным переживанием; в доисторическую эпоху человечества, несомненно, отец совершал кастрацию в наказание, а затем уменьшал его до обрезания. Чем дальше он в процессе невроза навязчивости продвигался по пути вытеснения чувственности, тем естественней было бы для него приписывать подобные злостные намерения отцу, настоящему представителю чувственных проявлений.

Отождествление отца с кастратором (К самым мучительным, но также и нелепым симптомам его будущего страдания принадлежит его отношение ко всякому... портному, которому он заказал когда-либо платье, его робость и уважение перед этим высокопоставленным лицом, его старание расположить последнего в свою пользу несоразмерными чаевыми и отчаяние по поводу результатов работы, независимо от того, какими они оказались в действительности.) приобрело громадное значение, став источником острой, усилившейся до желания смерти бессознательной враждебности к нему и чувства вины, как реакции на эту враждебность. Но пока он вел себя нормально, т. е. как всякий невротик, находящийся во власти комплекса Эдипа. Замечательно, что и в этом отношении у него было противоположное течение, в котором отец был кастрированным и, как таковой, вызывал у него сострадание.

При анализе церемониала дыхания в присутствии калек, нищих и т. д. я показал, что и этот симптом относился к отцу, который вызвал в нем сострадание при посещении им лечебницы. Анализ дал возможность проследить эту нить еще дальше. В очень раннем возрасте, вероятно, еще до соблазна (31/4 года), в имении был бедный поденщик, который носил в дом воду; он не мог говорить, будто потому, что ему отрезали язык. Вероятно, он был глухонемой. Ребенок очень его любил и жалел от всего сердца. Когда несчастный умер, он искал его на небе (В связи с этим упоминаю о сновидениях, которые он видел позже, чем кошмарный сон, но еще в первом имении, и представлявших сцену коитуса между небесными телами.) . Это был первый калека, вызвавший в нем жалость; судя по общей связи и порядку в анализе, он был, несомненно, заместителем отца.

Анализ открыл в связи с этим калекой воспоминания о других симпатичных слугах, о которых он подчеркнул, что они были болезненны или евреи (обрезание!). И лакей, который помогал чистить его при его несчастье в 41/2 года, был евреем, чахоточным и вызывал в нем сострадание. Все эти лица относятся ко времени до посещения отца в санатории, т. е. до образования симптома, который посредством выдыхания не должен был допустить отождествления с внушающим жалость. Тут анализ в связи со сновидением снова повернул к самому раннему периоду и побудил его к утверждению, что при коитусе в «первичной сцене» он наблюдал исчезновение пениса, пожалел по этому поводу отца и радовался

появлению вновь органа, который считал потерянным. Итак, новое чувство, опять-таки исходящее из этой сцены. Нарцистическое происхождение сострадания, за которое говорит само слово, здесь вполне очевидно.

VIII. Дополнения из самого раннего детства. Разрешение

Во многих анализах бывает так, что при приближении к концу вдруг всплывает новый материал, остававшийся до того тщательно скрытым. Или же однажды делается мельком незначительное замечание равнодушным тоном, как будто это нечто совершенно излишнее, к этому в другой раз присоединяется что-то новое, что уже заставляет врача насторожиться, и, наконец, в том обрывке воспоминаний, которому не придавалось значения, открывается ключ к самым важным тайнам, окутывавшим невроз больного.

Еще вначале мой пациент рассказал о том времени, когда его испорченность стала переходить в страх. Он преследовал прекрасную большую бабочку с желтыми полосками, большие крылья которой заканчивались острыми углами, т. е. адмирала. Вдруг, когда он увидел, как бабочка опустилась на цветок, им овладел ужасный страх перед насекомым, и он с криком убежал.

Время от времени он возвращался в анализе к этому воспоминанию, требовавшему объяснения, которое долго н е давалось. Заранее можно было предположить, что подобная деталь сохранилась в воспоминании не сама по себе, а занимала место более важного, как покрывающее воспоминание, с чем она была каким-либо образом связана. Однажды он сказал, что это насекомое на его языке называется бабочка, старая бабушка; вообще, бабочки казались ему женщинами и девушками, а жуки или гусеницы — мальчиками. При той сцене страха должно было проснуться воспоминание о каком-нибудь женском существе. Не хочу умолчать, что тогда я предположил, как возможность, что желтые полосы адмирала напомнили ему такие же полосы на платье, которое носила женщина. Делаю это только для того, чтобы показать на примере, как обыкновенно бывают недостаточны комбинации врача для разрешения возникающих вопросов и как неверно взваливать ответственность за результаты анализа на фантазию врача и на внушение с его стороны. В связи с чем-то совершенно другим, много месяцев спустя, пациент заметил, что распускание и складывание крыльев бабочки, когда она опустилась, произвело на него самое неприятное впечатление. Это было так, как если женщина раздвигает ноги, и при этом получается фигура римского V — как известно, время, в которое еще в детские годы, но также и теперь обыкновенно наступало у него пониженное настроение.

Подобная мысль мне никогда не пришла бы в голову, но ценность ее возрастала от соображения, что вскрытый ею ход ассоциаций носил чисто инфантильный характер. Внимание детей, как я часто замечал, привлекается гораздо больше движением, чем покоящимися формами, и часто на основании сходства движения у них являются такие ассоциации, которые взрослые упускают, не обращая на них внимания.

Затем маленькая проблема снова приостановилась. Я хочу еще указать на то основательное предположение, будто острые, палкообразные концы крыльев бабочки могли иметь значение генитальных символов.

Однажды очень робко и неясно всплыло у больного нечто вроде воспоминания о том, как очень рано, еще до няни, за детьми ходила девушка, которую он очень любил; у нее было то же имя, что у матери. Несомненно, что он отвечал на ее нежность. Итак, забытая первая любовь. Мы согласились оба на том, что, вероятно, произошло нечто, что потом приобрело большое значение.

Затем, в другой раз, он исправил свое воспоминание. Ее не могли звать так, как мать, это было с его стороны ошибкой, которая показывала, что в его воспоминаниях она слилась с матерью. Настоящее ее имя припомнилось ему косвенным путем. Вдруг он вспомнил о сарае в первом имении, в котором хранились собранные плоды, и об определенном сорте груш

великолепного вкуса, больших с желтыми полосками на кожице. На его родном языке эти плоды называют груша, это и было ее имя.

Таким образом стало ясно, что за покрывающим воспоминанием о преследуемой бабочке скрывалось воспоминание об этой девушке. Но желтые полосы находились не на ее платье, а на груше. Но откуда же взялся страх, когда ожило воспоминание о ней? Возможна была следующая ближайшая нехитрая комбинация: у этой девушки он маленьким ребенком впервые увидел движения ног, которые и запомнил, как знак римского V — движения, которые открыли доступ к гениталиям. Мы отказались от этой комбинации и ждали дальнейшего материала.

Скоро появилось воспоминание об одной сцене, неполное, но вполне определенное, поскольку оно сохранилось. Груша лежала на полу, возле нее стоял чан и метла из коротких прутьев; он был тут же, она дразнила или высмеивала его.

То, чего тут недоставало, легко было пополнить другими воспоминаниями. В первые месяцы лечения он рассказывал о навязчивой влюбленности в крестьянскую девушку, от которой заразился болезнью, послужившей поводом к последующему заболеванию. Странным образом он противился тогда требованию назвать имя девушки. То был совсем единичный случай сопротивления; обычно он безусловно подчинялся основному аналитическому правилу. Но он утверждал, что должен очень стыдиться, произнося это имя, потому что оно совсем мужицкое. Знатные девушки никогда не носили бы такого имени. Имя, которое, наконец, стало известным, было Матрена. Оно звучало матерински.

Стыд был, очевидно, не по адресу. Самого факта, что это увлечение относилось к простой девушке, он не стыдился, а только ее имени. Если это приключение с Матреной могло иметь нечто общее со сценой с Грушей, то стыд нужно перенести на это раннее происшествие.

В другой раз он рассказал, что, когда он узнал о жизни Яна Гуса, он был очень потрясен этой историей и его внимание было приковано к связкам хвороста, которые тащили на его костер. Симпатии к Гусу будят вполне определенное подозрение; я часто находил их у молодых пациентов, и мне всегда удавалось объяснить их одинаковым образом. Один из них сделал даже драматическую обработку судьбы Гуса. Он начал писать драму в тот день, когда лишился объекта своей тайной влюбленности; Гус погиб от огня, и, как другие, отвечающие такому же условию, он становится героем бывших энуретиков (enuresis — недержание мочи). Вязки хвороста на костер Гуса мой пациент сам поставил в связь с веником (связка прутьев) молодой девушки.

Этот материал легко подошел к тому, чтобы восполнить изъян воспоминаний в сцене с Грушей. Глядя, как девушка моет пол, он помочился в комнате, и после этого она в шутку погрозила ему кастрацией (Весьма замечательно, что реакция стыда так тесно связана с непроизвольным мочеиспусканием (дневным и ночным), а не, как следовало бы ожидать, с недержанием кала. Опыт не оставляет в этом отношении никакого сомнения. Заставляет задуматься также постоянная связь между недержанием мочи и огнем. Весьма возможно, что в этих реакциях и связях мы имеем дело с осадками культуры человечества, идущими глубже всего и сохранившими для нас свои следы в мифах и в фольклоре.).

Не знаю, догадываются ли уже читатели, почему я так подробно сообщаю этот эпизод из раннего детства (По времени он случился в возрасте 21/2 лет — между предполагаемым наблюдением коитуса и соблазном.) . Он образует важную связь между «первичной сценой» и более поздней навязчивой влюбленностью, сыгравшей такую решающую роль в его судьбе, и, кроме того, вводит еще условие любви, объясняющее эту навязчивость.

Когда он увидел, как девушка лежала на полу, занятая мытьем этого пола, стоя на коленях с выдающимися вперед задними частями, а спиной — в горизонтальном направлении, он узнал в ней положение, которое мать занимала в сцене коитуса. Она стала его матерью, им овладело сексуальное возбуждение, вследствие того что в его воспоминании ожила та картина, и он поступил по отношению к девушке, как отец, поступок которого он тогда мог понять, как мочеиспускание. Мочеиспускание на пол у ребенка было в сущности

попыткой к соблазну, и девушка ответила угрозой кастрации, как будто бы она его поняла.

Навязчивость, исходящая из «первичной сцены», перенеслась на эту сцену с Грушей и продолжала свое действие. Но условие любви претерпело изменение, указывающее на влияние второй сцены. С положения женщины оно перенеслось на ее деятельность в таком положении. Это стало очевидным, например, в переживании с Матреной. Он гулял по деревне, принадлежащей (более позднему) имению, и на берегу пруда увидел крестьянскую девушку, стоявшую на коленях и занятую мытьем белья в пруду. Он моментально и с непреодолимой силой влюбился в прачку, хотя и не видал еще ее лица. Благодаря своему положению и работе она заняла для него место Груши. Мы понимаем теперь, почему стыд, относившийся к содержанию в сцене с Грушей, связался с именем Матрены.

Навязчивое влияние сцены с Грушей проявилось еще яснее в другом припадке влюбленности за несколько лет до этого. Молодая крестьянская девушка, исполнявшая в доме обязанности служанки, нравилась ему уже давно, но ему удавалось все же сдерживать себя и не приближаться к ней. Однажды он был охвачен влюбленностью, когда застал ее одну в комнате. Он нашел ее лежащей на полу, занятой мытьем пола, а возле нее находились ведро и метла, т. е. совсем так, как та девушка в детстве.

Даже окончательный выбор объекта, получивший такое большое значение в его жизни, благодаря подробностям обстоятельств, которых здесь нельзя привести, оказывается в зависимости от таких же условий любви проявлением навязчивости, которая, начиная с «первичной сцены» и через сцену с Грушей, владела выбором его объекта. Прежде я заметил, что признаю у пациента стремление к унижению объекта его любви. Это объясняется реакцией на давление от превосходства сестры над ним. Но я тогда обещал показать, что не один только этот мотив, самостоятельный по природе своей, имел решающее значение, а он покрывал более глубоко детерминированные, чисто эротические мотивы. Эту мотивировку проявило воспоминание о моющей пол девушке, стоящей по своему положению ниже его. Все позднейшие объекты любви были заместительницами этой одной, которая, в свою очередь, сама была, благодаря случайному положению, первой заместительницей матери. В первой мысли, пришедшей пациенту в голову по вопросу о страхе перед бабочкой, потом уже легко узнать отдаленный намек на первичную сцену. Отношение сцены с Грушей к угрозе кастрацией он подтвердил особенно содержательным сновидением, которое он сумел сам истолковать. Он сказал, что ему снилось, будто какой-то человек отрывает крылья espe . — Espe ? Я должен спросить, что вы этим хотите сказать? — Насекомое с желтыми полосками на теле, которое кусает (это, вероятно, намек на Грушу, грушу с желтыми полосками). — Wespe — оса, хотите вы сказать? — поправил я. — Разве это называется wespe ? Я, право, думал, что это называется espe (он, как и многие другие, пользуется тем, что говорит на чужом ему языке, чтобы скрыть свои симптоматические действия). — Но espe ведь это же я сам (S. P. — инициалы его имени. Espe , разумеется, искалеченное wespe. Сон ясен: он мстит Груше за ее угрозу кастрацией).

Поступок ребенка в 21/2 года в сцене с Грушей представляет собой первое известное нам действие «первичной сцены»; в этом поступке он является копией отца, и мы можем в нем узнать тенденцию в том направлении, которое позже заслужит название мужского. Соблазн вынуждает его на пассивность, которая тоже уже была подготовлена его положением зрителя при общении родителей.

Из истории лечения я должен еще подчеркнуть, что получилось впечатление, будто с отдалением сцены с Грушей, первым переживанием, которое он, действительно, сумел вспомнить и вспомнил без моих предположений и моей помощи, разрешилась задача лечения. С этого момента не было больше сопротивления, оставалось еще только собирать и составлять весь добытый материал. Старая теория травм, построенная на впечатлениях из психоаналитической терапии, вдруг опять получила свое значение. Из критического интереса я еще раз сделал попытку навязать пациенту другое понимание его истории, более приемлемое для трезвого рассудка. В сцене с Грушей сомневаться не приходится, но сама по себе она не имеет никакого значения; лишь впоследствии она усилилась благодаря

регрессии, исходящей из событий, связанных с выбором его объекта, который, вследствие тенденции унижения, перенесся с сестры на прислугу. Наблюдение же коитуса представляет его фантазию, явившуюся в более поздние годы; историческим ядром ее могли быть какие-нибудь наблюдения или собственные переживания — хотя бы наблюдение какого-нибудь самого невинного вливания. Некоторые читатели, может быть, подумают, что, только сделав это предположение, я приблизился к пониманию данного случая. Пациент же посмотрел на меня, не понимая, в чем дело, когда я изложил ему этот взгляд, и никогда больше на него не реагировал. Собственные мои доказательства против такой рационализации я изложил выше.

Но сцена с Грушей содержит не только условия выбора объекта, имеющие решающее значение для всей жизни пациента, но остерегает нас от ошибки переоценить значение тенденции унизить женщину. Она может также оправдать меня в моем прежнем отказе от точки зрения, объясняющей «первичную сцену» как несомненный результат наблюдения над животными незадолго до сновидения. Она возникла сама в воспоминании больного, без моего содействия. Объясняющийся ею страх перед бабочкой в желтых полосках показывает, что содержание ее имело большое значение или что была возможность придать впоследствии ее содержанию такое значение. Все то значительное, чего не было в воспоминаниях, можно было с точностью пополнить благодаря мыслям, сопровождавшим эти воспоминания, и связанным с ними выводом. Тогда оказалось, что страх перед бабочкой совершенно аналогичен страху перед волком; он в обоих случаях был страхом перед кастрацией, относившимся сперва к лицам, грозившим кастрацией, и перенесенным затем на других, с которыми он в соответствии с филогенетическим прообразом должен был связаться. Сцена с Грушей произошла в 21/2 года, а страшное переживание с бабочкой — наверное, после страшного сновидения. Легко было понять, что возникшее позже понимание возможности кастрации вызвало впоследствии уже страх в сцене с Грушей; но сама эта сцена не содержала ничего отталкивающего или невероятного, а скорее банальные детали, в которых нет никакого основания сомневаться. Ничто не наводит на мысль объяснить ее фантазией ребенка, да это и вряд ли возможно.

Возникает вопрос, вправе ли мы видеть сексуальное возбуждение в мочеиспускании стоящего мальчика в то время, когда стоящая на коленях девушка моет пол? В таком случае это возбуждение указывало бы на влияние прежнего впечатления, которое могло в такой же мере исходить от действительно имевшей место «первичной сцены», как и от наблюдения над животными, сделанного до 21/2 -летнего возраста. Или все это положение было совершенно невинным, мочеиспускание ребенка чисто случайным, и вся эта сцена была сексуализирована только впоследствии, в воспоминаниях, после того как открыто было значение подобных положений?

Тут я не рискую дать решающий ответ. Должен сказать, что считаю большой заслугой психоанализа уже самую постановку такого вопроса. Но не могу отрицать, что сцена с Грушей, роль, которую ей пришлось сыграть в анализе, и влияние ее в жизни легче и полнее всего объясняются, если считать в данном случае «первичную сцену» реальной, хотя в других случаях она может быть фантазией. В сущности, ничего невозможного в ней нет; допущение ее реальности очень хорошо вяжется с возбуждающим влиянием наблюдения над животными, на которое указывают овчарки в картине сновидения.

От этого неудовлетворительного заключения перехожу к разбору вопроса, разрешить который я пытался в «Лекциях по введению в психоанализ». Я сам хотел бы знать, была ли «первичная сцена» у моего пациента фантазией или реальным переживанием, но, принимая во внимание другие подобные случаи, приходится сказать, что, в сущности, вовсе не важно разрешить этот вопрос. Сцены наблюдения родительского сексуального общения, соблазна в детстве, угрозы кастрацией представляют собой несомненно унаследованное психическое достояние, филогенетическое наследство, но могут также быть приобретением в результате личного переживания. У моего пациента соблазн, исходивший от старшей сестры, был неоспоримой реальностью; почему же не принять то же самое для наблюдения родительского коитуса?

В первичной истории невроза мы видим только то, что ребенок прибегает к этому филогенетическому переживанию в том случае, когда его личного переживания недостаточно. Изъян в индивидуальной истине он заполняет исторической истиной, на место собственного опыта ставит опыт предков. В признании этого филогенетического наследства я вполне согласен с Юнгом («Психология бессознательных процессов», 1917 г., труд, который не мог уже оказать влияния на мои «Лекции»); но я считаю неправильным прибегать для объяснения к филогенезу, не исчерпав предварительно всех возможностей онтогенеза; я не понимаю, почему упрямо оспаривают у самого раннего детского периода то значение, которое охотно признают за самой ранней эпохой предков; не могу не признать, что филогенетические мотивы и продукции сами нуждаются в объяснении, которое могут им дать в ряде случаев переживания индивидуального детства; и, в конце концов, я не удивляюсь, если те же условия, сохранившись, органически создают у каждого в отдельности то, что эти условия однажды в отдаленные времена создали и передали по наследству, как предрасположение к личному приобретению.

К промежутку времени между «первичной сценой» и соблазном (11/2 — 31/4 года) нужно отнести еще и немого водовоза, который был для ребенка заместителем отца подобно тому, как Груша была заместительницей матери. Полагаю, что неправильно говорить тут о тенденции к унижению, хотя оба родителя оказываются замененными прислугой. Ребенок не обращает внимания на социальные различия, которые имеют для него еще мало значения, и ставит в один ряд с родителями и незначительных по своему положению людей, если они только проявляют к нему такую же любовь, как родители. Так же мало значения имеет эта тенденция при замене родителей животными, низкая оценка которых ребенку совершенно чужда. Независимо от такого унижения, для замены родителей берутся также дяди и тети, как это доказывают неоднократные воспоминания и у моего пациента.

К этому же времени относятся смутные сведения о фазе, в которой он хотел есть только сладости, так что опасались за его жизнь. Ему рассказали про дядю, который также отказывался от еды и умер молодым от истощения. Он слышал еще, что в возрасте трех месяцев он был так тяжело болен (воспалением легких?), что для него уже приготовили саван. Удалось его запугать, и он опять начал есть; в старшем детском возрасте он даже преувеличил эту обязанность как бы для того, чтобы защитить себя от угрожающей смерти. Страх смерти, который тогда в нем возбудили для его защиты, позже снова проявился, когда мать предупреждала его против опасности дизентерии; еще позже он спровоцировал припадок невроза навязчивости. В другом месте мы постараемся исследовать происхождение и значение последнего.

Нарушению в принятии пищи я хотел бы придать значение самого первого невротического заболевания, так что нарушение в принятии пищи, фобия волка, навязчивая набожность дают совершенный ряд детских заболеваний, которые повлекли за собой предрасположение к невротической болезни в годы после наступления половой зрелости. Мне возразят, что не многие дети не подвергаются подобным нарушениям вроде временного нежелания есть или фобии животных. Но этому аргументу я очень рад. Я готов утверждать, что всякий невроз взрослого зиждется на его детском неврозе, который, однако, не всегда достаточно интенсивен, чтобы его заметили и узнали в нем болезнь. Теоретическое значение инфантильного невроза для понимания заболеваний, которые мы считаем неврозами и хотим объяснить только влияниями более позднего периода жизни, только увеличивается от такого возражения. Если бы наш пациент в придачу к своему нарушению в принятии пищи и фобии животного не получил еще навязчивой набожности, то история его детства мало чем отличалась бы от истории других детей и мы были бы беднее ценными материалами, которые уберегли бы нас от легко допускаемых ошибок.

Анализ был бы неудовлетворителен, если бы не привел к пониманию тех жалоб, которыми пациент определял свою болезнь. Они гласили, что мир как бы окутан для него завесой, и психоаналитический опыт отрицает возможность того, что эти слова не имеют значения и что формулировка эта случайна. Эта завеса разрывалась — удивительным

образом — только в таком положении, когда после клизмы каловые массы проходили через задний проход. Тогда он снова чувствовал себя хорошо, и на короткое время мир казался ему ясным. Выяснение значения этой «завесы» подвигалось с такими же трудностями, как и выяснение страха перед бабочкой. Последний не ограничивался одной только завесой, она рассеивалась, превращаясь в чувство сумеречности, в другие неуловимые вещи.

Только незадолго до окончания лечения он вспомнил, что слышал, будто родился на свет «в сорочке». Поэтому считал себя всегда особым счастливчиком, с которым не может произойти ничего плохого. Эта уверенность покинула его только тогда, когда он вынужден был согласиться с тем, что гонорейное заболевание приносит тяжелый вред его здоровью. Этот удар его нарциссизму сломил его. Мы скажем, что он повторил этим механизм, который однажды уже сыграл у него роль. И фобия волка возникла у него тогда, когда он столкнулся с фактом возможности кастрации, а гонорею он, очевидно, поставил в один ряд с кастрацией.

Счастливая «сорочка», следовательно, и есть та завеса, которая укрывает его от мира и мир от него. Его жалоба представляет собой, собственно говоря, замаскированную фантазию-желание, она рисует его снова в утробе матери; правда, в этой фантазии осуществляется бегство от мира. Ее можно формулировать: я так несчастен в жизни, я должен снова вернуться в утробу матери.

Какое значение имеет то, что эта символическая, при рождении реальная, завеса разрывается в момент испражнения после клизмы, что при таком условии его покидает болезнь? Общая связь дает нам возможность ответить: когда разрывается завеса рождения, он начинает видеть мир и снова рождается. Стул представляет собой ребенка, каким он вторично является для счастливой жизни. Это и есть фантазия возрождения, на которую Юнг недавно обратил внимание и которой он отвел такое господствующее положение в желаниях невротика.

Было бы прекрасно, если бы все кончалось на этом. Некоторые особенности ситуации и требования необходимой связи со специальной историей жизни заставляют нас продолжать толкование. Условия возрождения требуют, чтобы ему ставил клизму мужчина (этого мужчину уже позже он по необходимости заменил сам). Это может означать только то, что он отождествил себя с матерью, отца заменил этот мужчина, клизма повторяет акт совокупления, плодом которого является каловый ребенок — опять-таки он сам. Фантазия возрождения опять-таки тесно связана с условием сексуального удовлетворения мужчиной. Значение всего, следовательно, такое: только став в положение женщины, заменив мать с тем, чтобы получить удовлетворение от отца и родить ему ребенка, он освободится от своей болезни. Фантазия возрождения была здесь только исковерканным, подвергшимся цензуре переизданием гомосексуальной фантазии-желания.

Если ближе присмотримся, то должны будем заметить, что в этом условии своего выздоровления больной только воспроизводит ситуацию так называемой «первичной сцены»: тогда он хотел подменить собою мать; калового ребенка, как мы уже давно предположили раньше, он в той сцене воспроизвел сам. Он все еще фиксирован, как бы связан со сценой, ставшей решающей для его сексуальной жизни, возвращение которой в ту ночь сновидения положило начало его болезни. Разрыв завесы аналогичен открыванию глаз, распахнувшемуся окну. «Первичная сцена» превратилась в условие выздоровления.

То, что изображается в жалобах, и то, что составляет исключение, можно легко соединить в одно целое, которое в таком случае открывает весь свой смысл. Он желает вернуться в материнское лоно, не просто для того, чтобы снова родиться, а чтобы отец застал его там при коитусе, дал ему удовлетворение и чтобы он родил отцу ребенка.

Быть рожденным отцом, как он это сначала думал, быть им сексуально удовлетворенным, подарить ему ребенка, отказавшись при этом от своей мужественности и выражаясь языком анальной эротики — этими желаниями замыкается круг фиксации на отце; в этом гомосексуальность нашла свое высшее и самое интимное выражение (Возможное побочное значение, что завеса представляет собою девственную плеву,

разрывающуюся при сношении с отцом, не совпадает с условием излечения и не имеет никакого отношения к жизни пациента, для которого девственность не имела никакого значения.) .

Я полагаю, что этот пример проливает свет на смысл и происхождение фантазии о пребывании в материнском лоне и возрождении его. Фантазия о пребывании в лоне, как и в нашем случае, произошла от привязанности к отцу. Является желание быть в лоне матери, чтобы заменить ее при коитусе, занять ее место у отца. Фантазия возрождения является, вероятно, всегда ослабленной фантазией, так сказать — эвфемизмом инцестуозного общения с матерью, анагогическим сокращением его, пользуясь выражением Зильберера. Возникает желание вернуться к положению, которое ребенок занимал в гениталиях матери, причем мужчина отождествляется с его пенисом, заменяет его собой. Тогда обе фантазии оказываются противоположностями, выражающими желание общения с отцом или матерью, в зависимости от мужской или женской установки данного лица. Не исключается возможность и того, что в жалобе и в условиях выздоровления нашего пациента объединены обе фантазии, т. е. оба инцестуозных желания.

Хочу сделать еще раз попытку перетолковать последние результаты анализа по образцу объяснений противников: пациент жалуется на свое бегство от мира в типичной фантазии о пребывании в утробе матери и видит свое исцеление только в типичном образе возрождения. Это последнее он выражает в анальных симптомах в соответствии с преобладающим у него предрасположением. По образцу анальной фантазии возрождения он создал себе детскую сцену, воспроизводящую его желание в архаически-символических выражениях. Затем его симптомы сплетаются так, как будто бы они исходили из такой «первичной сцены». Он должен был решиться на весь этот обратный путь, потому что натолкнулся на жизненные задачи, для разрешения которых он был слишком ленив, или потому что у него было полное основание относиться с недоверием к своей малоценности; он полагал, что таким способом он лучше всего защитит себя от унижения. Все это было бы хорошо и прекрасно, если бы несчастному в 4 года не приснился сон, с которого начался его невроз; сон, вызванный рассказами деда о портном и волке и толкование которого делает необходимым предположение о такой «первичной сцене». Об эти мелочные, но неопровержимые факты разбиваются, к сожалению, все те облегчения, которые нам хотят создать теории Юнга и Адлера. Настоящее положение вещей, как мне кажется, говорит, скорее, за то, что фантазия о возрождении происходит от «первичной сцены», чем наоборот, что «первичная сцена» является отражением фантазии возрождения. Может быть, можно также допустить, что тогда, в 4 года после рождения, пациент был еще слишком молод, чтобы уже желать себе возрождения. Но от этого последнего аргумента я должен отказаться (Допускаю, что этот вопрос — самый тонкий во всем психоаналитическом учении. Я не нуждался в сообщениях Адлера и Юнга, чтобы критически задуматься над возможностью, что утверждаемые анализом детские переживания,— пережитые в невероятно раннем детстве! — скорее, основаны на фантазиях, сочиненных по поводу более поздних случаев, и что необходимо допустить проявление конституционального момента или филогенетически унаследованного предрасположения во всех тех случаях, когда в анализах находишь влияние такого детского впечатления на последующую жизнь. Наоборот, ничто не вызывало во мне больше сомнений, никакая другая неуверенность не удерживала сильнее от публикации. Я первый открыл как роль фантазии для образования симптомов, так и «обратное фантазирование» в детство более поздних наблюдений и последующую сексуализацию этих фантазий — на что не указал никто из противников. (См. «Толкование сновидений», I изд., с. 49, и примечание к случаю невроза навязчивого состояния, 1908, с. 164. Samml . Kl . Schrift . III . Folge.) Если я все-таки остался при своих более трудных и менее приемлемых взглядах, то это случилось благодаря аргументам, на которые наводит исследователя описанный здесь случай или любой другой детский невроз и которые я здесь предлагаю на суд читателя.) .

IX. Выводы и проблемы

Не знаю, удалось ли читателю предлагаемого описания анализа составить себе ясную картину возникновения и развития болезни у моего пациента. Опасаюсь, что это скорее, не так. Но как ни мало я обычно защищаю искусство моего изложения, на этот раз я хотел бы сослаться на смягчающие обстоятельства. Передо мною стояла задача, за которую до того никто еще никогда не брался: ввести в описание такие ранние фазы и такие глубокие слои душевной жизни; и лучше уже разрешить плохо эту задачу, чем обратиться перед нею в бегство, которое, помимо всего, должно быть связано с известными опасностями для струсившего. Итак, лучше уже смело показать, что не останавливаешься и перед сознанием своей недостаточности.

Сам случай был не особенно благоприятен. Изучение ребенка сквозь призму сознания взрослого, что сделало возможным получить обилие сведений о детстве, должно было искупаться тем, что анализ был разорван на самые мелкие крохи; это и привело к соответствующему несовершенству его описания. Личные особенности, чуждый нашему пониманию национальный характер ставили большие трудности перед необходимостью вчувствоваться в личность больного. Пропасть между милой, идущей навстречу личностью больного, его острым интеллектом, благородным образом мыслей и совершенно неукротимыми порывами влечений сделала необходимой очень длительную подготовительную и воспитательную работу, благодаря которой еще больше пострадала ясность. Но сам пациент совершенно не виноват в том, что характер этого случая ставит самые трудные задачи перед описанием. В психологии взрослого нам счастливо удалось разделить душевные процессы на сознательные и бессознательные и описать их с достаточной ясностью. В отношении ребенка это различие почти недоступно нам. Часто не решаешься сам указать, что следовало бы считать сознательным, что — бессознательным. Психические процессы, которые стали господствующими и которые, судя по их позднейшему проявлению, должны быть отнесены к сознательным, все же не были осознаны ребенком. Легко понять, почему сознание не приобрело еще у ребенка всех характеризующих его признаков: оно находится в процессе развития и не обладает еще способностью превратиться в словесные представления. Обыкновенно мы всегда грешим тем, что путаем феномен, как восприятие в сознании, с принадлежностью его к какой-нибудь предполагаемой психической системе, которую мы должны были как-нибудь условно назвать, но которую мы также называем сознанием (система Bw); эта путаница безобидна при психологическом описании взрослого, но вводит в заблуждение при описании душевной жизни ребенка. Введение «предсознательного» тут тоже мало помогает, потому что предсознательное ребенка также мало совпадает с предсознательным взрослого. Приходится поэтому удовлетвориться тем, что сознаешь все темные стороны вопроса.

Само собой понятно, что случай, подобный описанному здесь, мог бы послужить поводом для дискуссии о всех результатах и проблемах психоанализа. Это была бы бесконечная и ничем не оправдываемая работа. Нужно сказать себе, что из одного случая всего не узнаешь, всего на нем не разрешишь, и удовлетвориться тем, что используешь его для того, что он всего яснее обнаруживает. Задача дать объяснения, стоящая перед психоанализом вообще, узко ограничена. Объяснить нужно бросающиеся в глаза симптомы, вскрывая их происхождение; психических механизмов и влечений, к которым приходишь таким путем, объяснять не приходится, их можно только описать. Для того, чтобы прийти к новым общим положениям из того, что констатировано в отношении этих последних пунктов, нужно иметь много таких хорошо и глубоко анализированных случаев. Их нелегко получить, каждый в отдельности требует долголетней работы. В этой области возможен поэтому только очень медленный успех. Весьма естественно поэтому искушение «наскрести» у некоторого числа лиц на психической поверхности кое-какие данные, а остальное заменить общими соображениями, которые затем ставятся под защиту какого-нибудь философского направления. В пользу такого метода можно привести и практическую

необходимость, но требования науки нельзя удовлетворить никаким суррогатом (Намек на Stekel .) .

Я хочу попробовать набросать синтетический обзор сексуального развития моего пациента, при котором могу начать с самых ранних проявлений. Первое, что мы о нем слышим, это нарушение удовольствия от еды, в котором я, на основании опыта в других случаях, однако без какой бы то ни было категоричности в утверждении, склонен видеть результат какого-то процесса в сексуальной области. Первую явную сексуальную организацию я должен видеть в так называемой каннибальной, или оральной, фазе, в которой главную роль еще играет первоначальная связь сексуального возбуждения с влечением к пище. Непосредственных проявлений этой фазы ждать не приходится, но при наступлении каких-нибудь нарушений в этой области должны быть соответствующие проявления. Нарушение влечения к пище — которое может, разумеется, иметь еще и другие причины — обращает наше внимание на то, что организму не удалось справиться с сексуальным возбуждением. Сексуальной целью этой фазы мог бы быть только каннибализм, пожирание; у нашего пациента это проявляется как регрессия в более высокой ступени в виде страха быть съеденным волком. Известно, что в гораздо более старшем возрасте, у девушек во время наступления половой зрелости или вскоре после этого, встречается невроз, выражающий отрицание сексуальности посредством анорексии; ее можно привести в связь с этой оральной фазой сексуальной жизни. На высоте пароксизма влюбленности («я мог бы тебя съесть от любви») и в ласковом общении с маленькими детьми, причем взрослый сам ведет себя как ребенок, опять появляется любовная цель оральной организации. В другом месте я высказал предположение, что у отца моего пациента была эта привычка «ласковой ругани», что он играл с ребенком в волка или собаку и в шутку угрожал ему, что сожрет его. Пациент подтвердил это предположение своим странным поведением в перенесении. Как только он, отступая перед трудностями лечения, возвращался к «перенесению», он угрожал тем, что съест, сожрет, а позже всевозможными другими истязаниями, что было все только выражением нежности.

В разговорном языке сохранился отпечаток этой оральной сексуальной фазы: говорят об «аппетитном» любовном объекте, возлюбленную называют «сладкой». Мы вспоминаем, что наш маленький пациент хотел есть только сладкое. Сладости, конфеты в сновидении обыкновенно занимают место ласк, сексуального удовлетворения.

По-видимому, к этой же фазе относится страх (в случае заболеваний, разумеется), который проявляется как страх за жизнь и может привязаться ко всему, что ребенку покажется для этого подходящим. У нашего пациента этот страх использовали для того, чтобы побудить ребенка преодолеть его нежелание есть и даже для сверхкомпенсации этого нежелания. Оставаясь на почве предположения, о котором столько было речи, и помня, что наблюдение над коитусом, которое оказало на будущее его во многих отношениях огромное влияние, приходится на возраст в 11/2 года, — несомненно раньше, чем время наступления затруднений с едой, — мы можем набрести на мысль о возможных источниках этого нарушения в принятии пищи. Может быть, позволительно допустить, что это наблюдение ускорило процессы полового созревания и этим оказало непосредственные, хотя и незаметные влияния.

Мне, разумеется, также известно, что симптоматику этого периода, страх перед волком, нарушение в принятии пищи можно объяснить проще, не принимая во внимание сексуальность и прегенитальную ступень ее организации. Кто охотно игнорирует признаки невротика и связи явлений, предпочтет это другое объяснение, я не смогу помешать ему в этом. Об этих зачатках сексуальной жизни трудно узнать что-нибудь убедительное иначе, чем указанным окольным путем.

Сцена с Грушей (в 21/2 года) показывает нам ребенка вначале развития, которое должно быть признано нормальным, за исключением, может быть, некоторой преждевременности: отождествление с отцом, мочевая эротика как замена мужественности. Все развитие находится под влиянием «первичной сцены». Отождествление с отцом мы до

сих пор понимали, как нарцистическое, но, принимая во внимание содержание «первичной сцены», мы не можем отрицать, что оно уже соответствует ступени генитальной организации. Мужской орган начал играть свою роль и под влиянием соблазна со стороны сестры продолжает играть эту роль.

Однако получается впечатление, будто соблазн не только способствует развитию, а в гораздо большей степени нарушает его и отклоняет. Он создает пассивную сексуальную цель, которая, по существу, несовместима с активностью мужских гениталий. При первом же внешнем препятствии, при намеке няни на кастрацию (в 31/4 года), робкая еще генитальная организация рушится и регрессирует на предшествовавшую ей ступень садистски-анальной организации, которая в противном случае была бы, может быть, пройдена при таких же легких признаках, как у других детей.

В садистски-анальной организации легко узнать дальнейшее развитие оральной. Насильственная мускульная активность, проявляемая над объектом, которой отличается садистски-анальная организация, находит себе место, как подготовительный акт для пожирания, которое в таком случае становится сексуальной целью. Этот подготовительный акт становится самостоятельной целью (при садистски-анальной организации). Новшество по сравнению с предыдущей ступенью состоит, по существу, в том, что воспринимающий пассивный орган, отделенный ото рта, развивается в анальной зоне. Здесь сами собой напрашиваются биологические параллели или взгляд на прегенитальные человеческие организации, как на остатки такого устройства, какое остается навсегда у некоторых классов животных. Так же характеризует эту ступень конституирование исследовательского влечения из его компонентов.

Анальная эротика не очень-то бросается в глаза. Кал под влиянием садизма обменял свое значение, как выражение нежности, на агрессивное. В превращении садизма в мазохизм принимает участие также и чувство вины, указывающее на процессы развития в других сферах помимо сексуальной.

Соблазн продолжает оказывать свое влияние, поддерживая пассивность сексуальной цели. Он превращает теперь садизм в большей части его в пассивную противоположность его, в мазохизм. Еще вопрос, можно ли всецело поставить ему в счет характер пассивности, так как реакция 11/2 -годовалого ребенка на увиденный коитус была уже преимущественно пассивной. Заражение сексуальным возбуждением выразилось в испражнении, в котором, однако, необходимо различать и активную долю. Наряду с мазохизмом, господствующим в его сексуальных стремлениях и выражающимся в фантазиях, сохраняется и садизм, который проявляется по отношению к маленьким животным. Его сексуальные исследования начались после соблазна, по существу, посвящены двум проблемам (откуда являются дети и можно ли лишиться гениталий) и сплетаются с проявлениями его влечений. Эти же исследования направляют его садистские наклонности на маленьких зверей, как на представителей маленьких детей.

Наше описание дошло почти до четвертой годовщины его жизни, до момента, когда после сновидения начинается запоздалое влияние увиденного коитуса. Разыгрывающиеся теперь процессы мы не можем ни полностью понять, ни в достаточной мере описать. Оживление картины, ставшей теперь понятной благодаря подвинувшемуся интеллектуальному развитию, действует как свежее событие, но так же как и новая травма, как удар со стороны, аналогичный соблазну. Нарушенная генитальная организация сразу снова восстанавливается, но достигнутый в сновидениях успех не может быть сохранен. Процесс, который можно поставить в ряд только с вытеснением, ведет к отказу от нового и к замене его фобией.

Садистски-анальная организация сохраняется, таким образом, также и в наступившей теперь фазе фобии животных с той лишь разницей, что к ней примешиваются явления страха. Ребенок продолжает проявлять садистские и мазохистские влечения, но только реагирует страхом на некоторые части их; превращение садизма в противоположность его делает, вероятно, успехи в дальнейшем.

Из анализа кошмарного сновидения мы узнаем, что вытеснение связывается с признанием кастрации. Новое отрицается, потому что принятие его стоило бы пениса. Более тщательное соображение открывает приблизительно следующее: вытесненной оказывается гомосексуальная установка в генитальном смысле, образовавшаяся под влиянием нового знания. Но эта установка сохраняется в бессознательном, образовав изолированный глубокий слой. Двигателем этого вытеснения, по-видимому, является нарцистическая мужественность гениталий, вступающая в давно уже подготавливающийся конфликт с пассивностью гомосексуальной цели. Вытеснение является, таким образом, следствием мужественности.

Возникает искушение, исходя из этого положения, изменить часть психоаналитической теории. Кажется, что нащупываешь руками будто конфликт между мужскими и женскими устремлениями, т. е. бисексуальность, именно и ведет к вытеснению и образованию невроза. Однако такой взгляд не отличается полнотой. Из двух борющихся сексуальных течений одно приемлемо для *Я* , а другое оскорбляет нарцистический интерес; поэтому оно подпадает вытеснению. И в этом случае опять-таки *Я* создает вытеснение в пользу одного из сексуальных течений. В других случаях нет такого конфликта между мужественностью и женственностью; имеется только одно сексуальное устремление, которое добивается торжества, но неприемлемо для некоторых сил *Я* и поэтому устраняется. Гораздо чаще, чем конфликты в пределах самой сексуальности, встречаются другие, возникающие между сексуальностью и моральными тенденциями *Я*. Таков моральный конфликт в нашем случае. Подчеркивание бисексуальности, как мотива вытеснения, оказалось бы слишком узким; указание на конфликт между *Я* и сексуальным стремлением (либидо) покрывает все возможности.

Против учения о «мужском протесте», разработанного Адлером, можно возразить, что вытеснение никоим образом не становится всегда на сторону мужественности и относится к женственности. В большом количестве случаев именно мужественность подвергается вытеснению со стороны *Я*.

Правильная оценка вытеснения в нашем случае приводит к оспариванию того, что нарцистическая мужественность является единственным мотивом вытеснения.

Гомосексуальная установка, возникающая во время сновидения, так интенсивна, что *Я* маленького человека оказывается не в состоянии овладеть ею и защищается от нее посредством процесса вытеснения. С этой целью привлекается на помощь противоположная этой гомосексуальности нарцистическая мужественность гениталий. Только во избежание недоразумений необходимо указать, что все нарцистические душевные движения исходят из *Я* и остаются при нем. А вытеснения направлены против либидинозных привязанностей к объектам.

Обратимся от процесса вытеснения, с которым нам не удалось справиться до конца, к состоянию, создавшемуся при пробуждении после сновидения. Если бы действительно во время процесса сновидения мужественность победила гомосексуальность (женственность), то мы должны были бы найти господство активного сексуального устремления с выраженным мужским характером. Об этом нет речи, сущность сексуальной организации не изменилась, садистски-анальная фаза продолжает свое существование, она осталась господствующей. Победа мужественности проявляется только в том, что теперь в ответ на пассивные сексуальные цели господствующей организации (мазохистской, но не женской) является реакция страха. Нет победоносного мужского сексуального течения, существует только пассивное и сопротивление ему.

Могу себе представить, какие трудности представляет для читателя непривычное, но неизбежное разделение активно мужского и пассивно женского, и поэтому не стану избегать повторений. Состояние после сновидения можно описать следующим образом: сексуальные устремления расщепились, в бессознательном достигнута ступень генитальной организации и сконституирована очень интенсивная гомосексуальность; над этим имеется (возможно — в сознании) прежнее садистское и преимущественно мазохистское сексуальные течения, *Я* в

общем изменило свое отношение к сексуальности, оно находится в состоянии отрицания сексуальности и со страхом отклоняет господствующие мазохистские цели, подобно тому как реагировало на более глубокие гомосексуальные цели тем, что образовало фобии. Результат сновидения состоял, следовательно, не столько в победе мужского течения, сколько в реакции против женского, пассивного. Было бы большой натянутостью желать приписывать этому течению характер мужественности. У *Я* нет никаких сексуальных устремлений, а только интерес к самосохранению и к удержанию своего нарциссизма.

Рассмотрим теперь фобию. Она возникла на уровне генитальной организации, показывает нам сравнительно простой механизм истерии страха. *Я* защищается путем развития страха от того, что оценивает как слишком большую опасность, от гомосексуального удовлетворения. Все же процесс вытеснения оставляет явный след. Объект, с которым связалась внушающая страх сексуальная цель, должен в сознании быть заменен другим. Сознается страх не перед отцом , а перед волком . Дело не ограничивается образованием фобии с одним только этим содержанием. Некоторое время спустя волка сменяет лев. С садистскими душевными движениями по отношению к маленьким детям конкурирует фобия перед ними, как представителями соперников, возможных маленьких детей (у матери). Особенно интересно возникновение фобии бабочки. Оно как *бы* повторяет механизм, создавший в сновидении фобию волка. Случайный толчок оживляет старое переживание, сцену с Грушей, угроза кастрацией которой начинает действовать некоторое время спустя, между тем как эти угроза не оказала никакого действия тогда, когда была произнесена (Как указано выше, сцену с Грушей пациент припомнил сам, в возникновении этого воспоминания конструкции или поведение врача не принимали никакого участия; изъяны в воспоминании о вей были анализом восполнены таким образом, что заслуживают названия безупречного, если вообще придавать какую-нибудь ценность методу аналитической работы. Рационалистическое толкование этой фобии могло бы только сказать: ничего необыкновенного нет в том, что расположенный к боязливости ребенок получает припадок страха и от бабочки с желтыми полосками, вероятно, вследствие врожденной склонности к страху (Ср. Stanley Holl, A Synthetic Genetic Study of Fear. Amor. J. of Psychology, XXV, 1914). Не зная причины этому, ребенок ищет какой-нибудь связи в детстве для этого страха и пользуется случайным сходством имени и одинаковостью полос, чтобы сконструировать себе фантазию о приключении с нянькой, о которой еще сохранилось воспоминание. Но если побочные условия невинного самого по себе события — мытье пола, метла, ведро — проявляют в дальнейшей жизни такую силу, что навсегда и навязчиво обусловливают выбор объекта у этого человека, то фобия бабочки приобретает непонятное значение. Положение вещей становится, по крайней мере, столь же замечательным, как и предполагаемое мною, и пропадает вся выгода от рационалистического понимания этой сцены. Сцена с Грушей для нас особенно ценна, так как на ней мы можем подготовить свое суждение для понимания менее достоверной «первичной сцены».) .

Можно сказать, что страх, принимающий участие в образовании этой формы, является кастрационным страхом.

Это мнение не противоречит взгляду, что страх произошел из вытеснения гомосексуального либидо. Обеими формулировками обозначают тот же процесс, что *Я* отнимает либидо у гомосексуального желания, и это либидо превращается в свободно витающий страх, который затем удается сконцентрировать на фобии. В первой формулировке был только отмечен также и мотив, которым руководствуется *Я*.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что это первое заболевание нашего пациента не исчерпывается одной только фобией (не принимая во внимание нарушение в принятии пищи), а должно быть понято, как настоящая истерия, состоящая кроме симптомов страха еще и из явлений конверсии. Часть гомосексуальных душевных движений сохраняется в болезненных явлениях, которыми захвачены органы; начиная с этого времени, а также и гораздо позже, кишечник ведет себя как истерически больной орган. Бессознательная, вытесненная гомосексуальность сконцентрировалась на функции

кишечника. Именно эта часть истерии оказала нам самые ценные услуги впоследствии, при аналитическом разрешении заболевания.

Теперь у нас должно хватить мужества разобрать еще более сложные условия невроза навязчивости. Представим себе еще раз всю ситуацию: господствующее мазохистское и вытесненное гомосексуальное сексуальные течения, а с другой стороны — *Я,* захваченное истерическим отстранением обоих; какие процессы превращают это состояние в невроз навязчивости?

Превращение происходит не самопроизвольно, благодаря дальнейшему внутреннему развитию, а благодаря постороннему влиянию извне. Явное следствие его состоит в том, что стоявшее на первом месте отношение к отцу, которое до того находило себе выражение в фобии волка, выражается теперь в навязчивой набожности. Не могу не указать на то, что этот процесс у нашего пациента является прямым подтверждением взгляда, высказанного мною в «Тотем и табу» об отношении животного — тотема к божеству. Я склонился там в пользу того взгляда, что представление о божестве не является дальнейшим развитием тотема, а возникает независимо от него на смену ему из общего обоим корня. Тотем представляет собой первого заместителя отца, а бог — позднейшего, в котором отец снова приобретает свой человеческий образ. То же имеет место и у нашего больного. В фобии волка пациент проделывает тотемистическую ступень заместителя отца, ступень, которая затем обрывается и вследствие новых отношений между ним и отцом сменяется фазой религиозной набожности.

Влияние, произведшее это превращение, исходило из религиозного учения и священной истории, с которыми он познакомился при посредстве матери. Результаты соответствуют тому, чего добивалось воспитание. Садистски-мазохистская организация медленно приходит к концу, фобия волка быстро исчезает, вместо боязливого отрицания сексуальности наступает высшая ее форма. Набожность становится господствующим фактором в жизни ребенка. Но все эти преодоления совершаются не без борьбы, признаком которой являются богохульственные мысли и вследствие которых утверждается навязчивое преувеличение религиозного церемониала.

Если не считать этих патологических феноменов, то можно сказать, что в этом случае религия совершила все то, для чего она вводится в воспитание. Она укротила сексуальные стремления ребенка, дав им возможность сублимироваться и остановиться на чем-нибудь твердо, уменьшила значение его семейных отношений и предотвратила угрожавшую ему изоляцию благодаря тому, что открыла для него связь с великой общностью людей. Дикий, запуганный ребенок стал социальным, нравственным и поддающимся воспитанию.

Главным двигателем религиозного влияния было отождествление с образом Христа, который стал ему особенно близок благодаря случайности дня его рождения. Здесь слишком большая любовь к отцу, сделавшая необходимым вытеснение, нашла, наконец, выход в идеальной сублимации. В образе Христа можно было любить отца, называвшегося теперь богом, с таким усердием, которое тщетно искало выхода по отношению к земному отцу. Пути, которыми можно было проявить эту любовь, были предуказаны религией; им чуждо чувство вины, которое нельзя отделить от индивидуальных любовных стремлений. Если таким образом самое глубокое, уже сраженное, как бессознательная гомосексуальность, сексуальное стремление могло еще быть дренировано, то поверхностное мазохистское стремление нашло себе несравненную сублимацию в сказании о муках Христа, который отдал себя в жертву на истязания по поручению и в честь своего божественного отца. Таким образом, благодаря смеси удовлетворения, сублимации и отвлечения от чувственного на чисто духовные процессы и открытию социальных отношений, какие она дает верующему, религия сделала свое дело у сбившегося с пути ребенка.

Его противодействие религии вначале имело три различных исходных пункта. Во-первых, это было отклонение всяких новшеств — чему примеры мы уже видели. Он защищал всякую однажды занятую позицию либидо в страхе перед потерей при отказе от нее и из недоверия к возможности найти полную замену ей в новой позиции. Это и есть та

важная и фундаментальная психологическая особенность, которую я описал в трех статьях по теории сексуальности как способность к фиксации . Юнг хотел, под названием психической «инертности», сделать ее главной причиной всех неудач невротиков. Я думаю, что он неправ; она идет гораздо дальше и играет значительную роль также и в жизни ненервных людей. Легкая подвижность или неподвижность либидинозных, а также и другого рода привязанностей энергии составляет особую характерную черту, свойственную многим нормальным, и вместе с тем не у всех нервных она встречается; до сих пор эту черту не удалось привести в связь с другими особенностями психики, и она, как простое число, не делится ни на какие составные части. Нам известно только то, что свойство подвижности психических привязанностей энергии с возрастом заметно уменьшается. Оно составило для нас одно из показаний для установления границ возможности психоаналитического воздействия. Но встречаются лица, у которых эта психическая пластичность сохраняется гораздо дольше обычного возраста, а у других она пропадает в очень раннем возрасте. Если последнее бывает у невротиков, то с огорчением открываешь, что при одинаковых, по-видимому, условиях у них не удается устранить таких изменений, с которыми у других удается легко справиться. Поэтому и при превращении психических процессов приходится принимать во внимание понятие об энтропии , большая степень которой мешает исчезновению уже совершившегося.

Вторым пунктом для нападения был для него факт, что в основе самого религиозного учения нет одинакового отношения к богу-отцу, что оно проникнуто признаками амбивалентной установки, господствовавшей при возникновении этого учения. Эту амбивалентность он сразу почувствовал, благодаря большому развитию этой черты у него самого, и связал с ней ту острую критику, которая так поразила нас у ребенка в возрасте пяти лет. Но самое большое значение имел, несомненно, третий момент, влиянию которого мы должны приписать патологические последствия его борьбы против религии. Течение, которое стремилось к мужчине и должно было подвергнуться сублимированию при помощи религии, не было уже свободно, а частично отделено благодаря вытеснению, вследствие чего оно не могло быть сублимировано и осталось связанным со своей первоначальной сексуальной целью. Благодаря такой связи вытесненная часть стремилась проложить себе дорогу к сублимированной части или привлечь ее к себе. Первые размышления, касающиеся личности Христа, содержали уже вопрос о том, может ли возвышенный сын выполнить также и застрявшее в бессознательном сексуальное отношение к отцу. Отказ от этих стремлений не имел иных последствий, кроме появления как будто богохульственных навязчивых мыслей, в которых проявилась физическая нежность к богу в форме унижения его. Жестокая борьба против этих компромиссных образований должна была привести к навязчивому преувеличению всех действий, в которых находили выход, согласно религиозному предписанию, набожность и чистая любовь к богу. В конце концов победила религия, но ее основа, коренящаяся во влечениях, оказалась несравненно более сильной, чем устойчивость продуктов ее сублимирования. Как только жизнь дала ему нового заместителя отца, влияние которого направилось против религии, он отказался от нее и заменил ее другим. Вспомним еще интересное осложнение, а именно, что набожность развилась под влиянием женщин (мать, няня), между тем как мужское влияние способствовало освобождению от нее.

Развитие невроза навязчивости на почве анально-садистской сексуальной организации в общем подтверждает то, что в другом месте я говорил «о предрасположении к неврозу навязчивости» (Internat. Zeitschrift zur rztlich . Psychoanalyse . I Bd . 1913. S . 525.) . Но предшествующая тяжелая истерия делает наш случай в этом отношении неясным. Я хочу закончить обзор сексуального развития нашего больного коротким освещением дальнейших его изменений. С наступлением половой зрелости у него появилась сильная чувственность, которую следует считать нормальной, мужское течение с сексуальной целью генитальной организации, переживания которой заполняют весь период, предшествовавший вторичному заболеванию. Они непосредственно связаны со сценой с Грушей, заимствуют у этой сцены

навязчивый характер возникающей припадками и вдруг исчезающей влюбленности, причем ей приходится бороться с задержками, исходящими из остатков инфантильного невроза. Наконец, посредством сильного прорыва к женщине он завоевал себе полную мужественность; с этого времени он крепко держится этого сексуального объекта, но радостей от этого не испытывает, потому что сильная теперь совершенно бессознательная склонность к мужчине, сконцентрировавшая в себе все силы прежних фаз развития, постоянно отрывает его от женщины и заставляет сильно преувеличивать, в промежутках, свою зависимость от женского объекта. Приступая к лечению, он жаловался, что не может долго оставаться верным женщине, и вся работа направилась на то, чтобы открыть ему его бессознательное отношение к мужчине. Прибегая к краткой формулировке, можно сказать, что отличительной чертой его детства было колебание между активностью и пассивностью, его юности — борьба за мужественность и периода жизни с момента заболевания — борьба за объект мужских устремлений. Повод к его заболеваниям не совпадает ни с одним из «типов невротических заболеваний», которые я объединил как специальные случаи «несостоятельности» (Zentralbl . fur Psychoanalyse , II , 6. 1912) , и таким образом обращает внимание на известный изъян в перечисленном ряду типов. Он заболел, когда органическая болезнь гениталий разбудила в нем страх кастрации, нанесла смертельный удар его нарциссизму и заставила его отказаться от ожидания исключительной к себе благосклонности судьбы. Он заболел, следовательно, благодаря нарцистической «несостоятельности». Эта огромная сила его нарциссизма вполне согласуется с другими признаками сексуального развития, протекавшего с задержками, а именно с тем, что его гетеросексуальный любовный выбор при всей своей энергии содержал так мало психических устремлений и что гомосексуальная установка, настолько более близкая нарциссизму, с такой настойчивостью проявлялась у него, как бессознательная сила. Разумеется, при таких нарушениях психоаналитическое лечение не может произвести внезапного переворота и сравнить его развитие с нормальным; оно в состоянии только устранить препятствие и расчистить пути к тому, чтобы жизненные влияния могли дать развитию лучшее направление.

Как особенности его психического существа, раскрытые психоанализом, но не выясненные и соответственно не подвергшиеся непосредственному воздействию, я называю упомянутую уже устойчивость его фиксации, невероятное развитие наклонностей к амбивалентности и, как третью черту конституции, заслуживающую названия архаической, способность сохранять одновременно годными к функционированию самые различные и противоположные либидинозные привязанности. Постоянное колебание между этими привязанностями, долгое время как бы включавшее всякое окончательное изживание и продвижение вперед в лечении, преобладало во всей картине болезни последнего периода, которой я здесь могу лишь слегка коснуться. Вне всякого сомнения, это была черта, характерная для бессознательного, но перешедшая у него и на достигшие сознания процессы. Но эта черта проявлялась у него только на результатах аффективных переживаний, в области чистой логики он проявил, наоборот, исключительное умение в улавливании противоречий и непонятного. Благодаря этому его душевная жизнь производит то же впечатление, что и древняя египетская религия, столь непостижимая для нас, так как она сохраняет все ступени развития одновременно с конечными результатами, самых древних богов и значения божества наряду с самыми последними, располагает в одной плоскости то, что в ходе развития других составляет глубокие наслоения.

Я довел до конца то, что хотел сообщить об этом случае заболевания. Только еще две из многочисленных проблем, которые этот случай затрагивает, кажутся мне достойными особого упоминания. Первая касается филогенетически унаследованных схем, под влиянием которых жизненные впечатления, как под руководством философских «категорий», укладываются в определенный порядок. Я готов защищать взгляд, что они составляют осадки истории человеческой культуры. Комплекс Эдипа, обнимающий отношения ребенка к родителям, принадлежит к числу этих схем или, вернее, составляет известный пример

этого рода. В тех случаях, когда переживания не соответствуют унаследованной схеме, совершается переработка их фантазий, работу которой проследить в деталях было бы безусловно полезно. Именно эти случаи лучше всего могут показать нам самостоятельное существование схем. Мы часто можем заметить, что схема одерживает победу над индивидуальным переживанием, как, например, в нашем случае, когда отец становится кастратором и угрозой детской сексуальности, несмотря на отрицательный, в общем, комплекс Эдипа. Другое влияние этой схемы выражается в том, что кормилица занимает место матери или сливается с нею. Противоречия между переживанием и схемой доставляют, по-видимому, богатый материал детским конфликтам.

Вторая проблема стоит близко к этой, но она несравненно более значительна. Если принять во внимание отношение семилетнего ребенка к ожившей «первичной сцене» (Могу не считаться с тем, что это поведение получило свое словесное выражение только два десятилетия спустя, потому что все влияние, приписываемое нами этой сцене, выразилось в форме симптомов, навязчивостей и т. д. уже в детстве, задолго до анализа. При этом совершенно безразлично, считать ли ее «первичной сценой» или первичной фантазией.) или даже если только подумать о гораздо более простых реакциях 11/2 -годовалого ребенка при переживании этой сцены, то нельзя не согласиться с мнением, что у ребенка при этом проявляется влияние своего рода трудноопределимого знания, чего-то похожего на подготовку к пониманию (Снова должен подчеркнуть, что все эти рассуждения были бы совершенно излишними, если бы сновидение и невроз не относились к периоду детства.). В чем оно может состоять, — об этом у него нет никакого представления, у нас имеется только великолепная аналогия с глубоким инстинктивным знанием у животных.

Если бы и у человека существовало инстинктивное знание, то не было бы ничего удивительного в том, что оно преимущественно касалось бы процессов сексуальной жизни, хотя никоим образом не ограничивалось бы только ими. Это инстинктивное составляло бы ядро бессознательного, примитивную душевную деятельность, которая впоследствии низвергается с трона и закрывается развивающимся у человека разумом; но часто оно, быть может у всех, сохраняет способность притянуть к себе высшие душевные силы. Вытеснение было бы возвращением к этой инстинктивной ступени, и человек расплачивался бы таким образом за свои великие завоевания своей наклонностью к неврозу, а самая возможность возникновения неврозов доказывала бы существование прежней инстинктивной предварительной ступени психического развития. Значение же ранних травм в детстве заключается в таком случае в том, что последние доставляют материал этому бессознательному, защищающий его от полного поглощения последующим развитием.

Мне известно, что подобные мысли, подчеркивающие унаследованный филогенетически приобретенный момент душевной жизни, высказывались с различных сторон, и я даже думаю, что им слишком поспешно уделялось место в психоаналитических взглядах. Они мне кажутся допустимыми только тогда, когда психоанализ, сохраняя вполне корректную линию различных инстанций в добытом им материале, доходит до следов унаследованного после того, как он проник сквозь все наслоения индивидуально приобретенного.

Заметки об одном случае невроза навязчивости. (Случай Человека-Крысы). 1909 г.

I.Выдержки из истории болезни

Молодой человек университетского образования обратился ко мне по поводу своего состояния, которое заключалось в том, что он с детских лет страдал от обсессий, причем

особенно интенсивно - в последние четыре года. Главной особенностью его расстройства были страхи, что что-то может случиться с двумя людьми, которых он очень любил - с его отцом и с женщиной, которой он восхищался. Кроме того, он страдал от компульсивных импульсов; одним из таких, например, был импульс перерезать себе горло бритвой; еще он создавал себе запрещения, иногда в связи с довольно незначительными вещами. Он напрасно потратил годы, рассказывал он мне, в борьбе с этими идеями, и за это время пропустил много чего существенного в жизни. Он испробовал различные способы лечения, но ничто не принесло ему хоть какой-нибудь пользы, за исключением курса гидротерапии в санатории около --- ; и это только потому, как он полагал, что он завел там знакомство, которое позволяло ему вести регулярную половую жизнь. Сейчас у него не было возможностей подобного рода, он редко вступал в сексуальные взаимоотношения, и с нерегулярными интервалами. Он чувствовал отвращение к проституткам. В общем, сказал он, его сексуальная жизнь остановилась; онанизм играл незначительную роль в ней, когда ему было 16 или 17 лет. Его потенция была нормальной; первый завершенный коитус он имел в 26 лет.

Он произвел на меня впечатление здравомыслящего и практичного человека. Когда я спросил его, почему он сделал такое ударение на вопросах сексуальной жизни, он ответил, что знает о моих теориях. На самом деле, однако, он не читал ни одной из моих работ, за исключением одного раза, когда он очень быстро перелистал страницы одной из моих книг и набрел на объяснение любопытной вербальной ассоциации (Zur Psychopathologie des Alltagslebens, 1904), которая напомнила ему одно из его собственных “мысленных усилий” и, в связи с этим, он решил передать себя в мои руки.

(а) Начало лечения

На следующий день я связал его обещанием подчиниться одному и единственному условию лечения, а именно - говорить все, что придет ему в голову, даже если это будет неприятно ему, или покажется неважным или иррелевантным или бессмысленным. Затем я разрешил ему начать с чего он хочет, и он начал так (Последующее основывается на записках, делаемых мной вечером в день сессии и воспроизводит слова пациента по памяти насколько возможно точно. Я чувствую себя обязанным предложить предостережение против практики записывать за пациентом во время лечения. Это приводит к дефициту внимания у терапевта и причиняет пациенту больше вреда, чем может быть скомпенсировано пользой от возрастания точности воспроизведения его истории болезни.):...

У него был друг, говорил он мне, о котором он был исключительно высокого мнения. Он всегда приходил к нему, когда его тревожили некоторые криминальные импульсы, и спрашивал друга о том, презирает ли тот его как преступника. Друг оказывал ему моральную поддержку, заверяя в том, что считает его человеком безупречного поведения; и, вероятно, его прогрессирующей привычкой с юных лет было видеть свою жизнь в темных тонах. Ранее, продолжал он, другой человек имел на него похожее влияние. Это был девятнадцатилетний студент (ему самому было 14 или 15 лет), который повышал его самооценку в такой невероятной степени, что он начинал себе казаться чем-то вроде гения. Этот студент затем стал его учебным куратором, внезапно изменил свое поведение и начал обходиться с ним, как с идиотом. Затем он заметил, что студент интересовался одной из его сестер, и заключил, что считает - студент сближался с ним только для того, чтобы получить доступ в дом. Это было первым большим ударом в его жизни.

Затем он продолжил без всякой связи:

(б) Инфантильная сексуальность

“Моя сексуальная жизнь началась очень рано. Я могу вспомнить сцену четвертого или пятого года моей жизни. (Начиная с шестого года я помню все.) Сцену эту я вспомнил

довольно отчетливо несколькими годами позже. У нас была прелестная молодая гувернантка, которую звали фройляйн Петер (Peter) (Д-р Альфред Адлер, бывший аналитик, однажды обратил внимание в частном письменном сообщении на особенную важность самого первого сообщения пациента. Здесь пример этого. Первые слова пациента подчеркивают значение испытанного им влияния со стороны мужчин и относятся к той роли, какую в его жизни играл гомосексуальный выбор объекта; но сразу за этим он касается второго лейтмотива, который приобрел позже огромную важность, а именно, конфликта между мужчиной и женщиной и противоположности их интересов. Даже тот факт, что он вспомнил свою первую гувернантку по ее фамилии, которая совпадает с мужским именем, должен быть принят во внимание в этой связи. В кругах среднего класса в Вене принято называть гувернанток по их именам, по именам их обычно и помнят.). Однажды вечером она лежала на диване легко одетая и читала. Я лежал около нее и попросил ее разрешить мне подлезть к ней под юбку. Она сказала, что я могу, если никому не скажу об этом. На ней почти ничего не было, и я нащупал ее гениталии и нижнюю часть тела, и они произвели на меня очень странное впечатление. После этого у меня осталось жгучее и мучительное любопытство видеть женское тело. Я могу припомнить интенсивное возбуждение, с которым я ожидал в Купальне (куда мне еще позволяли ходить с гувернанткой и сестрами), когда гувернантка разденется и войдет в воду. Я могу припомнить больше деталей, начиная с шести лет. В то время у нас была другая гувернантка, также молодая и симпатичная. У нее были нарывы на ягодицах, которые она имела обыкновение обнажать ночью. Я страстно ожидал этого момента, чтобы удовлетворить свое любопытство. Это было как тогда в Купальне - хотя фройляйн Лина (Lina) была более осторожна, чем ее предшественница". (Отвечая на вопрос, который я вставил, "Как правило", - пациент сказал мне: "Я не спал в ее комнате, а, главным образом, с моими родителями".) "Я вспоминаю сцену, которая должна была иметь место, когда мне было семь лет. (Пациент, следовательно, допустил, что эта сцена случилась одним или двумя годами позднее.) Мы сидели вместе однажды вечером - гувернантка, повариха, другая служанка, я и мой брат, который был на 18 месяцев моложе меня. Молодые женщины разговаривали, и я внезапно осознал, что фройляйн Лина говорит: "Я могла бы делать это с маленьким; но Пауль (Paul) (это был я) слишком неуклюжий, и у него наверняка ничего не выйдет". Я не вполне ясно понял, что это значит, но почувствовал пренебрежение и заплакал. Лина успокоила меня и рассказала про девушку, которая что-то такое делала с маленьким мальчиком, за которым она ухаживала, и ее посадили в тюрьму на несколько месяцев. Я не думаю, что она делала мне что-то плохое, но я занимался с ней великим распутством. Когда я ложился с ней в кровать, я раскрывал и трогал ее, а она не возражала. Она была не очень умна, но ее сексуальные устремления были очень сильны. В 23 года у нее уже был ребенок. В конце концов, она вышла за его отца, и теперь она - фрау Хофрат (Hofrat) (Австрийский титул "Hofrat" обычно присуждается известным терапевтам, юристам, университетским профессорам, государственным служащим и т. д. Возможно, он эквивалентен титулу рыцаря в современной Англии). Даже теперь я часто вижу ее на улице.

"Когда мне было шесть, я уже страдал от эрекций, и я знаю, что однажды я пришел к матери жаловаться на это. Я знаю также, что, делая это, я переживал дурные предчувствия. У меня было чувство, что имеется некая связь между этим предметом и моими идеями и любопытством, и тогда у меня была болезненная идея, что родители знают мои мысли; я объяснял это себе тем, что мог, вероятно, говорить вслух, не слыша сам себя. Я рассматриваю это как начало моей болезни. Мне очень нравились некоторые девочки, и у меня было сильное желание видеть их обнаженными. Но, желая так, я имел жуткое чувство, что что-то должно случиться, если я буду так думать, и, что я должен сделать все, что угодно, чтобы это предотвратить".(В ответ на предложение дать пример этих страхов, он сказал: "Например, что мой отец может умереть".) "Мысли о смерти моего отца занимали мое сознание с очень ранних лет в течение длительного периода времени и очень подавляли меня".

В этот момент я с удивлением узнал, что отец пациента, по поводу которого его

преследовали обсессивные страхи в настоящее время, умер за несколько лет до этого.

События возраста шестого или седьмого года, которые пациент описывал на первом часу лечения, были не просто, как он предполагал, началом его заболевания, а самим заболеванием. Это был завершенный невроз навязчивости, не нуждающийся еще в каких-либо существенных звеньях, сразу ядерный, и прототип более позднего расстройства - элементарный организм, изучение которого, единственно, может позволить нам понять законченную организацию его последующего заболевания. Ребенок, как мы видели, находился под доминирующим влиянием компонента сексуального влечения - скоптофилии (влечение к разглядыванию), результатом которого было постоянное возобновление в нем желания, связанного с персонами женского пола, которые ему нравились - желания видеть их обнаженными. Это желание относится к более поздней обсессивной или компульсивной идее; и, если качество компульсивности было еще не представлено, то это потому, что Эго не переместило пока себя полностью в оппозицию к этому и не относилось к этому, как к чему-то чужеродному. Тем ни менее, оппозиция этому желанию была уже активирована из того или иного источника, так как его появление регулярно сопровождалось болезненным аффектом. (Однако делались попытки объяснить обсессии без учета аффективности!). Несомненно, в душе юного распутника прогрессировал конфликт. Оборотной стороной обсессивного желания, интимно ассоциированной с ним, был обсессивный страх: каждый раз, когда он испытывал желание этого сорта, он не мог не бояться, что случится что-то ужасное. Это что-то ужасное уже обладало характеристикой неопределенности, которая с этого момента стала инвариантной особенностью каждого проявления невроза. Но у ребенка без особого труда раскрывается то, что покрывается неопределенностью такого рода. Если пациент однажды может быть побужден дать частный пример в одном из мест туманных неопределенностей, которые характеризуют обсессивный невроз, можно с уверенностью предположить, что этот пример - исходное и действующее обстоятельство, скрывающееся за неопределенностью. Обсессивный страх нашего пациента, реставрированный в своем первичном значении, будет выглядеть так: “Если у меня есть желание видеть женщин раздетыми, то мой отец должен будет умереть”. Этот болезненный аффект определенно имел оттенок жути и суеверия и уже давал начало возникновению импульсов делать что-то, чтобы отвращать грозное зло. Эти импульсы были в последующем развиты в защитные мероприятия, которые предпринимал пациент.

Мы нашли, таким образом: эротическое влечение и протест против него; желание, которое не было пока компульсивным и борьбу с ним; страх, который уже был компульсивным; болезненный аффект и побуждение к применению защитных мероприятий. Оснащение невроза достигло полноты. На самом деле, представлено нечто большее, а именно - разновидность бредового образования или делирий ([“Делирий” здесь используется в техническом значении, которое будет прояснено ниже) со странным содержанием, что родители знают его мысли, так как он говорит вслух, при этом сам себя не слыша. Мы не впадем в сильное заблуждение, если предположим, что, делая попытку такого объяснения, ребенок обнаружил намек на примечательные ментальные процессы, которые мы называем бессознательными, и без которых мы не можем обойтись, если желаем пролить научный свет на этот темный вопрос. “Я высказывал мои мысли вслух, не слыша их” звучит как проекция во внешний мир нашего собственного предположения, что у нас есть мысли, о которых мы ничего не знаем; это звучит как эндопсихическое восприятие вытесненного.

Ситуация ясна. Элементарный невроз детства уже включил в себя проблему и очевидную абсурдность, как любой законченный невроз зрелости. Что может являться смыслом идеи ребенка о том, что если у него есть сладострастное желание, то его отец должен умереть? Полный ли это вздор? Или возможно понять смысл этих слов и рассмотреть их как необходимое следствие более ранних событий и предпосылок?

Если мы приложим знание, полученное в иных изысканиях, к этому случаю, мы не сможем избежать подозрения, что в нем все сложилось так же, как и в других. То есть, перед тем как ребенок достиг возраста шести лет, у него были конфликты, преодоленные амнезией,

но оставившие после себя наследство в виде определенного содержания обсессивного страха. Позже мы узнаем, насколько полно будет возможно для нас раскрыть эти забытые переживания или реконструировать их с некоторой степенью точности. В то же время, можно выделить факт, что, вероятно, более чем простым совпадением является окончание амнезии пациента именно на шестом году жизни.

Нахождение начала хронического обсессивного невроза в раннем детстве, со сладострастными желаниями такого сорта, связанными с жуткими предчувствиями и склонностью предпринимать защитные действия, не является для меня новым. Я сталкивался с этим в других случаях. Это абсолютно типично, хотя и не единственно возможно. Перед освещением событий второй сессии я бы хотел добавить буквально одно слово по поводу ранних сексуальных переживаний пациента. Трудно будет оспорить, что они могут быть рассмотрены, как существенные, равно сами по себе и по своим последствиям. Но имеется общее с другими случаями обсессивных неврозов, которые у меня была возможность анализировать. Эти случаи, в отличие от случаев истерии, неизменно обладают особенностью недозрелой сексуальной активности. Обсессивные неврозы более чем истерические делают ясным, что факторы, участвующие в формировании психоневроза, могут быть найдены в инфантильной, а не в актуальной сексуальной жизни пациентов. Текущая сексуальная жизнь обсессивного невротика может часто казаться совершенно нормальной для поверхностного наблюдателя; в самом деле, она часто предлагает глазу намного менее патогенные элементы и аномальности, чем в рассматриваемом случае.

(в) Великий обсессивный страх

“Я думаю начать сегодня с события, которое послужило непосредственной причиной моего прихода к Вам. Это случилось в августе на маневрах около —. Перед этим я страдал и мучился от всех этих навязчивых мыслей, но во время маневров они быстро прошли. Я напряженно старался показать окружавшим меня офицерам, что такие как я люди не только хорошо знают что-то, но и могут хорошо что-то делать тоже. Однажды мы вышли из — на марш. На привале я потерял пенсне и, хотя я легко мог бы найти его, не хотел задерживаться с выходом и бросил его там. Но я телеграфировал моему окулисту в Вену, чтобы он прислал мне другую пару со следующей почтой. На следующем привале я сидел между двумя офицерами, один из которых, капитан с чешской фамилией, должен был бы быть нисколько не важен для меня. Я боялся его из-за того, что он был, очевидно, враждебен. Я не говорю, что он был плохим человеком, но на офицерских собраниях он защищал введение телесных наказаний, и я был вынужден в очень острой форме выразить свое несогласие с ним.

Ну, во время этого привала завязалась беседа, и капитан рассказал мне об одном особенно жестоком наказании, применяемом на Востоке... ”

Здесь пациент прервался, вскочил с кушетки и начал просить меня избавить его от изложения деталей. Я уверил его, что не имею вкуса к какой-либо враждебности и, определенно, не желаю мучить его, но не в моих силах подарить ему то, что находится за пределами моих возможностей. С таким же успехом он мог бы попросить меня достать луну. Преодоление сопротивления было законом лечения, и никакое освобождение от обязательств не могло быть рассматриваемо. (Я объяснил ему концепцию “сопротивления” в начале часа, когда он сказал мне, что в нем есть много такого, что ему нужно преодолевать для того, чтобы рассказывать о своих переживаниях.) Я продолжил, что, тем ни менее, я сделаю все, что смогу, чтобы угадать смысл любого намека, который он мне сделал. Думал ли он о сажании на кол? - “Нет, не это... преступника привязывали...” - он выражался настолько невнятно, что я не смог немедленно угадать, в каком положении - “... горшок был повернут верхней частью к его ягодицам... туда помещали нескольких крыс... и они...” - он опять прервался, выказывая все признаки ужаса и сопротивления - “... вгрызались в...” - его анус, помог я ему. Во всех наиболее важных моментах рассказа его лицо приобретало очень

странное, смешанное выражение. Я могу только интерпретировать его как ужас от его собственного удовольствия, которое он совершенно не осознавал. Он продолжал с огромным трудом: “В этот момент у меня сверкнула идея, что это случилось с человеком, который мне очень дорог”. (Он сказал “идея”- более сильный и более значимый термин “желание” или, скорее, “страх”, в действительности обозначал переживаемое, по его свидетельству. К сожалению, я не способен воспроизвести всю особенную неопределенность его замечаний.) Отвечая на прямой вопрос, он сказал, что это не он подвергался наказанию, но это не было и имперсонально. После небольшого побуждения я узнал, что человеком, к которому эта “идея” относилась, была дама, которой он восхищался.

Он прервал свой рассказ для того, чтобы уверить меня в том, что эти мысли были совершенно чужды и неприемлемы для него, и рассказать, что каждый раз они сопровождались цепью других мыслей, которые проходили через его сознание с невероятной скоростью. Одновременно с “идеей” всегда появлялась ”санкция”, как защитная мера, которую он вынужден был принять, чтобы предотвратить исполнение фантазии. Когда капитан говорил об этом жутком наказании, продолжал он, и эти идеи приходили к нему в голову, при помощи использования своих обычных формул (“Но”, сопровождаемого жестом отвержения и фразы “Ты о чем-нибудь думаешь?”) он мог преуспеть в отвращении их обеих.

Это “обеих” ошеломило меня и, без сомнения, мистифицировало читателя. Пока мы слышали только об одной идее - о наказании крысами по отношению к даме. Теперь он вынужден был допустить, что одновременно к нему приходила и вторая идея, а именно, о том, что наказание могло быть применено к его отцу. Так как его отец умер за много лет до этого, этот обсессивный страх был намного более бессмысленный, чем первый, а, соответственно, попытка избежать его признания длилась дольше.

Тем вечером, продолжал он, тот же капитан вручил ему пакет, прибывший с почты, и сказал: “Лейтенант А. (Имена не важны здесь.) оплатил (В действительности, цена пенсне входит в общую стоимость посылки (с доставкой). В Австрии система платежа за пересылку действует через почту.) за Вас пересылку. Вы должны вернуть ему деньги”. В пакете находилось заказанное им пенсне. В этот миг, однако, “санкция” приобрела у него в сознании следующую форму: что он не вернет деньги или это случится - (что исполнится его фантазия о крысах относительно отца и дамы). И немедленно, в соответствии со знакомой ему процедурой борьбы с этой санкцией появилась команда в форме клятвы: “Ты должен заплатить 3.80 крон лейтенанту А.”. Он произнес эти слова почти вслух несколько раз.

Через два дня маневры подошли к концу. Он провел все свободное время в усилиях вернуть лейтенанту А. эту незначительную сумму, о которой шла речь; но последовательность препятствий видимо внешнего характера не позволяла это сделать. Сначала он попытался произвести платеж через другого офицера, который отправился на почту. Но он заметно успокоился, когда офицер принес ему деньги обратно, сказав, что он не встретил лейтенанта А., так как этот способ исполнения клятвы на самом деле не удовлетворил бы его, как не соответствующий ее форме: “Ты должен вернуть деньги лейтенанту А.”. Наконец, он встретил лейтенанта А. - человека, которого искал, Однако тот отказался принять деньги, заявив, что ничего не платил за него и что у него вообще нет дел с почтой, которые входят в обязанности лейтенанта Б.. Это ввергло моего пациента в великое недоумение, так как означало, что он не сможет исполнить свою клятву, потому что она основана на ложных предпосылках. Он, однако, выдумал очень любопытный способ преодолеть эту трудность. А именно, он должен был бы пойти на почту с обоими офицерами, А. и Б., затем А. дал бы молодой женщине на почте 3.80 крон, которые молодая женщина дала бы Б., а затем он сам возместил бы 3.80 крон А. в соответствии со словами его клятвы.

Для меня было бы неудивительно услышать, что здесь читатель перестал бы быть способным следовать рассказу. Даже детальное описание пациентом событий тех дней и его реакций на них было полно противоречий и звучало прискорбно перемешанным. Только когда он рассказывал историю в третий раз, я смог побудить его понять эти неясности и смог обнаружить ошибки памяти и перемещения, в которые он был вовлечен. Я опущу

затруднения при воспроизведении этих деталей, существенные из которых мы легко сможем поднять позже, и только добавлю, что в конце второй сессии пациент вел себя так, как если бы он был изумлен и смущен. Он постоянно обращался ко мне: “капитан”, вероятно потому, что в начале сессии я сказал, что не испытываю враждебности, как капитан М. и, что я не имею намерения обязательно его мучить.

Единственная информация на другую тему, которую я получил от него за этот час, заключалась в том, что с самого начала, во всех предыдущих случаях, в которых у него был страх, что нечто случится с любимыми им людьми, он относил наказание не только к настоящей жизни, но также и к вечности - к следующему миру. До 14 или 15 лет он был искренне религиозен, но с того времени он все больше и больше развивался в сторону свободомыслия. Он улаживал противоречия между своей верой и своими обсессиями, говоря себе: “Что ты знаешь о следующем мире? Ничего не может быть известно о нем. Ты ничем не рискуешь - поэтому делай это.” Такая форма аргументации казалась не вызывающей возражения человеку, который в других отношениях был особенно благоразумен и, таким образом, он эксплуатировал неопределенность довода к выгоде религиозной установки, которую перерастал.

На третьей сессии он продолжил свой очень детальный рассказ об усилиях по исполнению своей обсессивной клятвы. Тем вечером состоялось последнее перед окончанием маневров офицерское собрание. Ему выпало произносить тост на тему “офицер запаса”. Он говорил хорошо, но так, как будто бы он был во сне, так как на заднем плане сознания он непрерывно мучился своей клятвой. Он провел ужасную ночь. Аргументы и контраргументы боролись друг с другом. Главным аргументом было, конечно, то, что предпосылка, на которой основывалась его клятва - что лейтенант А. заплатил за него - оказалась ложной. Однако, он сосредоточился на мысли, что дело еще не закончено, так как А. завтрашним утром проделает вместе с ним часть пути до железнодорожной станции в Р—, и у него будет время допросить того со всем пристрастием. На самом деле он этого не сделал, позволив А. уехать без него, но проинструктировал своего ординарца дать А. знать о том, что он намерен посетить его днем. Сам он приехал на станцию в пол-десятого утра. Он разместил там свой багаж и собирался отправиться выполнять какие-то разные дела, которые он должен был сделать в этом маленьком городке, с намерением после всего нанести визит А. Поселок, в котором размещался А., находился в часе езды от Р—. До места, где располагалась упомянутая почта, было три часа по железной дороге. Он подсчитал однако, что выполнение его плана оставляет ему время, чтобы успеть на вечерний поезд в Вену. Соображения, которые боролись в нем, были таковы: с одной стороны он трусил и очевидно просто пытался спастись от неприятности просить А. принести ту жертву, о которой шла речь, и выглядеть дураком в его глазах и, что это все потому, что он равнодушен к своей клятве; с другой стороны, напротив, для него было бы трусливо исполнить клятву, так как единственно, для чего ему это нужно, так это для того, чтобы оставаться в мире со своими навязчивостями. Во время этого совещания с собой, добавил пациент, он нашел аргумент, беспристрастно балансировавший все это - он решил позволить своим действиям быть разрешенными случайными событиями, как если бы рукою Господа. И, таким образом, когда станционный носильщик спросил его: “Десятичасовым поездом, господин?”, он ответил: “Да”. И, на самом деле, отбыл десятичасовым поездом. Таким образом он произвел свершившийся факт, и, в общем, успокоился. Он отправился заказать себе место для ланча в вагоне-ресторане. На первой же станции, на которой остановился поезд, его вдруг осенило, что у него пока есть время выйти из поезда, вернуться назад в Р—, доехать до места, где квартировал лейтенант А., оттуда вместе с ним добраться за три часа на поезде до почты, и так далее. Но тут появление стюарда вагона-ресторана вынудило его сделать заказ, прервав его в рассмотрении этой возможности, которую он, однако, не отверг, а отложил ее осуществление до более поздней остановки. Так, от станции к станции, он испытывал внутреннюю борьбу, выходить ли ему, пока не достиг такой, где ему показалось невозможным выйти, так как на ней жили его родственники. Он определился ехать до Вены,

разыскать своего друга, изложить ему проблему, и, после того, как тот примет решение, успеть на ночной поезд обратно до Р—. Когда я выразил сомнение, что это могло быть выполнено, он уверил меня в том, что у него было пол-часа запаса между прибытием одного поезда и отправлением другого. Когда он прибыл в Вену, ему, однако, не удалось найти своего друга в ресторане, в котором он рассчитывал его встретить и, только в 11 часов вечера, ему удалось добраться до дома этого друга. Он рассказывал ему эту историю ночью. Его друг взял его за руки в изумлении, что он все еще может страдать от этой навязчивой идеи и утешил его, после чего он замечательно спал. Наутро они вместе пошли на почту и отправили 3.80 крон на то почтовое отделение, куда прибыла посылка с пенсне. Это было его последнее заявление, которое снабдило меня стартовой точкой, с которой я мог начать прояснение различных искажений, встретившихся в его рассказе. После того, как друг привел его в чувство, он отправил ту незначительную сумму, о которой шла речь не лейтенанту А., ни лейтенанту Б., а непосредственно почтовому отделению. Следовательно, он должен был знать, что он должен за посылку ни кому иному, как служащему почтового отделения, и он должен был знать это перед началом своего путешествия. Оказалось, что, действительно, он знал это перед тем, как капитан изложил свое требование и перед тем, как он принял клятву; теперь он вспомнил, что несколькими часами ранее встречи с враждебным капитаном он был по случаю представлен другому капитану, который рассказал ему о действительном положении дел. Этот офицер, услышав его имя, рассказал ему, что чуть раньше он был на почте, где молодая дама спросила его о том, знает ли он лейтенанта Н. (пациента), для которого прибыл пакет, который должен быть оплачен за доставку. Офицер ответил, что нет, а молодая дама заявила, что может поверить неизвестному лейтенанту и что сама оплатит посылку. Вот таким образом пациент стал обладателем пенсне, которое он заказывал. Враждебный капитан допустил ошибку, когда, передавая пакет, попросил его вернуть 3.80 крон А., и пациент должен был знать, что это ошибка. Несмотря на это, он дал клятву, основанную на ошибке, клятву, которая так его мучила. Делая так, он скрывал от себя, а, рассказывая мне всю историю, скрывал от меня эпизод с другим капитаном и существование доверчивой молодой дамы на почтовом отделении. Я вынужден принять, что после введения коррекции его поведение стало даже более бессмысленным и невразумительным, чем прежде.

После того, как он оставил своего друга и возвратился в семью, сомнения одолели его снова. Он видел, что аргументы друга не отличались от его собственных, и у него не было иллюзий по поводу того, что временное улучшение его состояния следует атрибутировать чему-то большему, чем влиянию личности друга. Его решение проконсультироваться у врача было вплетено в его бред в следующей изобретательной манере. Он рассчитывал получить от врача сертификат о том, что ему, в целях возвращения здоровья, необходимо выполнить некоторые действия в отношении лейтенанта А.; и что лейтенант посредством сертификата позволит себя убедить в необходимости получить от него 3.80 крон. Однако, о получении сертификата от меня речь не заходила; все, о чем он вполне резонно меня просил - это избавить его от обсессий. Много месяцев спустя, когда его сопротивление достигло высшей точки, он однажды впал в искушение поехать, наконец, в Р—, найти лейтенанта А. и пройти через фарс возвращения ему денег.

(г) Введение в сущность лечения

Читателю не следует ожидать сразу услышать о прояснении странной и бессмысленной обсессии пациента о крысах. Истинная техника психоанализа требует от терапевта подавлять свое любопытство и оставлять пациента совершенно свободным в выборе сменяющих друг друга в ходе лечения тем. На четвертой сессии я, соответственно, принял пациента со словами: “Как вы намереваетесь продолжить сегодня?”

“Я решил рассказать Вам нечто, что я считаю наиболее важным, и что тревожит меня в

первую очередь”. Затем он рассказал мне очень длинную историю о последней болезни своего отца, который умер от эмфиземы за девять лет до этого. Однажды вечером, полагая, что состояние больного было таким, которое свидетельствовало бы о наступлении кризиса в развитии болезни, он спросил врача о том, когда опасность могла бы быть расценена как миновавшая. “Вечером послезавтра”, - ответил тот. Пациенту никогда бы не пришло в голову, что его отец может не пережить указанный срок. Пол-восьмого вечера он прилег отдохнуть на часок. Пробудившись в час, он узнал от медика, что его отец умер. Он упрекал себя за то, что не присутствовал при его смерти; и самоупреки усилились, когда медсестра рассказала ему о том, что однажды, в последние дни, отец произносил его имя и спросил, когда она подошла к его кровати: “Это Пауль?” Он полагал, что заметил, что его мать и сестры склонны упрекать себя сходным образом; но они никогда не говорили об этом. Поначалу, однако, эти самоупреки его не мучили. Долгое время он не мог принять факт смерти отца. Постоянно случалось так, что, слыша хорошую шутку, он говорил себе: “Надо рассказать ее отцу”. Его воображение также было занято отцом, так как часто, когда раздавался стук в дверь, он думал: “Отец пришел” и, входя в комнату, он ожидал обнаружить там отца. И, хотя он никогда не забывал, что отец мертв, его не пугала перспектива увидеть похожее на приведение видение отца; напротив, он очень желал этого. Когда минуло восемнадцать месяцев, вернулось воспоминание о своем небрежении и начало ужасно его мучить - так, что он начал рассматривать себя как преступника. Это случилось, когда умерла его замужняя тетка и он нанес визит соболезнования в ее дом. С этого момента он расширил структуру своих обсессивных мыслей так, что она включила в себя последующий мир. Немедленным следствием этого стала значительная немощность в работе. (Более детальное описание события, данное мне пациентом позже, делает возможным понять влияние, оказанное им на пациента. Его дядя, оплакивая потерю жены, воскликнул: “Иные мужчины позволяют себе всевозможные утешения, но я жил единственно для нее.” Пациент предположил, что дядя намекал на его отца, подвергая сомнению его супружескую верность; и, хотя дядя отрицал это, для пациента не было возможным далее противодействовать влиянию этих слов.).

Он заявил, что единственной вещью, поддерживающей в нем жизнь в то время, были утешения его друга, который отметал его самоупреки по причине их неимоверной преувеличенности. Слушая это, я воспользовался возможностью дать ему первый раз мельком взглянуть на основные принципы психоаналитической терапии. Когда наблюдается мезальянс, начал я, между аффектом и соответствующим идеаторным содержанием (в данном случае, между интенсивностью самоупреков и поводом к этому), неспециалист скажет, что аффект слишком преувеличен по отношению к причине и, что последующий вывод из самоупрека (что пациент - преступник) является ложным. Напротив, терапевт говорит: “Нет. Аффект оправдан. Чувство вины само по себе не может далее подвергаться критике. Но оно принадлежит другому содержанию, которое неизвестно (бессознательно), и которое требуется найти. Известное идеаторное содержание занимает настоящее положение благодаря только лишь ошибочной ассоциации. Обычно мы не испытываем сильных эмоций без идеаторного содержания, и, если содержание теряется, мы хватаемся за заменяющее его содержание, которое оказывается по тому или иному основанию годным, как наша полиция, когда она не может поймать настоящего преступника и задерживает кого-то другого вместо него. Более того, факт наличия ошибочной ассоциации - единственное, что дает основание рассчитывать на то, что логические процессы в борьбе с мучительной идеей окажутся бессильны”. В заключение я допустил, что этот новый способ взглянуть на проблему немедленно приводит к сложностям иного рода; как он может допустить, что его самоупреки в совершении преступления против отца оправданы, когда ему совершенно точно известно, что никакого такого преступления он не совершал?

На следующей сессии пациент выказал большой интерес к тому, что я говорил, но осмелился, как он выразился, привнести некоторые сомнения. - Как, он спросил, информация о том, что самоупреки и чувство вины являются оправданными, иметь терапевтический

эффект? - Я объяснил, что не информация оказывает такой эффект, а открытие того содержания, к которому эти само упреки на самом деле относятся. - Да, сказал он, это в точности то, на что был направлен его вопрос. - Затем я произвел краткое рассмотрение психологических различий между сознательным и бессознательным в свете того факта, что все сознательное относится к процессам протекающим, в то время как бессознательное относительно неизменно; я иллюстрировал свое замечание с помощью антиквариата в моей комнате. Я сказал, что все предметы, находящиеся здесь - из могил, и их захоронение сохранило их: разрушение Помпеи началось только когда ее раскопали. Он говорил себе, продолжал он, что самоупреки могут только возрастать от нарушения внутренних моральных принципов, а не от нарушения неких внешних правил. - Я согласился и сказал, что человек, нарушающий законодательство, может чувствовать себя героем. - Такое встречается, продолжал он, только когда уже наличествует распад личности. Имеется ли у него возможность произвести реинтеграцию его собственной личности? Если бы это могло бы быть сделано, он полагает, что он был бы способен добиться успеха в жизни, возможно лучшего, нежели достигает большинство. - Я ответил, что я совершенно согласен с ним в отношении его замечания о расщеплении его личности. Ему нужно лишь ассимилировать это новое представление о противоположности высокоморального и злого себя с представлением, уже упоминавшимся мной, о противоположности сознательного и бессознательного. Моральное Я было сознательным, а злое Я было бессознательным. (Все это, конечно, верно, хотя и упрощенно, но это обслуживает первое знакомство с предметом.) - Он сказал затем, что, хотя считает себя человеком морали, вполне определенно может вспомнить себя в детстве делающим вещи, которые идут от его другого Я. - Я заметил, что здесь он неожиданно натолкнулся на одну из главных характеристик бессознательного, а именно, на его отношение к инфантильности. Бессознательное, объяснял я, было инфантильным; оно было частью Я, которая отделилась от Я в детстве, которая не участвовала в последующем развитии Я и, которая, следовательно, оказалась репрессированной (вытесненной). Дериваты этого вытесненного бессознательного ответственны за непроизвольные мысли, которые составляют его болезнь. Он может теперь, добавил я, открыть еще и другую характеристику бессознательного; я бы хотел, чтобы это открытие он сделал самостоятельно. - Он не нашел сразу, что сказать в этой связи, но вместо этого выразил сомнение в возможности изменить такое длительно существующее положение дел. Что, в частности, может быть предпринято против его идеи о следующем мире, если она не может быть опровергнута с помощью логики? - Я сказал, что не подвергаю сомнению ни тяжесть его заболевания ни значительность его патологических конструкций, но в то же время на его стороне молодость, равно как и неповрежденность его личности. В связи с этим я произнес несколько слов по поводу своего хорошего мнения о нем, и это вызвало у него видимое удовольствие.

На следующей сессии он начал с того, что должен рассказать мне событие из своего детства. С семи лет, как он уже рассказывал мне, у него был страх, что родители угадывают его мысли, и этот страх, на самом деле, существует в течение всей его жизни. Когда ему было 12 лет, он полюбил маленькую девочку, сестру своего друга. (Отвечая на вопрос, он сказал, что эта любовь не была чувственной; он не хотел видеть ее обнаженной, так как она была слишком мала.) Но она не выказывала к нему такой привязанности, которой он бы желал. И затем к нему пришла идея, что она могла бы быть добра к нему, если бы с ним случилось какое-нибудь несчастье; и как пример такого несчастья, идея о смерти его отца овладела им. Он моментально энергично ее отверг. И даже теперь он не может допустить возможность того, что то, что возникло таким образом, может быть названо “желанием”; очевидно, что это не более, чем “мысленная связь ”.(Не только обсессивные невротики удовлетворяются эвфемизмами такого рода.). В порядке возражения я спросил его, почему, если это не было желанием, он отверг это. - Единственно, из-за содержания идеи, из-за того, что она была о том, что отец может умереть. - Я заметил, что он обработал фразу, как если бы она была тем, что включает lese-mageste (магическую мысль?). Я добавил, что могу легко

вставить идею, которую он так энергично отвергает, в контекст, который исключит возможность любого такого отвергания; например, “если мой отец умрет, я убью себя над его могилой.” - Он был потрясен, но не отказался от возражений. Я прекратил дискуссию замечанием о том, что я чувствую - это было не первое появление идеи о смерти отца, что однажды мы проследуем назад в ее истории. - Он затем продолжил рассказом о точно такой же мысли, которая сверкнула у него в голове во второй раз за шесть месяцев до смерти отца. В это время он уже любил свою “даму” (Десять лет назад.), но финансовые обстоятельства делали невозможным рассчитывать жениться на ней. Затем к нему на ум пришла идея о том, что смерть его отца может сделать его достаточна богатым для женитьбы на ней. Защищаясь от этой идеи, он представил себе, что отец может ему ничего не оставить, так что за свою ужасную потерю он не будет иметь никакой компенсации. Та же идея, хотя и в более мягкой форме, пришла к нему третий раз за день до смерти отца. Затем он подумал: “Теперь я могу потерять того, кого люблю больше всего на свете”; затем пришло опровержение: “Нет, есть еще некто, чья потеря была бы для меня даже более болезненной”. (Там и сям указания на оппозицию двух объектов его любви, отца и “дамы.”). Эти мысли его очень удивляли, так как совершенно определенно смерть отца никогда не была объектом его желания, а лишь объектом его страха. После того, как он с усилием провозгласил это, я счел полезным привнести свежий кусок теории, касающийся его замечания. Согласно психоаналитической теории, сказал я ему, любой страх относится к бывшему желанию, ранее вытесненному; таким образом мы обязаны принять точную противоположность тому, что он утверждает. Это также соответствует другому теоретическому требованию, а именно, что бессознательное должно быть точной противоположностью сознательного. - Он был очень ажитирован этим и выглядел очень недоверчивым. Он удивлялся, как это могло бы быть возможным иметь такое желание, учитывая, что он любил отца больше всех на свете; и без сомнения, он отказался бы от любых собственных перспектив ради спасения его жизни. - Я ответил, что именно такая интенсивная любовь, как у него, есть условие вытесненной ненависти. В отношении людей, к которым он чувствовал себя индифферентным, у него определенно не возникало трудностей к поддерживанию одновременной склонности их умеренно любить и равно умеренно не любить: предположим, например, что он - служащий; он может считать своего начальника приемлемым в качестве руководителя, но, в то же самое время, мелочным как юриста и негуманным как судью. Шекспир сделал своего Брута говорящим подобным образом о Юлии Цезаре: “Так как Цезарь любил меня, я оплакиваю его; так как он был счастлив, я радовался за него; так как он был храбр, я гордился им; так как он был властолюбив, я отвернулся от него”. Но эти слова поражают нас своей непривычностью и именно по этой причине мы представляем чувства Брута к Цезарю как нечто более глубокое. В случае с кем-то, кто был ближе к нему, своей жены, например, он мог бы желать иметь свои чувства к ней несмешанными и, следовательно, будучи лишь человеком, он мог бы проглядеть ее промахи, так как они могли бы побудить его не любить ее - он мог бы игнорировать их, как если бы был к ним слеп. Следовательно, именно интенсивность его любви не позволила бы его ненависти - хотя давать такое название - значит карикатурировать чувство - оставаться сознательной. Конечно, ненависть должна иметь источник, и раскрыть этот источник, определенно, было проблемой; его собственные заявления указывают на время, когда он боялся, что родители угадывают его мысли. С другой стороны, можно задать вопрос, почему его такая интенсивная любовь не преуспела в уничтожении его ненависти, как это обычно бывает там, где имеются два противоположных импульса. Мы можем только предположить, что ненависть должна расцвести из некоторого источника, связанного с действием некой особой причины, которая делает ее неразрушимой. С одной стороны, какая-то связь этого типа должна поддерживать его ненависть к отцу живой, в то время, как с другой стороны, интенсивная любовь предотвращает ее осознание. Таким образом, для нее ничего не оставалось, кроме как существовать в бессознательном, хотя время от времени она была способна вспыхивать в сознании на мгновения.

Он отметил, что все это звучит довольно правдоподобно, но он, естественно не вполне

убежден этим. (Никогда целью подобных дискуссий не является убеждение. Они призваны только привнести вытесненный комплекс в сознание, сделать конфликт доступным для сознательной психической активности и облегчить проникновение свежего материала из бессознательного. Чувство убежденности вырабатывается только после того, как пациент сам проработает обозначенный материал и, до тех пор, пока он не почувствует себя полностью убедившимся, материал должен рассматриваться как непроработанный.). Он бы отважился спросить, сказал пациент, как это было, что идея такого типа могла ослабевать, как она могла появляться на мгновения, когда ему было двенадцать лет и снова, когда ему было двадцать и затем еще раз, через два года, в хорошее время. Он не может поверить, что его враждебность угасала на периоды времени, в течение которых не было никаких признаков самоупреков. - На это я ответил, что всякий раз, когда некто задает такие вопросы, он уже готов с ответом; он нуждается только в одобрении, чтобы начать говорить. - Затем он продолжил, как могло показаться, несколько бессвязно говорить, что они с отцом были лучшие друзья. За исключением некоторых предметов, по поводу которых отцы и дети обычно сторонятся друг друга - (Что бы это могло означать?) - интимность между ними была гораздо значительнее, чем между ним и его лучшим другом. Что касается дамы, в отношении которой он пренебрег своим отцом в своей фантазии, то, действительно, он ее очень сильно любил, но у него никогда не было к ней сладострастного влечения такого, которое он постоянно испытывал в детстве. Вообще, в детстве, его сладострастные импульсы были намного сильнее, чем в пубертате. - Тут я сказал ему, что полагаю - он сейчас нашел ответ на вопрос, который мы искали и, в то же время, открыл третью существенную характеристику бессознательного. Источником, из которого его враждебность к отцу получала свою неразрушимость, было что-то в природе сладострастных желаний, и, в связи с этим, он должен был чувствовать, что его отец так или иначе представляет собой помеху. Конфликт такого типа, добавил я, между сладострастностью и детской любовью, абсолютно типичен. Периоды угасания, о которых он говорил, происходили потому, что преждевременный взрыв его сладострастных чувств имел своим следствием значительное уменьшение их силы. И не было так, что до тех пор, пока он снова не оказывался захвачен интенсивным эротическим желанием, его враждебность проявилась бы снова, позволяя ожить старой ситуации. Затем я убедил его согласиться, что я не завлекал его обсуждать вопросы детства или секса, но что они были подняты им по его свободной воле. - Затем он продолжил, спрашивая, не потому ли просто он не принял решения в то время, когда был влюблен в свою даму, что помеха той любви в лице отца не могла сравниться в тот момент с любовью к отцу. - Я ответил, что было вряд ли возможно разрушить человека заочно. Такое решение могло возникнуть, если бы желание, против которого он протестовал, появилось бы тогда в первый раз; в то время, как фактически, оно долгое время подвергалось вытеснению, по отношению к нему он не мог бы организовать свое поведение иначе, чем он это делал, и оно было, следовательно, защищено от разрушения. Это желание (избавиться от отца, как представляющего собой помеху) должно брать начало в то время, когда обстоятельства были другими - может быть, в то время, когда он не любил своего отца больше, чем человека, которого он сладострастно желал, или когда он не был способен принять ясного решения. Это должно было иметь место в его раннем детстве, перед тем, как он достиг шести лет и перед тем, как его память стала сознательной; и вещи могли с тех пор оставаться для него неизменными. - На этом этапе наша дискуссия прервалась ввиду окончания времени сессии.

На следующей сессии, седьмой по счету, он опять вернулся к этому предмету. Он заявил, что не может поверить, даже предположить такое желание, направленное против отца. Он запомнил рассказ Садерманна (Sudermann), продолжил он, который произвел на него глубокое впечатление. В этом рассказе фигурировала женщина, которая, сидя у постели больной сестры, почувствовала желание чтобы ее сестра умерла, так как тогда она могла бы выйти замуж за ее мужа. Женщина потом совершила самоубийство, полагая, что недостойна жить, будучи виновной в такой подлости. Он может это понять, сказал он, и если бы у него были те мысли, то ничего, кроме смерти он не заслуживал бы. (Это чувство вины затрагивает

очень яркое противоречие в его открытом отрицании даже предположить наличие злого желания против отца. Это общий тип реакции на вытесненный материал, когда он становится осознанным: “Нет”, которым сначала отрицается факт, сопровождается его подтверждением, хотя делаемым поначалу в непрямой форме.) - Я заметил, что нам хорошо известно, что пациенты получают определенное удовлетворение от своих страданий, так что, на самом деле они сопротивляются собственному выздоровлению в некоторой степени. Он никогда не должен упускать того обстоятельства, что такое лечение как это, сопровождается постоянным сопротивлением. Мне следовало повторно напомнить это ему.

Затем он продолжил, сказав, что хотел бы поговорить о преступной акции, в авторе которой он не узнает себя, хотя достаточно ясно припоминает себя делающим это. Он процитировал Ницше (Jenseits von Gut und Bose, iv., 68.) : “ “Я сделал это,” - говорит моя Память. “Я не мог этого сделать,” - говорит моя Гордость и остается непреклонной. В конце концов Память уступает”. “Вот,” - он продолжил: “Моя память здесь не уступила”. - “Это потому, что Вы получаете удовольствие от Ваших самоупреков, являющихся средством самонаказания”. - “Мой младший брат - я действительно очень люблю его теперь, и именно теперь он является причиной моего великого беспокойства из-за того, что он хочет сделать то, что я рассматриваю как нелепую вещь; до настоящего времени я думал о том, что собираюсь убить человека с тем, чтобы предотвратить его бракосочетание - ну, мой младший брат и я обычно много боролись в детстве. В то же время мы очень любили друг друга и были неразлучны; но меня прямо переполняла зависть, так как он был сильнее меня и выглядел лучше меня и, следовательно, был фаворитом”. - “Да, Вы уже дали мне описание сцены с завистью в связи с фройляйн Линой”. - “Очень хорошо, затем в некоторой такой же ситуации (это, определенно было перед тем как мне исполнилось восемь, так как я не ходил еще в школу, а в школу я пошел с восьми лет) - в некоторой такой же ситуации, вот что я сделал. У нас обоих были обычные игрушечные ружья. Я зарядил свое шомполом и сказал ему, что если он выглянет из-за бочки, то кое-что увидит. Потом, когда он выглянул, я нажал на спусковой крючок. Я попал ему в лоб, и он не обиделся; а я, на самом деле, сделал ему очень больно. После этого я был почти вне себя, я бросился на землю и спрашивал себя, как только мог я сделать такую вещь. Но я сделал это”. - Я воспользовался моментом провести свое толкование. Если он сохранил воспоминание о такой чуждой для него акции, как эта, он не мог бы отрицать возможность чего-то подобного, о котором он совершенно забыл, случившегося в более ранние годы в отношении его отца. - Затем он заявил мне, что он осознавал себя чувствующим другие мстительные импульсы, в этот раз в отношении дамы, которой он так много восхищался и чьего образа он рисовал яркую картину. Могло быть правдой, что она не могла любить легко; но она сохраняла всю себя для одного человека, которому однажды она стала бы принадлежать. Она не любила его. Когда он стал осведомлен об этом, у него в мыслях оформилась сознательная фантазия о том, что он очень разбогател и женился на другой и затем бы дал той даме знать об этом для того, чтобы ранить ее чувства. Но здесь его фантазия разбивалась из-за того, что он был вынужден признаться себе, что другая женщина, его жена, ему совершенно ни к чему; затем его мысли спутывались, и, наконец, становилось совершенно ясно, что эта другая женщина должна была бы умереть. В этой фантазии, так же как и в случае с братом, он узнавал качество малодушия, которого он особенно страшился. (Это его качество найдет объяснение позже.) - В дальнейшем ходе нашей беседы я обратил его внимание на то, что он может логически рассматривать себя как ни в коей мере не ответственного за все эти черты своего характера; так как все эти предосудительные импульсы зародились в его детстве, и были только дериватами его инфантильной личности, переживаемыми в его бессознательном; а он должен знать, что принцип моральной ответственности не может быть применен к детям. Моральная ответственность, добавил я, вырастает только в процессе развития человека из совокупности его инфантильных установок. (Я привел эти аргументы только для того, чтобы еще раз продемонстрировать себе их неэффективность. Я не могу понять, как другие психотерапевты могут утверждать, что они успешно сражаются с неврозами таким оружием,

как это.). Он выразил сомнение, однако, в том, что его враждебные импульсы зарождались из того источника. Но я обещал подтвердить ему это в ходе лечения.

Он привел в качестве доказательства тот факт, что его расстройство так ненормально усилилось со смерти отца, и я сказал, что согласен с ним в том, что я рассматриваю его печаль по поводу смерти отца в качестве главного источника интенсивности его расстройства. Его печаль нашла, как это бывает, патологическое выражение в расстройстве. В то время, говорил я ему, как нормальный период печали продолжается от одного до двух лет, патологический, как у него, длится неопределенно долго.

Это представляет самое большее из настоящего случая, что я могу сообщить максимально детально и без опущений. Это грубо совпадает с объяснительной частью лечения, которое в целом длилось более 11 месяцев.

(д) Некоторые обсессивные идеи и их объяснение

Обсессивные идеи, как это хорошо известно, появляются без причины и без смысла, так же, как это делают сновидения. Первоочередная проблема - как придать им значение и статус в ментальной жизни индивида, такие, чтобы сделать их понимаемыми или даже ясными. Проблема их объяснения может казаться неразрешимой; но мы никогда не должны себе давать быть введенными в заблуждение этой иллюзией. Наиболее дикие и эксцентричные навязчивые или непреодолимые идеи могут быть прояснены при достаточно глубоком исследовании. Разрешение производится постановкой обсессивных идей во временную взаимосвязь с опытом пациента, или, говоря по-другому, поиском, когда частная обсессивная идея появилась впервые, и какие внешние обстоятельства этому способствовали. Когда, как это часто бывает, обсессивная идея не достигает упрочивания до постоянного существования, задача ее прояснения упрощается. Мы легко можем убедиться в том, что когда открываются внутренние связи между обсессивной идеей и опытом пациента, становится не трудно получить доступ ко всему, что может приводить в замешательство или быть плохо понимаемым в патологической структуре, с которой мы имеем дело - ее смыслу, механизму образования, и ее происхождения от господствующих мотивирующих сил в психике пациента.

Как с частично ясного примера, я начну с одного из суицидальных импульсов, которые так часто появлялись у нашего пациента. Этот симптом был почти проанализирован им самим в его рассказе. Он рассказал мне, что однажды он провел несколько бесплодных недель, размышляя об отсутствии своей дамы: она не появлялась по причине ухода за своей серьезно больной бабушкой. Именно тогда, когда он размышлял наиболее напряженно, у него появилась идея: “Если бы ты получил команду испытать себя на этот счет при первой возможности, ты бы повиновался. Но если бы тебе скомандовали перерезать себе горло бритвой, что тогда?” Тут он осознал, что эта команда уже была дана и поспешил было к буфету, чтобы достать бритву, когда подумал: “Нет, это не так просто. Ты должен пойти и убить старуху.” После этого он бросился на пол, охваченный ужасом.

В этом случае, связь между компульсивной идеей и жизнью пациента выражается открыто в его рассказе. Его дама отсутствовала, в то время как он напряженно размышлял о том, что могло бы дать возможность его союзу с ней стать теснее. Он был истощен страстью к отсутствующей даме и думал о причине ее отсутствия. И им овладело что-то, которое, если бы он был нормальным мужчиной, было бы, вероятно, чем-то вроде досады против ее бабушки. “Почему старуха должна болеть именно тогда, когда я так страшно ее желаю?” Мы должны предположить, что что-то подобное, но гораздо более интенсивное промелькнуло у пациента - бессознательный порыв ярости, которая могла соединиться со страстью и найти выражение в восклицании: “О, как бы я хотел пойти и убить эту старуху (Смысл требует, чтобы слово “сначала” было вставлено здесь.) за то, что она грабит мою любовь!” После чего следует команда: “Убей себя за эти дикие и убийственные страсти!” Весь процесс в

обсессивном сознании пациента сопровождался крайне бурным аффектом и проходил в обратном порядке - команда причинить повреждение первой и маркер вспышки вины после. Я не думаю, что эта попытка объяснения выглядит натянутой или что она содержит много гипотетических элементов.

Другой импульс, который может быть описан как косвенно суицидальный и который был более продолжителен, объясним не так легко. Из-за того, что он относится к мастерству, которого достиг пациент в укрывании его за такими чисто внешними ассоциациями, которые столь отталкивающи для нашего сознания. Однажды, когда он уехал на летние каникулы, его внезапно посетила идея о том, что он слишком толстый [немецкое “dick”] и что он должен сделать себя тоньше. Поэтому он начал уходить из-за стола перед десертом и прогуливаться по дороге под горячим августовским солнцем. Затем он стремительно взбегал на гору, пока горькое осознание неспособности сделать это не останавливало его. Однажды его суицидальное намерение проявилось без маскировки его манией стать тоньше: когда он стоял на краю крутого обрыва, внезапно появилась команда спрыгнуть вниз, что означало бы верную смерть. Наш пациент не мог бы и думать об объяснении этого бессмысленного обсессивного поведения, пока внезапно ему не пришло в голову, что ведь его дама тоже остановилась на этом курорте в компании английского кузена, который был очень внимателен к ней, и к которому пациент ее очень ревновал. Звали этого кузена Ричардом, и, согласно обычно принятой в Англии практике, он был известен как Дик (Dick). Нашему пациенту захотелось убить этого Дика; он испытывал гораздо большую ревность и ярость, чем он мог допустить себе и поэтому связал себя диетой в качестве наказания. Этот обсессивный импульс может показаться очень непохожим на ту прямую суицидальную команду, которая уже обсуждалась, но, тем ни менее, они имеют одно общее свойство. Обе они появились как реакции на ужасное чувство гнева, которое было неприемлемо для сознания пациента и было направлено против того, кто обнаружил себя как препятствие его любви. (Имена и слова совсем не так редко и не так опрометчиво используются при обсессивных неврозах и при истерии для установления связи между бессознательными мыслями (будь то фантазии или импульсы) и симптомами. Я рад припомнить случай, в котором то же самое имя, Ричард, похожим образом использовалось пациентом, которого я анализировал давно. После ссоры со своим братом он начал размышлять о том, что хорошо было бы избавиться от богатства, что он не хочет иметь ничего общего с деньгами, и т. д. Его брата звали Ричард, а “richard” по-французски означает “богатый человек”.). Некоторые другие обсессии пациента, однако, хотя тоже центрировались на его даме, проявляют иной механизм и обязаны своим возникновением другому влечению. Кроме своей мании похудения, он произвел целую серию других обсессивных актов во время пребывания дамы на курорте: и, по крайней мере, их часть непосредственно связана с ней. Однажды, когда они вместе катались на лодке и задул сильный ветер, он счел себя обязанным надеть на нее свою шляпу, так как у него в голове сформулировалась команда, что ничего не должно с ней случиться. (Слова “за что он мог бы быть обвинен” должны быть добавлены, чтобы закончить смысл.). Это был вид обсессии для защиты, и, кроме того, проложило путь для последствий. В другой раз, когда они сидели вместе во время грозы, ему навязалась, он не мог сказать почему, необходимость считать до сорока или до пятидесяти между вспышками молний, сопровождаемыми ударами грома. В день ее отъезда он споткнулся о камень, лежащий на дороге и был вынужден переместить его с пути на обочину, так как им овладела идея, что так как ее экипаж проедет здесь несколькими часами позднее, то по причине наличия здесь этого камня может произойти несчастье. Но через несколько минут ему это показалось абсурдным и он был вынужден вернуться и переместить камень в первоначальную позицию на середину дороги. После ее отъезда он стал добычей обсессии понимания, которая сделала его бедствием для всех его товарищей. Он был вынужден понимать точное значение каждой реплики, адресованной ему, как будто в противном случае он мог бы утерять нечто бесценное. Соответственно, он спрашивал: “Что именно ты тогда сказал?” А после того, как ему повторяли, ему начинало казаться, что это звучало по-

другому, и он оставался неудовлетворенным.

Все эти продукты его расстройства зависели от определенных обстоятельств, которые в то время доминировали в его отношениях с дамой. Когда он покидал ее в Вене перед летними каникулами, она сказала что-то такое, что он интерпретировал как проявление ее желания отречься от него перед остальными из компании; и это сделало его очень несчастным. В период ее пребывания на курорте у них были возможности обсудить этот вопрос, и дама оказалась способной убедить его, что те ее слова были им превратно истолкованы, и что, напротив, они имели своей целью спасти его от осмеяния. Это осчастливило его снова. Яснейший намек на этот инцидент содержался в обсессии понимания. Она была сконструирована так, как если бы он говорил себе: “После того случая ты никогда не должен ничего понимать ошибочно, если хочешь обходиться без ненужной боли”. Это решение не было простым обобщением единичного случая, но оно также было смещено - возможно, по причине отсутствия дамы - с одной очень высоко ценимой персоны на все остальные, младшие по рангу. И обсессия не могла появиться только от его удовлетворения от объяснения, которое она ему дала; она должна была выражать нечто еще кроме того, что заканчивается неудовлетворяемыми сомнениями в правильности повторения того, что он услышал.

Другие компульсивные команды, которые были отмечены, указывают нам на след этого другого элемента. Его обсессия для защиты могла быть только реакцией - как выражение угрызений совести и раскаяния на противоположный, теперь уже враждебный импульс, который он должен был чувствовать к своей даме перед их выяснением отношений. Его обсессия счета во время грозы может быть интерпретирована, с помощью некоторого материала, им спродуцированного, как защитная мера против страха, что некто находится в смертельной опасности. Анализ обсессий, который мы предприняли первым, уже подготовил нас для оценки враждебных импульсов нашего пациента как особенно сильных и выражающихся в форме бессмысленного гнева; и теперь мы находим, что даже после их примирения его гнев против дамы играл роль в формировании его обсессий. Его мания сомнений о том, правильно ли он расслышал, была выражением его сомнения, до сих пор скрытого, действительно ли верно он понял свою даму в этот раз и справедливо ли он принял ее слова о ее отношении к нему за правду. Сомнение в понимании было сомнением в ее любви в его обсессии. Битва между любовью и ненавистью бушевала в груди влюбленного, и объектом и тех и других чувств была одна и та же персона. Эта битва была представлена в причудливой форме его компульсивной и символической акцией удаления камня с дороги, по которой его дама должна была проезжать и, затем, аннулирования этого действия любви перемещением камня обратно, так, что ее экипаж мог бы привезти ее к несчастью, и ей мог быть причинен вред. Мы не сформируем верного суждения о второй части компульсивного акта, если мы возьмем его в его поверхностном значении только лишь критического отрицания патологического акта. Тот факт, что она сопровождалась чувством компульсивности, выдает ее, как часть патологической акции самой по себе, хотя часть, которая была определена противоположным ей мотивом, продуцировалась первой частью.

Компульсивные акты, такие как этот, состоящие из двух последовательных стадий, в которых вторая нейтрализует первую, являются типичной особенностью обсессивных неврозов. Сознание пациентов естественным образом неправильно понимает их и выдвигает набор вторичных мотивов для придания им значения - попросту рационализирует их. (С м. Ernest Jones , “ Rationalization in Every - day Life ” (1908)). Но их истинное значение лежит в их функции репрезентации конфликта двух противоположных импульсов, приблизительно равных по силам: и, соответственно, я нахожу в этом инварианту оппозиции между любовью и ненавистью. Компульсивные акты такого типа представляют особый теоретический интерес, потому что они показывают нам новый тип формирования симптома. Что регулярно встречается при истерии - так это достигаемый компромисс, который позволяет двум тенденциям находить одновременное выражение - который “убивает одним выстрелом двух зайцев” (См. “ Hysterical Phantasies and their Relation to Bisexuality Dora - An Analysis of a

Case of Hysteria , Collier Books edition AS 581 V .) ; в то время как здесь каждая из двух противоположных тенденций удовлетворяется поодиночке, сначала одна, затем другая; тем ни менее, естественно, предпринимается попытка установить некий тип логической связи (зачастую пренебрегая всякой логикой) между антагонистами. (Другой обсессивный пациент однажды рассказал мне следующую историю. Как-то он гулял в парке у Шенбрунна (Schonbrunn) [императорский дворец в предместье Вены] и споткнулся о ветку, лежавшую на земле. Он поднял ее и отбросил к ограде, ограничивающей дорожку. По пути домой он внезапно с тревогой подумал, что ветка могла немного отлететь от ограды и в ее новом положении стать причиной чьего-либо повреждения, кто мог бы проходить там же. Он был вынужден выпрыгнуть из трамвая, быстро вернуться в парк, найти то место и переместить ветку в первоначальную позицию - хотя любому, кроме пациента, было бы очевидно, что в таком положении ветка представляет большую опасность, чем как если бы она лежала у ограды. Второй и враждебный акт, который он осуществил под влиянием компульсии, был замаскирован от его осознания мотивом, который, в действительности принадлежал акту первому, гуманному.).

Конфликт между любовью и ненавистью выдавал себя у нашего пациента также и в другом выражении. В период оживления его благочестия, он обычно молился за себя, что занимало все большее время и обычно длилось полтора часа. Причина была в том, что он обнаружил, как своеобразный Валаам наоборот, что нечто вставляется в его набожные фразы и оборачивает их в свою противоположность. Например, если он говорил: “Да защити меня Господь”, злой дух немедленно инсинуировал “нет”. (Сравните с похожим механизмом в знакомых случаях со святотатственными мыслями у набожных людей.). В одном из таких эпизодов ему в голову пришла идея произнести вместо молитвы проклятие, так как он был уверен, что в этом случае также прокрадутся противоположные по смыслу слова. Его первоначальное намерение, подавляемое молитвой, пробило себе путь посредством этой идеи. В конце концов он открыл способ избавится от замешательства путем отказа от молитв и заменой их короткой формулой, состоящей из начальных букв слогов различных молитв. Он произносил эту формулу так быстро, что ничего не могло проскользнуть в нее.

Однажды он принес мне сновидение, которое представляло этот же конфликт в его переносе на терапевта. Ему приснилось, что моя мать умерла; он очень хотел принести мне свои соболезнования, но боялся, что, делая это, он неуместно засмеется, как это случалось с ним в похожих ситуациях в прошлом. Он предпочел, поэтому, оставить мне карточку с “p. c.”, написанными на ней; но когда он писал это, буквы превратились в “p. f.”. ([Аббревиатуры для “pour condoler” (с соболезнованиями) и “pour feliciter” (с поздравлениями), соответственно.] Это сновидение представляет объяснение компульсивного смеха, который так часто встречается в печальных обстоятельствах и который расценивается как необъяснимый феномен.).

Взаимный антагонизм его чувств к даме был слишком значителен, чтобы совершенно ускользнуть от его сознательного восприятия, хотя из обсессий, в которых он манифестировал, мы можем заключить, что пациент неверно оценивал глубину своих негативных импульсов. Дама отказала его первому брачному предложению десять лет назад. С тех пор он, по его собственному признанию, проходил через альтернативные периоды интенсивной любви и индифферентного отношения к ней. Когда же в ходе терапии он столкнулся с необходимостью предпринять некие шаги, приближающие его к успешному финалу его ухаживаний, его сопротивление обычно начинало принимать форму убеждения в том, что после всего он не сможет очень хорошо о ней позаботиться - хотя это сопротивление, по правде говоря, обычно преодолевалось. Однажды, когда она лежала в постели серьезно больная, и он был глубоко озабочен ее состоянием, ему в голову пришло, что он смотрит на нее как-будто с желанием, чтобы она могла бы остаться лежать так навсегда. Он объяснил эту идею посредством изобретательного софистического виража: утверждая, что он лишь только для того пожелал ей быть постоянно больной, чтобы почувствовать себя освобожденным от непереносимого страха того, что у нее будут

повторные приступы! (Можно не сомневаться, что другим контрибутивным мотивом этой компульсивной идеи было желание знать, что она бессильна против его замыслов.).

Теперь обычно его воображение было заполнено фантазиями, которые он сам квалифицировал как “фантазии мщения” и чувствовал себя пристыженным. Полагая, например, что дама придает значение социальному статусу поклонника, он произвел фантазию, что она вышла замуж за мужчину такого типа, который служит в правительственном учреждении. Сам он поступил на службу в тот же департамент и рос в должности гораздо быстрее ее мужа, который случайно становится его подчиненным. Однажды, по его фантазии, этот человек, совершает некое бесчестное деяние. Эта дама припадает к его ногам, умоляя спасти ее мужа. Он обещает сделать это; но в то же самое время уведомляет ее, что сделает это только из любви к ней, поскольку он предвидел, что нечто подобное может произойти; и вот теперь ее муж спасен, его миссия завершена, и он оставляет свой пост.

Он продуцировал другие фантазии, в которых он оказывал той даме великие услуги без того чтобы она знала, что все это делает он. В них он распознавал только свою любовь, без существенной оценки источника и цели своего великодушия, которое было предназначено для подавления его жажды мщения, в скверном стиле графа Монте-Кристо Дюма. Тем ни менее, он подметил, что случайно был побеждаем вполне определенными импульсами причинить некий вред даме, которой он восхищался. Эти импульсы, в основном, бездействовали, когда они были вместе, и появлялись только в ее отсутствие.

(е) Возбуждающая болезнь причина

Однажды пациент почти случайно упомянул о событии, в котором я не смог не распознать причину, возбудившую заболевание, или, по крайней мере, первый случай появления приступа, который начался около шести лет тому назад и продолжался до сего дня. Сам он не заметил, что привнес нечто важное; он не помнил, чтобы он придавал этому событию хоть какую-то важность и, кроме того, никогда о нем не забывал. Такое положение дел в этой части вызывает некоторые теоретические рассуждения.

При истерии, как правило, причины, возбуждающие расстройство, амнезируются в неменьшей степени, чем инфантильные переживания, с чьей помощью возбуждающие причины способны трансформировать их аффективную энергию в симптомы. А там, где амнезия не может быть полной, она, тем ни менее, подвергает настоящую травматическую возбуждающую причину процессу эрозии и лишает ее, по крайней мере, самых важных компонентов. При такой амнезии мы наблюдаем свидетельство имеющего здесь место вытеснения. При обсессивных неврозах происходит по-другому. Инфантильные предиспозиции неврозов могут быть амнезированы, хотя амнезия часто бывает неполной, но первые проявления заболевания, напротив, обычно остаются в памяти. Такое вытеснение использует другой, на самом деле, более простой, механизм. Травма, вместо того, чтобы быть забытой, лишается своего эмоционального заряда ([Немецкое “Besetzung” использовано по аналогии с электрическим зарядом. - Trans.]) ; так что в сознании не остается ничего, кроме его идеаторного содержания, которое совершенно лишено своей эмоциональной окраски и оценивается как неважное. Разница между тем, что встречается при истерии и тем, что при обсессивном неврозе, заключается в психологических процессах, которые мы можем воссоздать за кулисами феномена; результат почти всегда одинаков, так как обесцвеченное мнемоническое содержание редко репродуцируется и не играет роли в ментальной активности пациента. Для того, чтобы дифференцировать эти два вида вытеснения, мы не имеем не поверхности ничего, на что мы могли бы положиться, кроме уверений пациента, что у него есть чувство, что в одном случае он всегда помнил нечто, а в другом - что он давно это забыл. (Таким образом, должно быть отмечено, что при обсессивных неврозах существует два вида знания, и, довольно разумно иметь ввиду, что пациент “знает” о своих

травмах и, что он не знает о них. Он знает о них потому, что он о них не забыл и не знает потому, что он не осведомлен об их значимости. В жизни это вообще-то обычное дело. Официанты, которые обслуживали Шопенгауэра в его излюбленном ресторане, "знали" его в точном смысле слова, в то время как в целом он не был известен во Франкфурте и за его пределами; но они не "знали" его в том смысле, в котором мы сегодня говорим о "знании" Шопенгауэра.).

По этой причине представляется неудивительным, что обсессивные невротики, которые мучаются самоупреками, но связывают свои эмоции с ложными причинами, будут рассказывать терапевту о действительных причинах, без всякого представления о том, что их самоупреки просто обособились от них. В связи с этим они могут иногда случайно добавить с удивлением или даже с налетом гордости: "Но я ничего об этом не думаю". Это случилось в первом случае обсессивного невроза, с которым я имел дело, и который много лет назад дал мне инсайт относительно природы расстройства. Пациента, который был правительственным чиновником, мучили бесчисленные сомнения. Это был мужчина, чей компульсивный акт перекладывания ветки в парке у Шенбрунна я уже описывал. Я был поражен тем, что флориновые банкноты, которыми он расплачивался за консультации, были неизменно чистые и гладкие. (Это происходило перед тем, как в Австрии ввели серебряную монету). Я однажды заметил, что любой мог бы угадать в нем правительственного служащего по как с иголочки новым флоринам прямо из государственного казначейства, а он рассказал мне, что они вовсе не новые, просто это он гладит их дома утюгом. Это для него вопрос совести, объяснял он - не расплачиваться грязными банкнотами, потому что на них оседают все виды опасных бактерий и они могут причинить некий вред их получателю. В это время у меня уже было смутное подозрение о связи неврозов и сексуальной жизни, так что при случае я рискнул спросить пациента о том, как у него в этом плане обстоят дела. "О, тут почти все в порядке," - ответил он легко; - "В этом отношении я не в таком уж трудном положении нахожусь. Я играю роль дорогого старого дядюшки в некотором количестве респектабельных семей и, время от времени использую свое положение, приглашая молодых девушек на однодневные загородные прогулки. Затем я устраиваю так, что мы опаздываем на последний обратный поезд и оказываемся вынужденными провести ночь за городом. Я всегда беру две комнаты - я устраиваю все наиболее симпатично; а когда девушка идет спать, я иду к ней и мастурбирую ее своими пальцами". - "Но не опасаетесь ли Вы причинить ей вред, проникая в ее гениталии грязными руками?" - Тут он вскипел: "Вред? Почему, какой же вред я мог бы ей причинить? Ни одной из них я не причинил никакого вреда, всем им это очень нравилось. Некоторые из них теперь замужем, и не было никакого вреда от этого для них всех." Он крайне негативно отнесся к моим возражениям и никогда не появился снова. А я смог только обратить внимание на контраст между его щепетильностью по поводу бумажных флоринов и его бессовестностью в произведении абьюза доверившихся ему девушек, и предположить, что аффект самоупрека был смещен. Цель этого смещения была достаточно ясна: если бы его самоупрекам возможно было бы оставаться там, откуда они происходили, он должен был бы отказаться от такой формы сексуального удовлетворения, к которой, вероятно, был побуждаем некоторыми мощными инфантильными определяющими. Это смещение, таким образом, обеспечивало ему существенное преимущество от заболевания [паранойяльная (paranosic) цель].

Но я должен теперь вернуться к причине возбуждения болезни у нашего пациента. Его мать воспитывалась в здоровой семье, с которой она была отдаленно связана теперь. Эта семья владела большим индустриальным концерном. Его отец, во время его женитьбы, был принят в дело и, таким образом, посредством женитьбы, занял весьма удобную позицию. Пациент узнал благодаря взаимным поддразниваниям родителей (чей брак был на редкость счастливым), что его отец, за некоторое время до женитьбы на его матери, отдавал предпочтение хорошенькой, но бедной девушке незнатного происхождения. Для введения этого достаточно. После смерти отца пациента его мать однажды рассказала ему, что обсуждала его будущее со своими богатыми родственниками, и что один из ее кузенов

декларировал готовность женить его на одной из своих дочерей, когда его образование будет завершено; деловые связи с фирмой обеспечат ему блестящий профессиональный старт. Эти семейные планы возбудили в нем конфликт - должен ли он оставаться верным своей даме, которую он любил, несмотря на ее бедность, или же он должен последовать примеру отца и жениться на привлекательной, богатой и с хорошими связями девушке, которая была обещана ему. И он разрешил это конфликт между своей любовью и продолжающимся влиянием отцовских желаний, заболев; или, точнее, заболев, он избежал разрешения проблемы в реальной жизни. (Полезно подчеркнуть, что его уход в расстройство стал возможным благодаря его идентификации с отцом. Эта идентификация позволила его аффектам регрессировать к остаткам детства.).

Подтверждением того, что такой взгляд является корректным, заключается в том факте, что главным результатом его болезни явилась упорная неработоспособность, которая позволяла ему откладывать на годы завершение образования. Результаты такого расстройства никогда не без намеренные; то, что представляется следствием заболевания, в действительности является его причиной или мотивом.

Как и ожидалось, пациент не принял поначалу моего разъяснения. Не может он вообразить, заявил он, что план женитьбы мог бы вызвать такие эмоции: он производил незначительное впечатление на него. Но в последующем ходе терапии он был убедительно привлечен поверить моему подозрению, и в весьма необычной манере. С помощью фантазии переноса он пережил, хотя она была новой и принадлежала настоящему, эпизод из прошлого, который он забыл, или который жил в его бессознательном. Это был темный и трудный период лечения; случайно получилось так, что он встретил молодую девушку на ступенях моего дома и тут же произвел ее в мои дочери. Она понравилась ему и он представил себе, что единственная причина, по которой я так добр к нему и так невероятно терпелив с ним, такова, что я хочу видеть его своим зятем. В это время он возвел благосостояние и положение моей семьи на уровень, который согласовывался с моделью в его голове. Но его вечная любовь к своей даме боролась против искушения. После того как мы преодолели серию сопротивлений и его горькие поношения в свой адрес, он не мог далее оставаться слепым к сокрушительному эффекту от прекрасной аналогии между фантазией переноса и действительным состоянием дел в прошлом. Я воспроизведу одно из его сновидений того периода, так как оно дает представление о способе его обращения с предметом. Ему приснилось, что он видит мою дочь перед собой с двумя нашлепками из навоза вместо глаз. Ни один из тех, кто понимает язык сновидений, не затруднится сильно с его интерпретацией: оно заявляет, что он женится на моей дочери не за ее “красивые глаза”, а за ее деньги.

(ж) Отцовский комплекс и разрешение идеи о крысах

От возбудившей болезнь пациента в его взрослые годы причины потянулась нить назад в его детские годы. Он обнаружил себя в ситуации, схожей с той, в которой, насколько он знал или подозревал, находился его отец перед его женитьбой; и он, таким образом, оказался способен идентифицировать себя со своим отцом. Но его умерший отец так или иначе был вовлечен в его текущий приступ. Конфликт, находящийся в корне его болезни, был, в сущности, борьбой между продолжающими действовать желаниями его отца и его собственными любовными склонностями. Если мы примем во внимание то , что пациент сообщил в течение первых часов его лечения, то мы не сможем избежать подозрения, что эта борьба была очень давней и началась где-то в глубоком его детстве.

Отец нашего пациента был исключительнейшим человеком во всех отношениях. Перед своей женитьбой он был действующим офицером и, как реликты того периода жизни, сохранял прямолинейную солдатскую манеру и склонность говорить без обиняков. Кроме этих добродетелей, которые прославляются над каждым надгробным памятником, он отличался здоровым чувством юмора и добротерпимостью к своим приятелям. То, что он

мог быть вспыльчивым и склоняться к насилию, вовсе не противоречило другим его качествам, а, скорее, с необходимостью дополняло их; это изредка смягчало наиболее суровые наказания детей, когда они были молодые и непослушные. Когда они подросли, выяснилось, однако, что он отличается от других отцов отсутствием склонности возводить себя в священные авторитеты, но разделяет с ними знание о мелких ошибках и несчастливых обстоятельствах своей жизни с естественной искренностью. Его сын не преувеличивал, когда декларировал, что они жили как лучшие друзья, за исключением одного пункта. И не должно вызывать сомнений, что именно с этим пунктом связаны мысли о смерти его отца, которые занимали его ум, когда он был маленьким мальчиком, с необычной и несвоевременной интенсивностью и что эти мысли были выражены в форме детских обсессивных идей: и только в этой же связи могло быть так, что он был способен желать смерти отца, для того, чтобы к нему могла пробудиться симпатия той маленькой девочки и она могла стать добрее к нему.

Без сомнения, это было что-то в сфере сексуальности, что стояло между отцом и сыном, и из-за чего отец принял какой-то вид оппозиции преждевременному эротическому развитию сына. Через несколько лет после смерти отца он испытал приятные ощущения от коитуса, и у него неожиданно вспыхнула идея: “Это великолепно! Да за это можно отца родного убить!” Это одновременно был отголосок и разъяснение его детских обсессивных идей. Более того, незадолго до смерти, его отец открыто протестовал против того, что позже стало доминирующей страстью нашего пациента. Он заметил, что его сын вечно пребывает в обществе своей дамы и посоветовал ему держаться от нее подальше, говоря, что это неблагоразумно с его стороны, и что он лишь только делает из себя дурака.

К этому безупречному набору свидетельств мы сможем добавить свежий материал, если рассмотрим онанистическую сторону сексуальной активности нашего пациента. Вообще, по этому вопросу мы наблюдаем конфликт между врачами и пациентами, который до сих пор тщательно не оценен. Пациенты единодушны в их вере, что онанизм, под которым они разумеют мастурбацию в пубертате, есть корень и источник всех их неприятностей. Врачи, в целом, неспособны решить, какой линии придерживаться; но под влиянием того знания, что не только невротики, но и большинство нормальных людей проходят период онанизма в пубертате, склонны дисквалифицировать утверждения пациентов как чрезмерно преувеличенные. По моему мнению, пациенты в который раз оказываются ближе к истине, чем врачи; пациенты улавливают некоторые проблески истины, в то время как врачи рискуют проглядеть существенный момент. Тезисы пациентов не относятся в точности к фактам в том смысле, в котором они их конструируют, а именно, что онанизм в пубертате (который может быть охарактеризован как типичный) ответственен за все невротические расстройства. Их тезис требует интерпретации. Онанизм в пубертате, на самом деле, не более, чем оживление онанизма детства, вопрос, которым до сих пор неизменно пренебрегали. Инфантильный онанизм достигает высшей точки, как правило, между тремя и четырьмя или пятью годами; и это - самое ясное выражение детского сексуального функционирования, в котором должна прозвучать этиология последующих неврозов. Этим замаскированным способом, таким образом, пациенты возлагают вину за их заболевания на свою инфантильную сексуальность; и они совершенно правы, поступая так. С другой стороны, проблема онанизма становится неразрешимой, если мы пытаемся лечить ее как будто бы она была клинически однородная и забываем, что она может представлять расстройство любого вида сексуального компонента и любого сорта фантазии, рост которой такие компоненты могут провоцировать. Вредные последствия онанизма лишь в малой степени являются автономными - так сказать, определяемыми его собственной природой. Они, по существу, являются неотъемлемой частью патогенного состояния сексуальной жизни в целом. Тот факт, что так много людей могут переносить онанизм - то есть, некоторое его количество - без всякого вреда, показывает, что их сексуальная конституция и путь развития их сексуальной жизни был таков, что они могли использовать свою сексуальную функцию в культурально легитимных пределах (См. Freud, Drei Abhandlungen

zur Sexualtheorie, 1905); в то время, как другие, чья сексуальная конституция была менее благоприятна, или их развитие было нарушено, заболевают по причине своей сексуальности, - они не могут, то есть, достигать необходимого подавления или сублимации своих сексуальных компонентов без того, чтобы прибегнуть к помощи замедления или формированию суррогатов.

Поведение нашего пациента на предмет онанизма было исключительно примечательным. Он не давал себе волю в этом во время пубертата в степени, достойной упоминания, и, таким образом, согласно некоторым взглядам, могло ожидаться, что он будет свободен от невроза. С другой стороны, тяга к онанистической практике овладела им в 21 год, сразу после смерти отца. Он чувствовал себя очень сильно пристыженным каждый раз, когда прибегал к такому способу удовлетворения и скоро прогнал эту привычку. С этого времени она появлялась только при редких и экстраординарных обстоятельствах. Она провоцировалась, рассказывал он, когда он переживал особенно прекрасные моменты или когда он читал особенно прекрасные пассажи. Однажды это случилось прекрасным летним днем, когда, в центре Вены он услышал, как форейтор играл на горне наипрекраснейшим образом, пока его не остановил полицейский из-за того, что в центре города играть на горне не разрешено. А в другой раз это случилось, когда он читал в Dichtung und Wahrheit о том, как молодой Гете освободился в порыве чувства от действия проклятия, которое ревнивая дама наложила на следующую женщину, которая будет целовать его губы после нее; он долго, почти суеверно, страдал от воздержания, но вот он разбил свои оковы и радостно целует свою любовь снова и снова.

Пациенту казалось нимало не странным, что он был побуждаем к мастурбации именно в таких прекрасных и возвышенных случаях. Но я не мог помочь не обратить внимание, что эти два случая имеют нечто общее - запрещение и вызов власти.

Мы также должны рассмотреть в связи с этим его любопытное поведение в то время, когда он готовился к экзаменам и играл со своей любимой фантазией о том, что его отец все еще жив и может в любой момент появиться. Он обычно устраивал свои рабочие часы настолько поздно, насколько это было возможно. Между двенадцатью и часом ночи он прерывал свою работу, открывал парадную дверь своей квартиры, как если бы его отец стоял за ней; возвращался в холл, извлекал свой пенис и смотрел на него в зеркало. Это безумное действие становится понимаемым, если мы предположим, что он действовал так, как будто ожидал визита отца в час, когда бродят духи. Он, в целом, бездельничал, пока отец был жив, и это часто становилось причиной недовольства отца. И теперь, возвращаясь в качестве духа, он мог быть восхищен, находя своего сына таким трудолюбивым. Но было невозможно, чтобы его отец восхищался другой частью его поведения; оно должно было быть для него вызывающим. Так, в одном бессмысленном навязчивом акте он выражал две стороны своего отношения к отцу, причем делал он это последовательно, так же как и по отношению к даме посредством своего навязчивого акта с камнем.

Отталкиваясь от этих свидетельств и от других данных того же порядка, я рискнул выдвинуть предположение о том, что когда ему не было шести, он был признан виновным за некий сексуальный проступок, связанный с онанизмом, и был чувствительно наказан за это отцом. Это наказание, в соответствии с моей гипотезой, действительно положило конец его онанизму, но, с другой стороны, оставило за собой неискоренимую недоброжелательность к отцу и утвердило того на все времена в качестве помехи сексуальному удовлетворению пациента. (Сравните мои подозрения со сходным результатом на одной из первых сессий) . К моему великому изумлению, пациент затем информировал меня, что его мать несколько раз описывала ему происшествия такого рода, которые происходили с его раннего детства, и, очевидно, улетучились, будучи забыты ей по причине их значительных последствий. Он, однако, не имеет таких своих воспоминаний. Его повесть была такова. Когда он был очень мал - дату стало возможным установить более точно благодаря тому, что она совпадала со смертельной болезнью его старшей сестры - он сделал что-то дурное, за что отец его побил. Маленький мальчик впал в ужасную ярость и взорвался руганью в адрес отца, еще

продолжая находиться под его ударами. Но так как он не знал ругательств, он обзывал его названиями всех объектов, о которых мог подумать, и кричал: “Ты лампа! Ты полотенце! Ты тарелка!” и тому подобное. Его отец, потрясенный такой вспышкой стихийной ярости, прекратил побои, провозгласив: “Ребенок будет либо великим человеком либо великим преступником!” (Эти альтернативы не исчерпали возможности. Его отец проглядел самый общий результат таких преждевременных страстей - невроз). Пациент верил, что эта сцена оказывала долговременное впечатление как на него, так и на его отца. Его отец, сказал он, никогда не бил его снова; и он также относил на счет этого переживания часть изменений, которые произошли в его собственном характере. С этого времени он стал трусом - из-за страха перед насилием за его собственный гнев. Он всегда боялся ударов, более того, он обычно убегал и скрывался, переполняемый ужасом и возмущением, когда били кого-нибудь из его братьев или сестер.

Пациент последовательно расспросил свою мать снова. она подтвердила рассказ, добавив, что тот случай произошел между тремя и четырьмя и что он был наказан за то, что сам побил кого-то. Она не смогла припомнить больше никаких деталей, за исключением очень сомнительной идеи о том, что человеком, которого обидел маленький мальчик, могла быть его няня. По ее мнению, не было никаких указаний на то, что его проступок имел сексуальную природу. (В психоанализе мы часто встречаемся со случаями такого рода, датирующимися ранними годами детства пациентов, в которых появляется и достигает кульминации их инфантильная сексуальная активность, что часто приводит к катастрофическим последствиям благодаря несчастным случаям или наказаниям. Такие случаи склонны проявляться в скрытом виде в сновидениях. Часто они становятся настолько ясными, что аналитик полагает, что имеет устойчивое их понимание и, несмотря на это, будет избегать любого законченного разъяснения; и до тех пор, пока он не продолжит разъяснения с великим тщанием и осторожностью, он может быть вынужден оставлять неразрешенным вопрос о том, действительно ли событие имело место, или нет. Встать на правильный путь интерпретации нам может помочь знание того, что более чем одна версия события (зачастую они сильно отличаются друг от друга) может быть зарегистрирована в бессознательных фантазиях пациента. Если мы не желаем заблуждаться в нашем мнении относительно их исторической реальности, мы должны прежде всего иметь ввиду, что человеческие “детские воспоминания” консолидируются в более поздний период, обычно во время пубертата, и, что они вовлечены в сложные процессы реконструкции, подобные тем, посредством которых народы создают легенды о своей ранней истории. И, вместе с тем ясно, что в фантазиях о своем детстве растущий индивид пытается затушевывать воспоминания о своей аутоэротической активности; и делает он это посредством возвеличенной постановки следов памяти на уровень объектной любви, так что реальная история прошлого видится в свете будущего. Это объясняет, почему эти фантазии изобилуют соблазнениями и насилием, в то время как факты ограничиваются аутоэротической активностью и ласками или наказаниями, стимулируемыми ей. Более того, становится ясно, что в создаваемых о своем детстве фантазиях индивиды сексуализируют свою память; то есть они привносят в свой опыт отношений обычную сексуальную активность, распространяя на него свой сексуальный интерес - хотя, вероятно, делая так, они идут по следам реально существующих связей. Никому из тех, кто помнит мой “Анализ фобии пятилетнего мальчика” не нужно объяснять, что моя ремарка отнюдь не преследует цель уменьшить важность, которую я придаю инфантильной сексуальности, редуцируя ее до сексуальных интересов в пубертате. Я желаю только дать технический совет, могущий помочь прояснить класс фантазий, которые расцениваются как фальсифицирующие картину инфантильной сексуальной активности. Редко, когда мы находимся в счастливом положении, позволяющем нам, как в представляемом случае, устанавливать факты, базирующиеся на рассказах индивида о своем прошлом благодаря безупречным свидетельствам взрослого человека. Даже в таком случае, описание, данное матерью нашего пациента, оставляет открытым путь для возможных вариаций. То, что она не придавала сексуального характера проступкам, за которые ребенка

наказывали, может быть обусловлено активностью ее собственной цензуры; именно собственная тревога всех родителей за наличие сексуальных элементов в прошлом своих детей вызывает их уничтожение цензурой. Но точно так же возможно, что ребенок был порицаем няней или самой матерью за обычное непослушание несексуальной природы, и его реакция была настолько бурной, что он был жестоко наказан отцом. В фантазиях этого типа фигуры нянь или слуг часто замещаются превосходящей фигурой матери. Глубокая интерпретация сновидений пациента в отношении к этому эпизоду обнаруживает яснейшие следы продукции воображения позитивно эпического характера. В них его сексуальные желания к своим матери и сестре и в желание преждевременной смерти сестры были связаны с наказанием молодого героя руками отца. Было невозможно не распутывать ткань этой фантазии нить за нитью; терапевтический успех лечения мог быть достигнут именно на этом пути. Тут пациент обнаружил, что его обыденная жизнь заявляет о своих правах: у него накопилось столько проблем, которыми он до сих пор пренебрегал, и которые несовместимы с продолжением терапии. Я не обвинялся, следовательно, за этот перерыв в анализе. Научные результаты психоанализа представляют лишь побочный продукт его терапевтических целей, и, поэтому, часто именно в те моменты, когда анализ терпит неудачу, делаются самые важные открытия.

Содержание сексуальной жизни в инфантильный период заключается в аутоэротической активности по роли доминирующих сексуальных компонентов, в следах объектной любви и в формировании комплекса, который заслуживает быть названным ядерным комплексом неврозов. Этот комплекс, который включает ранние детские импульсы, такие, как нежность и враждебность по отношению к родителям, братьям и сестрам, после того как было разбужено любопытство ребенка - обычно прибавлением новых родившихся братьев или сестер. Неоформленность содержания сексуальной жизни детей вместе с неизменным характером тенденций, привносящихся позже, отвечают за схожесть, которая, как правило, характеризует фантазии, конструируемые вокруг периода детства, независимо от того, насколько велик или мал реальный опыт. Существенная характеристика ядерного комплекса детства заключается в том, что отец ребенка рассматривается в роли сексуального оппонента и помехи аутоэротической активности; и реальные события обычно в значительной степени ответственны за его наличие.).

Обсуждение этой детской сцены помещено выше, и здесь я только замечу, что ее новое появление потрясло пациента, что, в первую очередь выразилось в его отказе поверить, что в некоторый предшествующий период его детства он был охвачен яростью (которая впоследствии стала латентной) к своему отцу, которого он так любил. Я должен признаться, что ожидал большего результата из-за того, что инцидент так часто ему описывался - даже самим отцом - что не должно было бы быть сомнений в его объективной реальности. Но со всем сопротивлении логике, которое, однако, не смутит наблюдателя в самом интеллектуальном человеке, если он обсессивный невротик, он сохранял убеждение в отсутствии доказательной силы этого свидетельства на том основании, что сам он не помнит той сцены. И только путем болезненного переноса он оказался способным достигнуть убежденности в том, что его отношение к отцу действительно не обходилось без обусловливания этим бессознательным компонентом. Положение дел вскоре дошло до того, что в своих сновидениях, дневных фантазиях и ассоциациях он начал нагромождать величайшие и грязнейшие оскорбления меня и моей семьи, хотя в своих обдуманных акциях он никогда не относился ко мне иначе, чем с огромным уважением. Когда он повторял эти выпады в мой адрес, его поведение было поведением человека в отчаянии. “Как может такой джентльмен как Вы”, обычно вопрошал он, ”позволять себе быть настолько оскорбляемым таким низким, никчемным негодяем, как я? Вы должны были бы выгнать меня вон: это все, чего я заслуживаю.” Говоря так, он вскакивал с кушетки и скитался по комнате, - манера, которую он поначалу объяснял, как обусловленную деликатностью чувств: он не может позволить себе, говорил он, произносить настолько ужасные вещи, так удобно лежа на кушетке. Но вскоре он нашел более основательное объяснение, а именно, что он избегает

близко располагаться от меня, так как боится, что я буду его бить. Если он оставался на кушетке, он вел себя как терзаемый ужасом человек и пытающийся спастись от жесточайшей критики безграничного размаха; он стискивал голову руками, прятал лицо в ладонях, внезапно подпрыгивал и убегал, черты его лица искажались болью, и т. д. Он повторял, что его отец обладал вспыльчивым характером и в своем исступлении не знал, где остановиться. Так, мало-помалу, в этой школе страдания, пациент приобрел чувство убежденности, которого ему недоставало - хотя для любого незаинтересованного ума истина должна была бы быть почти самоочевидной. И теперь путь к разрешению его идеи о крысах был свободен. Лечение достигло поворотной точки, и количество информации, до сих пор неиспользуемое, стало доступным, что сделало возможной реконструкцию полной совокупности событий.

В своем описании я, как уже говорил, удовлетворюсь самым кратким из возможных заключением. Очевидно, что первая проблема, которая должна быть решена, заключается в том, почему два сообщения чешского капитана - его рассказ о крысах и его требование о возвращении пациентом денег лейтенанту А. - должна была вызвать такое возбуждение пациента и спровоцировать такие бурные патологические реакции. Предположение заключалось в том, что это была проблема “комплексной чувствительности”, и что эти сообщения “раздражали” определенные сверхчувствительные участки его бессознательного. Так это, как оказалось, и было. Как это всегда случалось с пациентом во время событий милитаристского плана, он находился в состоянии бессознательной идентификации со своим отцом, чью военную службу он наблюдал много лет и чьими историями о солдатских буднях он был буквально загружен. Теперь случайно вышло - случай может сыграть роль в формировании симптома также, как игра словами может помочь родиться шутке - что одно из отцовских маленьких приключений имело важный элемент, общий с требованием капитана. Отец, находясь в своей должности неполномочного штабного работника (non-commissioned officer), контролировал небольшую сумму денег и однажды проиграл ее в карты. (Таким образом, он был “Spielratte” ([Литературное “play-rat”. “Картежник” на разговорном немецком. - перев.]). И он бы попал в серьезную переделку, если бы один из его товарищей не ссудил бы его деньгами. После того, как он оставил армию и стал состоятельным, он попытался найти своего друга для того, чтобы вернуть ему деньги, но он не смог найти его следов. Пациенту было не известно точно, увенчалась ли эта акция по возвращению денег успехом. Воспоминание об этом грехе отцовской молодости было для него болезненным из-за того, что, несмотря на всю наружность, его бессознательное было заполнено враждебной критикой отцовского характера. Слова капитана “Вы должны вернуть 3.80 крон лейтенанту А.” прозвучали для него как намек на неоплаченный долг его отца.

Информация о том, что молодая дама на почте в Z— сама внесла плату за посылку, с дополнительной лестной ремаркой о нем (Не должно быть забыто, что он знал об этом перед тем как капитан потребовал от него передать деньги лейтенанту А. Это обстоятельство жизненно важно для всей истории, и, вытеснив его, пациент вверг себя в состояние прискорбнейшей неразберихи и некоторое время предотвращал возникновение у меня идеи о смысле всего этого.) , интенсифицировало его идентификацию с отцом и в некотором другом направлении. На этой стадии анализа он привнес новую информацию о том, что у хозяина гостиницы в местечке, где располагалась почта, была прелестная дочь. Она решительно благоволила молодому щеголеватому офицеру, так что он думал вернуться туда после окончания маневров и попытаться составить свое счастье с ней. Теперь, однако, у нее была соперница в лице молодой дамы с почты. Подобно своему отцу в его деле с женитьбой, он имел теперь возможность колебаться на предмет того, какую из двух ему следует предпочесть после окончания военной службы. Мы можем увидеть, наконец, что его необычная нерешительность в том, следует ли ему ехать до Вены или вернуться назад в местечко с почтой, и постоянное искушение повернуть назад, которое он испытывал во время своего путешествия, не было таким бессмысленным, как казалось поначалу. Его сознательному рассудку притяжение его к пункту Z—, где была почта, казалось объясняемым необходимостью видеть лейтенанта А. и исполнить с его помощью свою

клятву. Но на самом деле, притягивала его молодая дама на почте, а лейтенант был только ее хорошей заменой, так как жил он в том же

пункте и курировал военную почтовую службу. И когда впоследствии он услышал, что не лейтенант А., а другой офицер, Б., дежурил на почте в тот день, он замечательно вставил его в свою комбинацию; и оказался потом способен репродуцировать в своем делирии в связи с двумя офицерами колебания, которые он чувствовал между двумя девушками, которые так по-доброму были расположены к нему. ((Дополнительные записки, 1923). - Мой пациент пришел в такое смятение в этом маленьком эпизоде с возвратом платежа за пенсне, что, может быть, мое собственное мнение об этом также не было совершенно ясным. Поэтому я воспроизвожу здесь маленькую карту (Рис. 1), при помощи которой г. г. Стрэчи (Mr. and Mrs. Strachey) попытались представить ситуацию к моменту окончания маневров. Мои переводчики справедливо заметили, что поведение пациента остается непостижимым, если не предоставить следующую информацию, а именно, что лейтенант А. жил раньше в пункте Z—, где была почта, и курировал военную корреспонденцию, но в последние несколько дней он передал свой ордер лейтенанту Б., а самого его перевели в другую деревню. "Враждебный" капитан ничего не знал об этих изменениях, и это объясняет его ошибку в предложении вернуть деньги лейтенанту А.).

Для объяснения эффекта, произведенного рассказом капитана о крысах, мы должны ближе следовать курсу анализа. Пациент начал продуцировать огромное количество ассоциативного материала, который поначалу, однако, не проливал света на обстоятельства, при которых имело место формирование его обсессии. Идея о наказании, выносимом посредством крыс, подействовала как стимул на его влечения и вызвала целую серию воспоминаний; так что в тот короткий промежуток времени между рассказом капитана и его требованием о возврате денег, крысы приобрели серию символических значений, к которой, в течение последующего периода, постоянно добавлялись свежие. Я должен сознаться, что могу предложить очень неполное обоснование всего этого. Тем, почему наказание крысами возбудило его больше, чем что либо, был его анальный эротизм, который играл важную роль в его детстве и сохранялся в течение многих лет, через посредство постоянного раздражения, обусловленного глистами. Этим путем крысы приобрели значение "денег". (См. "Характер и анальный эротизм", Character and Culture , Collier Books edition BS 193 V .). Пациент дал указание на эту связь отреагировав на слово "Ratten" ["крысы"] ассоциацией "Raten" ["очередной взнос"]. В своем обсессивном делирии он отчеканил себя в регулярной крысиной валюте. Когда, например, отвечая на его вопрос, я рассказал ему о стоимости часа лечения, он сказал себе (как я узнал шестью месяцами позже), "Насколько много флоринов, настолько много крыс". Мало-помалу он перевел на этот язык целый комплекс денежных интересов, которые центрировались относительно его доли в наследстве отца; иначе говоря, все его идеи, связанные с этим предметом, были, на манер вербального моста "Raten - Ratten", перенесены в его обсессивную жизнь и стали подчинены его бессознательному. Более того, просьба капитана о возврате денег за посылку усилила денежное значение крыс при помощи другого вербального моста "Spielratte", который обратил его к карточному долгу отца.

Но пациент был также знаком с тем, что крысы являются переносчиками опасных инфекционных заболеваний; он мог, таким образом, использовать их как символы своего страха (достаточно оправданного в армии) сифилитической инфекции. Этот страх замаскировал все виды сомнений относительно того образа жизни, который вел его отец во время его военной службы. Также, пенис, сам по себе - носитель сифилитической инфекции; и таким образом он мог рассматривать крысу как мужской половой орган. Это давало следующее основание быть таким озабоченным; так как пенис (особенно детский пенис) может быть легко сравним с глистом, а рассказ капитана был о крысах, вбуравливающихся в чей-то анус, как большой округлый глист в нем, когда он был ребенком. Таким образом, пенисовое значение крыс было основано, еще раз, на его анальном эротизме. И отдельно от этого, крыса - животное грязное, питающееся отбросами и живущее в канализациях. (Если

читатель чувствует соблазн покачать головой от всех этих возможных скачков воображения невротического ума, я могу напомнить ему, что артисты иногда дают себе волю в подобных причудливых фантазиях. Таковы, например, Diableries erotiques Le Poitevin^.). Возможно, не является необходимым обращать внимание на то, каким большим стало расширение исступления крысами благодаря этому новому значению. Например, “настолько много крыс, насколько много флоринов” может служить прекрасной характеристикой определенной женской профессии, которая была ему особенно отвратительна. С другой стороны, определенно, не проблемой беспристрастности является то, что замена крысы на пенис в рассказе капитана результировала в ситуацию совокупления через анус, которая не могла не быть особенно отталкивающей для него, будучи приведена в связь с его отцом и женщиной, которую он любил. А когда мы учтем, что такая же ситуация была репродуцирована в непреодолимую идею, которая сформировалась у него в голове после распоряжения капитана, мы с необходимостью вспомним об особенных проклятиях, распространенных среди южных славян. (Точную терминологию этих проклятий можно найти в периодическом Anthropophyteia, издаваемого F. S. Krauss.). Более того, весь этот материал, и многое кроме него, было соткано в материю крысиных дискуссий, позади скрывающей ассоциации “heiraten” [жениться].

История о наказании крысами, как было продемонстрировано мнением самого пациента и экспрессией его лица, когда он повторял мне ее, разожгла страсти всех его предварительно вытесненных импульсов враждебности, равно как эгоистических и сексуальных. Однако, несмотря на все это богатство материала, свет на смысл его обсессивной идеи не был пролит до тех пор, пока однажды в анализе не всплыла Крыса-Жена из Little Eyolf Ибсена, и стало невозможно избегать вывода, что во многих проявлениях его обсессивного делирия крысы имели еще и иное значение, а именно, значение детей. (Ибсеновская Крыса-Жена определенно должна была происходить от легендарного Пестрого Дудочника Хамелина, который сначала увлек крыс в воду, а потом, таким же образом, выманил детей из города, и они никогда не вернулись обратно. Так, Маленький Eyolf тоже бросился в воду под действием чар Крысы-Жены. В легендах крысы появляются, в основном, не как неприятные создания, но как нечто сверхъестественное - как роковые животные; и обычно используются для представления душ умерших.). Исследования источника этого нового смысла однажды поставили меня перед лицом одного из самых ранних и важных корней. Однажды, когда пациент посетил отцовскую могилу, он заметил большое животное, которое он принял за крысу, проскользнувшую над могилой. (Без сомнения, это была ласка, огромное количество которых развелось в Zentralfriendhof [главное кладбище] в Вене.). Он предположил, что она только что выскочила из могилы отца, где поедала его труп. Это представление неразрывно связалось с тем фактом, что у крысы есть острые зубы, которыми она грызет и кусает. (Сравните со словами Мефистофеля [когда он хочет пройти в дверь, охраняемую магической пентаграммой]: [“Но чтобы магию порога этого преодолеть, Нуждаюсь я в зубах крысиных. (Он вызывает крысу.) Еще удар, и дело сделано!” Гете, Фауст, часть I.]). Но крысы не могут быть острозубыми, жадными и грязными безнаказанно: они жестоко наказываются и безжалостно предаются смерти людьми, что пациент не раз с ужасом наблюдал. Он часто жалел бедных созданий. Но сам он был как такой противный, грязный, маленький негодяй, который склонен бить людей, когда бывает в ярости, и был справедливо наказываем за это. Он был правдивым, говоря, что нашел в крысе “живое сходство с собой”. ([“В надменной крысе видел он С собой живое сходство.” Faust, часть I., Сцена в погребе Ауэрбаха.]). Это было, почти как если бы Судьба, когда капитан рассказал ему историю, подвергла его ассоциативному тестированию: она произнесла “комплексное слово-стимул”, а он отреагировал на него обсессивной идеей.

Соответственно, продолжая, его самым ранним и важным переживаниям, крысы были детьми. В этом месте он высказал информационный отрывок, который он держал отделенным от контекста довольно долго, но который теперь полностью объяснил интерес, который связывал его чувства к детям. Дама, чьим поклонником он был так много лет, но

помыслить жениться на которой он не был никогда способным, была обречена на бездетность по причине гинекологической операции, которая включала удаление обоих яичников. Это, на самом деле - так как он исключительно любил детей - было главной причиной его колебаний.

Только теперь стало возможным понять необъяснимый процесс, посредством которого сформировалась его обсессивная идея. При наличии у нас знания инфантильных сексуальных теорий и символизма (о котором знаем из интерпретации сновидений) проблема в целом может быть истолкована и ей можно придать смысл. Когда, во время дневного привала, капитан рассказал пациенту о наказании крысами, тем сначала овладели враждебность, смешанная со сладострастием нарисованной ситуации. Но сразу после этого установилась связь со сценой из его детства, в которой он сам кого-то побил. Капитан - человек, который защищал подобные наказания - был замещен его отцом и, таким образом, пациент частично утонул в ожившем раздражении, которое вспыхнуло в исходной сцене против враждебного отца. Идея, которая пришла к нему в сознание в этот момент насчет того, что нечто такое может произойти с кем-то, кого он любит, вероятно, была преобразована в желание такое как “с тобой следовало бы такое сделать!”, адресованное рассказчику, но через него и своему отцу. Через полтора дня (Не вечером, как он говорил мне вначале. Практически невозможно, чтобы пенсне, которое он заказал, прибыло в тот же день. Пациент ретроспективно укоротил временной интервал, потому что в этот период установилась решающие ментальные связи, и в этот период был вытеснен имевший место эпизод его беседы с офицером, который сообщил ему о благосклонном отношении к нему молодой девушки с почты.) , когда капитан вручил ему оплаченную посылку с требованием возвратить 3.80 крон лейтенанту А., он уже был осведомлен о том, что его “враждебный начальник” делает ошибку, и что единственным человеком, которому он что-то должен, была молодая девушка на почте. Ему, таким образом, легко могла бы придти в голову какая-нибудь насмешливая реплика, вроде “Еще б я это сделал!?” или “Бабушке своей заплати!” или “Ну конечно! Уж будьте уверены, верну я ему эти деньги!” - ответы, которые не были бы по сути компульсивными. Но вместо этого, из-за взбалтывания отцовского комплекса и оживления в памяти сцены детства у него в голове сформировался такой ответ: ”Да! Я верну деньги А., когда у моего отца или у моей дамы будут дети!” или “То, что я верну ему деньги так же верно, как то, что мой отец или моя дама могут иметь детей!” Короче говоря, ироническое утверждение соединилось с абсурдным условием, которое никогда не могло быть выполнено. (Так абсурдность означает иронию в стилистике обсессивных мыслей также, как это делается в сновидениях. См. З. Фрейд, Толкование сновидений (1900).).

Но теперь преступление было совершено; он оскорбил двух людей, самых дорогих для него - своего отца и свою даму. Деяние вызвало наказание, и взыскание выразилось в том, что он связал себя клятвой, которую невозможно было исполнить и которая повлекла буквальное следование необоснованному требованию начальника. Клятва прозвучала следующим образом: “Теперь ты должен действительно вернуть деньги А.” В этом судорожном послушании он вытеснил свое лучшее знание того, что просьба капитана основывалась на ложной посылке: “Да, ты должен вернуть деньги А., как требует заменитель твоего отца. Твой отец не может ошибаться.” Так же и король не может ошибаться; если он называет своего подданного по титулу, которого у того нет, подданный его тут же получает.

Только лишь смутное представление об этих событиях достигло сознания пациента. Его протест против приказа капитана и его внезапная трансформация в свою противоположность - оба были представлены здесь. Сначала пришла идея, что он не вернет деньги, или это (то есть наказание крысами) случится. И затем произошла трансформация этой идеи в клятву с противоположным эффектом в виде наказания за этот протест.

Давайте, далее изобразим общие условия, при действии которых произошло формирование великой обсессивной идеи пациента. Его либидо, накопленное в течение долгого периода воздержания, связалось благожелательным привечанием, которое молодой офицер всегда учитывал по его получении, находясь среди женщин. Более того, во время его

участия в маневрах, имело место определенное охлаждение между ним и его дамой. Интенсификация либидо склоняла его к возобновлению былой борьбы против отцовской власти и он отважился размышлять о возможности сексуальных отношений с другими женщинами. Его лояльность к отцу слабела, его сомнения относительно достоинств своей дамы возрастали. И в рамке этих чувств он позволил себе вовлечься в оскорбление их обоих и затем наказал себя за это. Делая так, он копировал старую модель. И когда по окончании маневров он так долго колебался, следует ли ему ехать в Вену, или остановиться и исполнить свою клятву, он репрезентировал в одной картине два конфликта, от которых он с самого начала отворачивался - следует ему или не следует оставаться покорным своему отцу и следует ему или не следует оставаться верным своей возлюбленной. (Возможно, небезынтересно отметить, что снова покорность отцу становилась в связь с отказом от дамы. Если бы он прекратил поездку и вернул А. деньги, он совершил бы акт искупления по отношению к отцу и, в то же время бросил бы свою даму, предпочтя ей какую то еще, более привлекательную. В этом конфликте дама победила - при содействии, можно быть уверенным, здравого смысла пациента.) Я могу добавить замечание по интерпретации “санкции”, которая, как мы помним, была результатом того, что “иначе они оба будут подвергнуты наказанию крысами”. Это было обосновано влиянием двух инфантильных сексуальных теорий, которые обсуждались в другой раз. (“О сексуальных теориях детей ”, The Sexual Enlightment of Children, Collier Books dition BS 190V.) . Первая из этих теорий заключается в том, что дети рождаются из ануса; а вторая, логически вытекающая из первой, что мужчины могут рожать детей так же, как и женщины. Следуя техническим правилам интерпретации сновидений, понятие о выходе из прямой кишки может быть представлено в виде противоположного о вползании в прямую кишку (как при наказании крысами) и наоборот.

Мы не можем быть оправданы в своих ожиданиях того, что такие тяжелые навязчивые идеи, как представленная в этом случае, были бы разъяснены более простым образом или иными средствами. Когда мы достигли описанного выше решения, крысиный бред пациента исчез.

II. Теоретическая часть.

(а) Некоторые общие характеристики обсессивных формирований.

(Некоторые из положений, обсуждаемых здесь и в следующей секции, уже упоминались в литературе по обсессивным неврозам, например, в исчерпывающей работе Lowenfeld, Die psyhcischen Zwangsercheinungen, 1904, которая является стандартной по данной форме расстройства.).

В 1896 году я определил обсессивные или компульсивные идеи как “укоры, вырывающиеся из-под действия вытеснения в превращенной форме - укоры, которые неизменно относятся к сексуальным действиям, выполняемым с удовольствием в детстве.” (”Further Remarks on the Defence Neuro-Psychoses,” Early Psychoanalytic Writings, Collier Books edition BS). Это определение теперь представляется мне уязвимым для критики по формальным основаниям, хотя составляющие его элементы не вызывают возражений. Его направленность слишком общая, как будто его моделью является собственная практика обсессивных невротиков, когда, с такой их характерной чертой как предрасположенностью к неопределенности, они скапливают под названием “навязчивые идеи” самые гетерогенные психологические формирования. На самом деле, правильнее было бы говорить об “обсессивном мышлении” и пояснить, что обсессивные структуры могут соотноситься с ментальным актом любого сорта. Они могут различительно быть классифицированы на желания, искушения, импульсы, размышления, сомнения, команды или запрещения.

Пациенты в общем стараются смягчать эти различия и расценивать то, что остается от этих ментальных актов, после того они лишаются своего аффективного индекса, просто как “навязчивые идеи”. Наш пациент дал пример такого типа поведения на одной из первых сессий, когда попытался редуцировать желание до уровня простой “мысленной связи”.

Нужно признать, кроме того, что даже феноменологии обсессивного мышления до сих пор не уделялось должного внимания. В продолжение вторичной защитной борьбы, которую пациент ведет против “навязчивых идей”, прорывающихся в его сознание, появляются психологические формирования (Погрешность моего определения в некоторой степени самоскорректировалась в статье. Следующий отрывок находится там же, на стр. 158: “Воскрешенные воспоминания и самоупреки, ими обоснованные, однако, никогда не появляются в сознании в неизмененной форме. Навязчивая идея и навязчивые аффекты, которые появляются в сознании и занимают место патогенных воспоминаний в сознательной жизни есть компромиссные формирования между вытесняемыми и вытесняющими идеями.” В определении, таким образом, особое ударение ставиться на слова “в превращенной форме.”) , заслуживающие специального названия. (Такова, например, была последовательность мыслей, оккупировавшая ум нашего пациента во время его возвращения с маневров.) Это не вполне разумные умозаключения, появляющиеся в качестве оппозиционных обсессивным мыслям, но как это было, гибриды между двумя разновидностями мышления; они получают качество определенности от обсессий, с которыми борются и, вооруженные причинностью, оказываются, таким образом, патологически обоснованными. Я полагаю, что такие формирования как эти, заслуживают названия “делирий”. Чтобы сделать разницу ясной, я приведу пример, которому следовало бы быть вставленным в его собственный контекст в истории болезни пациента. Я уже описывал безумное поведение, которому он дал возможность проявиться во время подготовки к экзаменам - когда, работая глубокой ночью, он обычно открывал парадную дверь призраку отца, а затем рассматривал свои гениталии через увеличительное стекло. Он пытался обратиться к своим чувствам, спрашивая себя, что бы сказал на это его отец, как если бы тот действительно оставался живым. Но довод не имел успеха, пока выдвигался в рациональной форме. Дурные предчувствия не рассеивались до тех пор, пока он не трансформировал ту же идею в “делириозную” угрозу воздействия о том, что если он когда-либо произведет эту бессмысленную акцию снова, что-то плохое случиться с его отцом в следующем мире.

Разница между первичной и вторичной защитной борьбой, без сомнения, обоснована хорошо, но мы находим ее значение неожиданно заниженным, когда обнаруживаем, что пациенты сами не знают формулировок своих навязчивых идей. Это может звучать парадоксально, но имеет вполне здравый смысл. Когда психоанализ идет вперед, не только пациент собирается с духом, но его расстройство также. Метафорически, случается так, что пациент, который до сих пор с ужасом отводил глаза от своей патологической продукции, начинает замечать ее и получает о ней более ясное и детальное представление. (Многие пациенты настолько сильно отвлекают свое внимание, что они вообще оказываются неспособны сообщить о содержании обсессивной идеи или описать обсессивную акцию, которую они производят снова и снова.).

Существуют, кроме того, два заслуживающих внимания способа, посредством которых может быть получено более точное знание об обсессивных формированиях. В первую очередь, опыт показывает, что обсессивная команда (какая бы она не была), которая в состоянии бодрствования известна только в урезанной или искаженной форме, подобной искаженному телеграфному посланию, может иметь свой действительный текст; на это может быть пролит свет сновидением. Такие тексты появляются в сновидениях в виде речей и они, таким образом, являют собой исключение из правила, согласно которому речи в сновидениях отличаются от речей в реальной жизни. (См. Freud, Die Traumdeutung (1900), Seventh Edition, p. 283.). Во-вторых, при анализе истории болезни, убеждаешься, что, если несколько обсессий сменяют друг друга, то часто - хотя словесно они могут быть и не

идентичны - они суть совершенно одно и то же. От обсессии можно успешно избавиться при ее первом появлении, но она возвращается вторично в искаженной форме и не узнается и может теперь более эффективно удерживаться в защитной борьбе, именно вследствие своей искаженной формы. Но первоначальная форма правильна и она часто демонстрирует свое значение довольно открыто. Когда мы прилагаем все старания к разъяснению непостижимой обсессивной идеи, часто случается так, что пациент информирует нас о том, что именно то представление, желание или соблазн, которые мы придумали, на самом деле появлялись однажды перед тем, как возникла обсессивная идея, но не сохранились впоследствии. К сожалению, нас слишком надолго отвлекло бы, если бы мы привели пример этого из истории пациента.

То, что формально описывается как “обсессивная идея”, представляет, таким образом, в своем искажении первоначальной формулировки, следы первичной защитной борьбы. Это искажение дает возможность ей (формулировке) сохраниться, так как сознательное мышление вынуждено понимать ее превратно, точно как если бы она была сновидением; сновидения также являются продуктами искажения и компромисса, и мы так же превратно понимаем их бодрствующей мыслью. Это превратное понимание со стороны сознательного может быть замечено за работой не только в отношении обсессивных идей как таковых, но также в отношении продуктов вторичной защитной борьбы, таких, например, как защитные формулы. Я могу привести два хороших примера этого. Наш пациент обычно использовал в качестве защитной формулы быстро произносимое “aber” [“но”], сопровождаемое жестом отрицания. Однажды он рассказал мне, что эта формула к настоящему времени изменилась; теперь он произносит не “aber”, а “aber”. Когда я попросил его объяснить причину этого, он заявил, что непроизносимая “e” во втором слоге не дает ему ощущения безопасности от вторжения, которого он так боялся, некоего инородного и неуместного элемента, и, поэтому он решил сделать ударение на “e”. Это объяснение (исключительный пример обсессивного невротического стиля) было, однако, очевидно неадекватно. Самое большее, это можно назвать рационализацией. Правда заключалась в том, что “aber” было аппроксимацией к сходно звучащему “Abwehr” [“защита”], термину, о котором он узнал в ходе наших теоретических дискуссий о психоанализе. Таким образом он нелегитимно и “безумно” приладил лечение для использования в качестве усиления защитной формулы. В другой раз он рассказал мне о своем главном магическом слове, которое было apotropaic против всякого зла; он составил его из начальных букв наиболее мощной и благотворной из его молитв и в его конце накладывал “amen”. Я не могу воспроизвести само слово, по причинам, которые будут немедленно разъяснены. Когда он сообщил мне его, я отметил, что слово было на самом деле анаграммой имени его дамы. Ее имя содержало “s”, и его он поставил последним перед “amen” в конце. Мы можем сказать, что в процессе этого он производил контакт своего “Samen” [“semen”] и женщины, которую любил; в воображении, он, так сказать, мастурбировал с ней. Он сам, однако, никогда не замечал этой очевидной связи; его защитные силы позволяли себе быть одураченными силами вытеснения. Это также хороший пример правила, по которому вещь, отклоняемая с помощью некоторых средств, неизменно находит свой путь, используя те же средства, которыми ее отклоняли.

Я уже замечал, что обсессивные мысли подвергаются искажениям, сходным с теми, которым подвергаются мысли сновидения перед тем, как стать манифестным содержанием сновидения. Техника такого искажения может, таким образом, быть интересна для нас, и ничего не мешает выявить его различные формы посредством толкования и прояснения обсессивных серий. Но здесь снова условия публикации этого случая делают невозможным привести более чем несколько примеров этого. Не все из обсессий пациента были столь сложны по структуре и трудны для толкования, как великая идея о крысах. В некоторых использовалась очень простая техника, а именно - искажение посредством пропуска или эллипсиса (опущение слов, легко подразумеваемых - прим. рус. пер.). Эта техника находит превосходное применение в шутках, но в нашем случае она проделала полезную работу в качестве средства защиты от понимания.

Например, одна из самых старых и излюбленных обсессий пациента, (относящаяся к предостережению или предупреждению) звучала так: “Если я женюсь на даме, с отцом случится какое-то несчастье (в следующем мире).” Если мы вставим промежуточные звенья, пропущенные, но известные нам из анализа, мы получим следующий мысленный ряд: “Если бы мой отец был жив, он пришел бы в такую же ярость по поводу моего замысла, в какую он пришел в сцене моего детства; так что я должен разгневаться на него еще раз и пожелать ему всевозможного зла; и, благодаря всемогуществу моих желаний (Это всемогущество обсуждается в дальнейшем.) эти несчастья будут вынуждены с ним произойти”.

Вот другой пример, объяснение которого может быть произведено заполнением эллипсиса. Это опять-таки нечто вроде предупреждающего или вызывающего воздержание запрещения. У пациента был симпатичная маленькая племянница, которую он очень любил. Однажды ему в голову пришла идея: “Если ты позволишь себе коитус, что-нибудь случится с Эллой” (то есть она умрет). Когда пропуски были восполнены, мы получили: “Всякий раз, когда ты вступаешь в половую связь, даже с незнакомкой, ты не можешь избежать размышления о том, что твоя половая жизнь в браке никогда не принесет тебе детей (по причине стерильности дамы). Это огорчает тебя до такой степени, что ты завидуешь своей сестре на предмет Эллы и ты готов испытывать недобрые чувства к ребенку. Эти импульсы зависти неизбежно приведут к смерти ребенка.” (Пример, содержащийся в другой моей работе, Der Witz (1905), Forth Edition, p. 63, напоминает читателю о способе, которым эта эллиптическая техника используется при построении шуток: “В Вене работал остроумный и драчливый журналист, чьи резкие выпады неоднократно приводили к рукоприкладству со стороны объектов его нападок. Однажды, при обсуждении свежего злодеяния одного из его привычных оппонентов, некто воскликнул: “Если бы X. слышал это, его уши бы снова закрылись...” Кажущаяся абсурдность этой ремарки исчезает, если между главным и придаточным предложениями вставить слова: “Он бы написал такую едкую заметку о том человеке, что и т. д.” - Эта эллиптическая шутка, как мы можем заметить, сходна как по содержанию, так и по форме с первым из приведенных в тексте примеров.). Техника искажения посредством эллипсиса представляется типичной для обсессивных неврозов; я также встречал ее в обсессивных мыслях других пациентов.

Один пример, особенно показательный, представляет специальный интерес в свете его структурной схожести с идеей о крысах. Это был случай сомнений у дамы, которая страдала преимущественно от навязчивых действий. Эта дама пошла со своим мужем на прогулку в Нюрмбург (Nuremburg) и заставила его повести себя в магазин, где накупила товаров для своего ребенка и, среди них, расческу. Ее муж, найдя что шоппинг оказался на его вкус слишком долог, заявил, что он заметил несколько монет в старом антикварном магазинчике по пути сюда, но, который, он беспокоится, может закрыться, добавив, что после того, как он сделает там свою покупку, он вернется и найдет ее в том магазине, в котором они находятся сейчас. Но он отсутствовал, как ей показалось, слишком долго. Когда он вернулся, она поэтому спросила его, где он был. “Да ведь”, ответил он - “В том старом антикварном магазине, о котором я тебе говорил.” В этот момент она почувствовала тревожное сомнение в том, что не обладала ли она, на самом деле, всегда, той расческой, которую она приобрела только что для своего ребенка. Естественно, она была практически неспособна обнаружить простую ментальную связь, которая была задействована. Ничего другого не остается, кроме как расценить ее сомнение как смещенное, и реконструировать полную последовательность бессознательных умозаключений в следующем виде: “Если правда, что ты был только в старом антикварном магазине, если я действительно этому верю, то я точно также могу поверить, что расческа, которую я купила только что, была у меня долгие годы.” Здесь, таким образом дама провела насмешливые и иронические параллели, как и наш пациент, когда он думал: “О, да, тогда же, когда эти двое (его отец и дама) будут иметь детей, я верну деньги лейтенанту А.” В случае дамы ее сомнение зависело от ее бессознательной ревности, которая привела ее к предположению, что ее муж провел любовную интригу за время своего отсутствия.

Я не буду пытаться в этой статье обсуждать психологическое значение обсессивного мышления. Результаты такой дискуссии должны были бы иметь экстраординарное значение и сделать большее для прояснения наших идей о природе сознательного и бессознательного, чем любое изучение истерии или феномена гипноза. Наиболее желательно было бы, если бы философы и психологи, которые развивают выдающиеся теоретические взгляды на бессознательное, основанные на слухах или исходя из их собственных конвенциональных убеждений, сначала бы подверглись убеждающим впечатлениям, которые могут быть получены при изучении феномена обсессивного мышления из первых рук. Мы могли бы почти осмелиться потребовать этого от них, если бы задача не была бы такой настолько более трудоемкой, чем те методы работы, к которым они приучены. Я лишь добавлю здесь, что при обсессивных неврозах бессознательные ментальные процессы случайно прорываются в сознание в своей чистой и неискаженной форме, что такие вторжения могут иметь место на всевозможных стадиях процесса бессознательного мышления, и, что в момент вторжения обсессивные идеи могут, по большей части быть распознаны как формации очень длительного существования. Это объясняет то замечательное обстоятельство, что когда аналитик старается с помощью пациента открыть случай первого появления обсессивной идеи, пациент вынужден помещать его все дальше и дальше в прошлое по мере анализа и он постоянно находит свежие “первые” случаи появления обсессии.

(б) Некоторые психологические особенности обсессивных невротиков: их отношение к реальности, сверхъестественному и смерти

В этой секции я намерен рассмотреть вопрос о некоторых ментальных характеристиках обсессивных невротиков, которые, хотя и не кажутся важными им самим, тем ни менее, лежат на пути к пониманию более важных вещей. Они были резко очерчены у нашего пациента; но я считаю, что они не были определяющими в его индивидуальном характере, но в его расстройстве, и что они с достаточным однообразием встречаются у других обсессивных пациентов.

Наш пациент был в высокой степени суеверен и это несмотря на то, что он был высокообразованный и просвещенный человек значительной проницательности и, несмотря на то, что он временами был способен уверить меня, что не верит ни одному слову из всей этой чепухи. Таким образом, он был одновременно и суеверен и не суеверен; и имелось ясное различие между его отношением и суевериями необразованных людей, которые чувствуют себя в согласии со их верой. Казалось, он понимал, что его суеверие зависело от его обсессивного мышления, хотя временами он давал ему полную свободу. Смысл этого непостоянного и нерешительного поведения может быть понят наиболее легко, если мы будем расценивать его в свете гипотезы, к изложению которой я сейчас перехожу. Я не колеблюсь в предположении, что правда была не такова, что пациент все еще имел широкий взгляд на этот предмет, а такова, что у него было два разделенных и противоречивых убеждения по этому поводу. Его колебания между этими двумя точками зрения очевидно зависели от его сиюминутной позиции в определенный момент его обсессивного невроза. Коль скоро он брал верх над одной из тех обсессий, он обычно презрительно улыбался в превосходящей манере над своим собственным легковерием; и ему не приходило в голову ничего, что могло бы рассчитывать поколебать его твердость; но тут же он оказывался под властью другой обсессии, которая не была еще прояснена - или, что равнозначно одному и тому же явлению сопротивления - самые удивительные совпадения могли случаться для того, чтобы поддержать его в его легковерии.

Его суеверия были, тем ни менее, суевериями образованного человека, и он избегал таких вульгарных предрассудков, как страх Пятницы или числа 13 и т. д. Но он верил в предчувствия и в пророческие сны; он постоянно встречал тех людей, о которых, по какой-то

необъяснимой причине только что думал; или он получал письмо от кого-то, кто неожиданно приходил к нему в голову после многолетнего забвения. В то же самое время он был достаточно честен - или, скорее, достаточно лоялен к своему формальному убеждению - не иметь забытых примеров того, когда самые необыкновенные плохие предзнаменования не приводили ни к чему. Однажды, например, когда он уехал на летние каникулы, то почувствовал, что фактически наверняка ему в Вену живым не вернуться. Он также замечал, что подавляющее большинство его предчувствий относились к вещам, которые не были важны для него лично, и, что когда он встречал знакомого, о котором он до нескольких мгновений перед встречей не думал очень долгое время, ничего более не происходило между ним и сверхъестественным появлением. И он, естественно, не мог отрицать, что все важные события его жизни происходили без того, что у него было какое-либо предчувствие их, и, что, например, смерть отца, была для него полной неожиданностью. Но подобные аргументы не оказывали влияния на противоречия в его убеждениях. Они лишь служили поддержкой обсессивной природе его суеверий и это могло быть выведено уже из путей и способов, которыми они приходили и уходили при возрастании или снижении его сопротивления.

Я, разумеется не занимал позиции такой, чтобы давать рациональное объяснение всем этим сверхъестественным историям его отдаленного прошлого. Но относительно похожих событий, которые происходили с ним во время лечения, я мог доказать ему, что он неизбежно прикладывал руку к производству этих сверхъестественных событий и был способен указать ему на методы, которые он использовал. Он действовал посредством косвенного видения и чтения, забывания, ошибок памяти. В конечном счете, он сам обычно помогал мне раскрывать эти маленькие трюки и ловкость рук, с помощью которых эти чудеса происходили. Я могу упомянуть об одном интересном детском корне его веры в то, что плохие предзнаменования и предчувствия оправдываются. Свет на это был пролит его воспоминанием о том, что очень часто, когда дата чего-либо была назначена, его мать говорила так: “Я не смогу в такой-то день. Мне должна буду тогда остаться в постели.” И действительно, когда день, о котором идет речь, наступал, она неизменно оставалась в постели!

Не может быть никакого сомнения в том, что пациент чувствовал нужду найти переживания такого сорта, которые действовали в качестве реквизита для его суеверия, и что это происходило по той же причине, по какой он занимал себя так много необъяснимыми совпадениями каждодневной жизни, с которыми мы все знакомы, и скрывал их дефекты своей бессознательной активностью. Я сталкивался с такими же потребностями у многих других обсессивных пациентов и подозревал их присутствие у многих, кроме них. Это кажется легко объяснимым в свете психологических особенностей обсессивных неврозов. При этих расстройствах, как я уже объяснял, вытеснение действует не посредством амнезии, а при помощи разрыва причинных связей, осуществляемого удалением аффекта. Эти вытесненные связи, по-видимому, сохраняются в некоторой смутной форме (которую я везде сравниваю с entoptic (внутреннее зрение ?) перцепцией), (Zur Psychopathologie des Alltagslebens (1905), Tenth Edition , p . 287.) и затем перемещаются, посредством процесса проекции, во внешний мир, где они удостоверяют то, что было вычеркнуто из сознания.

Другая психическая потребность, которая также разделяется обсессивными невротиками и которая в некоторых отношениях родственна только что упомянутой, есть потребность в неопределенности в их жизни, или в сомнении. Исследование этой характеристики ведет к глубокому изучению инстинкта. Создание неопределенности - один из способов, используемых неврозом для отвлечения пациента от реальности и изоляции его от мира, которые являются одними из целей любого психоневротического расстройства. Очень и очень явными становятся усилия, предпринимаемые пациентами для того, чтобы быть способными избежать определенности и оставаться в сомнении. Некоторые из них, в самом деле, живо выражают эту тенденцию в нелюбви ко всякого рода часам (за то, что они, по крайней мере делают определенным дневное время) и в бессознательных изобретениях, которые они используют для того, чтобы обезвредить действие этих удаляющих сомнение

устройств. Наш пациент развил особый талант для избегания знания о любом факте, который мог бы помочь ему в разрешении его конфликта. Так, он игнорировал проблемы, относящиеся к его даме, которые были наиболее релевантны вопросу женитьбы: он был мнимо неспособен сказать, кто ее оперировал, и была ли операция унилатеральной или билатеральной. Он был вовлечен в припоминание того, что он забыл и в нахождение того, что он проглядел.

Склонность обсессивных невротиков к неопределенности и сомнению приводит к тому, что предпочитаемыми предметами их мышления оказываются те, в отношении которых все человечество находится в состоянии неопределенности, и в отношении которых наши знания и суждения должны с необходимостью оставаться открытыми для сомнения. Основными предметами этого сорта являются происхождение по отцу, продолжительность жизни, жизнь после смерти и память, в отношении которых мы все находимся в состоянии верования, без наличия малейшей гарантии их истинности. (Как говорит Лихтенберг (Lichtenberg): "Астроном знает, населена ли луна или нет приблизительно с такой же степенью определенности, с которой он знает, кто был его отец, но не с такой большой, с какой он знает, кто была его мать." Цивилизация сделала огромный шаг вперед, когда мужчины решили располагать свои заключения а одном уровне со своими чувственными свидетельствами и сделали шаг от матриархата к патриархату.(?) - Предисторические рисунки, на которых изображены меньшая персона на голове большей, репрезентируют происхождение по отцу; у Афины не было матери, она произошла из головы Зевса. Свидетель, который дает показания в пользу чего-либо перед судом, пока еще называется "Zeuge" [литературно, "отец"] в Германии, по роли, сыгранной мужчиной в акте произведения потомства; также, в иероглифическом письме слово "свидетель" изображается мужскими гениталиями.).

При обсессивных неврозах неопределенность памяти используется наиболее полно в пользу симптомообразования; и мы узнаем о прямой роли, играемой в актуальном содержании мыслей пациента вопросов о продолжительности жизни и жизни после смерти. Но в качестве подходящего перехода я сначала рассмотрю одну сверхъестественную особенность нашего пациента, на которую я уже ссылался, и которой, без сомнения, был озадачен более чем один из моих читателей.

Я говорю о всемогуществе, которое он приписывал своим мыслям, чувствам и желаниям, добрым или злым. Я должен допустить, что, бесспорно соблазнительно объявить эту идею бредовой и превышающей пределы обсессивных неврозов. Я, однако, наблюдал такое же убеждение у другого обсессивного пациента; и тот давно выздоровел и ведет нормальную жизнь. В самом деле, все обсессивные невротики ведут себя так, как будто они разделяют это убеждение. Нашей задачей будет пролить свет на переоценку этими пациентами их возможностей. Принимая, без дальнейших церемоний, что эта вера есть открытое подтверждение пережитка старой мегаломании детства мы приступим к опросу пациента на предмет поиска оснований его убеждения. В ответ, он приводит два случая. Когда он повторно прибыл в водолечебницу, где его расстройство облегчилось в первый и единственный раз, он попросил, чтобы ему дали его старую комнату из-за ее расположения, облегчающего его отношения с одной из сестер. Ему сказали, что комната уже занята старым профессором. Эта новость существенно ухудшала перспективы успешного лечения и он отреагировал на нее зловредной мыслью: "Да чтоб его за это насмерть пристукнуло !" Через две недели он пробудился ото сна из-за того, что его потревожило представление о трупе; и утром он услышал, что с профессором действительно случился удар, и он был переведен в свою комнату почти сразу же после того как проснулся. Второе переживание относилось к незамужней женщине, немолодой, хотя и с сильным желанием быть любимой, которая обращала на наго большое внимание и однажды резко спросила его, не мог бы он ее полюбить. Он дал ей уклончивый ответ. Несколькими днями позже он услышал, что она выбросилась из окна. Он затем стал упрекать себя и говорил себе, что в его власти было спасти ее, дав ей его любовь. Таким образом он убедился во всемогуществе своей любви и

своей ненависти. Не отрицая всемогущества любви, мы можем обратить внимание на то, что оба этих примера были связаны со смертью, и мы можем принять ясное объяснение, что как и другие обсессивные невротики, наш пациент был вынужден переоценить влияние своих враждебных чувств на внешний мир, потому что большая часть их внутреннего, психического влияния избегала его сознательного знания. Его любовь - или, скорее, его ненависть, была, на самом деле, сверхсильной; это именно они порождали обсессивные мысли, источник которых он не понимал и против которых он тщетно боролся, защищая себя. ((Additional Note, 1923.) - Всемогущество мыслей или, точнее говоря, желаний было до сих пор признано как существенный элемент психической жизни примитивных народов. (См. Тотем и Табу).)

Наш пациент имел весьма особенное отношение к вопросу смерти. Он выказывал глубочайшую симпатию по отношению к кому-либо, кто умирал и набожно посещал похороны; так что у своих братьев и сестер он заработал кличку “птица дурной приметы (bird of ill omen)”. (В оригинале “Leichenvogel”, литературно “трупная птица”. - Англ. пер.]). В своем воображении, также, он постоянно избавлялся от людей с тем, чтобы выражать свою сердечную симпатию лишившимся их родственникам. Смерть старшей сестры, которая произошла, когда ему было от трех до четырех лет, играла огромную роль в его фантазиях и была поставлена в тесную связь с его детским проступком того периода. Мы знаем, более того, какие в ранние годы мысли о смерти отца занимали его ум и мы можем расценить его болезнь саму по себе как реакцию на то событие, в отношении которого он чувствовал обсессивное желание пятнадцатью годами раньше. Странное расширение его обсессивных страхов на “следующий мир” было ничем другим, кроме как компенсацией за все эти пожелания смерти, которые он переживал по отношению к своему отцу. Оно появилось через 18 месяцев после смерти отца, в то время, когда его грусть по поводу потери оживилась и оно было предназначено - вопреки реальности и вопреки желанию, которое перед этим проявлялось в фантазиях любого типа - уничтожить факт смерти отца. У нас была возможность в нескольких местах перевести фразу “в следующем мире” словами “если бы мой отец был еще жив”.

Но поведение других обсессивных невротиков не сильно отличается от поведения нашего пациента, хотя бы даже судьба не сводила их лицом к лицу с феноменом смерти в такие ранние годы. Их мысли неуместно оказывались занятыми продолжительностью жизни других людей и возможностью смерти; их склонности к суеверию не имели, прежде всего, никакого иного содержания и, возможно, никакого другого источника. Но эти невротики нуждались в помощи возможности смерти главным образом потому, что она могла действовать как разрешение конфликтов, которые они оставляли неразрешенными. Их существенная черта такова, что они неспособны придти к решению, особенно в вопросах любви. Они пытаются откладывать любое решение и, в своих сомнениях, ради какого человека они примут решение или какие меры они предпримут против человека, они вынуждены выбирать для себя модель старых немецких судов, в которых процесс обычно подходил к концу прежде вынесения решения по причине смерти одной из сторон. Так, в каждом конфликте, который вторгается в их жизнь они находятся настороже смерти кого-то, кто важен для них, обычно кого-то, кого они любят - такого, как один из родителей, или конкурента, или одного из объектов их любви, между которыми колеблются их склонности. Но в этой точке наше обсуждение комплекса смерти при обсессивных неврозах затрагивает проблему инстинктивной жизни обсессивных невротиков. И к этой проблеме мы должны сейчас обратиться.

(в) Инстинктивная жизнь обсессивных невротиков и источник компульсий и сомнений

Если мы желаем приобрести понимание о взаимодействии психологических сил,

которое создало этот невроз, мы должны снова обратиться к тому, что мы узнали от пациента по поводу причин, вызывавших его заболевание как при созревании так и в детстве. Он заболел на третьем десятке, столкнувшись с искушением жениться на женщине, вместо той, которую так долго любил; и он избежал разрешения этого конфликта, отложив все необходимые подготовительные мероприятия. Основание так поступить было предоставлено ему его неврозом. Его колебание между дамой, которую он любил и другой девушкой может быть редуцировано к конфликту между влиянием на него его отца и его любовью к своей даме или, другими словами, к конфликтному выбору между своим отцом и своим сексуальным объектом, таким, который уже существовал (судя по его воспоминаниям и обсессивным идеям) в далеком его детстве. Всю свою жизнь он был очевидной жертвой конфликта любви и ненависти, как в отношении дамы, так и в отношении отца. Его фантазии мщения и такой обсессивный феномен, как его обсессия понимания и его обращение с камнем на дороге свидетельствуют о его дискордантных чувствах; и они были в определенной степени понятными и нормальными в отношении дамы в свете ее первоначального отказа и последующей холодности, дававших ему некоторое оправдание для враждебности. Но его отношения с отцом также находились под властью похожего разногласия чувств, как мы это видели исходя из нашего толкования его обсессивных мыслей; и его отец также должен был предоставить ему оправдание за враждебность в детстве, как и, в самом деле, мы оказались способны установить почти бесспорно. Его отношение к даме - сплав нежности и враждебности - достиг высокой степени в пределах возможностей его сознательного понимания; самое большее, он вводил себя в заблуждение относительно степени и силы своих негативных чувств. Но его враждебность к отцу, напротив, хотя однажды он остро осознал ее, с тех пор надолго скрылась от его знания и, только лишь наперекор ожесточеннейшему сопротивлению она смогла быть привнесена обратно в его сознание. Мы можем расценивать вытеснение его инфантильной ненависти к отцу как событие, которое поставило всю его последующую карьеру под власть невроза.

Чувственные конфликты нашего пациента, которые мы перечисляли отдельно, не были независимы друг от друга, но связаны попарно. Его ненависть к даме неизменно соединялась с преданностью отцу и, наоборот, ненависть к отцу - с привязанностью к даме. Но два чувственных конфликта, которые мы получили в результате этого упрощения - а, именно, противоположности между его отношением к отцу и его отношением к даме, и противоречия между любовью и ненавистью внутри каждого из этих отношений - не имеют никакой другой связи друг с другом, кроме как по их содержанию или по их источнику. Первый из этих двух конфликтов относится к нормальному колебанию между мужчиной и женщиной, которое характеризует выбор объекта любви для каждого. Это первое, к чему привлекается внимание ребенка освященным веками вопросом: “Кого ты любишь больше, папу или маму?” и это сопровождает его через всю его жизнь, какой бы не была относительная интенсивность его чувств к обоим полам или какой бы не была его сексуальная цель, на которой он в конце концов фиксируется. Но в норме эта оппозиция скоро теряет характер жесткого противоречия, неумолимого “либо”-”пибо”. Для удовлетворения неравноценных требований обеих сторон находится место, хотя даже у нормального человека более высокая оценка одного пола контрастирует с обесцениванием другого.

Другой конфликт, между любовью и ненавистью, производит на нас впечатление более необычного. Мы знаем, что зарождающаяся любовь часто ощущается как ненависть и, что любовь, если она отрицает удовлетворение, может быть частично превращена в ненависть, а поэты рассказывают нам, что в наиболее страстных любовных фазах два противоположных чувства могут существовать рука об руку некоторое время, как бы соперничая друг с другом. Но хроническое сосуществование любви и ненависти, и направленное на одного человека и высочайшей интенсивности, не может не удивлять. Мы должны были бы ожидать, что страстная любовь давно бы победила ненависть или была бы поглощена ею. И, на самом деле, такое длительное выживание двух противоположностей возможно лишь только при вполне определенных психологических условиях и при сотрудничестве с бессознательной

стороной. Любовь не достигает успеха в уничтожении ненависти, а, только лишь, в изгнании ее в бессознательное; а в бессознательном, ненависть, спасенная от опасности быть разрушенной сознанием, может существовать и даже расти. В таких условиях сознательная любовь достигает, как правило, путем реакции, особенно высокой степени интенсивности для того, чтобы быть достаточно сильной для вечной работы по удержанию своего оппонента под вытеснением. Необходимым условием для случая такого необычного положения дел в любовной жизни человека представляется следующее - в очень ранние годы, где-то в доисторическом периоде его детства, две противоположности должны были быть разделены и одна из них, обычно ненависть, должна быть вытеснена. (Сравните с дискуссией по этому поводу на одной из первых сессий (стр.10). - (Additional Note, 1923.) Блейлер (Bleuier) впоследствии ввел подходящий термин "амбивалентность" для описания такой эмоциональной констелляции.).

Если мы рассмотрим случаи анализа обсессивных невротиков, мы найдем, что невозможно избежать впечатления, что отношения между любовью и ненавистью такие, которые мы обнаружили у настоящего нашего пациента - среди наиболее часто встречающихся, наиболее заметных и, вероятно, таким образом, наиболее важных характеристик обсессивных неврозов. Но, хотя может оказаться заманчивым поставить проблему "выбора невроза" в зависимость от инстинктивной жизни, существует достаточно причин, для избегания такого курса. Ибо мы должны помнить, что при каждом неврозе мы наталкиваемся на те же подавленные влечения за симптомами. К тому же, ненависть, удерживаемая в подавленном состоянии в бессознательном любовью, играет огромную роль в патогенезе паранойи и истерии. Мы знаем слишком мало о природе любви для того, чтобы быть в состоянии достигнуть здесь какого-либо определенного заключения; и, в частности, связь между негативным фактором (Alcibiades говорит словами Сократа в Symposium : " Many a time have I wished that br were dead , and yet I know that I should be much more sorry than glad if be were to die : so that I am at my wits ' end " [Jowett ' s Translation].) в любви и садистическими компонентами либидо остается совершенно неясной. Следующее, таким образом, можно расценить как не более, чем предварительное объяснение. Мы можем предположить тогда, что в случаях бессознательной ненависти, по поводу которой мы заинтересованы со стороны садистических компонентов любви, были, по конституциональным причинам, исключительно сильно развиты и, следовательно, подверглись преждевременному и слишком массированному вытеснению и, что невротический феномен, который мы здесь рассматриваем, вырос, с одной стороны, из сознательного чувства привязанности, которое было реактивно преувеличено и, с другой стороны, из садизма, удерживающегося в бессознательном в форме ненависти.

Но как-бы это примечательное отношение между любовью и ненавистью не было объяснено, его наличие, вне всякого сомнения, обосновано наблюдениями, изложенными в данной работе; и доставляет удовлетворение убедиться, насколько легко мы теперь можем следовать загадочным процессам обсессивного невроза, приводя их в отношение с этим фактором. Если интенсивная любовь противостоит почти равной по силе ненависти и, в то же самое время, неразрывно связана с ней, необходимым следствием определенно будет частичный паралич воли и неспособность придти к решению по поводу любых из тех акций, которым любовь должна придавать побудительную силу. Но эта нерешительность не ограничивается только лишь одной ограниченной группой действий. Ибо, во-первых, какие из действий любовника лежат вне отношений с его ведущим мотивом? А, во-вторых, позиция мужчины в сексуальных вопросах имеет силу стереотипа, к которому склонны приспосабливаться остальные его реакции. И, в-третьих, неотъемлемой характеристикой психологии обсессивного невротика является склонность к наиболее полному использованию механизма смещения. Таким образом, паралич его способности к принятию решений постепенно распространяется на все поведения пациента.

И здесь мы наблюдаем доминирование компульсии и сомнения такие же, какие мы встречали в психической жизни обсессивных невротиков. Сомнение аналогично внутренним

восприятием пациента своей собственной нерешительности, которая, вследствие замедления его любви его ненавистью, овладевает им в преддверии любого мотивированного действия. Сомнение - на самом деле есть сомнение в его собственной любви, которая должна быть самой определенной вещью его ума; а оно оказывается распространенным на все вообще и, особенно склонно смещаться на самое незначительное и тривиальное. (Сравните использование “представления банальным” как техники производства шуток. Freud , Der Witz (1905), Fourth Edition , p . 65.). Человек, который сомневается в своей любви, может или, скорее, должен сомневаться в любой мелочи. (Так , в любовных стихах Гамлета к Офелии : Doubt thou the stars are fire; Doubt that the sun doth move; Doubt thruth to be a liar; But never doubt I love.”).

Это то же сомнение, которое ведет пациента к неопределенности в его защитных мерах, и к его постоянному повторению их для того, чтобы изгнать эту неопределенность; и это то же сомнение, которое, в конечном счете влечет за собой то, что защитные действия пациента становится невозможно завершить также, как и его исходно замедленную решительность в его любви. В начале моих исследований меня привело к предположению о другом и более общем источнике неопределенности обсессивных невротиков и тех, кто представляются более близкими к норме. Если, например, в то время как я пишу письмо, кто-то прерывает меня вопросом, я потом почувствую вполне законную неуверенность по поводу того, что могло оказаться ненаписанным из-за того, что меня прервали и, для уверенности я буду вынужден перечитать письмо после того, как его закончу. Таким же образом я могу предположить, что неуверенность обсессивных невротиков, когда они, например, молятся, обусловлена бессознательными фантазиями, которые постоянно смешиваются с их молитвами и прерывают их. Эта гипотеза корректна, но она может быть легко согласована с нашим более ранним утверждением. Верно, что неуверенность обсессивных невротиков в том, помогают ли им защитные мероприятия, обусловлена прерывающим эффектом бессознательных фантазий; но содержание этих фантазий диктуется прямо противоположным импульсом - тем, который и был целью того, что молящийся хотел отвратить. Это очевидно было засвидетельствовано у нашего пациента в одном случае, когда прерывающий элемент не остался бессознательным, а проявился открыто. Словами, которые ему требовалось использовать в молитвах, были: “Да защитит ее господь”, но враждебное “не” внезапно устремлялось из бессознательного и вставлялось в предложение; и он понимал, что это была попытка проклятия. Если “не” оставалось непроизнесенным, он находил себя в состоянии неопределенности и ему следовало продолжать молиться неопределенно долго. Но как только оно артикулировалось, он немедленно прекращал молитву. Перед тем, как поступать так, он, однако, как и другие обсессивные пациенты, пробовал различные способы для предотвращения проникновения противоположного чувства. Он, например, сокращал молитвы или произносил их быстрее. И, похожим образом, другие пациенты пытаются “изолировать” все такие защитные акты от других вещей. Но никакая из этих технических процедур не помогает надолго. Если импульс любви достигает какого -то успеха, смещаясь на некое тривиальное действие, импульс враждебности скоро последует за ним в его новую область и опять продолжит отменять все то, что было сделано.

И когда обсессивный пациент дотрагивается до слабого места в надежности нашей психической жизни - до недостоверности нашей памяти - его обнаружение позволяет ему расширить свои сомнения на все, даже на действия, которые уже были проделаны и которые так долго оставались без связи с комплексом любви-ненависти и было это давным-давно. Я могу припомнить случай с женщиной, которая только что купила расческу для своей маленькой дочери в магазине, и ставши подозрительной в отношении мужа, начала сомневаться в том, что не обладала ли она этой расческой давно. Говорила ли эта женщина не прямо: “Если я могу сомневаться в твоей любви” (и это было лишь проекцией ее сомнения в своей собственной любви), “тогда я могу сомневаться в этом тоже, тогда я могу сомневаться во всем” - таким образом свидетельствуя нам о скрывающем значении невротического сомнения?

С другой стороны, компульсия есть попытка компенсации сомнения и исправления непереносимого состояния заторможенности, о котором свидетельствует сомнение. Если пациент, при помощи смещения, достигает, наконец, успеха к приведению одного из своих заторможенных намерений к решению, то намерение должно быть доведено до конца. Верно, что это намерение не совпадает с первоначальным, но блокированная энергия последнего не может упустить возможность найти выход для своей разрядки в замещающем действии. Так, эта энергия делает себя ощущаемой теперь в командах и в запрещениях соответственно тому, любовный импульс или враждебный захватывает контроль над путем, ведущим к разрядке. Если случается, что компульсивная команда не может быть исполнена, напряжение становится непереносимым и переживается пациентом в виде экстремальной тревоге. Но путь, ведущий к замещающему действию, даже если смещение было совершено на что-то незначительное, столь страстно оспаривается, что такое действие может быть завершено только в форме защитного мероприятия, тесно ассоциированного именно с тем импульсом, который оно должно отвратить.

Более того, посредством чего-то вроде регрессии подготовительные акты заменяют конечное решение, мышление заменяет действие, и, вместо замещающего действия некая мысль, предварительная ему, заявляет о себе со всей силой компульсии. Соответственно тому, является ли эта регрессия более или менее заметной, случай обсессивного невроза будет представлен характеристиками обсессивного мышления (обсессивными идеями) или обсессивного действия в более узком смысле слова. Истинные обсессивные действия, такие как эти, однако, становятся возможными только потому, что они устанавливают способ согласования в форме компромисса между двумя антагонистическими импульсами. У обсессивных действий имеется тенденция приближаться все больше и больше - и, по мере того, как длится расстройство, все более явным это становится - к инфантильным сексуальным действиям онанистического характера. Так при этой форме невроза любовные действия завершаются несмотря ни на что, но только при помощи нового вида регрессии; теперь такие действия больше не относятся к другому человеку, объекту любви или ненависти, но теперь это - аутоэротические действия, такие, какие встречаются в детстве.

Первый вид регрессии, тот который от действия к мышлению, облегчается другим фактором, связанным со становлением невроза. Истории обсессивных пациентов почти всегда обнаруживают раннее развитие и преждевременное вытеснение сексуального влечения разглядывания и узнавания (скоптофилический и эпистемофилический инстинкт); и, насколько нам известно, часть инфантильной сексуальной активности пациента управлялась этим влечением. (Очень высокое среднее значение интеллектуального уровня обсессивных пациентов, вероятно также связано с этим фактом.).

Мы уже отмечали важную роль, которую играет садистический инстинктивный компонент в генезисе обсессивных неврозов. Там, где эпистемофилическое влечение является преобладающей чертой конституции обсессивного пациента, размышление становится основным симптомом невроза. Мыслительный процесс сам по себе становится сексуализированным, так что сексуальное удовольствие, которое в норме относится к содержанию, становится смещенным на сам по себе мыслительный акт, и удовольствие, извлекаемое от достижения завершения мысленной цепочки, переживается как сексуальное удовлетворение. При различных формах обсессивного невроза, в которых задействован эпистемофилический инстинкт, его отношение к мыслительным процессам делает его особенно хорошо адаптированным к привлечению энергии, которая тщетно пытается проложить путь по направлению к действию, и отклоняет ее в мыслительную сферу, где существует возможность получения приемлемого удовольствия другого сорта. На это пути, с помощью эпистемофилического влечения, замещающее действие может, в свою очередь, быть замещено подготовительными мысленными действиями. А промедление в действии скоро замещается замедлением в мышлении, и постепенно целый процесс, со всеми своими особенностями, переносится в новую сферу, также как в Америке целый дом иногда может быть перемещен с одного места на другое.

Я могу теперь отважиться, на основании предваряющего обсуждения и продолжительного поиска, определить психологические характеристики, которые придают плодам обсессивного невроза их “обсессивное” или компульсивное качество. Мыслительный процесс является обсессивным или компульсивным, когда ,вследствие замедления (обусловленного конфликтом противоположных импульсов) на моторном окончании психического аппарата, он предпринимается с растратой энергии, которая (как в отношении количества, так и качества) в норме предназначена исключительно для действий; или, другими словами, обсессивным или компульсивным является такое мышление, функция которого заключается в регрессивном представлении действия. Никто, я полагаю, не оспорит моего предположения о том, что процессы мышления обыкновенно связаны (по экономическим причинам) с меньшими перемещениями энергии, вероятно, на более высоком уровне, чем действия, направленные на разрядку аффекта или на преобразование внешнего мира.

Обсессивная мысль, которая втиснулась в сознание с таким чрезмерным усилием в последующем должна быть защищена от усилий сознательного мышления по ее разгадке. Как мы уже знаем, эта защита предоставляется отклонением, которое обсессивная мысль предпринимает перед тем, как стать сознательной. Но это не только средство обеспечения. Дополнительно, каждая отдельная обсессивная идея почти неизменно удаляется из ситуации, в которой она зародилась и, в которой, несмотря на ее отклонение, она может быть легко понята. Глядя с этой стороны, прежде всего между патогенной ситуацией и обсессией, которая из нее выросла вставляется временной интервал для того, чтобы сбить с пути любое сознательное исследование ее причинных связей; а во вторую очередь содержание обсессии изымается из своего специфического контекста при помощи генерализации. Примером этого у нашего пациента является “обсессия понимания. Но, возможно, лучший пример предоставлен другим пациентом. Это была женщина, которая запрещала себе носить любой тип личных украшений, хотя побудительный мотив запрещения был связан лишь с одним определенным украшением: она завидовала своей матери за обладание им и надеялась, что однажды она унаследует его. Наконец, если мы позаботимся отделить вербальное отклонение от отклонения содержания, обнаружится еще одно средство, при помощи которого обсессия защищается от сознательных попыток разрешения. Это выбор неопределенного или двусмысленного словесного оформления. После запутывания формулировка может найти свой способ выражения в “бреде”, и, какие бы последующие процессы развития или замещения не предпринимала его обсессия, она будет основана на недоразумении а не на правильном смысле. Наблюдение покажет, однако, что бред постоянно тендирует к образованию новых связей с той частью проблемы и выражения обсессии, которая не представлена в сознании.

Я бы хотел вернуться назад к инстинктивной жизни невротиков и добавить еще одно замечание. Оказалось, что наш пациент, вкупе со всеми его остальными особенностями, был ренифлер (или осфресиоланьяк). По его собственным словам, будучи ребенком, он узнавал каждого по его запаху, как собака; и даже когда он вырос, он оставался более чувствителен к запахам, чем большинство людей. (Я могу добавить, что в детстве он был подвержен сильному копрофилическому пристрастию.). Я встречал эту особенность у других невротиков, как у истерических, так и у обсессивных пациентов и узнал, что тенденция к осфресиолании, угасшей с возрастом, может играть роль в генезисе неврозов. (Например, при некоторых формах фетишизма.). И здесь я бы хотел поднять общий вопрос о том, а не принимала ли атрофия нюха (которая была неизбежным результатом приведения человека в положение прямохождения) и последующее органическое подавление его осфресиолании участие в его изначальной чувствительности к нервному расстройству. Это может предоставить нам некоторые объяснения того, почему по мере продвижения цивилизации именно сексуальной жизни уготовано стать жертвой подавления. Ибо мы имеем хорошо известную в организации животных тесную связь между сексуальным инстинктом и функцией обонятельного органа.

Завершая эту работу, я могу выразить надежду, что, хотя мое сообщение является во всех отношениях неполным, он может, по крайней мере, стимулировать других исследователей пролить больше света на обсессивные неврозы при помощи более глубокого изучения предмета. То, что характерно для этого невроза - то, что отделяет его от истерии - не находится в инстинктивной жизни, но в психологических отношениях. Я не могу оставить моего пациента без выражения в этой работе своего впечатления, что он был, так сказать, разделен на три личности: а именно, на одну бессознательную и две предсознательные, между которыми его сознание могло колебаться. Его бессознательное включало те из его импульсов, которые были подавлены в ранние годы и которые могут быть описаны как страстные или злобные. В своем нормальном состоянии он был добрым, веселым и чувствительным - просвещенный и превосходный человеческий тип, в то время как в своей третьей психологической организации он платил дань суеверию и аскетизму.

Так он был способен иметь три разных группы убеждений и три разных взгляда на жизнь. Эта вторая предсознательная личность содержала, главным образом, реактивные образования против его вытесненных желаний, и легко было предвидеть, что она должна была бы поглотить нормальную личность, если бы болезнь продлилась намного дольше. Сейчас у меня есть возможность изучить даму, тяжко страдающую от обсессивных актов. Она сходным образом разделилась на беспечно-веселую и живую личность и на чрезвычайно мрачную и аскетичную. Первую из них она использует как официальное Ego, в то время как на самом деле, она находится под властью второй. Обе эти психические организации имеют доступ в ее сознание, но сзади ее аскетической личности можно различить бессознательную часть ее бытия - почти неизвестную ей и составленную из старых и долго вытесняемых конативных импульсов. ((Additional Note, 1923.) - Психическое здоровье пациента было возвращено ему при помощи анализа, который я изложил на этих страницах. Как и многие другие стоящие и обещающие молодые люди, он погиб на Великой Войне.).

Психоаналитические заметки об автобиографическом описании случая паранойи. (Случай Шребера). 1911 г.

От редактора статьи “Психоаналитические заметки об автобиографическом описании случая паранойи”

Данный перевод является исправленным и заново откомментированным вариантом перевода, опубликованного в 1925 г.

Мемуары Шребера были напечатаны в 1903г.; но, несмотря на то, что они активно обсуждались многими психиатрами, внимание Фрейда они по-видимому привлекли лишь в 1910 г. Известно, что он упоминал о них и о вопросе паранойи вообще во время совместной с Ференци поездки на Сицилию в тот год. Вернувшись в Вену, он начал работу над статьёй, и в письмах к Абрахаму и Ференци от 16 декабря заявил, что она завершена. Видимо, эта статья не публиковалась до лета 1911 г. “Постскриптум” был прочитан на Третьем Интернациональном Конгрессе Психоаналитиков (проводившемся в Веймаре) 22 сентября, 1911г. и был опубликован в начале следующего года.

Фрейд обращался к проблеме паранойи уже на очень раннем этапе своих исследований психических отклонений. 24 января 1895 г., за несколько месяцев до публикации “Исследований по истерии”, он отослал Флиссу длинное письмо, посвящённое этой проблеме. Письмо включало краткое описание истории болезни и теоретические рассуждения, где он доказывал следующие две основные идеи: что паранойя является защитным неврозом, и что её главный механизм- проекция. Почти год спустя (1 января 1896)

он отослал Флиссу другую, гораздо более короткую заметку о паранойе; эта заметка вошла потом в общий доклад о “защитных неврозах”, который он вскоре развил в свой второй опубликованный одноимённый труд. В том виде, в каком статья была опубликована, её третий раздел содержал другую, более длинную историю болезни и был озаглавлен: “Анализ случая хронической паранойи” -- случая, для которого Фрейд (в сноске, добавленной примерно 20 лет спустя) предложил исправленную формулировку диагноза: “dementia paranoides”. В отношении теории эта работа 1896 г. мало что добавила к его более ранним гипотезам; однако в письме к Флиссу, написанном несколько позднее (9 декабря, 1899) содержится не вполне впрочем ясный абзац, в котором Фрейд вплотную подходит к своим поздним взглядам, в том числе к предположению, что паранойя включает в себя возврат к раннему аутоэротизму. Это место приводится полной цитатой в редакторской заметке к работе “Предрасположенность к навязчивым неврозам” в связи с проблемой “выбора невроза”. (см. ниже.)

Между упомянутым событием и публикацией истории болезни Шребера прошло более 10 лет, за которые в работах Фрейда практически не упоминается паранойя. От Эрнеста Джонса мы, однако, знаем, что 21 ноября 1906 г. он сделал доклад о случае паранойи у женщины перед венским обществом психоаналитиков. В то время он, по-видимому, ещё не пришёл к своему главному выводу относительно этого заболевания - то есть, к гипотезе о связи между паранойей и подавленной пассивной гомосексуальностью. Тем не менее, спустя лишь год с небольшим, он уже выдвигал эту гипотезу в письмах к Юнгу (27 января, 1908) и Ференци (11 февраля, 1908) и получал желаемые подтверждения своих наблюдений. Более 3-х лет прошло прежде, чем мемуары Шребера дали ему возможность впервые опубликовать свою теорию и подтвердить её детальным отчётом о своей интерпретации бессознательного процесса, происходящего при паранойе.

В поздних работах Фрейда встречается немало упоминаний этой болезни. Наиболее важными являются его труды: “Случай паранойи, протекающий против психоаналитической концепции этой болезни” (1915) и раздел “В” в статье “Несколько невротических механизмов ревности, паранойи и гомосексуальности”. Кроме того, “Демонологический невроз 17-го века” (1923) содержит некоторые размышления о случае Шребера, хотя невроз, являющийся предметом исследования в этой работе, ни разу не назван Фрейдом паранойей. Ни в одной из этих поздних работ не обнаруживается существенных изменений по сравнению с теми взглядами на паранойю, что высказаны в данной статье.

Значение анализа болезни Шребера, однако, ни в коей мере не ограничивается его выводами о паранойе. Третий раздел, в частности, явился вместе с тогда же напечатанной краткой работой о двух принципах мыслительных функций, во многих отношениях предвосхитили метапсихологичсекие работы, которыми Фрейд занялся тремя-четырьмя годами позже. Здесь же был затронут ряд проблем, которые впоследствии стали предметом его тщательного изучения. Так, замечания о нарциссизме, как бы предваряли статью, посвящённую этому феномену, описание механизма вытеснения было повторено несколько лет спустя, а рассуждение об инстинктах содержит идеи, позже чётко сформулированные в труде “Инстинкты и их видоизменения”. Абзац, посвящённый проекции, напротив, выдвигает некоторые плодотворные идеи, не получившие, однако, дальнейшего развития. Однако, каждая из 2-х тем, обсуждаемых в последней части статьи -- различные причины начала невроза (включая концепцию “фрустрации”) и роль, которую играют последовательные “точки фиксации”, -- обсуждалась уже вскоре в отдельной статье (1912 и 1913) Наконец, в постскриптуме мы впервые находим фрейдовский экскурс в мифологию и встречаем его первое упоминание тотемов, которые уже начинали интересовать его и которым суждено было дать название одной из его основных работ.

Как сообщает нам Фрейд, в воспроизводимой им истории болезни используется лишь один факт (возраст Шребера в момент, когда он впервые заболел), который не описан в “Мемуарах”. Сейчас, благодаря статье доктора Франца Бомейера (1956), мы располагаем некоторым объёмом дополнительной информации. Д-р Бомейер в течение нескольких лет

(1946-1949) заведовал больницей под Дрезденом, где он обнаружил текущие записи о ходе обеих болезней Шребера. Бомейер дал обзор этих записей и даже полностью привёл некоторые из них. Вдобавок к этому он собрал большое количество фактов об истории семьи Шребера.

В тех случаях, когда что-то из собранного им материала имеет непосредственное отношение к предмету статьи Фрейда, мы будем цитировать его в сносках. Сейчас же необходимо лишь дать обзор автобиографии, рассказанной в Мемуарах. После того, как его выписали в 1902 г., Шребер, по-видимому, продолжал жить внешне нормальной жизнью в течение нескольких лет. Затем в ноябре 1907 г. его жена перенесла удар (хотя она потом прожила вплоть до 1912 г.). Очевидно, это спровоцировало новый приступ его болезни, и он был вновь принят на лечение -- на этот раз в лечебницу в Дёзенском районе Лейпцига -- две недели спустя (Судя по письму к Принцессе Марии Бонапарт от 13 сентября г., частично опубликованному в третьем томе биографии Фрейда (автор Эрнест Джонс, 1957, 477), Фрейд знал об этом новом заболевании и его обстоятельствах (как и многих других деталях) от некоего д-ра Штегманна, хотя это и не отражено в данной статье.). Там он находился в чрезвычайно расстроенном и практически недоступном для воздействия состоянии до самой смерти, наступившей после постепенного физического упадка, весной 1911 г. -- незадолго до публикации статьи Фрейда. Нижеследующая хронологическая таблица, составленная частично на основе материала из “Мемуаров”, а частично из собранного Бомейером, возможно, позволит читателям легче разобраться в деталях рассуждений Фрейда.

1842, 25 июня -- Даниэль Пауль Шребер родился в Лейпциге 1861, ноябрь -- в возрасте 53-х лет умер отец

1877 -- старший (на три года) брат умер в возрасте 38 лет

1878 -- женится Первая болезнь

1884, осень -- становится кандидатом в Рейхстаг (В это время Шребер уже занимал высокий юридический пост, конкретно - главного судьи в Ландгерихьт (суд нижней юрисдикции)в Шемнице. Оправившись после своей первой болезни, он занял аналогичный пост в Ландгерихьте Лейпцига. Непосредственно перед второй болезнью его назначили Главным Судьёй в Отделении Саксонского Апелляционного Суда в Дрездене.)

1884, октябрь -- проводит несколько недель в Зонненштайнской лечебнице 8 декабря -- переведён в Психиатрическую клинику Лейпцига

1885,1 июня -- выписан

1886, 1 января -- принял назначение на должность в Ландесгерихьт Лейпцига Вторая болезнь

1893, июнь -- узнаёт о приближающемся назначении в Апелляционный суд

1 октября -- принимает должность главного судьи

21 ноября -- вновь взят на лечение в Лейпцигскую клинику

1894, 14 июня -- переведён в лечебницу в Линденхофе 29 июня-- переведён в лечебницу в Зонненштайне

1900-1902 -- пишет Мемуары и предпринимает юридические меры для своей выписки

1902, 14 июня -- Заседание суда по поводу окончания лечения

20 декабря -- выписан

1903 -- “Мемуары” опубликованы

Третья болезнь

1907, май -- умирает мать в возрасте 92 лет

14 ноября -- у жены случается удар, после чего он немедленно заболевает 27 ноября -- взят на лечение в Лейпциг-Дёзен

1911, 14 апреля -- умирает

1912, май -- умирает жена

Следует, вероятно, также дать некоторую справку о трёх психиатрических клиниках, упоминаемых в тексте.

1. Психиатрическая клиника (стационарное отделение) при Лейпцигском университете.

Директор: профессор Флехьсиг

2. Замок Зонненштайн. Саксонская Государственная Лечебница в Пирне на Эльбе. В 10 милях к северу от Дрездена. Директор: доктор Вебер

3. Частная Лечебница Линденхоф. Близ Косвита, 11 миль к северо-западу от Дрездена. Директор: доктор Пирсон Английский перевод “Мемуаров” доктора Иды Макальпин и доктора Ричарда А. Хантера был опубликован в 1955г. (Лондон: Вильям Доусон). По некоторым причинам, часть из которых будут ясны для любого, кто сравнит их версию с нашей, было невозможно использовать этот перевод для многочисленных цитат из книги Шребера, которые встречаются в истории болезни. Существуют определённые трудности при переводе сочинений шизофреников, так как в их речи слова, как отмечал Фрейд в статье “Бессознательное” (Стандартное издание, 14), играют сами по себе доминирующую роль. В этом случае перед переводчиком встают те же проблемы, что столь часто возникают при передаче оговорок и шуток. Во всех этих случаях автор перевода Стандартного Издания придерживается самого осторожного метода, т.е. при необходимости приводит немецкие слова в сносках и старается объяснить смысл в комментариях, чтобы дать англоязычному читателю некоторую возможность составить собственное мнение на базе предоставленного материала. Однако, было бы ошибочно полностью пренебрегать открытыми формами и искажать гладким литературным переводом картину стиля Шребера. Одна из достойных внимания черт оригинала-- постоянно возникающий контраст между сложными, рафинированными конструкциями официально-академического немецкого языка 19-го века и экстравагантностью психотических событий, которые ими описываются.

В данной статье цифры в скобках без предшествующего знака “стр.” являются номерами страниц в оригинальном немецком издании мемуаров Шребера (“Denkenwuerdigkeiten eines Nervenkranken”, Лейпциг, Освальд Мутце). Цифры в скобках со знаком “стр.” являются, как всегда в Стандартном Издании, ссылками на страницы данной публикации.

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ОБ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ СЛУЧАЯ ПАРАНОЙИ (DEMENTIA PARANOIDES)

Введение

Аналитическое изучение паранойи связано с особого рода трудностями для врачей, которые, как я сам, не занимают должности в каком-либо медицинском учреждении. Мы не можем принимать на лечение пациентов, страдающих от этого недуга, или, во всяком случае, не можем содержать их в течение долгого времени, если не предвидится успешное завершение терапии. Поэтому, лишь в исключительных ситуациях, мне предоставлялась возможность составить нечто более глубокое, чем поверхностное представление о структуре паранойи -- когда, например. диагноз (постановка которого тоже нередко проблематична) достаточно не определён, чтобы оправдать попытки влиять на пациента, или когда, несмотря на точный диагноз , я уступаю мольбам родственников пациента и берусь лечить его в течение некоторого времени. Кроме того, я, разумеется, часто сталкиваюсь со случаями паранойи и dementia praecox и изучаю их с не меньшим тщанием, чем то, с каким другие психиатры изучают истории своих пациентов; однако всего этого как правило недостаточно для того, чтобы прийти к каким-либо аналитическим выводам.

Психоаналитическое изучение паранойи было бы совершенно невозможно, если бы сами пациенты не обладали странной склонностью выдавать (бесспорно, лишь в искажённой форме) как раз то, что остальные невротики держат в секрете. Так как страдающих паранойей невозможно заставить превозмочь их внутреннее сопротивление, и, так как в любом случае они говорят лишь то, что им хочется сказать, паранойя является как раз тем видом расстройства, при котором письменное описание или опубликованная история

болезни могут заменить личное общение с пациентом. Поэтому я считаю правомерной попытку строить аналитическую интерпретацию на материале истории болезни пациента, страдающего паранойей (или, точнее, расстройством dementia paranoides), с которым я лично не знаком, но который описал историю собственного недуга и предложил её вниманию публики.

Я имею ввиду доктора юриспруденции Даниэля Пауля Шребера, некогда Сенатспрезидента в Дрездене (Сенатспрезидентом в Оберландесгерихьте является Главный Судья Отделения Апелляционного Суда) , автора “Мемуаров душевнобольного”, которые были опубликованы в 1903 году, и, если верить моим источникам, вызвали интерес многих психиатров. Возможно, доктор Шребер и ныне здравствует и даже настолько разуверился в фантазийной системе, в которую он верил в 1903 году, что эта интерпретация его книги может причинить ему боль (Шребер умер 14 апреля 1911 г.. спустя несколько месяцев после того, как Фрейд описал историю его болезни) .

Тем не менее, так как он всё ещё сохраняет свойственные ему прежде черты, я могу положиться на те доводы, которыми он сам, “человек высоких умственных способностей и равно наделённый необыкновенными остротой ума и наблюдательностью” (Этот автопортрет, безусловно, вполне правдивый, находится на стр. 35 его Мемуаров) , отклонил попытки помешать ему опубликовать мемуары: “Я позволял себе”, пишет он, “закрывать глаза на сложности, которые непременно возникнут на пути к публикации и, в особенности, на сложности, связанные с соблюдением надлежащей деликатности по отношению к чувствам некоторых ныне здравствующих лиц. Но с другой стороны, я придерживаюсь того мнения, что было бы в равной степени в интересах науки и соблюдения религиозных норм, если бы ещё при моей жизни специалисты получили возможность обследовать моё тело и расспросить о некоторых личных подробностях. Перед этими соображениями все чувства личного характера должны отступить” (Предисловие) . В другом абзаце он заявляет, что решил не изменить намерению напечатать книгу, даже если это грозит ему иском от его врача, тайного советника доктора Флехьсига из Лейпцига (Пауль Эмиль Флехьсиг (1847-1929), Профессор Психиатрии в Лейпциге с 1877 по 1921, знаменитый своей работой в области нейроанатомии) . Таким образом, доктор Флехьсиг выступал для него тогда в той же роли, в какой он сам теперь выступает для меня. “Надеюсь”, говорит он, “что даже если у профессора Флехьсига могут возникнуть какие-то личные обиды, они будут перевешены научным интересом к моим мемуарам.” (446) (Заметка о системе постраничных ссылок, принятой в переводе этой статьи, можно найти в конце статьи редактора)

Хотя все пассажи из мемуаров, на которых базируется моя интерпретация, будут приведены дословно на нижеследующих страницах, смею просить моих читателей самостоятельно ознакомиться с этой книгой, прочитав её, по крайней мере, раз перед прочтением моей интерпретации.

I. ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ.

“Я дважды пережил нервное расстройство,” пишет д-р Шребер, “и каждый раз оно было результатом умственного перенапряжения”. В первый раз это произошло из-за того, что я баллотировался кандидатом на выборах в Рейхстаг, будучи ландсгерихьтдиректором (Главный Судья в нижнем Суде) в Шемнице, а во второй раз из-за чрезмерной нагрузки, легшей на мои плечи, когда я выступил в роли сенатспрезидента в Оберландсгерихьт Дрездена.”

Первая болезнь доктора Шребера началась осенью 1884 г., и к концу 1885 г. он полностью выздоровел. В этот период он провёл шесть месяцев в клинике Флехьсига, и тот в официальном отчёте, составленном некоторое время спустя, описал данное расстройство как приступ острой ипохондрии. Д-р Шребер уверяет нас, что в ходе болезни не было никаких “инцидентов, граничащих со сферой сверхъестественного”. (35)

Ни сам пациент. ни отчёты врачей, которые приведены в конце его книги, (Приложения к книге Шребера, объёмом примерно в 140 страниц, содержат три официальных медицинских рапорта доктора Вебера (от декабря 1899, ноября 1900 и апреля 1902), Описание Болезни, сделанное самим Шребером (от июля 1901) и постановление суда от июля 1902г.) не дают нам достаточной информации о его предыдущей биографии и личностных особенностях. Я даже не могу установить точный возраст пациента в момент его болезни, (Ему было 42 года в момент его первой болезни и, как сам Фрейд рассказывает нам, 51 год во время второй болезни) хотя высокий судейский пост, полученный им перед вторым заболеванием, устанавливает определённую нижнюю границу. Мы знаем, что д-р Шребер был женат задолго до приступа "ипохондрии". "Благодарность моей жены," пишет он, "была, возможно, даже более искренней, т.к. она боготворила профессора Флехьсига как человека, который вернул ей мужа, и поэтому его фотография годами стояла на её письменном столе". (36) И здесь же: "Выздоровев после первой болезни, я провёл восемь лет со своей женой-- годы, в целом, исполненные огромного счастья, богатые официальными почестями, и лишь время от времени омрачённые неудачами наших попыток завести детей".

В июне 1893 г. его уведомили о грядущем назначении на пост президента сената, и 1 октября того же года он вступил в должность. Между этими двумя событиями (И поэтому до того, как на него могло повлиять переутомление на новом посту, в котором он сам видит причину своей болезни) ему случалось видеть сны, важность которых он начал понимать лишь много позже. Два или три раза ему снилось, что его прежнее нервное расстройство вернулось, и это открытие во сне угнетало его столь же глубоко, сколь радовало после пробуждения сознание, что это был всего лишь сон. Однажды, очень рано утром, находясь на грани между сном и явью, он поймал себя на мысли, что, "должно быть, очень приятно быть женщиной, отдающейся в акте копуляции". (36) Это была одна из тех мыслей, которые бы он с величайшим негодованием отверг, находясь в полном сознании.

Вторая болезнь началась в конце октября 1893 г. мучительным приступом бессонницы. Это заставило его вернуться в клинику Флехьсига, где, однако же, его состояние резко ухудшилось. Дальнейший ход болезни описан в отчёте, который в то время составлял (в 1899) директор Зонненштайнской лечебницы: "В начале его пребывания там (В клинике профессора Флехьсига в Лейпциге) он вновь выражал ипохондрические идеи, жаловался, что у него размягчение мозга, что он скоро умрёт и т.д. Но мысли о преследовании уже тогда стали встречаться в его клинической картине, базируясь на сенсорных иллюзиях, которые, однако, вначале появлялись лишь спорадически; в то же время можно было наблюдать высокую степень гиперэстезии -- большую чувствительность к свету и шуму. Позднее зрительные и слуховые иллюзии становились более частыми, и, в сочетании с дисморфоманическими расстройствами, стали доминировать над всеми его мыслями и чувствами. Он считал, что уже умер и разлагается, что у него чума; он утверждал, что с его телом происходят всевозможные отвратительные процессы; как он утверждает и по сей день, он прошёл через самые чудовищные ужасы, которые только можно вообразить -- и всё во имя святой цели. Пациент был настолько погружён в эти патологические переживания, что оказывался недоступен для каких-либо других впечатлений, и он часами мог сидеть абсолютно прямо и неподвижно (галлюцинаторный ступор). С другой стороны, всё это мучило его настолько, что он жаждал смерти. Он несколько раз пытался утопиться в ванне, и просил дать ему "предназначенный для него цианид". Его бредовые мысли постепенно приобрели мистико-религиозный характер; он напрямую общался с Богом, был игрушкой дьяволов, видел "чудесные явления" и слышал "священную музыку", и в конце концов даже поверил, что живёт в мире ином". (380)

Можно добавить, что было несколько человек, которые, по его мнению, преследовали его и причиняли ему боль, и которых он отчаянно проклинал. Главный преследователь был его предыдущий врач, Флехьсиг, которого он называл "убийцей душ"; он часто снова и снова кричал: " *Маленький* Флехьсиг!", делая сильное ударение на первом слове (383). Его перевели из Лейпцига и спустя некоторое время, проведённое в другой клинике (Частная

клиника доктора Пирсона в Линденхофе) , он прибыл, в июне 1894 г. в Зонненштайнскую лечебницу, близ Пирны, где и оставался, пока его болезнь не приобрела свою заключительную форму. В ходе нескольких лет его клиническая картина изменилась, причём характер изменения лучше всего описал доктор Вебер, директор лечебницы: (см. в его отчёте от июля, 1899)

“Мне нет необходимости далее вникать в детали развития болезни. Я должен, однако, обратить внимание читателя на то, каким образом, с ходом времени, изначально достаточно острый психоз, непосредственно охвативший всю мыслительную деятельность пациента и заслуживающий отнесения к “галлюциногенным помешательствам”, постепенно переходил (можно сказать выкристаллизовывался) во всё более и более ясную клиническую картину паранойи, которую можно наблюдать и сегодня.” (385) Факты свидетельствовали, что, с одной стороны, у него выработалась сложная иллюзорная структура, интересоваться которой у нас есть веские причины, в то время как , с другой стороны, его личность была воссоздана, и теперь казалось, что за исключением отдельных случаев расстройств, он способен соответствовать требованиям повседневной жизни.

Д-р Вебер в отчёте от 1899 г. отмечает следующее: “В последнее время складывается ощущение, что, исключая некоторые очевидные психомоторные симптомы, которые даже при поверхностном наблюдении не могут не показаться патологическими, господин сенатспрезидент д-р Шребер не кажется неуверенным или физически неблагополучным; равным образом нельзя заметить никакого ослабления умственных способностей. Его разум воссоздан, память прекрасна, в его распоряжении внушительный запас знаний (не только в отношении вопросов юриспруденции, но и во многих других областях), которые он способен воспроизводить в виде цепочки связных мыслей. Он с интересом следит за событиями в мире политики, науки, искусства и т.д., и постоянно занят размышлениями на эти темы... так что наблюдатель, не имеющий особой заинтересованности в общем состоянии пациента, едва ли заметит что-либо необычное в этих его проявлениях. Однако, несмотря на всё это пациент полон идей патологического происхождения, которые сформировались в законченную систему; они более или менее неподвижны, и, по-видимому, недосягаемы для коррекции путём какого-либо объективного убеждения или рассуждений об окружающей действительности (385-6).

Тем не менее, состояние пациента претерпело огромное изменение, и теперь он считал, что способен вести самостоятельный образ жизни. Соответственно, он предпринял необходимые меры, стремясь вновь обрести контроль над собственными делами и добиться выписки из лечебницы. Д-р Вебер старался помешать реализации этих намерений и писал доклады опровержительного характера. Тем не менее, в своём отчёте от 1900 г. он вынужден был дать следующую благоприятную оценку характера и поведения пациента: “Так как в течение последних девяти месяцев господин сенатспрезидент Шребер ежедневно делил трапезу с моей семьёй, у меня была неограниченная возможность беседовать с ним на какие угодно темы. Каков бы ни был предмет дискуссии (кроме, разумеется, его собственных фантазийных идей), не важно, касался ли он новостей в сферах юриспруденции и закона, политики, искусства, литературы или общественной жизни,-- короче говоря, независимо от темы, д-р Шребер проявлял при её обсуждении живой интерес, хорошую осведомлённость, превосходную память и здравость суждений; его пониманием вопросов этики было, более того, невозможно не восхищаться. Так, во время более лёгких бесед в компании дам, он был равно любезен и учтив, а его юмор неизменно отличался сдержанностью и знанием приличий. Ни разу за время этих невинных бесед за обеденным столом он не заговорил о вещах, которые обсуждаются на медицинских консультациях”. (397-398) В самом деле, в том, как он подошел к решению возникшего как-то в тот период делового вопроса, затрагивавшего интересы всей его семьи, проявились и его профессиональная компетентность, и здравый смысл.

Во время своих многочисленных обращений в суд, с помощью которых доктор Шребер пытался вернуть себе свободу, он даже ни разу не отрекался от своих фантастических идей и

не пытался держать в секрете намерение опубликовать “Мемуары”. Напротив, он пространно рассуждал о ценности этих идей для религиозной мысли в целом и об их неуязвимости для нападок современной науки; но в то же время он постоянно подчёркивал “абсолютную безвредность” всех действий, на которые, как он знал, его иллюзии провоцировали его. В итоге, благодаря остроте его ума и неуязвимости его логики, и несмотря на то, что он был признанным параноиком, его старания увенчались успехом. В июле 1902 г. доктор Шребер был восстановлен в своих гражданских правах, а в следующем году его “Мемуары” вышли в свет, хотя и сильно отредактированные.

Записи суда, вернувшего свободу Шреберу, характеризуют суть его фантазийной системы в нескольких предложениях: “Он убеждён, что ему дана миссия искупить мир и вернуть ему утраченное состояние блаженства. Осуществить это, однако, он сможет только в том случае, если его предварительно превратить из мужчины в женщину.”

Для более детальной информации о его иллюзиях в их окончательной форме нам следует обратиться к Отчёту доктора Вебера от 1899 года: “ Кульминационной точкой в развитии фантазийной системы пациента является его убеждение, что его миссия -- искупить мир и вернуть человечеству его утраченное состояние блаженства. Эта миссия была ему поручена, по его утверждению, прямым божественным вдохновением, так же, как по нашим представлениям, их получали пророки; так как нервная система, находящаяся в состоянии сильного возбуждения, как это было долгое время с доктором Шребером, как раз склонна испытывать тяготение к божественному -- хотя здесь мы затрагиваем вопросы, которые человеческая речь если и может выразить, то с большим трудом, так они полностью лежат вне сферы человеческого опыта,-- и на самом деле, понятны только ему. Важная особенность его миссии искупления состоит в том, что ей должна предшествовать его трансформация в женщину. Не следует предполагать, что он хочет быть превращён в женщину, скорее, он должен претерпеть это превращение ради мирового порядка и избегнуть этого невозможно, несмотря на его личное желание оставаться в своём почётном и мужском жизненном статусе. Но ни он, ни один другой представитель рода человеческого не может вернуть себе высшую жизнь без осуществления его трансформации в женщину путём божественных чудес (процесс, который займёт много лет, а то и десятилетий). Сам он, по его убеждению, является единственным существом, над которым свершаются божественные чудеса, и он, таким образом, является самым замечательных из всех когда-либо живших на свете людей. В течении нескольких лет он ежечасно и ежеминутно ощущал, как эти чудеса вершатся в его теле, и голоса, ведшие с ним беседы, подтвердили ему божественную природу этих чудес. Во время первых лет его болезни некоторые из его органов испытали такие разрушающие воздействия, которые неминуемо оказались бы смертельными для любого другого человека: долгое время он жил без желудка, без кишечника, практически без лёгких, с изорванным пищеводом, без мочевого пузыря , с раскрошенными рёбрами, с едой иногда глотал собственную глотку, и т.д. Но божественное вмешательство (“лучи”) всегда восстанавливало то, что оказывалось уничтоженным, и, поэтому, пока он остаётся человеком, он абсолютно бессмертен. Эти волнующие события прекратились уже многие годы назад, а вместо них на первый план выдвинулась его “женская суть”. Речь идёт о процессе, для полного завершения которого, вероятно, потребуются десятилетия, если не века, и вряд ли кто-либо из современников доживёт до окончания этого превращения. У него есть чувство, что огромное количество “женских нервов” уже перешли в его тело, и из них произойдёт новая раса людей, через прямое божественное оплодотворение. Лишь тогда, по-видимому, он сможет умереть естественной смертью и вместе с остальным человечеством вернёт себе состояние блаженства. В это время не только солнце, но также деревья и птицы, которые являются “чудесными трансформациями бывших человеческих душ”, будут говорить с ним по-человечьи, и повсюду вокруг него будут совершаться чудеса”.(386-8)

Интерес, испытываемый психиатром-практиком к подобным фантазийным формациям, как правило сходит на нет, как только врач составляет представление о характере этих иллюзорных продуктов и оценивает их возможное влияние на общее поведение пациента: в

его случае удивление не становится началом понимания. Психоаналитик, в свете того, что он знает о психоневрозах, подходит к объекту с подозрением, что даже такие необыкновенные и далёкие от нашего обычного способа мыслить построения разума, как эти, являются, тем не менее, продуктами самых обычных и понятных импульсов человеческого сознания; и он желал бы понять в чём мотивы такой трансформации, а также каким способом она произошла. С этой целью, он постарается более детально исследовать фантазийную систему, а также историю её формирования.

(a) Медицинский служащий подчёркивает как особо важные следующие два положения: *принятие пациентом роли искупителя* и его *трансформацию в женщину*. Иллюзия искупителя -- фантазия, знакомая нам благодаря частоте, с которой она становится ядром религиозной паранойи. Дополнительная особенность, состоящая в том, что всеобщее искупление зависит от превращения мужчины в женщину, необычна и сама по себе удивительна, т.к. показывает значительное отступление от исторического мифа, который фантазия пациента пытается воспроизвести. Вполне естественно потому вслед за официальным медицинским отчётом предположить, что движущей силой для возникновения этого фантазийного комплекса являлось желание пациента играть роль Искупителя, и что его *кастрацию* следует рассматривать исключительно как способ для достижения этой цели. Хотя финальная стадия заболевания на первый взгляд подтверждает этот вывод, тщательное изучение *Мемуаров* заставляет нас принять совершенно иную точку зрения. Ибо оттуда мы узнаём, что идея превращения в женщину (т.е. идея кастрации) была первичной иллюзией, что он начал с того, что связывал этот акт со страшными увечьями и преследованиями, и что лишь позже он начал ассоциировать это со своей ролью Искупителя. Более того, нет сомнений, что изначально он мыслил трансформацию, как средство для осуществления сексуального насилия, а не для каких-либо высших целей. Можно сформулировать следующее предположение: сексуальная иллюзия преследования позже превратилась мозгу пациента в религиозную манию величия. В роли преследователя, изначально отводившейся профессору Флехьсигу, его лечащему врачу, позднее стал выступать сам Господь Бог.

Я полностью приведу те строки из *Мемуаров,* на которых я основываю свои выводы: “Таким образом, был разработан заговор против меня (где-то в марте или апреле 1894 года). Цель его была в том, чтобы как только моя нервная болезнь будет признана неисцелимой или же её можно будет выдать за таковую, передать меня некоторому лицу следующим способом: моя душа будет отдана ему, тогда как моё тело -- из-за недоразумения в том, что я описывал выше как цель, на которой основывается Мировой Порядок -- моё тело будет превращено в женское и в этом виде передано вышеупомянутому лицу (Из контекста этого и других абзацев очевидно, что “вышеупомянутое лицо”, которое собиралось совершить насилие, было никто иной как доктор Флехьсиг) для сексуального надругательства, а затем будет просто “оставлено по одну сторону” -- что означает, без сомнения, оставлено разлагаться”. (56)

“Поэтому, было вполне естественно, что с точки зрения человека (а это и была та точка зрения, которой я тогда всё ещё в большинстве случаев руководствовался), я не мог не считать доктора Флехьсига и его душу своим единственным настоящим врагом -- впоследствии появился ещё некий фон В***, о котором я вскоре расскажу подробнее -- и что я не мог не искать в Господе своего естественного союзника. Я просто представил, что у Него большие трудности с профессором Флехьсигом, и соответственно начал чувствовать себя обязанным поддерживать Его всеми возможными способами, даже если потребуется принести себя в жертву. Лишь много позже я был вынужден осознать, что Сам Господь играл роль сообщника, если не подстрекателя, в заговоре, по которому моей душе предстояло быть умерщвлённой, а тело должны были использовать как продажную девку. Должен признаться даже, что полностью я это осознал лишь при работе над этой книгой”.

“Все попытки убить мою душу или кастрировать меня в целях *противных Мировому Порядку* (то есть для удовлетворения сексуальных аппетитов человеческого индивида) или, позднее, попытки уничтожить мой рассудок-- не привели ни к чему. Из этой, казалось бы,

неравной схватки между слабым человеком и Самим Богом я вышел победителем - хоть и не избежав множества горьких страданий и лишений - победителем потому, что Мировой Порядок на моей стороне".

В сноске к словам " *противных Мировому Порядку* " вышеприведённого абзаца автор предвосхищает последующую трансформацию его иллюзии кастрации и его отношения к Богу: "Я покажу дальше, что такая кастрация, но в совсем иных целях-- в целях, созвучных Мировому Порядку, -- вполне возможна и, что, на самом деле, именно она может разрешить весь конфликт".

Эти заявления имеют решающее значение в составлении правильной интерпретации кастрационной фантазии и всего расстройства в целом. Следует также прибавить, что "голоса", которые слышал пациент, неизменно расценивали трансформацию в женщину как половое унижение, дававшее им повод для постоянных издёвок над ним. "Господни лучи (Эти "Господни лучи", как мы увидим дальше, тождественны голосам, которые говорили на "основном языке") нередко считали себя вправе насмехаться, звать меня "Мисс Шребер", намекая на кастрацию, которую, как было решено, мне вскоре предстояло пройти." (127) Они также говорили: "Так значит, *это* утверждает, что было президентом Сената, этот человек, который позволяет тр—ть (Я воспроизвожу этот пропуск из Мемуаров, так же, как я воспроизвожу все остальные особенности стиля автора. Сам я не счёл бы необходимым проявлять подобную стыдливость в столь серьёзной ситуации) себя!" или ещё:" И тебе не стыдно перед твоей женой?" [177]

Предположение, что фантазия о кастрации является первичной и изначально независимой от мотива Искупителя, кажется ещё более убедительным, если вспомнить о той "мысли", на которой, как я упоминал выше, [стр. 13] он поймал себя в состоянии полудрёма, а именно, что, вероятно, вполне приятно быть женщиной, отдающейся в акте копуляции (36). Эта фантазия появилась во время инкубационного периода болезни и ещё до того, как он подвергся переутомлению в Дрездене.

Сам Шребер утверждает, что ноябрь 1895 года стал периодом, когда впервые установилась связь между кастрационной фантазией и идеей об Искупителе и когда он постепенно смирился с первой. "Теперь, однако," пишет он " мне стало совершенно ясно, что Мировой Порядок неумолимо требует моей кастрации, независимо от того, хочу ли я этого или нет, и что мне не остаётся ничего более разумного, чем смириться с идеей превращения в женщину. Результатом моего превращения должно было стать, разумеется, оплодотворение меня божественными лучами, от чего сможет возникнуть новая раса людей."

Идея о трансформации в женщину была главной чертой и наиболее ранним элементом фантазийной системы. Она также оказалась той единственной её частью, что упорно не поддавалась лечению, и единственной, оставившей след в его поведении после выздоровления. " *Единственное* , что окружающим может показаться неразумным в моём поведении , это факт, уже упомянутый в отчёте эксперта и заключающийся в том, что меня иногда застают стоящим перед зеркалом или просто так, по пояс обнажённым и в различных женских украшениях, как ленты, ожерелья из бижутерии и тому подобное. Могу лишь добавить, что такое случается только, когда я *остаюсь один* , и никогда - по крайней мере в тех случаях когда я могу контролировать ситуацию-- я не позволяю себе этого в чьём-либо присутствии". Господин президент сената сознаётся, что совершил такую фривольность в период (июль,1901) (В его Описании Болезни) , когда он уже был в состоянии вполне убедительно доказывать своё полное выздоровление и пригодность к повседневной жизни: "Я уже давно понял, что люди, окружающие меня, не "наскоро сделанные люди", а обыкновенные люди, и что я должен вести себя по отношению к ним как любой разумный человек ведёт себя по отношению к своим ближним". В отличии от того, как он пытался реализовать свою кастрационную идею, он никогда не предпринимал иных шагов для убеждения окружающих в своей искупительной миссии, кроме публикации *Мемуаров* .

(б) Отношение нашего пациента к Богу настолько уникально и полно внутренних противоречий, что очень нелегко продолжать видеть в его "безумии" какой-то "логику". Тем

не менее доктор Шребер рассказывает нам в своих *Мемуарах* , что нам сегодня следует попытаться пересмотреть наше понимание теолого-психологической системы и расширить наши понятия о нервах, состоянии блаженства, божественной иерархии, божественных атрибутах и их явной (фантазийной) связи. Каждый пункт его теории поражает смешением банальности и ума, заимствованного и оригинального.

Человеческая душа (“Seele”. При аттрибутивном употреблении этот термин переведён как “духовный”, см. напр. На стр. 20 “Seelenteile” - “духовные части”) состоит из телесных *нервов* . Последние следует понимать как структуры удивительной тонкости, сравнимые с тончайшей нитью. Некоторые нервы приспособлены исключительно для восприятия улавливаемого органами чувств, тогда как другие (*нервы понимания*) выполняют различные мыслительные функции; и в этом отношении следует отметить, что *каждый нерв понимания представляет весь индивидуальный склад ума человека* , и что присутствие большего или меньшего количества нервов понимания не влияет ни на что, кроме времени, в течении которого мозг способен сохранять свои впечатления (Слова, которыми Шребер излагает свою теорию, выделены курсивом у него самого, и он прибавляет сноску, в которой настойчиво утверждает, что это можно использовать для объяснения наследственности: “Мужское семя,” пишет он, “содержит нерв, принадлежащий отцу, и он объединяется с нервом, взятым из тела матери, и вместе они образуют новое единство. (7). Здесь , таким образом, мы имеем перенесение качества, в реальности свойственного сперматозоидам, на нервы, что даёт возможность предположить, что “нервы” Шребера развились из круга идей, связанных с сексуальностью. Весьма часто в Мемуарах случайное замечание о каком-либо элементе фантазийной системы даёт нам необходимое указание на происхождение фантазии, а также о её значении) .

Так как люди состоят из тела и нервов, Бог просто по своей природе состоит исключительно из нервов. Но нервы Бога, в отличие от человеческих, не ограничены в количестве, а бесчисленны и вечны. Они обладают всеми свойствами человеческих нервов, но в неизмеримо большей степени. Из-за их творческой способности, т.е. способности превращаться в любой объект сотворённого мира, их принято называть *лучами* . Существуют интимные отношения между Богом и звёздным небом и солнцем (В этой связи см. ниже мои рассуждения о значении солнца. - Сравнение (или. Скорее слияние) лучей и нервов, возможно, основывалось на линейном характере, который свойствен и тем, и другим. - Кстати, лучи-нервы - сочетание не менее причудливое, чем сперматозоиды-нервы) .

Когда сотворение мира было окончено, Бог удалился на огромное расстояние (10-11 и 252) и, в общем-то, предоставил миру развиваться по своим собственным законам. Он ограничил свою деятельность, тем, что привлекал к себе души умерших. Лишь в исключительных случаях он вступал в особые отношения с выдающимися, высоко одарёнными людьми (На “основном языке” (см. ниже) это описывается как “вступление с ними в связь через нервы”) , или же вмешивался в судьбы мира посредством чудес. По законам Мирового Порядка, Бог не имеет постоянного общения с человеческими душами, пока их хозяева живы (Мы в последствии обнаружим, что на этом факте основана некоторая критика Бога) . Когда человек умирает, его духовная часть (т.е. нервы) подвергаются процессу очищения, прежде чем они наконец вновь соединяются с Богом в ”преддверии неба”. Таким образом, осуществляется мировой круговорот, лежащий в основе Мирового Порядка. Сотворив нечто, Бог утрачивает часть Себя, или, иначе говоря, придает части своих нервов другую форму. Эта понесённая Им, на первый взгляд, потеря, восполняется, когда через сотни или тысячи лет нервы умерших, достигших состояния блаженства, вновь накапливаются у него в виде “преддверий Неба“.

Души, прошедшие процесс очищения, могут *вкусить блаженство (* Это заключается, в основном, в чувстве сладострастия (см. ниже). Немецкое слово, переведённое здесь как “состояние блаженства” - “Seligkeit”, буквально, “состояние благословлённости”. “Selig” употребляется в различных значениях: “благословенный”, “блаженствующий”, а также, эвфемистически, “мёртвый”. (см. другое примечание Фрейда, ниже)). Тем временем они

частично утрачивают своё индивидуальное самосознание и становятся вместе с другими душами частью некоего высшего единства. Души великих людей, таких как Гёте, Бисмарк и так далее, могут сохранять своё индивидуальное сознание на протяжении столетий, до тех пор, пока они не растворяться в высших образованиях душ, тех, что называли "Лучами Иеговы" в древней Иудее, или "Лучами Заратустры" в древней Персии. В ходе их очищения "души обучаются языку, на котором говорит Сам Господь, так называемому "основному языку", которым является выразительный, хотя и несколько устаревший немецкий язык, для которого особенно характерно изобилие эвфемизмов.". (В одном единственном случае за время его болезни пациент заявлял, что имел привилегию духовными взорами лицезреть Бога Всемогущего прямо перед собой ясно и вне какого-либо перевоплощения. В этот раз Бог произнёс очень распространённое в "основном языке", и очень сильное, хотя и не слишком приятное слово - "Шлюха!" [По-немецки "Luder". Этот ругательный термин иногда употребляется в отношении мужчин, хотя гораздо чаще оно относится к женщинам. - Фрейд возвращается к обсуждению "основного языка" в конце лекции X в своих Вступительных Письмах(1916-17)) (13)

Сам Бог является непростой сущностью. "Над "преддвериями Неба" парил Сам Господь, который, в отличие от этих передних божьих царств также описывается как "задние царства божьи". Задние царства божьи были и являются до сих пор странным образом поделёнными на нижнего Бога (Ахримана), отличного от верхнего Бога (Ормузда). В отношении значения этого разделения Шребер говорит лишь, что нижний Бог более тесно связан с людьми тёмной расы (Семитами), а верхний Бог-- со светлой расой (Арийцами); да и вряд ли можно требовать более глубоких познаний в столь возвышенных вопросах от человеческого разума. Тем не менее, в другом месте говорится, что "несмотря на то, что в некоторых отношениях Всемогущий Господь един, нижнего и верхнего Бога всё же следует рассматривать как две отдельные Сущности, каждая из которых наделена своим особым эгоизмом и своим особенным инстинктом самосохранения, *даже по отношению друг к другу* , и каждая из которых вследствие этого постоянно пытается превзойти другую.'(140) Более того, две божественные Сущности совершенно по-разному вели себя по отношению к несчастному Шреберу во время острой стадии его болезни . (Примечание к странице 20 заставляет нас предположить, что один отрывок из "Манфреда" Байрона мог определить шреберов выбор имён персидских божеств. Далее мы столкнёмся с другими указаниями на влияние этой поэмы на него) .

В дни, предшествовавшие его болезни, президент Сената был подвержен сомнениям в вопросах религии; он никогда не был способен до конца поверить в существование личного Бога. Что интересно, он использует этот факт как доказательство реальности своих фантазий ("Предположение, что это было всего лишь фантазией в моём случае, кажется мне по самой природе вещей психологически невероятным. Так как фантазии об общении с Богом или с душами умерших могут возникнуть лишь в сознании тех лиц, которые до впадения в состояние патологического нервного возбуждения, уже глубоко верили в Бога и бессмертие души. В моём случае. Однако, это было вовсе не так, как я уже объяснял в начале этой главы." (79)) . Однако любому читателю нижеследующего описания черт характера шреберова Бога становится ясно, что трансформация, вызванная душевным расстройством не была фундаментальным превращением, и что в сегодняшнем Искупителе многое оставалось от вчерашнего скептика.

Ибо в Мировом порядке существует погрешность, в результате которой, по-видимому, существование Господа находится под некой угрозой. В связи с обстоятельствами, которые не представляется возможным объяснить подробнее, нервы живых людей, особенно людей в возбуждённом состоянии, могут настолько сильно притягивать божественные нервы, что Он не может от них освободится и таким образом Его собственное существование подвержено опасности.(11) Эта исключительно редкая ситуация произошла в случае Шребера и стала причиной его величайших страданий. В Боге обострился инстинкт самосохранения (30), и тогда стало ясно, что Бог очень далёк от совершенства, приписываемого ему различными

религиями. Вся книга Шребера проникнута горечью жалоб на Бога, который, привыкнув общаться лишь с мёртвыми, *не понимает живых людей* .

"В этом отношении, однако, преобладает *фундаментальное непонимание* , которое постоянным рефреном прошло сквозь всю мою жизнь. Оно основано именно на том факте, что *в соответствии с Мировым Порядком Бог действительно ничего не знал о живых людях* и не имел нужды знать; по законам Мирового Порядка, ему лишь нужно было сообщаться с трупами" (55). -"В свете вышесказанного..., по моему убеждению, следует ещё раз подчеркнуть, что Бог был, если можно так выразится, совершенно неспособен к общению с живыми людьми, и привык лишь общаться с трупами, или, по крайней мере, со спящими людьми (то есть, являясь им во сне)" (141) - "Я сам готов воскликнуть :"*Incredibile scriptu* !" Однако всё это совершенная правда, как бы ни трудно было для остальных людей усвоить идею о полной неспособности Бога правильно судить живых людей, и сколь ни долго я сам привыкал к этой идее после моих длительных наблюдений в этой области."(246)

Но раз Бог не понимает живых, значит Он Сам мог быть главой заговора против Шребера, мог считать его невменяемым и обрекать на все пройденные им мучения.(246) Чтобы не быть сочтённым идиотом, он подверг себя чрезвычайно утомительной системе "мышления через силу". Ибо "каждый раз, когда моя интеллектуальная деятельность иссякала, Бог уверялся, что мои умственные способности исчерпали себя, и что уничтожение моего понимания (идиотия), на которое он так рассчитывал, наконец свершилось, и что теперь возможно удалиться".(206)

Поведение Бога, при его нужде совершить дефекацию (или "пок--ть"), особенно сильно возмущает его. Данный абзац настолько характерен, что я приведу его полностью. Но для избежания неясности я сразу оговорюсь, что и чудеса, и голоса происходят от Бога, иначе говоря, от божественных лучей.

"Хотя это и приведёт к упоминанию некоторых неприятных тем, я всё же уделю ещё несколько слов вопросу, который я только что процитировал ("Почему ты не к--шь,?"), на том основании, что он хорошо характеризует всю ситуацию. Потребность к дефекации, как и всё происходящее с моим телом, вызывается чудом. Эта потребность вызывается тем, что мои фекалии проталкиваются вперёд (а иногда, наоборот, назад) по моему кишечнику; а если, из-за предшествовавшего акта дефекации достаточного количества этой субстанции там не оказывается, то всё оставшееся содержимое моего кишечника, как бы мало его ни было, размазывается по моему анальному отверстию. Этот процесс является чудом, совершаемым верхним Богом, и оно повторяется по крайней мере десятки раз за день. Это связано с идеей, которая совершенно непонятна для людей, и свидетельствует лишь о полном незнании Богом живого человеческого организма. Согласно этой идее "ка--нье" является в определённом смысле законченным актом, иными словами, когда чудесно вызывается позыв ка--ть, цель уничтожить понимание оказывается достигнутой и окончательное удаление лучей становится возможным. Чтобы проникнуть к самому истоку этой идеи , мы должны предположить, что как мне кажется, существует некое недоразумение в связи с символическим значением акта дефекации, понятие, что, в сущности, всякий, кто находился в таких же как и я отношениях с божественными лучами, имеет в какой то степени право ка-ть на весь мир.

"Но нижеследующее доказывает крайнее вероломство (В примечании к этому месту автор пытается смягчить резкость слова "вероломство", ссылаясь на один из аргументов своей теодицеи. Последние мы вскоре рассмотрим) применяемой по отношению ко мне политики. Почти каждый раз,. когда у меня чудесным образом возникал позыв к дефекации, кого-либо другого из окружающих меня посылали (путём соответствующего стимулирования его нервов) в уборную, чтобы предотвратить мою дефекацию. Этот феномен я наблюдал годами и в настолько бессчётных случаях, -- в тысячах случаев -- и с такой регулярностью, что предположения о случайных совпадениях безусловно отпадают. И поэтому возникает вопрос: "Почему ты не к--шь?" на который напрашивается замечательно простой ответ, что я "настолько глуп и так далее". Перо буквально не подымается, чтобы

описать такой чудовищный абсурд, как Бог, ослеплённый своим незнанием человеческой природы настолько, что он способен предположить, что существует человек слишком глупый для того, чтобы делать то, что умеет каждое животное -- слишком глупый, чтобы ка--ть. Когда, в случае подобного позыва, мне удаётся произвести дефекацию, -- а обычно, т.к. практически всегда уборная оказывается занятой, я использую для этой цели ведро -- процесс сопровождается нарастанием необычайно сильного чувства духовного сладострастия. Ибо облегчение от давления, оказываемого присутствием фекалий в кишечнике, порождает ощущение необычайного подъёма в нервах сладострастия, и то же происходит при мочеиспускании. По этой причине, даже до сих пор, в то время как я отправляю свои естественные надобности, все лучи неизменно соединяются; по этой же самой причине, когда бы я не приступил к этим естественным актам, неизменно производится (пусть, как правило, и бесплодная) попытка чудесно остановить процесс дефекации или мочеиспускания." (Это признание в удовольствии от экскреторного процесса, которое мы привыкли рассматривать как один из аутоэротических компонентов детской сексуальности, можно сравнить с замечаниями маленького Ганса в моём "Анализе фобии у пятилетнего мальчика"). (225-7)

Более того, этот уникальный Бог Шребера не в состоянии научиться чему-либо даже на опыте: " Из-за той или иной постоянной особенности его натуры, Бог, по-видимому, не может извлекать уроков на будущее из таким образом полученного опыта". Стало быть, он может повторять вновь и вновь всё те же мучительные испытания, и чудеса, и голоса, без изменения, год за годом, пока он неминуемо не становится посмешищем для жертвы своих преследований.

"В результате, т.к. теперь чудеса в огромной степени утратили свою былую способность наводить ужас, Бог кажется мне, помимо всего прочего, весьма забавным и ребячливым во всех его видимых мною проявлениях. Что касается моего собственного поведения, всё это становится причиной того, что в целях самообороны мне часто приходится выступать по отношению к Богу в роли насмешника, а в некоторых случаях даже вслух насмехаться над ним. "(333)

Но это критическое и мятежное отношение к Богу, тем не менее, часто сменяется у Шребера совершенно иным взглядом, многократно им выраженным:" Но здесь вновь я хочу особо подчеркнуть, что это всего лишь маленькие эпизоды, которые, я надеюсь, закончатся самое позднее после моей смерти, и что право насмехаться над Богом принадлежит только мне и никому кроме. Для них Он остаётся всемогущим творцом Неба и земли, первопричиной всего сущего, будущим спасением, перед которым нужно испытывать преклонение и глубочайшее благоговение (несмотря на то, что некоторые из общепринятых религиозных убеждений следует пересмотреть) (Даже на основном языке иногда случалось, что Бог был не оскорбителем, а оскорбляемым. Например: " Чёрт побери! Подумать только - чтобы Бог позволял себя тр—ть!"). (333-4)

Поэтому предпринимаются многочисленные попытки оправдать поведение Бога по отношению к пациенту. В этих попытках, отражающих столь же много ума, сколь и все другие теодицеи, объяснение основывается то на общей природе душ, то на необходимости самосохранения, стоящей перед Богом, то на порочном влиянии души Флехьсига.(60-61) Тем не менее, в общем, болезнь рассматривается как борьба между человеком Шребером и Богом, победа в которой остаётся за человеком, несмотря на всю его слабость, т.к. на его стороне Мировой Порядок.(61)

Медицинский отчёт может заставить нас предположить, что случай Шребера представляет собой обычную форму фантазии об Искупителе, при которой больной считает себя Сыном Божьим, судьба которого -- спасти мир от его несчастий, от грядущего разрушения и так далее. Именно по этой причине я счёл нужным обратить внимание на особенности шреберова отношения к Богу. О значении этого его отношения к Богу для всего остального человечества лишь изредка говорится в *Мемуарах* , и то только при описании последней стадии формирования его иллюзий. Оно заключается в общих чертах в том, что

ни один умерший не может достигнуть блаженства пока большая часть божественных лучей поглощены им (Шребером) за счёт его силы притяжения. (32) Также, лишь только на очень поздней стадии ясно проявляется отождествление себя с Иисусом Христом.(338 и 431)

Бессмысленна любая попытка интерпретировать случай Шребера, не учитывая его особое представление о Боге, представляющее собою смесь преклонения и мятежности по отношению к Нему.

Теперь я обращусь к другому, тесно связанному с Богом предмету, а именно к *состоянию блаженства* . Шребер также называет его "загробной жизнью", до которой человеческая душа поднимается после смерти в процессе очищения. Он описывает её как состояние непрерывного наслаждения, связанного с созерцанием Господа. Это не особо оригинально, но, с другой стороны, удивительно, что Шребер делает различие между мужским и женским состоянием блаженства (Было бы гораздо более в соответствии с исполнением мечтаний, предоставляемым загробной жизнью, если бы нам наконец-то было позволено быть свободными от половых различий.

Und jene himmlischen Gestalten sie fragen nicht nach Mann und Weib.

[Из песни Миньона в Wilhelm Meisters Lehrjahre Гёте , Книга VIII, глава 2.

И те спокойные сияющие сыны утра Не спрашивают, кто девушка, а кто мальчик).

"Мужское состояние блаженства выше женского, которое, казалось, состояло исключительно в непрерывном чувстве сладострастия."(18) В других местах это совпадение состояния блаженства и сладострастия выражается более открыто и без ссылок на половые различия; и более того тот элемент блаженства, который заключается в созерцании Господа более не упоминается. Так, например: "Природа божественных нервов такова, что состояние блаженства сопровождается очень сильным ощущением сладострастия, хотя и не ограничивается только им."(51) И снова: "Сладострастие можно рассматривать как фрагмент состояния блаженства, заранее данный людям и другим живым существам."(281) Так что, состояние небесного наслаждения следует рассматривать как усиленное продолжение земного чувственного наслаждения!

Это понимание состояния блаженства было отнюдь не являлось тем элементом фантазий Шребера, который возник на ранней стадии его болезни и позже исчез из-за несовместимости с остальными фантазиями. Даже в Описании Случая Болезни, составленном пациентом для Апелляционного Суда в июле 1901 г., он подчёркивает как одно из своих величайших открытий то, что "сладострастие находится в близком родстве (до сих пор незаметном для остального человечества) с состоянием блаженства, в котором пребывают души умерших". [442] (Возможность такого открытия в сочинениях Шребера более глубокого смысла обсуждается ниже).

Мы в самом деле обнаружим, что это "близкое родство" является тем камнем, на котором он основывает свои надежды на грядущее примирение с Богом и окончание своих страданий. Божественные лучи утрачивают свою враждебность как только они убеждаются, что будучи поглощены его телом, они будут испытывать духовное сладострастие; (133) Сам Господь требует, чтобы Он мог находить в нём сладострастие(283) и угрожает ему совсем убрать лучи, если он не захочет культивировать сладострастие и не сможет предложить Господу то, чего Он требует.(320)

Удивительная сексуализация состояния высшего блаженства предполагает возможность, что шреберовская концепция этого состояния возникла из сближения двух основных значений немецкого слова " *selig* " - а именно "мёртвый" и "испытывающий чувственное удовольствие" (Крайние случаи двух способов употребления этого слова находят в фразе "Mein seliger Vater" ["мой покойный отец"] и в этих строках из дуэта в Доне Джованни:

Ja, dein zu sein auf ewig, wie selig werd' ich sein.

[Ах, быть твоим навеки—

Как счастлив буду я!]

Но тот факт, что то же самое слово может употребляться в нвшем языке в двух

настолько разных ситуациях не может не иметь какого-то значения).

Но этот пример сексуализации также предоставит нам случай исследовать общее отношение пациента к эротической стороне жизни и к вопросам сексуальных удовольствий. Ибо мы, психоаналитики, до сих пор поддерживали точку зрения, что корень любого нервного или умственного расстройства кроется в половой жизни пациента -- некоторые из нас, исходя из исключительно эмпирических наблюдений, другие, находясь также под влиянием некоторых теоретических соображений.

Представленные выше образцы фантазий Шребера дают нам возможность без дальнейших сомнений отклонить предположение, что этот случай паранойи как раз и окажется тем “негативным”, который так давно искали - случаем, в котором сексуальность играет лишь второстепенную роль. Сам Шребер вновь и вновь говорит так, словно разделяет нашу убеждённость. Он постоянно говорит рядом о “нервном расстройстве” и эротических прегрешениях, как если бы две эти вещи были неразделимы (“Когда моральное разложение (“сладострастные излишества”) или, возможно, нервное расстройство достаточно сильно овладело всем населением всякого участка земли”, тогда, считает Шребер, учитывая библейские истории о Содоме и Гоморре и т.д., данный мир окончиться катастрофическим концом (52).“Слухи сеяли страх и ужас среди людей, подрывали основы религии, и распространяли общие нервные расстройства и аморальность, так что ужасные моры опустились на человечество” (91). “Так, вполне возможно, что под “Князем тьмы” души подразумевают загадочную силу, которая стала в некотором смысле враждебна Богу, в результате морального разложения среди людей или общего состояния чрезмерного нервного возбуждения, сопровождающего сверх-цивилизацию.” (163)) .

До своей болезни президент сената Шребер был человеком строгих моральных правил: ”Мало кто”, заявляет он, и у меня нет оснований сомневаться в его словах, “был выращен на таких строгих моральных принципах, как я, и мало кто, в течении всей своей жизни мог проявлять (особенно в вопросах секса) самоограничение настолько же соответствующее этим принципам, насколько им соответствовал я”(281). После ожесточённой духовной борьбы, внешними свидетельствами которой являлись симптомы его болезни, его отношение к эротической стороне жизни изменилось. Он начал понимать, что культивация сладострастия всегда была предназначенным ему долгом, и что, только исполнив этот долг, он мог положить конец мучительному конфликту внутри самого себя -- или, как он полагал, конфликту, возникшему вокруг него. Сладострастие, как уверяли его голоса, стало “страхом божьим”, и он мог лишь пожалеть, что не может посвятить себя его культивации весь день напролёт (285) (В связи со своими фантазиями он пишет: “Это притяжение (т.е. притяжение. Оказываемое Шребером на нервы Бога) тем не менее, утрачивало свою угрозу для этих нервов, если, проникая в моё тело, они сталкивались с чувством духовного сладострастия, которое передавалось и им. Так как, если это происходило, они находили эквивалентную или практически эквивалентную замену состояния небесного блаженства, которое само по себе сродни роду сладострастного наслаждения, в моём теле.” (179-180)) .

Таким предстаёт нам результат изменений, произведённых в Шребере болезнью, выраженный в двух основных чертах его фантазийной системы. До болезни он был склонен к сексуальному аскетизму и являлся скептиком в отношении к Богу, тогда как после неё он обратился в веру и стал приверженцем сладострастия. Но так же, как и его новообретённая вера, имевшая очень специфический характер, избранный им вид сексуального удовольствия был также весьма необычным. Это была не сексуальная раскрепощённость мужчины, но сексуальные ощущения женщины. Он избрал женственное отношение к Богу; он ощущал себя женой Бога (“В моём теле произошло нечто подобное зачатию Иисуса Христа непорочной девой, т.е. в женщине, никогда не имевшей половых сношений с мужчиной. В двух разных ситуациях (и во время моего нахождения в клинике доктора Флехьсига) у меня были женские гениталии, хотя и не вполне развитые, и я чувствовал шевеление в своём теле, как то. Что возникает от роста человеческого эмбриона. Нервы Бога, соответствующие мужскому семени, с помощью божественного чуда оказались в моём теле, и призошло

оплодотворение.” (Вступление, 4.) (В книге Шребера есть и предисловие и вступление, также как и вступительное “Открытое Письмо Профессору Флехьсигу”).

Ни одна другая часть его фантазий не разбирается пациента столь подробно, даже столь настойчиво, как его мнимая трансформация в женщину. Как он утверждал, впитавшиеся в него нервы приняли в его теле характер женских нервов сладострастия и практически придали его телу печать женственности, в особенности, коже, которой сообщилась мягкость, свойственная коже женщины. (87) Когда он слегка нажимает на любую часть своего тела, он ощущает эти нервы под кожей в форме ткани из нитеобразного или струнообразного волокна; особенно много их в области груди, где у женщины находились бы молочные железы. “Прилагая давление к этим тканям, я могу вызывать чувство сладострастия, какое испытывают женщины, в особенности если в этот момент я думаю о чём-нибудь женственном.” (277) Он уверен, что изначально эти ткани были ни чем иным как нервами Бога, которые вряд ли могли утратить природу нервов из-за перемещения в его тело.(279) С помощью операции, которую он называет “рисованием” (то есть, с помощью создания зрительных образов), он способен создавать у себя и у лучей ощущение, что на его теле есть женские груди и гениталии: ”У меня настолько вошло в привычку “пририсовывать” к моему телу женские ягодицы - *honi soit qui mal y pense* -что я практически бессознательно делаю это каждый раз, когда наклоняюсь.”(233) Он “осмеливается утверждать, что любой, увидевший его перед зеркалом, раздетым до пояса - особенно если впечатление будет усилено различными женскими украшениями -- будет уверен, что видит *женский бюст* .” (280) Он требовал медицинского осмотра для установления факта присутствия нервов сладострастия по всему его телу, с головы до ног, что, по его мнению, свойственно лишь для женщин, тогда как у мужчин, насколько он знал, они находятся лишь в половых органах и в непосредственной близости к ним. (274) Духовное сладострастие, развившееся в нём в связи с таким накоплением в его теле нервов, настолько велико, что достаточно лишь малейшего напряжение его воображения (особенно когда он лежит в кровати), чтобы дать ему ощущение чувственного удовольствия, представляющее собой довольно ясное подобие сексуального удовольствия, испытываемого женщиной в момент копуляции. (269)

Если мы теперь вспомним сон, виденный пациентом в момент его болезни , до его переезда в Дрезден, то нам станет абсолютно ясно, что его фантазия о трансформации в женщину является ничем иным, как осознанием содержания этого сна. В то время сон вызвал в нём бунт мужского негодования, и по той же причине он в начале пытался препятствовать его осуществлению во время болезни и рассматривал трансформацию в женщину как унижение, которым ему злонамеренно угрожают. Но затем пришло время (ноябрь, 1895), когда он начал примиряться с трансформацией и связывать её с высшими божественными целями: “С тех пор, и с полным сознанием того, что я делаю, я начертал на своих знамёнах культивацию женственности”.(177-8)

Далее он пришёл к твёрдому убеждению, что Сам Бог, для Своего собственного удовлетворения требует от него женственности:

“Тем не менее, я не оказываюсь наедине с Богом (если можно так выразиться), пока мне не станет необходимо прибегнуть ко всем вообразимым способам и призывать все мои умственные способности, особенно воображение, чтобы у божественных лучей создалось сколь возможно непрерывное впечатление (или, так как это выше способностей смертного человека, по крайней мере несколько раз в день), что я женщина, блаженствующая от сладострастных ощущений.”(281)

“С другой стороны Бог требует *постоянного состояния наслаждения* , соответствующего условиям существования, накладываемым на души Мировым Порядком; и мой долг в том, чтобы доставить ему это состояние ... путём создания сколь угодно большого духовного сладострастия. И если, в процессе этого, малая толика чувственного удовольствия придётся на мою долю, я чувствую себя в праве принять её как некое слабое возмещение за безмерные страдания и лишения, которые были моим уделом последние несколько лет...'(283)

“...Я думаю, можно даже рискнуть выдвинуть предположение, основанное на сложившихся у меня впечатлениях, что Бог никогда бы не предпринял каких-либо шагов по удалению лучей -- первым результатом чего является изменение моего физического состояния в худшую сторону -- но стал бы постепенно и тихо поддаваться моим силам притяжения, если бы я мог *вечно* играть роль женщины, лёжа в своих собственных любовных объятьях, вечно обращать свой взор на женские формы, вечно смотреть на изображения женщин и так далее.”(284-5)

В системе Шребера два основных элемента его фантазий (его трансформация в женщину и его особое отношение к Богу) связаны в его приятии женственного отношения к Богу. Неизбежной частью нашей задачи будет показать, что существует весьма важная генетическая связь между этими двумя элементами. В противном случае наши попытки пролить свет на фантазии Шребера оставят нас в абсурдном положении, описанном в знаменитом кантовском сравнении в “ Критике чистого разума ” -- мы будем подобны человеку, держащему сито под козлом, в то время как кто-то другой доит его.

II. ПОПЫТКИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ.

Есть два ангела, от которых мы можем попытаться получить понимание этого случая паранойи и с помощью которых можно выявить в нём знакомые комплексы и движущие силы умственной жизни. Мы можем начать или с собственных рассказов пациента о его фантазиях или с причин-возбудителей его болезни.

Первый из указанных методов должен казаться заманчивым из-за блестящего примера, продемонстрированного нам Юнгом (1907) в его интерпретации случая dementia praecox, гораздо более острого, чем данный, и имевшего намного более далёкие от нормы симптомы. Также, высокий уровень интеллекта нашего нынешнего пациента и его общительность, скорее всего, помогут нам в завершении нашей задачи. Он сам нередко даёт нам в руки ключ, прибавляя заметку, цитату или пример к какому-либо фантастическому предположению, казалось бы случайно, или даже активно опровергая какую-либо параллель с ними, возникшую в его же собственном мозгу. Когда это происходит нам остаётся только следовать нашему обычному психоаналитическому приёму: лишать предложение его отрицательной формы, принимать его пример за истинное положение вещей, а его замечание или цитату за истинный источник -- и мы обнаруживаем, что нашли то, что искали, то есть перевод параноидного способа повествования на нормальный язык.

Возможно, следует дать более детальное описание этой процедуры. Шребер жалуется на то, что его беспокоят так называемые “чудносозданные птицы” или “говорящие птицы”, которым он приписывает ряд весьма любопытных свойств. (208-14) Он считает, что они состоят из уже упоминавшихся преддверий Неба, то есть, из человеческих душ, вступивших в состояние блаженства, и что они заряжены ядом птомаином (немецкое “Leichengift, буквально, “трупный яд”) и натравлены на него. Они научены повторять “бессмысленные фразы, которые они заучили наизусть” и которые были им “вдолблены”. Каждый раз, когда они выплёскивают на него свой заряд птомаина-- то есть каждый раз, когда они “выпаливают фразы, которые им несомненно вдолбили”--они в какой-то степени поглощаются его душой, крича “Чёртов парень!” или “Чёрт побери!” , то есть, единственные слова, которые они ещё способны употребить для выражения собственных чувств. Они не понимают смысл произносимых ими слов, они просто по природе восприимчивы к созвучиям, хотя это созвучие и необязательно должно быть полным. Так для них нет разницы, когда говорят:

“ Santiago ” или “Karthago”

“Chinesentum” или “Jesum Christum”

“Abendrot” или “Atemnot”

“ Ariman ” или “ Ackermann ” , etc . (“Сантьяго” или “Карфаген”, “Китайцы” или “Иисус Христос”, “Закат” или “Бездыханность”, “Ахриман” или “Фермер”).

Читая это описание, мы не можем не подумать, что на самом деле речь идёт о молоденьких девушках. Рассердившись, люди часто сравнивают их с гусями и весьма неуважительно приписывают им “птичьи мозги”, а также заявляют, что они не могут сказать ничего самостоятельного, а лишь повторяют зазубренное наизусть, и выдают свой недостаток образования, путая иностранные слова, похожие по звучанию. Фраза “Чёртов парень!”, единственная, произносимая ими серьёзно, относится к успеху молодого человека, которому удалось произвести на них впечатление. И, разумеется, через несколько страниц мы натыкаемся на абзац, в котором Шребер подтверждает справедливость нашей догадки: “Для того, чтобы различать их, я шутя дал многим птицам-душам имена девочек; так как своим любопытством, склонностью к сладострастию и другими особенностями они все удивительно напоминали юных девочек. Некоторые из этих девичьих имён были впоследствии восприняты божественными лучами и стали официальным наименованием данных птиц-душ.”(214) Эта легко полученная интерпретация сути ”чудно созданных птиц” даёт нам ключ к пониманию загадочных “преддверий Неба”.

Я полностью сознаю, что психоаналитику нужно немало такта и чувства меры каждый раз, когда в ходе своей работы он выходит за рамки типических интерпретаций, и что его слушатели и читатели будут понимать его настолько, насколько им позволит их собственная осведомлённость в технике анализа. И что, поэтому, у него есть веские причины остерегаться ситуации, когда демонстрация проницательности с его стороны может повлечь снижение точности и достоверности полученных им результатов. Поэтому вполне естественно, что один аналитик будет в большей степени руководствоваться осторожностью, тогда как другой будет больше доверять своей смелости. Невозможно будет определить рамки оправданной интерпретации до проведения большого числа экспериментов, и пока данный предмет изысканий не станет более изучен. В работе над случаем Шребера я держался тактики сдержанности, навязанной мне тем обстоятельством, что чрезвычайно сильное сопротивление публикации его *Мемуаров* утаило от нас значительную часть материалов -- часть, которая возможно, содержала особо важную информацию о его болезни (“Когда мы изучаем содержание этого документа”, -- пишет д-р Вебер в своём рапорте, “и задумываемся над многочисленными признаниями в отношении самого себя и посторонних, которые там содержатся, когда мы видим бесстыдную манеру, в которой описываются ситуации и события весьма деликатного характера, и в самом деле, в эстетическом отношении, совершенно невозможные, когда мы видим его использование самых грубых и оскорбительных выражений и так далее, мы совершенно не в состоянии понять, как человек, во всех остальных ситуациях отличающийся своим тактом и утончённостью, может желать сделать столь компрометирующий для себя в глазах общества шаг, если мы только не примем в расчёт тот факт, что...” и так далее (402) Разумеется, вряд и можно ожидать, что история болезни, направленная на изображение повреждённого рассудка и его попыток восстановить себя, может отличаться “сдержанностью” и “эстетическими” достоинствами) . Так, например, третья глава начинается с такого многообещающего заявления: ”Теперь я приступаю к описанию некоторых событий, произошедших с *другими членами нашей семьи* и которые, возможно, связаны с душеубийством, о котором я заявляю; так как, в любом случае, в них есть нечто своеобразное, нечто не вполне объяснимое с точки зрения обычного человека.”(33) Но следующее предложение, одновременно являющееся последним предложением в главе, гласит: “Остальная часть этой главы не допущена в печать как непригодная для публикации.“ Таким образом, мне придётся ограничиться попыткой сколько-нибудь точно соотнести ядро системы фантазий с обычными человеческими мотивами.

С этой целью я теперь приведу ещё один небольшой фрагмент истории болезни, которому не придано нужного значения в отчётах, хотя сам пациент сделал всё возможное, чтобы привлечь к нему внимание. Речь идёт об отношениях Шребера с его первым врачом, Профессором Тайного совета Флехьсигом из Лейпцига.

Как нам уже известно, болезнь Шребера сперва приняла форму фантазий о

преследовании и сохраняла эту форму вплоть до переломного момента болезни (до момента его "примирения"). С этого момента преследование постепенно переставало казаться невыносимым, и постыдные цели, вначале скрывавшиеся за кастрацией, которой ему грозили, постепенно заменялись целью, соответствовавшей Мировому порядку. Но первым автором всех этих актов преследования был Флехьсиг, и он же остаётся подстрекателем этих планов на протяжении всей болезни ("Даже теперь эти голоса, которые говорят со мной, кричат мне ваше имя сотни раз в день. Они называют вас в некоторых часто повторяющихся ситуациях, и в особенности, как нанесшего первое перенесённое мною увечье. И тем не менее, отношения, существовавшие между нами некоторое время, отошли, по крайней мере для меня, на задний план; так что сам я вряд ли имел бы причины постоянно вспоминать вас, а тем более вспоминать связанные с вами чувства негодования." ("Открытое Письмо к Профессору Флехьсигу")) .

Об истинной природе злодеяния Флехьсига, а также о его мотивах пациент говорит с характерной неопределённостью и смутностью, которые могут свидетельствовать об особо интенсивном формировании фантазий, ("Wahnbildungsarbeit". Это параллель с "Traumarbeit" ("работой мечты"), термином, используемым в Интерпретации Снов, глава VI) если только правомерно судить паранойю так же, как и гораздо более распространённое умственное явление -- сон. Флехьсиг, по словам пациента, совершил или пытался совершить "убийство его души"-- т.е., по его мнению, действие, схожее с тем, что пытаются сделать демоны, чтобы овладеть душой, и для которого, возможно, послужили прототипом события, происходившие между давно умершими членами семей Шребер и Флехьсиг. (22) Было бы чрезвычайно ценно иметь больше информации о том, в чём заключается "убийство души", но в данном случае наши источники вновь ограничиваются тенденциозным молчанием: "Что до того, в чём состоит настоящая суть убийства души и какова его техника, если можно так выразиться, то я не могу добавить ничего к тому, что уже было указано. Можно ещё, разве что, упомянуть, что ...(следующий за этим параграф непригоден для публикации)".(28) В результате этой купюры мы остаёмся в неведении относительно того, что подразумевается под "убийством души". Позднее мы сошлёмся на единственный намёк на эту тему, который ускользнул от внимания цензоров.

Так или иначе, вскоре произошли дальнейшие изменения в фантазиях Шребера, которые сказались на его отношении к Богу, не повлияв на отношения с Флехьсигом. До сих пор он считал Флехьсига (или, вернее, его душу) своим единственным настоящим врагом, а в Господе Всемогущем видел своего союзника; но теперь он не мог отделаться от мысли, что Сам Господь являлся сообщником, если не инициатором заговора против него.(59) Флехьсиг, тем не менее, оставался первым соблазнителем, под чьё влияние Господь попал.(60) Ему удалось проникнуть на небо всею своей душой или же её частью, став "вождём лучей", не умирая и не проходя какого-либо предварительного очищения ("Reinigung". Только в первом издании, "Peinigung" ("мучение"), разумеется, опечатка. - Согласно другой, весьма значительной версии, которая, тем не менее, была вскоре отвергнута, профессор Флехьсиг застрелился или в Вайссенбурге в Эльзасе или в полицейской камере в Лейпциге. Пациент видел, как мимо прошла его похоронная процессия, хотя она двигалась и не в том направлении, которое следовало ожидать из-за взаимоположения университетской клиники и кладбища. В других ситуациях Флехьсиг встречался ему в компании полицейского или разговаривая со своей, Флехьсига, женой. Шребер присутствовал при этом разговоре методом " связи с помощью нервов" и в ходе беседы профессор Флехьсиг назвал себя "Богом Флехьсигом" в присутствии своей жены, так что она была склонна думать, что он сошёл с ума.(82))(56) Душа Флехьсига сохранила своё значение даже после того, как пациента перевезли из лейпцигской клиники в лечебницу доктора Пирсона (В Линденхофе). Влияние нового окружения проявилось в том, что к душе Флехьсига присоединилась душа главного санитара, в котором пациент узнал своего прежнего соседа по кварталу. Он представлен как "душа фон В." (Голоса сообщили ему, что в ходе официального допроса этот фон В. Сделал несколько ложных утверждений относительно него, то ли специально, то ли по ошибке, и в

особенности обвинял его в мастурбации. В наказании за это он теперь был должен прислуживать пациенту. (108)). Душа Флехьсига затем ввела систему “разделения души”, которая достигла большого развития. Одно время существовало не менее сорока-шестидесяти отделений души Флехьсига; два крупнейших отдела назывались “верхний Флехьсиг” и “средний Флехьсиг”. Душа фон В. (т.е. душа главного санитара) вела себя точно так же. (111) Порой бывало крайне забавно наблюдать, как эти две души, несмотря на их альянс, вели между собой борьбу, так как аристократическая гордыня одной наталкивалась на профессиональное тщеславие другой. (113) Во время первых недель в клинике Зонненштайн (куда его в итоге перевели летом 1894-го) на сцене появилась душа его нового врача, доктора Вебера; и вскоре после этого в фантазиях пациента произошли изменения, известные нам уже как его “примирение”.

На более поздних этапах пребывания в Зонненштайне, когда Бог стал более высоко ценить его, была совершена карательная вылазка против душ, которые до того размножились, что стали существенной помехой. В результате душа Флехьсига сохранилась лишь в одной-двух формах, а душа фон В. -- только в одной форме. Последняя вскоре вовсе исчезла. Разделения души Флехьсига, которые постепенно теряли и свой ум, и свою власть, а после стали именоваться “задним Флехьсигом” или “Партией “Увы!” ”. То, что душа Флехьсига сохраняла своё значение до конца, становится ясно из Шреберова предварительного “Открытого письма господину профессору тайного совета, доктору Флехьсигу”.

В этом замечательном документе Шребер выражает своё твёрдое убеждение, что повлиявший на него врач был подвержен тем же видениям и получал такие же сверхъестественные откровения, как и он сам. На первой же странице он уверяет, что автор *Мемуаров* ни в коей мере не желает опорочить честь доктора, и то же самое настойчиво и подчёркнуто повторяется при изложении пациентом своей точки зрения. (343, 445) Очевидно, что он пытается отличить “душу Флехьсига” от реального человека, носящего это же имя; Флехьсига его бредовых фантазий от настоящего Флехьсига. («Вынужден признаться, что всё, что было сообщено в первых разделах моих «Мемуаров» о пережитом мною и связанном с именем Флехьсига, относится только к душе Флехьсига, отличающейся от живущего человека. Хотя существование души Флехьсига и не вызывает сомнений, познать её естественным путём невозможно» (342-3)).

Изучение ряда случаев фантазий преследования привело меня, как и некоторых других исследователей, к выводу, что отношения между пациентом и его преследователем можно свести к простой формуле (См. статью К. Абрахама (1908). - В этой работе автор представляет свои идеи, не забывая сказать о большом влиянии на их развитие нашей переписки) . По-видимому, человек, которому расстроенное воображение приписывает такую большую власть и влиятельность, который стоит в центре заговора, является или тем, кто играл столь же значимую роль в эмоциональной жизни пациента до начала болезни, или тем, кого можно рассматривать как замену этого человека. Интенсивность эмоций проецируется в форме внешней силы, а их характер заменяется на противоположный. Человек, к которому теперь испытывается ненависть и страх как к преследователю, был прежде любим и почитаем. Главная цель идеи преследования, созданной больным воображением пациента,-- оправдание перемены в его эмоциональном отношении.

Принимая во внимание эту точку зрения, давайте теперь рассмотрим отношения, прежде существовавшие между Шребером и его врачом и преследователем доктором Флехьсигом. Мы уже слышали, что в 1884 и 1885 годах Шребер перенёс первый приступ нервного расстройства, который прошёл “без каких-либо явлений, граничащих со сферой сверхъестественного” (35). Пока он находился в этом состоянии, описываемом как ‘ипохондрия”, и которое, похоже, не вышло за пределы невроза, Флехьсиг был его лечащим врачом. В это время Шребер провёл шесть месяцев в Университетской клинике в Лейпциге. Мы узнаём, что после выздоровления у него были самые сердечные чувства по отношению к доктору. “Главным было то, что после довольно долгого периода восстановления,

проведённого в путешествиях, я окончательно исцелился; и потому для меня тогда было невозможно испытывать к профессору Флехьсигу что-либо кроме живейшей благодарности. Я всячески выражал это чувство и при личном визите, который я вскоре нанёс ему, и тем, что казалось мне соответствующим денежным воознаграждением". (35-36) Нельзя не отметить, что в *Мемуарах* Шреберово восхищение первым лечением Флехьсига не было безоговорочным; но это легко понять, если вспомнить, что с течением времени его отношение резко переменилось. Абзац, непосредственно следующий за тем, что процитирован выше, свидетельствует о первоначально тёплых чувствах по отношению к врачу, который столь успешно лечил его : "Благодарность моей жены была, возможно, даже ещё более сердечной, так как она боготворила Профессора Флехьсига, как человека, вернувшего ей мужа, и поэтому она годами держала его портрет на своём письменном столе". (36)

Так как у нас нету возможности каким-то образом разобраться в причинах первой болезни (знание которых несомненно необходимо для прояснения второго и более сильного заболевания), мы должны теперь погрузиться наобум в произвольное нагромождение обстоятельств. В течение инкубационного периода болезни, как мы знаем, (то есть, в период между июнем 1893-го, когда он получил назначение на новый пост, и следующим октябрём, когда он вступил в должность), ему несколько раз снилось, что его старое нервное расстройство вернулось. Однажды, кроме того, когда он находился в полудрёме, у него было чувство, что, должно быть, это очень приятно, быть женщиной, отдающейся при акте копуляции. Сны и фантазии излагаются Шребером в непрерывной последовательности; и если мы также объединим их тематику, мы сможем заключить, что одновременно с воспоминанием о болезни в его уме пробуждалось воспоминание о докторе, и что принятая им в фантазиях позиция женщины с самого начала была ориентирована на доктора. Или, возможно, под влиянием сна о возвращении болезни у него появилось желание вновь увидеть Флехьсига. Наше неведение в отношении умственного содержания первой болезни становится здесь помехой. Может быть, после той болезни у него осталось чувство приятной зависимости от доктора, которое теперь по каким-то неизвестным причинам усилилось до степени эротического желания. Эта женственная фантазия, по-прежнему остававшаяся ненаправленной, сразу же столкнулась с негодующим отрицанием -- истинно "мужским протестом", используя выражение Адлера в несколько ином смысле (Адлер (1910). - По мнению Адлера мужской протест задействован в возникновении симптомом, в обсуждаемом нами случае персона протестует против сформировавшегося у неё симптома [Теория Адлера довольно подробно обсуждается в более поздней статье Фрейда «Ребёнка бьют» (1919)). Но в последовавшем тяжёлом психозе, который вскоре начался, женственная фантазия смела всё на своём пути; достаточно лишь лёгкого исправления характерной для паранойи неопределённости манеры изложения Шребера, чтобы догадаться, что пациент боялся сексуального насилия со стороны своего доктора. Возбудителем его болезни, в этом случае, явился прорыв гомосексуального либидо; объектом этого либидо был, возможно, сам его первый доктор, Флехьсиг; и его борьба против либидных побуждений привела к конфликту, повлекшему его симптомы.

Здесь я на мгновение остановлюсь, чтобы принять на себя бурю негодующих возражений. Каждый, кто знаком с современным состоянием психиатрии, должен быть готов противостоять трудностям.

"Разве это не безответственное легкомыслие, нескромность и клевета обвинять в гомосексуализме человека столь высоких моральных устоев, каких придерживался бывший президент сената Шребер?" -- Нет. Пациент сам рассказал всему миру о своей фантазии о превращении в женщину и принёс в жертву высоким интересам все личные соображения. Таким образом он сам позволил нам исследовать его фантазии, и, осуществляя их перевод на язык медицинских терминов, мы ничего не добавили к их содержанию.

"Да, но он не был в здравом уме, когда принял это решение. Его идея о том, что он превращается в женщину, была патологической идеей". -- Мы об этом и не забываем. В

самом деле, нас заботит лишь значение и исток этой патологической идеи. Мы сошлёмся на различие, которое он сам проводит между Флехьсигом-человеком и “душой Флехьсига”. Мы его ни в чём не упрекаем -- ни в том, что у него были гомосексуальные чувства, ни в том, что он пытался подавить их. Психиатры должны хотя бы извлечь урок из этого случая, когда пациент, несмотря на свой бред, старается не смешивать мир подсознания с реальным миром.

“Но ни из чего в явном виде не следует, что превращение его в женщину, которого он так боялся, должно быть осуществлено ради Флехьсига”. -- Это верно; и нетрудно понять почему, готовя мемуары к публикации, и не желая оскорблять Флехьсига-человека, он должен был избегать таких грубых обвинений. Но смягчение его тона из-за подобных соображений оказалось недостаточно сильным, чтобы скрыть истинный смысл этого обвинения. В самом деле, можно утверждать, что несмотря ни на что, оно вполне явно выражено в следующем абзаце: “Таким образом против меня образовался заговор (примерно в марте-апреле 1894-го). Цель его была в том, чтобы попытаться, когда мой недуг будет признан неизлечимым или когда его удастся выдать за таковой, *передать меня некоторому лицу* так, чтобы моя душа оказалась в его власти, а моё тело... превратилось в женское тело и *в этом виде подверглось* сексуальному надругательству *этого человека* ...”.(56) Нет необходимости добавлять, что никого из упоминаемых людей нельзя поставить на место Флехьсига. К концу его пребывания в Лейпциге его стал мучить страх, что его “собираются бросить санитарам” для сексуального насилия (98). Все сомнения относительно роли, которая изначально отводилась доктору, рассеиваются, когда мы видим, что на более поздних стадиях развития фантазий он открыто признаёт своё женственное отношение к Богу. Другое обвинение против Флехьсига красной нитью проходит через книгу. Флехьсиг, по его словам, пытался осуществить над ним “убийство души'. Как нам уже известно [стр. 38], пациент сам неуверен относительно того, в чём заключается это преступление, но оно связано с соображениями благоразумия, которые исключили публикацию (как мы видим из сокращённой третьей главы). С этого момента у нас остаётся единственный ключ. Шребер наглядно поясняет природу убийства души с помощью примеров из “Фауста” Гёте, “Манфреда” Байрона, “Freischuetz” Вебера, и т.д. (22), и одно из этих произведений далее цитируется в следующем абзаце. Обсуждая разделение Бога на две сущности, Шребер отождествляет своих “нижнего Бога” и “верхнего Бога' соответственно с Ахриманом и Ормуздом (19); и ещё ниже даётся небрежное пояснение в сносках: “Более того, имя Ахриман также употребляется в связи с убийством души, например, в “Манфреде” Лорда Байрона “(20). Пьесу, на которую он ссылается, вряд ли сравнима с фаустовой продажей души и я тщетно искал в ней упоминаний “убийства души”. Но суть и тайна этого произведения состоит в инцестуальных отношениях брата и сестры. И это и даёт нам ключ (Для подтверждения сказанного нами: Манфред говорит демону, который хочет забрать его из жизни (заключительная сцена):

«... my past power was purchased by no compact with thy crew».

Таким образом, здесь нет ничего, говорящего о пакте продажи души. Этой ошибке Шребера скорее всего присуща тенденциозность. - Само собой приходит в голову, что сюжет «Манфреда» можно связать с инцестуозным отношением поэта к его сводной сестре, о чём уже не раз писали. Вспоминается и другая великая драма, сотворённая Байроном, «Каин», в которой мы встречаемся с взглядом первородной семьи на инцест между сибсами, который не считается безнравственным. - Мы не можем покинуть тему убийства души, не вспомнив ещё одно место из мемуаров Шребера (23): «ранее виновником убийства души назывался Флехьсиг, а сейчас, спустя большое время намеренно происходит искажение прошлого, теперь меня пытаются «представить» как человека, стремящегося совершить самоубийство»).

Позже в этой работе я собираюсь возвратиться к обсуждению некоторых дальнейших возражений; однако пока что я считаю, что обосновал своё право считать основой болезни Шребера всплеск гомосексуальных импульсов. Такое толкование проливает свет на

существенную деталь в истории болезни, которая в противном случае остаётся необъяснимой. Пациент пережил новый “нервный срыв”, сыгравший решающую роль в развитии его болезни, как раз в тот момент, когда его жена взяла краткий отпуск из-за собственных проблем со здоровьем. До тех пор она проводила с ним по несколько часов в день, и обедала с ним. Но, вернувшись после четырёхдневного отсутствия, она обнаружила в нём весьма прискорбные перемены: вплоть до того, что он больше не желал её видеть. “Мой нервный срыв окончательно определила та ночь, когда я пережил необычайно высокое количество эмиссий -- вплоть до шести за одну ночь” (44). Нетрудно понять, что само присутствие его жены , должно быть, действовало как защита от притягательной силы окружающих мужчин; и если мы готовы предположить, что у взрослого не происходит эмиссия без сопутствия какого-либо умственного компонента, мы можем объяснить пережитые в ту ночь пациентом эмиссии, предположив, что они сопровождались оставшимися неосознанными гомосексуальными фантазиями.

На вопрос о том, почему этот всплеск сексуального либидо охватил пациента как раз в тот период (то есть, между его назначением и переездом в Дрезден), невозможно ответить без более глубокого знания его предыдущей биографии. В общем, каждый человек всю жизнь колеблется между гетеро- и гомосексуальными чувствами, и всякая фрустрация или разочарование в одном направлении склонно подталкивать его в противоположном направлении. Мы ничего не знаем о подобных факторах в случае Шребера, но мы не должны не обращать внимание на соматический фактор, который может иметь здесь немаловажное значение. Во время болезни доктору Шреберу был 51 год, а, стало быть, он достиг переломного возраста в половой жизни. Это период, в который у женщин половая функция после краткой фазы усиленной активности, вступает в процесс стремительного спада; мужчины также не избегают влияния этого периода: так, мужчины, также как и женщины переживают “климактерий” и уязвимы для сопровождающих его болезней (Я благодарю за дружелюбные сведения о возрасте Шребера к моменту заболевания, которые мне предоставил его родственник доктор Штегманн (Дрезден). А в остальном я ограничивался только тем материалом, который находится в тексте «Мемуаров». (Сегодня мы знаем, что доктор Штегманн снабдил Фрейда и другими фактами, правда, в тексте статьи Фрейд эту информацию не использует. Особое значение, приписываемое 51 году, без сомнения говорит о продолжающемся влиянии на мысли Фрейда теории чисел Вильхельма Флиса)).

Я могу с лёгкостью представить, какой сомнительной может показаться эта гипотеза, согласно которой дружеское отношение мужчины к врачу может неожиданно вырасти в обострённую форму по прошествии восьми лет и стать причиной столь тяжёлого умственного заболевания. Однако я не считаю, что оправдано полностью отвергнуть такую гипотезу только из-за её кажущегося неправдоподобия, если в остальных отношениях она вполне удовлетворительна; скорее, нам следует спрашивать себя, насколько больших результатов мы достигнем, если будем развивать её. Так как неправдоподобие может оказаться временным и объясняться тем, что неясная гипотеза ещё не сопоставлялась с другими знаниями и что это первая гипотеза, выработанная в отношении этого случая. Но ради тех, кто не в состоянии временно воздержаться от оценок и кто считают нашу гипотезу совершенно невероятной, легко предложить возможность, которая нивелирует её скандальный характер. Дружелюбное отношение пациента к доктору вполне могло было быть вызвано процессом “переноса”, с помощью которого эмоциональный катексис оказался перенесён с какого-то важного для пациента человека на доктора, который, на самом деле. был ему безразличен; так, что доктор был выбран заместителем или суррогатом кого-то, гораздо более близкого ему. Выражаясь более конкретно, фигура доктора напомнила пациенту брата или отца, он вновь открыл их для себя в нём; ничего удивительного, если , при некоторых обстоятельствах, жажда замены вновь появилась в нём и появилась с яростью, которую можно объяснить, лишь зная её источник и первоначальное значение.

Желая продолжить эту попытку интерпретации, я естественно счёл необходимым узнать, был ли ещё жив отец пациента в начале его болезни, был ли у него брат, и если был,

то был ли он жив или находился среди ”блаженных”. Поэтому я был рад, когда, после длительного поиска в тексте Мемуаров я наткнулся на отрывок, в котором пациент делится следующими размышлениями: “Память о моих отце и брате... так же священна для меня, как...” и т.д. (442) Стало быть, оба они были уже мертвы к моменту начала его второй болезни (а, может быть, даже и к началу первой) (Отец Шребера умер в 1861 году, а единственный брат - в 1877 (Ваитеуег, 1956)).

Поэтому, я думаю, мы более не будем оспаривать гипотезу, что причиной-возбудителем болезни было проявление в пациенте женственной (то есть, пассивно-гомосексуальной) страстной фантазии, которая была направлена на его врача. Со стороны личности Шребера возникло сильное сопротивление этой фантазии, а за ним последовала защитная борьба, которая, возможно, с такой же вероятностью могла принять какую-либо другую форму, но, по неизвестным нам причинам, приняла форму мании преследования. Человек, к которому он испытывал влечение, теперь стал его преследователем, и содержание страстной фантазии стало теперь содержанием его преследования. Можно допустить, что та же схема применима и к другим случаям мании преследования. Однако случай Шребера отличается от других своим развитием и той трансформацией, которую он по ходу дела прошёл.

Одним из таких изменений стала замена Флехьсига превосходящей её фигурой Бога. Сначала эта замена кажется знаком осложнения конфликта, усиления невыносимого преследования, но вскоре становится ясно, что она подготавливает второе изменение, а с ним и разрешение конфликта. Для Шребера было невозможно примириться с ролью женственной распутницы по отношению к своему врачу, но задача предоставления Самому Богу сладострастных ощущений, в которых Он нуждался, не вызывала у его эго такого сопротивления. Кастрация более не была позором; она стала “созвучна Мировому Порядку”, она происходила в череде великих событий космического значения, и становилась необходимой для воссоздания человечества после его исчезновения. “Новая раса людей, рождённых от духа Шребера” стала бы, по его мнению, почитать как своего предка этого человека, считавшего себя жертвой преследования. Таким способом был найден выход, который удовлетворял обе противоборствующие силы. Его эго нашло компенсацию в его мегаломании, тогда как его женственная страстная фантазия прорвалась наружу и была принята. Борьба и болезнь могли теперь прекратиться. Однако, чувство реальности пациента, которое за это время усилилось, принудило его отодвинуть решение из настоящего в отдалённое будущее, и довольствоваться тем, что можно описать как асимптотическую (от греч. аэ е тр№№э, не совпадающий) В математике асимптотической называется прямая, которая приближается к кривой, продолжающейся до бесконечности, но так и не соприкасаясь с ней. В данном контексте речь идёт об реализации желания в отдалённом будущем) реализацию мечты («Лишь как о возможности, так как мы невольно заговорили об этом, упомяну всё же ещё о кастрации со знаменательным последствием: из моих недр посредством божественного оплодотворения выйдет потомство» - такое читаем мы в конце книги (293)). Когда-нибудь, по его мнению, превращение в женщину произойдёт; а до тех пор личность доктора Шребера останется неуничтожимой.

В учебниках по психиатрии мы часто встречаем утверждения относительно того, что мегаломания (мания величия) может развиться из мании преследования. Процесс этого превращения предположительно следующий. Пациент сперва страдает от ощущения, что его преследуют какие-то высшие силы. Затем он чувствует потребность найти этому объяснение в самом себе, и в итоге у него рождается идея, что он сам по себе личность незаурядная и достоин такого преследования. Развитие мегаломании таким образом связывается авторами учебников с процессом, который (заимствуя у Эрнеста Джонса удобное выражение [1908]) мы можем описать как “рационализацию”. Но приписывать рационализации такое сильное и деструктивное для психики влияние, по нашему мнению, совершенно не психологично; и поэтому мы бы хотели провести чёткое разграничение между нашим взглядом на проблему и тем, которое приводится в используемых нами учебниках. При этом, мы ни в коем случае не

пытаемся утверждать, что открыли происхождение мегаломании (Эта проблема будет заново обсуждаться ниже, когда речь зайдёт о понятии нарциссизма) .

Возвращаясь опять к случаю Шребера, мы обязаны признать, что любая попытка пролить свет на трансформацию в его заблуждениях влечёт за собой чрезвычайные трудности для нас. Как и каким образом произошло восхождение от Флехьсига к Богу? Что послужило для него источником мегаломании, которая столь удачно дала ему возможность примириться с преследованием, или, как принято выражаться среди психоаналитиков, принять страстную фантазию, которую раньше было необходимо вытеснять? Мемуары дают нам первую "ниточку"; ибо из них становится ясно, что в сознании пациента "Флехьсиг" и "Бог" принадлежат к одному классу. В одной из своих фантазий он подслушал разговор между Флехьсигом и его женой, в котором первый утверждал, что он "Бог Флехьсиг", так что его жена решила, что он сошёл с ума (82). Но есть и другая особенность в развитии фантазий Шребера, на которую следует обратить внимание. Если рассматривать всю фантастическую систему в целом, то видно, что преследователь разделяется на Флехьсига и Бога; точно так же, далее, сам Флехьсиг распадается на две личности, "верхнего" и "среднего" Флехьсига [стр. 40], а Бог на "нижнего" и "верхнего" Бога. Далее расщепление Флехьсига продолжается (193). Процесс такого расщепления очень характерен для паранойи. Паранойя так же склонна к расщеплению, как истерия к сгущению. Или, точнее, паранойя разлагает на составляющие продукты сгущений и идентификаций, которые формируются в бессознательном. Частое повторение процесса разбиения в случае Шребера должно, по Юнгу, выражать важность, которую данный человек имеет для него (C. G. Jung (1910). Скорее всего Юнг прав и в том, что расторжение, представляющее собой специфическую тенденцию шизофрении, аналитически является депотенцирующей тенденцией, так как препятствует появлению сильных впечатлений. Так, например, одна из его пациенток говорила: «Ах, и Вы тоже доктор Ю., сегодня утром уже был один, который выдавал себя за доктора Ю.». На самом же деле речь пациентки должна бы звучать следующим образом: «А теперь по сравнению с Вашим прежним посещением Вы напоминаете мне другого человека из целой серии моих переносов»). Всё это разделение Флехьсига и Бога на ряд личностей, таким образом, имеет то же значение, что и разделение преследователя на Флехьсига и Бога. Все они были дублетами одних и тех же важных отношений. Но для того чтобы провести интерпретацию всех этих деталей, мы должны теперь обратить внимание читателя на наше понимание этого разбиения преследователя на Флехьсига и Бога как параноидную реакцию на ранее установленное отождествление этих двух существ или отнесение их к одному и тому же классу. Если преследователь Флехьсиг был изначально человеком, которого Шребер любил, тогда Бог, по-видимому, является попросту перевоплощением кого-то другого, кого он тоже любил, причём кого-то ещё более значимого.

Рассуждая и дальше в этом ключе, что представляется оправданным, мы придём к заключению, что этим другим человеком, видимо, был его отец; что в свою очередь наводит на мысль, что Флехьсиг, должно быть, символизировал его брата -- который, будем надеяться, был старше его (Текст «Мемуаров» не даёт нам об этом сведений. (Брат действительно был старше на три года (Baumeyer, 1956). О верности своего предположения Фройд узнал от доктора Штегманна)) . Эта женственная фантазия, которая вызывала столь яростный протест у пациента, имела таким образом исток в желании, дошедшем до эротического накала и направленном на его отца и брата. Это чувство относительно брата перешло в результате переноса на его доктора Флехьсига, а когда оно распространилось и на отца, конфликт был подготовлен.

Мы не будем считать, что с нашей стороны оправдано таким образом ввести отца Шребера в его фантазии, если только эта новая гипотеза не окажется полезной для понимания заболевания и не поможет прояснить до сих пор неясные детали фантазийных построений. Следует вспомнить, что шреберов Бог и его отношение к Нему имели некоторые весьма интересные особенности: в них смешивались богохульственная критика и мятежное неповиновение, с одной стороны, и благоговейная преданность, с другой. Бог, по его

представлению, поддался порочному влиянию Флехьсига: Он был неспособен исследовать что-либо опытным путём и не понимал живых людей, так как Он знал лишь как обращаться с трупами; и Он демонстрировал Свою власть в ряде чудес, которые были хоть и поразительны, но всё же тщетны и глупы.

Надо сказать, что отец сенатспрезидента Шребера был весьма значительным человеком. Он был тем самым доктором Даниэлем Готтлобом Морицем Шребером, чья помять до сих пор жива благодаря многочисленным Ассоциациям Шребера, которые особенно распространены в Саксонии; и, более того, он был *врачом* . Его деятельность по внедрению гармонического воспитания молодёжи, по обеспечению взаимосвязи между образованием дома и в школе, по распространению физической культуры и ручного труда с целью повысить уровень здоровья -- всё это произвело незабываемое впечатление на его современников (Я благодарен доктору Штегманну из Дрездена за присылку одного из номеров журнала «Друг общества Шребера». В этом номере (том II, № X) журнала, выпущенного к 100-летнему юбилею выдающегося человека, доктора Д. Г. М. Шребера, приведены биографические факты из его жизни. Доктор Шребер-старший родился в 1808 году и умер в 1861 в возрасте всего на всего 53 лет. Из уже упоминавшегося источника я знаю, что нашему пациенту тогда было 19 лет (Дополнительные биографические данные читатель найдёт в работах Baumeyer, 1956 и Niederland, 1959, 1960, 1963)). Его великолепная репутация как основателя терапевтической гимнастики в Германии до сих пор очевидна по популярности его книги “Aerztliche Zimmergymnastik” в медицинских кругах и многочисленным переизданиям, которые выдержала эта книга (Было выпущено около сорока изданий).

Такой отец как этот разумеется вполне подходит для превращение в Бога в памяти любящего сына, с которым его так рано разлучила смерть. Правда, мы не можем не чувствовать наличие непреодолимой пропасти между личностью Бога и личностью любого смертного, даже самого выдающегося. Но мы должны помнить, что это было не всегда так. Боги людей античности состояли с людьми в почти человеческих отношениях. У римлян было в порядке вещей обожествлять своих умерших императоров; и император Веспасиан, человек умный и образованный, впервые заболев, воскликнул: “Увы! Мне кажется, я становлюсь Богом!” («Биографии императоров» Светония (книга VIII, глава 23). Начинается обожествление с Г. Юлия Цезаря. Август называл себя в своих посланиях Divi filius (Сын Божий)).

Мы прекрасно знакомы с инфантильным отношением мальчиков к их отцу; оно представляет собой такую же смесь благоговейного подчинения и мятежного неповиновения, которые мы обнаружили в отношении Шребера к его Богу, и, несомненно, является прототипом последнего отношения, которое тщательно с него копируется. То обстоятельство, что отец Шребера был врачом и чрезвычайно выдающимся врачом, таким, которого, несомненно, глубоко уважали его пациенты, объясняет самые поразительные черты его Бога, в особенности те, которые он так резко критикует. Есть ли способ более уничтожающе охарактеризовать такого врача, чем сказать, что он ничего не знает о живых людях, а только умеет обращаться с трупами? Разумеется, одной из главных черт Бога является совершение чудес; но и врач совершает чудеса; благодаря нему происходят чудесные исцеления, как уверяют его восторженные пациенты. Так что, когда мы убеждаемся, что эти чудеса (материал, для которых предоставила ипохондрия пациента) оказываются невероятными, абсурдными, в какой-то степени просто глупыми, мы вспоминаем утверждение из моей *Интерпретации снов* , что абсурд во сне выражает осмеяние и издёвку (Неплохо также прочитать примечание в клиническом случае «человека-крысы» (1909)) Очевидно, он используется для тех же целей и в паранойе. Что касается других обвинений, которые он бросил Богу, таких, например, как то, что он ничего не узнал из опыта, то естественно предположить, что они являются примером используемого детьми механизма *tu quoque* , которые, получив упрёк, обращают его неизменённым против того, кто бросил его им (Подобный реванш происходит тогда, когда Шребер записывает:

«Приходится отказываться от любой попытки оказать воспитательные воздействие в силу их полной бесперспективности» (188). Невоспитуемым тут оказывается Бог) . Примерно так же, голоса дают нам основания предполагать, что обвинение в убийстве души, направленное против Флехьсига, сперва было самообвинением («Уже давно пытаются “представить” в качестве виновника совершенного убийства души меня самого, полностью переворачивая сложившиеся отношения»).

Воодушевившись открытием, что профессия отца Шребера помогает нам объяснить особенности его Бога, мы теперь попытаемся сделать интерпретацию, которая, возможно, прольёт свет на уникальную структуру этого Существа. Небесный мир состоял, как нам известно, из “передних царств Господа”, которые также называются “преддверия Неба” и в которых содержатся души умерших, и из “нижнего” и “верхнего” Бога, которые вместе составляют “задние царства Господа” (19). Хотя мы должны быть готовы обнаружить здесь наличие обобщения (слияния), которое нам не под силу расшифровать, всё же стоит воспользоваться тем ключом, который уже у нас в руках. Если “чудно созданные” птицы, которые, как было показано являются девушками, сначала были преддвериями Неба, то нельзя ли предположить, что *передние* царства Господа и преддверия (Наряду с более распространённым значением двора, расположенного перед каким-либо архитектурным строением, термин «преддверие» (Vorhof) используется в анатомии для обозначения расширения, образующего вход к внутреннему органу, в данном контексте подразумевается часть женских гениталий) Неба следует рассматривать как символ женщины, а *задние* царства Господа -- как символ мужчины? Если бы мы точно знали, что умерший брат Шребера был старше его, мы могли бы предположить, что разложение Бога на нижнего и верхнего Бога выражало воспоминание пациента о том, как после ранней смерти его отца старший брат занял его место.

В этой связи, наконец, я бы хотел обратить внимание на проблему *солнца* , которое благодаря своим “лучам” приобрело столь большую важность в выражении его фантазий. У Шребера было очень своеобразное отношение к солнцу. Оно беседует с ним по-человечески, и, таким образом, предстаёт перед ним как живое существо или как часть стоящего за ним сверхсущества.(9) Из медицинского отчёта мы узнаём, что одно время он “то и дело выкрикивал угрозы и оскорбления в его адрес, просто вопил на него” («Солнце - ты проститутка» (384)) и часто приказывал ему ползти прочь и спрятаться. Он сам сообщает нам, что солнце бледнеет перед ним («А впрочем и сегодня ещё солнце показывает передо мной свой другой облик, совсем не тот, который был до моей болезни. Лучи солнца тускнеют при встрече со мной, стоит мне только начать с ним громко разговаривать. Я могу совершенно спокойно смотреть прямо на солнце, оно слепит меня в ничтожной степени. Хотя в здоровые для меня дни, как и наверное для других людей, невозможно подолгу, минутами всматриваться в солнце» (139, примечание). (К этому Фрейд ещё вернётся в «Послесловии»). То, каким образом оно связано с его судьбой становится ясно по важным изменениям, которые оно претерпевает как только начинают происходить изменения в самом Шребере, как, например, во время первых недель в клинике Зонненштайн. (135) Шребер сам помогает нам интерпретировать свой солнечный миф. Он отождествляет солнце с Богом, иногда с нижним (Ахриманом), а иногда с верхним. “На следующий день... я видел верхнего Бога (Ормузда), и на этот раз не мысленным взором, но физическим зрением. Он был солнцем, но не солнцем, в его обычном виде, как его видят все люди; это было...” и т.д. (137-138) Поэтому с его стороны ничуть не странно обращаться с солнцем так же, как он обращается с Самим Богом.

Следовательно, солнце является ничем иным, как ещё одним сублимированным символом отца; и указывая на это я вынужден сложить с себя всяческую ответственность за монотонность выводов, предлагаемых психоанализом. В этом случае символика пренебрегает грамматическим родом -- по крайней мере, в немецком варианте, (Как и в русском тоже, но в немецком языке солнце женского рода) так как в большинстве других языков солнце мужского рода. Его парой в этом изображении родителей является “Мать

Земля", как он её обычно называет. Мы часто встречаем подтверждения этого факта, расшифровывая патогенные фантазии невротиков в анализе. Мне остаётся лишь слегка намекнуть на отношение всего этого к космическим мифам. Один из моих пациентов, который потерял отца в очень раннем возрасте, всегда пытался отыскать его во всём великом и возвышенном в Природе. С тех пор, как я узнал об этом, мне стало казаться весьма правдоподобным, что гимн Ницше "Vor Sonnenaufgang" ["Перед восходом солнца"] является выражением того же стремления (.«Так говорил Заратустра», третья часть. - Ницше тоже видел отца лишь в детстве). Другой пациент, который стал невротиком после смерти отца, испытал первый приступ тревоги и головокружения в момент, когда солнце светило на него, работавшего лопатой в саду. Он спонтанно выдвинул интерпретацию, по которой он испугался, потому что его отец смотрел, как он прикасался к матери острым инструментом. Когда я попытался мягко протестовать, он попытался объяснить своё предположение сообщением, что ещё при жизни отца сравнивал его с солнцем, хотя и в шутку. Когда бы его не спрашивали, где отец собирается провести лето, он отвечал звучными словами из "Пролога в небе":

Und seine vorgeschrieb'ne Reise
Vollendet er mit Donnergang
(«Предписанное ему путешествие
Завершит он раскатами грома»).

Его отец, следуя предписанию врача, каждый год отправлялся в Мариенбад. Инфантильное отношение к отцу этого пациента проявилось на двух последовательных этапах. При жизни отца оно выражалось в ожесточённом бунтарстве и открытом неповиновении, но сразу же после его смерти оно приняло форму невроза, основанного на униженном подчинении перед ним и благоговейном послушании ему (Обратите внимание на некоторые мысли о «послушании задним числом» в анализе «маленького Ганса» (1909)) .

Таким образом, в случае Шребера мы вновь столкнулись с хорошо знакомым комплексом отца (Да и «женственные фантазийные желания» Шребера на самом деле являются одной из типичных форм этого инфантильного комплекса, составляющего ядро человеческой психики). Борьба пациента с Флехьсигом представилась ему, как борьба с Богом, а мы, в свою очередь, должны интерпретировать её как инфантильный конфликт с отцом, которого он любил; детали этого конфликта (о которых нам ничего неизвестно) как раз и определяют содержание его фантазий. В этом случае налицо весь материал, который в других случаях подобного рода обнаруживается в ходе анализа: на каждый элемент имеется намёк того или иного рода. В подобных инфантильных опытах отец выступает как помеха удовлетворению, которое ребёнок пытается получить; это удовлетворение обычно аутоэротического характера, хотя позднее его обычно вытесняет какая-то более возвышенная фантазия. На последней стадии формирования фантазий Шребера инфантильный сексуальный позыв одерживал блестящую победу; т.к. сладострастие становилось богобоязнью, и Сам Бог (его отец) неустанно требовал этого от него. Самая страшная угроза его отца, кастрация, собственно и предоставила материал для его страстных фантазий (которым он вначале сопротивлялся, но которые впоследствии принял) о его превращении в женщину. Его упоминание о преступлении, замаскированном заместительным понятием "убийства души", как нельзя более прозрачно. Главный санитар, как оказалось, был тем же лицом, что его сосед фон В. , который, если верить голосам, несправедливо обвинял его в мастурбации (108). Голоса утверждали, словно придавая основание угрозе кастрации: "Ибо ты должен *представляться* склонным к сладострастным излишествам" (127-8) (Система «представления [128, примечание] и записывания» (126-7) скорее всего связана с «проверенными душами» посредством школьных переживаний. [Процесс очищения душ после смерти (1) на «основном языке» называется «испытанием». Души, которые ещё не очищены, относятся не к «непроверенным», а согласно тенденции «основного языка», прибегающего к эвфемизмам (151), - к «проверенным». И соответственно «представлять» обозначает «представлять неверно». Посредством системы «записи», проводимой

существами, полностью лишёнными духовности и по всей видимости обитающими на других, удалённых от нас космических телах, все мысли и действия Шребера, вообще всё-всё, что связано с ним, год за годом фиксировалось в специальных книгах.]) В итоге, мы приходим к усиленному мышлению (47), которому подвергал себя пациент, считая, что Бог примет его за идиота и оставит его, если он прекратит думать на мгновение. Это реакция (также известная нам, хотя и в другом контексте) на угрозу или страх сойти с ума («То, что это является единственной целью, совершенно открыто признавалось ранее фразой, слышанной мною бесконечное число раз и исходившей от верхнего Бога: «Мы хотим разрушить Ваш разум» (206, примечание)) в результате сексуальных опытов и, в особенности, мастурбации. Принимая во внимание огромное число фантастических идей ипохондрического характера, (Не могу здесь не заметить, что теория паранойи может только тогда иметь право на существование, когда ей удастся включить в теоретическое рассмотрение почти регулярно появляющиеся при паранойе ипохондрические симптомы. Думаю, что ипохондрия по отношению к паранойе занимает такое же место, как невроз страха по отношению к истерии. [Несколько более подробно место ипохондрии Фрейд обсуждает в начале второго абзаца своей статьи о нарциссизме (1914)) которые выработались у пациента, возможно, не следует придавать большого значения тому, что некоторые из них дословно совпадают с ипохондрическими страхами мастурбаторов («Поэтому у меня пытались выкачать спинной мозг, делали это "маленькие мужчины", посаженные мне на ноги. Об этих «маленьких мужчинах», у которых обнаруживалось некоторое родство с уже обсуждавшимся в главе VI одноимённым явлением, я ещё расскажу позднее; как правило это были два человека, «маленький Флехьсиг» и «маленький фон В.», голоса которых я слышал и моими ногами» (154). Фон В. - это тот человек, от которого исходило обвинение в онанизме. Сам Шребер называет «маленьких мужчин» как одно из наиболее заметных и в некотором отношении самом загадочном явлении (157). По-видимому, идея о «маленьких мужчинах» появилась в результате сгущения представлений о детях и о сперматозоидах).

Любой более смелый, чем я, интерпретатор, или любой, кому приходилось общаться с семьёй Шребера и кто поэтому лучше знает его круг общения и подробности его биографии, сумел бы с лёгкостью соотнести бесчисленные детали его фантазий с их источниками и таким образом установить их значение, несмотря на работу цензуры, которой подверглись Мемуары. Но в отсутствие таковых нам остаётся довольствоваться общей схемой инфантильного материала, который был использован параноидным расстройством для изображения текущего конфликта.

Возможно, мне будет позволено добавить несколько слов с целью установить причины конфликта, который вышел наружу в связи с женственной страстной фантазией. Как мы знаем, когда появляется страстная фантазия, наша задача состоит в том, чтобы соотнести её с какой-то фрустрацией, каким-то лишением в реальной жизни. В нашем случае Шребер сам признаётся, что страдал от такого лишения. Его брак, который он описывает как вполне счастливый в других отношениях, не дал ему детей; и, в особенности, он не дал ему сына, который мог бы утешить его и на которого он мог бы излить свою нереализованную гомосексуальную нежность («После выздоровления от моей первой болезни я чувствовал себя великолепно, можно даже сказать, что я действительно был счастлив. Вполне хватало и уважения окружающих. Так я жил многие годы в браке с женой, и только иногда всё омрачала не сбывающаяся надежда иметь детей». (36)) . Его род был под угрозой вымирания, а он, по-видимому, очень гордился своим происхождением. "И Флехьсиги и Шреберы входили в "высшее Небесное дворянство", как он утверждает. В частности Шреберы носили титул "Маркграфов Тоскани и Тасмании"; ибо души, склонные к своего рода тщеславной гордости, обычно украшают себя звучными титулами из этого мира" (А сразу же за этими словами, сохраняющими даже в бреду добродушную иронию, характерную для здоровых дней, Шребер начинает исследовать взаимоотношения между семьями Флексигов и Шреберов, продвигаясь при этом по времени далеко назад, к прежним векам, чем-то

напоминая жениха, который не может понять, почему несмотря на давнее желание познакомиться, он много лет живёт без общения с любимой). (24). Великий Наполеон развёлся с Жозефиной (хотя и после тяжёлой внутренней борьбы), потому что она не могла дать наследника династии (В этом отношении следует упомянуть несогласие пациента с мнением медицинского эксперта: «Я никогда не заигрывал с мыслью о разводе, и никогда не проявлял безразличие к сохранению существующих брачных уз, о чём можно подумать, читая мнение эксперта, пишущего, что я “якобы только и жду того момента, когда жена позволит мне развестись”» (436)) . У доктора Шребера могла возникнуть фантазия, что будь он женщиной , он справился бы с деторождением более успешно; и так он мог вновь вернуться к женственному отношению к отцу, которое он проявлял в раннем детстве. Если это было так, то его фантазия, согласно которой в результате его кастрации мир оказался бы населён “новой расой людей , рождёнными от духа Шребера” (288) -- фантазия, реализацию которой он откладывал на всё более отдалённое будущее - видимо, тоже была создана, чтобы спасти его от бездетности. Если “маленькие человечки”, которых сам Шребер находит такими занимательными, были детьми, тогда у нас не должно возникать сложностей с пониманием, почему они накапливались в столь больших количествах в его голове (158): они были в буквальном смысле “детьми его духа”.

III.О МЕХАНИЗМЕ ПАРАНОЙИ.

До сих пор мы обсуждали комплекс отца, который был доминирующим элементом в случае Шребера, а также страстную фантазию, находившуюся в центре заболевания. Но во всём этом нет ничего характерного для формы заболевания, известного как паранойя, ничего, что нельзя было бы найти (и что, фактически не было бы уже обнаружено) в других видах неврозов. Отличительную черту паранойи (или раннего слабоумия) следует искать в другом, а именно в той особой форме, которую приняли симптомы; и нам следует ожидать, что она обусловлена не природой самих комплексов, а механизмом, с помощью которого образовались эти симптомы, или с помощью которого достигалось вытеснение. Следует отметить, что всё, характерное для паранойи в этом заболевании, сводится к тому, что пациент, стремясь отгородиться от гомосексуальной страстной фантазии, формировал ответные фантазии о преследованиях именно такого сорта.

В свете таких размышлений, то обстоятельство, что мы, исходя из опыта, склонны приписывать гомосексуальным страстным фантазиям близкую (возможно, обязательную) связь с именно этой формой заболевания, приобретает некий дополнительный вес. Не доверяя своему собственному опыту в этой области, я вместе со своими друзьями К. Г. Юнгом из Цюриха и Шандором Ференци из Будапешта занимался в последние годы изучением именно этого предмета на большом числе случаев паранойи, находившихся под наблюдением. Среди пациентов, история которых предоставляла материал для данного исследования, были люди обоего пола, различной расовой принадлежности, профессий и социального положения. И, тем не менее, мы с изумлением обнаружили, что во всех этих случаях в ядре конфликта можно было с лёгкостью различить защиту от гомосексуального желания, которое было скрытой причиной болезни, а также то, что она была результатом попытки преодолеть бессознательно усиленный поток гомосексуальности, от которого все они страдали. Разумеется, мы вовсе не этого ожидали. Паранойя является как раз тем заболеванием, при котором сексуальная этиология совершенно неочевидна; напротив, особо выдающимися чертами причин-возбудителей паранойи, особенно у мужчин, являются социальные унижения и неудачи. Но если вникнуть в это явление чуть глубже, то нетрудно заметить, что действительным движущим фактором этих социальных травм является та роль, которую играют в них гомосексуальные компоненты эмоциональной жизни. Пока личность функционирует нормально, и потому заглянуть в глубину её мыслительного процесса нельзя, мы можем не верить в существование какой-либо связи между её сексуальностью и её

эмоциональным отношением к окружающим, будь то в явном виде или по происхождению. Но бред неизменно выявляет эту связь, и в нём прослеживается происхождение социальных отношений от непосредственных чувственно-эротических желаний, на которых они основаны. Доктор Шребер, чей бред в итоге вылился в страстную фантазию несомненно гомосексуального характера, до своей болезни, по свидетельствам всех знавших его, не проявлял никаких признаков гомосексуальной ориентации, в привычном смысле слова.

Теперь я попытаюсь (и я считаю эту попытку в равной мере необходимой и оправданной) показать, что знание психологического процесса, которым, благодаря психоанализу, мы теперь обладаем, уже теперь позволяет нам понять роль, которую играет гомосексуальное желание в формировании паранойи. Недавние исследования (I. Sadger (1910). - Фрейд. «Одно из детских воспоминаний Леонардо да Винчи» (1910)) привлекли наше внимание к той стадии развития либидо, которую оно проходит на пути от аутоэротизма к объектной любви («Три очерка по теории сексуальности» (1905) [хотя фрагмент, упоминаемый Фрейдом, впервые появился в примечании ко второму изданию очерков (1910 г.)]). Эта стадия получила название нарциссизма. Происходит следующий процесс. В развитии человека наступает момент, когда он объединяет свои сексуальные инстинкты (которые до сих пор использовались в аутоэротической деятельности) для того, чтобы обрести объект любви; и вначале он воспринимает самого себя, своё тело как этот объект любви, и лишь позже он переходит от этой стадии к избранию кого-либо другого в качестве этого объекта. Эта промежуточная фаза между аутоэротизмом и объектной любовью, возможно, нормальна и необходима; но, по-видимому, многие люди задерживаются необычайно долго в этом состоянии, и многие особенности этого этапа в дальнейшем сохраняются у ни на более поздних стадиях развития. Исключительное значение в "я" субъекта, избранном таким образом в качестве объекта любви, могут уже иметь гениталии. Логика развития далее ведёт к избранию объекта с такими же гениталиями -- то есть, к гомосексуальному выбору объекта-- а лишь потом к гетеросексуальности. Люди, ставшие открытыми гомосексуалистами в дальнейшем, по-видимому, так и не смогли освободиться от непременного условия, чтобы выбранный ими объект обладал такими же гениталиями, как они; и в этой связи очень интересны теории детской сексуальности, которые приписывают одинаковые гениталии лицам обоего пола. [Ср. Фрейд, 1908]

После того как стадия гетеросексуального выбора объекта достигнута, гомосексуальные тенденции отнюдь не исчезают, как можно было бы предположить; они просто теряют связь с сексуальной целью и применяются по-иному. Они теперь сливаются с элементами инстинктов эго и в качестве "дополнительных » (В статье о нарциссизме (1914) Фрейд объясняет свой подход. Там он говорит: «Вначале сексуальные влечения ориентируются на удовлетворение Я-влечений». Именно здесь берёт свои истоки идея Фрейда о «ориентирующемся типе» выбора объектов) компонентов участвуют в формировании социальных инстинктов, внося таким образом эротический компонент в дружбу и товарищество, в *esprit de corps* и любовь к человечеству в целом. Насколько велик вклад, реально приходящийся на долю эротических импульсов, (со скрытой сексуальной целью) вряд ли можно догадаться по нормальным отношениям в человеческом социуме. Но не будет лишним заметить, что именно не скрывающиеся гомосексуалисты, а среди них -- именно те, которые противятся излишествам в чувственных удовольствиях, -- именно они выделяются особенно активным участием в обще-гуманных видах деятельности -- в деятельности, которая сама по себе произошла из сублимации эротических инстинктов.

В моей статье *Три очерка о теории сексуальности [Стандартное издание, 7, 235]* я высказал мнение, что на каждой стадии развития психосексуальности существует возможность создания "фиксации", а стало быть, и предрасположенность к болезни (Более подробно обсуждаемая в этом абзаце тема излагается в начале статьи «Предрасположенность к неврозу навязчивости» (1913)). Люди, не полностью вышедшие из стадии нарциссизма -- т.е. иначе говоря те, у которых на этой стадии была точка фиксации, которая в последствие может сработать как предрасположенность к болезни -- для таких людей есть риск, что

какая-нибудь необычно сильная волна либидо, не найдя себе иного выхода, может вызвать сексуализацию их социальных инстинктов и, таким образом, разрушить созданные ими в ходе развития сублимации. К этому результату может привести всё, что направляет вспять течение либидо (т.е. вызывает “регрессию”): как в случае, когда либидо усиливается косвенно в результате неудачи с какой-то женщиной, или когда для него образуется непосредственная преграда из-за неудачи в социальных отношениях с другими мужчинами -- обе эти ситуации являются примерами “фрустрации”; так и в случае, когда наступает общее усиление либидо, так что ему становится тесно в привычном русле, и оно выходит из берегов там, где для того больше всего предпосылок (Об этой проблеме и понятии «неудача» Фрейд более подробно говорит в позднее написанной работе «О типе невротического заболевания» (1912)) . Так как наши опыты показывают, что параноики *пытаются защититься от любых подобных сексуализаций своих социальных инстинктивных катексисов* , мы вынуждены предположить, что такое уязвимое место в их развитии следует искать где-то среди стадий аутоэротизма, нарциссизма и гомосексуализма, и что их предрасположенность к болезни (которая, возможно, заслуживает более точного определения) следует также отнести к этому периоду. Схожую предрасположенность следовало бы предположить у пациентов, страдающих от раннего слабоумия Крепелина или (как назвал эту болезнь Блейлер) *шизофрении* ; и будем надеяться, что в дальнейшем нам удастся отыскать материал, который позволит объяснить различия между этими расстройствами (включая и форму заболевания, и характер течения) с помощью разницы в предрасполагающих фиксациях пациентов.

Принимая эту точку зрения, и, следовательно, предполагая, что у мужчин в основе параноидного конфликта лежит гомосексуальная страстная фантазия о любви к мужчине, мы разумеется не станем забывать, что столь важную гипотезу можно считать доказанной лишь после изучения большого числа случаев каждого из разнообразных проявлений паранойи. Поэтому мы должны быть готовы в случае нужды признать, что наши выводы распространяются лишь на один тип этой болезни. Тем не менее, крайне примечательно, что все основные известные формы паранойи могут быть представлены в виде формул, противоречащих единственной пропозиции: ”Я (мужчина) люблю его (мужчину)”, и они в самом деле исчерпывают все возможные способы формулировки подобных опровержений.

Пропозиции “Я (мужчина) люблю его” противоречат :

(a) Мании *преследования* ; т.к. они открыто утверждают:

“Я не *люблю* его -- я *ненавижу* его”.

Это противоречие, которое, должно быть, так формулировалось в подсознании, (В версии шреберовского «основного языка» (см. выше)) не может быть, однако, осознано больным, страдающим от данного вида паранойи. Механизм формирования симптомов в паранойе требует внутренних , чтобы внутренние перцепции -- чувства -заменялись внешними перцепциями. Следовательно пропозиция “Я ненавижу его” превращается путём *проекции* в другую: “ *Он ненавидит* (преследует) *меня* , что оправдывает мою ненависть к нему”. И, таким образом, это неумолимое бессознательное чувство проявляется как бы в виде реакции на внешнюю перцепцию:

“Я не *люблю* его -- я *ненавижу* его, потому что он *преследует* меня.”

Проведённые наблюдения не дают возможности сомневаться в том, что преследователем является некто, прежде любимый.

(b) В *эротомании* для противоречия выбирается другой момент, необъяснимый в свете любой другой интерпретации:

“Я не люблю *его* -- я люблю *её* .”

И из-за той же необходимости в проекции, эта пропозиция превращается в: “Я вижу, что *она* любит меня”.

“Я не люблю *его* -- я люблю *её* , потому что *она любит меня* ”.

Многие случаи эротомании могут создать впечатление, что их можно вполне удовлетворительно истолковать как преувеличенные или искажённые гетеросексуальные фиксации, если только наше внимание не привлечёт то обстоятельство, что эти

влюблённости неизбежно начинаются не с внутренней перцепции собственной любви к кому-то, но с внешней перцепции любви, направленной на себя извне. Но в этой форме паранойи промежуточная пропозиция “Я люблю *её* ” может также быть осознана, потому что противоречие между ней и исходной пропозицией не является диаметральным и столь же непримиримым как противоречие между любовью и ненавистью: в конце концов, *её* возможно любит, как, впрочем, и *его* . Таким образом, может случиться, что пропозиция, заменённая проекцией (“она любит меня”) может вновь уступить место “основному языку” пропозиции “Я люблю её”.

(с) Третий вид противоречий, с которыми может столкнуться исходная пропозиция, это противоречие, связанное с иллюзиями *ревности* , которые мы можем изучать по характерным проявлениям, встречающимся у лиц обоего пола.

1. Ревность, сопутствующая алкогольному опьянению. Роль, которую играет в этой ситуации алкоголь, полностью объяснима. Мы знаем, что источник удовольствия устраняет ингибиции и снимает сублимации. Нередко именно разочарование в женщине заставляет мужчину пить -- но обычно это ведёт к тому, что он удаляется в бар, в компанию мужчин, которые дают ему то эмоциональное удовлетворение, которое ему не удалось получить дома от жены. Если в этой ситуации эти мужчины становятся объектом сильного катексиса либидо в подсознании, человек переходит к третьему виду противоречия:

“Не *я* люблю этого мужчину, это *она* его любит”, и он начинает подозревать женщину в связи со всеми мужчинами, которых сам хотел бы любить.

Искажение с помощью проекции обязательно отсутствует в этом случае, так как с подменой личности любящего весь процесс в любом случае выносится за рамки личности пациента. Факт, что эта женщина любит этого мужчину, является внешней перцепцией для него; тогда как тот факт, что он сам не любит, а ненавидит, или что он любит, но не того, а другую, принадлежат к перцепции внутренней.

2. Неоправданная ревность у женщин абсолютно аналогична.

“Не *я* люблю женщин -- *он* их любит”. Ревнующая женщина подозревает мужа в связи со всеми женщинами, к которым её саму влечёт из-за её гомосексульности и предрасполагающего эффекта её чрезмерного нарциссизма. Влияние жизненного периода, во время которого произошла её фиксация, явственно проявляется в выборе объектов любви, которые она приписывает своему мужу; часто они слишком стары и не подходят для настоящей связи - это воссоздания нянек, служанок и подружек, с которыми она общалась в детстве, или сестёр, которые были её реальными соперницами.

Далее, можно предположить, что пропозиция, состоящая из трёх элементов, таких как “ *я люблю его* ”, может быть опровергнута лишь тремя перечисленными способами. Иллюзии ревности опровергают предмет, иллюзии преследования -- предикат, а эротомания -- объект. Но на самом деле возможен и четвёртый вид противоречия -- а именно, отрицание всей пропозиции в целом:

“ *Я вообще не люблю -- я не люблю никого* ”. А так как, как бы то ни было, либидо человека должно быть куда-то направлено, то эта пропозиция становится психологическим эквивалентом пропозиции: “Я люблю только себя самого”. Так что такое противоречие будет приводить к мегаломании, которую мы можем расценивать как *сексуальную переоценку эго* , сходную с уже известной нам переоценкой объекта любви («Три очерка по сексуальной теории» (1905).. Таким же образом представляют положение дел Абрахам и Медер).

В связи с другими аспектами теории паранойи достаточно важно заметить, что мы можем обнаружить элемент мегаломании в большинстве других форм паранойи. С нашей стороны вполне оправданно предположить, что, в основе своей, мегаломания имеет детскую природу, и что с ходом развития она приносится в жертву социальным соображениям. Сходным образом, мегаломания индивида никогда не испытывает столь яростного подавления, как когда он охвачен сильной любовью:

Denn wo die Lieb' erwachet, stirbt
das Ich, der finstere Despot.

(«Где пробуждается любовь,
там умирает Я,
наш мрачный деспот»
(Джеладелин Руми))

После этого обсуждения неожиданно важной роли, которую играет гомосексуальные страстные фантазии при паранойе, давайте вернёмся к двум факторам, в которых мы изначально ожидали обнаружить отличительные признаки паранойи, а именно, к механизму *симптомообразования* и к механизму *осуществления вытеснения* .

Мы, разумеется, не в праве изначально считать эти механизмы тождественными, и полагать, что симптомоформирование развивается теми же путями, что и вытеснение, хотя и, возможно, в противоположном направлении. Также, на первый взгляд, не слишком правдоподобно существование самого тождества. Тем не менее, мы воздержимся от выражения какой-либо точки зрения до завершения нашего исследования.

Самая поразительная особенность симптомоформирования при паранойе заключена в процессе, получившего название *проекция* . Внутренняя перцепция подавляется, а взамен, её содержание, пройдя некоторое искажение, входит в сознание в форме внешней перцепции. При маниях преследования искажение состоит в трансформации эмоции; то, что должно было восприниматься внутренне и как любовь, воспринимается внешне и как ненависть. Мы не могли бы не испытывать искушение рассмотреть этот поразительный процесс как важнейший элемент паранойи и как элемент абсолютно патогномоничный для неё, если бы две вещи не напоминали нам об обратном. Во-первых, проекция не играет одну и ту же роль во всех видах паранойи; и, во-вторых, она проявляется не только при паранойе, но и в других психологических состояниях, и ей даже отводится определённая роль в норме в нашем отношении к окружающему миру. Так, когда мы относим причину некоторых ощущений к внешнему миру, вместо того, чтобы искать их (как мы это делаем в отношении других) внутри самих себя, этот нормальный процесс также следует отнести к проекции. Уверившись таким образом, что к вопросу о природе проекции относится большое количество общепсихологических проблем, давайте отложим исследование этого вопроса (а с ним и весь вопрос о симптомоформировании при паранойе) до какого-нибудь другого случая; а теперь приступим к рассмотрению теорий о механизме вытеснения при паранойе. Сразу хочу сказать в оправдание этого нынешнего отступничества, что мы обнаружим, что способ, которым происходит процесс вытеснения, намного теснее связан с историей развития либидо и с вызываемой им предрасположенностью, чем способ симптомоформирования.

В психоанализе мы привыкли рассматривать патологические феномены, в основном, как результаты, вытеснения. Если мы более тщательно рассмотрим то, что называется “вытеснением”, мы увидим, что есть смысл разбить этот процесс на три фазы, концептуально легко отличимые одна от другой (Приводимая далее информация несколько другими словами излагается в начале метапсихологической статьи «Вытеснение» (1915)).

(1) Первая фаза состоит в *фиксации* , которая является предшественницей и необходимым условием любого подавления. Фиксацию можно описать следующим способом. Один инстинкт или компонент инстинкта перестаёт развиваться вместе с остальными закономерно ожидаемым, нормальным способом, и, в результате задержки в его развитии, он остаётся на более инфантильной стадии. Соответствующий поток либидо относится потом к остальным как неосознанный или вытесненный. Мы уже показали, что эти фиксации инстинктов составляют базу для предрасположенности к будущим болезням, и теперь можно добавить, что они, главное, составляют базу для определения исхода третьей фазы вытеснения.

(2) Второй фазой вытеснения является *собственно вытеснение* -- фаза, которой до сих пор уделялось больше всего внимания. Она исходит от наиболее высоко развитых систем эго -- систем, которые могут быть осознаны -- и её, в общем, можно описать как процесс “последующего давления”. Она производит впечатление в целом активного процесса, в то время как фиксация представляет собой фактически пассивное отставание. Вытеснению

могут подвергнуться или психические производные исходных отставших инстинктов, когда последние вновь усилились и таким образом вошли в конфликт с эго (или с эго-синтоническими инстинктами), или психические побуждения, которые по другим причинам вызвали сильное отторжение. Но это отторжение само по себе не привело бы к вытеснению, если бы не устанавливалась некоторая связь между этими неприятными побуждениями, нуждающимися в вытеснении, и теми, что уже были вытеснены. Если это происходит, то отталкивание, испытываемое сознанием, и тяга, испытываемая подсознанием, в равной степени помогают развитию вытеснения. Эти две возможности, которые здесь рассмотрены порознь, на практике могут быть, по-видимому, менее чётко разграничены, и вся разница между ними может сводиться просто к большей или меньшей степени, в которой первично подавленные инстинкты влияют на исход.

(3) Третья фаза, самая важная для патологических феноменов, это фаза прорыва вытеснения, взрыва или возвращения подавленного. Этот взрыв начинается с точки фиксации, и она заключается в возвращении либидного развития к этой точке.

Мы уже ссылались на множественность возможных точек фиксации; их , по сути дела, столько же, сколько стадий развития либидо. Мы должны быть готовы обнаружить такое же множество механизмов собственно вытеснения и механизмов взрыва (или симптомоформирования), и нам уже теперь следует предполагать, что объяснить происхождение всего этого множество одной лишь историей развития либидо, будет невозможно.

Нетрудно заметить, что обсуждение подходит к проблеме “выбора невроза”, которой тем не менее нельзя заняться, не завершив предварительной работы другого сорта. Пока что же, давайте запомним, что мы уже обсудили фиксацию и отложили на будущее симптомоформирование; давайте ограничимся вопросом, проливает ли анализ случая Шребера хоть немного света на механизм собственно вытеснения, который доминирует при паранойе.

На пике болезни, под влиянием видений, “отчасти пугающих, но отчасти также невыразимо великолепных ”(73), Шребер уверился в неизбежности великой катастрофы, конца света. Голоса говорили ему, что труды последних 14000 лет оказались теперь втуне, и что земле теперь осталось лишь 212 лет отведённого времени (71); и в конце своего пребывания в клинике Флехьсига он считал, что этот период уже прошёл. Сам он являлся “единственным выжившим настоящим человеком”, и те немногие человеческие формы, которые он всё ещё видел -- доктор, санитары и другие пациенты -- объяснялись им как “чудно созданные, наскоро сделанные люди”. Время от времени проявлялся также противоположный поток чувств: в его руки попадала газета, в которой был отчёт о его собственной смерти (81); он сам существовал во второй, низшей форме, и в этой второй форме он однажды тихо скончался. (73). Но та форма его фантазии, в которой его эго сохранилось, а мир принесён в жертву, оказалась в конечном счёте более устойчивой. У него были разные теории по поводу причин катастрофы. Одно время его занимал процесс оледенения из-за исчезновения солнца; в другой момент это было разрушение землетрясением, в котором ему, в его положении “свидетеля духов”, предстояло играть ведущую роль, так же как, по его сведениям, другой свидетель сделал при Лиссабонском землетрясении 1755 (91). Или ещё вариант, Флехьсиг оказывался преступником, так как своими колдовскими чарами он сеял среди людей страх и ужас, подрывал религиозные устои и распространил определённые нервные расстройства и аморальность, так что губительные моры опустились на человечество (91). В любом случае конец света был последствием конфликта, возникшего между ним и Флехьсигом, или, согласно этиологии, принятой на второй фазе его бреда, в результате нерасторжимого договора между ним и Богом; а на самом деле неизбежным результатом его болезни. Спустя годы, когда доктор Шребер вернулся в общество людей, и не обнаружил в книгах, песнях, различных предметах ежедневного использования, вновь попавших ему в руки, никаких следов, поддерживавших его теорию, что в истории человечества произошёл длительный пробел, он признал, что его

точка зрения более не могла считаться правдоподобной: “...Я более не могу отрицать, что с внешней точки зрения, всё осталось как было. К вопросу, не могла ли произойти, тем не менее, глубокая внутренняя перемена, я вернусь позже. (84-85) Он не мог заставит себя усомниться в том, что за время его болезни мир пережил конец, и что, не смотря ни на что, тот мир, что он теперь видел, был уже другим.

Подобные мировые катастрофы нередки во время возбуждённой стадии и у других больных паранойей (Другой тип мотивированного «заката мира» проявляется на пике любовного экстаза (Вагнеровские «Тристан и Изольда»); здесь мир всасывается не в Я, а в объект, которому дарятся либидозные оккупации со всего мира) .

Если базироваться на нашей теории либидозного катексиса, и если следовать подсказке, заключённой во взгляде Шребера на окружающих как на “наскоро сделанных людей”, нам будет нетрудно объяснить эти катастрофы. Пациент устранил от людей из своего окружения и от внешнего мира вообще либидный катексис, который до сих пор он направлял на них. Так всё стало безразличным и безынтересным для него, и стало объясняться путём вторичной рационализации, как нечто “чудно созданное, наскоро сделанное”. Конец света является проекцией внутренней катастрофы; его субъективный свет пережил свой конец , когда он устранил из него свою любовь (А возможно была устранена не только оккупация либидо, но и вообще пропал всякий интерес к миру, то есть, были устранены оккупации, исходящие не только от бессознательной сферы, но и от сферы Я. Смотри ниже обсуждение этого вопроса).

После того, как Фауст произнёс проклятия, которые освобождают его от мира, хор духов поёт:

Weh! Weh! Du hast sie zerstoert, die schoene Welt, mit maechtiger Faust! sie stuerzt, sie zerfaellt!

Ein Halbgott hat sie zerschlagen!
Maechtiger der Erdensoehne, Praechtiger baue sie wieder,
in deinem Busen baue sie auf!
(«О как ужасно! Как ты мог разрушить Прекрасный мир, Могущественным ударом;
Мир рушится, распадается! Какой-то полубог его уничтожил!
Самый мощный Из сыновей Земли, Он строит его заново
Прекрасней, чем он был раньше,И строит он в твоей груди!»
(«Фауст», часть 1, сцена 4))

И параноик выстраивает его вновь, не более прекрасный, конечно, но по крайней мере такой, что он вновь смог жить в нём. Он выстраивает его с помощью своих фантазий. Фантастическое построение, которое мы принимаем за патологический продукт, на самом деле является попыткой возврата утраченного, процессом реконструкции (Чуть позже Фрейд опять возвращается к этим мыслям, применяя их к симптомам других психозов). Такая реконструкция после катастрофы оказывается более или мене удачной, но никогда не удачна вполне; по словам Шребера, в мире произошла “глубокая внутренняя перемена”. Но субъект вновь приобрёл отношение, и подчас очень сильное, к людям и предметам в мире, хотя теперь это отношение стало враждебным там, где раньше оно было доброжелательным. Мы говорим поэтому, что процесс собственно вытеснения состоит в отстранении либидо от людей -и предметов -- которые прежде были любимы. Это происходит тихо; на это ничто не указывает, но об этом можно догадаться из последующих событий. Именно процесс возврата утраченного особенно сильно обращает на себя внимание, процесс, который разрушает результаты вытеснения и возвращает либидо к людям, от которых оно было спрятано. При паранойе этот процесс происходит методом проекции. Было бы неправильно сказать, что перцепция, внутренне вытесненная, проецируется вовне; правда заключается скорее, как мы теперь видим, в том, что внутренне уничтоженное возвращается снаружи. Тщательное исследование процесса проекции, которое мы отложили до другого раза, устранит наши последние сомнения на этот счёт.

Пока что, тем не менее, весьма приятно сознавать, что наше недавно приобретённое

знание вовлекает нас в ряд новых дискуссий.

(1) Нашей первой мыслью будет, что невероятно, чтобы это удаление либидо происходило исключительно в паранойе; и что также невозможно, чтобы в других ситуациях оно приводило к таким ужасным последствиям. Вполне возможно, что удаление либидо является существенным и постоянным механизмом любого подавления. Мы не сможем узнать ничего позитивного об этом, пока остальные заболевания, основанные на подавлении пройдут аналогичное исследование. Но совершенно точно, что в нормальной умственной жизни(исключая периоды траура) мы постоянно устраняем либидо от людей или от предметов, не заболевая. Когда Фауст освободился от мира, произнеся проклятия, результатом стала не паранойя или какой-либо другой невроз, а просто некоторое общее состояние ума. Устранение либидо, таким образом, не может быть само по себе патогенным фактором паранойи; должна существовать какая-то особая характеристика, которая отличает параноидное устранение либидо от других видов устранения. Нетрудно предположить, что может являться такой характеристикой. Как используется либидо после того, как оно освобождается с помощью процесса устранения? Нормальный человек сразу же начнёт искать замену для утраченной привязанности; и пока такая замена не будет найдена, освобождённое либидо будет в бездействии в уме, и будет там создавать напряжение и окрашивать его поведение. При истерии освобождённое либидо превращается в соматические иннервации или в тревожность. Но при паранойе клинический материал показывает, что либидо, после того, как оно было удалено от объекта, используется особым образом, следует помнить, что, что большинство случаев паранойи содержат следы мегаломании, и что мегаломания сама по себе может составить паранойю. Из этого можно заключить, что при паранойе освобождённое либидо оказывается направленным на эго и используется для возвеличивания эго (Исследование роли мании величия при шизофрении читатель найдёт в работе о нарциссизме (1914), в середине раздела II). Таким образом совершается возвращение на стадию нарциссизма (известную нам из развития либидо), на которой единственным сексуальным объектом субъекта является его собственное эго. На базе клинического материала мы можем предположить, что принесли с собой фиксацию на стадии нарциссизма, и мы можем утверждать, что длина шага назад от сублимированного гомосексуализма до нарциссизма является мерой величины подавления, характерного для паранойи (См. также статью «Предрасположенность к неврозу навязчивости»).

(2) Столь же правдоподобное возражение может основываться на истории болезни Шребера, как и на многих других. Так как можно утверждать, что фантазии о преследовании (направленные против Флехьсига) безусловно появились гораздо раньше, чем фантазия о конце света; так что, то, что предположительно было возвращением подавленного, на самом деле предшествовало подавлению как таковому -- а это уже полная бессмыслица. Чтобы ответить на это возражение, мы должны оставить возвышенные обобщения и вернуться к детальному осмыслению конкретных обстоятельств, которые несомненно намного более сложны. Мы должны признать возможность, что такое устранение либидо, о котором мы говорим, столь же легко могло быть частичным, ответвлением от некого целого комплекса, как и общим. Частичное устранение должно было бы быть гораздо более распространённым из двух вариантов, и должно предшествовать общему, так как, прежде всего, лишь для частичного устранения влияние жизненных обстоятельств предоставляют мотив. Этот процесс также может остановиться на стадии частичного устранения, или может разрастись в общее, которое громко заявит о себе симптомами мегаломании. Таким образом отстранение либидо от фигуры Флехьсига может тем не менее быть первичным явлением в болезни Шребера; за ним непосредственно последовало появление фантазии, которая вновь вернула либидо к Флехьсигу (хотя и со знаком минус в знак того, что подавление уже имело место) и таким образом свела на нет работу подавления. И теперь бой подавления начался заново, но на этот раз более мощным оружием. Пропорционально тому, как объект борьбы становится самым важным во внешнем мире, с одной стороны пытаясь привлечь к себе всё либидо, а, с другой стороны, мобилизуя все сопротивления против себя, так что борьба, кипящая вокруг

единственного объекта становилась всё более и более сравнимой с общим сражением; пока, в конце концов, победа сил подавления нашла выражение в убеждении, что пришёл конец света и что лишь он один выжил. Если мы вновь обратимся к гениальным конструкциям, возведённым фантазиями Шребера в области религии -- иерархия Бога, проверенные души, преддверия неба, нижний и верхний Бог -- мы можем ретроспективно оценить богатство сублимаций, которые были разрушены катастрофой общего устранения его либидо.

(3) Теперь изложим третье соображение, вытекающее из взглядов, которые развивались на этих страницах. Следует ли предположить, что общее устранение либидо из внешнего мира может быть достаточно эффективным событием, чтобы привести к "концу света"? Или не было бы достаточно эго-катексисы, по-прежнему существовавших, для поддержания связь с внешним миром? Чтобы справиться с этой трудностью нам или придётся предположить, что то, что мы называем либидным катексисом (то есть, интерес, исходящий от эротических источников) совпадает с интересом вообще, или нам придётся считаться с той возможностью, что очень распространённое расстройство в дистрибуции либидо может привести к соответствующему расстройству в эго-катексисах. Но всё это проблемы, решить которые мы пока бессильны. Всё было бы иначе, если бы могли опираться на какую-либо хорошо обоснованную теорию инстинктов; но фактически ничего подобно у нас в распоряжении нет. Мы рассматриваем инстинкт как концепт на границе между соматическим и умственным и видим в нём психическое представление органических сил. Далее, мы принимаем популярное разграничение между эго-инстинктами и сексуальным инстинктом; так как, видимо, такое разграничение согласуется с биологической концепцией, что у личности есть двоякая ориентация, направленная, с одной стороны, на самосохранение, а, с другой стороны, на продолжение рода. Но сверх этого у нас есть лишь гипотезы, которые мы приняли на веру - но от которых мы так же легко готовы отказаться - чтобы иметь какую-то опору в неразберихе таинственных умственных процессов. От психоаналитических исследований патологических умственных процессов мы как раз и ожидаем, что они приведут нас к каким-то выводам по вопросам теории инстинктов. Эти исследования, тем не менее, только начались и ведутся лишь отдельными специалистами, так что возлагаемые на них надежды пока что неизбежно остаются только надеждами. Не стоит как отрицать возможность, что расстройства либидо могут реагировать на эго-катексисы, так и недооценивать противоположную возможность - а именно, что вторичные или наведённые расстройства либидных процессов могут быть результатом аномальных изменений в эго. В самом деле, возможно, что подобные процессы составляют отличительную характеристику психозов. Насколько всё это можно отнести к паранойе пока что нельзя сказать. Тем не менее, есть одно соображение, на которое я бы хотел обратить особое внимание. Нельзя утверждать, что параноик, даже на пике процесса подавления, полностью устраняет свои интересы из внешнего мира - как, похоже, происходит в некоторых других видах галлюцинаторных психозов (таких как аментия Мейнерта). Параноик воспринимает внешний мир и принимает в расчёт любые изменения, которые могут в нём произойти, и эффект, оказываемый миром на него, заставляет его строить объяснительные теории (такие как "наскоро сделанные люди" Шребера). Поэтому мне кажется более вероятным, что изменённое отношение параноика к миру следует объяснять полностью или большей частью через утрату либидного интереса (К. Г. Юнг критикует этот абзац, о его подходе Фрейд говорит в конце раздела 1 своей статьи о «нарциссизме» (1914)).

(4) Нельзя не спросить, ввиду тесной связи межу этими двумя расстройствами, насколько эта концепция паранойи повлияет на наше понимание раннего слабоумия (dementia praecox). Я считаю, что Крепелин абсолютно оправданно сделал шаг в сторону отделения большой части того, что прежде относили к паранойе, и отнесения её вместе с кататонией и некоторыми другими формами заболевания к новому клиническому разделу - хотя "раннее слабоумие" было удивительно неудачным термином для него. Название, введённое Блёйлером для той же самой группы заболеваний - "шизофрения" - также оставляет возможность для возражений, так как оно применимо лишь если забыть о его

буквальном значении. Ибо в противном случае оно подготавливает разногласия, так как оно основано на характеристике болезни, которая является теоретическим постулатом, -- более того, на характеристике, которая свойственна не только данному заболеванию, и которая, в свете других соображений, не может считаться существенной. Тем не менее, в целом не так уж важно, какие названия мы закрепляем за клиническими картинами. Гораздо более важным представляется то, что паранойю следует рассматривать как отдельный клинический тип, как бы часто её картина не осложнялась присутствием черт шизофрении. Так как, с точки зрения теории либидо, хотя она и напоминает раннее безумие постольку, поскольку собственно подавление у обоих заболеваний имеет одно и то же основное свойство - устранение либидо вместе с его регрессией к эго -- она всё равно отличается от раннего безумия тем, что её dispositional фиксация имеет иное расположение и тем, что её подавленное возвращается с помощью другого механизма (т.е. другое симптомоформирование). Наиболее удобным мне представляется назвать раннее слабоумие парафренией. У этого термина нет особых коннотаций, но он указывает на связь с паранойей (названием, которое уже не подлежит изменению) и сможет также напоминать гебефрению, феномен, который теперь тоже относят к раннему слабоумию. Верно, что это имя уже предлагалось для других целей; но это не должно волновать нас, так как эти другие предложения ещё не закрепились как общеупотребимые термины (На основе впервые здесь высказанных соображений Фрейд явно предлагает заменить названия «Dementia praecox» и «шизофрения» на «парафрению» и отделять последнюю от родственного ей заболевания «паранойя». Примерно через три года Фрейд однако стал использовать термин «парафрения» в более широком смысле, как понятие охватывающее оба заболевания: «Dementia praecox» и «паранойю». То, что это было сделано намеренно, видно по одному из фрагментов в статье «Предрасположенность к неврозу навязчивости» (1913), подвергнувшемуся переформулировке во втором издании (1918). В работах после 1918 года Фрейд полностью отказался от попытки ввести в научный обиход термин «парафрения»).

Абрахам очень убедительно показал, что отвращение либидо от внешнего мира является особенно характерной чертой раннего слабоумия. Из этой особенности мы заключаем, что подавление производится с помощью устранения либидо. Здесь мы вновь можем рассматривать галлюцинации о насилии как борьбу между подавлением и попыткой возврата с помощью возвращения либидо на его объекты. Юнг, с необычайной аналитической проницательностью, заметил, что бред и моторные стереотипы, сопутствующие этому расстройству, являются остатками бывших объектных катексисов, за которые пациент хватается с великим упорством. Эта попытка возврата, которую наблюдатели ошибочно принимают за саму болезнь, не использует, в отличие от паранойи, проекцию, а прибегает к галлюцинаторному (истерическому) механизму. Это один из двух крупных аспектов, по которым раннее слабоумие отличается от паранойи; и это отличие можно объяснить генетически, с помощью другого подхода (Генетическое объяснение различий даётся ниже тремя предложениями и сводится оно к наличию особой предрасполагающей фиксации в случае Dementia praecox) . Второе отличие проявляется в исходе болезни в тех случаях, когда процесс не оказался слишком ограниченным. Прогнозы, в любом случае, менее благоприятны, чем при паранойе. Победа остаётся за подавлением, а не за реконструкцией, как в последней. Регрессия происходит не просто до нарциссизма, (что проявляется в форме мегаломании) а до полного отхождения от объектной любви и возвращения к детскому аутоэротизму. Dispositional фиксация поэтому должна располагаться на гораздо более раннем этапе, чем при паранойе, где-то в начале пути развития от аутоэротизма к объектной любви. Более того, совершенно не похоже, чтобы гомосексуальные импульсы, которые так часто - может быть, даже неизменно - обнаруживаются при паранойе, играли такую же важную роль в этиологии такого гораздо более обширного заболевания, как раннее слабоумие.

Наши гипотезы относительно dispositional фиксаций при паранойе и парафрении позволяют с лёгкостью заметить, что болезнь может начаться с параноидных симптомов, но

далее может развиться в раннее слабоумие, и что параноидные шизофренические феномены могут смешиваться в любых пропорциях. И мы можем понять, как может развиться такая клиническая картина как у Шребера, и что она заслуживает названия параноидное слабоумие, так как в своей продукции страстных фантазий и галлюцинаций она проявляет парафренические черты, хотя по своему источнику, своему использованию механизма проекции и своему исходу она демонстрирует параноидный характер. Так как возможна ситуация, при которой сразу несколько фиксаций отстают в процессе развития, и каждая из них по очереди способна вызвать взрыв устранённого либидо - начиная, возможно, с более поздних фиксаций, и постепенно переходя с развитием болезни к более ранним, расположенным ближе к отправной точке (Случай такого рода, переход истерии в невроз навязчивости, играет важную роль в статье «Предрасположенность к неврозу навязчивости») . Было бы очень интересно знать, какие обстоятельства обусловили относительно благополучный исход данной болезни; так как вряд ли можно приписать всю ответственность за исход чему-то столь обычному, как “перевода на более высокую должность”, произошедшему после отъезда пациента из клиники доктора Флехьсига. Но наше недостаточное знакомство с деталями истории болезни не дают возможности ответить на этот интересный вопрос. Тем не менее, можно подозревать, что то, что позволило Шреберу примириться со своей гомосексуальной фантазией, и таким образом дало его болезни завершиться чем-то похожим на выздоровление, это тот факт, что его комплекс отца был в основном позитивно окрашен и что в реальной жизни в последние годы их отношения с идеальным отцом не были ни чем омрачены.

Так как я не боюсь ни чужой, ни собственной критики, у меня нет мотивов избегать упоминаний о сходстве, которое, возможно, повредит моей теории либидо в глазах многих моих читателей. Шреберовы “лучи Бога”, которые сделаны из конденсации солнечных лучей, из нервных волокон и из спермиев, являются ничем иным, как конкретным представлением и проекцией вовне либидных катексисов; и таким образом, они придают его бреду удивительную согласованность с нашей теорией. Его убеждение, что мир должен пережить свой крах , потому что его эго притягивало к себе все лучи, его повышенная тревожность в более поздний период, во время процесса реконструкции, по поводу того, как бы Бог не перерезал их с ним лучевую связь, -- эти и многие другие детали фантастического построения Шребера звучат почти как эндопсихические перцепции процессов, существование которых я на этих страницах принял за основу нашего истолкования паранойи. Тем не менее я могу призвать своих друзей и коллег в качестве свидетелей того, что я сперва построил свою теорию паранойи, а затем уже познакомился с Мемуарами Шребера. Будущему предстоит решить, не больше ли фантастики в моей теории, чем мне было бы приятно признать и не больше ли правды в фантазиях Шребера, чем другие это пока кажется остальным людям.

И под конец, я не могу завершить эту работу, которая вновь является лишь фрагментом некоего большего целого, без того, чтобы предвосхитить два основных тезиса, к установлению которых либидная теория неврозов и психозов постепенно приближается: а именно, что неврозы в основном из конфликта между эго и сексуальным инстинктом, и что формы, которые принимают неврозы, сохраняют след от пути, по которому развивалось либидо - и эго.

Постскриптум. (1912[1911])

Разбирая историю болезни президента сената Шребера , я намерено ограничился минимумом интерпретации; и я уверен, что любой читатель, знакомый с психоанализом, вынес из этого материала больше, чем то, что я в явном виде утверждал, и что он без труда сведёт одно с другим и придёт к выводам, на которые я лишь намекал. По счастливому стечению обстоятельств, тот же номер того периодического издания, в котором была

опубликована моя статья, показал, что и внимание некоторых других авторов обращалось к автобиографии Шребера и подсказал, как много материала ещё предстоит собрать из символического содержания фантазий и заблуждений этого одарённого параноика (См. Юнг (1911) и Шпильрейн (1911)).

С тех пор, как я опубликовал свою работу о Шребере, случайно полученная информация дала мне возможность более адекватно оценить одно из его фантастических убеждений и понять, насколько сильно оно основано на мифологии. Я уже упомянул особое отношение пациента к солнцу, и пришёл к истолкованию солнца как сублимированного “символа отца”. Солнце имело обыкновение беседовать с ним по-человечьи и так открыло ему, что оно - живое существо. Шребер имел привычку оскорблять его и угрожать ему; более того, он заявляет, что когда он стоял лицом к нему и говорил вслух, лучи солнца бледнели перед ним. После своего “возврата” он хвастается тем, что может спокойно смотреть на него, так что оно лишь слегка его слепит, то есть то, что прежде ему не удавалось.

Именно с этой фантастической привилегией быть способным смотреть на солнце и не слепнуть, и связан мифологический интерес. Мы читаем у Райнаха, что естественные историки античности приписывали эту способность только орлу, который, будучи обитателем высших воздушных сфер, оказался в особенно близких отношениях с небом, солнцем и молнией (На самых высоких местах храмов находились картины орлов, которые служили в качестве «магического» громоотвода). Более того, из того же источника мы узнаём, что орёл подвергает своих птенцов следующему тесту, прежде, чем признать в них законное потомство. Если им не удаётся смотреть на солнце не мигая, их вышвыривают из гнезда.

Не может быть сомнений в значении этого животного мифа. Разумеется, это всего лишь приписывание животным того, что является освящённым обычаем среди людей. Процедура, проводимая орлом с его птенцами, является испытанием, тестом на происхождение, который описан у разнообразных народов античности, «ордаль» ((с лат.) суд Богов. Метод выявления виновного при отсутствии надёжных доказательств. Исход применения довольно сомнительного средства доказательства считался авторитетным мнением Бога). Таким образом кельты, жившие по берегам Рейна, погружали своих новорожденных в воды реки, чтобы удостовериться были ли они и вправду их детьми. Клан Псилли, обитавший в современном Триполи, хвастался своим происхождением от змей и приводили своих детей в контакт с ними; тех, кто были законнорожденными детьми клана, змеи или не кусали, или кусали, но те быстро оправлялись от укусов. Допущение, лежащее в основе этих испытаний уводит нас вглубь тотемического мироощущения первобытных людей. Тотем - зверь, или природная сила, воспринимаемая анимистически, к которым племя возводит свою родословную - щадит членов племени как собственных детей, так же как он сам почитается и не истребляется ими как их предок. Так мы подошли к обсуждению предмета, который, как мне кажется, может позволить создать психоаналитическое объяснение происхождения религии (Вскоре Фрейд действительно осуществляет такой психоаналитический подход в работе «Тотем и табу» (1912-13)).

Таким образом, орёл, заставляющий своих птенцов смотреть на солнце и требующий от них, чтобы оно их не слепило, ведёт себя так, словно он является потомком солнца и подвергает своих детей проверке на принадлежность роду. Когда Шребер хвастается, что может смотреть на солнце, так что оно его не ранит и не слепит, он переоткрывает мифологический способ выражения своей родственной связи с солнцем и вновь подтверждает нашу догадку, что солнце является символом отца. Следует помнить, что во время болезни свободно выражал гордость своей семьёй, («Шреберы относятся к наивысшему небесному дворянству») (24)) и что он находил в своей бездетности человеческий мотив для заболевания страстной фантазией о превращении в женщину.. Так связь между его фантастической привилегией (права смотреть на солнце, не испытывая при этом ослепления его лучами) и основой его болезни становится очевидной.

Этот короткий постскриптум к моему анализу пациента-параноика может послужить

доказательством того, что Юнг имел все основания для своего заявления, что мифопоэтические способности человечества ещё не исчезли, но что до сегодняшнего дня благодаря ним происходит возникновение в неврозах тех же психических продуктов, что и в давно прошедшие века. Я хочу вернуться к предположению, сделанному мною самим некоторое время назад («Навязчивые действия и религиозные предписания» (1907)) , и добавить. Что то же самое верно в отношении сил, которые создают религии. И я придерживаюсь мнения, что скоро придёт время, когда мы сможем распространить этот давно пропагандировавшийся психоаналитиками тезис и завершить. То, что до сих пор имело лишь индивидуальное и онтогенетическое приложение прибавлением его антропологического компонента, который следует рассматривать филогенетически. “Во снах и в неврозах”, так утверждал наш тезис, “мы вновь встречаемся с ребёнком и с особенностями, характерными для его способа мышления и его эмоциональной жизни.” “И мы также встречаемся с дикарём,” можем мы теперь прибавить, “с первобытным человеком, каким он предстаёт перед нами в свете исследований по археологии и этнологии”.

Классические случаи Фрейда. Дальнейшая судьба пациентов
Мартин Гротьян

МЕМУАРЫ «ЧЕЛОВЕКА-ВОЛКА»

«Человек-волк», знаменитый пациент (1910—1914) Зигмунда Фрейда, прожил до преклонных лет в Вене. Воспоминания о своем детстве в царской России составляют первую главу книги «Человек-волк о человеке-волке».

Жизнь в России, семейное окружение, сказочное богатство, психопатология семьи — все это описывается в мемуарах, изданных Муриэль Гардинер. Она была самым близким другом «человека-волка», в течение многих лет заботливо опекавшим его, после того как он прошел курс психоанализа у Фрейда.

Одиссея его жизни началась в России, затем он скитался по всей Европе, консультируясь чуть ли не у каждого знаменитого психиатра (в том числе у Крепелина в Мюнхене и Циена в Берлине), пока наконец не начал проходить психоаналитическое лечение у Фрейда. «Человек-волк» рассказывает о своей жизни после первой мировой войны и русской революции, своей борьбе с нищетой и голодом, о самоубийстве отца и сестры и, наконец, об окончательной катастрофе — суициде любимой жены.

Это история умеющего плохо считать страхового служащего, всю свою жизнь перебивающегося в нужде, особо не жалуясь и возлагая все надежды на пенсию, которая спустя тридцать лет становится для него реальностью.

Во второй части автобиографии «человек-волк» делится своими воспоминаниями о Зигмунде Фрейде. Он дает нам интересное описание фрейдовской работы в период с 1910 по 1914 год. Затем следуют знаменитое сообщение Фрейда «Из истории одного детского невроза» и «Дополнение к фрейдовской "Истории одного детского невроза"» Рут Мак-Брунсвик, которая после рецидива болезни «человека-волка» в 1926 году взялась за его психоаналитическое лечение. К тому времени из-за ипохондрического страха по поводу своего носа он стал практически нетрудоспособен.

После второго курса психоанализа его часто навещала Муриэль Гардинер, описавшая процесс его старения. Ее мемуары вызвали дискуссию о психиатрическом диагнозе «человека-волка».

Сегодня этот случай скорее был бы классифицирован как «пограничный синдром» или по крайней мере как тяжелое нарциссическое расстройство личности, придавая тем самым психосоциальному нарушению пациента большее значение, чем это делал сам Фрейд,

который встречался с «человеком-волком» в период двух разных фаз болезни: в первый раз столкнувшись с тяжелой формой невроза навязчивых состояний, а пять лет спустя (1919) — со стойким истерическим заиканием. Хотя Фрейд лечил взрослого пациента, основываясь на полученных сведениях, он сумел реконструировать предшествовавшее во времени нарушение, возникшее в детском возрасте: сначала это был страх волков, за которым последовал продолжавшийся до десяти лет невроз навязчивых состояний.

После смерти жены второй раз «человека-волка» консультировала Рут Мак-Брунсвик; в дальнейшем, вплоть до последних дней жизни, он обращался за помощью к самым разным психиатрам и психоаналитикам. Он пережил несколько раз тяжелую депрессию, и большую часть жизни его не оставляли навязчивые сомнения. На протяжении пятнадцати лет он заботился о своей матери, дожившей до 90-летнего возраста.

Мемуары «человека-волка» проясняют многие аспекты развития психоанализа. В них наглядно описываются взгляды пациента, стиль его жизни, его анализ и его аналитик, излагается точка зрения Фрейда относительно его пациента и его детского невроза, кроме того, приводится описание его последующего заболевания и продолжения лечения другим психоаналитиком. Новая перспектива возникает благодаря заботливой подруге «человека-волка», Муриэль Гардинер (и Мари Бонапарт).

Возможно, критики психоанализа могут расценить эти мемуары как единственное свидетельство в пользу психоанализа как терапевтического метода и вынести вердикт: «Ничего не доказано». Тем не менее они представляют собой бесценный документ для истории психоанализа. Кроме того, в психологическом отношении необычайно интересно проследить за историей жизни и болезни этого человека. Благодаря фрейдовским стараниям этот случай стал краеугольным камнем психоанализа (см. также статью П. Куттера).

МЕМУАРЫ ОБ АННЕ О.

За мемуарами «человека-волка» следует совершенно иного рода исследование другого классического случая психоанализа. В появившейся в 1963 году книге «Берта Паппенгейм: жизнь и творчество» Дора Эдингер рассказывает историю Анны О. Автор, близкая в течение всей жизни подруга Берты Паппенгейм, обладала всеми данными, чтобы написать эту биографию. Однако речь здесь не идет о психоаналитическом исследовании как в случае «человека-волка».

Мы не узнаем ничего нового о семейном окрркении или раннем детстве Берты. Об отношении этой женщины к Йозефу Брейеру, значении истории ее болезни для Зигмунда Фрейда и зарождении психоанализа рассказывается менее чем на одной странице. Автор раскрывает там, не обладая, однако, на это правом, подлинное имя пациентки «фрейлейн Анны О.» (с. 12).

Во всех опубликованных ею работах Берта Паппенгейм лишь один раз высказывается о психоанализе: психоанализ в руках врача подобен исповеди католическому священнику — все зависит от того, кто и как его использует, он в этом смысле похож на хороший резец или обоюдоострый меч.

После всего, что удалось реконструировать, а также согласно мнению Фрейда и Брейера, у Берты Паппенгейм была тяжелая истерия. После лечения у Брейера пациентка еще долгие годы была тяжело больна, хотя первоначальные симптомы конверсионной истерии больше не наблюдались. Неизвестно, каким образом пациентка сумела адаптироваться к жизни. И все же нормальная сексуальность и полноценный мир женских чувств так и остались ей недоступны'.

Как мы уже знаем от Эрнеста Джонса, Анна О. осталась незамужней. Она прожила долгую жизнь (1859—1936), став бесстрашным и неутомимым борцом за эмансипацию еврейских женщин во всем мире. Полная энергии, она боролась с «белым рабством» и другими формами проституции, а также с нищетой и туберкулезом. Она выступала за права

и счастье женщин. Анна О. умерла в Германии, незадолго до того, как нацистский режим обратил на нее внимание.

Книга содержит отдельные цитаты из ее трудов, писем, путевых заметок, некоторые стихотворения и молитвы, наброски сообщений о собственной смерти (например «еврейская мировая община должна была быть благодарна за ее общественную деятельность. Ее больше нет. Жаль»). В книге имеются три фотографии: на них Анна О. изображена в молодом возрасте в период, когда она проходила лечение у Брейера, а также в возрасте 77 лет — эффектная, дружелюбная, веселая и по-прежнему красивая дама. Вторая биография Берты Паппенгейм, «История Анны О.» Люси Фриман, вышла в 1972 году (датирована 1973-м). Автор, сумевшая учесть множество подробностей, о которых ей рассказала Дора Эдингер, не включив их в свою книгу, предполагает, что Берта Паппенгейм, подруга и дальняя родственница невесты Фрейда, вызвала у него, хотя он никогда ее, скорее всего, не видел, воспоминания о его матери (см. также статью А. Грина).

«МАЛЕНЬКИЙ ГАНС» — ВЗРОСЛЫЙ ЧЕЛОВЕК

В одном интервью, которое «маленький Ганс» назвал «Воспоминаниями человека-невидимки», он раскрывает свое настоящее имя: Герберт Граф (род. в 1903 году в Вене). В своих воспоминаниях он возвращается к полувековой работе в театре и опере, имевшей необычайный успех во многих странах, а также к трем написанным им книгам и многочисленным эссе о постановках оперы.

Он дает краткий и в то же время столь меткий комментарий к своему анализу у Фрейда, что мы воспроизводим его здесь без всяких сокращений. В своем рассказе он упоминает отца, Макса Графа, музыковеда, дирижера и переводчика Ромена Роллана, который входил в круг -близких Фрейду людей и был защитником его теорий. В своей работе «Вагнер в «Летучем голландце"» он первым применил психоаналитические методы к изучению творческих процессов.

«Когда я был еще совсем маленький, у меня возник невротический страх лошадей. Фрейд обследовал меня, а затем начал лечение, привлекая моего отца как посредника. Он использовал своего рода игру в вопросы и ответы, ставшую впоследствии классическим методом в детской психиатрии. Фрейд описал мое лечение в работе "Анализ фобии пятилетнего мальчика" (1909). Будучи первым случаем применения психоаналитической техники к детскому неврозу, история "маленького Ганса", как всем известно, до сих пор является классической работой в этой области.

Я ничего больше не мог припомнить из того времени, пока год спустя не нашел эту статью в рабочем кабинете моего отца и в моей памяти не всплыли некоторые имена и места, которые Фрейд оставил без изменения. В состоянии огромного возбуждения я позвонил великому доктору с Берггассе и представился ему "маленьким Гансом". За своим письменным столом Фрейд напоминал одного из тех бородатых греческих философов, бюсты которых я видел в школе. Он встал, сердечно обнял меня и сказал, что трудно представить себе лучшее доказательства правоты своих теорий, чем видеть здорового, счастливого 19-летнего человека, которым я стал».

Как уже говорит название работы, «маленький Ганс» страдал фобией, выражавшейся в том, что он не решался выходить из дома, опасаясь быть задавленным лошадью. К этому симптому в возрасте четырех лет и девяти месяцев, спустя девять месяцев после рождения сестры, добавились тяжелые состояния страха общего характера. При лечении Фрейд и отец ребенка работали также с материалом, который мальчик продуцировал в процессе спонтанной игры. Таким образом, лечение, проведенное Фрейдом, стало предшественником детского психоанализа, который в дальнейшем разрабатывали Термине фон Хуг-Хельмут и прежде всего Мелани Кляйн и Анна Фрейд (см. также статью Й. Шторка).

СМЕРТЬ ДОРЫ — СООБЩЕНИЕ ФЕЛИКСА ДОЙЧА

Опубликовав «Фрагмент анализа одного случая истерии» (1905), Фрейд очень беспокоился о том, чтобы настоящее имя Доры не было предано гласности. Он заявил, что долго колебался по поводу публикации и все же решил сообщить об этом случае как можно более осторожно, и он надеется, что Дора никогда не узнает о публикации. В более позднем послесловии Фрейд написал, что узнал о смерти Доры в Нью-Йорке.

В 1957 году Феликс Дойч сообщил, что на конгрессе в Берлине в 1922 году рассказал Фрейду о том, как он лечил Дору в Америке.

Осенью 1922 года Феликса Дойча вызвали к одной пациентке, которая страдала синдромом Меньера. Пациентка оказалась замужней 42-летней женщиной, у которой наблюдались сильно выраженные симптомы этой болезни и приступы мигрени. Она пожаловалась на равнодушие мужа, на неудачный брак и поведала о своей тревоге из-за единственного сына. Ее беспокоило то, что сын стал интересоваться девушками, и она не может заснуть, постоянно поджидая, когда он вернется домой.

В процессе составления анамнеза с использованием техники свободных ассоциаций, рассказав об отце, своей ситуации и собственной сексуальной травме, пациентка вдруг спросила, не знает ли он, Феликс Дойч, профессора Фрейда, после чего призналась ему, что она «Дора». После консультации у Фрейда и продолжавшегося в течение трех месяцев психоанализа она не посетила больше ни одного психиатра. Она была очень горда тем, что ее случай стал знаменитым, и вспомнила о своих снах и фрейдовских толкованиях. Феликс Дойч ограничился тем, что истолковал ее симптом болезни Меньера, связав его с отношением к сыну и желанием постоянно прислушиваться, пока он не вернется домой. Ему это напомнило самую первую сцену, когда она подслушивала своего отца, точно так же как теперь прислушивалась к шагам сына.

Феликс Дойч встретился с пациенткой еще раз. Симптом Меньера исчез, ее враждебные чувства по отношению к мужу стали выражаться открыто. Ей было 18 лет, когда ее лечил Фрейд, и 42, когда увидел Дойч. Спустя несколько лет Феликс Дойч узнал о ее смерти.

Всю жизнь ее сопровождали симптомы: навязчивое желание подтягивать ноги и чрезмерное стремление к чистоте. Ее стойкие запоры не позволили врачу своевременно распознать медленно растущую карциному прямой кишки, от которой пациентка в конечном счете и умерла.

После долгого и тягостного брака ее мрк умер от инфаркта, так же как и ее брат. Всю свою богатую приключениями жизнь, которая занесла ее из Австрии во Францию, а оттуда в Америку, пациентка защищала все свои симптомы. Ее сын достиг больших успехов и стал знаменитым. Сама же она, как вспоминает доктор Дойч, была «одной из самых отвратительных истеричек», которых он когда-либо знал (см. также статью А. Грина).

ПОСЛЕСЛОВИЕ К СЛУЧАЮ ШРЕБЕРА

После того как в 1911 году Фрейд провел свой знаменитый анализ воспоминаний председателя судебной коллегии Шребера (которого, однако, сам он никогда не видел), этот случай наряду со случаем «человека-волка» вызвал огромный интерес психоаналитиков. Он был сыном врача Даниэля Пауля Шребера, духовного отца шреберовских садов, автора многочисленных медицинских книг и изобретателя разнообразных механических аппаратов.

Многие аналитики, например Мелани Кляйн и Морис Катан, постоянно возвращались к фрейдовской реконструкции динамики болезни Шребера, высказывали свое мнение и вносили корректировку.

Первый необычайно важный материал был обнаружен Францем Баумейером и

опубликован им в 1955 году в журнале «Псюхе». Баумейер являлся главным врачом сельской клиники нервных болезней в Арнсдорфе неподалеку от Дрездена, где хранились многие старые истории болезни из тогдашней лечебницы Зонненштайн близ Пирны. Среди них обнаружились отчеты и копии историй болезни Шребера, а также письма его родных. Его сестра, Клара, по всей видимости, была весьма развитым человеком, тогда как жена, пожалуй, примитивна, инфантильна и беспомощна. Мать, похоже, никогда ему не писала.

Из записей явствует, что болезнь началась с тяжелой ипохондрии. Когда брат Шребера умер от паралича, у него возник страх, что и он сам может заболеть этой болезнью.

Начало первого заболевания Шребера связано с неудачной попыткой баллотироваться в рейхстаг.

Второе заболевание (1893), которое описывается в мемуарах, возникло после того как Шребер был назначен председателем коллегии дрезденского суда. В то время он испытывал на себе огромное давление, поскольку почти все члены коллегии, пять судей, находившихся в его подчинении, были не только старше Шребера, но и имели больший опыт.

Баумейер опубликовал *записи* о госпитализации Шребера в период с 8 декабря 1884 по 1 июня 1885 года. Второй раз он поступил в больницу 31 ноября 1893 года и пробыл там до декабря 1908-го — тогда ему был поставлен диагноз «Dementia praecox paranoides». Шребер умер 14 апреля в возрасте 65 лет, после того как последние четыре года вновь провел в лечебнице.

Еще один важный вклад в исследование этого случая внесли два британских аналитика, Ида Мелкапайн и Ричард Хантер, которые перевели «Мемуары о моем нервном заболевании» Даниэля Пауля Шребера, а также написали вступление и примечания к этой книге (Malcapine, Hunter 1955). В результате теперь мы имеем возможность придерживаться фрейдовской рекомендации и, *читая* его толкование, исследовать этот случай.

Третья научная работа по поводу случая Шребера была написана нью-йоркским психоаналитиком Уильямом Нидерлендом. Его исследования основываются отчасти на материалах Баумейера и, кроме того, на подробном исследовании личности отца Шребера (Niederland 1951, 1959, 1960), который был не только врачом, но и автором более 20 книг и многочисленных статей. Возможно, Фрейд был в курсе дела относительно странностей отца, и можно предположить, что в 1911 году, когда вышла книга, он предпочел оставить в стороне эти детали. Самой известной книгой Шребера-отца была «Книга о воспитании души и тела» (1882), в которой, преисполненный отцовской гордости, он заявил, что все описанные в ней принципы воспитания с наилучшими результатами он испытал на своих детях. Он ратовал за строжайшую дисциплину уже на первом году жизни ребенка. Навязчивым образом он беспокоился об осанке детей и разрабатывал аппараты, с помощью которых достигалась необычайно прямая осанка в сидячей и лежачей позе, при ходьбе, во время сна, и рекомендовал их для детей в возрасте двух—восьми лет. Особенно он подчеркивал, что эти замечательные ортопедические приспособления можно не снимать даже во время сна. Нидерленд демонстрирует изображения этого сделанного из железа и кожи и вызывающего истинный ужас аппарата, который выглядит словно орудие пыток времен инквизиции. Шребер рекомендовал дисциплинарные меры, включая телесное наказание, за малейшие проступки детей самого нежного возраста. Современный читатель, наверное, представляет себе, что если побоями можно сделать из ребенка шизофреника, то таков и есть примерный путь к этому. Нидерленд обнаружил в Германии биографический материал, свидетельствующий о том, что отец Шребера в пожилом возрасте страдал определенными расстройствами из-за травмы головы. Некоторые из публикаций Нидерленда дали противникам фрейдовского анализа повод говорить, что его интерпретации оказались ошибочными. Ни один из этих упреков, однако, не является обоснованным. Вся новая информация скорее подтверждает фрейдовское толкование. Правда, могут возразить, что многое из того, что Фрейд считал болезненной фантазией пациента, основывалось на случившемся с отцом и его болезненных фантазиях. Возможно, какая-то часть опубликованного только сейчас материала была известна Фрейду и он прямо или косвенно

использовал ее в своей работе. Случай Шребера по-прежнему остается межевым камнем того, что мы называем сегодня «психодинамической терапией». Он сделал возможным аналитическое понимание шизофренического процесса. Фрейдовская работа с самого начала имела репутацию классического исследования; таковой она остается и поныне (см. также статью В. Бистера в т. II).

Еще об одном знаменитом пациенте, которого лечил и мастерски изобразил Фрейд в «Заметках об одном случае невроза навязчивости» (1909), «человеке-крысе», к сожалению, не известно ничего нового.

И наоборот, за это время появилось огромное количество нового материала о том «случае», который для Фрейда и психоанализа был, наверное, самым поучительным: о самом Фрейде.

Без самоанализа, начатого летом 1897 года, ему бы, наверное, никогда не удалось так близко подобраться к бессознательному и тем самым понять сокровенные мотивы пациентов. Только спустя три года после анализа сновидения об «инъекции Ирме» он занялся случаем «Доры».

О многочисленных публикациях, в которых авторы пытаются пролить свет на оставленные самим Фрейдом темные пятна в биографии, рассказывается в статье «Фрейд в зеркале биографов» М. Гротьяна и Ю. фом Шайдта.

ЛИТЕРАТУРА

Baumeyer, F.: Deutsch, F.:
Edinger, L.: Freeman, L.: Freud, S.:
Gardiner, M.:
Graf, H.:
Malcapine, I., Hunter, A.: Niederland, W. G.:
Schreber, D. G. M.:
Der Fall Schreber. Psyche, 9, 1955, 513-536
A Footnote to Freud's «Fragment of an Analisis of a Case of Hysteria». Psa. Quart., 26,1957, 159-167
Bertha Pappenheim. Leben und Schriften. Frankfurt/M.: Ner-Tamid 1963 The Story of Anna O. New York: Walker Co. 1972
Studien ber Hysterie (1895). G. W. I Bruchstck einer Hysterie-Analyse (1905). G. W. V
Analyse der Phobie eines fnfj;hrigen Knaben (1909). G. W. VII Bemerkungen ;ber
einen Fall von Zwangsneurose (1909). G.W. VII Psychoanalytische Bemerkungen ;ber
einen autobiographisch beschriebenen Fall von Paranoia (Dementia Paranoides) (1911).
G. W. VlII Aus der Geschichte einer infantilen Neurose (1918). G. W. XII
The Wolf-Man by the Wolf-Man. Erg;nzt von R. Mack Brunswick. New York: Basic Books 1971
Memoirs of an Invisible Man — III, Herbert Graf Recalls Fifty Years of Theatre: A
Dialogue with Francis Rizzo (A Recollection of the Little Hans). Opera News, 5. 2. 1972
Schreber, Memoirs of My Nervous Illness. London: Dawson 1955
Three Notes on the Schreber Case. Psa. Quart., 20,1951, 579-591
Schreber: Father and Son. Psa. Quart., 28,1959,151-169
Schreber's Father. J. Am. Psa. Ass., 8, I960, 492-499
Denkwrdigkeiten eines Nervenkranken. Leipzig 1903